

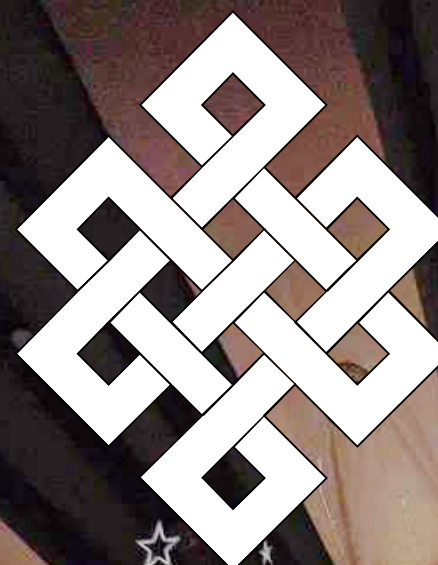
Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№4
2024**

ISSN 2079-8482

**НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ**

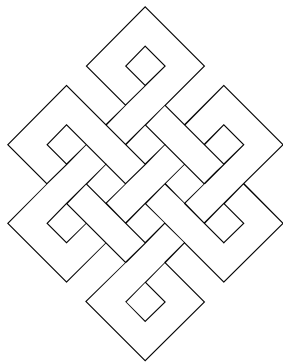
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2024

№ 4

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2024

№ 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет
 имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Бахтикиреева У. М. (Россия) Георгий Гачев и его метод мышления: меняя человека и мир 6

Кучукова З. А., Бауаев К. К., Берберова Л. Б. (Россия) Георгий Гачев как исследователь тюркского мира 20

Валуицева И. И., Хухуни Г. Т. (Россия) Основные понятия лингвофилософской концепции Г. Д. Гачева с позиций лексико-семантического анализа и корпусной лингвистики 34

Боргоякова Т. Г., Лопсан А. П. (Россия) Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе 46

Шафранская Э. Ф. (Россия), Гарипова Г. Т. (Россия), Шаймерденова Н. Ж. (Казахстан) Амбивалентный миф о Туве XX века 61

Арзамазов А. А., Должикова А. В. (Россия) Репрезентация визуального в романах Амирхана Еники и Олега Саган-оола 76

Чеснокова О. С., Радбиль Т. Б. (Россия) Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) 92

Шингарева М. Ю., Орынбетова Э. А., Мезенцева Е. С., Дмитриук Н. В., Темирбекова Г. А. (Казахстан) Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии 110

Ибрагимов М. И., Загидуллина Д. Ф. (Россия) Татарская литература начала XX века сквозь призму теории Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур 127

Поморцева Н. В. (Россия), Красильникова С. В. (Россия), Апакина Л. В. (Россия), Эрнисова А. Э. (Кыргызстан) Стратегии конструирования идентичности путешественников – русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского по Монголии 138

Аминева В. Р. (Россия), Шаймердинова Н. Г. (Казахстан) Концепт *моң* как элемент татарского Космо-Психо-Логоса: интеллектуальный и поэтический дискурсы 154

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Новикова М. Л., Новиков Ф. Н. (Россия) Сохранение языкового и культурного наследия тувинского этноса в цифровую эпоху 173

Хилханова Э. В., Цыбенова Ч. С., Иванов В. В. (Россия) Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) 188

Натсак О. Д. (Россия) Проблемы бедности неполных семей в Туве 204

Рязанцев С. В. (Россия), Ростовская Т. К. (Россия), Васильева Е. Н. (Россия), Сулейманлы А. (Турция) Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.) 221

Ростовская Т. К. (Россия), Натсак О. Д. (Россия), Ягодка Н. Н. (Россия), Еламанова А. С. (Казахстан) Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ ...238

Пригарин А. А., Стороженко А. А. (Россия) «Енисейский меридиан» староверия: методы исследования этноконфессиональной среды 259

Мамышева Е. П., Гергилев Д. Н., Луцаева Г. М. (Россия) Педагогические династии Енисейской Сибири (на материалах Хакасии, Тувы, Красноярского края) 278

Монгуш С. Д., Биче-оол С. Х., Бондаренко О. В., Комбу А. М. (Россия) История исследований nomадного животноводства в Туве (обзор литературы) 295

ГОЛОСА АЗИИ

Ерекешева Л. Г. (Казахстан) Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии 310

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Zhakupova G. T. (Kazakhstan), Sydykova A. A. (Kazakhstan), Donninghaus V. (Germany), Elle V. Zh. (Kazakhstan) Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and features of the developed E-Doc Complex website 325

Данилов И. А., Захарова Н. Е., Захарова А. Е. (Россия) Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии 348

Валиахметов Р. М., Ломанова А. К., Абылкаликов С. И. (Россия) Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959-2021 гг.) 360

CONTENTS

SPECIAL THEME

Bakhtikireeva U. M. (Russia) Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World 6

Kuchukova Z. A., Bauayev K. K., Berberova L. B. (Russia) Georgiy Gachev as a researcher of the Turkic world ... 20

Valuytseva I. I., Khukhuni G. T. (Russia) The basic concepts of G. D. Gachev’s linguophilosophical theory from the perspective of lexico-semantic analysis and corpus linguistics 34

Borgoiakova T. G., Lopsan A. P. (Russia) Gender issues in the Tuvan Internet Discourse 46

Shafranskaya E. F. (Russia), Garipova G. T. (Russia), Shaimerdenova N. Zh. (Kazakhstan) The ambivalent myth of Tuva in the twentieth century 61

Arzamazov A. A., Dolzhikova A. V. (Russia) Visual representations in the novels of Amirkhan Yeniki and Oleg Sagan-ool 76

Chesnokova O. S., Radbil T. B. (Russia) Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (using the examples of Tuvan, Russian, and Colombian riddles) 92

Shingareva M. Yu., Orynbetova E. A., Mezentseva E. S., Dmitryuk N. V., Temirbekova G. A. (Kazakhstan) Reflection of National Worldviews in the Zoonymic Phraseology and Paremiology of Tuvans, Kazakhs, Russians, and Englishmen 110

Ibragimov M. I., Zagidullina D. F. (Russia) Tatar literature of the early 20th century through the vision of G. D. Gachev’s theory of the accelerated development of literature 127

Pomortseva N. V. (Russia), Krasil’nikova S. V. (Russia), Apakina L. V. (Russia), Ernisova A. E. (Kyrgyzstan) Strategies for constructing the identity of travelers — Russian nobles N. M. Przhevsky and A. M. Ossendovsky in Mongolia 138

Amineva V. R. (Russia), Shaimerdinova N. G. (Kazakhstan) The concept of moñ as an element of the Tatar Cosmo-Psycho-Logos: intellectual and poetic discourses 154

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Novikova M. L., Novikov F. N. (Russia) Preserving linguistic and cultural heritage of the Tuvan ethnos in the digital era 173

Khilkhanova E. V., Tsybenova Ch. S., Ivanov V. V. (Russia) Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude) 188

Natsak O. D. (Russia) Problems of poverty of single-parent families in Tuva 204

Ryazantsev S. V. (Russia), Rostovskaya T. K. (Russia), Vasilieva E. N. (Russia), Süleymanly E. (Turkey) Dynamics of transformation of economic activity of the population in the Republic of Tuva (2016–2022) 221

Rostovskaya T. K. (Russia), Natsak O. D. (Russia), Yagodka N. N. (Russia), Yelamanova A. S. (Kazakhstan) Modern studies of the Tuvan family: problem-thematic and methodological analysis 238

Prigarin A. A., Storozhenko A. A. (Russia) “Yenisei Meridian” of the Old Believers: methods of research of the ethno-confessional environment 259

Mamysheva E. P., Gergilev D. N., Lushchaeva G. M. (Russia) Pedagogical dynasties of Yenisei Siberia (on the materials of Khakassia, Tuva, Krasnoyarskiy kray) 278

Mongush S. D., Bondarenko O. V., Biche-ool S. Kh., Kombu A. M. (Russia) The history of nomadic animal husbandry research in Tuva (review) 295

VOICES OF ASIA

Yerekesheva L. G. (Kazakhstan) Intellectual Discourse of Nationbuilding: Nationalism and History Writing in India 310

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Zhakupova G. T. (Kazakhstan), Sydykova A. A. (Kazakhstan), Donninghaus V. (Germany), Elle V. Zh. (Kazakhstan) Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and features of the developed E-Doc Complex website 325

Danilov I. A., Zakharova N. E., Zakharova A. E. (Russia) The symbolic power of the Evenk language in the context of the stability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia 348

Valiakhmetov R. M., Lomanova A. K., Abylkalikov S. I. (Russia) Comparative analysis of demographic dynamics in the context of human development in Bashkortostan and Tatarstan (1959–2021) 360

Специальная тема
«Космо-Психо-Логос тувинцев
и других народов
тюрко-монгольского мира»

Ответственные редакторы:
кандидат химических наук
Анжела Викторовна Должикова
(Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация),
доктор филологических наук
Жансеит Кансеитович Туймебаев
(Казахский Национальный Университет
им. аль-Фараби, Республика Казахстан)

Special theme
«Cosmo-Psycho-Logos of Tuvans
and other peoples
of the Turkic-Mongolian world»

Edited by
Anzhela V. Dolzhikova,
Candidate of Chemical Sciences,
RUDN University, Russian Federation
and
Zhanseit K. Tuimebaev,
Doctor of Philology,
Al-Farabi Kazakh National University,
Republic of Kazakhstan

К 95-летию со дня
рождения Георгия
Дмитриевича Гачева

DOI: 10.25178/nit.2024.4.1

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Статья

Георгий Гачев и его метод мышления: меня человека и мир

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Статья посвящена анализу интеллектуального наследия советского ученого — феноменального литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева. Он широко известен как автор концепции ускоренного развития литературы, национальных моделей мира и исследователь связей между гуманитарным и естественно-научным знанием. Все его научно-творческие поиски получили свое словесное выражение в его неконвенциональных книгах, которые определяются его детьми как жизненно-философский дневник. Обсуждается его особый способ осмысления окружающего мира, ярко выраженный в особом стиле изложения, не подчиненном строгому жанру академического письма. Заключается, что строго иерархизированно переложить идеи Г. Д. Гачева практически невозможно, поэтому статья написана с опорой на первоисточники, а не на их переложение или критику.

Ключевые слова: Георгий Дмитриевич Гачев; национальный образ мира; Космо-Психологос; ментальность; неконвенциональный; возвышенное

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М. Георгий Гачев и его метод мышления: меня человека и мир // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Бахтикиреева Улданай Максатовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation

The article is dedicated to analyzing the intellectual legacy of the Soviet scholar Georgy Dmitrievich Gachev — a remarkable literary critic, philosopher, and cultural theorist. He is known as the author of the concept of accelerated literary development, creator of national models of the world, and an explorer of the connections between the humanities and natural sciences. All Gachev's scholarly and creative pursuits found their expression in his unconventional works, which his children characterize as a "life-philosophical diary". The article discusses Gachev's unique approach to interpreting the world around him, conveyed through a distinctive style of writing that defies the rigid conventions of academic discourse. It concludes that strictly hierarchical presentation of Gachev's ideas is nearly impossible; therefore, the article relies on primary sources rather than interpretations or critiques of his work.

Keywords: Georgy Dmitrievich Gachev; national model of the world; Cosmo-Psycho-Logos; mentality; unconventional; sublime

For citation:

Bakhtikireeva U. M. Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 6-19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Введение

1 мая 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), которого известный искусствовед Г. И. Ревзин по праву определил в ряд «самых ярких мыслителей позднесоветского времени»¹.

Глубокий и немногословный литературовед С. Г. Бочаров (1929–2017), один из четверых «бахтинских сирот»², друг Г. Д. Гачева на протяжении 60 лет, отметил: «Гачев был необыкновенное человеческое мыслящее существо. Существо вне ряда и вне сравнения и уж, конечно, вне отдельного профессионального цеха»³.

¹ Ревзин, Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024).

² «Бахтинских сирот тоже было четверо: Сергей Бочаров, Георгий Гачев и Вадим Кожинов, работавшие в отделе теоретических проблем Института мировой литературы, и Владимир Турбин, преподававший на филологическом факультета МГУ. Эти четверо <...> признали Бахтина своим учителем, добились переиздания его книг и публикации рукописей и способствовали его переезду в Москву. От Бахтина они восприняли уроки не только профессионального литературоведения, но сам дух свободного мышления и вопрошания о последних смыслах, о месте личности в культуре и языке» См.: Эпштейн М. Сергей Бочаров и «бахтинские сироты» [Электронный ресурс] // 2017, 16 марта. URL: <https://yarcenr.ru/articles/culture/sergey-bocharov-i-bakhtinskie-sirotu/?ysclid=m340n7vrsa359597214> (дата обращения: 07.09.2024).

³ См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

О самобытности Г. Д. Гачева и феноменальном его творчестве пишут его коллеги и друзья, известные литературоведы и литературные критики: И. П. Золотусский, И. Л. Волгин, С. Г. Семёнова и др.¹, и многие другие знавшие его люди, и не знавшие его лично читатели. Вероятно, иначе и не могло быть с молодым человеком, поехавшим к М. М. Бахтину в июне 1961 г. и просившим его: «Научите, как прожить жизнь чисто и абсолютно!»²

Его «главной работой» стало осмысление и описание национальных образов (моделей) мира, «постигаемых как духовное единство в богатстве национальных вариантов» (Сидоров, 1988: 4). Среди лавинообразного потока работ, посвященных этому проблемному полю, немного тех, которые продуцируют новые знания³, но и на их фоне гачевские труды отличают выпадающий из привычного ряда метод осмысления объектов и явлений мироздания и нигилизм к императиву традиционного строго-научного стиля изложения. Жанр его изложения раздражал и провоцировал недоуменные вопросы. Так об этом писал Ревзин:

«Книги Георгия Гачева читать трудно. <...> потому что они слишком неконвенциональные⁴. <...> До определенной степени некая неконвенциональность свойственна всем философам его круга, и Владимиру Библеру, и Мерабу Мамардашвили, но он пошел дальше всех именно в утверждении права на полнейшую субъективность <...>. Его работы невозможно пересказать, резюмировать, перевести в состояние философской школы, у него нет учеников, на него редко ссылаются. Но в этих текстах есть одно несомненное свойство — пока их читаешь, не покидает ощущение, что здесь что-то есть»⁵.

На самом деле, все интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева вне принципов конвенциональности, общепринятых научных традиций. Однако на него обильно ссылаются. Количество цитирований только одной книги «Национальные образы мира» и только в одной базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) сегодня приближается к тысяче⁶. Его размышления, свободные от назидательной дидактики, являются спасительными аргументами, ценными подпорками, поддерживающими в конкретном субъекте — и исследователя, и человека. «Что-то есть» в этих неконвенциональных трудах, не вмещаемых в круг традиционных определений, не облачаемых в «смирительную рубашку» конкретного жанра, автор которых свободен от диктата академического «жаргона», и вольготно пользуется самостийным правом на полнейшую субъективность в изложении собственного мироощущения.

Так, что же это «что-то»? Почему в процессе чтения гачевских книг не покидает ощущение резонирования в ответ? Почему ты вовлечен в цепную реакцию со-причастия? Ты не станешь прежним после книжных и очных встреч, от чего? На эти вопросы каждый, кто знаком с интеллектуальным наследием Г. Д. Гачева, ответит по-своему, у каждого из нас есть свое «что-то».

Известный литературный критик Е. Ю. Сидоров в предисловии к «Национальным образам мира» (Гачев, 1988), характеризуя не формальную логику гачевского метода «мыслеобраза», отметил его уникальный способ мыслить, открывающий «по дороге новые перспективы и для современной культурологии и для сравнительно-исторической поэтики» (Сидоров, 1988: 5). Соглашаясь с этим выводом, добавлю, что в совокупности труды Г. Д. Гачева имеют перспективы в гораздо большем спектре аспектуальных и синтезирующих исследований. Подобно световому лучу, проходящему через призму и превращающемуся в многоцветную полосу, интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева, преломляясь сквозь призму сознания исследователей, разноцветным шлейфом сопровождает не только работы философов и литературоведов, лингвистов и культурологов, но и влияет на их личностное бытование.

¹ Там же.

² Гачев Г. Д. «Вжиться в себя тогдашнего...» [Электронный ресурс] // Литературная газета. № 24 (6694). 2019, 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vzhitsya-v-sebya-togdashnego-/> (дата обращения: 07.09.2024).

³ См. опубликованные монографии и статьи в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» коллектива под руководством Ч. К. Ламажаа (Тувинцы. Родные ..., 2022; Тува. Родная ..., 2023; и др.).

⁴ Неконвенциональный — не являющийся общепринятым, соответствующим определённым традициям, принципам конвенциональности.

⁵ Ревзин Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024)

⁶ На 8 октября 2024 г. количество цитирований в РИНЦ — 963 (см. напр.: Федякин, 2010; Визгин, 2017; и мн. др.).

Встречи-беседы с Г. Д. Гачевым и его труды повлияли и продолжают влиять на формирование моего мировоззрения, личностного роста как человека, критически осмысляющего свое повседневное бытование, и как исследователя, нашедшего в его трудах то, что не предоставлялось найти в рамках традиционного инструментария дисциплин филологического цикла. В чем заключается актуальность интеллектуального наследия Г. Д. Гачева для меня — исследователя и преподавателя, которого до сих пор занимают вопросы, ответы на которые не находились в предлагаемой научно-учебной литературе? Поиск ответов на поставленные вопросы и является основной целью данной статьи.

Гачевское неконвенциональное и его жанр

Традиционно выделяемые исследователями три основные темы Г. Д. Гачева: концепция ускоренного развития литературы; связи между гуманитарным и естественно-научным знанием и национальные модели мира — получили свое словесное выражение в его неконвенциональных книгах. Все они выдержаны в одном жанре — гачевском. Е. Ю. Сидоров, говоря о «маргинальном» языке Г. Д. Гачева, отмечает: «Не всем по душе такая демонстративная свобода, такое дразнящее нарушение “правил хорошего тона”» (Сидоров, 1988: 6). Этими вопросами задавались многие: и блюстители чистоты научного стиля речи, и ищущие причинно-следственную связь исследователи: «Почему человек, энциклопедически осведомленный в самых разных областях знания от краеведения до квантовой физики, не дает себе труда излагать свои мысли сколько-нибудь строго и системно, вернее, даже наоборот, страстно трудится над тем, чтобы избежать любой строгости и системности?»¹

Главное отличие его текстов «от привычной, нормальной литературы, где три основных участника» (автор — слово — читатель) состоит в том, что он «обходился <...> двумя участниками: я и Слово (Культура)»² (Гачев, 1995: 4).

Гачев — Записывающий Слово³, фиксирующий его таким, каким оно явилось в конкретный миг его бытия со всей совокупностью всех его повседневных действий, деятельности и как индивида на ментальном уровне и как биологического организма при взаимодействии с окружающим миром (материя, природа)⁴. Диалог со Словом без оглядки на внешнего цензора и расчета на читателя, когда третий участник слушает, запоминает, усваивает, не отягощен принудительной педагогикой. В гачевском способе мышления осуществляется то самое хайдеггеровское «здесь-бытие» (*Dasein*) — «бытие-в-мире» и «понимание бытия». Особенно это становится очевидным, если все три упомянутые темы рассматривать в контексте его заглавной темы — «жизнемыслие», которая как «пневмосфера» обволакивает все наследие Г. Д. Гачева и объясняет неприемлемость для него жанра академического письма с его формальным стилем, специфическими требованиями к структуре, содержанию, правилам вывода и иными чертами. Эта заглавная тема раскрывается в его «Исповести» — так сам автор определил жанр книги «Роман Мысли с Жизнью» (Гачев, 1995), и книге «Жизнеописание»⁵. Погруже-

¹ Ревзин Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024)

² «В таком случае — никакой я в этом тексте не “автор” (автор, скорее, — Слово, что пишет меня, облучает, как УВЧ со-вести, со-мысла, со-знания) и не “писатель”, а, скорее, “писарь”: слова, что от Слова внемлю, раслышываю, — записывающий» (см.: Гачев, 1995: 4).

³ «ВДУМЧИВОСТЬ — так бы я обозначил свое дело и жанр. Тут — приход Слова в меня, а невыход меня через слово — к читателю в качестве “писателя”. Слово ведь — <...> Друг и кормилец, обитель Культуры, ее дыхание» (см.: там же: 3).

⁴ «Какой Георгий Гачев был своеобразный и свободный человек! Был он на редкость абсолютно чужд тому, что французы называют *rudibonderie* (эдакой чрезмерно жеманной стыдливости), не стыдился в себе ничего, всё мог выволочь на свет. Относился к себе, своему телу, процессам в нём как натурфилософ и даже как поэт, наподобие Уитмена и Маяковского, с восторгом открывавших в себе и “пятулучие рук”, и “запах подмышек”, что “ароматнее всякой молитвы”... Правда, Гачев с ещё большей въедливостью вникал в физиологию телесного функционирования, вплоть до самых низовых её проявлений — и какая тут у него роскошь уподоблений! Оттого и смерти не страшился, готов был идти в природные метаморфозы и кочевья» (Светлана Семёнова. Изобилие бытия. См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета № 24 (6694). 2019, 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵ «Не уповаю на на печать, ориентируясь на Истину и Абсолют, как будто стоя перед лицом Божиим, и, как на исповеди, не утаивал совершенные ошибки и грехи, не поддавался соблазну приукрасить себя в угоду биографической “легенде”, не боялся показаться нелепым» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные

ние в них позволяет понять, что неконвенциональность его книг, «отстёгнутость» от императива научного жанра, отсутствие малейшего желания играть по чужим правилам, наделение себя правом полнейшей субъективности в изложении собственного осмысления окружающего мира, обусловлены его личностными экзистенциальными потребностями:

«Возлюбив с детства Слово <...> всю жизнь боялся — Жизнь не прожить», — записывает он в начале «исповести» (Гачев, 1995: 6) а, заканчивая её, пишет: «Упуская Время — чужое, по чужим правилам игры (история, политика, эстетика нынешнего течения ...), я не упустил настоящего и стоящего жития и мига <...>. Так что жертвой пешки Времени выигрывал ферзя Вечности... <...> Упуская время, жил счастливо!» (Гачев, 1995: 492; выделено мной — У. Б.).

Гачевское бытие-в-мире не могло объективироваться в рамках общепринятых жанров, потребовался «новый маргинальный язык исследования, на стыке научного и художественного мышления» (Сидоров, 1988: 4). Ризоматическое, нелинейное, гачевское мышление выражено в чувственно-логической последовательности и аргументации Слова, которое по степени воздействия на чувства читателей не уступает место лучшим образцам «мыслящей поэзии». «Читайте, как вы читаете стихотворения философской лирики», — отвечал предполагаемому цензору автор неконвенциональных книг (Гачев, 1995: 6). Сам Ю. М. Лотман, отказавшись опубликовать статью Г. Д. Гачева, признал её как «факт художественной прозы в большей мере, чем научной»².

В отличие от чтения предлагаемой будущим филологам научно-учебной литературы «во времена утилитарной специализации в науке» (Сидоров, 1988: 4) процесс чтения гачевского неконвенционального сопровождается резонированием в ответ и дальнейшими размышлениями. Подобно Сократу, предлагавшему собеседнику применять собственный ум и не доверять целиком унаследованной от предков мифологической картине мира, Г. Д. Гачев собственным «жизнемыслием» позволяет понять, что каждый человек чреват знанием и способен открыть свою истину, преодолеть узконаправленные координаты «бытия-в-мифе».

«Гачев постигал смысл бытия и себя в нём не в специально отведённые для подобных размышлений часы, а — ежесекундно. Он был экзистенцией в чистом виде — и «другое» существовало для него лишь постольку, поскольку он мог это помыслить как своё», — пишет И. Волгин³.

Г. Д. Гачев «принципиально не разделял в себе человека мыслящего и человека живущего. Его основной жанр — **жизненно-философский дневник**, в котором были сплавлены воедино опыты повседневности и труд творческой мысли, более того — сама повседневность представляла лучшую смыслами, продуцировала сюжеты для умозрения», пишут о нем его дети Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы⁴.

В упомянутой «исповести», словно отбиваясь от ратующих за строгое научное письмо пуристов, дотошных редакторов и придирчивых издателей, он делает следующую запись:

«18 марта 1983 г. Я (человек) не могу ждать, пока человечество разрешит все проклятые вопросы, найдет истину и заживет по совести и счастливо в мировом масштабе: у него запаса бесконечность, а у меня отмеренный срок, так что все это я должен сделать за свою жизнь. То есть: ее я сам должен проориентировать на истину и построить, чтоб по совести и счастливо. <...> **Что же до жанра <...>. Смешайте все (жанры) — и получите мой**» (Гачев, 1995: 18; выделено мной. — У. Б.)

Г. Д. Гачев сознательно «нарушает принятый в науке этикет» (Гачев, 2008: 12). Однако интеллектуальное наследие — гачевское неконвенциональное, созданное в «нигилистическом» жанре — уникальный при-

---

знакомства. 2022. № 5(68). С. 7). Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы в книге Гачева, опубликованной в «толстом» журнале: Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 5 (68). С. 5–123; Он же. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 5–147.

¹ Эту эпитафию 25 марта 2008 г. и увидел каждый, кто пришел проститься с Георгием Дмитриевичем в храм святого благоверного царевича Димитрия при Первой градской больнице в Москве.

² См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Там же.

⁴ Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы. Несколько предваряющих слов / Гачев Г. «Жизнеописание» // Литературные знакомства. 2022. № 5(68). С. 6–7. Выделено в цитате мной. — У. Б.

мер созидания особого «разума восхищенного»¹, человека, идущего своим исследовательским маршрутом, преодолевающего несправедливость мира и своим восприятием снимающего его противоречия.

Гачевский «ветхий завет» и «новый завет» — национальные образы мира

Главный труд жизни Г. Д. Гачева — многотомное сравнительное описание культур и миропониманий разных народов, которому он посвятил без малого пять десятков лет своей земной жизни (Гачев, 1999: 4)². Особым импульсом для развертывания этого направления исследований, начатого в начале 60-х годов XX века, стала аспирантская молодежь Москвы:

«Осенью 1966 года среди аспирантов Института мировой литературы из национальных республик возникла идея: устроить семинар по национальному пониманию мира в литературе. Зная, что я уже несколько лет занимался этим предметом, они предложили мне вести его. Мы стали собираться в аспирантском общежитии Академии Наук, в комнате у Мурата Ауэзова, располагаясь на 4–5 стульях вокруг стола, на двух кроватях. <...> Большинство участников наших бесед принадлежало к представителям восточных народов, и потому разговор чаще всего имел в виду варианты восточных видений мира» (Гачев, 1999: 6, 8)³.

Увлеченностью Гегелем и невозможностью во времена СССР свободно путешествовать в дальнее зарубежье объясняет Г. Д. Гачев свой «способ путешествовать — в жанре интеллектуальных путешествий в страны мира»⁴. Об этом он писал в «Ментальностях народов мира» (Гачев, 2008: 12), «Жизнеописании»⁵, в том же посвященном культурам и миропониманию народов Грузии, Азербайджана и Армении: «Мой жанр — интеллектуальное путешествие» (Гачев, 2002: 12–13). Это акцентирование отнюдь не случайно и его следует принять к сведению во избежание однозначного понимания и трактования главного направления его научно-творческого жизненного замысла.

«Я называю мою тему — “Национальные образы мира”. Или “Этнические картины мира” (Ethnic Pictures of the World) — так перевели в Америке в 1969 году мою первую статью на эту тему “Национальные картины мира”, опубликованную в журнале “Народы Азии и Африки”, 1967, №1. Или — “Национальные ментальности”» (Гачев, 2008: 9).

Избегая строгой дефиниции терминов (национальный, этнический, региональный) в силу их соположенности и наличия одинаковых сем, Г. Д. Гачев предлагает не тратить времени на эту «софистику» (там же: 10). Основной термин гачевского способа генерирования знания о единстве местной природы, характера народа и склада его мышления — национальной целостности или о Космо-Психо-Логосе — это «более умеренный термин “национальные образы мира”» (там же: 43).

«Искомую национальную целостность я определяю как Космо-Психо-Логос. Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос). В Космо-Психо-Логосе три элемента (уровня) национальной целостности находятся в отношении и соответствия (тождества друг другу) и взаимной дополнительности (противоположности и уравновешивания. В описании и анализе тут требуется тонко работать — ассоциируя и расчленяя, дифференцируя» (там же: 34).

Метод и основной принцип исследования национальных моделей мира Г. Д. Гачева заключается в сравнении различных национальных моделей как явлений и объектов, сходных по конкретным параметрам. Для того, чтобы выявить национальную логику, необходимо «целостность бытия одного народа сравнивать с аналогичной целостностью другого» (Гачев, 2008: 42). Только при таком подходе «национальные логики» станут различимыми и понятными. Таким же способом и «национальный

¹ «Вот и себя чувствую: присутствует во мне РАЗУМ ВОСХИЩЕННЫЙ — не «возмущенный», а именно позитивное отношение ко всему. И никогда не быть критиком-осудителем, а эстетиком-восхитителем» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 5(68). С. 69).

² «Задумываться над этим разнообразием-пестротой бытия и полилогом мирозерцаний я начал давно, 40 лет уж назад» (Гачев, 1999: 4).

³ «Участники наших бесед — вот они: Мурат Ауэзов — казах, Болатхан Тайжанов — казах, Ораз Дурдыев — туркмен, Борис Гургулиа — абхаз, Константин Цвинария — абхаз, Джура Бако-заде — таджик, Альгис Бучис — литовец, Белецкий — молдован, Михаил Чиремпей — буковинец. Это постоянные. Иногда приходили: ... , девушка-калмычка, латыш-эстетик и иные» (там же: 8).

⁴ Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 129.

⁵ Там же.

характер», и «национальный дух» можно рассматривать более объективно: «тип природы, культуры, языка и пр.» (там же: 42). Понятие же «национальный Космо-Психо-Логос» в чертеже Г. Д. Гачев представил в «Ментальностях народов мира» (см.: Гачев, 2008: 43).

Г. Д. Гачев далек от претензий на конечность своих выводов, напротив в последующих книгах он продолжает наращивать новые знания — таков его способ думания. Он однозначно оговаривает:

«Итак, эти мои портреты национальных целостностей неизбежно субъективны, это МОИ ОБРАЗЫ о национальных образах мира разных стран и народов. Читатель пусть сомневается, критикует, моя мысль да провоцирует его собственную, порождает творческую активность ума — чего же более может ожидать автор от своего текста? У меня нет претензии и амбиции дать точное понятие (это и невозможно в подобных материях), но стремлюсь дать идею, представление об избранном предмете, раскрыть его проблемность» (там же: 13).

Логика же рассуждений Г. Д. Гачева основана на том, что познание может быть только диалогическим, она следует в русле диалогической формы познавательной деятельности, понимания идеи «Я» и «Другого» М. М. Бахтина¹. Г. Д. Гачев не может ограничиться только выявлением специфических «непохожестей» или «похожестей» универсальных. Сверхцель сравнительного анализа, обозначенной им в разных книгах, иная — показать полифонию мироздания, её поливариатность: «... конечная цель изучения национальных образов мира не в том, чтобы твердо закрепить какой-то аспект видения мира за данным народом <...>, но в том, чтобы разглядеть многовариантность мироздания, используя в качестве точек наблюдения разные национальные космосы» (Гачев, 1988: 53).

Идея плюрализма, богатства вариантов национальных космосов обнажает глубинные основы научно-творческого потенциала и самоопределения Г. Д. Гачева во времени и пространстве. Сравнительные описания той или иной национальной целостности (Гачев, 1999: 9–10) — не аксиома, в силу причин, места и времени их получения. Это не абсолютная истина, но истина. Истина относительная — динамичная, провоцирующая дальнейшие поиски. Его собственные «точки наблюдения» для каждого исследователя этого проблемного поля своего рода точки опоры, на которые можно опереться, оттолкнуться, переосмыслить, сравнить с другими знаниями, дополнить собственными умозаключениями, а значит прирастить новое. Об этом свидетельствует его запись от 5 мая 1993 г.:

«Итак, мой аспект — односторонний: я восписываю, так сказать, “ветхий завет” для каждой национальной целостности и индивидуума из нее. Они призваны писать своими трудами и жизнями “новый завет” — каждое поколение данного народа и каждая личность. Но “новый завет” пишется все равно по письменам и на основе “завета ветхого”» (Гачев, 2002: 10; выделено мной. — У. Б.).

Гачевский «ветхий завет» о национальных образах народов Европы и Америки, Кавказа, Центральной Азии — проект, не имеющий принципиального завершения, как и проект древнейшего «Ветхого завета» — первой части христианской Библии, уходящей корнями в еврейскую традицию. Первая часть гачевской библии является точкой надежды для вновь начинающих исследователей, особенно тех, кто интеллектуально борется за утверждение культур малочисленных, автохтонных народов, лишенных полного голоса в силу фортиссимо многочисленных и/или культивирования собственной виктимной позиции. Гачевский «старый завет» отнюдь не конечный продукт, он будет оставаться одной из эвристических установок в «новом завете» новых поколений исследователей, которые его будут писать, отталкиваясь от «ветхого».

Гачевское возвышенное — «возлюбленная непохожесть»

Мне не приходилось слышать призывно-назидательные выступления Г. Д. Гачева к чему бы то ни было. Представляется, что ему претило быть трибуном, взывать к чему-либо². Однако он час-

¹ «Быть значит общаться диалогически» (Бахтин, 1963: 338).

² О выходе Г. Д. Гачева на трибуну упоминается в «Жизнеописании» в записи «Процесс Синявского — и мои вопросы следователю в ИМЛИ» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 119–120). Этот выход и его вопрос следователю о презумпции невиновности, по словам С. Бочарова, «был поступок совсем в те времена беспрецедентный, поступок — Гачева одного поступок (после него и поведение самих героев на суде было беспрецедентным <...>)» (Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

то возвращался к разговору о насущной надобности обновления образования, в частности — гуманитарного. По мнению Г. Д. Гачева, без обращения к национальным особенностям народов, их культурам, психики, ментальности ни о каком обновлении речи быть не может; технологический прогресс безопасен лишь при учете гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений в обществе. Свои размышления о сопровождавших процесс распада СССР национальных волнениях и «параде суверенитетов» он писал и в книгах, и отдельных записях. Эту проблему он упомянул, выступая на предзащите моей докторской диссертации в качестве рецензента и в дискуссиях на официальной защите 25 октября 2005 г. на заседании дис. совета в РУДН:

«В эпоху казенного интернационализма, эта проблема в науке и образовании не поднималась, как опасная разжиганием национальных страстей. Но вот подавленный огонь воспламенился и в бывшем Союзе ССР, польхает и в других регионах мира, порождая множество трудноразрешимых конфликтов на национальной почве. Политики же, будучи образованы в этом отношении, оказываются бессильны перед ними. В этом повинна также и мировая наука: находясь в плену рационалистически-математических методов при установке на прогресс и унификацию, она проглядела универсальное значение национальной проблемы»¹.

На обложке посмертного издания книги «Ментальности народов мира» (2008), и в слове «От автора» 30 лет назад, в июне 1995 года Г. Д. Гачев пишет: «Национальное стало жгучей проблемой в современном мире. Политики разжигают национализм и торопятся практически “решать”, не подозревая с какой толщей бытия и культуры тут приходится иметь дело» (Гачев, 2008: 5).

Распад огромной страны на отдельные «этнодома» выдвинул новые правила совместного общежития на евразийском пространстве, но Г. Д. Гачев продолжает и в этих условиях писать о необходимости осознания национальных проблем. Вероятно, он думал и о том, что в среде студенческой молодежи, читающей его книги, находятся будущие политики, которым западет в сознание заповедь «возлюбить ближнего своего как самого себя» в гачевской интерпретации:

«Наша цель — явить взаимную дополнительность, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли. **Возлюбленная непохожесть** — этим дорожить надо, это наша общая ценность. <...> Такой пафос сей книги. Она призвана содействовать взаимопониманию между народами и культурами» (Гачев, 2008: 5; выделено в источнике. — У. Б.);

«Разумеется, все равные и равноценные. Они все — музыка, все исполняют ее. Но один — флейта, другой — скрипка, труба, фанго, арфа ... Каждый обладает своим тембром и добавляет свою краску в симфонию Вселенной. И следует ли нам обижаться на другой инструмент из-за его неравноподобия мне: валторне, например, на фортепиано? Напротив, восхищаться надо, обожать его тембр и талант, то особое знание и умение, которыми он одарен, а я их лишен, не умею так. **ВОЗЛЮБЛЕННАЯ НЕПОХОЖЕСТЬ!** Вот что да будет наш пафос в исследовании национальных особенностей» (там же: 15).

Стоит ли говорить о гачевском возвышенном, об актуальности идеи «возлюбленной непохожести» в исторические времена взаимно-непониманий, меняющих глобальную логику и основания взаимоотношений в мировом порядке? Очевидно стоит говорить со студентами о гачевском возвышенном, не предусматривающем заборы-частоты между народами. Следует идти в аудиторию и говорить об общих для всех народов ценностях, о том, что взгляд сверху вниз на иных порождает и поддерживает честолюбие за счет дешевого самоутверждения, низкопробные передачи про «джамшудов и равшанов», плоские «национальные» анекдоты и ярлыки характеризуют дремучее невежество их создателей и потребителей подобных продуктов. Стоит говорить в студенческой аудитории о том, что истинное знание о своей культуре рождается в диалоге, узнавание и уважение иных культур спасает от спесивого полужайства и ложного превосходства.

«Народы — равновелики, тогда как нации бывают более или менее “знатные”, древние, цивилизованные — и им приходится все время отстаивать равенство прав. <...> Но чуть больше этого чувства национального достоинства — и оно уже перестает в чванство и слепоту, перестает быть творческим» (Гачев, 1988: 23).

¹ Запись из личного архива автора.

Г. Д. Гачев, разрабатывавший собственную «экзистенциальную культурологию» (Гачев, 2008: 13), не писал об одиночных монадах, не создавал отдельные одноцветные и застывшие в монолите кубики, но предложил собственный взгляд на культурный плюрализм человеческого общежития, только мобильность, разноцветность и взаимосвязанность которого обеспечивает его работу как системы. Гачевскому «ветхому завету» и «новому завету» суждена большая биография, по крайней мере до тех пор, пока в науке остается проблема восстановления родства всех народов мира в масштабах единой истории человеческого общежития. Гачевское возвышенное, внедренное в образование, может способствовать качественной трансформации гуманитарного образования и общества в целом.

Перспективность идей Г. Д. Гачева для системной лингвистики и проблемного поля транслингвальной литературы

Размышления Г. Д. Гачева весьма значимы для верификации, а значит и развития общей теории языка и теорий частных языкознаний. Особенно продуктивными они представляются для исследователей, руководствующихся системным подходом к языку. Идеи Г. Д. Гачева коррелируют с идеями лингвистов-системологов и сходятся в преимущественном их интересе к культуре как целостному органическому единству. Основоположники системной лингвистики: В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, Г. П. Мельников и др. изучали проблему взаимосвязи языка и культуры, языка как феномена культуры народа.

Наиболее значимым ракурсом всех лингвистических исследований Гумбольдт считал определение мировоззрения народов через их языки. Творческая сила языка он рассматривал в тесной связи с мыслительной деятельностью индивида и народа. По Гумбольдту, язык и готовый инструмент, и нечто созданное (*ergon*), и деятельность (*energeia*) духа; язык — произвольное средство выражения и обретения истины, в структуре которого воплощено особое воззрение на окружающий мир. Ученый, объясняя языковую специфику в части содержательной стороны языка, его внутренней формы, исходил из духовных особенностей народа, из «способа укоренения человека в действительности» (Гумбольдт, 1984: 173).

Идущее от В. фон Гумбольдта определение языка как посредника между миром и человеком, положение о триединстве мира, человека и его языка, требование рассматривать язык с точки зрения разносторонних связей человека, учение о социальной природе человека и его языка как их внутреннем свойстве согласуется с позицией И. А. Бодуэна де Куртенэ¹ и лингвистической концепцией физика-атомщика, кандидата технических и доктора филологических наук Г. П. Мельникова².

Г. Д. Гачев также настаивает на том, что именно местная природа есть текст, скрижаль завета, которую народ призван понять и реализовать в ходе истории, создавая культуру в гармонии с природой. По Гачеву, географическая территория и свойственный ей климат обуславливают способ хозяйствования (земледелие, собирательство, отгонное скотоводство). Складывающиеся при том или ином способе вживания в окружающую среду производственные отношения диктуют специфическое осмысление конкретным народом окружающей действительности, её объективацию в конкретной «языковой оболочке» и формируют языковые картины мира.

Разговоры Г. П. Мельникова с Г. Д. Гачевым после лекций за чаем в Федоровской библиотеке о том, что нет языков совершенных и несовершенных, сказанные в конце 1980-х гг., вдохновляли. И это

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, исходя из факта о том, что язык является общественным, психосоциальным явлением, существующим во времени и пространстве, утверждал обусловленность языкового разнообразия географическими, хронологическими и социологическими различиями. Ученый допускал аспектуальное изучение языка, с какой-либо одной позиции. Однако, развивая системный подход к языку ученый настаивал на необходимости при любой классификации языков объяснять рассматриваемые факты «одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой» (см.: Бодуэн де Куртенэ, 1963: 342).

² Своего современника, коллегу и друга по совместным поискам Г. П. Мельникова, в чьих трудах наиболее полно получил свое развитие системный подход к языку, Г. Д. Гачев приглашал с лекциями на научные семинары в начале 1990-х гг. в Федоровскую библиотеку на улице Профсоюзной в г. Москве. В те времена «разброда и шатаний», когда «кооперативно-челночная» практика жизни превалировала над наукой они собирались и слушали идеи друг друга, обсуждали и спорили о причинах разной типологической объективации национальных особенностей в языке.

обсуждение, как потом стало понятно, не был адресовано в утешение мне, этнический язык которой не принято было называть «великим» (см.: Бахтикиреева, 2024), а всем. Будучи тяжело больным, осенью 1999 г., незадолго до кончины Г. П. Мельников (1928–2000), сам принёс в редакцию журнала «Дельфис» статью «Где центр глубинной евразийской культуры? (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков)» (Мельников, 2001), которая позже была также опубликована в «Вестнике РУДН» (Мельников, 2011). В ней был один из важных для меня выводов: «Современная системная типология языков обосновывает положение о равном интеллектуальном совершенстве всех языковых систем мира» (Мельников, 2001: 6–7).

В опубликованном в 2003 г. фундаментальном труде Г. П. Мельникова «Системная типология языков» (Мельников, 2003) я получила дополнительные аргументы в пользу положения о равновеликости языков всех народов мира. Выводы ученого поколебали категории этнолингвистики Сепира-Уорфа, которые позволяли описывать различия в поведенческих стереотипах людей — носителей разных языков, строить «языковую картину мира», соотносить её с внелингвистической действительностью, исходя из допущения об автоматическом, бессознательном модусе владения языком. В свете системного подхода Г. П. Мельникова обнаружилась несостоятельность позиции О. фон Бётлингга — немецкого и русского индолога, санскритолога, утверждавшего, что «гармония гласных в урало-алтайских языках — это лишь одна из форм проявления “косности уралоалтайцев”, свойственной будто бы и их культуре, и мышлению, и даже физиологии» (Мельников, 2003: 328–329), а также шведского фонетиста Б. Мальмберга, считавшего, что наличие гармонии гласных в языке следует рассматривать как проявление «”примитивности” этого языка» (там же: 328–329).

Положение о равноценности интеллектуального совершенства всех языковых систем мира (Мельников, 2001: 6–7) находит свое подтверждение и в гачевском возвышенном: «Разумеется, все равные и равнозначные. <...> Но один — флейта, другой — скрипка, труба, фагот, арфа ...» (Гачев, 2008: 15). Дальнейшее изучение «жизнемыслей» Г. Д. Гачева о важности изучения любого национального языка как голоса местной природы (Гачев, 1988: 353–378), о языковой системе от фонетики до стилистики позволяет получить дополнительные аргументы в пользу актуальности системного подхода к языку.

«Естественные национальные языки — могучие инструменты, позволяющие проникнуть в субстанцию национального Космо-Психо-Логоса — и со стороны своей фонетики, и со стороны грамматической структуры. <...> Национальные языки в звучности своей — голоса местной природы в человеке. У звуков языка — прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в пространстве и степи. <...> Если фонетика языка аналогична национальному Космосу, то грамматика языка — средство проникнуть в национальный Логос» (Гачев, 2008: 53, 57; 353–378; 53–60).

Не вызывает сомнений, что труды Г. Д. Гачева останутся востребованными не только гуманитариями, но и представителями точных наук (математика, физика и др.). Гачевский мост, перекинутый между гуманитарными науками (философия, литературоведение, культурология, языкознанием и др.) и естествознанием, пока находится вне поля заинтересованного внимания исследователей. Этот особый опыт синтеза пока остается прелюдией к будущим мульти- и трансдисциплинарным исследованиям. Недостаточной остается научная рефлексия продуктивных идей для таких отраслей знания, как: этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, этническая культурология и др. Его «жизнемыслия» о способах укоренения того или иного народа в окружающую среду, обусловленных географическими и климатическими условиями жилища, трудовой жизнедеятельности, «философии пищи и питья», национальных играх и танцах и др. (Гачев, 1988: 9–281) — будут востребованы новым поколением исследователей.

Другими идеями Г. Д. Гачева, значимыми для моих поисков, являются его «жизнемыслия» о русскоязычной литературе этнически нерусских авторов. В процессе моего докторского исследования по художественному / литературному билингвизму¹ ощущалась острая нехватка аргументации для обоснования актуальности изучения «ничейной литературы». Принципиальная особенность русскоязычной литературы этнически нерусских авторов в том, что её невозможно однозначно причислить к национальной русской литературе, в силу воспроизведения иных систем образов хотя и в русской «языковой оболочке». Она отторгалась и пуристами национальных литератур, считающими русский язык творчества неприемлемым для принятия литературы в лоно этнической культуры. Спаситель-

¹ Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

ными идеями для обоснования теоретико-методологической базы исследования наряду с пушкинским восторженным послесловием к «Долине Ажитугай» черкеса, писавшего «на русском языке свободно, сильно и живописно»¹, выступлением Г. П. Мельникова на официальной защите² моей кандидатской диссертации, статей Н. Л. Лейдермана о русскоязычной литературе «достойной самого серьезного изучения»³, стали рассыпанные в разных гачевских книгах «жизнемыслия»:

«На периферии российского региона, как и на периферии античного: Эллады и Рима, — их культурой и языком воспользовавшись, складывается и растет-крепнет могучая культура — творчество. Она — на русском языке, но и сверх-русская (иль “недо-русская”, как иные считают пуристы?...). Использовал мировой Дух (Гегеля если схемой воспользоваться) для своих целей русский язык и его великую литературу — и пошел сим Словом орошать и плодотворить; а новообращенные в него свою живую кровь и Эрос вливают <...>. Так что русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет» (Гачев, 2002: 613). «Да, ни в одной стране в мире не было, нет такого одновременного и живого сосуществования почти всех известных в истории эпох жизни и мышления, которое налицо в истории советского общества <...>. И грех было бы не воспользоваться этим преимуществом для более глубокого осмысления закономерностей литературы вообще» (там же: 293).

Словно защищая творческих «нацменов», прокладывая мост, примиряет Г. Д. Гачев позиции ревнителей национальной русской и созданных на этнических языках инациональных литератур, говоря о «художественно творящем нацмене»:

«При двуязычии язык и национальное сознание превращаются, по словам литературоведа и философа М. М. Бахтина, из абсолютной догмы, какими они являлись в пределах замкнутости и глухого одноязычия, — в более гибкую и податливую новым понятиям мировоззренческую систему. <...> Ибо ‘двуязычник’, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный ‘одноязычник’, на каком бы великом языке он ни мыслит. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга. Для художественно творящего двуязычного ‘нацмена’ сам язык и мышление его народа живут все время в двух аспектах: *свой — родной* (в котором вырос) и *свой — чужой* (как он выглядит со стороны и изнутри русского или английского языка, на котором он приобщился к образованию <...>» (Гачев, 1988: 37; выделено в источнике. — У. Б.).

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Изд. АН СССР, 1937–1949. Т. 13. С. 25.

² «Сам факт, что писатель, не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские — это уже само по себе замечательно!

Теперь мне хотелось бы обратить внимание на то, как совместить эти две языковые стихии, две разные системы образов. В чем их главное отличие? — В том, что наши индоевропейские образы (которые наиболее развиты в славянских языках) — динамичные. Это образы — развитие, это — движение, это — направление. А тюркские образы — статичные, это — краска, это — расцветка. Русский как бы кинематографичен, а тюркский — фотографичен, фотогеничен. В этой связи возникает вопрос следующего порядка: Айтматов пишет о тюркском, следовательно, как носитель тюркского языка, носитель культуры, он как бы должен быть привычным носителем фотогеничности, а в то же время пишет на русском языке, который хорошо приспособлен для выражения содержания через динамику, через кинематографичность. Не возникает ли тут какой-то коллизии? В принципе, она может быть. Но особенность Айтматова заключается в том, что он находит из еще не найденных русских средств такие, которые приспособлены для выражения статических черт, важных для выражения образов тюркской культуры. Тюркская статичность передается через русскую динамичность, и мы приобщаемся к образности и переживаниям, мироощущению, который есть у тюрков.

Мне представляется, когда говорится о том, что художественный образ должен быть в значительной мере национальным, то мы должны разрешить вопрос: какие черты образа необходимо для этого описать? А описать нужно именно те, которые важны с точки зрения внутренних форм данного типа языка, которые тесно переплетаются с внутренними формами всей культуры. И в этом смысле я поддерживаю диссертантку. Такая работа чрезвычайно ценна...». См.: Мельников Г. П. Выступление в официальных дискуссиях // Стенограмма отчета заседания по защите кандидатской диссертации У. М. Бахтикиреевой «Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день». М., 22.12.1995. С. 11–14. (Из личного архива автора).

³ «Этот изворот российской литературоведческой мысли» — русскоязычную литературу — реальный и значительный художественный феномен литературная наука оказалась теоретически не готова описать. <...> Но в истории российской словесности советской эпохи она свой след оставила. И она достойна самого серьезного изучения» (см.: Лейдерман, 2007: 39–40, 49).

Продуктивность и перспективность этого положения об особенностях билингвального автора подтверждается трудами известных ученых. В поисках аналогии можно обратиться к «Феномену культуры» Ю. М. Лотмана, его построениям о «мыслящем устройстве», структура которого может быть моно- и билингвальной (Лотман, 1992: 34–45), к монографии «Иппокрена. Хожение к колодцу времен» М. М. Ауэзова о т. н. «маргинальной» (билингвальной как минимум) личности» (Ауэзов, 1997: 107–111) и др.

Однако неконвенциональный Г. Д. Гачев сказал о многих «нацменах» и народах вольно, как не могли сказать о себе мы сами — земледельцы, кочевники, горцы. Он звал нас в путь прокладывать дальше исследовательские маршруты. Нельзя сказать, что до него не было «аутсайдерского» исследования образов, литературы, культуры «нацменов», однако в его видении присутствовала особая эмпатия. Возможно, потому что он расшифровывал и себя: «Да и недаром — понял сейчас! — к этой теме прильнул: турок ведь я, не казак: корни-то болгарские с турецкими там, небось, за века ига-то поперемешались! — так что дам я в этом путешествии ход и самопознанию...» (Гачев, 2002: 44).

Г. Д. Гачев искренне радовался и не умел быть «академичным бонзом», снисходящим до молодых исследователей. Он находил своего рода «точки роста» в каждом молодом диссертанте и поддерживал их в своих выступлениях. Вызывает сожаление, что Г. Д. Гачев не получил при жизни еще одного фундаментального аргумента в пользу своих положений и выводов о русскоязычной литературе и транслингвальном писателе — «нацмене», доказательно представленной в докторской диссертации¹ и других работах И. С. Хугаева:

«Где пролегает граница между русской литературой и русскоязычной осетинской (или какой-либо другой национальной) литературой? Язык — важнейший критерий национальной идентичности литературы, но не абсолютный критерий. Чужой язык и своя культура состоят в творческом акте, в сложном диалектическом взаимодействии, в борьбе и единстве, решительно определяющем идейно-пластическую самобытность транслингвальных текстов. <...> насколько осетин, пишущий на русском языке, перестает быть осетином, настолько и русский язык перестает быть сугубо таковым, когда по-русски пишет осетин» (Хугаев, 2013: 2–3; выделено курсивом в источнике. — У. Б.; см. также: Хугаев, 2008).

Гачевский «новый завет» о русскоязычном «нацмене» продолжает свое наполнение и в работах исследователей старшего поколения, и молодого. Но пишется он с опорой на гачевский «ветхий завет» с его неконечным целеполаганием, зовущим в интеллектуальное путешествие.

Заключение

Каждый, кто предпринимает попытку анализировать интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева, подобен человеку, пытающемуся разложить по папочкам и расставить по полочкам весь поток его «жизнелюбия». В этом и заключается феномен создателя чего-то нового, идущего своим путем и не заглядывающего в чужие окна — он не вмещается в традиционный ряд. В своем наследии он представлен многолико: литературовед, славист по базовому образованию, уникальный философ по жизнелюбию, культуролог, лингвист, историк... Этот список может быть продолжен, если перечислить его многочисленные тома по описанию национальных образов разных народов. Множество ипостасей, объединенных в одной личности, преодолели ограничения национальных, культурных, языковых и академических форм знания, традиционного инструментария гуманитарных наук времен «утилитарной специализации в науке» (Сидоров, 1988: 4). В своей феноменальной гачевской научной-творческой лаборатории Георгий Дмитриевич был свободен от официальных установок и представлений. Смысл созданных им книг интересен, понятен, рационален для опыта каждого читателя, потому что их создатель был свободен в выражении своего мирозерцания, и книги нужны были их автору. Гачевская модель продуцирования и трансляции знания вызывает цепную реакцию сопричастия к счастью познания. Нелинейный способ познания национальных образов мира обращает нас к необходимости помнить о том, что гуманитарии не могут не осмыслять гачевское неконвенциональное и возвышенное, когда остается проблема восстановления исторического родства народов.

¹ Хугаев И. С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление : дис. ... д-ра филол. н. Владикавказ, 2010.

В средневековой Центральной (Средней) Азии творили ученые и одновременно поэты. О. О. Сулейменов называет их *чаляби* — людьми чувственного ума, умеющими создавать символы и разгадывать их. Единственная привилегия *чаляби* — счастье познания¹. *Чаляби* — человек, постигающий все явления окружающей действительности в чувственном опыте — таким Человеком мне представляется Георгий Дмитриевич Гачев, — «упуская время, живший счастливо» и «оказавшийся в Вечности»². Это мое восприятие личности этого феноменального человека. Но мне думается, что существующие и будущие суждения, мнения читателей и исследователей — представителей разных отраслей знания об отдельной книге или в целом о научно-творческом наследии и о личности Г. Д. Гачева, в том числе полярные, будут сходиться в одном — гачевский метод мышления меняет человека и его восприятие окружающей действительности во всей её совокупности, а значит — и мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хождение к колодцу времен. Алматы : ИД «Жибек жолы». 170 с.
- Бахтиреева, У. М. (2024) Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кукуковой) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>
- Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советский писатель. 363 с.
- Бодуэн де Куртене, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : в 2-х т. М. : АН СССР. Т. 2. 391 с.
- Визгин, В. П. (2017) Г. Д. Гачев. Образы божества в культуре. Национальные варианты // Вопросы философии. № 12. С. 218–222.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Гачев, Г. (1995) Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). М. : ДИ-ДИК-ТАНАСИС МТРК «МИР». 493 с.
- Гачев, Г. Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК. 368 с.
- Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.
- Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо. 544 с.
- Гумбольдт, В. фон (1984) Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 400 с.
- Лейдерман, Н. Л. (2007) Русскоязычная литература — перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. / сост.: Н. Л. Лейдерман, О. Ю. Багдасарян. Екатеринбург : ГОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, НИЦ Словесник. 131 с. С. 39–49.
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 479 с.
- Мельников, Г. П. (2001) Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Дельфис. № 1(25). С. 77–81.
- Мельников, Г. П. (2011) Где центр глубинной евразийской культуры? (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Вестник РУДН. Серия Теория языка, Семиотика. Семантика. № 1. С. 6–13.
- Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.
- Сидоров, Е. Ю. (1988) О Георгии Гачеве и его книге // Гачев Г. Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с. С. 3–6.
- Тува : Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Тувинцы : Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

¹ Сулейменов О. О. Азия. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. С. 195.

² Георгий Гачев. Вопрошающий ум [Электронный ресурс] // Канал «Культура». Программа «Наблюдатель». 2024, 13 мая. URL: <https://smotrim.ru/video/2804026> (дата обращения: 01.08.2024).

Федякин, С. Р. (2010) В поле напряжения между жизнью и мыслью. Творческий портрет Георгия Гачева // Литературоведческий журнал. № 26. С. 107–125.

Хугаев, И. С. (2008) Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ : Ир. 559 с.

Хугаев, И. С. (2013) О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 13. № 1. С. 2–6.

Дата поступления: 12.08.2024 г.

Дата принятия: 20.10.2024 г.

REFERENCES

- Auezov, M. M. (1997) *Hippocrene. Walking to the Well of Times*. Almaty, ID «Zhibek zholy». 170 p. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2024) House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 276–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>
- Bakhtin, M. M. (1963) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 363 p. (In Russ.).
- Boduen de Kurtene, I. A. (1963) *Selected works on general linguistics* : in 2 vol. Moscow, AN SSSR. Vol. 2. 391 p. (In Russ.).
- Vizgin, V. P. (2017) G. D. Gachev. Images of the deity in culture. National options. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 218–222. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. (In Russ.).
- Gachev, G. (1995) *Living with a thought. The book of a happy man (so far...)* Moscow, DI-DIK-TANANIS MTRK «MIR». 493 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1999) *National images of the world. Eurasia is the space of a nomad, a farmer and a highlander*. Moscow, Institut DIDIK. 368 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2002) *National images of the world. Caucasus. Intellectual trips from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatel'skii servis. 416 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2008) *The mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm, Eksmo. 544 p. (In Russ.).
- Gumbol'dt, V. fon (1984) *Selected works on linguistics*. Moscow, Progress. 400 p. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2007) Russian language literature is a crossroads of cultures. In: *The interaction of national artistic cultures: literature and linguistics (problems of study and learning): materials of the XIII scientific and practical Conference of wordsmiths*. Yekaterinburg, October 23–24, 2007 / comp. by N. L. Leiderman, O. Yu. Bagdasarian. Ekaterinburg, GOU VPO Ural. gos. ped. un-t, NITs Slovesnik. 131 p. Pp. 39–49. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992) *Selected articles*: in 3 vol. Tallin, Aleksandra. Vol. I. Articles on semiotics and topology of culture. 479 p. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2001) Where is the center of deep Eurasian culture? (The ideas of Eurasianism in the light of the achievements of the systemic typology of languages). *Del'fis*, no. 1(25), pp. 77–81. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2011) Where is the center of deep Eurasian culture? (The ideas of Eurasianism in the light of the achievements of the systemic typology of languages). *Vestnik RUDN. Seriya Teoriia iazyka, Semiotika. Semantika*, no. 1, pp. 6–13. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2003) *System typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.).
- Sidorov, E. Yu. (1988) About Georgy Gachev and his book. In: Gachev G. *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. Pp. 3–6. (In Russ.).
- Tuva : Native land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Iu., Mainy Sh. B. and Sanchai Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Tuvans : Native people* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Iu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).
- Fediakin, S. R. (2010) In the field of tension between life and thought. Creative portrait of Georgy Gachev. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 26, pp. 107–125. (In Russ.).
- Khugaev, I. S. (2008) *The genesis and development of Russian-language Ossetian literature*. Vladikavkaz, Ir. 559 p. (In Russ.).
- Khugaev, I. S. (2013) On the boundaries and criteria of the national translingual literature. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, vol. 13, no. 1, pp. 2–6. (In Russ.).

Submission date: 12.08.2024.

Acceptance date: 20.10.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.2

Статья

Георгий Гачев как исследователь тюркского мира

Зухра А. Кучукова, Казим К. Бауаев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Лиана Б. Берберова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Целью статьи является анализ тюркских страниц этнологической «энциклопедии» российского ученого Г. Д. Гачева, изложенной в его работах о национальных образах мира. Авторы рассмотрели казахскую, киргизскую, азербайджанскую, карачаево-балкарскую этнокартины из работ Гачева, а также развитых впоследствии его учениками — инсайдерами-этнофорами из соответствующих регионов. Анализ базируется на основе гачевских текстов, а также воспоминаний его коллег.

Методом компонентного анализа авторы из единой экзистенциальной культурологии Г. Д. Гачева сначала выделили условное «тюркское древо», а затем по отдельности рассмотрели несколько его субэтнических «ветвей».

Сделан вывод о том, что тандем «Гачев и тюркский мир» — большая, самостоятельная и интересная область мировой гуманитаристики. Она высвечивает масштабность гачевских этнографических и культурологических знаний, и позволяет четко идентифицировать специфические особенности каждой тюркской этнической единицы.

Ключевые слова: Георгий Дмитриевич Гачев; тюркология; тюркская культура; Космо-Психо-Логос; Казахстан; Киргизстан; Азербайджан; менталитет; метакод

Для цитирования:

Кучукова З. А., Бауаев К. К., Берберова Л. Б. Георгий Гачев как исследователь тюркского мира // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 20-33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.2>

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: kuchuk60@list.ru

Бауаев Казим Каллетович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173. Эл. адрес: kazim_bauaev@mail.ru

Берберова Лиана Бурхановна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49. Эл. адрес: berberova.liana@yandex.ru

Georgiy Gachev as a researcher of the Turkic world

Zukhra A. Kuchukova, Kazim K. Bauayev

Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Russian Federation,

Liana B. Berberova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

The article is dedicated to analyzing the intellectual legacy of the Soviet scholar Georgy Dmitrievich Gachev — a remarkable literary critic, philosopher, and cultural theorist. He is known as the author of the concept of accelerated literary development, creator of national models of the world, and an explorer of the connections between the humanities and natural sciences. All Gachev's scholarly and creative pursuits found their expression in his unconventional works, which his children characterize as a "life-philosophical diary". The article discusses Gachev's unique approach to interpreting the world around him, conveyed through a distinctive style of writing that defies the rigid conventions of academic discourse. It concludes that strictly hierarchical presentation of Gachev's ideas is nearly impossible; therefore, the article relies on primary sources rather than interpretations or critiques of his work.

Keywords: *Georgy Dmitrievich Gachev; national model of the world; Cosmo-Psycho-Logos; mentality; unconventional; sublime*

For citation:

Kuchukova Z. A., Bauayev K. K. and Berberova L. B. Georgiy Gachev as a researcher of the Turkic world. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 20-33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.2>

KUCHUKOVA, Zukhra Akhmetovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and foreign literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: kuchuk60@list.ru

ORCID: 0000-0001-7907-0404

BAUAEV, Kazim Kalletovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian and foreign literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

BERBEROVA, Liana Burkhanovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of English language and professional communication, Financial University under the Government of the Russian Federation. Postal address: 49 Leningradsky Av., 125167, Moscow, Russia. E-mail: berberova.liana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3729-0238

Введение

Начало XXI в. стало временем повышенного внимания гуманитарных наук к проблеме «глобализация — этнокультура». Налицо явные приметы стремительно формирующейся моно стилистической культуры, чреватой забвением родных языков, обычаев, традиций. В настоящий момент по этому поводу сознание здравомыслящей части населения земного шара охвачено легким чувством историко-культурного алармизма, желанием осмыслить происходящее и с точки зрения сознательного представителя человеческой цивилизации сделать стихийные процессы управляемыми, подконтрольными.

В этих условиях считаем весьма целесообразным и актуальным выдвижение на современную дискурсивную арену имени выдающегося российского ученого Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), который всю свою сознательную жизнь занимался проблемой сохранения и развития национальных культур.

Как профилактика международных конфликтов и этноцентрических крайностей звучит сегодня гачевская метафорическая аргументация на эту тему, основанная на образе «симфонического оркестра». Называя многовариантность народов и их культур сокровищем человечества, Георгий Дмитриевич Гачев пишет:

«...каждый народ, как инструмент, ценен незаменимостью своего ума-умения: гобой дорог скрипке тем, что он умеет то, чего она не умеет. Так что не унификация, а уникальность — вот верный курс. За что мужчина любит женщину? За то ли, что она похожа на него? Напротив — за диво совершенной непохожести. Так и соседнюю или дальнюю нам национальную целостность: ее возлюбленную непохожесть — вот что да восценим и чем будем дорожить!» (Гачев, 2003: 239).

Актуальность заявленной проблемы обусловлена и причинами историко-цивилизационного, даже ноосферного порядка. Дело в том, что Г. Д. Гачев неоднократно в своих трудах отмечал, что «прогресс цивилизации, техники и комфорта не есть прогресс в нравах» (Гачев, 2007: 6). Всю такого рода гуманистическую наклонность гачевских мыслей У. М. Бахтикиреевой удалось заприметить, глубоко осмыслить и переоформить в отдельный вид субкультуры с присвоением ему особого типологического имени — *high hume*. Приведем дословную цитату из ее доклада на Международной научной конференции в г. Нальчике (2014): «Возьму на себя смелость сказать, что вся интеллектуальная деятельность Георгия Дмитриевича — это высокая гуманитарная технология (*high hume*)» (Бахтикиреева, 2015: 13), по логике вещей противопоставленная безудержно развивающемуся «хай-тэку». Оригинальный, инновационный термин, в котором оказался схвачен контрапункт современного проблемного бытия, отлично прижился в среде современных российских филологов.

В персональной «этнологической библиотеке» Г. Д. Гачева имеются описания следующих национальных образов мира: русского, киргизского, казахского, азербайджанского, английского, немецкого, французского, итальянского, болгарского, индийского, греческого, китайского, грузинского, литовского, польского, эстонского, еврейского и др. Особо следует выделить его фундаментальный труд «Образы божества в культуре. Национальные варианты» (Гачев, 2016), также ярко демонстрирующий синтез универсального и локального в религиозных культурах мира.

Филологами Российской Федерации 2024 год назван «Годом Гачева»¹. В этой связи во многих университетах и научно-исследовательских институтах страны проводятся мероприятия, посвященные 95-летию ученого с мировым именем. В Кабардино-Балкарском государственном университете официально открыт «Научный центр Гачевских исследований»², руководство которого среди приоритетных задач называет всестороннее осмысление творческого наследия Г. Д. Гачева, оценку культурообразующего потенциала его работ по этнологии и этнопоэтике, наработку новых знаний по анализу художественных текстов.

¹ Международная научная конференция «Жизнь с Мыслью: творческое наследие Георгия Гачева» [Электронный ресурс] // News. 2024, 5 марта. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/312288522> (дата обращения: 23.06.2024).

² Две аудитории КБГУ будут носить имена известных ученых [Электронный ресурс] // КБГУ. 2024, 27 апреля. URL: <https://kbsu.ru/news/dve-auditorii-kbgu-budut-nosit-imena-izvestnyh-uchenyh/> (дата обращения: 23.06.2024).

Целью данной статьи является анализ тюркских страниц гачевской обширной этнологической «энциклопедии». В задачи исследования входит последовательный обзор казахской, киргизской, азербайджанской и карачаево-балкарской этнокартин с суммарным учетом фундаментальных идей Гачева и разработок новоявленных инсайдеров-этнофоров из недр уже сложившихся в РФ гачевских научных школ. Наиболее востребованным при написании статьи оказался метод компонентного анализа, позволивший из единой по сути экзистенциальной культурологии Г. Д. Гачева сначала выделить условное «тюркское древо», а затем по отдельности рассмотреть несколько его субэтнических «ветвей». Плодотворными также оказались общелогические методы в виде гипотезы, типологизации, дедукции, индукции, сравнительно-сопоставительного анализа и обобщения.

Казахский космос

С Казахстаном Г. Д. Гачева всегда связывала теплая дружба особого уровня.

В своих дневниковых записях ученый пишет: «осенью 1966 года среди аспирантов Института мировой литературы из национальных республик возникла идея: устраивать семинары по национальному пониманию мира в литературе» (Гачев, 1999: 6). Роль ведущего была предложена Георгию Дмитриевичу — в тот период кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН. Проводились эти «сократические беседы» в общежитской комнате Мурата Ауэзова, количество участников не превышало восьми — «исполнялся античный принцип застольной умной беседы: чтоб гостей было не менее числа граций (трех) и не более числа муз (девяти) (там же: 7). Согласно записям Гачева, всего было проведено 10 научных семинаров в период с октября 1966 г. по апрель 1967 г.

Любопытно, что в роли «семинаристов» побывали самые разные представители многоплеменного большого Советского Союза, но казахский костяк в лице Мурата Ауэзова и Болатхана Тайжанова был неизменным.

Ход бесед Гачев по своему обыкновению фиксировал письменно. На самой первой встрече предметом исследования был избран «низ национального космоса», то есть «земля, поверхность, ее склад, воды, реки, леса иль степи, горы и к какому направлению умов такой склад бытия предрасполагает» (там же: 11).

Судя по стенографическим записям Гачева, в «семинариях» тон задавали казахи, вследствие чего весьма подробно анализируются вопросы, связанные с символикой юрты, антропологией кочевников, родословными книжечками казахов (шежере), философским содержанием бешбармака, казахской эргономикой, цветовыми предпочтениями азиатов, формулами приветствия, национальным темпераментом, музыкальными талантами степняков. Обращает на себя внимание своеобразная методология работы семинара по модели «базис и надстройка»: аспиранты самым щедрым образом перед мэтром выкладывают знакомый им с детства богатый этно-эмпирический материал, который тут же обрабатывается гачевским «мега-мозгом» и переводится в разряд чеканных философских культурологических умозаключений.

Судя по стенографическим записям, после серии общежитских семинаров Г. Д. Гачев начинает проявлять глубокий и стойкий интерес к казахской художественной литературе как к самому надежному источнику этнокультурных знаний. Он пишет: «Еду в деревню на сев, читаю «Абая» Ауэзова. Да не надо прочих книг, чтобы почувствовать казахский быт и дух!» (там же: 239). И в другом месте:

«Все есть в романе “Путь Абая”: обычаи, ритм кочевья по временам года, природа, склад души мужской и женской там, многообразии характеров внутри национального целого; обряд свадеб, поминок, игры, скачки, айтысы. “Энциклопедия казахской жизни” — хочется словами Белинского (про “Евгения Онегина”) выразиться» (там же: 240).

«Просвещеннейшими из казахов» (там же: 259) Г. Д. Гачев называет Аль-Фараби, Абая, Мухтара Ауэзова, Абиша Кекильбаева, культуролога Мурата Ауэзова, Гадильбека Шалахметова, Роллана Сейсенбаева и Олжаса Сулейменова. В период, когда была организована настоящая травля¹ О. Сулейменова за его книгу «Аз и Я»², Гачев с восхищением отмечает, что в казахском поэте «русские язык и литература,

¹ Федюнькин Е. Д. «Склока о полку Игоре» [Электронный ресурс] // Joint Institute for Nuclear Research (JINR). URL: <http://wwwinfo.jinr.ru/~bljv/igor.htm> (дата обращения: 23.06.2024).

² Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.

вложив себя на протяжении нескольких поколений в казахство, получают себе приплод и вклад. Потому что Олжас свежим слухом расслышивает, их свежует и поигрывает, присмысливает — и те смыслы пораскрывает, что внутри, может, русского Логоса, не так расслышимы, а вот со стороны — да!» (там же: 261). Каждый автор знает, насколько сложно придумать заголовок к тексту или книге. Гачев по достоинству оценивает полисемантическую оригинальность названия сулейменовской книги «Аз и Я» — «так остроумнейше расколото слово и новые смыслы в нем явлены» (там же: 262). На самом деле, в этом буквосочетании имеются интертекстуальные отсылки на азиатско-европейские культурные контакты, на русско-тюркские общие «знаменатели», на самостийную значимость человеческого Я.

Вчитываясь в художественные тексты казахских классиков, Г. Д. Гачев из толщи слов выносит на поверхность целую серию этнокультурных кодов — «эллипс годового кочевья», «крест синтеза», «информационно-импровизационное пение», «мировоззрение кочевника», «войлок стада между Я и Космосом», «монолог-монгол», «притчеобразный Логос», «поэтика намеков», «бинар ветра и родника», «айтыс акынов», «избыток энергии», «любовь к многоточиям», «афоризм и импровизация», «оглядываемость», «эрос многогучий», «предопределение и свобода воли», «культ предков», «избыток энергии», «тонкая дипломатия», «защищенность индивида родом», «сложная паутина родовых и племенных дел». Все эти термины разбираются в разделе «Путешествие в Казахский Космос» гачевской книги «Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» (Гачев, 1999: 195–271).

Слово «гендер» Гачев нигде не упоминает, но в то же время следует отметить, как много важного он открыл в гендерном статусе казашки. Достаточно вчитаться в эту краткую характеристику, основанную на сопоставлении двух женских конструктов: «В кочевом быту — не то, что в земледельческом: не забить, не запрятать женщину в терем за дувал-забор. Она и джигит, и глагольна, самостна и самоподвижна: свой конь под ней» (там же: 237). От себя добавим: даже недавний трагический случай с Салтанат Нукуновой¹ показывает, что «задвинуть» случай насилия не удалось. Во всем мире абьюзы происходят, но именно казахская история оказалась вынесена на мировую арену и даже оформилась в недавно принятый закон о бытовом насилии («закон Салтанат»)².

Интересны и важны рассуждения Г. Д. Гачева о целине — «вспороли кожу земли, и она стала добычей солнца. При ее пастбищном использовании она и удобрялась скотом, и воспроизводилась ее питательность и жизнь» (там же: 257). С опорой на художественные и фольклорные тексты Георгий Дмитриевич много рассуждает об этноонтологических сложностях переключения народа с кочевничества на оседлую модель бытия. Все свои размышления на эту тему Г. Д. Гачев подкрепляет пословицами, поговорками, притчами. В одной из притч отражена ирония казахских кочевников по поводу статичности «земли обетованной». Абсолют статичности и обездвиженности в ней трактуется как «место, где баран встанет в траве и так и не сойдет с места, а на его спине жаворонок успеет гнездо свить и птенцов вырастить» (там же: 254).

По нашему наблюдению, гачевские тексты, посвященные ментальности тюркоязычных народов буквально «инкрустированы» тюркизмами — *айтыс, акын, жазушы, толгау, барымты, жузы, кайгы, жырау, аксакал, мазар, батыр, бешибармак, курт, баурсак, кумыс, пиала* и др. Многие представители гачевской этнокультурной школы знают об уникальных этимологических способностях Георгия Дмитриевича распознавать «звуко-корни» инокультурных для него слов и сообщать даже носителям языка точное их значение (Карданов, Уметов, 2023: 14).

Г. Д. Гачева связывала крепкая дружба с представителями казахской интеллигенции, он регулярно встречался с литераторами. Казахи оказывали всемерную поддержку ученому в издании его книг по этнологии. Есть тому и документальные свидетельства. В предисловии к «Национальным образам

¹ Убийство Салтанат Нукуновой [Электронный ресурс] // Википедия. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Бишимбаева_\(2023–2024\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Бишимбаева_(2023–2024)) (дата обращения: 23.06.2024).

² Главой государства подписан Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2024, 15 апреля. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glavoy-gosudarstva-podpisan-zakon-respubliki-kazahstan-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-kodeks-respubliki-kazahstan-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-po-voprosam-obespecheniya-prav-zhenshchin-i-bezopasnosti-detey-153721> (дата обращения: 23.06.2024).

мира» Гачев посчитал нужным выразить «признательность Казахскому филиалу телерадиокомпании «Мир» и особенно Едилю Казыханову за поддержку настоящего издания» (там же: 4).

Гадильбек Минажевич Шалахметов (1943–2024) — еще один казахский просветитель и меценат, который сделал все возможное для выхода в свет философско-автобиографического романа Г. Д. Гачева «Жизнь с Мыслью» в 1995 г. В послесловии, давая высокую оценку гачевской книге, и, касаясь проблемы приоритетов, он подчеркивает, что «дорога к Храму — это сначала дорога домой, к семье, к родным и любимым, к своим духовным и памятным корням» (Гачев, 1995: 495).

Казахские наработки Г. Д. Гачева в дальнейшем обрели многовекторное и плодотворное продолжение в трудах его учеников и единомышленников — филолога У. М. Бахтикиреевой (Бахтикиреева, 2020) и культуролога Б. Г. Каирбекова (Каирбеков, 2023). Дальше всех в этом направлении пошла У. М. Бахтикиреева, переместившая фокус исследовательского внимания с «чистых этнофоров» на кросскультурных, «полидомных» творческих личностей, чье языковое сознание оказалось «опылено пылью» сразу нескольких национальных языков и традиций. Материализованным выражением данной пост-гачевской научно-исследовательской линии является издаваемый с 2004 г. в Российском университете дружбы народов под руководством У. М. Бахтикиреевой журнал «Полилингвильность и транскультурные практики»¹.

Киргизский космос

Главным проводником в мир киргизской культуры для Г. Д. Гачева стал писатель Чингиз Айтматов (1928–2008), с которым ученый неоднократно встречался на различных форумах в Москве и во Фрунзе. Для специалиста по этномирам русофонное художественное творчество Айтматова оказалось удобным и идеальным материалом в силу его авторской «стерильности» без элементов переводческой деформации. В нем нет «утечки онтологической информации» (Кучукова, 2015: 232), поскольку мастер пишет на своем индивидуальном «русско-тюркском» языке.

В евразийскую серию работ Г. Д. Гачева включен достаточно большой культурологический раздел под названием «Киргизия. Мироззрение кочевника» (Гачев, 1999: 314–337). Написан он под впечатлением ученого от прочитанного айтматовского сборника «Повести гор и степей»². В присущей ему эвристической манере Георгий Дмитриевич в проблемно-тематическое поле своего исследования вовлекает многие другие киргизоведческие труды, в частности, героический эпос «Манас»³, книгу Д. О. Омурзакова «Киргизские национальные виды спорта и народные игры»⁴, собрание киргизских пословиц и поговорок⁵, «Антологию киргизской поэзии»⁶.

В своих исследованиях Г. Д. Гачев отталкивается от метакода кочевничества киргизского народа и сразу строит свою гипотезу на принципах «помещение-боязнь», «все мое ношу с собой», столь присущих этноколлективу, испокон веков «движущемуся сквозь поры истории» (Гачев, 1999: 315).

Он приводит этномаркированную восточную притчу про плута, который богатого торговца скотом пригласил к себе в юрту на ночевку. Утром, когда купец проснулся, он увидел над собой открытое небо. Оказалось, хозяева ночью аккуратно забрали юрту, пожитки, отару овец и покинули данную территорию (там же: 314). Истинным домом для киргиза является нерасчлененный, «многоэтажный», иерархически выстроенный Космос с его небесными телами, птицами, воздухом, людьми, животным миром, растительным покровом и духом Земли.

¹ Полилингвильность и транскультурные практики. Главная страница [Электронный ресурс] // Полилингвильность и транскультурные практики. URL: https://journals.rudn.ru/polylinguality/index/index/ru_RU#! (дата обращения: 23.06.2024).

² Айтматов Ч. Повести гор и степей. М.: Советский писатель, 1963.

³ Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса / перевод С. И. Липкина. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1960.

⁴ Омурзаков Д. А. Киргизские национальные виды спорта и народные игры. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958.

⁵ Киргизские пословицы и поговорки // Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 261–278.

⁶ Антология киргизской поэзии / составители: К. Рахматуллин, Т. Садыкбеков, М. Богданова. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1957.

Вслед за Ч. Айтматовым Гачев полемизирует с теми реформаторами, которые называют «целину» пустой, бездушной, необитаемой землей. Оказывается, у этой земли есть имя собственное «Анархай» (от тюркского *ана* 'мать, земля-колыбель'). Показывая одухотворенность и пуповинную связь земли с кочевником, ученый восстанавливает «великую цепочку бытия»: травы, запахи, покрова степи перетекают в тела животных, а от них в физиологию человека в виде молочных продуктов, жира, мяса, а также шерсти и кизяка, идущих на обогрев.

Ат — одно из самых любопытных и малоисследованных слов-омонимов в системе тюркских языков. Это коротенькое двухбуквенное слово одновременно обозначает два понятия «конь» и «имя». Фразе *мени атым* можно понять двояко, как 'мой конь' и 'мое имя', что, несомненно, подводит к мысли «о неразрывности единого существа — человекоконя», встречающегося в эпических сказаниях тюркских народов (там же: 323). Об этом пишет Г. Д. Гачев со ссылкой на В. М. Жирмунского на киргизских страницах своей монографии (Гачев, 1999: 323).

«Джамиля»¹ — одно из самых совершенных произведений Ч. Айтматова, рассмотренное многочисленными критиками-аналитиками. Однако до онтологической первоосновы текста, на наш взгляд, добрался только Г. Д. Гачев, который глазами этнолога увидел самое главное: как в одном отдельно взятом женском образе нашла свое отражение триада киргизского Космо-Психо-Логоса.

Глагольный ряд (вытягивалась, изгибалась, разворачивалась, проносилась), имеющий отношение к Джамиле, «рифмуется» с «жестами и позами, свойственными коню»; ее вольные телодвижения, рельефы, пластические объемы, изначально предполагающие простор, увидены «зрением скульптора» (там же: 325). Торжество любви, здорового Эроса в отношениях Джамилы и Данияра Г. Д. Гачев объясняет тем, что в отличие от некоторых других восточных народов, принявших ислам, «чадра и паранджа не вошли у киргизов в широкое употребление, женщина осталась гораздо более активной и самостоятельной» (там же: 331).

Завершая данный раздел, следует отметить, что творческий тандем «Айтматов — Гачев» своей высокой художественно-аналитической планкой всей последующей киргизской гуманитаристике на долгие годы задал качественную траекторию, к счастью, поддержанную трудами талантливых литераторов и литературоведов в лице Г. А. Мадмаровой (Мадмарова, 2014), У. Д. Камбаралиевой (Камбаралиева, 2023), Г. А. Кажигалиевой (Кажигалиева, 2016), А. Т. Махиевой (Махиева, 2015).

Азербайджанский космос

В 2002 г. вышел в свет кластерный гачевский сборник, получивший условное название «кавказский» (Гачев, 2002). В него наряду с Грузией и Арменией вошел и раздел, посвященный Космо-Психо-Логосу Азербайджана (Гачев, 2002: 218–350).

Судя по дневниковым записям Г. Д. Гачева, все началось с Центрального Дома литераторов, где он 15 мая 1987 г. познакомился с поэтом и по совместительству еще и главным редактором издательства «Язычи» («Писатель») Сабиром Рустамханлы, который предложил ему издать в Баку «Национальные образы мира», добавив туда и анализ основ азербайджанского миропонимания (там же: 219).

Любознательного и легкого на подъем Гачева долго уговаривать не пришлось. Он с удовольствием отправился на юг «азербайджанствовать» и, как всегда, методом «включенного наблюдения» начал изучать представителей нового для себя этноса прямо в самолете «Москва — Баку», всматриваясь в «смуглые, налитые соком тела» (там же: 244) и свойственные им модели поведения.

Далее многоканальным «таранным» способом мастер собирает интересующую его этнографическую информацию путем собеседований с поэтом (Сабир Рустамханлы), прозаиком (Мамед-кули-заде), художниками (Тогрул Нариманбеков, Джавад Мирджавадов), философами (Анар, Рахман Бедалов), литературоведом (Валех Рзаев), русским переводчиком с азербайджанского (Леонид Латынин). К этому автор добавляет интенсивное чтение соответствующих фольклорных и художественных текстов. Это эпические памятники («Деде Коркут», «Кёр-Оглы»), произведения М. Ф. Ахундова, Исмаила Шихлы («Буйная Кура»), Чингиза Гусейнова («Магомед, Мамед, Мамиш»), Максуда Ибрагимбекова («И не было лучше брата»).

¹ Айтматов Ч. Т. Джамилля. Повесть : пер. с киргиз. А. Дмитриева // Новый мир. 1958. № 8. С. 3–31.

«Вещают вещи» (Гачев, 1999: 6) — одно из оригинальных выражений Г. Д. Гачева, который считал, что опытный этнофор всегда должен уметь считывать полезную информацию с предметов материального мира. Сам он, находясь в Азербайджане, сознательно придерживается принципа «включенного наблюдения». Его слова: «Хожу себе сам, наблюдаю, сижу, записываю» (Гачев, 2002: 248). Взгляд секретарши в приемной, вид ковра на полу, разговор с таксистом, отцовский поцелуй ребенка — каждый штрих приближает ученого к разгадке особенностей азербайджанской ментальности.

Далее в форме перечисления изложим умозаключения Г. Д. Гачева-азербайджановеда, складывающиеся в серию логически взаимоувязанных этнокультурных констант:

1. «На нефти лежит Азербайджан; она — его тайна и кровь, что и проступает в черных глазах: огненно-вспыльчивая жижа» (там же: 216). Само слово *Азербайджан* переводится с арабского как «страна огня» (там же: 232), следовательно, концепт «огонь» пронизывает многие сферы бытия: до сих пор в стране есть зороастрийский Храм огнепоклонников»; в Эресе азербайджанцы — «кипятильники» (там же: 233); факелы, костры — обязательная атрибутика календарно-обрядового праздника Новруз-байрам (там же: 234);

2. Основой социальных, бытовых, семейных конфликтов становится столкновение принципа «*так положено*» с «вулканической взрывоопасностью характера» (там же: 246);

3. Законы Природы для типичного азербайджанца важнее законов Социума (там же: 251); написать оригинальное двустишие (*бейт*) — важнее, чем оставить след в большой цивилизационной Истории человечества;

4. Способность «пить чай посреди мирового психоза» (там же: 267), «отсутствие исторических амбиций» (там же: 253), онтологическая неспешность — эти откровения Г. Д. Гачев подкрепляет своим наблюдением: «в бакинском метро по лестнице эскалатора никто не бежит» (Гачев, 2002: 268), в отличие от Москвы;

5. В качестве еще одного азербайджанского культурного кода Гачев выделяет приоритет натуральных, а не исторических добродетелей: *дом, семья, род, клан* (там же: 269). В этом же логическом ряду находится этический принцип — жить позитивно, соблюдать культ детей, проявлять чадолюбие (там же: 267);

6. Как выясняется из трудов Г. Д. Гачева, этномаркированный характер носит даже система жанров в каждой национальной литературе. В результате бесед с коллегами ученому удалось установить, что в азербайджанской художественной культуре жанр критики практически не развит, поскольку неприемлемы и обидны замечания в адрес собратьев по перу. Иное дело — жанр эссе, пышным цветом цветущий на Востоке — «артистично вышиваются субъективные мысли» (там же: 274), не задевающие самолюбие других «Я»;

7. «Образ мира исламителя» (там же: 228) (от слова «ислам») также стал предметом исследования в анализируемой книге. По Гачеву, в азербайджанско-мусульманском Логосе Аллах представлен как Судья, а Страх — как «принцип Ислама» (там же: 238). По этому поводу ученый приводит любопытную народную притчу теологического характера. Так случилось, что двое правоверных мусульман потеряли в лесу доверенного им теленка Пророка. С тех пор мужчины живут с ощущением постоянного страха и ожидания наказания со стороны высших сил за свою оплошность. Они и рады бы забыть о содеянном грехе, но есть птичка-анадиль, которая, перелетая с ветки на ветку, постоянно вопрошает: «Нашел?» «Нет?», «Нашел?» «Нет?» (там же: 239);

8. После похода в знаменитый бакинский «Музей ковров» Г. Д. Гачев написал очень ценную в культурологическом отношении интерпретацию символики ковра, отметив, что ковер на полу — это «изолятор человека от матери — сырой земли, глиняного пола, от тяги могилы» (там же: 292); ковер на стене повелевает смотреть вверх, «выпрямляет человека» (там же: 292); ковер с его причудливыми узорами — «автопортрет родной земли» (там же: 295). В рамках этнокультурной компаративистики Г. Д. Гачев сравнивает *кружево*, ассоциирующееся с сутью северных женщин (белое, светлое, с дыхательными отверстиями), с *ковром* — «сбитой и сплошной плоскостью, без воздуха, без продуха» (там же: 314), соотносимой с соматикой и душевным состоянием азербайджанки;

9. Чуткий к акустическим модуляциям, Г. Д. Гачев оставил много остроумных заметок о фоносемантических особенностях азербайджанского языка, заметив, что все девять гласных в нем являются переднеязычными. Виной тому — жаркий климат, южанам «лень пошевелить языком и артикулировать

звуки задних и средних рядов, и потому звуки жмутся вперед, где легче выговаривать», то есть «линия наименьшего сопротивления даже в ротовой полости» (там же: 265).

В контексте лингвистики следует отметить еще одну ценную гачевскую мысль о том, что «когда обучение проходит на родном языке, то язык вытягивается и развивает свои возможности» (там же: 257);

10. Г. Д. Гачевым также выяснено, что типичный азербайджанец в дискуссионных бытийных вопросах склонен опираться на «готовую трафаретную рамку» (там же: 278) какого-либо канона, содержавшегося в основе Корана, фольклорного текста или искусства ковроткачества;

11. И в заключение: большой загадкой для Г. Д. Гачева (и для нас) осталось «море», «Черное море» (там же: 275), которое реально присутствует в Космосе народа, но при этом рельефно не отпечаталось в Психо-Логосе азербайджанцев.

Карачаево-балкарская вертикаль

Любовь к горам у Гачевых — семейное. При знакомстве с орографическими страницами книги «Жизнь с мыслью» (Гачев, 1999) складывается впечатление, что само созвучие топонимов «Болгария» и «Балкария» влекло Дмитрия Ивановича Гачева к Главному Кавказскому хребту, к месту обитания балкарцев. По воспоминаниям его жены Мирры Семеновны Брук, «с наступлением весны и лета он терял покой и просил не обрезать ему крылышки, пустить его в горы» (Гачев, 1995: 367).

«Из похода с Настей на Кавказ летом 1980 года» — так называется одна из глав гачевской «Жизни с мыслью» (Гачев, 1999: 378–389), в которой Георгий Дмитриевич с восторгом утонченного лингвиста любит древнетюркскими топонимами Баксанского ущелья Кабардино-Балкарии. Он пишет:

«Орлиный клекот в горле — это я звучностью названий очарован, карту разглядывая. Кичкинекол, Джаловчат, Чипер-Азау, Кюркютлю-кол-баши. Звучность — как у индейских названий, которыми в “Песне о Гайавате” упиваются поэты: “Оджибузи”, “Шух-Шух-га”, “Навадага”, “Гитчи Манито”. А нынешний Логос — что может придумать взамен? “Высота 4 тысячи 213”? Или “Пик Иванова”? А как расправляются с древними поэтическими смыслами, переименовывая с легкостью! Джантуган, Бжедех, Уллу-тау-чана! Ледник Койавган-ауш! Сочини-ка ты, нынешний ум, такое!» (там же: 379).

Георгия Дмитриевича с его интересом к архетипическим основаниям национальных культур всегда притягивала древняя и таинственная цивилизация Кавказа. Интерес был обоюдным: кавказских ученых в той же мере завораживали труды ученого об ускоренном развитии младописьменных литератур (Гачев, 1989), о существовании морских, горских, пустынных, лесных, таежных, урбанистических народов, менталитет которых императивно связан с физической средой их обитания.

Двадцать с лишним лет настольной книгой для многих филологов Кабардино-Балкарского университета является издание «Ментальности народов мира» (Гачев, 2003), в котором автор инновационным научным термином «Космо-Психо-Логос» демонстрировал глубинную связь между такими сегментами духовно-физического бытия как: ландшафт, животный мир, этнотип, дом, предметы материальной культуры, эрос, чадородие, национальная пища, напитки, фольклор, проза, поэзия, музыка, живопись, танцы, флаг, гимн, герб, грамматика языка.

Во второй главе своей монографии автор «в корнях и ветвях» изобразил портреты национальных миров Греции, Италии, Германии, Франции, Англии, Америки, Польши, Грузии и др. (там же: 79–280)

Поскольку в списочном составе кавказских тюрков не оказалось, то нашлись энтузиасты, которые, строго придерживаясь триадной космо-психо-логической методологии Г. Д. Гачева, предприняли попытку исследовать во всей полноте специфику карачаево-балкарской ментальности в тесной соотнесенности с законами горной экосистемы и событиями национальной истории.

Этим энтузиастом стала З. А. Кучукова, представительница северокавказской веточки единого «тюркского древа», имевшая опыт учебы на романо-германском факультете Кабардино-Балкарского государственного университета, в аспирантуре Литературного института им. Горького, защитившая кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы (1992)¹. Для того, чтобы безошибочно

¹ Кучукова З. А. Поэзия Кайсына Кулиева в русских переводах (к проблеме передачи национального колорита) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1992. См. также: Бахтикиреева, 2024.

определить метакод своей национальной культуры, исследовательнице пришлось вдоль и поперек исходить высокогорные селения Верхней Балкарии, поговорить со старожилками, изучить целый массив книг по истории, географии, этнологии, мифологии, фольклору, художественной литературе северокавказских тюрков (карачаевцев и балкарцев). Особенно сильное впечатление на начинающего «менталитетоведа» произвела монография Э. Б. Бернштейна «Архитектура балкарского жилища» (Бернштейн, 1993), где отмечалось, что древняя архитектура кавказских горцев «восполняет недостающие страницы всеобщей истории архитектуры, а именно, тот момент, когда жилище горца еще не оторвалось от скалы, из массива которой оно произошло» (там же: 5).

Отрефлексируемый эмпирический, фактографический материал подвел исследовательницу к первоначальной гипотетической идее о том, что метакодом северокавказских тюрков является категория «вертикаль», которая подчиняет себе все уровни духовного и практического бытия горца. Окончательному превращению выдвинутой гипотезы в научный факт поспособствовал «фольклор депортации»¹ 1944–1957 гг., по которому четко обозначилось сильнейшее геосенситивное томление кавказских спецпереселенцев, оказавшихся в степной зоне Казахстана, по вертикали Главного Кавказского хребта.

Рукопись З. А. Кучуковой (см.: Кучукова, 2005) была удостоена великодушного внимания Георгия Дмитриевича, который в ответ написал обстоятельный аналитический отзыв с заголовком «Мир иной и ум иной» (Гачев, 2005). Почти каждый молодой ученый в своей жизни сталкивался с высокомерным отношением к своей научной работе со стороны опытных рецензентов, редакторов, которыми движет генеральный принцип — «не избаловать похвалой». Особенно строгое табу — сравнение юного современника с античными гениями, классиками ушедших столетий, это считается признаком дурного тона. Допускаем, что в этом есть свой резон воспитательного характера. Но почему-то великий Гачев поступает по-другому. Ему ничего не стоит абсолютно неизвестную докторантку, «спустившуюся с гор», поставить на научный Олимп.

Приведем характерную для него цитату из отзыва на труд Кучуковой:

«И то, над чем думали Платон и Гегель, над чем бились Декарт и Гуссерль, балкарка Зухра обнаруживает, расслышивает в звуках и словах родной ей карачаево-балкарской поэзии и, став превосходно образованным ученым, умело возносит ее всеобщий сказ на уровень современной гуманитарной науки в уши высокоумных “совопросников мира сего”. Чтоб вял и понял современный надменный глобалист и стиль ума — “на ЧТО он руку поднимал”, пренебрегая вниманием (как в математике отсекают бесконечно малые величины...) плоды творчества численно малых ныне народов. В гуманитарной культуре язык КАЧЕСТВА действителен (одна картина Леонардо и одна песнь нартского эпоса), а не критерий КОЛИЧЕСТВА, как на рынке тиражей и продукции» (Гачев, 2005: 288).

Ни один стандартно мыслящий академик не будет публично признаваться, что хотел бы законспектировать труд ученого, стоящего рангом намного ниже его самого. Легендарный Гачев, абсолютно свободный от всяких «ярмарок тщеславия», может делиться признаниями: «Ум за разум, мозги набекрень, но как интересно, научительно, художественно! Так бы и переписывал и конспектировал ученически тексты и образы поэтов-горцев и толкования автора» (там же: 290).

Выше, в «казахском разделе» данной статьи мы уже отмечали уникальную академическую привычку Г. Д. Гачева самим инсайдерам-этнофорам растолковывать скрытый внутренний смысл ими же упомянутых, но недоосмысленных слов, знаков, жестов.

Так, в работе З. А. Кучуковой тонкий слух Георгия Дмитриевича улавливает созвучие балкарских слов *тау* ‘гора’ и *таууш* ‘звук, шум’. Тут же, стягивая их воедино, он пишет: «В корне слова «*таууш*» уже содержится гора: она рождает и голос, звук» (там же: 291).

Также при анализе работ русских переводчиков Кучукова на примере нескольких стихотворений Кайсына Кулиева показывает примеры досадной деформации, основанные на замене балкарских предложений с актантами на безличные русские предложения. И вот как Г. Д. Гачев такого рода грамматические несостыковки выводит на мировоззренческий уровень: «И это не случайно-личностное в переводчиках: но ими глаголет воля русского Космо-Психо-Логоса и Державы, где субъектом бытия более являются могучее пространство и его стихии, они работают над человеком, кто мал в сравнении

¹ Произведения устного народного творчества, созданные кавказскими спецпереселенцами в Казахстане и Киргизии.

с ними, тогда как горец, в малости отпущенного ему космоса на поприще жизни, — призван быть активным актором» (там же: 294).

Местные читатели (в том числе, ученые мужи) удивлялись феноменальной языковой интуиции Георгия Дмитриевича, его умению декодировать балкарские слова, по их корням определять смысловые «плоды». Доходило до курьезов: один из старейших балкарских фольклористов лингвистическую прозорливость ученого объяснял тем, что «Гачев — болгарин, а болгары издревле соседствуют с турками, и, скорее всего, он знает турецкий язык, потому так легко справляется с карачаево-балкарским материалом» (по воспоминаниям З. А. Кучуковой).

Продолжая тему «Гачев и Кавказ», отметим, что в Кабардино-Балкарском государственном университете с 2007 г. (исключая коронавирусное двухлетие) ежегодно проводятся внутривузовские студенческие конференции, посвященные Г. Д. Гачеву. Необходимые знания по экзистенциальной культурологии молодежь черпает из двух гачевских спецкурсов филфака — «Ментальности народов мира: художественное измерение» и «Национальные образы мира». В столице республики (г. Нальчик) за прошедшую почти четверть XXI века состоялось несколько региональных «гачевских» форумов¹. По их следам издаются научные доклады конференций, которые также обретают статус учебного материала для студентов. Молодой, креативный ум учащихся нередко дарит организаторам блестящие идеи: так, цветная обложка одного из сборников украшена изображениями 52 национальных кукол², символизирующих здоровое состояние полиэтнической мировой культуры.

Самой крупномасштабной стала международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Г. Д. Гачева, которая состоялась в 2014 г. (Кучукова, Тетюев, 2015). Она проводилась в Кабардино-Балкарии при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ, проект №14-04-14027). В ней приняли участие 139 участников из разных стран, российских республик и городов. В предисловии к сборнику материалов редактор пишет: «Весьма символично, что именно многоликий Кавказ с его прочными архетипическими основаниями в культуре и многовековыми мирозидательными традициями стал местом концентрации гачевских научных идей по сохранению и развитию национальных культур, по осмыслению “глобализации духа”» (Национальные образы мира, 2015: 9).

В работе конференции самое активное участие приняла дочь ученого Анастасия Георгиевна Гачева, проявившая глубокий интерес к участникам студенческой секции, отважно разрабатывающим сложнейшие вопросы, связанные с этническими ликами всемирной экономики, национально-культурным кодом романистики Ф. М. Достоевского, этномаркированными танцами и др.

Практическая часть конференции проводилась в сел. Верхняя Балкария, где гостей знакомили с древней архитектурой горцев, особенностями террасного земледелия, войлочного и вязального искусства, философией национальной пищи, музейными редкостями. Как любая качественно проведенная конференция, указанный «грантоодаренный» форум обогатил разноплеменных участников свежими идеями по идентификации «логоса и голоса» этноколлективов, методике сохранения архетипических основ мировой культуры и повышения уровня интереса молодежи к национальным языкам.

Априори любая гачевская конференция в силу своей этнокультурной направленности является приростом знаний в сфере научной тюркологии. К примеру, в вышеназванном юбилейном форуме приняли участие казахи (У. М. Бахтикиреева, М. Б. Амалбекова, Ж. Т. Ермекова, У. К. Абдыханов, К. У. Бекжанова, С. А. Тулеубаева), азербайджанец (Иманов Мухтар Казым оглы), киргизка (А. Т. Махиева), туркмен (М. С. Соегов), карачаевцы (Б. А. Берберов, Л. Б. Берберова, М. Х. Чотчаева, Т. А. Чанкаева, А. М. Казиева, З. Б. Караева, А. И. Темирболатова), татарка (А. И. Смирнова) и внушительное количество балкарских ученых (М. А. Ахматова, К. К. Бауаев, С. К. Башиева, Х. К. Геграев, М. Б. Кетенчиев, З. А. Кучукова, Б. И. Тетюев, З. Х. Толгуров и др.). Это тот случай, когда Г. Д. Гачев ушел из жизни, но его имя, его труды продолжают мотивировать молодых единомышленников заниматься постижением разных граней тюркского Космо-Психо-Логоса.

¹ Космо-Психо-Логос студентов КБГУ [Электронный ресурс] // КБГУ. 2019, 27 апреля. URL: <https://kbsu.ru/podrazdelenija/instituty/socialno-gumanitarnyj-institut/news/kosmo-psiho-logos-studentov-kbgu/> (дата обращения: 23.06.2024).

² Национальные образы мира в художественной культуре : Материалы Международной конференции (Нальчик 8–9 ноября 2010 г.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010.

Не менее ценны в научном отношении труды, посвященные «смешанным индивидам» (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021; Арсеньева, Куулар, 2024; Султанов, 2022). Для Гачева вопрос самоопределения в национальном отношении был столь важен, что в самом начале своего труда «Ментальности народов мира» он схематически изображает свое этническое Я как «пересечение множеств» (болгарское, еврейское, российское). Рассуждая о том, как к этому должен относиться индивид, автор употребляет выражение «интеллектуальная терапия», возможность «разумом излечиться от мнимых комплексов, тревог и беспокойств» (Гачев, 2003: 11).

Поддерживая и развивая мысль ученого, от себя можем добавить, что пессимист в этом случае всю жизнь может прожить как потерпевший с ощущением «рассеченных у основания корней», а оптимист, наоборот, скажет себе и миру, что он «родиной дважды (трижды, четырежды) богатый».

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать главный вывод о том, что тандем «Гачев и тюркский мир» — большая, самостоятельная и интересная область мировой гуманитаристики, которая, с одной стороны, высвечивает масштабность гачевских этнографических и культурологических знаний, а с другой — позволяет четко идентифицировать специфические особенности каждой тюркской этнической единицы.

В данной статье крупным планом рассмотрены лишь четыре тюркских этнокультурных мира — казахский, киргизский, азербайджанский и карачаево-балкарский, попавшие в орбиту исследований Г. Д. Гачева. Показано и доказано, что при наличии единого генокода, каждый из названных этноколлективов имеет свои уникальные черты, обусловленные факторами географии, ландшафта, исторических условий, религиозной культуры, системой сложившихся мыслительных координат (логос) и темпераментов (психея).

Следующий вывод связан с культуuroобразующей продуктивностью гачевской методологии, позволяющей новой генерации тюркских ученых-инсайдеров самим исследовать Космо-Психо-Логос собственных этнокультур. С особой отчетливостью данный факт высветился в юбилейном для Гачева 2024 г., когда одномоментно уже были проведены научные конференции различного уровня и семинары сразу в нескольких российских университетах и институтах — Российском университете дружбы народов (отв. — У. М. Бахтикиреева), Казанском научном центре РАН (отв. М. И. Ибрагимов и А. А. Арзамазов), Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова (отв. — Т. Г. Боргоякова), Кабардино-Балкарском государственном университете (отв. — З. А. Кучукова) при активном участии студентов и аспирантов.

«Руки Гачева» не дошли до каждой веточки большого «тюркского дерева». Перспективы дальнейшего системного исследования видятся в восполнении недостающих знаний с широким и прицельным обращением к этнокультурным мирам алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, татар, крымских татар, башкир, кумыков, ногайцев, чувашей, тофаларов, уйгуров, шорцев, каракалпаков и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Арсеньева, И. А., Куулар, Е. М. (2024) Метафорическая репрезентация времени в русской и тувинской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 104–120. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.7>

Бахтикиреева, У. М. (2015) Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929–2008) / отв. ред. З. А. Кучукова. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 728 с. С. 10–15.

Бахтикиреева, У. М. (2020) Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы – осознанная необходимость // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 230 с. С. 14–22.

- Бахтикиреева, У. М. (2024) Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>
- Бернштейн, Э. Б. (1993) Архитектура балкарского народного жилища. М. : Дикси. 160 с.
- Гачев, Г. Д. (1995) Жизнь с Мыслью. Книга счастливого человека (пока...). М. : ДИ-ДИК-ТАНАИС МТРК «МИР». 496 с.
- Гачев, Г. Д. (1989) Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М. : Художественная литература. 431 с.
- Гачев, Г. Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК. 368 с.
- Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.
- Гачев, Г. Д. (2003) Ментальности народов мира. М. : Эксмо. 544 с.
- Гачев, Г. Д. (2005) Мир иной и ум иной // Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 312 с. С. 288-295.
- Гачев, Г. Д. (2007) О том, как жить и как умирать // Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) : роман, повесть, новелла. СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика». 480 с. С. 5–16.
- Гачев, Г. Д. (2016) Божества в культуре: Национальные варианты. М. : Академический проект ; Культура. 891 с.
- Кажигалиева, Г. А. (2016) Национальная концептосфера и проблема формирования межкультурной компетентности // Человек. Культура. Образование. Т. 2. № 20. С. 149–162.
- Каирбеков, Б. Г. (2023) Кочующие в мирах. М. : РУДН. 244 с.
- Камбаралиева, У. Д. (2023) Этнокультурные особенности невербального коммуникативного поведения русских и киргизов // Коммуникативные исследования. Т. 10. № 1. С. 23–37.
- Карданов, М. Л., Уметов, М. А. (2023) БЗЭ. Языковой код Вселенной. Нальчик : Принт-Центр. 247 с.
- Кучукова, З. А. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 312 с.
- Кучукова, З. А. (2015) Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик : Эльбрус. 304 с.
- Кучукова, З. А., Тетуев, Б. И. (2015) Гачевские чтения в Кабардино-Балкарии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. № 3. С. 97–104.
- Мадмарова, Г. А. (2014) Проявление национального менталитета через призму языка // Вестник Ошского государственного университета. № 3. С. 119–124.
- Махиева, А. Т. (2015) Киргизия и Балкария: общность этнокультурных традиций // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929–2008) / отв. ред. З. А. Кучукова. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 728 с. С. 235–240.
- Национальные образы мира в художественной культуре (2015) : Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г. Д. Гачева (1929–2008) / отв. ред. З. А. Кучукова. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 728 с.
- Султанов, К. К. (2022) Последний дагестанский европеец: ностальгический миф в прозе и живописи Халилбека Мусаясула // Полилингвальность и транскультурные практики. Т. 19. № 2. С. 175–192. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>

Дата поступления: 22.07.2024 г.

Дата принятия: 09.09.2024 г.

REFERENCES

- Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
- Arsen'eva, I. A. and Kuular, E. M. (2024) Metaphorical representation of time in the Russian and Tuvan language picture of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 104–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.7>
- Bakhtikireeva, U. M. (2015) The phenomenon of Georgy Dmitrievich Gachev. In: *National images of the world in artistic culture: materials of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, cultural critic G. D. Gachev (1929–2008)* / ed. by Z. A. Kuchukova. Nal'chik, M. i V. Kotliarovy Publ. 728 p. Pp. 10–15. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2020) The study and description of the national images of the indigenous peoples of the Russian Federation through native speakers of the language, folklore and literature is a conscious necessity. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (Abakan, October 1–2, 2020) / ed. by T. G. Borgoiakova. Abakan, Khakass State University Publ. 230 p. Pp. 14–22. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2024) House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 276–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>

Bernshtein, E. B. (1993) *Architecture of the Balkarian folk dwelling*. Moscow, Diksi. 160 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1995) *Living with a Thought. The book of a happy man (so far...)*. Moscow, DI-DIK-TANAIS MTRK «MIR». 496 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1989) *The inevitable. Accelerated development of literature*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 431 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1999) *National images of the world. Eurasia is the space of a nomad, a farmer and a mountaineer*. Moscow, Institut DIDIK. 368 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2002) *National images of the world. Caucasus. Intellectual trips from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatel'skii servis. 416 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2003) *The mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Eksmo. 544 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2005) The world is different and the mind is different. In: Kuchukova Z. A. *The ontological metacode as the core of ethnopoetics (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)*. Nal'chik, M. and V. Kotliarovy Publ. 312 p. Pp. 288–295. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2007) About how to live and how to die. In: Aitmatov Ch. *When the Mountains Fall (The Eternal Bride): novel, novella, novella*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ. Hous. 480 p. Pp. 5–16. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2016) *Deities in culture: National variants*. Moscow, Akademicheskii proekt; Kul'tura. 891 p. (In Russ.).

Kazhigalieva, G. A. (2016) National conceptsphere and problem formation of intercultural competence. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, vol. 2, no. 20, pp. 149–162. (In Russ.).

Kairbekov, B. G. (2023) *Nomads in the worlds*. Moscow, RUDN. 244 p. (In Russ.).

Kambaralieva, U. D. (2023) Ethno-cultural features of non-verbal communicative behavior of Russians and Kyrgyz people. *Kommunikativnye issledovaniia*, vol. 10, no. 1, pp. 23–37. (In Russ.).

Kardanov, M. L. and Umetov, M. A. (2023) *BZE. The language code of the Universe*. Nal'chik, Print-Tsentr. 247 p. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2005) *The ontological metacode as the core of ethnopoetics (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)*. Nal'chik, M. i V. Kotliarovy Publ. 312 p. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2015) *Karachay-Balkar vertical*. Nal'chik, El'brus. 304 p. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A., Tetuev, B. I. (2015) Scientific event for the anniversary of Georgiy Gachev in Kabardino-Balkaria. *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Problems of education: languages and speciality*, no. 3, pp. 97–104. (In Russ.).

Madmarova, G. A. (2014) The manifestation of national mentality through the prism of language. *Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 119–124. (In Russ.).

Makhieva, A. T. (2015) Kyrgyzstan and Balkaria: common ethno-cultural traditions. In: *National images of the world in artistic culture*. Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, cultural critic G. D. Gachev (1929–2008) / ed. by Z. A. Kuchukova. Nal'chik, M. and V. Kotliarovy Publ. 728 p. Pp. 235–240. (In Russ.).

National images of the world in artistic culture. Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of literary critic, philosopher, cultural critic G. D. Gachev (1929–2008) / ed. by Z. A. Kuchukova. Nal'chik, M. and V. Kotliarovy Publ. 728 p. (In Russ.).

Sultanov, K. K. (2022) The Last Dagestan European: Nostalgic Myth in Prose and Painting by Khalilbek Musayasul. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 2, pp. 175–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-2-175-192>

Submission date: 22.07.2024.

Acceptance date: 09.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.3

Статья

Основные понятия лингвофилософской концепции Г. Д. Гачева с позиций лексико-семантического анализа и корпусной лингвистики

Ирина И. Валуйцева, Георгий Т. Хухуни

Государственный университет просвещения, Российская Федерация

В статье изложены результаты изучения ключевых моментов концепции советского ученого Г. Д. Гачева, автора лингвофилософской концепции культур. В серии публикаций Гачева обсуждаются значимые для многих культур оппозиции: земледелец — кочевник — горец, изба — юрта — сакля. В ходе исследования решены задачи сопоставления этих концептов с данными словарей различного типа и Национального корпуса русского языка.

Метод семантического и статистического анализа контента при помощи компьютерной программы позволил выявить неочевидные, на первый взгляд, связи и зависимости в содержании ключевых понятий изучаемого текста. Анализировался один из значимых трудов в творчестве Г. Д. Гачева — текст монографии «Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» (1999). Результаты сопоставительного исследования данных словарей и корпуса, с одной стороны, и seo-анализа, — с другой, свидетельствуют о том, что наиболее частотными словами в книге являются «быть», «земля», «человек». Семантический анализ подчеркивает антропоцентризм мировоззрения Г. Д. Гачева.

Ключевые слова: Георгий Дмитриевич Гачев; Национальный корпус русского языка; контент-анализ; кочевник; земледелец; горец; космос

Для цитирования:

Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Основные понятия лингвофилософской концепции Г. Д. Гачева с позиций лексико-семантического анализа и корпусной лингвистики // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 34-45. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.3>

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения. Адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а. Эл. адрес: irinaiv-v@yandex.ru

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения. Адрес: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10а. Эл. адрес: khukhuni@mail.ru

VALUYTSEVA, Irina Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education. Postal address: 10a, Radio St., Moscow, Russia 105005. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5935-7595

KHUKHUNI, Georgy Teymurazovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education. Postal address: 10a, Radio St., Moscow, Russia 105005. E-mail: khukhuni@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7423-5393

The basic concepts of G. D. Gachev's linguophilosophical theory from the perspective of lexico-semantic analysis and corpus linguistics

Irina I. Valuitseva, Georgii T. Khukhuni

State University of Education, Russian Federation

The article presents the results of a study on the key ideas of Soviet scholar G. D. Gachev, the author of a linguo-philosophical theory of cultures. Gachev's series of publications addresses significant oppositions relevant to various cultures: farmer — nomad — mountaineer, hut — yurt — saklya. The study aimed to compare these concepts with data from various types of dictionaries and the Russian National Corpus.

Using a computer-based method of semantic and statistical content analysis allowed the identification of connections and dependencies within the key concepts of the text that might not be immediately apparent. The analysis focused on one of Gachev's notable works, the monograph "National Images of the World: Eurasia — The Cosmos of the Nomad, Farmer and Mountaineer" (1999). The comparative study of dictionary and corpus data alongside SEO analysis revealed that the most frequent words in the book are "being", "earth" and "human." Semantic analysis highlights the anthropocentrism of Gachev's worldview.

Keywords: *Georgy Dmitrievich Gachev; Russian National Corpus; content analysis; nomad; farmer; highlander; space*

For citation:

Valuitseva I. I. and Khukhuni G. T. The basic concepts of G. D. Gachev's linguophilosophical theory from the perspective of lexico-semantic analysis and corpus linguistics. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 34-45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.3>

Введение

Э. Сепир еще в 1920-е гг. писал: «Язык не существует и вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» (Сепир, 1993: 185). Эта слова созвучны идеям советского, российского культуролога, литературоведа, философа Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008).

При знакомстве с научным наследием Г. Д. Гачева бросается в глаза, прежде всего, его необычайная творческая продуктивность (в этом смысле характеристика, данная в свое время академиком В. М. Алексеевым отечественному японисту Н. А. Невскому — «колоссальный продуктор»¹, может быть в полной мере применена и к деятельности Г. Д. Гачева). С другой стороны, удивительно разнообразие тематики его работ, чем он напоминает энциклопедистов XVIII в.: от комплексного анализа проблем русского Эроса (Гачев, 2004) и видов художественных форм (Гачев, 1981) до рассмотрения математики, физики, естествознания с позиций представителя гуманитарного знания (Гачев, 2003а).

¹ Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. «Колоссальный продуктор» (Н. А. Невский) [Электронный ресурс] // Библиотека электронной литературы. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/alpatov-vladimir-mihajlovich/yazikovedi-vostokovedi-istoriki/9> (дата обращения 18.05.2024).

Центральной темой многочисленных трудов Гачева можно считать изучение национально-культурной специфики и особенностей менталитета различных народов мира (Гачев, 2003b; 2008 и др.). И здесь также поражает охват тех территорий и этносов, которым посвящены его труды. Среди них: Индия, Кавказ, народы Севера... Поскольку ограниченность рамками статьи не дает возможности даже вкратце охарактеризовать масштаб его научных интересов, мы сочли целесообразным ограничиться одной из наиболее значимых его работ — монографией «Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» (Гачев, 1999). Целью нашего исследования является рассмотрение базовых понятий концепции Г. Д. Гачева, нашедших отражение в указанной книге, используя методы корпусной лингвистики и качественного и количественного анализа ее содержания с помощью компьютерной программы.

Многие труды Г. Д. Гачева созвучны исследованиям, проводившимся в конце XX — начале XXI в. в области психолингвистики (создание ассоциативных словарей), а на этой базе и этнопсихолингвистики (работы Московской школы психолингвистики); в области когнитивной лингвистики и ее лингвокультурологического направления по изучению языковых картин мира, а также исследований в области семиотики. Отсюда следует, что теоретической базой нашей работы являются труды А. А. Леонтьева (Леонтьев, 1997), Ю. Н. Караулова (Караулов, 1987), Ю. А. Сорокина (Сорокин, 1994), Е. Ф. Тарасова (Тарасов, Тарасова, 1997), Н. В. Уфимцевой (Уфимцева, 2011), В. А. Пищальниковой (Пищальникова, 2021), И. А. Стернина (Стернин, 2001), Ю. М. Лотмана (Лотман, 2018), Ю. С. Степанова (Степанов, 1997), В. А. Масловой (Маслова, 2004) и др.

Нами была предпринята попытка соотнесения мира философских идей Г. Д. Гачева с данными словарей различного типа и лет издания и Национального корпуса русского языка¹ — представительного корпуса текстов, включающего на настоящий момент более двух миллиардов слов и постоянно пополняющегося, что позволяет в наиболее полной степени рассматривать состояние языка как в синхронии, так и в диахронии. Работа над корпусом осуществляется ведущими научными и образовательными организациями нашей страны (Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, Высшей школой экономики, Института лингвистических исследований РАН Санкт-Петербурга и др.). Мы отдаем себе отчет, что любой словарь, любой языковой корпус постоянно пополняются, поэтому могут не отражать в полной мере картину мира носителя языка.

Далее анализ текста выбранной книги был проведен при помощи программы семантического анализа текста miratext², посредством которой были определены наиболее частотные слова в тексте философа, их сочетаемость, что помогает вскрыть глубинные связи основных понятий в «космологичес» Г. Д. Гачева.

Задачи исследования следующие. Во-первых, дать словарные дефиниции ключевых слов из книги Г. Д. Гачева. Во-вторых, привести информацию из «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса: Европейская часть России (ЕВРАС)»³, состоящего из двух томов (для удобства они будут называться «прямой словарь ЕВРАС» и «обратный словарь ЕВРАС»). Далее провести поиск этих же слов и контекстов их употребления в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), в основном подкорпусе. Задача следующего этапа — осуществить seo-анализ текста одной из глав труда Г. Д. Гачева при помощи программы miratext.

¹ Национальный корпус русского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.05.2024).

² Miratext. Главная страница [Электронный ресурс] // Miratext. URL: https://miratext.ru/seo_analiz_text (дата обращения 12.05.2024).

³ Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: Европейская часть России : в 2 т. М., 2014. Т. 1. От стимула к реакции. [Электронный ресурс] // Институт языкознания Российской академии наук. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (дата обращения 14.06.2024); Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: Европейская часть России : в 2 т. М., 2014. Т. 2. От реакции к стимулу [Электронный ресурс] // Институт языкознания Российской академии наук. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_2.pdf (дата обращения 14.05.2024).

Язык и его окружение: подходы к изучению

В трудах по истории лингвистики первая половина XX в., условно говоря, «от Соссюра до Хомского», обычно квалифицируется как доминирование структурной парадигмы, и основное внимание уделяется именно ее представителям. Но в это же время публиковались работы ученых, выходящих за рамки «ортодоксального структурализма». В первую очередь, здесь можно вспомнить этнолингвистический подход Э. Сепира (Sapir, 1921), который фактически противопоставил сосюровскому — «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Соссюр, 1977: 269; Sausuure, 1916) — тезис о том, что язык не существует вне культуры. Не относились к структурной парадигме и некоторые течения в европейском языкознании, вышедшие на научную арену практически одновременно со структурализмом (неогумбольдтианство в Германии, неолингвистика в Италии и др.).

Однако именно во второй половине XX в. происходит подлинный выход лингвистики за рамки структурного подхода, продолжившийся уже в нашем веке.

Смена научной парадигмы исследований сформировалась не в одночасье, а была подготовлена трудами ученых — представителей различных наук и школ: философии, психологии, лингвистики. Прежде всего, следует отметить отечественную школу теории речевой деятельности, известную как Московская школа психолингвистики (А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, И. Н. Горелов и др.). Многие ее представители были в числе коллектива ученых, осуществивших обширный проект под редакцией Ю. Н. Караулова по созданию двухтомного «Русского ассоциативного словаря» в 1980–1990-е гг., переиздание в 2002 г.¹), а в дальнейшем по выработанной методологии создавались словари на материале других языков, что позволило проводить сопоставительные исследования. Изучение языковой картины мира носителей разных языков проводилось и с позиций когнитивной лингвистики. Сюда относятся фундаментальные работы Ю. С. Степанова, в первую очередь — известный «Словарь русской культуры» (Степанов, 1997), Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 2004), В. З. Демьянкова (Демьянков, 2019) и ряда других ученых. Проблемное поле когнитивной лингвистики в ее лингвокультурологическом аспекте, особенно в нашей стране, развивалось и развивается очень интенсивно: нельзя не упомянуть труды школы З. Д. Поповой и И. А. Стернина (Попова, Стернин, 2015), В. А. Масловой² и др.

В. В. Красных были сформулированы основные положения психолингвокультурологии, «касающиеся, с одной стороны, человека как такового — носителя языка и сознания, представителя культуры и лингвокультуры, члена сообщества (сообществ) и т. д., и с другой стороны, мира, в котором человек живет, т. е. в котором он становится личностью и реализует себя как личность» (Красных, 2017: 184). Она отмечает, что «сегодня (особенно в рамках психолингвокультурологического подхода) на первый план выходит именно Homo Litteratus / symbolicus — «культурная / лингвокультурная» ипостась человека говорящего» (там же: 190).

Можно утверждать, что культурологические работы Г. Д. Гачева находятся как в русле данных исследований, но уже с позиций философской и литературной, так и способствуют ее формированию. Ученый активно использовал классический метод социо- и психолингвистики — метод включенного интервью (хотя так его и не называл), что позволяет читателям верифицировать результаты его исследований уже на других респондентах и, конечно, в другое историческое время. Подчеркнем, что отмечаются «истоки включенного наблюдения еще в трудах персидского антрополога Абу Райхана Бируни (Abū Rayhān Bīrūnī), который жил на рубеже X–XI вв. и изучал традиции и обычаи народов Индии» (Леонтович, 2011: 35), то есть выбранный Г. Д. Гачевым метод изучения национальных образцов мира прошел многовековую проверку.

¹ Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: АСТ Астрель, 2002.

² Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / отв. ред. У. М. Бахтикиреева. М.: Юрайт, 2024.

Анализ ключевых слов концепции Г. Д. Гачева по словарям и Национальному корпусу русского языка

Начнем анализ со слов, которые не обладают высокой частотностью в тексте книги, но являются ключевыми для данной работы автора и вынесены в ее заглавие: *кочевник, земледелец, горец*.

Согласно определениям в классических словарях современного русского литературного языка¹, *горец* — житель /обитатель гор.

В ЕВРАС этого слова-стимула нет ни в прямом, ни в обратном словаре.

В НКРЯ слово *горец* встречается в следующих словосочетаниях (перечисляются по убыванию частотности): *кавказский, Кавказ, дикий, молодой, казак, время, обычай, борьба, человек, отряд, нападение, оружие, мирный*. Например²:

«Однако в 1837 г. Лермонтов попал на Кавказ, где шла война с **горцами**, не по своей воле» [Ольга Базанова. «Кавказ был колыбелью его поэзии...» // «Наука в России», 2014];

«Горжусь тем, что народный поэт Дагестана Расул Гамзатов после экскурсии поцеловал мне руку и так, как это умеют только **горцы**, поблагодарил за рассказ» [Юрий Никулин, Ася Иванова. И сам Расул Гамзатов ей руку целовал... (23.05.2013) // «Новгородские ведомости», 2013].

Наибольшая частотность данной лексемы приходится на XIX век и на начало 1990-х годов, что, безусловно, связано с историческими событиями в нашей стране (рис. 1) — военными действиями на Кавказе.

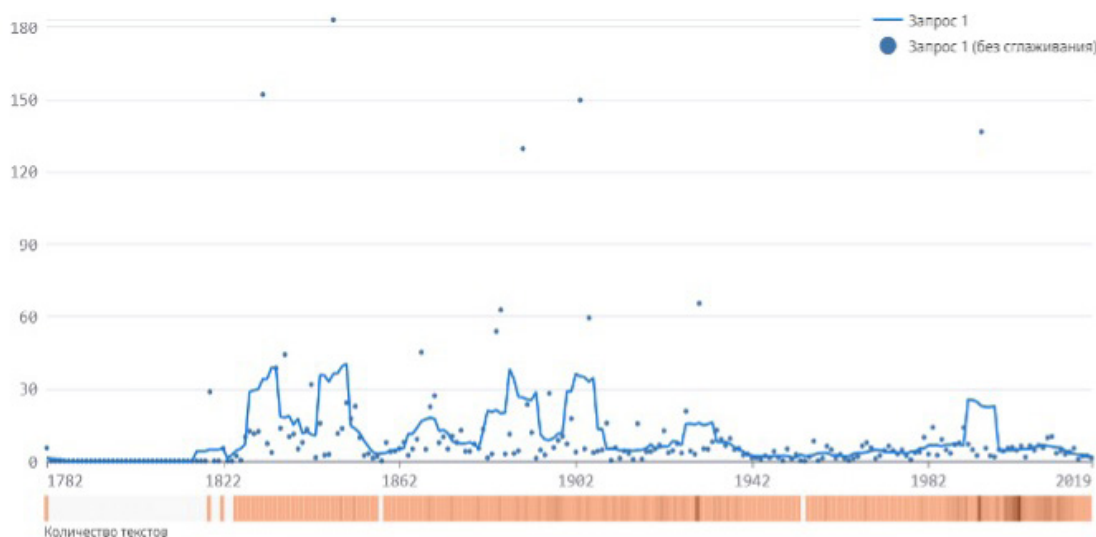

Рисунок 1. График частотности лексемы «горец», по данным НКРЯ³.

Прим.: По горизонтальной оси расположены годы, по вертикальной — частотность лексемы на миллион словоупотреблений.

Figure 1. Graph of the frequency of the lexeme “gorets / Highlander”, according to The Russian National Corpus.

Note: The years are located on the horizontal axis, and the frequency of the lexeme per million words is located on the vertical axis.

Интересен и перечень этносов/регионов, которые в НКРЯ наиболее часто встречаются с лексемой *горец*: Кавказ, Дагестан, северный Кавказ, таджик. Любопытно отметить, что в рассматриваемой нами книге дается запись бесед Г. Д. Гачева с двумя абхазами и таджиком.

Земледелец имеет следующее определение в словаре Ожегова, это «человек, который занимается земледелием»⁴.

¹ См., например: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992; Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.

² Примеры здесь и далее воспроизводятся в том виде, в каком они представлены в НКРЯ.

³ На данном и на всех последующих графиках по горизонтальной оси обозначены годы, по вертикальной — частотность лексемы на миллион словоупотреблений

⁴ Здесь и далее ссылки на словари даются с сайта Academic.ru: Земледелец [Электронный ресурс] // Academic.ru. Словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/68358> (дата обращения: 18.06.2024).

Большой интерес представляют примеры из Словаря синонимов русского языка¹, так как синонимический ряд в определенной степени сходен с тем, что мы видим в книге Г. Д. Гачева: *землероб, хлебороб, землепашец, хлебопашец, пахарь; ратай, пейза, тяжател, поселянин, плугарь, мужик, феллах, крестьянин, чифчия, керл, смерд, полевод, земледел, оратай, сельчанин, селянин* (Словарь синонимов русского языка).

В ЕВРАС этого слова-стимула нет ни в прямом, ни в обратном словаре.

В НКРЯ *земледелец* встречается в коллокациях с такими словами: *труд, крестьянин, земля, свой, ремесленник, человек, скотовод, русский, купец, жить, поле, хлеб, гражданин, воин, рабочий, вольный, трудолюбие, состояние, землевладелец*.

Следует подчеркнуть, что вхождения со словом *земледелец* в НКРЯ значительно разнообразнее, чем со словом *горец*:

«Первоначально это не требовало каких-то специальных мер: лес оставался в общем пользовании, но безоружный **земледелец** и так не совался в него без настоятельной нужды» [Борис Жуков. Священные рощи индустриальной эпохи // «Знание-сила», 2014];

«В этом его коренное отличие от мира осёдлых **земледельцев**, привыкших к размеренному циклу каждодневных событий и рутинному, кропотливому труду» [Ренат Темиргалеев. Золото бесстрашных воинов // «Зеркало мира», 2012].

Наибольшая частотность лексемы *земледелец* приходится на вторую половину XVIII — первую половину XIX в., практически минимальна на протяжении всего XX в. и до настоящего времени (рис. 2), что свидетельствует об определенной степени архаичности данной лексемы и замены ее на другие (прежде всего, *крестьянин*).

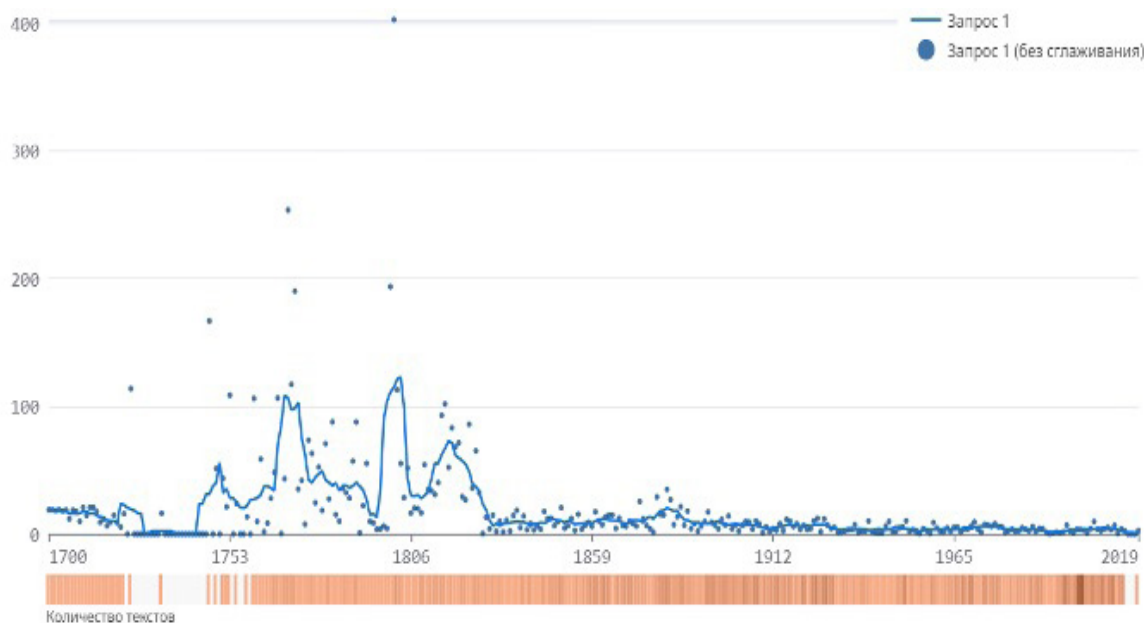

Рисунок 2. Частотность лексемы «земледелец», по данным НКРЯ.
Figure 2. The frequency of the lexeme “zemledelets / farmer”, according to The Russian National Corpus.

Лексема *кочевник* в словарях имеет следующее определение: в словаре Ожегова, статьи которого размещены в электронной библиотеке Academic.ru², это «человек, который ведет кочевой образ жизни. Скотоводы кочевники», в Словаре по географии — «представитель народа, передвигающийся

¹ Земледелец [Электронный ресурс] // Gufo.me. Словарь синонимов русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms/земледелец> (дата обращения: 10.06.2024).

² Кочевник [Электронный ресурс] // Academic.ru Словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/90946> (дата обращения: 17.06.2024).

в определенные сезоны с места на место в пределах определенной территории в поисках средств к существованию, особенно пастбищ для скота»¹.

В ЕВРАС этого слова-стимула нет ни в прямом, ни в обратном словаре.

В НКРЯ слово «кочевник» встречается в следующих сочетаниях (в порядке убывания частотности): *степной, степь, набег, скотовод, дикий, древний, век, племя, жить, жизнь, оседлый, стадо, юрта, скиф, путь, печенег, монгол, Русь, скот, земля, великий, земледелец*. И здесь наблюдается большое разнообразие коллокаций, отражающих разные стороны жизни кочевых народов:

«Аналогично ираноязычные **кочевники** создали в Евразийской степи самобытную Скифскую ойкумену, но завершить этот процесс синтезом первой Степной Империи довелось тюркоязычным хуннам» [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание — сила», 2003];

«Тува издревле лежала на пути **кочевников**-скотоводов и двигавшихся в Европу многотысячных армий восточных правителей, стремившихся захватить все больше земель» [Ольга Базанова. Страна голубых рек // «Наука в России», 2013];

«**Кочевников** в мире сейчас осталось очень мало: кочевые или полукочевые племена обитают в засушливых областях Аравии и на Дальнем Севере, в Монголии и в Северном Казахстане» [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)].

Следует отметить, что частотность данной лексики значительно выше частотности двух предыдущих и, судя по графику, представленному на рис. 3, на протяжении более 150 лет была значительной, со всплесками в конце XIX в., в 1930-е годы, но, что более интересно, в начале XXI века. И если первые два можно объяснить опять-таки историческими причинами (той ролью, которую играли многовековые контакты с кочевыми племенами на протяжении российской истории, а также проводимой в 1930-е гг. советским правительством политикой перевода кочевых народов на оседлый образ жизни), то последний, скорее, изменением/расширением значения слова *кочевник*. Также можно предположить, что частотность рассматриваемой лексики возросла и в связи с возрождением этнических культур кочевых народов, хотя НКРЯ пока не отражает эту тенденцию в связи с особенностями его пополнения.

Многие считают, что удаленный сотрудник сродни «цифровому **кочевнику** (digital nomad)» [ТОП-5 советов для эффективной организации удаленной работы сотрудников (2019)].

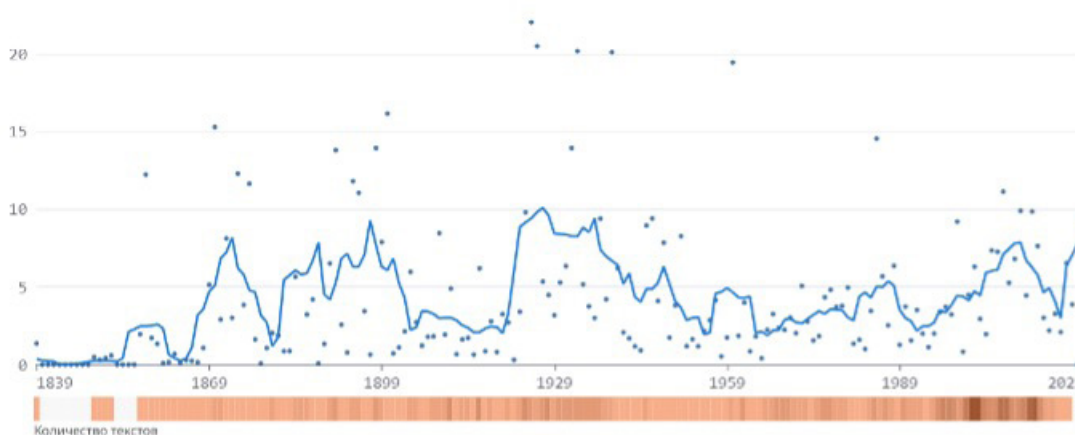

Рисунок 3. Частотность лексики «кочевник», по данным НКРЯ.

Figure 2. The frequency of the lexeme “kочевник / nomad”, according to The Russian National Corpus.

Если вернуться к названию книги Г. Д. Гачева, то необходимо рассмотреть лексику *космос*. Безусловно, она играет особую роль в его творчестве. Он писал: «Национальный космос, в древнем смысле — как строй мира, миропорядок: как каждый народ из единого мирового бытия, которое выступает

¹ Кочевник [Электронный ресурс] // Academic.ru. Словарь по географии. URL: https://geography_ru.academic.ru/3199/кочевник (дата обращения 14.06.2024).

вначале как хаос, творит по-своему особый космос. В каждом космосе складывается и особый **логос** — национальное миропонимание, логика» (Гачев, 1999: 10).

Итак, в словаре Ожегова *космос* определяется как «вселенная, мир (как совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенная). Ближний космос (исследуемый человеком). Дальний космос (мир звезд и галактик)»¹.

В Философской энциклопедии дается определение, близкое к понимаю космоса Г. Д. Гачевым: «(от греч. *kosmos* — порядок, строй, мир) — термин др.-гр. философии для обозначения мира как упорядоченного, организованного и единого целого, возникшего из первородного хаоса»².

В ЕВРАС наиболее часто встречающиеся реакции на это слово-стимул следующие: «бесконечность 27; планета 19; ракета 17; далеко 16; пространство 13; галактика, звезда 12; бесконечный, далекий 11; большой, Земля, небо, неизвестность, планеты 10; безграничный 8; невесомость, полет 6; вакуум, Луна, необъятный, пустота, черный 5; вечность 4; гостиница, летать, лететь, Мир, огромный, сигареты, хаос 3; безграничен, бездна, бесконечен, бригада, высоко, далек, даль, дальний, как предчувствие, комета, корабль, красивый, Марс, МКС, наверху, неизведанное, неизведанный, НЛО, освоение, открытый, порядок, спутник, темнота 2»³. Обратный словарь предоставляет следующую информацию: «космос ← ракета 129; пространство 34; вечность 18; звезда 17; ракетный 16; хаос 15; пустота 10; луна 9; открытый 6; хаотичный 4; абсолютный, далеко, душа, земля, мир, наука, небо, огромный, черный 2»⁴.

Считаем, что «философская» составляющая данного понятия в большей степени проявляется именно в обратном словаре ЕВРАС, то есть в ответах, на какие слова-стимулы входило слово «космос». В прямом словаре ЕВРАС превалирует пространственное значение данной лексемы.

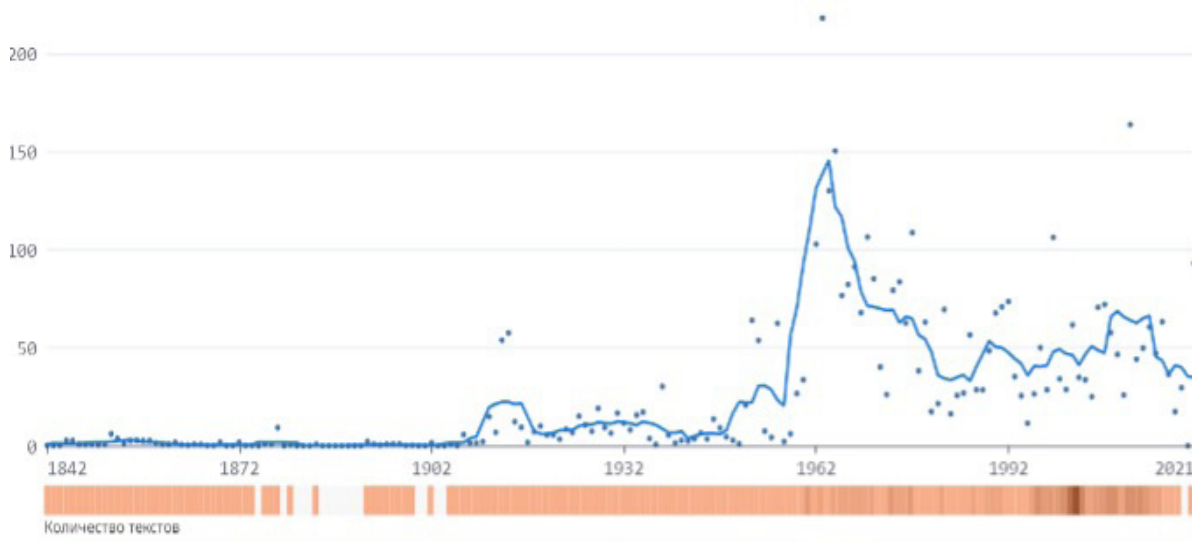

Рисунок 4. Частотность лексемы «космос» по данным НКРЯ.
Figure 2. The frequency of the lexeme “kosmos / space” according to The Russian National Corpus.

² Космос [Электронный ресурс] // Academic.ru. Словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/90386> (дата обращения 12.06.2024).

³ Космос [Электронный ресурс] // Academic.ru. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/561/КОСМОС (дата обращения 12.06.2024).

³ Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: Европейская часть России : в 2 т. М., 2014. Т. 1. От стимула к реакции. [Электронный ресурс] // Институт языкознания Российской академии наук. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (дата обращения 14.06.2024).

⁴ Уфимцева Н. В. Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: Европейская часть России: в 2 т. М., 2014. Т. 2. От реакции к стимулу [Электронный ресурс] // Институт языкознания Российской академии наук. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_2.pdf (дата обращения 14.05.2024).

Обратимся к НКРЯ. Лексема *космос* представлена в коллокациях со следующими словами: *полет, человек, открытый, выход, полететь, первый, летать, Гагарин, спутник, земля, ракета, мир, выйти, космонавт, корабль, вселенная, бог*. Необходимо подчеркнуть, что частотность коллокаций с двумя последними словами существенно ниже всех предыдущих. Таким образом, по данным Национального корпуса, *космос* предстает, прежде всего, как пространство для полетов:

«Выход в открытый **космос** считается самым сложным заданием для космонавта» [Сергей Лесков. Наш космонавт здоров, но в космос не выйдет // «Известия», 2003.01.08];

«Ведь языческие философы многие века шли к пониманию таких объектов, как Логос или **Космос**, Хаос или Апейрон» [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание — сила», 2003].

Всплеск частотности лексемы *космос* приходится на начало 1960-х гг. — на время первых полетов человека в космос, активного его освоения, далее происходит некоторый спад, но все-таки частотность данной лексемы держится на достаточно высоком уровне и в наше время (рис. 4).

Таким образом, для решения задач исследования мы отталкивались от названия труда Г. Д. Гачева «Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» и провели анализ ключевых слов его концепции: *кочевник, земледелец, горец, космос* по словарям различного типа и Национальному корпусу русского языка. Полученные результаты позволяют утверждать, что философ тонко чувствовал национально-культурную специфику этносов и обозначенные им черты последних актуальны и в настоящее время.

Контент-анализ книги Г. Д. Гачева

Теперь перейдем к результатам рассмотрения монографии Г. Д. Гачева «Национальные образы мира. ...» (Гачев, 1999), который был проведен с помощью программы miratext, позволяющей осуществить качественный и количественный контент-анализ текста.

Вариант программы, представленный в открытом доступе, позволяет загрузить только текст объемом 100 тыс. знаков, а так как книга значительно большего объема, то мы разделили текст на равные части (7 частей в формате PDF) и провели seo-анализ каждого фрагмента, а потом обобщили полученные результаты.

Наиболее частотные лексемы в тексте книги: *быть, человек, земля, народ, космос, общество, жизнь, пища, национальный, конь, верблюд, время, бытие, пространство, мир*.

Частотность первых трех лексем в три и более раза превышает частотность всех последующих. И если глагол *быть* во всех своих словоформах является вспомогательным глаголом, то частотность соответствующих знаменательных слов ярко свидетельствует о том, что в центре концепции философа находится, прежде всего, человек, то есть главенствующим является антропоцентрический подход к окружающему миру. Такой подход закономерно соотносится с происходившим со второй половины XX в. процессом смены научной парадигмы, в результате которого «на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, когнитивная и динамическая, возратившая человеку статус “меры всех вещей” и вернувшая его в центр мироздания» (Воркачев, 2001: 64).

Относительно небольшая частотность слов *земледелец, кочевник, горец* может объясняться тем, что в космологии Г. Д. Гачева они представляют собой реализацию общего понятия «человек».

При этом приходится принимать во внимание и тот факт, что широко используемое в работах подавляющего большинства отечественных и зарубежных лингвистов, созданных в рамках данной парадигмы, понятие этноязыковой картины мира носит в определенной мере абстрактный характер, являясь инвариантом. В. И. Постовалова отмечала: «Строго говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи своя собственная картина мира, единственная и неповторимая как и все живое. Она конкретизируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из наличного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картины мира на базе интуиции о мире, которые пробуждаются под влиянием культуры или актов жизнедеятельности» (Постовалова, 1988: 45). Вместе с тем, как писал еще Э. Сепир: «Рядовой человек не задумывается над тем, каково его место в общей системе всего человечества. Он ощущает себя представителем составляющей некое законченное целое части человечества, то ли “национальности”, то ли “расы”, и полагает, что все, имеющееся у него, как у типичного представителя этой обширной группы, образует некое единство» (Сепир, 1996: 185).

Возвращаясь к рассматриваемой нами книге Г. Д. Гачева, отметим, что в разделах, посвященных мирам кочевников, земледельцев и горцев повышается частотность слов, связанных с их бытием, например:

земледелец — дом, огонь, вода, животное, тело, рука, танец;

кочевник — ислам, верблюд, душа, мир, казахский.

Программа miratext позволяет выделить облако слов, визуализировать связи между ключевыми словами текста. Так как сделать это для всего текста не представляется возможным технически, то в качестве иллюстрации представим облако слов для, как нам кажется, одного из важнейших разделов работы писателя — «Космософия России и русский логос» (Гачев, 1999: 338–356) (рис. 5).

Рис. 5. Облако слов раздела «Космософия России и русский логос» монографии Г. Д. Гачева¹.
 Fig. 5. The word cloud of the section “Cosmosophy of Russia and the Russian logos” of G. D. Gachev’s monograph.

Как мы видим, в разделе книги «Космософия России и русский логос» максимально частотны слова *русский, Россия*, которые находятся в центре облака. Значимы лексемы *народ, мать, космос, свет, эрос, Петербург, государство, жизнь, дорога*. Хотелось бы обратить внимание на лексему *женщина* и ее расположение — рядом с лексемами *свет, космос, Русь*. На периферии «космософского» представления России находятся такие слова, как *работать, душа, Пушкин, язык, природа, пространство*.

Представляется, что данное облако слов очень хорошо передает восприятие России конца XX в., когда создавалась эта глава рассматриваемого труда Г. Д. Гачева.

Специфика главы обусловила отсутствие в облаке слов *кочевник, земледелец, горец*. Дальнейшее исследование других глав и всего текста в целом при помощи компьютерной программы seo-анализа позволит представить содержание работы Г. Д. Гачева с позиций новых информационных технологий анализа контента в более полном виде.

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, отметим следующие моменты. Концепция Г. Д. Гачева, отличаясь оригинальностью и самобытностью, вместе с тем отражала те процессы в науке, которые происходили в последней четверти XX — начале XXI в. и были связаны с формированием и развитием антропоцентрической парадигмы в различных областях гуманитарного знания (лингвистика, литературоведение, философия и др.). Базовые понятия, представленные в монографии «Национальные

¹ Воспроизводится по: Miratext [Электронный ресурс] // Miratext. URL: https://miratext.ru/seo_analiz_text/0/0/814042957cd97acd17fff431772a0979e1922e9 (дата обращения 16.06.2024).

образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» значимы для евразийского пространства. Их значимость подтверждается, с одной стороны, результатами проделанного нами количественного и качественного анализа текста книги, а с другой — результатами сопоставления с данными Национального корпуса русского языка и словарей различных типов. Все примененные методы позволяют полнее описать этноязыковую картину мира носителей разных лингвокультур и раскрыть глубинные связи, лежащие в основе их бытия.

Можно предположить, что дальнейшее изучение оставленного ученым богатого лингвофилософского наследия методами психолингвистики, компьютерной и корпусной лингвистики позволит открыть и описать новые грани его творчества и осуществить более глубокий и всесторонний их анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воркачев, Г. С. (2001) Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. № 1. С. 64–72.
- Гачев, Г. Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М. : Искусство. 246 с.
- Гачев, Г. Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт Дик-Дик. 368 с.
- Гачев, Г. Д. (2003а) Гуманитарный комментарий к физике и химии: (Диалог между науками о природе и человеке). М. : Логос. 510 с.
- Гачев, Г. Д. (2003b) Национальные образы мира. Соседи России: Польша. Литва, Эстония. М. : Прогресс-традиция. 384 с.
- Гачев, Г. Д. (2004) Русский Эрос: «Роман» Мысли с Жизнью. М. : Алгоритм. 636 с.
- Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Эксмо ; Алгоритм. 541 с.
- Демьянков, В. З. (2019) Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-9-19>
- Караулов, Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 263 с.
- Красных, В. В. (2017) Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология // (Нео)психолингвистика и (психолингвокультурология) : Новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис. 390 с. С. 183–342.
- Кубрякова, Е. С. (2004) Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 555 с.
- Леонтович, О. А. (2011) Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Леонтьев, А. А. (1997) Психология общения. М. : Смысл. 365 с.
- Лотман, Ю. М. (2018) Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус. 448 с.
- Маслова, В. А. (2004) Homo lingualis в культуре. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова. 214 с.
- Пищальникова, В. А. (2021) История и теория психолингвистики. М. : Р. Валент. 488 с.
- Попова, З. А., Стернин, И. А. (2015) Язык и национальная картина мира. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 101 с.
- Постовалова, В. И. (1988) Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука. 242 с. С. 8–69.
- Сепир, Э. (1996) Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс. 656 с.
- Сорокин, Ю. А. (1994) Этническая конфликтология. Самара : Русский лицей. 94 с.
- Соссюр, Ф. де. (1977) Труды по языкознанию. М. : Прогресс. 695 с.
- Степанов, Ю. С. (1997) Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры». 824 с.
- Стернин, И. А. (2001) Введение в речевое воздействие. Воронеж : б. и. 227 с.
- Тарасов, Е. Ф., Тарасова, М. Е. (1997) Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / отв. ред. И. О. Дубов. М. : Фирма «Имидж-контакт». 434 с. С. 253–277.
- Уфимцева, Н. В. (2011) Языковое сознание: динамика и вариативность. М. ; Калуга : Институт языкознания РАН. 252 с.

Sapir, E. (1921) *Language*. New York : Harcourt, Brace and Co. VII. 258 p.

Sausuure, F. de. (1916) *Cours de linguistique générale*. Lausanne ; Paris : Librairie Payot & Cie. 336 p.

Дата поступления: 01.07.2024 г.

Дата принятия: 09.09.2024 г.

REFERENCES

Vorkachev, G. S. (2001) Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 64–72. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1981) *The image in Russian art culture*. Moscow, Iskustvo. 246 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1999) *National images of the world. Eurasia is the space of a nomad, a farmer and a highlander*. Moscow, Institut Dik-Dik. 368 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2003a) *Humanitarian commentary on Physics and Chemistry: (Dialogue between the sciences of nature and man)*. Moscow, Logos. 510 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2003b) *National images of the world. Russia's Neighbors: Poland. Lithuania, Estonia*. Moscow, Progress-traditsiia. 384 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2004) *Russian Eros: The "Novel" of Thought with Life*. Moscow, Algoritm. 636 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2008) *The mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Eksmo; Algoritm. 541 p. (In Russ.).

Dem'iankov, V. Z. (2019) Acceptability, relevance and adaptation of the text. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-9-19>

Karaulov, Yu. N. (1987) *Russian language and linguistic personality*. Moscow, Nauka. 263 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2017) Psycho-linguoculturology and cognitive linguoculturology. In: *((Neo)psycholinguistics and (psycho-linguistic cultural studies) : New sciences about the speaker / ed. by V. V. Krasnykh*. Moscow, Gnozis. 390 p. Pp. 183-342. (In Russ.).

Kubriakova, E. S. (2004) *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 555 p. (In Russ.).

Leontovich, O. A. (2011) *Methods of communication research*. Moscow, Gnozis. 224 p. (In Russ.).

Leont'ev, A. A. (1997) *Psychology of communication*. Moscow, Smysl. 365 p.

Lotman, Yu. M. (2018) *Inside the Thinking Worlds*. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. 448 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2004) *Homo lingualis in culture*. Vitebsk, VGU im. P. M. Masherova. 214 p. (In Russ.).

Pishchal'nikova, V. A. (2021) *History and theory of psycholinguistics*. Moscow, R. Valent. 488 p. (In Russ.).

Popova, Z. A. and Sternin, I. A. (2015) *Language and national picture of the world*. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 101 p. (In Russ.).

Postovalova, V. I. (1988) The picture of the world in human life. In: *The role of the human factor in language. Language and Worldview / ed. by B. A. Serebrennikov*. Moscow, Nauka. 242 p. Pp. 8–69. (In Russ.).

Sapir, E. (1996) *Selected works on linguistic and cultural studies*. Moscow, Progress; Univers. 656 p. (In Russ.).

Sorokin, Yu. A. (1994) *Ethnic conflictology*. Samara, Russkii litsei. 94 p. (In Russ.).

Sossiur, F. de. (1977) *Works on linguistics*. Moscow, Progress. 695 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997) *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2001) *Introduction to speech effects*. Voronezh, s. n. 227 p. (In Russ.).

Tarasov, E. F. and Tarasova, M. E. (1997) The study of associative fields of representatives of different cultures. In: *The mentality of Russians / ed. by I. O. Dubov*. Moscow, Firma «Imidzh-kontakt». 434 p. Pp. 253–277. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V. (2011) *Linguistic consciousness: dynamics and variability*. Moscow, Kaluga, Institut iazykoznaviia RAN. 252 p. (In Russ.).

Sapir, E. (1921) *Language*. New York, Harcourt, Brace and Co. VII. 258 p.

Sausuure, F. de. (1916) *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris, Librairie Payot & Cie. 336 p.

Submission date: 01.07.2024.

Acceptance date: 09.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.4

Статья

Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе

Тамара Г. Боргоякова

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Российская Федерация,

Алимаа П. Лопсан

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются константы, трансформации и проблемные зоны гендерных отношений в Республике Тыва, выявляемые в тувиноязычном Интернете. Материалами для анализа выступили тексты постов и их обсуждений в рамках пяти сообществ в социальной сети «ВКонтакте», а также интернет-версии статей республиканской газеты «Шын» (на тувинском языке) и для сравнения — «Тувинской правды» (на русском языке).

Определены наиболее актуальные вопросы и ориентации гендерной культуры в «живой» репрезентации современных носителей тувинского языка. Выявлены тенденции трансформации гендерных ролей в противоречивом соотношении с сохранностью традиционных представлений о социальных отношениях пола в тувинской традиционной культуре. Реализация принципов гендерного равенства отражена в дискурсивных практиках о тувинских женщинах — финансово независимых, самодостаточных, обеспечивающих себя и свою семью, и мужчинах, принимающих современную гендерную культуру, основанную на социальном равноправии полов. Повышение социального статуса женщин, их профессиональных и деловых успехов не изменило устойчивость стереотипных представлений о гендерной иерархии и закреплённости преимущественно за женщинами домашних обязанностей по уборке, уходу за детьми, приготовлению пищи и т. д. Проблемные зоны брачно-семейных отношений связаны с алкоголизмом, абьюзом, отсутствием материального достатка, склонностью к иждивенчеству и неверности.

литературную

и разговорную формы современного тувинского языка. К заметным особенностям тувинского дискурса социальных сетей относится активное присутствие ненормативной лексики. В официальном сегменте СМИ республики выявлена большая степень идеализации традиционных образов мужчины и женщины и их гендерных ролей в газете «Шын» и более высокий уровень критического освещения гендерных отношений в сочетании с доминированием позитивной репрезентации успешных мужчин и женщин Республики Тыва в «Тувинской правде».

Ключевые слова: тувинский язык; гендерная роль; гендерный стереотип; интернет дискурс; социальная сеть; тувинцы; Республика Тыва

Для цитирования:

Боргоякова Т. Г., Лопсан А. П. Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 46-60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92, каб. 306. Эл. адрес: tamarabee@mail.ru

Лопсан Алимаа Партизановна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. М. Сата, 9. Эл. адрес: lopsan121286@mail.ru

Gender issues in the Tuvan Internet Discourse

Tamara G. Borgoiakova

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Alimaa P. Lopsan

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the constants, transformations and problem areas of gender relations in the Republic of Tuva, identified on the Tuvan-language Internet. The materials for the analysis were the texts of posts and their discussions within the framework of five communities on the VKontakte social network, as well as online versions of articles by the republican newspaper “Shyn” (in Tuvan) and for comparison “Tuvinskaya Pravda” / “Tuvan Truth” (in Russian).

The most pressing issues and orientations of gender culture in the “living” representation of modern native speakers of the Tuvan language are identified. The tendencies of transformation of gender roles in a contradictory relationship with the preservation of traditional ideas about the social relations of gender in Tuvan traditional culture are revealed. The implementation of the principles of gender equality is reflected in discursive practices about Tuvan women — financially independent, self-sufficient, providing for themselves and their families, and men adopting a modern gender culture based on social equality of the sexes. The increase in the social status of women, their professional and business success has not changed the stability of stereotypical ideas about gender hierarchy and the assignment of household duties mainly to women for cleaning, childcare, cooking, etc. Problem areas of marital and family relations are associated with alcoholism, abuse, lack of material wealth, a tendency to dependency and infidelity.

The lexical and stylistic features of different types of discourse, including literary and colloquial forms of the modern Tuvan language, are revealed. Notable features of Tuvan social media discourse include the active presence of profanity. The official segment of the republic’s media revealed a higher degree of idealization of traditional images of men and women and their gender roles in the newspaper “Shyn” and a higher level of critical coverage of gender relations, combined with the dominance of a positive representation of successful men and women of the Republic of Tuva in “Tuvinskaya Pravda”.

Keywords: *Tuvan language; gender role; gender stereotype; Internet discourse; social network; Tuvans; Republic of Tuva*

For citation:

Borgoiakova T. G. and Lopsan A. P. Gender issues in the Tuvan Internet Discourse. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 46-60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>

BORGOIAKOVA, Tamara Gerasimovna, Doctor of Philology, Professor, Head, Research Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Professor, Department of Foreign Linguistics and Theory of Language, Katanov Khakass State University. Postal address: 92 Lenina St., 655017, Abakan, Russian Federation. E-mail: tamarabee@mail.ru

LOPSAN, Alimaa Partizanovna, Senior teacher, Department of the Foreign languages, Tuvan State University. Postal address: 9 M. Sata St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: lopsan121286@mail.ru

ORCID: 0009-0003-2376-4230

Введение

Спектр национальных пониманий мира включает поворот представлений о человеке вообще, основанный на познании Инварианта, который не дается нам в прямой экспликации и добираться до него приходится косвенным путем — через варианты в опыте конкретных народов (Гачев, 1998). Современные лингвистические исследования включают инвариантность гендерных отношений и ролей в его проявлениях, обусловленных традиционными стереотипами, социально-экономическими и политическими реалиями жизни каждого этноса.

Цель статьи — выявить константы, трансформации и проблемные зоны гендерных отношений в их вербальной экспликации на материале современного тувиноязычного сегмента Интернет-дискурса. Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: а) определить наиболее актуальные вопросы и ориентации гендерной культуры в «живой» репрезентации современных носителей тувинского языка; в) провести аксиологическую оценку тематической экспликации гендерного вопроса в дискурсе социальных сетей (посты, комментарии) и электронных версий печатных СМИ Республики Тыва; г) выявить лексические и стилистические особенности разных типов дискурса, включая литературную и разговорную формы современного тувинского языка.

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления социокультурной детерминированности и направленности трансформации гендерных отношений, выявления личностного и эмоционального видения проблем и событий в тувинском виртуальном пространстве. Новизна исследования заключается в обращении к функциональной стороне и вербальной репрезентации гендерного аспекта социальной жизни социума в современном контексте нормативной (не)стабильности тувинского языка. Следует также отметить, что проблематика семейно-личностных отношений в гендерном аспекте до сих пор не становилась объектом научного исследования в сегменте тувинского виртуального пространства несмотря на то, что тувинский язык является активным языком коммуникации различных информационных сайтов, социальных сетей, мессенджеров, веб-сервисов, мобильных приложений и обладает достаточно высоким рейтингом цифровой витальности (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023). Ч. К. Ламажаа также рассматривает сеть как «новое пространство» для виртуального функционирования социальной культуры тувинцев (Ламажаа, 2021: 115).

Материалом исследования послужили тексты постов на тувинском языке, посвященных гендерной проблематике и их обсуждений в рамках пяти сообществ в популярной российской социальной сети «ВКонтакте», в целом составляющие около 3500 единиц. Использован комплекс методов сравнительного и статистического анализа банка данных, сформированного методом сплошной выборки за последние пять лет (с 2020 по 2024 гг.). Базовыми примерами для анализа и выводов послужили тексты постов Интернет-дискурса, получившие максимальную плотность откликов и обсуждений. Другой источник эмпирического материала представлен интернет-версиями республиканской газеты «Шын» — 1047 публикаций. Для контрастивного анализа тематики и аксиологической оценки гендерных отношений дополнительно использован материал республиканской газеты «Тувинская правда», выходящей на русском языке — 953 единицы.

Гендерная картина мира

Понятие гендера (от англ. *gender* 'род') в русском языке раскрывается с помощью фразы «социальные отношения пола» или социально закрепленное разделение ролей на «мужские» и «женские» (Айвазова, 1997: 19). Именно такое определение оказало влияние на использование термина гендер в российском научном дискурсе (Воронина, 1997; Кирилина, 2005). А. В. Кирилина удачно определяет социокультурно маркированные установки мужчин и женщин, вербально закреплённые в языке, гендерной картиной мира (Кирилина, 2000).

Перевод анализа отношений пола с биологического уровня на социальный имел колоссальное значение. Он привел к изменению представления «о самом содержании демократии», расширил ее горизонты и заставил увидеть «многоликость, многогранность, пестроту социального пространства», которое держит в напряжении и самый древний конфликт — между женщиной и мужчиной» ... (Айвазова, 1997: 19). Исследуя его историю и предлагая пути разрешения, Симона де Бовуар в заключении своей знаменитой книги, вышедшей в 1949 г., приводит мнение К. Маркса о том, что *отношение мужчины к женщине* является «прямым, естественным, необходимым отношением человека к человеку», из характера которого становится ясным, до какой степени он воспринимает «самого себя

как *представителя рода*, как человека..., а также собственный вывод о том, что ... для достижения «торжества царства свободы» необходимо «в числе прочего мужчине и женщине возвыситься над своими естественными различиями и заключить между собой подлинно братский союз» (Бовуар, 1997: 806–807; курсив источника. — Авт.).

Тем не менее, в современной гендерной картине мира сохраняется актуальность проблем социальной иерархии между полами, как и их обусловленность вариантами социокультурных, исторических, политических и экономических отношений в их национально-региональных вариациях.

В тувиноведении исследование отдельных фрагментов гендерной картины мира тувинцев в последние годы стало объектом внимания исследователей разных областей научного знания, включая феминистское направление, дополняющее и сосуществующее с двумя другими — этнографическим и социальным (Ламажаа, Майны, 2021). Различные аспекты гендерной проблематики представлены историографическими, историко-культурологическими, социологическими и лингвистическими работами с вниманием к комплексу проблем «женского» социального угнетения (Забелина, 2010: 5), трансформации традиционного распределения ролей мужчин и женщин (Анайбан, 2005, 2021; Кужугет, 2016: 148–158; Анжиганова, Ак-Лама, 2016; Ламажаа, Майны, 2021; Натсак, 2022; 2023); гендерных различий в адаптивных стратегиях к условиям регионального рынка труда (Натсак, Балакина, 2024), выявлению традиционных гендерных стереотипов и патриархальных установок на материале тувинского паремиологического и фразеологического фонда (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Варламова и др., 2023).

В то же время недостаточно изученными остаются «основные факторы, “работающие” не на ожидаемое улучшение, а наоборот, на ухудшение положения женщин на местах» (Анайбан, 2021: 37). Это связано с тем, что, по мнению Г. Ф. Балакиной, «процесс сглаживания полоролевого неравенства, осуществлявшийся в России в течение последнего столетия, в настоящее время, к сожалению, в стране в целом и в ее регионах в частности, в том числе и в Туве, приостановлен. Социально-экономический статус женщин в период реформ понизился, создавая тем самым предпосылки для мужского доминирования» (Балакина, 1999: 36). Кроме того, на развитие гендерных отношений влияет существующее противоречие между «производственной активностью женщин и их семейной ролью, а также консервативными пережитками прошлого»¹, с одной стороны, и «интенсивными процессами повышения общественного статуса женщин, усиления их роли в производственной и культурной жизни республики»² — с другой. Ученые отмечают, что негативные явления в жизни женщин, связанные с реформами, проявились также и в семейно-личностных отношениях, в том числе с учетом этнических особенностей социальных функций женщин в постсоветских Туве и Хакасии (Анайбан, 2005).

Таким образом, можно утверждать, что в тувиноведении вопросы гендерной (не)справедливости относятся к актуальным направлениям научного поиска, раскрывающим особенности динамики и противоречивости данных процессов в историческом и национально-региональном контексте.

Гендерные отношения в тувинском сегменте социальных сетей

Дискурсивное пространство, сфокусированное на гендерной проблематике, активно представлено в тувинском интернет-сегменте практически в режиме реального времени. Так, в социальной сети «ВКонтакте» функционирует пять тувинских сообществ³, в названиях и (или) контенте которых присутствует активный интерес к проблемам гендерных отношений.

¹ Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.): автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1993. С. 38.

² Там же.

³ Сообщество «Тувинские обсуждения кому за 30 и более» [Электронный ресурс] // Вконтакте. «Тувинские обсуждения кому за 30 и более». URL: https://vk.com/tuva_komu_za_30 (дата обращения: 28.02.2024); сообщество «Женская группа. Тыва. (1)» [Электронный ресурс] // Вконтакте. «Женская группа. Тыва. (1)». URL: <https://vk.com/17womenssecrets> (дата обращения: 28.02.2024); сообщество «Женская группа. Тыва (2)» [Электронный ресурс] // Вконтакте. «Женская группа. Тыва (2)». URL: https://vk.com/tu_va__17 (дата обращения: 28.02.2024); сообщество «Откровения жены. Тыва 18+» [Электронный ресурс] // Вконтакте. «Откровения жены. Тыва 18+». URL: https://vk.com/otkroveniya_zheny_17 (дата обращения: 28.02.2024); сообщество «Чоннун Оолдары (Сыновья Народа)» [Электронный ресурс] // Вконтакте. «Чоннун Оолдары (Сыновья Народа)». URL: <https://vk.com/chonnungooldary> (дата обращения: 28.02.2024).

К ним относятся такие группы как:

- «Тувинские обсуждения кому за 30 и более» — около 150 тысяч подписчиков,
- «Женская группа. Тыва. (1)» — более 124 тысяч подписчиков,
- «Женская группа. Тыва (2)» — около 26 тысяч подписчиков,
- «Откровения жены. Тыва 18+» — 32 тысяч подписчиков,
- «Чоннуң Оолдары (Сыновья Народа)» — 69 тысяч подписчиков.

Названия групп представлены на русском языке, однако языком общения является преимущественно тувинский язык. Как видно из названий, только в одной группе обозначен возрастной «ценз», в трех фокус внимания сосредоточен на женской проблематике и лишь одна группа содержит «мужской» маркер — «сыновья».

Анализ тематической направленности дискурсивных практик участников указанных групп позволяет выделить наиболее актуальные смысловые блоки. Критерием для их формирования послужила популярность материалов среди участников, определяемая количеством комментариев, лайков/дизлайков, репостов. Следует отметить как их определенную корреляцию с проблематикой официальных газетных интернет-публикаций, так и заметное отличие от них личностно эмоциональным восприятием и стилистическим разнообразием, в значительно большей степени отражающим особенности живой разговорной речи современных тувинцев. Несмотря на разнообразие круга обсуждаемых вопросов, максимальное внимание в них — эксплицитно и имплицитно — занимает тема алкоголизма и его негативного влияния на состояние брачно-семейных отношений, составляя более 50% в общей тематике основных тематических блоков (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, в структуре укрупненных тем обсуждения гендерных отношений проблемы брачно-семейных отношений (23%) в корреляции с трансформацией гендерных ролей (16%) составляют почти 40%.

Таблица 1. Структура гендерной проблематики в тувинском сегменте социальной сети «VK», в %
Table 1. The structure of gender issues in the Tuvan segment of the VK social network, in %

№	Тематические блоки	Показатель, в %
1.	Проблемы алкоголизма	51
2.	Брачно-семейные отношения	23
3.	Трансформация традиционных представлений о статусе мужчины и женщины в семье и обществе	16
4.	Государственная социальная поддержка мужчин и женщин	10

В проблематике алкоголизма акцент сделан на его мужском варианте. Причем его наиболее активное обсуждение представлено в мужском сообществе «Чоннуң оолдары (Сыновья Народа)», составляя в нем 36,3%. По мнению одного из авторов указанной группы, фрагмент поста которого мы приводим ниже, мужской алкоголизм является единственным фактором всех бедствий тувинского народа, и отказ от него соответствовал бы его исконным традициям. Понимание мужчинами их ответственности перед семьей, близкими и народом в целом помогло бы избежать многих проблем.

Келир үе — элээр чоннарда. Сайзырал — элээр чонда. Эзирик чонну кым тоор чүвөл бодап-даа көрүңер даан. Арагадан ойталап, шеглээлиңер чонувус! Арага удур демнежиң туржуулуңар эрлер, бистер шимчевес болзувусса кым камгалаар тыва чонувусту. Бот-боттарывыска камныг боолулуңар. Өгбелеривистиң чаагай чараш дыкала ханы уткалыг чаңчылдарынче ээй көрнүүлүңер, сайзыралывыстың, хөгжүүрүвүстүң үндезин дазылы, дөзү олду, эргим тыва чонувус!¹

Будущее — в трезвости народа. Развитие — в трезвом народе. На самом же деле, на пьяный народ никто не обратит внимание, он никому не нужен, одумайтесь. Давайте откажемся и воздержимся от алкоголя! Мужчины, давайте бороться против алкоголизма, если мы не будем двигаться в этом направлении, никто

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов.

не защитит наш тувинский народ. Будем бережно относиться друг к другу. Давайте возвращаться к нашим глубоко значимым традициям предков, в этом кроется основа нашего развития, совершенствования, улучшения, дорогой наш тувинский народ!¹

Призыв к мужчинам в данной группе также содержится и в другом обращении:

Сүлдөңер бедик чорзун браттар (акылар) Улуг-Хем Шагаан-Арыгны арага тудуп чир деп барды арагада эки чүве чок мында база көрүп тур бис, соксаар-дыр, эрлер, черле, каас чугаа чокка.

Да будет высоким ваш дух, братья. В центре Улуг-Хемского района Шагаан-Арыг очень много людей злоупотребляют алкоголем, каждый день пьяные ходят, как мы тоже здесь замечаем в алкоголе нет ничего хорошего, давайте мы, мужчины, прекратим, без всяких красивых разговоров.

Тема алкоголизма тесно связана с проблемой абьюзивных отношений в семье, о которых пишет участница группы «Тувинские обсуждения кому 30 и более»:

Мээң өөм ээзи мени сөөлгү үеде дыка, эттээр, согар, бажыңга эзирик келгеш-ле кылыр чүвези ол мени куду көөр, бастыр, ажы-төлүвүс база бар оларның мурнунга менче хол көдүрер, чеже-даа шыдажып турар мен, ажыл-төл дээш, ажы-төлүвүс база дыка хөй, оон дезип чоруур дээрге база болдунмас. Дерзиш, мелегейиш аажок, бажы багай, абьюзер. Та канчап чурттаар чүве билбес мен. Хүннүң-не эттедип, соктадып чоруурга берге-дир.

Мой муж в последнее время избивает, бьёт меня, приходит домой пьяным и начинает меня унижать, оскорблять, у нас и дети есть, несмотря на них, избивает меня, из-за детей долгое время терплю такое отношение, их у нас много, уйти от него тоже не получается. Он жестокий, очень глупый и у него с головой не всё в порядке, абьюзер. Я не знаю, как жить. Очень сложно, когда каждый день избивают и унижают.

Актуальная тема брачно-семейных отношений включает широкий спектр вопросов и проблем, среди которых можно выделить воспитание детей, насилие в семье, супружескую измену, разводы, решение бытовых и жилищных вопросов и т. д. Например:

Дыка хөй тыва ашактар өг-бүле культуразы хөй-кезиш билбес болгаш сагывайн турар. Тыва эр улустуң элээн кезиш кадайларынга, ажы-төлүнге ажыктыг кылыпкан чүвези-даа чок, халалыг тираннар бооп турар. Ажы-төлге үлегер-чижек-даа чок, азырашпас-даа, оон кедерезе хол дээп, эттээр.

Многие тувинские мужчины не знают и не соблюдают культуру семейной жизни. Довольно большая часть тувинских мужчин не приносит пользу семье: жёнам, детям, а становятся надоедливыми тиранами. Не показывают пример для своих детей, не кормят их, не обувают, более того, поднимают руку, бьют своих детей и жён;

Ашактардан бо айтырыгны салып көрейн. Кадайларыңарның карактарын көгертир берип алгаш катый кылаштаарындан ыятпас-тыр силер бе? Амгы үеде кадайларын эттээр, согар, үеннээр ашактар дыка хөй бооп турар. Эр улус канчап кыс улусче хол көдүрер боор.

Я задам этот вопрос мужчинам. Как вам не стыдно, избив своих жен до синяков, идти с ними вместе? В настоящее время очень много мужчин, которые избивают своих жён и плохо с ними обращаются. Как мужчины могут поднимать руки на женщин.

Приведенные примеры, вызвавшие живой отклик аудитории, свидетельствуют о солидарности участников групп независимо от гендерной дифференциации в признании актуальности проблемы алкоголизма и связанного с ним семейного абьюза.

Трансформации традиционных гендерных ролей

Следующая по частотности обсуждений тема отражает трансформации традиционных представлений тувинцев о статусе мужчины и женщины в семье и обществе. Традиционный образ мужчины добытчика, главы, защитника смещается в сторону иждивенческих интересов некоторых мужчин, которые ищут легких путей решения финансовых и жилищных проблем, пытаются найти состоятельных женщин для совместного проживания.

Приведем пример поста-иллюстрации, получившего наибольшее количество откликов, комментариев и репостов от женщин, которые высказали своё возмущение, в группе «Откровения жены. Тыва 18+»:

¹ Здесь и далее перевод А. П. Лопсан.

Бажың, машина, ажыл чок мен, ажылдаар-даа күзелим чок. Мени азырап шыдаптар кыс херек. Ажы-төлдүг-даа болза анаа боттарыңар-ла азырап шыдаар болзуңарза. Чедер-четпес акшалыг болзуңарза ийи дугаар ажылга ажылдаарыңга белен болур ужурлуг силер. Бо видеода ышкаш дорзук, чүзү-даа чок, чүнү-даа чедип албаан кадайларны мени чалчып бживезин диледим.

У меня нет ни машины, ни дома, ни работы, и нет желания работать. Мне нужна состоятельная девушка, которая будет меня содержать. Приветствуется наличие детей, если она сама в силах их воспитывать. Если у вас нет средств, чтобы обеспечить меня, прошу найти дополнительный заработок. Как на этом видео растрепанных прошу не беспокоить, не скандалить/буйствовать женщин, которые не реализовались в жизни.

Следующий пример из сообщества «Женская группа. Тыва. (1)» также иллюстрирует тип современного мужа, который не разделяет с женой бремя семейных обязанностей. В нем автор часть предложения в виде промежуточного вывода приводит на русском языке.

Мээң бо ашаам даң адар арай деп ажылыңче озалдап чеде бээр, хүнзээр, кезжээ келгеш чыда дүжер. Бир-ийи чыл ол-ла хевээр кассета, чаңгыс-даа сеткили-биле шала ширбип, мусор төп көрбээн. Дыштаныыр хүнүнде кижжи дыштаныыр чүве нян дээш чыда хүнзээр телефон көрүп... чаңгыс төлүңге чем безин хайындырып шыдапас, мени манап олурад. Оозун черде салып кааши телефон көрүп чыдар ((короче, ничего от него не дождешься. Өске улус, төрелдери, зштери дыка мактаар. Бодунга чүү-даа дээтпес, мен эвес мен ол кижжи буруулуг азы кижжи сен дээш деп калыр. Ачазы ындыг хевирлиг чорду, ажыл билбес, маңнап чоруп каар ажыл дээш. Хериминиң ишти ужас, эр кижжи бар чогу билдинмес.

Мой муж кое-как встает утром, с опозданием идёт на работу, потом после работы ноет, что устал и весь вечер лежит на диване. В течение года одно и то же продолжается, по дому вообще не помогает, не выносит мусор, не участвует в воспитании детей. Сказав, что в выходной день ему нужно отдыхать, он весь день лежит, смотрит всё время в телефон. Единственному ребенку даже еду приготовить не может, ждёт меня. Положив ребенка на пол, сам лежит, смотрит телефон ((короче, ничего от него не дождешься. Другие люди, родственники, друзья его очень хвалят. К себе не подпускает никого, винит постоянно других или меня. Говорят его отец такой, не умеет работать, убегает от работы. Во дворе просто ужас, неизвестно мужчина в доме есть или нет.

Что касается изменения статуса тувинской женщины в семье и обществе, то оно связано с появлением заметного количества женщин, самостоятельно и успешно решающих финансовые проблемы своей семьи, занимаясь собственным бизнесом. Об этом убедительно свидетельствуют и данные из рейтинга гендерного равенства среди регионов Российской Федерации¹ о том, что в Республике Тыва «самая высокая представленность женщин в предпринимательстве (40,3%)».

Приведем следующий пример из «Женской группы. Тыва (2)», где также содержится русская лексема:

Мээң бир эжим уруг бар ашаа чок апарган соонда, чаңгыс-даа ашактар-биле үеннеп, холбажып чорбаан, чааскаан чурттап чоруур. Ындыг херээженнерни хүндүлээр мен. Мээң эжим үен-даян, арачы ашактарже вообиде көрбес. Чааскаан чоргаар, шыырак, машина-балгаттыг, чурттап чоруур, шупту чүвени боду чедип алгаш, дыка эки ажылдыг, эртем-билиглиг. Ажы-төлүн, үш оглун ёзулуг угаанныг, эртем-билиглиг, кижжисиг кылдыр өстүрүп алган. Эр-Хей. Ам боду аянынг кылдыр алдынып, кеттинип алган өске чурттап көрүп, аян-чоруктап чоруур.

У меня есть одна подруга, которая после смерти мужа, ни разу не связывалась с мужчинами, одна живет. Я уважаю таких женщин. Моя подруга вообще не смотрит на непорядочных, пьющих мужчин. Живет одна гордо, обеспеченно, имеет дом, машину, хорошую работу, образованная, всего добилась сама. Воспитала детей, трёх сыновей вырастила действительно умными, образованными и воспитанными людьми. Молодец. Сейчас она красиво, изящно одевается и путешествует по разным странам.

В то же время в посте участницы «Женской группы. Тыва (1)» содержится осуждение женщин за проявление самостоятельности, якобы провоцирующей безответственность мужчин:

Колдуунда эр улусту херээжен улус боттары-ла үрөп турар аан, орнунга акша ажылдап, проблемалар решаттап, бичии өпоялар кылып аар. Эр кижжи дээрге добытчик боор ужурлуг, черле генетически заложен аан, ам херээжен улус орнунга шупту чүүлдү кылып кааптар боор турар дин.

¹ Экспертами составлен рейтинг субъектов РФ по гендерному равенству [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024, 7 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6560696> (дата обращения: 01.06.2024).

В основном, женщины сами ломают мужчин, всё делают за них, зарабатывают деньги, решают проблемы, делают их маленькими детьми. Мужчина должен быть добытчиком, в них генетически заложено, а женщины сейчас делают все работы в два раза больше.

Приведенные примеры реальных историй и мнений отражают трансформационные процессы, нарушающие константы традиционного понимания гендерных ролей в семейно-брачных отношениях в части обязанностей по материальному обеспечению семьи, ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми.

Аксиологические особенности публикаций

Следует отметить преобладание в публикациях негативной тональности с использованием соответствующей лексики, которая характеризует мужчин и связана с:

- пристрастием к спиртному: *арагага сундулуг* ‘страстный к алкогольному напитку’, *эзирик* ‘пьяный’, *мээзин төндүр ижипкен ашак* ‘муж, который пропил себе мозги’;
- неустойчивой психикой: *псих аарыг* ‘психически больной’, *изиг ханныг* ‘с горячей кровью’; *бажы багай* ‘с головой не всё в порядке’;
- отсутствием заработка: *акша эккелбес бажыңче* ‘не приносит домой деньги, не зарабатывает’;
- слабыми умственными способностями: *сээдең* ‘слабоумный’; *мелегей* ‘глупый’; *аамай* ‘бестолковый’, *мугулай* ‘тупоумный’;
- особенностями характера и поведения: *багай* ‘плохой’, *чалгаа* ‘ленивый’; *кортук* ‘трусливый’; *авыяастыг* ‘двуличный, лукавый’, *уйгужу* ‘сонливый’, *чудаңгы* ‘истощённый’, *чииртим* ‘омерзительный’, *багай кижизиттинген* ‘плохо воспитанный’.

В женских обсуждениях супружеских измен приводятся характеристики мужчин, усиленные сравнениями и метафорами:

- *ыт ышкаш ашак кадайлар соондан халып алган* ‘как собака постоянно бежит за женщинами’;
- *альфонс дег* ‘как альфонс’;
- *аза ашак* ‘как злой дух’;
- *бо тряпка ашак* ‘муж как тряпка’;
- *угааны (бажы) багай с*калар* ‘с головой не всё в порядке с*ки’;
- *фейк страницалыг ашак* ‘муж с фейковой страницей’;
- *кадайлар-биле ылчыңнашкан* ‘с женщинами кокетничает’;
- *бабник ашак* ‘муж бабник’.

Интересно отметить наличие, как и в приведенных выше цитатах, русских лексем, по-видимому, более ярко и точно отражающих суть конкретного явления или ассоциативного восприятия, включая заимствованные термины (*альфонс, фейк*).

В описаниях женщины/жены также заметное место занимают отрицательные характеристики их поведения и характера, из которых как вывод звучат фрагменты из мужских постов:

- *эки мерген угаанныг херээженнер бо шагда ховар* ‘в настоящее время мудрых, хороших женщин встречаются очень редко’;
- *Херээженнер буруулуг, олар бисти ынчач каапканнар, ашактарын хүндүлевес* ‘Это женщины виноваты, они сделали нас такими, не уважают своих мужчин’.

В большом перечне отзывов негативные акценты сделаны на:

- женском высокомерии *туразы улуг* ‘высокомерная’, *хөрээн соктап мен кончуг мен дээр* ‘петушится, говорит, что лучше всех’, *ашактар куду көөр* ‘унижающая мужчин’;
- пристрастии к выпивке *шыырак ижиптер* ‘злоупотребляющая алкоголем’, *арага ижер* ‘пьянствующая’, *эзирик* ‘пьяная’;
- алчности *акшага хоптак* ‘ненасытная к деньгам’, *азырадыкчы хөөннүг* ‘склонная к иждивенчеству’;
- отсутствию/дефиците моральных принципов *арын-нүүр чок* ‘бессовестная’, *өг-бүлелиг, ажы-төлдүг ашактар көгүдөр* ‘подговаривающая семейных и женатых мужчин’, *өг-бүле чара кирер* ‘разру-

шающая семью', улус *эттээр* 'избивающая людей', *буруулуг* 'виновная, преступная', *мегечи* 'лживая', *хажагай* 'злая, жестокая';

— оценке интеллекта, поведения и внутренних качеств *сээдең* 'слабоумная', *албыстыг* 'одержимая, сумасшедшая', *кара сагыштыг* 'злая, коварная', *каржы* 'грубая', *аас-дылдыг* 'скандальная', *чашпаа* 'льстивая' и др.

Отдельно можно выделить группу определений, связанных с ревностью и ворчливостью жен: *сүрүп-сүрүп хүннениир* 'яростно ревнивая', *эмин эрттир хыйланыр* 'слишком ворчливая', *хыйланыычал* 'ворчливая', а также отсутствием воспитания и хороших манер *кижизидилгези багай* 'плохо воспитанная', *бодун шын алдынып шыдавас* 'не умеющая себя правильно вести', *кончуургак* 'яростная', *хорадаачал* 'вспыльчивая, сердитая'.

Заметной особенностью лексического состава в анализируемых сообществах является активное присутствие тувинского ненормативного вокабуляра, поражающего богатым разнообразием. Это может быть связано как с онлайн форматом анонимного живого общения, подразумевающего неформальный разговорный стиль, так и потребностью передать высокую степень эмоционального отношения к обсуждаемой теме. При этом преобладает количество и доля нецензурной лексики по отношению к женщинам. Следует отметить, что часто используемая ненормативная лексика отсутствует в лексикографических источниках тувинского языка, а программа Microsoft Word маркирует цветом и удаляет большинство этих слов. Среди «оставленных/пропущенных» примеров, которые составляют лишь малую часть всего объема данной лексики, можно привести следующие: а) по отношению к женщинам: *б*здец*, *эшти*, *чаңган эшти*, *ашактар к*даа сорар эшти*, *с*ка*, *б*зду*, *пиз*ючка*, *эрзек кадайлар*, *кара-сөөктер адаанга чыдар*, *чаңган*; б) по отношению к мужчинам: *к*дак*, *с*ка*, *кадайлар к*дү чылгаар ашактар*, *чарбак х*ря*.

Типология и содержание комментариев

Комментарии относятся к важному типу дискурса социальных сетей, в них продолжается бурное обсуждения ситуаций, примеров, мнений авторов постов. Все комментарии в анализируемых группах можно разделить на следующие основные типы реакций: поддержка, возражение/отрицание, нейтральный отклик. По форме выделяются письменные тексты и разнообразные эмодзи или графические картинки (сердечки, лайки, дизлайки и так далее). Преобладающим являются тип комментариев, выражающих поддержку и согласие с мнением авторов постов. На втором месте находится категория откликов, содержащих разную степень несогласия, возражения, возмущения. Нейтральные комментарии занимают третью позицию.

В первой категории комментариев приводится поддержка и одобрение, содержащая, как правило, комплименты с восхищением и разнообразными пожеланиями. Например:

— *Шын-дыр, ийе, автор. Эр-хей дыка эки болдалды көдүрүп тур силер* 'Правильно, автор, да. Молодец, очень хороший вопрос поднимаете',

— *Автор шын-шын, мунгаранчыг эки чүүлдү бижидиңер* 'Автор, вы правы, очень актуальную проблему вы написали',

— *Силерни деткип тур мен автор!* 'Я вас поддерживаю, автор! ',

— *Чорууңар чогузун* 'Всего вам хорошего', *Амгы тыва ниитилелде эр улустуң ады баскырап турар. Ол шын!* 'В современном тувинском обществе мужчины стали обесчещенными. Это правильно! '

В комментариях с негативной реакцией содержатся обвинительные обобщения, упреки и обвинения:

— *Эр улусту-ла бактап өөрөнген силер* 'Вы только и умеете клеветать на мужчин',

— *Боттарыңарже көрүңер!* 'На себя посмотрите! ',

— *Хамык ужур кадайларда* 'Всё дело в женщинах',

— *Силерге бир-ле чүве четпейн турар* 'Вы сама чем-то не удовлетворены',

— *Силерниң ашааңар ындыг бооп турары ол-дур* 'Это ваш муж получается таким',

— *Дыка кээргенчиг кадай, анаа хек кадай-дыр* 'Очень жалкая женщина, она как кукушка',

— *Силерниң херээңер эвес шей* 'Это не ваше дело'.

Дискурс комментариев оказался более богатым на эпитеты, метафоры, сравнения, чем тексты постов.

Например:

- *алдын ышкаш* ‘как золото’,
- *хек ышкаш кадай* ‘женщина похожая на кукушку’,
- *ызырар ыттар-ла* ‘злые собаки’,
- *ашактар дег кадайлар* ‘женщины похожие на мужчин’,
- *доштуг карактарлыг* ‘с ледяными глазами’,
- *чүрек чок кадайлар* ‘женщины без сердца’,
- *даш сеткилдиг* ‘с каменной душой’.

Отрицательные характеристики связаны, прежде всего, с:

- недостатком ума: *мугулай* ‘тупоумный’, *сээдең* ‘слабоумный’;
- вспыльчивостью: *калчаа* ‘бешеный, сумасшедший’, *бажы багай* ‘с головой не всё в порядке’;
- ленью: *чалгаа* ‘ленивый’, *ажыл кылыр күзели чок* ‘не желающий работать’;
- неверностью: *кыстаар* ‘бегающий за женщинами’.

Таким образом, в целом массив комментариев, рассмотренный с точки зрения коммуникативных целей, представлен тремя основными видами: положительными (выражающими поддержку/согласие), отрицательными (возражение/несогласие) и нейтральными (без выражения личного отношения). В первых двух типах комментариев преобладают эмоциональные реакции, основанные на использовании метафор, эпитетов и сравнений. Кроме лаконичных письменных текстов, в качестве отдельного высказывания применяются невербальные средства виртуальной коммуникации в виде разнообразных эмодзи или графических картинок (сердца, лайки, дизлайки и так далее).

Гендерные отношения в онлайн дискурсе печатных СМИ

Основные периодические издания Республики Тыва «Шын»¹ и «Тувинская правда»² выходят в свет с 1924 и 1925 гг. соответственно. В них нет специальных разделов, посвященных гендерной проблематике, но в целом общее количество таких публикаций в интернет-версиях газет за пятилетний период с 2020 по 2024 гг. составляет около 2000 единиц.

В газете «Шын», издающейся на тувинском языке, отражение гендерных вопросов имеет место в 1047 материалах, включая 527, посвященных вопросам женской социализации.

Основные тематические газетные блоки представлены ниже в *таблице 2* с указанием их рейтинга.

Таблица 2. Женская проблематика в газете «Шын» в публикациях за период 2020–2024 гг., в %
Table 2. Women’s issues in the newspaper “Shyn” in publications for the period 2020–2024, in %

№	Основные тематические блоки	Показатель, в %
1.	Образ успешной тувинской женщины	51
2.	Традиционные гендерные роли тувинских женщин	27,9
3.	Социальная поддержка женщин	18,5
4.	Женский алкоголизм и криминал	3,5

Как видно из таблицы, более половины материалов посвящены репрезентации образа современной тувинской женщины, добившейся успехов в различных сферах профессиональной и общественной деятельности: в бизнесе, политике, медицине, науке, образовании, спорте, юриспруденции и т. д.

¹ Шын. Главная страница [Электронный ресурс] // Шын. URL: <https://shyn.ru/> (дата обращения: 31.03.2024).

² Тувинская правда. Главная страница [Электронный ресурс] // Тувинская правда. URL: <https://tuvappravda.ru/> (дата обращения: 31.03.2024).

Интересно отметить, что зачастую репрезентация происходит через «мужские» профессии (*спасатель, пилот, пожарный, криминалист* и т. д.) и виды спорта (*кикбоксинг, тайский бокс, стрельба из лука, сумо* и т. д.).

Авторы статей прибегают к различным способам усиления экспрессии и убедительности образа портретируемых. К частотным эпитетам для характеристики известных спортсменов, например, относятся: *күштүг, шыырак* 'сильная', *соруктуг* 'волевая', *эрес* 'храбрая', *идепкейлиг* 'активная', *кашпагай* 'ловкая'. Приведенные характеристики часто сопровождаются различными словами-наречиями, определительными местоимениями, интенсифицирующими основное значение. Например, *дыка идепкейлиг* 'очень активная', *шыыраа-даа дендиш* 'слишком сильная', *дыка-ла соруктуг* 'очень волевая', *эң-не шимченгир* 'самая ловкая', *тура-соруктуу кончуг* 'слишком волевой', *эң-не эрес* 'самая храбрая', *эң-не кашпагай* 'самая ловкая'.

Словосочетания с оценочным компонентом используются для описания успешной профессиональной деятельности первой тувинской женщины учёной, журналистки, писательницы: *алдарлыг башкы* 'заслуженный учитель', *салым-чаяанныг эртемден* 'талантливый учёный', *шылгараңгай күш-ажыл* 'выдающийся (исключительный) труд', *ховар салым-чаяанныг өгбевис* 'наш предок с редким талантом', *мерген угаанныг, авыралдыг, аас-кежиктиг чогаалчы* 'мудрая, благодетельная, счастливая писательница'.

Экспрессия в материалах данного сегмента также усиливается за счет использования фразеологизмов, сравнений и метафор. Например, *изиг күзелдиг херээжен чонувус* 'женщины, имеющие горячее желание', *боттарының изиг күзелдиш-биле чүгле спорт, кадыкшыл дээш келген херээженнер чорду* 'приехали они с горячим желанием только за спорт и здоровье'; *кайы ырактан эскерер болза кымысаяктар-ла* 'если наблюдать издали, то они как муравьи', *ооң карааның оду хып турар* 'огоньки горят в её глазах'.

Газетные материалы критической направленности связаны с развитием женского алкоголизма и криминала (3,5%): *моон ап көөрге, өөнүң ээзи-биле кады арага-дары ижип, сула салдына бээр херээжен улус тургулаар* (исходя из этого, бывают женщины, которые вслед за мужем начинают выпивать, распускаться). Данную тенденцию подтверждает А. К. Кужугет: «в современных условиях учащаются случаи негативных явлений: женская преступность, пьянство, факты убийства своих новорождённых детей из-за нежелания воспитывать ребёнка и отсутствия средств и т. д.» (Кужугет, 2016: 157). В противовес таким негативным трансформациям ученая отмечает, что «в традиционном тувинском обществе женщине не положено было пить араку и тем более совершать преступные деяния» (там же).

Второе место в основной тематике занимают публикации, связанные с репрезентацией позитивных качеств и традиционной роли женщины, в том числе «хранительницы домашнего очага» (27,9%). Данное направление особенно заметно в жанре опросов или интервью известных мужчин Республики Тыва. Их образ женщины включает определения, характеризующие ее по следующим основным параметрам:

1) внутренние качества: *эриг-баарлыг* 'сердечная, душевная', *арыг сагыш-сеткил* 'чистосердечная', *бүдүштүг* 'достойная, скромная', *биче сеткилдиг* 'уважительная, скромная', *сеткили ак* 'честная', *топтут-томаанныг* 'порядочная', *шиттики делегейи чараш* 'с богатым внутренним миром', *ооң сагыш-сеткили аажок чымчак* 'очень мягкосердечная';

2) интеллектуальные способности: *угаанныг* 'умная', *мерген-угаанныг* 'мудрая', *бодун шын алдынып билир* 'умеет себя правильно вести', *бурунгаар тура-соруктуг* 'дальновидная'; *оюн-баштак* 'с чувством юмора';

3) качества/характер жены: *өг-бүлезиниң баганазы* 'опора семьи', *сагыш човаачал* 'заботливая', *шынчы* 'верная', *идегелдиг* 'надёжная', *хыйланчак, хорадаачал эвес* 'не ворчливая, не вспыльчивая' *оран-савазын арыг-силиг тудар* 'держит дом в чистоте и порядке', *ашааның чүрээ аңаа бүзүрелдиг* 'сердце мужчины доверяет ей', *берге үелерде кижини кажан-даа кагбас* 'в трудные времена никогда не оставит', *хөглүг* 'весёлая', *бөдүүн* 'простая', *быжыг туруштуг* 'имеющая сильную позицию'.

На третьем месте находится позитивный тематический блок, отражающий виды и качество государственной социальной поддержки женщин (социальные пособия на детей, профилактика здоровья).

Образ мужчины в свете его константных и изменяющихся гендерных ролей также находит отражение в публикациях газеты «Шын». В таблице 2 представлен рейтинг основных тематических блоков,

среди которых доминирует группа статей, связанных с традиционными занятиями тувинцев, такими как скотоводство, охота, рыболовство, ремесленное дело, предназначение быть защитником отечества, а также роль главы семьи и главного добытчика, который обеспечивает семью и решает ее проблемы (62%). К основным средствам портретирования в данном блоке относятся отсылки к элементам традиционных обычаев и ритуалов, подчеркивающих более высокий социальный статус тувинских мужчин.

Например:

— *эр кижиниң будун, бодун артап болбас, ынчанмас, ылаңгыя кыс кижии оон сузу суларай бээр* ‘нельзя переступать через мужчину, особенно женщинам — ослабнет его дух’,

— *эр кижиниң бөргүн, содак-шудаан өрү салыр, ында оон сүлде-сүзүү, угаан-бодалы, күчү-күжү сиңген болур* ‘головной убор и национальную одежду для борьбы мужчин хранят на почетном месте — в них заложены мудрость и сила духа мужчин’,

— *эр кижиге хүл кажан-даа устурбайн чор, ынчанмас, аалдың оду отчувайн баар*, ‘нельзя никогда просить мужчину выносить пепел от огня, потому что не разгорится огонь в доме’,

— *чүге дээрге одаар ыяшты эр кижии эккеп каан-дыр, өг ишти чылыг, отка аъш-чемни хайындырган, аал ишти тодуг-догаа-дыр* ‘потому что, мужчина приносит дрова, чтобы разводить огонь, тепло в доме, пища приготовлена на огне, члены семьи обеспечены’,

— *буругну тыва ёзу-чаңчылывыста эр хиндиктиг кижилер чажын кеспес, өрүп алырга ону кежеге деп адаар турган, ол кежеге эр кижиниң сүлде-сүзүүн бедидер турган деп хамнар санап чораан* ‘по исконным тувинским традициям мужчины не стригут волосы, заплетенные волосы называют косой, которая, считали шаманы, поднимает дух мужчин’.

К особенностям описания образа мужчины относится использование отрывков тувинского фольклора, пословиц и поговорок. Например, *эр кижиниң күзел чедип эртер оруу ажык эвес — чалым үнер, дожаң кырлаар, чалбыыш өттүр шургуп үнер* ‘путь мужчины для достижения целей не лёгок — подниматься на скалу, ходить по поверхности гололедицы, пролезать насквозь пламя’, *эки дарган эргээн какпас* ‘хороший кузнец по пальцу (своему) не ударит’.

Таблица 3. Мужская проблематика в газете «Шын» в публикациях за период 2020–2024 гг., в %
Table 3. Men’s issues in the newspaper “Shyn” in publications for the period 2020–2024, in %

№	Основные тематические блоки	Показатель, в %
1.	Традиционные гендерные роли мужчин	62
2.	Образ успешного тувинского мужчины	17
3.	Социальная поддержка мужчин (здоровье и отцовство)	14
4.	Мужской алкоголизм и криминал	7

Во втором тематическом блоке об успешном тувинском мужчине представлены известные спортсмены, политики федерального и республиканского уровня, предприниматели, представители сферы культуры, искусства, науки, образования и других сфер жизни (17%). Актуальной оказалась и тема государственной и частной социальной поддержки мужчин, в том числе одиноких, которые справляются с трудностями при воспитании детей, включая имеющих ограниченные возможности здоровья, профилактики и лечения заболеваний (14%).

Острой проблеме алкоголизма и противоправных действий, связанных с его употреблением, посвящено около 7% статей, что свидетельствует о сохранении актуальности социально-экономических проблем, выявленных в ходе социологических исследований 2002–2003 гг., когда тувинцы отнесли «рост пьянства и алкоголизма, высокий уровень безработицы, разрушение экономической и социальной основ жизни народа» .... к наиболее важным (Кужугет, 2016: 264).

Анализ публикаций гендерной направленности в русскоязычной газете «Тувинская правда» за указанный период выявил сходство основных тематических блоков, представленных в газете «Шын», с

разницей в распределении их долей и аксиологической направленности. Так, например, в «Тувинской правде» актуальность и критическая направленность освещения проблематики алкоголизма и криминала — мужского и женского — оказалась значительно выше, составляя 20% и 17,3% и занимая третье и второе место по значимости соответственно. При этом тематический блок традиционных гендерных ролей оказался представленным в меньшей степени — в среднем 22,3 %.

Аксиологическая оценка содержания публикаций в двух анализируемых изданиях представлена в таблице 4. Из нее следует, что более позитивное освещение гендерной проблематики преобладает в статьях газеты «Шын», публикуемой на тувинском языке. Это, возможно, свидетельствует о большей степени идеализации традиционных образов мужчины и женщины и их гендерных ролей. В «Тувинской правде» более высокий уровень критического освещения гендерных отношений и проблем (около 19%) сочетается с доминированием позитивной направленности в освещении гендерной проблематики и успешных мужчин и женщин РТ.

Таблица 4. Соотношение бинарной оппозитивности в гендерной проблематике в газетах «Шын» и «Тувинская правда», в публикациях за период 2020–2024 гг., в %
Table 4. The ratio of binary oppositivity in gender issues in the newspapers “Shyn” and “Tuvinskaya Pravda”, in publications for the period 2020–2024, in %

Газеты	Позитивная оценка, в %	Негативная оценка, в %
«Шын»	94,7	5,3
«Тувинская правда»	81,4	18,6

Используемые стилистические средства в газете «Тувинская правда» также сохраняют не только традиционную, но современную гендерную направленность и образность. Женские образы формируются с помощью таких определений, эпитетов, метафор и сравнений, как: *незримый остов мужчины и всей семьи, трудолюбивая, вселенская капля — живительный источник для своих детей, душа мужчины, его сила, красивая, успешная, сильная, современная, независимая; луч солнца нежно светит, взор матери милей всего на свете; ты — женщина, и этим ты права* и др.

При описании мужчин и их гендерных ролей применяются комплексные, нейтральные и экспрессивные характеристики, включающие не только традиционные стереотипы мужественности, силы, роли защитника, отца, главы семьи, добытчика, связующего поколений: *настоящий мужчина; мужчина — добытчик; мужчина — пример; мужчина — защитник; мужчина — отец; мужчина — муж; огромная сила; сила мужчины; его маскулинность; мужественные и сильные, как наши предки; мужской дух; мужская честь; боевой дух; героический десантник; воинский долг; верны боевой присяге; не просто глава семьи, а ещё и хозяин дома; мужчину делают не физиологические отличия от женщины, а сумма качеств и навыков, для которых женские руки слишком нежны; выдержанный; серьезные физические нагрузки; жесткие единоборства; веское и ёмкое слово; властный; добрый; умный; учитель — слово мужского рода; храброе сердце; в современном мире учитель — профессия мужская, ведь эти слова мужского рода; учитель-мужчина — строгий наставник.*

Следует также отметить широкое применение пословиц и поговорок с акцентом на значимости роли отца и матери: *Слово отцово запоминай, слово матери уважай; Дочь при матери умелой станет, сын с отцом послушным вырастает; нет отца — ещё не сирота, матери нет — круглый сирота; пусть лучше умру я сам, чем умрет моё мужское имя.*

Заключение

Таким образом, анализ констант, трансформаций и основных проблемных зон гендерных отношений, выявленных на материале Интернет-дискурса в «живой» репрезентации современных носителей тувинского языка, позволил определить наиболее актуальные вопросы и ориентации развития гендерной культуры в контексте социокультурных и этно-региональных реалий Республики Тыва.

Тенденции трансформации гендерных ролей находятся в противоречивом соотношении с сохранностью традиционных представлений о социальных отношениях пола. Повышение социального

статуса тувинских женщин, их профессиональных и деловых успехов не меняет устойчивых представлений о закреплённости преимущественно за женщинами домашних обязанностей по уборке, воспитанию и уходу за детьми, приготовлению пищи и т. д. Проблемные зоны брачно-семейных отношений связаны с алкоголизмом, абьюзом, отсутствием материального достатка, склонностью к иждивенчеству и неверности. Заметной особенностью дискурса социальных сетей в анализируемых сообществах является активное присутствие тувинского ненормативного вокабуляра, связанного как с онлайн форматом анонимного живого общения, так и потребностью передать высокую степень эмоционального отношения к обсуждаемой теме, преобладание доли нецензурной лексики по отношению к женщинам с использованием, в том числе, русских заимствований.

Гендерное равенство реализуется на практике тувинских женщин — финансово независимых, самодостаточных, предпринимающих меры, чтобы обеспечивать себя и свою семью, и наличием мужчин, принимающих современную гендерную культуру, основанную на социальном равноправии полов с опорой на традиционные семейные ценности тувинцев.

Последовательное освещение данного аспекта развития гендерных отношений представлено в официальном дискурсе республиканских печатных СМИ с отличиями в аксиологической поляризации и плотности обсуждения. Более позитивное освещение гендерной проблематики преобладает в статьях тувиноязычной газеты «Шын», свидетельствуя о большей степени идеализации традиционных образов мужчины и женщины и их гендерных ролей. В русскоязычной «Тувинской правде» более высокий уровень критического подхода сочетается с доминированием позитивной направленности в освещении гендерной проблематики и успешных мужчин и женщин РТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В. (2005) Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М.: ООО Принт. 243 с.
- Анайбан, З. В. (2021) Женская история в работах российских исследователей-тувиноведов // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: ИЭА РАН. 268 с. С. 34–38.
- Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщин современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115.
- Айвазова, С. Г. (1997) Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: пер. с франц. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя. 832 с. С. 5–20.
- Балакина, Г. Ф. (1999) Социокультурные процессы в Туве в 90-е годы. Проблемы вхождения женщин в рынок. Кызыл: Центр компьютер. полиграфии ТувИКОПР СО РАН. 45 с.
- Бовуар С. де (1997) Второй пол: в 2 т.: пер. с франц. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя. 832 с.
- Варламова, И. Ю., Будильцева, М. Б., Пугачев, И. А., Куулар, Е. М. (2023) Образ женщины в языковой картине мира тувинцев и русских (на материале фразеологии в паремиях) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>
- Воронина, О. А. (1997) Введение в гендерные исследования // Материалы первой Российской школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97» / под ред. О. А. Ворониной, Л. Г. Лукяновой. М.: МЦГИ. 190 с. С. 29–34.
- Гачев, Г. Д. (1998) Национальные образы мира. М.: Издательский центр «Академия». 432 с.
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 118 с.
- Кирилина, А. В. (2000) Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания / под ред. А. В. Кириловой. М.: Рудомино. 191 с. С. 47–81.
- Кирилина, А. В. (2005) Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры. 622 с.
- Кужугет, А. К. (2016) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Красноярск: Офсет. 320 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2021) Женский вопрос в тувиноведении: от этнографии к феминистской антропологии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: ИЭА РАН, 268 с. С. 38–41.

Натсак, О. Д. (2022) Гендерное распределение домашнего труда в тувинских семьях // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1. (44). С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Натсак, О. Д. (2023) Женщины в публичном дискурсе в период Тувинской Народной Республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 208–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Дата поступления: 01.07.2024 г.

Дата принятия: 06.09.2024 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V (2005) *Women of Tuva and Khakassia during the period of Russian reforms*. Moscow, OOO Print. 243 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2021) Women's history in the works of Russian Tuvian researchers. In: *Women's History today: source studies, historiography, new methodological approaches* / ed. by N. L. Pushkareva. Moscow, IEA RAN. 268 p. Pp. 34–38. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) The world of women of modern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–115. (In Russ.).

Aivazova, S. G. (1997) Simone de Beauvoir: The ethics of authentic existence. In: Beauvoir S. de. *The second sex*. Vol. 1 and 2: transl. from Fr. Moscow, Progress, St. Petersburg, Aleteiia. 832 p. Pp. 5–20. (In Russ.).

Balakina, G. F. (1999) *Socio-cultural processes in Tuva in the 90s. Problems of women's entry into the market*. Kyzyl, Tsentr komp'iuter. poligrafii TuvIKOPR SO RAN. 45 p. (In Russ.).

Beauvoir S. de. *The second sex*. Vol. 1 and 2: transl. from Fr. Moscow, Progress, St. Petersburg, Aleteiia. 832 p. (In Russ.).

Varlamova, I. Yu., Budil'tseva, M. B., Pugachev, I. A. and Kuular, E. M. (2023) The image of a woman in the linguistic picture of the world of Tuvans and Russians (based on the material of phraseology in proverbs). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 44–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.3>

Voronina, O. A. (1997) Introduction to Gender studies. In: *Materials of the first Russian school for Women's and Gender Studies "Valdai-97"* / ed. by O. A. Voronina and L. G. Lukianova. Moscow, MTsGI. 190 p. Pp. 29–34. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1998) *National images of the world*. Moscow, Publishing center "Academy". 432 p. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zabelina, G. A. (2010) *Tuva women in the family and society in the first half of the 20th century*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 118 p. (In Russ.).

Kirilina, A. V. (2000) Gender aspects of mass communication. In: *Gender as an intrigue of knowledge* / ed. by A. V. Kirilina. Moscow, Rudomino. 191 p. Pp. 47–81. (In Russ.).

Kirilina, A. V. (2005) *Gender and language*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 622 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2016) *Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation*. Krasnoarsk, Ofset. 320 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2021) The women's issue in Tuvan Studies: from Ethnography to Feminist Anthropology. In: *Women's History today: source studies, historiography, new methodological approaches* / ed. by N. L. Pushkareva. Moscow, IEA RAN. 268 p. Pp. 38–41. (In Russ.).

Natsak, O. D. (2022) Gender division of domestic work in Tuvan families. *Vektory blagopoluchii: ekonomika i sotsium*, no. 1. (44), pp. 79–90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Natsak, O. D. (2023) Women in the public discourse in the period of the Tuvan People's Republic (A historical and sociological analysis based on materials of the periodical press). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 208–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>

Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023) Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Submission date: 01.07.2024.

Acceptance date: 06.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.5

Статья

Амбивалентный миф о Туве XX века

Элеонора Ф. Шафранская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Гульчира Т. Гарипова

*Российский университет дружбы народов; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
Российская Федерация,*

Нурсулу Ж. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется процесс мифологизации Тувы, приведшей к рождению амбивалентного мифа о Туве в XX веке, как, с одной стороны, земли дикой, «нецивилизованной» и, с другой — некоего сокрытого духовного центра мира. Актуальность статьи связана с изучением постоянной репродуктивной функции мифа, а также с недостаточно изученной мифологизацией тувинского локуса.

Притяжение к Туве как к загадочной стране рождает два вектора мифологизации: 1) тексты критические и 2) тексты, погружающие в чужую культуру. Объектом исследования настоящей статьи стали тексты второго типа. Путешественники, привлеченные в Туву рядом манков, среди которых почтовые марки периода Тувинской Народной Республики, горловое пение, топографический центр Азии, порождают амбивалентный миф о Туве. Будучи стартом путешествия, Тува — всегда загадка, земля неизвестная, terra incognita, а на выходе — в процессе мифологизации чужими/другими — с одной стороны, земля дикая, «нецивилизованная» и, с другой стороны, некий сокрытый духовный центр.

В качестве материала для анализа выступила история Р. Фейнмана и Р. Лейтона, которые планировали поездку в Туву. Она легла в основу романа Р. Лейтона «Tuva or bust!» 1991 г. и фильма о Ричарде Фейнмане 1988 г. Также рассматриваются травелог О. Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» 1931 г. и документальный фильм Р. Белича «Чингиз-блюз» 1999 г.

Ключевые слова: миф; Георгий Гачев; Тува; Ричард Фейнман; Ральф Лейтон; Отто Менхен-Хельфен; Чингиз-блюз; Пол Пена; тувинские марки; петроглиф; тувинское горловое пение

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Шаймерденова Н. Ж. Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 61-75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корп. 3. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корп. 2; 117997, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

The ambivalent myth of Tuva in the twentieth century

Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Russian Federation,

Gulchira T. Garipova

RUDN University; The Kosygin State University of Russia, Russian Federation,

Nursulu Zh. Shaimerdenova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the process of mythologization of Tuva in the twentieth century. It led to the birth of an ambivalent myth about Tuva as, on the one hand, a wild, “uncivilized” land, on the other hand, as a hidden spiritual center of the world. The relevance of the article relates to the study of the permanent reproductive function of the myth, as well as with the insufficiently studied mythologization of the Tuvan locus.

The attraction to Tuva as a mysterious country gives rise to two vectors of mythologization: 1) critical texts and 2) texts immersing in a foreign culture. The object of this study is the texts of the second type. Travelers attracted to Tuva by several attractive factors, including postage stamps from the period of the Tuvan People’s Republic, throat singing, the topographic center of Asia, give rise to an ambivalent myth about Tuva. At first, Tuva is always a mystery, an unknown land, terra incognita, and later — in the process of mythologization by strangers / others: the land is wild, “uncivilized” and some hidden spiritual center.

The story of R. Feynman and R. Leighton, who planned a trip to Tuva, served as material for analysis. It formed the basis for R. Layton’s novel “Tuva or bust!” in 1991 and the film about Richard Feynman in 1988. The travelogue by O. Menchen-Helfen “Journey to Asian Tuva” in 1931 and the documentary film by R. Belich “Genghis Blues” in 1999 are also considered.

Keywords: *myth; Georgy Gachev; Tuva; Richard Feynman; Ralph Leighton; Otto Menchen-Helfen; Genghis blues; Paul Pena; Tuvan stamps; petroglyph; Tuvan throat singing*

For citation:

Shafranskaya E. F., Garipova G. T. and Shaimerdenova N. Zh. The ambivalent myth of Tuva in the twentieth century. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 61-75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fyodorovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 3, 117198, Moscow, Russia. Email: shafranskayaef@mail.ru **ORCID: 0000-0002-4462-5710**

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University; Professor of the Department of Philology and Linguoculturology, The Kosygin State University of Russia. Postal addresses: 10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, 117198, Moscow, Russia; 33 Sadovnicheskaya St., 117997, Russia, Moscow. Email: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7675-2570

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature, Director, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Av., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. Email: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2830-8336

Введение

Георгий Дмитриевич Гачев не одно десятилетие занимался изучением национальных образов мира: он вершил, по его словам, «теоретическое познание сущности, “души” и “духа” каждого народа без мысли, что это может иметь практическое применение» (Гачев, 2002: 7–8). Далее, ссылаясь на наблюдения за исследованиями последних десятилетий XX века, ученый фиксирует некую моду, или увлеченность «национальным вопросом»: гуманитарные науки вдруг «ринулись решать» эту непростую материю. В этом потоке, пишет Гачев, его наблюдения и теоретические размышления могут стать полезны для само- и взаимопознания народов. Он предупреждает, что в условиях, когда перемешались народы и бытовые институции, это сделать не просто — перевести язык быта и вещей на язык идей и смыслов (там же: 9). Эта гачевская интенция будет основополагающей в нашей аналитике мифа о Туве.

Любой «этнический миф» (в фольклористике его называют этнологическим) имеет два вектора: изнутри, созданный самим этносом, и снаружи, с точки зрения постороннего. Именно второй вектор станет объектом нашего исследования. Однако и в точке зрения на этнос *со стороны* обнаруживается двойственность: *критическая* (с позиции ориенталиста) — ее мы рассмотрели в предыдущей статье (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024), и *некритическая*, то есть оформленная как наблюдение. У наблюдателя может быть спектр разных чувств и реакций: от удивления до восторга, но без желания «пожурить», «поучить», «наставить». Эти интенции некритической точки зрения и порождают внешний миф (глазами стороннего наблюдателя) о Туве, который станет предметом исследования.

Цель предлагаемой статьи — проанализировать процесс мифологизации Тувы, приведшей к рождению амбивалентного мифа о Туве в XX веке, как, с одной стороны, земли дикой, «нецивилизованной» и, с другой — некоего сокрытого духовного центра мира.

Задачи: выстроить концепцию рождения мифа о Туве, вписав ее в процесс дискурсивного мифопорождения; на примере биографии американца Ричарда Фейнмана и культуртрегерской деятельности Ральфа Лейтона (тоже американца) аналитически проследить рождение мифа о Туве; сделать акцент на одном из мифологических паттернов о Туве — горловом пении.

Ключевой термин статьи — *паттерн*: это одно из слагаемых мифологического, фольклорного, литературного повествования (в нашем случае — связанного с местом, или с локальным текстом). Паттерны, принадлежащие разным локальным текстам, типологичны: ими могут быть культурные артефакты; своеобразие ландшафта, климата, архитектуры, гастрономии; нематериальное достояние, связанное с исполнением, и другие проявления, но главное — повторяющиеся в разножанровых текстах о месте, в нашем случае — о Туве. К паттерну мы также относим рецептивное отношение к месту, которое повторяется у разных авторов. Применительно к контексту нашей статьи, паттерн — это строительная единица мифа. Если миф — это, по сути, растиражированный нарратив, то паттерн — один из «кирпичей» этого построения.

Новизна предлагаемой статьи определяется попыткой показать Туву в парадигме *concordia discors*¹ (единство противоположностей)², бинарные векторы которой сформировали амбивалентный миф о Туве, остающейся местом притяжения и разочарования, страной загадок и депрессивного осадка.

Теоретико-методологическая основа статьи — работы о мифе (Барт, 2004; Мелетинский, 1998; Элиаде, 2000, 2002; и др.³); концепция Г. Д. Гачева, посвященная описанию культур и их миропонима-

¹ См.: Ницше, 2006; Scholtz, 2007; Махов, 2021.

² Понятие *concordia discors* (в значении «разногласное согласие» как форма гармонии) встречается уже в «Метаморфозах» Овидия, в «Посланиях» Горация и в поэме «Гражданская война» Марка Аннея Лукана. Психоаналитическая и философская семантика понятия была актуализирована в работах Ф. Ницше — см.: Ницше, 1999, 2006. В ряде работ современных исследователей понятие *concordia discors* рассматривается в различных контекстах (космологическом, социальном, антропологическом, экзегетическом, поэтологическом, музыковедческом), вводящих дополнительные коннотации — см. Европейская поэтика..., 2010: 324–327; Махов, 2021. Авторы настоящей статьи конципируют в своих работах культурологические значения («несогласное согласие», «примирение непримиримого», «невозможное возможное») понятия *concordia discors* в отношении к феноменам транскультурной литературы — см.: Шафранская, Гарипова, 2023: 111; Шафранская, Гарипова, Кешфиудинов, 2024: 197.

³ Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. 1999. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 10.07.2024); Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учебник и практикум / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

нию (Гачев, 1987, 1998, 2002). Также мы учитываем труды, посвященные изучению Тувы, ее истории и культуры (Адыгбай, 2012; Дэвлет, 1982; Ламажаа, 2011ab, 2021; Монгуш, 2010, 2012, 2014; Тувинцы: Родные ..., 2022);

Источниковая база: роман Р. Лейтона о Р. Фейнмане «Tuva or bust!» 1991 г.¹, фильм о Ричарде Фейнмане²; травелог О. Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» 1931 г.³, документальный фильм Р. Белича «Чингиз-блюз» 1999 г.⁴

Миф

Кратко напомним о современных⁵ конвенциональных признаках *мифа* (главного термина статьи), дабы избежать разночтений и разнотолкований⁶.

Будучи первоосновой интеллектуальной деятельности, миф воссоздает (или пересоздает) реальность на протяжении существования человечества. Помимо архаических (или традиционных) мифов, каждая эпоха создает новые мифы, которые пронизывают фольклорные и литературные произведения, а также другие вербальные и невербальные тексты.

Миф, по словам Е. М. Мелетинского, это «первичная модель всякой идеологии и синкретическая колыбель различных видов культуры — литературы, искусства, религии и, в известной мере, философии и даже науки» (Мелетинский, 1998: 419).

Исследователь А. Л. Топорков считает: чтобы впасть в мифологию, не надо обладать особым типом мышления; склонность к мифологизации коренится в отношении человека к миру — в парадигме контактов между социумом и природой, в социальных механизмах поведения и т. д. Подобная человеческая склонность не зависит от уровня образования и степени интеллекта⁷.

Все компоненты реальности, естественные и рукотворные, могут стать объектом мифа: «материалы, из которых создается мифическое высказывание (собственно язык, фотография, живопись, плакат, обряд, вещь и т. д.), могут быть исходно разнородными, но, попадая во владение мифа, они сводятся к голой знаковой функции» (Барт, 2004: 239), то есть к минимальному носителю информации.

Высказанное раз суждение, произнесенный нарратив и прочие формы дискурса, имеющие экзистенциальную суть, начинают передаваться «из уст в уста», тиражироваться, а в XX и XXI веках количество каналов для тиражирования все время возрастает (печатные издания, радио, телевидение, реклама, Интернет, социальные сети и проч.) — так, прецедентный текст выполняет роль мифа: в нем сфокусировано какое-то правило общежития, «объяснение» некоего явления или процесса, и т. д. Миф всегда имеет установку на объективность и достоверность. Другое дело — есть ли в нем эти объективность с достоверностью? Однако пока существует вера в какой-либо локальный или глобальный миф, он живет и тиражируется. Уходит вера — исчезает миф (но продолжает существовать в случае его фиксации, например, в художественном тексте).

Такова склонность человеческого сознания к мифологизации, процессу отнюдь не одностороннему. Усталость человека от мифа, разочарованность в нем ведут к демифологизации — этому способствует развитие науки, берущей на себя роль разоблачить ложные послы мифа. Однако науке не все под силу — дать ответы на все вопросы человечества она не в состоянии, и тогда наступает но-

¹ Leighton R. Tuva or bust! Richard Feynman's last journey. New York-London: W.W. Norton & Company, 1991.

² Tuva or bust... Richard Feynman / BBC, "Horizon" documentary on the Noble Prize winner Richard Feynman and his attempt to visit Tannu Tuva [Электронный ресурс] // Youtube.com. jazzaintmusic. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fuqm4FGzo20> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: Антология: в 7 т. / отв. ред. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 220–351.

⁴ Роко Белич. Genghis Blues: Документальный фильм. США, 1999 [Электронный ресурс] // Youtube.com. diabolotia. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mpSIPTC4zaI> (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Имеются в виду работы зарубежных и российских исследователей второй половины XX века — начала XXI в.: труды М. Элиаде (Элиаде, 2000, 2002), К. Леви-Строса (Леви-Строс, 1983), Е. М. Мелетинского (Мелетинский, 1976), С. Ю. Неклюдова (Неклюдов, 2005) и др.

⁶ Подробнее см.: Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учебник и практикум / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 22–35.

⁷ Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. 1999. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 10.07.2024)

вая фаза — ремифологизация, возврат к отвергнутому прежде мифу, а затем и неомифологизация, в процессе которой происходит рождение новых мифов (например, в нашем случае, амбивалентного мифа о Туве, детерминированного историософией XX века, процессами де- и ремифологизации истории древней Танну-Тувы).

Мифологическое мышление и его фазы в «химически чистом виде» обнаружить не удастся (Мелетинский, 1976: 167). Так и с мифом о Туве: его амбивалентность сформирована взаимоисключающими бинарными векторами.

Можно сказать, что миф о Туве за время XX в. прошел эти три фазы своего бытования (что не исключает одновременного существования мифа в разных его фазах). Притяжение Тувой, «землей неизвестной», пожалуй, воспринимается уже как константа, однако есть противоположные трактовки в мифе о Туве: это богатая / бедная страна; малокультурная, «дикая» / с глубокими, яркими корнями культуры; «центр Азии» / отдаленная окраина — эти противоречия формируют образ амбивалентной Тувы, отталкивающей и манящей.

Инаковость культурного мира Тувы (его отличие от российского) таково, что многими Тува и вовсе не воспринимается как часть Российской Федерации, о чем пишут исследователи (см.: Ламажаа, 2021: 181; Тувинцы: Родные ..., 2022: 26; Бахтикиреева, Шагимгереева, Амалбекова, 2023: 229).

Загадочность Тувы объяснима концепцией Гачева: «...у каждого народа, культурной целостности, есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира, что здесь и строится, и, сообразуясь с которой, и развивается история, и ведет себя человек, и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого народа — нет» (Гачев, 1987: 165; курсив наш. — Авт.). Он считает, что жизнь любого этноса заключена в силовое поле между Судьбой и Свободой. «Своим рождением в данном Космосе, природе, этносе, стране, языке, традиции, культуре — я во многом предопределен изначально быть таковым, а не иным и в своей шкале ценностей и психике, в понятиях и целях» (Гачев, 2002: 9) — это, по Гачеву, Судьба. То, как поступит человек, как разовьет свою личность, свою Судьбу — это уже творится в пространстве Свободы. Далее Гачев резюмирует: «национальный Космос» каждого народа — это Судьба, а то, как народ ею распорядится, — это его «шествие в Свободе». «Народ это делает в ходе Труда за свою Историю, выстраивая самобытную Культуру, которая есть уникальный диалог между Судьбой и Свободой; а человек строит себя как Личность в жизнетворчестве в ходе прорастания сквозь Бытие и среду и решая мириады микроситуаций свободоволяющим “я” своим» (там же: 9–10).

Применительно к мифу о Туве гачевская концепция, как было замечено ранее, «работала» в XX в. двойко: одни из внешних слагателей мифа предрекали Туве зависимость и несамостоятельность, то есть отсутствие Свободы, другие видели в ней совершенную независимость и индивидуальность — возможность реализовать свое шествие в пространстве Свободы.

Анализ первой разновидности мифа о Туве — уже сделанный нами этап (см.: Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024). Черед — за второй разновидностью.

Случай Фейнмана

В рецептивной истории Тувы XX века есть эпизод, о котором в очередной раз следует упомянуть, несмотря на то, что о нем сняты фильмы, написаны книги, тем не менее, он не вошел в область расхожих знаний (как, собственно, и знание о самой Туве). Этот эпизод — из разряда притяжения Тувой, желания ее посетить и узнать, но случай особенный. Это путешествие — мечта, которая вынашивалась американским физиком Ричардом Фейнманом с детских лет. В отличие от других путешествий в Туву, которых было немало (предлагаем ознакомиться с нашей аналитикой: Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024; Шафранская, Должикова, 2024), в путешествии Фейнмана тувинцы не соотносятся ни с русским миром, ни с европейским, они *независимы, самостоятельны и ярки в своей индивидуальности*. Самобытное увлечение Тувой Фейнмана, или «случай Фейнмана», став прецедентом, породил последователей.

Случай Фейнмана разрушает стереотипное понимание «национальных образов мира» в оптике *другого/чужого*, высвечивая прежде не акцентированные коннотации.

Книга О. Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» стала в XX веке одной «из самых востребованных работ о Туве» (Монгуш, 2010: 205)¹, а также источниковой базой для многих людей,

¹ См. также: Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024; Шафранская, Должикова, 2024.

впервые услышавших об этом фантастическом крае. Ее прочитал и полюбил, будучи ребенком, Ричард Фейнман (1918–1988), будущий лауреат Нобелевской премии по физике. Почему именно эта книга? Интерес к Туве юного Фейнмана возник в пору коллекционирования марок.

Р. Лейтон в книге «В Туву любой ценой. Последнее путешествие Ричарда Фейнмана»¹ вспоминает, что в коллекции Фейнмана были великолепные треугольные и ромбовидные почтовые марки, которые выпускали в стране Танну-Тува. Увлекающийся географией Р. Фейнман на предположения о том, что такой страны нет, заявлял, что она существует, что на карте 1930-х годов она была «вытянутым фиолетовым пятном» рядом с Внешней Монголией². В словарях и энциклопедиях, к которым обратился в поисках информации Фейнман, Тувы не было, но он нашел ее на карте — с этих пор мечта о Туве, желание попасть туда не покидали его.

Тувинские почтовые марки зародили интерес многих иностранцев к Туве. С. М. Блехман выделяет важность просветительской функции почтовых марок Тувы: «Познавательная ценность этих марок привлекает к ним не только филателистов, собирающих марки, выпускавшиеся на территории Советского Союза, но и большую армию коллекционеров-тематиков, очарованных разнообразием сюжетов марок Тувы, их высокой художественностью и качеством полиграфического исполнения большинства серий» (Блехман, 1976: 4).

Миниатюрные рисунки «экзотической» жизни тувинцев на почтовых марках могут рассматриваться как эмблематические паттерны мифообраза Тувы. Ральф Лейтон, вспоминая об этих изображениях, создает в своей книге экфрасический этнопортрет тувинского мира:

«Через месяц на Рождество дежурную семейную церемонию вручения подарков в виде виниловых дисков нарушил мой брат Алан. Он презентовал мне несколько треугольных и ромбовидных марок Тувы, выпущенных в 30-х годах, о которых так увлеченно говорил Ричард. На них были запечатлены захватывающие дух сцены: всадник на полном скаку; стрелок, натягивающий с опорой на колено тетиву лука; сцепившиеся в схватке борцы; охотники, целящиеся в свою жертву с близкого расстояния (вполне допустимая для почтовых марок художественная натяжка!) и целый ряд диких и домашних животных: от лис и соболей до яков, верблюдов и оленей. Такое огромное разнообразие видов в таком маленьком уголке Земли казалось Невероятным! Быль или выдумка сюжеты этих марок? По краю отдельных марок был странный узор, напоминающий карнавальные маски или что-то в этом роде, и еще слова POSTA TOUVA, выписанные латиницей так, как будто эти места когда-то были французской колонией»³.

Экфрасис⁴ рисунков на марках коррелирует с наскальными рисунками, фиксирующими искусство древней Тувы. Элементы художественного стиля и набор образов петроглифов, в которых в фигуративной форме отразилась культура тувинского этоса, проявляются и в изображениях на марках. Описанный Лейтоном «странный узор, напоминающий карнавальные маски», чем-то похож на орнаментальные циркульные кружки, обнаруженные на наскальных изображениях. Исследователь орнаментальных мотивов А. Д. Грач отмечает, что подобные циркульные орнаменты широко представлены среди памятников Сибири скифского времени, в том числе и в Туве (например, роговая поясная пряжка с циркульным орнаментом была найдена в кургане могильника Саглы-Бажи II и др.) (см.: Грач, 1966: 31).

Конечно, Тува — это не только страна, «где люди в национальных костюмах скачут на лошадях, производят странное звучание горлом, где шаманы бьют в бубны и где печатают почтовые марки. На самом деле, Тува — это несравненно большее. Это один из самых интересных уголков мира! Тува — перекресток культур на протяжении тысяч лет, колыбель великих цивилизаций», как выразилась много позже американка Х. Джиндрак (Ламажаа, 2011b: 370).

Случай Фейнмана показывает, что воплощенные в рисунках почтовых марок образы тувинского этноса и этоса настолько уникальны и привлекательны, настолько соотносимы с неповторимой культурной семиотикой национальных мифов, что также могут быть паттернами тувинского мирообраза.

¹ Leighton R. Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey. New York, 1991.

² Лейтон Р. В Туву любой ценой! Последнее путешествие Ричарда Фейнмана (отрывки из книги Ralph Leighton «Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey». New York, 1991. Перевод Д. И. Оюн) // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 416.

³ Лейтон Р. В Туву любой ценой! Последнее путешествие Ричарда Фейнмана (отрывки из книги Ralph Leighton «Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey». New York, 1991. Перевод Д. И. Оюн) // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 421.

⁴ Экфрасис — литературное описание произведений живописи, рисунков, скульптуры, артефактов.

При советской власти Тува для иностранца была малодоступной территорией. Настойчивый Фейнман вступил в переписку с организациями, которые, как ему казалось, могли бы стать его кураторами по Туве. По прошествии многих безрезультатных попыток, он добился разрешения въехать в Туву — от академика Е. П. Велихова: письмо-приглашение пришло на адрес Фейнмана, правда, через несколько дней после его смерти в 1988 г.

Документальные кадры сохранили высказывания Фейнмана о его мечте, его Туве. Лекции Фейнмана по физике и его тувинские рефлексии оказываются родственны — они находятся в одной экзистенциальной парадигме. Говоря о физике, Фейнман произносит простые и понятные слова: физика изучает различные аспекты природы, одним из которых и представляется Тува¹, часть большого и целого явления.

В прогностических ожиданиях Фейнмана от знакомства с Тувой отсутствуют какие-либо намеки своего превосходства, желание как-то изменить Туву или что-то исправить в ней — это, как правило, свойственно ориенталисту (см.: Шафранская, 2020); Фейнман долгие годы вживался в Туву — делал это легко, артистично и с любовью; готовясь когда-нибудь встретиться с тувинцами, изучал монголо-тувинско-русский разговорник; сочинял и писал вместе со своим другом Ральфом Лейтоном письма практически в «пустоту» с набором переформатированных из разговорника этикетных фраз: «передаем привет Туве», «мы испытываем большой интерес к Туве», «надеемся когда-нибудь побывать в Туве», «ждем встречи», «ждем ответных сообщений на тувинском языке»² и т. д. Чудо случилось — одно из писем нашло адресата в лице тувинского фольклориста Ондара Дарымы: его имя «американцы вычитали из книги “Тыва тоолдар” (“Тувинские сказки”), 1968 года издания...» (Адыгбай, 2012: 91), — пишет дочь ученого Чечек Адыгбай в биографической статье об отце — собирателе тувинского фольклора.

Фейнман и Лейтон расшифровывали полученные по почте ответы как головоломки, решать которые для Фейнмана было огромным удовольствием (точно так же он расшифровывал древний кодекс майя, зная, что кто-то уже сделал это до него, но ему было важно пройти путь открытия самостоятельно). Фейнман научился играть на специальных барабанах, подпевал, имитируя якобы туземное пение (однажды даже сочинил музыкальное сопровождение на барабанах к балету одной из подруг), полюбил горловое пение, получив редчайшую грамзапись в подарок, на одном из своих автомобилей установил номерной знак с надписью “Touva”, на фоне которой сфотографировался и отправил снимок в Кызыл, где его напечатали в газете.

Словом, Фейнман не только сам вживался в Туву, он создавал некий бэкграунд, чтобы в скорейшем времени его приезд в Туву выглядел естественным и закономерным. Все это делалось с удовольствием, азартом и вкусом. При этом он «заражал» своей страстью окружающих. Так, узнав о выставке в Швеции, где экспонировались древние тувинские артефакты, Фейнман приложил максимум усилий, чтобы эта выставка приехала в США.

Со смертью Фейнмана мечта о Туве не исчезает. Она, как некая энергия, вселяется в тех, кто окружал Фейнмана. Люди рассказывают о его страсти, вызывая у публики интерес к неизведанной стране.

Еще при жизни Фейнмана возникает сообщество «Друзья Тувы в Америке»³ (1981), а после — интернет-сообщество «Друзья Тувы в Японии» (2006)⁴.

На сайтах этих сообществ появлялись и до сих пор появляются заголовки: «В Туву приехала сестра Ричарда Фейнмана, известный астрофизик Джоан Фейнман», «Успешно поставлена пьеса об экзотричном физике, основателе американского общества “Друзья Тувы” Ричарде Фейнмане», «В Туву приехала дочь Нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана» и др. Американский филантроп Билл

¹ См.: Tuva or bust... Richard Feynman / BBC, “Horizon” documentary on the Noble Prize winner Richard Feynman and his attempt to visit Tannu Tuva [Электронный ресурс] // Youtube.com. jazzaintmusic. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fuqm4FGzo20> (дата обращения: 10.07.2024).

² Фразы из фильма – см.: Tuva or bust... Richard Feynman / BBC, “Horizon” documentary on the Noble Prize winner Richard Feynman and his attempt to visit Tannu Tuva [Электронный ресурс] // Youtube.com. jazzaintmusic. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fuqm4FGzo20> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Friends of Tuva. Тываның өңнуктери. Главная страница [Электронный ресурс] // Friends of Tuva. URL: <http://www.fotuva.org/> (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Тываның өңнуктери, Япония. Friends of Tuva, Japane. Главная страница [Электронный ресурс] // Тываның өңнуктери, Япония. Friends of Tuva, Japane. URL: <http://www.tarbagan.net/fotj/> (дата обращения: 10.07.2024).

Гейтс покорен этим реальным сюжетом настолько, что создает Project Tuva¹, где размещает лекции Фейнмана по физике. И еще много чего происходит в научном мире, сфокусированном на Туве (см.: Монгуш, 2010: 219–231).

Все эти движения и акции, проекты и флэшмобы вокруг Тувы стали почвой для рождения мифа о Туве в мировом контексте (заметим, мифа с восторженными интенциями — в противовес мифу, порожденному ориенталистами).

Именно в память об ушедшем друге Ральф Лейтон и пишет в 1991 г. упоминаемую нами выше книгу “Tuva or Bust! Richard Feynman’s Last Journey” («В Туву — любой ценой! Последнее путешествие Ричарда Фейнмана»), которая в том же году публикуется нью-йоркским издательством «В. В. Нортона и компания» (русский перевод издан в 2021 г. под названием «В Туву! Пан или пропал!»).

В основу этой книги — вымышленного тревелого, путешествия в будущее — положена реальная история: как в 1977 г. два близких друга, географы-любители и музыканты-барабанщики, Фейнман и Лейтон, влекомые идеей открыть неведомую Шангри-Ла (в массовом сознании она же и Шамбала) и услышать уникальное горловое пение тувинцев, хотят отправиться в путешествие в Танну-Тува, о которой знают только понаслышке.

Завязкой сюжета книги становится разговор между Фейнманом и Лейтоном о том, существует ли все-таки Тува или нет, в ходе которого они решают обязательно посетить эту страну и ее столицу Кызыл. Далее, в развитии сюжета выстроена система попыток в течение целого десятилетия (1978-1988) добраться до страны. Повествователь детально рассказывает о борьбе с советской бюрократией, о подробностях почтовых мытарств. Герои путешествия-мечты четко следуют по гипотетическому маршруту, погружаясь в неведомую, мифическую и одновременно реальную страну. Создается иллюзия взгляда изнутри, который открывает читателю пока еще воображаемый край.

Параллельно с этим описана реальная история работы Фейнмана в комитете по расследованию катастрофы шаттла «Челленджер», его трагическая болезнь (рак), его смерть. При этом на протяжении всей книги сохраняются юмор и ирония, с которыми веселые друзья открывают неоткрытую страну.

Лейтон представляет пространство Танну-Туву в виде последнего перевала на жизненном пути Фейнмана — из реального мира в мистическое сакральное пространство, то самое, физические свойства которого входили в профессиональную область исследований физика. Фейнман занимался квантовыми аспектами природы, которую метафорически называл луковицей со множеством слоев. Еще один апологет Фейнмана, Мэттью Бродерик, назвал свой фильм о нем «Бесконечность» (1996).

Именно бесконечность, характеризующая тувинскую «цивилизацию», лежит в основании мифа о вымышленной стране Шангри-Ла. Впервые эта фантастическая Шангри-Ла появляется в романе английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933) — в тибетских горах Куньлунь. И она же упоминается в фильме о Фейнмане “Tuva or bust... Richard Feynman”² (1988), символически соотносясь с утопической Шамбалой. В книге Лейтона Тува тоже представлена прообразом духовной счастливой земли, изолированной от мира обычных людей, которые готовы потратить жизнь на ее поиски. Лейтон признается, что их с Фейнманом увлеченность Тувой была предопределена тем, что Тува загадочна и далека. Стремление попасть в Туву было мотивировано ее закрытостью, отсутствием информации о ней.

И еще одна черта мифа о Туве обозначена в книге Лейтона — это «потерянный рай», точнее, рай, сокрытый от западного мира. Этим и мотивирована задача персонажей книги — вернуть его и открыть заново. Тува словно зашифрована в деталях-знаках географического локуса «одной из советских республик». Не случайно в фильме 1988 г. упоминается «дрезденский кодекс» мая³, при разгадке которого Фейнман трактует числа как различные астрономические данные. Тува для Фейнмана ста-

¹ Access Project Tuva for Free, Courtesy of Bill Gates. Главная страница [Электронный ресурс] // Access Project Tuva for Free, Courtesy of Bill Gates. URL: <https://news.softpedia.com/news/Access-Project-Tuva-for-Free-Courtesy-of-Bill-Gates-116778.shtml> (дата обращения: 10.07.2024).

² См.: Tuva or bust... Richard Feynman / BBC, “Horizon” documentary on the Noble Prize winner Richard Feynman and his attempt to visit Tannu Tuva [Электронный ресурс] // Youtube.com. jazzaintmusic. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fuqm4FGzo20> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Codex Dresdensis хранится в Германии в государственной библиотеке Sächsische Landesbibliothek (SLUB) города Дрездена.

новится знаком тех сакральных тайн, которые скрывают истоки человеческой цивилизации. Тува в книге Лейтона амбивалентна: эта страна есть действительность. Тува, существуя в сознании героев, открывается ими, возвращается и возрождается как нечто метафизически существующее в памяти, в коллективном бессознательном. Отсюда при незнании о существовании Тувы появляется интуитивное желание познать эту страну — путешествие превращается в эмблематическое, по условным знаковым вешкам.

Фейнман словно стремился, в соответствии с теорией Гачева, принять и осознать именно национальный образ мира тувинского народа, истоки его логоса. Гачев пишет:

«Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а, так сказать, гносеология, национальная логика, склад мышления, какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки. Этот особый “поворот”, в котором предстает бытие данному народу, — и составляет национальный образ мира» (Гачев, 1998: 14).

Тува для Фейнмана так и осталась необретенным раем.

«Дикий» или одаренный народ?

В священном для тувинцев месте, в пещере Уттуг-Хая (*Уттүг-Хая*), на стенах изображены животные, а рядом — небывалые фигуры:

«красными и черными штрихами <...> шагающие ноги. Туловище отсутствует, и не потому, что стерлось, его здесь никогда и не было. В другом месте — худощавая фигура с длинными руками и просто гигантскими пальцами. Сверху — огромная, круглая голова, от которой отходят лучи, как если бы мы хотели изобразить солнце. И опять где-то совсем в стороне — трехногая птица в круге»¹,

пишет Отто Менхен-Хельфен², австрийский немец, посетивший Туву в 1929 г. и издавший книгу «Путешествие в азиатскую Туву». В ней он утверждает, что был первым европейцем, увидевшим эти наскальные рисунки (по заверению местных жителей³).

Речь идет о петроглифах (см.: Дэвлет, 1982), получивших в истории культуры также название *гротеск*. Этот термин рожден именно контекстом наскальных рисунков. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М. М. Бахтин пишет о схожих изображениях, найденных в Риме в конце XV в. при раскопках терм Тита и поразивших современников «необычайной, причудливой и вольной игрой растительными, животными и человеческими формами, которые переходят друг в друга, как бы порождают друг друга» (Бахтин, 1990: 40). Бахтин пишет об орнаментальной игре, от которой исходит чувство свободы и фантазии, веселья и вольности. (Заметим: слово *вольность* синонимично гачевской Свободе.)

С той поры все рисунки, выполненные в алогичной парадигме, стали именоваться гротеском — от итальянского *grotta* ‘грот, пещера’. Собственно, таково истолкование приема гротеска и в литературном тексте — сочетание логически несочетаемых деталей.

Ю. И. Левин, семиотик, математик и филолог, высказал экзистенциально важную мысль: если в творчестве нарушается житейская логика, то это, как ни странно, свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне творца (он имел в виду народы), о его склонности к абстракции, остроумию, способности травестировать обывательскую мудрость (Левин, 1998: 505). Именно такой подход кажется нам логичным при объяснении петроглифов — «странных» гротесковых рисунков в тувинской пещере. Как пишет М. А. Дэвлет, наскальные рисунки создавались в разные времена — от эпохи бронзы до современности (Дэвлет, 1982: 14), эта же исследовательница в своей книге «Петроглифы на кочевой тропе» выделяет две группы тувинских петроглифов: реалистические и условные (там же: 101), но даже в «реалистических» рисунках присутствует прием гротеска, например: «Изображения людей на скалах предельно стилизованы. Фигуры лучников имеют, так сказать, “рыбообразные” очертания, у большинства из них почти не выделена шея, на лицах обозначается только глаз» (там же: 115).

¹ Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: Антология: в 7 т. / отв. ред. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 312.

² См. информацию о личности О. Менхен-Хельфена в статьях: Монгуш, 2012, 2014.

³ Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву... С. 311.

А вот Менхен-Хельфен видит в настенных изображениях тувинской пещеры лишь род манка, притягивающего в Туву десятки путешественников; в прочих деяниях тувинцев Менхен-Хелфен не обнаруживает (в отличие от версии Ю. И. Левина) творческого потенциала.

На протяжении XX века каждый иностранец, который желал попасть в Туву, проходил жесткий отбор и проверку, преодолевал не только бюрократические, но и фактические препоны — как сказочный герой, которому, чтобы попасть в ирреальный мир и раздобыть там утраченное, похищенное или желанное, надо было преодолеть массу препятствий, иными словами, пройти посвятельный обряд, после прохождения которого человек становится включенным в культуру сообщества, о чем пишет М. Элиаде (Элиаде, 2002: 27).

Реальные искатели чуда, удивления или экзотики в Туве по возвращении озадачивались этой «землей неизвестной».

В Туву стремятся также с желанием попасть в место слияния времен и пространств — к «центру Азии». В 1933 г. советский писатель Сигизмунд Кржижановский разъясняет, что такое «центр Азии»: это поставленный в Туве путешественником англичанином¹ шест с соответствующей надписью — где-то на огороде у аила Салдам. Рассчитав центр неправильной плоскости азиатского континента, он вычислил место этой математической точки: «Корабли, идущие в долготном направлении через Великий океан, пересекают условно проведенную демаркационную линию, отделяющую сегодня от завтра: судно, пересекающее линию в восточном направлении, присчитывается один восход и один закат, и есть момент, когда на носу парохода одна календарная дата, а у кормы его — другая»², — интригуя замечает С. Кржижановский.

Безусловно, такое место не может не восприниматься как чудесное и загадочное. Не случайно Менхен-Хелфен написал в итоге своего тувинского путешествия: «Каким тупицей надо быть, если, оказавшись в Туве, не задаваться вопросами: что представляла собой эта страна в прошлом? какие народы здесь жили? Если бы мертвые только могли говорить!»³

Говоря о народном таланте, порожденном, по Гачеву, гармонией Судьбы и Свободы, отдельно надо отметить горловое пение, ставшее одним из строительных «кирпичей» мифа о Туве, то есть его паттерном⁴, который можно сравнить с раппортом в декоративно-прикладном искусстве, то есть повторяющимся узором, например, на ткани или ковре (говорящие или пишущие о Туве неизменно вспоминают «горловое пение»). В книге Лейтона горловому пению отводится важное место как культурному достоянию тувинцев. Одна из интриг сюжета — планируемая героями «операция» посещения тувинского фестиваля горлового пения.

Заканчивается книга реальной историей об участии знаменитого мастера горлового пения в Параде турнира роз:

«Близится конец 1999 года, и скоро мне предстоит встреча с конным отрядом “Ондар и Орлы Тувы”, который был выбран для шествия по бульвару Колорадо 1 января 2000 года. Возглавляемый мастером горлового пения Конгар-оол Ондаром, ветераном Парада турнира роз 1993 года в Пасадене, отряд потомков армии Чингисхана включал в себя двух участников-борцов — один из которых называет себя “Терминатором” в честь другого “всеамериканского” кумира, Арнольда Шварценеггера, в последнем фильме которого “Конец дней” можно услышать горловое пение Ондара.

Путешествие продолжается...»⁵.

Этим многоточием, а также двумя семантическими значениями лексемы *adventure* — путешествие и приключение — заявлено: тувинское приключение действительно продолжается.

¹ К сожалению, во всех источниках этот факт не сопровождается именем собственным «этого англичанина».

² Кржижановский С. Салыр-Гюль (Узбекистанские импрессионизмы) // С. Кржижановский. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. и коммент. В. Перельмутера. СПб.: Symposium, 2003. Т. 3. С. 430.

³ Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву... С. 310.

⁴ И даже «брендом»: «Именно популяризация тувинской музыкальной культуры привела к созданию обществ друзей Тувы в США <...> и Японии <...> и других странах, а также способствует туристическому интересу Запада к этому российскому региону», — пишут Ч. К. Ламажаа и В. Ю. Сузукей (Ламажаа, Сузукей, 2019: 76).

⁵ “The end of 1999 is almost here, and soon I will be meeting the equestrian group “Ondar and the Eagles of Tuva”, which has been selected to ride down Colorado Boulevard on January 1, 2000. Led by throat-singing master Kongar-ol Ondar, a veteran of the 1993 Pasadena Tournament of Roses Parade, these descendants of Genghis Khan’s armies include two

Мир стремится расширить свои знания о Туве, интрига Фейнмана и Лейтона «приключается» в других точках мира — той самой фейнмановской «многослойной луковице». Вновь проникнуть в эту фантастическую страну и расширить знания о ней помогает горловое пение. В 1999 г. режиссер Роко Белич снимает документальный фильм “Genghis Blues” («Чингиз-блюз»)¹, который номинируют в том же году на премию Оскар.

В фильме использована музыка Пола Пены и Конгар-оол Ондара (об этом мастере горлового пения пишет в своей книге и Лейтон). В центре сюжета фильма Белича — путешествие в закрытую республику Тува слепого американского блюзового певца Пола Пены, увлеченного идеей воочию услышать и постичь тайны тувинской музыки, которая поразила его в одной из передач на радио «Свободная Москва». Он пытается овладеть техникой самостоятельно и достигает определенного успеха (параллельно выучив и язык). Пол Пена прилетает в 1995 г. на один из концертов и участвует в нем как исполнитель, удивляя самого Конгар-оол Ондара, который и приглашает его посетить фестиваль в Туве.

Фильм наполнен сочетанием тувинской и западной музыкальных традиций, встраивая тувинскую культуру в мировую. Так разрушается восприятие Тувы как маленькой закрытой республики, закрытой когда-то в советском пространстве. Аутентичность тувинского мира подчеркнута в фильме не как национальное неповторимое (как в книге Лейтона), а как постсоветское наследие.

После конкурса Пол Пена знакомится с окружающей средой, его поражает массовая увлеченность населения водкой, приводящая к групповым дракам на улицах Кызыла. Американца охватывает депрессия, слепого музыканта обворовывают, билеты на самолет купить невозможно, и еще целый ряд неприятных приключений.

Хотя в фильме ситуация преподносится как экстраординарная, в реальности именно такими были черты тувинской жизни, как отмечает исследователь Ч. К. Ламажаа:

«В 1990-е годы Тува, как и другие регионы России, как и в целом вся страна, оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе. Но впоследствии ситуация для одних регионов выровнялась, они стали развиваться быстрыми темпами, а другие стали отставать, кое-кто остался в “хвосте”. В Туве кризис растянулся на долгие шестнадцать-семнадцать лет и отбросил республику в число самых экономически отсталых» (Ламажаа, 2011а: 8).

Феномен «Чингиз-блюза» предстает, с одной стороны, аутентичной национальной чертой, с другой — метафорой умирающего века, «фрактально соединившей начало XX столетия и современный период в едином семиотическом поле художественной историографии (пост)советской эпохи» (Шафранская, Гарипова, Смирнова, 2022: 132), — века, открывающего новые пути для развития Тувы и для выхода в мировую культуру.

Названный нами паттерн тувинского мифа — горловое пение — встраивается в ряд уже рассмотренных ранее. Так, в парадигме литературного феномена «тувинский текст» мы выделили метафизический паттерн *genius loci* (Гарипова, Шафранская, 2023; Гарипова, Шафранская, Токарева, 2023), а в текстах «первооткрывателей» Тувы — ориенталистский паттерн (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024; Шафранская, Должикова, 2024).

Заключение

Итак, амбивалентность мифа о Туве сопряжена, с одной стороны, с тем образом Тувы, который был рожден ориенталистской оптикой ее «первооткрывателей», с другой стороны — с тем образом Тувы, который складывается в виде метараз, аналогичного мифам о Шангри-Ла и Шамбале, что реализовано в романе Р. Лейтона «В Туву — любой ценой!». В этом романе миф о Туве складывается в рецептивной оптике Фейнмана и Лейтона: Тува предстает мифической страной-загадкой, скрывающейся за

---

wrestlers — one of whom calls himself “Terminator” after another “all-American” icon, Arnold Schwarzenegger, whose last film, *End of Days*, features Ondar’s throat singing.

The adventure continues...” (Leighton R. *Tuva or bust! Richard Feynman’s last journey*. New York-London: W.W. Norton & Company, 1991. P. 235; перевод наш. — *Авт.*

¹ См.: Роко Белич. *Genghis Blues*: Документальный фильм. США, 1999 [Электронный ресурс] // [Yutube.com](https://www.youtube.com/watch?v=mpSIPTC4zaI). diabalotia. 1988. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mpSIPTC4zaI> (дата обращения: 10.07.2024).

видимой разрухой советской окраины, амбивалентным миром, в котором уникальная история древнего этноса разбавлена советской и постсоветской историософией.

В амбивалентную парадигму мифа о Туве вписывается и идея таланта тувинцев: если «первооткрыватели» Тувы сомневались в таковом, то Фейнман и Лейтон как бы оппонируют своим предшественникам. Поэтому и талант тувинского этноса (явленный в необычном музыкальном исполнении, в орнаментах и рисунках почтовых марок) существует в балансирующей антитезевопросе: «“дикий” или одаренный народ?», который повторяется от текста к тексту, выступая таким образом в роли паттерна мифа о Туве.

В заключение возвратимся к словам С. Кржижановского, задолго до Гачева, в 1933 г. размышлявшего об отличиях культур Запада и Востока и настаивавшего на том, что демаркационная линия между этими полюсами весьма условна: «Конечно, нет никакого самодовлеющего Востока и самозаконного Запада. На самом деле они непрерывно переходят друг в друга, опрокидывая все отсихпоры и досихпоры нашего рассудка»¹.

Как условны понятия Запад и Восток, так условен и миф о Туве, загадочной, до сих пор зовущей к ее открытию. Есть надежда, что энергия «тувинской страсти» Фейнмана и Лейтона не исчезнет, и в XXI в. Туву ожидают благие преобразования, и даже рождение сообщества «Друзья Тувы в России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгбай, Ч. О. (2012) Диалог тувинской и западной культур (на примере жизни ученого Ондара Дарыма) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 86–94.
- Барт, Р. (2004) Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М. : Издательство им. Сабашниковых. 320 с.
- Бахтиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е., Амалбекова, М. Б. (2023) Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>
- Бахтин, М. М. (1990) Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Художественная литература. 543 с.
- Блехман, С. М. (1976) История почты и знаки почтовой оплаты Тувы. М. : Связь. 112 с.
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>
- Гачев, Г. Д. (1987) Национальные образы мира // Вопросы литературы. № 10. С. 156–191.
- Гачев, Г. Д. (1998) Национальные образы мира : курс лекций. М. : Академия. 432 с.
- Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.
- Грач, А. Д. (1966) Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // Археологические памятники раннего железного века / отв. ред. Т. С. Пассек. М. : Наука. Вып. 107. 140 с. С. 28–32.
- Дэвлет, М. А. (1982) Петроглифы на кочевой тропе. М. : Наука. 128 с.
- Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель (2010) / под общ. ред. Е. А. Цургановой, Е. А. Махова. М. : Изд-во Кулагиной — Intrada. 511 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011a) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011b) Хеда Джиндрак: «Тува — это несравненно большее, чем хоомей, скачки, шаманы и марки...» // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 363–373.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

¹ Кржижановский С. Салыр-Гюль (Узбекистанские импресии) // С. Кржижановский. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. и коммент. В. Перельмутера. СПб.: Symposium, 2003. Т. 3. С. 430.

Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Левин, Ю. И. (1998) Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры. 824 с.

Леви-Строс, К. (1983) Структура мифов // Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. М. : Наука. 536 с. С. 183–207.

Махов, А. Е. (2021) Топос “concordia discors” в средневековой словесности: контексты, смыслы, риторические вариации // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 1. С. 10–23.

Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.

Мелетинский, Е. М. (1998) Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т. 576 с.

Монгуш, М. В. (2010) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 203–237.

Монгуш, М. В. (2012) История австрийского сиолога: К вопросу о научном туризме // Сервис в России и за рубежом. № 4. С. 133–143.

Монгуш, М. В. (2014) Кызыл глазами австрийского ученого Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 3. С. 166–171.

Неклюдов, С. Ю. (2005) Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т. 284 с. С. 9–26.

Ницше, Ф. (1999) Веселая наука / пер. и коммент. К. А. Свасьяна. М. : Эксмо-Пресс. 574 с.

Ницше, Ф. (2006) По ту сторону добра и зла: Сочинения / пер. с нем. С. Л. Франка и др. М. : Эксмо. 846 с.

Тувинцы: Родные люди (2022) / под. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Шафранская, Э. Ф. (2020) О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в литературе постколониальной // Новое литературное обозрение. № 1 (161). С. 291–306.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2023) Мифомодели национального бытия в романе Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» // Филология и культура. № 4 (74). С. 111–119. DOI: <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Кешфиудинов, Ш. Р. (2024) Транскультурная литература XXI века. М. : Юрайт. 235 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Смирнова, А. И. (2022) Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 121–134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Шафранская, Э. Ф., Должикова, А. В. (2024) Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 1. С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Элиаде, М. (2000) Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова. М. : Академический проект. 222 с.

Элиаде, М. (2002) Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. М. : Гелиос. 352 с.

Scholtz, A. (2007) Concordia discors: Eros and Dialogue in Classical Athenian Literature / Hellenic Studies Series. 24. Washington, DC. : Center for Hellenic Studies. 174 p.

Дата поступления: 01.07.2024 г.

Дата принятия: 10.09.2024 г.

REFERENCES

Adygbai, Ch. O. (2012) The dialogue of Tuvan and Western cultures (on the example of the life of the scientist Ondar Daryma). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 86–94. (In Russ.).

Bart, R. (2004) *Mythologies* / transl. by S. Zenkin. Moscow, Publishing House named after Sabashnikovs. 320 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva U. M., Shagimgeriyeva B. E. and Amalbekova M. B. Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 226–236. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

- Bakhtin, M. M. (1990) *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 543 p. (In Russ.).
- Blekhman, S. M. (1976) *The history of the post office and the postage stamps of Tuva*. Moscow, Sviaz'. 112 p. (In Russ.).
- Garipova, G. T. and Shafranskaia, E. F. (2023) The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation. *Polylinguality and Transcultural Practices*, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>
- Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) Roman Senchin: The poetics of Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>
- Gachev, G. D. (1987) National images of the world. *Voprosy literatury*, no. 10, pp. 156–191. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1998) *National images of the world*. Moscow, Akademiia. 432 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2002) *National images of the world. Caucasus. Intellectual trips from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatel'skii servis. 416 p. (In Russ.).
- Grach, A. D. (1966) New information about the production of fire, the origin and semantics of the circular ornament. In: *Archaeological sites of the Early Iron Age* / ed. by T. S. Passek. Moscow, Nauka. Issue 107. 140 p. Pp. 28–32. (In Russ.).
- Devlet, M. A. (1982) *Petroglyphs on the nomadic trail*. Moscow, Nauka. 128 p. (In Russ.).
- European Poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: an Encyclopedic Guide* (2010) / ed. by E. A. Tsurganova and E. A. Makhov. Moscow, Izd-vo Kulaginoi — Intrada. 511 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2011a) *Tuva between the past and the future*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2011b) Heda Jindrak: “Tuva is incomparably more than hoomey, horse racing, shamans and stamps...”. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 363–373. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Levin, Yu. I. (1998) *Selected works. Poetics. Semiotics*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p. (In Russ.).
- Lévi-Strauss, K. (1983) The structure of myths. In: Lévi-Strauss K. *Structural Anthropology* / transl. by Viach. Vs. Ivanov. Moscow, Nauka. 536 p. Pp. 183–207. (In Russ.).
- Makhov, A. E. (2021) The Concordia Discors Topos in Medieval Literature: Contexts, Meanings, Rhetorical Variations. *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, no. 1, pp. 10–23. (In Russ.).
- Meletinskii, E. M. (1976) *The Poetics of myth*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.).
- Meletinskii, E. M. (1998) *Selected articles. Memories*. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t. 576 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2010) Foreign researchers of Tuva (a brief overview). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 203–237. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2012) The story of the Austrian sinologist: On the issue of scientific tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 133–143. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2014) Kyzyl through the eyes of Austrian scientist Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 166–171. (In Russ.).
- Nekliudov, S. Yu. (2005) Structure and function of the myth. In: *Modern Russian mythology* / comp. by M. V. Akhmetova. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t. 284 p. Pp. 9–26. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (1999) *Fun Science* / transl. by K. A. Svas'ian. Moscow, Eksmo-Press. 574 p. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (2006) *Beyond Good and Evil: Essays* / transl. by S. L. Frank et al. Moscow, Eksmo. 846 p. (In Russ.).
- Tuvans: Native people* (2022) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).
- Shafranskaia, E. F. (2020) About Russian Orientalism, the “Russian world” in colonial literature and their reinterpretation in postcolonial literature. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 291–306. (In Russ.).
- Shafranskaia, E. F. and Garipova, G. T. (2023) Myth models of the national being in the novel “Do Not Interrupt the Dead” by Salavat Yuzeev. *Philology and Culture*, no. 4 (74), pp. 111–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119>
- Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T. and Keshfidinov, Sh. R. (2024) *Transcultural literature of the XXI century*. Moscow, Iurait. 235 p. (In Russ.).

Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T. and Smirnova, A. I. (2022) Metaphors of stopping time in modern literature. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 4, pp. 132–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 121–134 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Shafranskaya, E. F. and Dolzhikova, A. V. (2024) Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 135–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Eliade, M. (2000) *Aspects of the myth* / transl. by V. Bol'shakova. Moscow, Akademicheskii proekt. 222 p. (In Russ.).

Eliade, M. (2002) *Secret societies: Initiation and initiation rites* : transl. from Fr. Moscow, Gelios. 352 p. (In Russ.).

Scholtz, A. (2007) *Concordia discors: Eros and Dialogue in Classical Athenian Literature* / Hellenic Studies Series 24. Washington, DC., Center for Hellenic Studies. 174 p.

Submission date: 01.07.2024.

Acceptance date: 10.09.2024.

Репрезентация визуального в романах Амирхана Еники и Олега Саган-оола

Алексей А. Арзамазов

Казанский научный центр РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Анжела В. Должикова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматривается репрезентация визуальности на примере двух тюркских литератур — татарской и тувинской. Источниками выступили переведенные на русский язык романы Амирхана Еники «Гуляндам» (1977) и «Неудержимые» Олега Саган-оола (1967).

По мысли авторов, художественная репрезентация визуального преломляет в себе объективные и субъективные психофизиологические способности человека, особенности сущности творческого самовыражения, разнородные этнокультурные реалии, проекции и контексты взаимодействия разных видов искусств.

В ходе анализа установлены универсальные визуальные компоненты (портреты персонажей, природно-пейзажные модели организации пространства, ситуации образного ассоциирования, компарации, в изобразительном плане активированные «просторы» воспоминания, мечтания). Зафиксированы некоторые стадийно-типологические, этноспецифические, индивидуально-авторские особенности художественной репрезентации визуальности. А. Еники в своем романе сосредоточен на изображении представителей новой советской татарской интеллигенции, затрагивает проблему взаимосвязи музыкального и визуального, актуализирует отдельные этнопсихологические стереотипы. О. Саган-оол, описывая в разных проблемно-тематических контекстах сельскую жизнь тувинцев в условиях первых колхозов и акцентируя внешние характеристики своих героев, последовательно прибегает к художественному раскрытию этнокультурного элемента, разносторонне отображает сложности межличностной коммуникации.

Поставлен вопрос о разработке критериев идентификации параметров визуального в структуре художественного текста, системе литературы.

Ключевые слова: феномен визуального; татарская литература; тувинская литература; жанр романа; литературный образ; пейзаж; визуализация; этнокультура; Амирхан Еники; Олег Саган-оол

Для цитирования:

Арзамазов А. А., Должикова А. В. Репрезентация визуального в романах Амирхана Еники и Олега Саган-оола // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 76-91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.6>

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН; профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. Эл. адрес: e-mail: arzami@rambler.ru

Должикова Анжела Викторовна — кандидат химических наук, директор Института русского языка Российского университета дружбы народов; член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, ведущий эксперт фонда «Русский мир». Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. Эл. адрес: dolzhikova_av@pfur.ru

Visual representations in the novels of Amirkhan Yeniki and Oleg Sagan-ool

Alexey A. Arzamazov

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; RUDN University, Russian Federation,

Angela V. Dolzhikova

RUDN University, Russian Federation

The article discusses the representation of visuality in the texts of two Turkic literary works — Tatar and Tuvan literature. The sources used for this analysis are the novels “Gulandam” (1977) and “The Expendables” by Oleg Sagan-ool, which were translated into Russian.

The artistic representation of vision reflects the objective and subjective psychological and physiological abilities of an individual, as well as the unique nature of creative self-expression. It also explores the diverse ethnocultural contexts and interactions between different forms of art.

During the analysis, several visual components were identified (portraits of characters, natural landscapes, figurative associations, comparisons, “spaces” of memory, dreams in visual form). Some stadial-typical, ethnospecific and individual-authorial features of the visual representation were recorded. Eniki’s novel focuses on the portrayal of representatives of the new Soviet Tatar intelligentsia and touches on the relationship between music and visual arts. O. Sagan-ool describes the rural life of the Tuvan people in the context of the first collective farms, emphasizing the external features of his characters. He consistently reveals the ethnocultural element and shows the difficulties of interpersonal communication through his versatile descriptions.

The question arises about the development of criteria for identifying visual parameters in a literary text and the system of literature.

Keywords: *visual phenomenon; Tatar literature; Tuvan literature; novel genre; literary image; landscape; visualization; ethnoculture; Amirkhan Yeniki; Oleg Sagan-ool*

For citation:

Arzamazov A. A. and Dolzhikova A. V. Visual representations in the novels of Amirkhan Yeniki and Oleg Sagan-ool. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 76-91. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.6>

ARZAMAZOV, Alexey Andreevich, Doctor of Philology, Head, Laboratory of Multifactor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Russian Studies, Ethnocentric Pedagogy and Digital Didactics, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 2/31 Lobachevskogo St., 420111, Russian Federation, Kazan; building 3, 10, Miklouho-Maklaya St., 3117198, Russian Federation, Moscow. Email: arzami@rambler.ru

DOLZHIKOVA, Anzhela Viktorovna, Candidate of Chemical Sciences, Director, Russian Language Institute, RUDN University; member, Russian Language Council under the President of the Russian Federation, vice-president, Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, leading expert, Russkiy Mir Foundation. Postal address: 3/10, Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russia. Email: dolzhikova_av@pfur.ru

Введение

В последние десятилетия сначала за рубежом, а потом и в России стали популярны научные исследования, обращенные к визуальности. Сквозь призму этой в смысловом плане объемной и еще в полной мере не сложившейся категории рассматривали и рассматривают множество явлений материальной и духовной культуры, реалии внешней и внутренней жизни человека, проблемы и перспективы развития отдельных народов и т. д. Библиография, посвященная визуальным штудиям, кажется, уже не поддается проблемно-тематической классификации — написаны и изданы сотни (если не тысячи?) научных трудов. Среди них немало новаторских работ, содержательные выводы которых носят универсальный характер и их можно экстраполировать на самые разные гуманитарные контексты и аналитические сюжеты (Визуализация литературы, 2012; Визуальные аттракторы ... , 2017; Зверева, 2017; Зенкин, 2023; Злыднева, 2008; Méchoulan, 2003).

В аспекте заявленного нам прежде всего интересна репрезентация визуального в природе литературного творчества. Очевидно, что визуальные истоки художественной словесности изначально обусловлены психофизиологическими особенностями личности: человек смотрит, видит, наблюдает, замечает. Полученную визуальную информацию, переживания переносит на бумагу, текстуализирует. Однако уже на стадии художественной текстуализации визуальный опыт осложняется разнородными культурными факторами.

В условиях культурологически интенсивного существования современной литературы любой акт зрительного восприятия, последующей вторичной визуализации априори включен в поликомпонентную знаковую систему. Необходимо подчеркнуть, что визуальная составляющая литературы всегда была и остается в центре аналитического внимания литературоведения. Такие ключевые конструкты как образ, персонаж, эпитет, метафора, сравнение, цветовой признак в структуре произведения являются первичным, природно-естественным планом визуального. Поэтому почти каждое литературоведческое исследование в большей / меньшей степени сфокусировано на визуальном, рассматривает контексты его бытования в тексте. Вместе с тем в рамках современной теории литературы к феномену визуального относят прежде всего категории, возникающие в результате контактирования видов искусств, различных семиотических систем. Речь идет о визуально-графических «инсталляциях», экфрасисе, диегезисе и гипотипозисе¹, кинематографическом характере повествования и др. (Геллер, 1997; Димеши, 2004; Есаулов, 2002; Меднис, 2006; «Невыразимо выразимое» ... , 2013; Теория и история ... , 2018; Шатин, 2004; Яценко, 2011; Robillard, 1998).

Учитывая многообразный опыт современной отечественной и мировой гуманитаристики, мы остановились на литературных традициях, художественных концепциях, в которых имеют место несколько отличающиеся от признанных в литературоведении начала XXI столетия формы визуальности. За пределами нашей интерпретации остались так называемые семиотические «пограничные» визуальные модели, обусловленные разноуровневым влиянием живописи, театра, кино, архитектуры на словесное искусство. Именно к результатам подобного межвидового культурного «взаимодействия» преимущественно обращены «визуальные штудии» современной теории литературы. Естественная образно-изобразительная природа литературного творчества, восходящая своими корнями к традиционной культуре народа этнической картине мира этноспецифической выразительной пластичности художественного слова в научном литературоведческом дискурсе редко ассоциируется с визуальностью. В этом смысле литературы народов России являют собой, без преувеличения, уникальный, самобытный материал, привлекательный для выдвигания и апробации гипотез, теоретического моделирования.

¹ Термины «экфрасис», «диегезис», «гипотипозис» относятся к семантически объемным конструктам понятийного аппарата литературоведения, теории литературы, искусствоведения. В широком смысле экфрасис — описание произведения изобразительного искусства / архитектуры в литературно-художественном тексте. Диегезис — один из модулей нарративности, характеризующийся усилением визуальной составляющей, изображаемый в художественном произведении мир, стратегия описания в системе литературы (см.: Стахорский, 2019; Женетт, 1998). Гипотипозис — риторическая фигура визуализующего плана, один из базисных элементов «языка» экранности, прием изображения незримого, прием визуальной симуляции реальности (см.: Евграфова, 2022).

В статье рассматривается репрезентация визуального в творчестве татарского и тувинского писателей советского периода — Амирхана Еники (1909–2000) и Олега Саган-оола (1912–1971). Выбор литератур, авторов, жанра требует отдельного пояснения. И татарин Амирхан Еники, и тувинец Олег Саган-оол жили и творили в одну историческую эпоху. Это обстоятельство не могло не повлиять на выбор темы, контексты изображения времени и личности, некоторые идейно-эстетические ориентиры. Оба писателя были представителями национальных (нерусских) республик, культур, литературных традиций.

В рамках данного исследования мы работали с переведенными на русский язык версиями произведений. Бесспорно, аналитическое обращение к художественному переводу, а не к тексту-оригиналу снижает общую достоверность заключений, выводов. Оговоримся, что в нашем языковом багаже — свободное владение несколькими тюркскими языками (в том числе татарским, но, увы, не тувинским). Однако мы посчитали правильным поставить себя в равные условия по отношению к обеим литературам, языкам, писателям. Считаем, что не совсем верно интерпретировать одно произведение в оригинале, а другое — в отражении перевода. Принципиально важно, что оба переводчика (роман Амирхана Еники переводил Рустем Кутуй, роман Олега Саган-оола — Мария Хадаханэ) прекрасно владели языком исходного текста. Это некоторая гарантия того, что перевод выполнен точно и качественно.

Цель нашего исследования — выявить и проанализировать особенности художественной репрезентации визуального в переведенных на русский язык романах Амирхана Еники и Олега Саган-оола. Для ее достижения предполагается решение ряда задач: установить стадиально-типологические, этноспецифические, индивидуально-авторские аспекты репрезентации визуального в переведенном на русский язык романе татарского писателя Амирхана Еники; установить стадиально-типологические, этноспецифические, индивидуально-авторские аспекты репрезентации визуального в переведенном на русский язык романе тувинского писателя Олега Саган-оола.

Объект исследования — переведенные на русский язык романы Амирхана Еники «Гуляндам»¹ и «Неудержимые»² Олега Саган-оола. Предмет исследования — репрезентация визуального в двух представленных по-русски художественных системах.

От музыки к зрению: репрезентация визуального в романе Амирхана Еники «Гуляндам»

Роман Амирхана Еники (Амирхана Нигматзяновича Еникеева) «Гуляндам», без преувеличения, входит в золотой фонд татарской литературы, символизирует собой многие ее художественные достоинства. Написанное в середине 1975-го и впервые изданное в 1977-м г. произведение почти лишено соцреалистической риторики, видимых контекстов идеологической ангажированности. Складывается впечатление, что автор как будто жил и писал в другие исторические времена, игнорировал в своем творческом сознании требования советской эстетики.

Роман «Гуляндам», несмотря на свои небольшие текстовые объемы, композиционно и содержательно достаточно сложный для научного осмысления. Писатель сквозь призму, казалось бы, второстепенных, часто бытовых изменений уклада жизни погружает реципиента в тревожную, непредсказуемую реальность первых послереволюционных лет, описывает экзистенциальную потерянность прежде благополучного человека в реалиях гражданской войны. Выразительным видится психологический пласт романа, примечательный наличием серии бинарных оппозиций, противопоставлений: родители главной героини девушки Гуляндам олицетворяют собой консервативно-традиционный татарский мир, в основании которого — строгие законы ислама, складывавшиеся столетиями у татар правила этикета, нормы поведения. Новый татарский мир, новую национальную интеллектуальную элиту представляют молодые поэты, критики, музыканты, стремящиеся вывести культуру своего народа на совершенно иной качественный уровень. Женский персонаж (Гуляндам) оказывается посередине этих двух мировоззренческих полюсов. В этом ее личная драма, экзистенция «между» не каждому под силу, не каждый может справиться с этим внутренним вызовом. Амирхан Еники вопреки давлению соцреалистического канона не ставит в эпицентр изображения

¹ Еники А. Гуляндам. Роман. Казань: Татарское книжное издательство, 1978.

² Саган-оол О. К. Неудержимые / Родные люди: Романы, повести. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1982. С. 6–100.

супергероев, способных держать удар судьбы и преобразовывать действительность вокруг себя. Все герои максимально реалистичны, приближены к миру обычных людей, многие из которых не готовы на бытийной и бытовой «ступенях» жизни к большим переменам.

Одна из главных сюжетных линий романа — взаимная любовь Гуляндам и ее учителя музыки Салиха, осложненная несовпадением взглядов двух сторон, разностью их горизонтов ожидания. Другая важнейшая сюжетная «нить», являющая собой значительный исследовательский интерес — художественная специфика авторской экранизации бытия и быта прогрессивных молодых татар, существенно обновляющих систему приоритетов и ориентиров национальной культуры. Речь прежде всего идет о музыканте Салихе Сайдашеве, поэте Габдулле Тукае, критике Фатихе Амирхане и др. Амирхан Еники относится к той когорте писателей, которые разрабатывали спорную и даже опасную с точки зрения установок советской идеологии тему интеллектуально-творческих истоков, основ духовности этноса. Показательно, что татарский классик идеализирует экспансивно проявляющее себя новое артистическое поколение, открыто ему симпатизирует.

Значимая композиционно-коммуникативная особенность анализируемого романа — повествование ведется от первого лица девушки Гуляндам. Происходящие события подаются преимущественно в «женском свете» ее восприятия, при этом многие на первый взгляд второстепенные события повседневности, лишённые знаковости проявления людей вызывают повышенное внимание, рассматриваются со стороны, прочитываются как символические сигналы.

Роман А. Еники «Гуляндам» интересен и текстуализированным континуумом взаимодействия / параллельного сосуществования двух фундаментальных семиозстетических систем — акустической и визуальной. Измерение звуков, музыкального в сюжетно-композиционной структуре романа является основным, стержневым. Два главных героя произведения Гуляндам и Салих соотнесены с музыкальным искусством, это символическое пространство их взаимного сближения, средство их духовной, в эмоциональном аспекте чрезвычайно насыщенной внутренней коммуникации. Тематический спектр музыкального в романе представлен разнопланово, широко. Во-первых, затрагивается проблема психологии творчества, аксиологии творческой личности. Гуляндам берет у подающего большие надежды музыканта Салиха уроки игры на фортепьяно. Она быстро проходит стадию ученичества, подражания учителю, переходя к этапу соперничества. Иногда возникает ощущение, что начинается период открытого столкновения двух больших талантов, сложных характеров. Во-вторых, музыка фигурирует в произведении как один из ключевых маркеров этнической идентичности. Музыкальные предпочтения героев в первую очередь сопряжены с традиционной культурой татар, народной музыкой. В кульминационных сценах романа звучит татарская музыка, как бы подчеркивая этноментальную предопределенность того или иного жизненного выбора, переживания, сомнения, решения. В-третьих, посредством музыки в заданных социокультурных обстоятельствах осуществляется «ускоренное развитие» (Г. Д. Гачев) индивидуальности этнофора, становится возможным выход за пределы этнического «своего», формируется способность воспринимать и ценить «свое» в контексте мирового музыкального наследия. Усиленная репрезентация музыкального в романе «Гуляндам», по всей видимости, восходит к представлению, широко распространенному в среде национальной интеллигенции, об особой музыкальности татар. Амирхан Еники развивает этот этноспецифический сюжет, в ассоциативно-понятийном центре которого почти не поддающаяся рациональному декодированию категория *мон*¹. Для писателя именно сфера музыкального оказывается своеобразным концептуальным воплощением одновременно чрезвычайно мучительного, радикального, но при этом подлинного, глубинного, поднимающего на новые духовные высоты культурного обновления, расширения, коллективного построения новой этногуманитарной действительности.

В романе А. Еники «Гуляндам» визуальное — прежде всего проекция внутреннего зрения основной героини. Ее реальность полна не только звуков, но и зрительных «включений», наблюдений, ассоциаций, моментов образной компарации, колористических признаков. Визуальные контексты романа в той или иной степени корреспондируют с акустическими, музыкальными. По всей вероятности, это

¹ *Мон* — в содержательном плане многомерная этнолингвистическая, этноментальная категория, подчеркивающая как особую музыкальность, так и высокую степень меланхоличности татар (см.: «Непереводимый татарский мон: музыка и не только» [Электронный ресурс] // Реальное время. 2022, 24 апреля. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/248523-nevervodimyy-tatarskiy-mon-muzyka-i-ne-tolko>); см. также: Закирова, Габдрахманова. 2017).

два взаимообращенных языка мирописания, один из которых в тексте обычно доминирует, а второй становится факультативным планом выражения.

Один из регулярных контекстов художественной актуализации визуального в романе — звучание музыки, музицирование. Музыка способствует переключению реальных пространственно-временных координат, вызывает эффект перемещения из одного хронотопа в другой, предлагает определенный образно-ассоциативный ряд:

«Осторожно оживала мелодия и всё вокруг как будто прислушивалось к ней... “И весна приходит”. Когда звучит эта песня, я вижу подснежник у краешка оврага, он не стоит, а словно положил голову на снег и нечаянно заснул, пригревшись на солнце...»¹.

Татарские народные песни в ассоциативно-визуализирующем преломлении героев романа сопряжены с природой родного края:

«Вот, скажем, “Тэфтиляу” или “Алмагачлары”. Первая похожа на осеннюю иву у воды, а вторая — на молоденький осинник где-нибудь в поле»².

Примечательно, что процесс взаимоналожения (сочетания?) музыкального и визуального далеко не всегда возникает спонтанно, автоматически. Иногда для этого нужна помощь со стороны, приглашение к подобного рода ассоциированию. Учитель музыки Салих помогает своей ученице в освоении такого психоментального приема визуализации, считает его важным с точки зрения совершенствования мастерства:

«Гуляндам, скажите мне, пожалуйста, что вы видите, когда играете? Я удивилась: не что я слышу, а что я вижу. Он мне пытался разъяснить, приблизившись... Можно ведь просто видеть бегущую воду, траву. Мужики в войлочных шляпах косят там. А там вон деревья на берегу и плавают белые гуси. Вот один захлопал крыльями по воде, полетел... Музыка-то складывается из голосов, запахов, красок...»³.

Необходимо подчеркнуть, что в основе построения таких музыкально-зрительных параллелей — постоянная внутренняя обращенность персонажа-этнофора как к реальному, так и к виртуальному своему этноприродному ландшафту.

В определенный момент на личном примере героиня ощущает психофизическую сопряженность музыкального и визуального: «Мой слух стал моим зрением»⁴.

Важный художественный аспект реализации визуального — детализация внешности человека, прием портретирования. В системе прозаического текста данная визуальная составляющая встречается повсеместно. Это один из универсальных способов знакомства реципиента с персонажем, один из продуктивных механизмов текстопорождения. Героиню романа А. Еники ожидаемо интересует внешний облик мужчин. Для нее это первичный фильтр, сквозь который полностью удаётся пройти только Салиху. Визуализирующее внимание молодой девушки обращено к глазам, лицу, рукам:

- «Глаза его словно потемнели. Лицо приобрело задумчивость»⁵,
- «Тихо и ровно светили глаза. Затаенные, как лесные озера...»⁶,
- «Лицо его застыло, глаза стали холодными»⁷,
- «Салих потирал руки. Так он делал всякий раз перед игрой»⁸,
- «Лицо у него побледнело... Своими влажными синевато-голубыми глазами смотрел на меня с любовью...»⁹.

Руки музыканта становятся объектом оригинальной образно-ассоциативной компарации с орнитоморфной компонентой:

¹ Еники А. Гуляндам. Роман. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. С. 7.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 50.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 167.

«Я уже сравнивала руки учителя с крыльями чаек, но однажды, когда он исполнял для меня “Эрбет”, я сравнила их с ласточкиными крылышками, вверх и наискосок вниз...»¹.

Одна из частотных портретных характеристик, представленных в романе — эпитет «бледный», акцентуация бледности: «Но учитель не испугался, хотя и побледнел. Может, и до этого был бледен, как луна»², «Он показался мне таким бледным»³.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что портретная визуализация мужчин в произведении, как правило, не очень развернута. Речь идет о фрагментарном изображении, своеобразных «мазках». Подобная ограниченность репрезентации мужского образа — итог мимолетного наблюдения, как бы случайного рассматривания субъекта интереса. Более детализированный, ассоциативно насыщенный мужской образ возникает в процессе женского мечтания, реконструкции недавно / давно увиденного, замеченного:

«Я попробовала представить его лицо. Оно появилось передо мной, как в чистом зеркале. Подбородок с ямочкой, волнистые волосы, на них слегка падает свет, бледный высокий лоб и глядящие из тени глаза цвета лесных колокольчиков»⁴.

Одним из ключевых локусов, внутренних пространств, усиливающих в романе художественную стратегию визуализации — театр. Для героини это новое место, совершенно другая культурная и поведенческая среда, которая одновременно привлекает своей экзальтированной инаковостью и при этом вызывает чувство опасения неясным внутренним устройством, чужими коммуникативными установками. В центре внимания, наблюдения, описательной рефлексии — сцена и ее люди, первый собственный опыт выступления перед большой аудиторией:

«Сцена преобразилась — задышала береговой рощей, заколебалась облаками. Меж деревьев тянулась дорога. Потому ли, что до этого было серо и неприятно, нарисованный пейзаж улучшил настроение. Я буду, оказывается, петь на поляне»⁵,

«Я шагнула как в костер. На сцене светло, а в зале темно. Страшная темнота...»⁶.

Именно на «просторах» театра девушка Гуляндам соприкасается с почти незнакомым прежде типом людей, поэтому ее многое интересует.

Портретная галерея новых лидеров татарской культуры в изображении героини получилась достаточно разнообразной и богатой на имена. Портретирование мужского персонажа в романе может иметь место с элементами сравнения. Основной критерий осуществляемой зрительной идентификации — в широком смысле язык тела, категории телесности:

«Яушев принял от меня пальто, галантно приподняв руки. Небольшого роста, он был, пожалуй, самый старший, изредка выправлял пальцем аккуратные усики, похмыкивал, бодро передвигаясь вокруг меня. Глаза его поблескивали от расторопности, походка была легкая, подпрыгивающая. Биккинин же был как-то неестественно бледен, поджарый, как сухарик. Мансур Музафаров — ну, прямо-таки подросток, и вовсе затих, покраснев до невозможности»⁷.

Если же внешний облик рассматриваемого Гуляндам мужчины из мира высокой культуры скорее отталкивал, то героиня смещала акцент восприятия на внутренние качества творчески одаренного человека, пыталась смягчить физическую непривлекательность воображаемыми достоинствами характера, душевной красотой:

«У Габаша была большая голова, а вот ноги были коротки и словно беспомощны, прогибаясь под тяжестью сильного тела. Передвигался он как утка. Какой уж тут красавец! Но от всего его облика веяло простотой и благородством, присущим только чистосердечным людям. Обаятельнейший человек!»⁸

Отдельное место в портретной галерее романа занимают женские образы. Это и отраженный в чужих — преимущественно мужских — репликах, комментариях, оценках взгляд на себя со стороны, и прием самоописания, передачи через внешний облик внутреннего состояния, переживаний:

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 24

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Там же. С. 80.

«Не сочтите за комплимент, и сами вы, оказывается, как Мадина, чернобровая, голубоглазая»¹, «Мое лицо пылало, а сама я была, как тонкое дерево, открытое ветру»². Интересно с точки зрения возможного толкования высказывание мужского персонажа: черные волосы, черные брови, голубые глаза, по-видимому, вероятная отсылка к идеалам татарской красоты (сочетание черных волос и голубых глаз у татар — редкая и поэтому ценная особенность внешности³). В этой же фразе актуализировано слово «оказывается», что можно считать своего рода показателем достаточно высокой точности художественного перевода. В татарском языковом сознании одной из наиболее частотных единиц является лексема *икән* 'оказывается' (Замалетдинов, Габдрахманова, Закирова, 2016).

Женщины в романе изображаются и сквозь призму их социального статуса, материального положения, этнического происхождения. В этом ключе дается подробное описание персонажа Сары-апы (тети Сары). Прежде всего акцентируется ее непохожесть на соплеменниц, повышенное внимание уделено наряду, украшениям:

«Сара-апа своим внешним обликом и одеждой походила на жен чиновников: величественная, круглолицая, белая открытая шея, а толстые косы она, как русские женщины, у самой макушки головы собрала в один тугой узел. На ней черное шерстяное платье, отделанное кружевами, с широким поясом, длинное и прямое. На груди медальон с золотой цепочкой, на пальцах кольца с драгоценными камнями. В ее внешности не было ничего татарского»⁴.

Сопоставление богатой татарки с русскими женщинами неслучайно: быть похожим / похожей на русских в представлениях народов Урало-Поволжья считалось престижным. Такое сходство как бы играло на повышение значимости человека среди своих, подчеркивало его аристократичность, придавало его внешним и внутренним проявлениям некую европейскую специфику. Значительный интерес, желание рассматривать, описывать вызывают у героини представители другого этноса, прежде всего — русские.

Одна из заметных портретно-визуальных компонент текста — мужской гардероб. Гуляндам восстанавливает в своей памяти образ отца, который готовится к деловой поездке в столицу:

«За день до отъезда он мылся в бане, поправлял усы, бородку, надевал свою лучшую тройку, пошитую у столичных портных. Им владело радостное возбуждение. Золотые часы с цепочкой, золотые кольца... Летом — легкое бестоновое пальто, зимой — меховая блестящая шуба. К вокзалу его уносила пролетка на резиновом ходу, запряженная лучшим рысаком»⁵.

Красивая дорогая одежда, изделия из золота начинают восприниматься героиней как исчезающие из повседневности атрибуты, теряющие свою символично-ритуальную знаковость. Буржуазность, респектабельность внешнего вида в целом контрастирует с атмосферой времени. Казань на пороге больших трагедий, бед. Привыкшая к высокому достатку, к «блеску» нарядов, интерьеров Гуляндам как будто обречена на инерцию визуализации богатства, материального благополучия. Она регистрирует, реконструирует эти маркеры состоятельности во внешности, манерах самоподачи своих и чужих. Это в некоторой степени оказывается своеобразным «ограничителем» мира и людей вокруг.

Почти обязательная грань визуальности, характерная для жанровой модели романа, — разрывание просторов родного края, наличие природно-пейзажного измерения той или иной степени художественной прорисованности, изображение акватории. Следует заметить, что перечисленные пространственные категории в литературах народов России нередко выполняют функцию этнических

¹ Там же. С. 85.

² Там же.

³ Парадоксально, но идеалы красоты, внешней привлекательности у татар до сих пор не становились объектом специальных «развернутых» научных исследований. На сегодняшний день речь может идти преимущественно о научно-популярном обсуждении данного феномена, разнородных комментариях в интернете. И это при том, что и классическая, и современная татарская литература богата на репрезентации внешности героев. Приведенные в рамках данной статьи суждения относительно красоты, этнографических подтекстов ее восприятия в целом базируются как на собственном опыте включенного наблюдения за дискуссиями о «татарской красоте», так и на некоторых научных работах, обращенных к обозначенной теме (см.: Гатина-Шафикова Д. Ф., Шафиков И. Ф. Внешний вид женщины в кроссгендерном пространстве мусульманского социума Поволжья и Приуралья: дискурс и практика // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2018. № 1 (90). С. 179–181).

⁴ Еники А. Гуляндам. Роман. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. С. 148.

⁵ Там же. С. 65.

символов. Природа преподносится / воспринимается этнофором как свой дом, свой мир которые иногда нужно / важно приоткрыть другому. Оговорим, что в анализируемом произведении Амирхана Еники этновыразительный природный космос проявлен в целом фрагментарно, эпизодически. Это связано с тем, что основное действие романа происходит в городе.

Натуралистический образный язык активизируется автором / героиней, когда возникает необходимость отразить эмоции, выразить сильные чувства. Так, визуализация природного коррелирует с ситуацией переживания первого свидания:

«Я испытывала прекрасное состояние. Мысли текли, как медленные воды тихой деревенской речки, сплошь заросшей тальником. Это было наше первое свидание»¹.

В структуре романа значимая роль отводится атмосферным явлениям, прежде всего нарушающим привычную жизнь человека. С определенным постоянством в романе обыгрывается мотив бури, метели. Город засыпает снегом, «разрываются» коммуникации, отменяются ожидания, обещания. За непогодой героиня наблюдает у окна:

«Какой проклятый буран. Будто так и есть, виноват он один, что я сижу и бесцельно гляжу, как он бьется белой головой о деревья»².

Наблюдение у А. Еники обычно не ограничивается простой констатацией наблюдаемого. Осуществляется вторичная визуализация, складывается ассоциативно-образная параллель. Зима, внешняя заснеженность мира располагают к самоанализу, размышлениям экзистенциально-философского плана. При этом параллельно происходит актуализация зрительной составляющей, усложняется ее структура, расширяется состав изобразительных элементов, цветовых оттенков:

«А на улице пустынная снежная тишина, залитая голубым светом. Это горит снег, незаслеженный, мягкий. Вон там, за ветками липы, зарешеченный месяц. Пробился сквозь облака, вынырнул и закачался лодочкой. Мне идет семнадцатый год, и месяц освещает мое лицо»³.

Панорамно-пейзажные «включения» не только могут решать задачу моделирования этноэстетического ландшафта, но и играть роль своеобразных визуально-текстовых заместителей содержательных «пустот» большого прозаического целого, могут быть использованы как интродуктивные механизмы текстуализации, инструменты замедления темпов повествования.

В романе «Гуляндам» большие пейзажные объемы вписаны в континуум прошлого, включены в дискурс воспоминаний:

«Да, помню, очень хорошо помню имение деда. На высоком, живописном, поистине прекрасном месте стоит их имение. Неподалеку по дну заросшего оврага бежит чистый, быстротечный ручеек. А прямо напротив крыльца, как приподнятая на ладони, высится шарообразная гора, напоминающая большой опрокинутый вверх дном котел, поросшая курчавым густым кустарником. Когда пойдешь вдоль ручейка, пройдя одну-две версты, встретит тебя старый, с толстыми дубами по краю, лес. А как вскарабкаешься по круче оврага тонюсенькой тропинкой, начинается степная равнина, сплошь покрытая сочной травой... На лужайке под каждым листиком раскраснелась земляника...»⁴.

Природно-пейзажная компонента раскрывается во второй половине романа, когда Гуляндам едет в имение своего деда, родственников. Дорога полна приключений, ярких впечатлений, эстетических открытий. Во время этого путешествия, а точнее — внезапного возвращения к своим истокам — девушка с другой стороны открывает свой народ, постигает его глубинную связь с миром природы.

Один из топосов потенциального зрительного притяжения — река Волга (по-татарски Идель). Вместе с тем автор неожиданно уходит от ситуативно аргументированной и художественно эффективной возможности конструирования большой речной панорамы. К моделям фрагментарно-факультативной визуализации можно отнести достаточно скупое описание летней грозы, пространства сада, хронотопа летней ночи.

Гуляндам познает природу сквозь ее звуки и образность. Примечательно, что в восприятии героини границы между акустическим и визуальным часто условны: так, тишина может быть загустевшей, а пение птиц останавливает чернота неба.

¹ Еники А. Гуляндам. Роман. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. С. 39.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 122–123.

Отдельный пласт художественной визуализации в романе А. Еники составляют единичные, но *sub specie* выразительности ассоциативно концентрированные сравнительные обороты. Широкое использование микроконстант визуальности с одной стороны является индивидуально-авторской чертой, с другой — указывает на то, что татарская словесность, язык располагают богатой палитрой образно-изобразительных ресурсов. Приведем некоторые примеры актуализации визуального на уровне отдельно взятых словосочетаний ассоциативно-компаративного характера:

- «Тоска черная, как сажа. Застилает глаза»¹,
- «Ворота наглухо заперты, ставни тоже закрыты, и дома стоят, как большие темные сундуки»²,
- «Ведь не зря говорят, что если душа не видит, то и глаза, как дырки от сучков»³.

Зрительное восприятие, качество изображения предопределяются и физическим состоянием человека. Пережив тяжелую болезнь, близость смерти, Гуляндам сама себе признается, что мир стал другим, заиграл новыми красками. Она поменялась сама:

«Я потеряла связи с живым миром. Я вырвалась, я отбилась, я стала обновленной и просветленной изнутри... А жизнь окружила меня радостью — солнце положило руки на подоконник, засмеялось, я воспринимала его как близкого человека. Так обостренно я никогда раньше не смотрела. Узоры и краски менялись»⁴.

Визуальная структура романа Амерхана Еники в целом отличается разнообразием, сочетанием предопределенных литературогенезом и свойственных литературам народов России описательных стратегий (природа / пейзаж / портрет) и форм визуальности вторично-синтетического происхождения, в основе которых — историко-культурные и социальные контексты, эстетическое воздействие музыкального и театрального видов искусства.

Народ тысячи улыбок? Визуальное в романе Олега Саган-оола «Неудержимые»

Роман Олега Саган-оола «Неудержимые», несмотря на свой небольшой размер, как и роман Амирхана Еники «Гуляндам», вмещает в себя большое количество персонажей, событий, конфликтов, этнографических деталей.

В романе разыгрывается популярная в советской литературе тема возвращения молодого специалиста из города в сельскую местность. Выучившийся на зоотехника Хеймер-оол с энтузиазмом включается в трудовые будни деревни, желает быть полезным односельчанам. Его поддерживает председатель колхоза Боражик, отдавший свою жизнь работе, решению сложных хозяйственных задач. Боражик находится в драматических отношениях со своей молодой женой, которую внезапно пронизывает страсть к другу детства Хеймер-оолу. Хеймер-оол в свою очередь влюбляется в юную девушку-чабана Хураганмай. Запутанным историям любви, ревности, зависти, ненависти сопутствуют концептуальные профессионально-рабочие противоречия. Взгляды героев относительно того, какой вид овец нужно разводить в Туве в качестве основного, существенно расходятся.

Художественное своеобразие романа О. Саган-оола уже основательно разобрано в научной литературе, посвященной тувинской литературе (Хадаханэ, 1968; Комбу, 2012).

Примечательно, что анализируемые произведения Амирхана Еники и Олега Саган-оола в аспекте представленности соцреалистической составляющей во многом не совпадают: в романе татарского писателя как на внешнем — (сюжетно-событийном), так и на внутреннем (мыслительном) уровнях соцреалистические контексты — редкое явление, в тексте тувинского — внешне доминирует советская действительность, которой как бы противопоставляется модель мира традиционного этнически концентрированного прошлого.

Роман в целом нельзя назвать выразительным в аспекте раскрытия художественных возможностей визуальности. Но этот факт не означает, что в тексте наблюдается полное отсутствие генетически обусловленных визуальных параметров, восходящих к природе творчества, процессу созерцания.

¹ Там же. С. 60.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 113.

Более того, попавшее в сферу исследования произведение интересно своей визуальной спецификой, своими оригинально-особыми пластами зрительного.

В сюжетно-событийной системе романа задействованы десятки действующих лиц, часть которых оказывается в орбите художественного портретирования. Среди представленных в тексте портретов есть как женские, так и мужские. Их своеобразие заключается в «скупости» и фрагментарности изображения человека, ограниченности образно-ассоциативного комплекса, стандартности привлекаемых эпитетов и сравнительных оборотов.

Персонаж юной девушки Хураганмай фигурирует с самого начала романа. Показательно, что ее образ как бы складывается по частям, создается фрагмент за фрагментом, ускользает от полноты, завершенности:

- «Она не поднимала глаз, что-то упорно разглядывая на земле»¹,
- «Перед глазами всё еще стояла стройная черноглазая девушка»²,
- «Девушка была проста, скромна, одета к лицу. Тугой поясok резко подчеркивал хрупкость ее фигурки»³.

Более детальное описание Хураганмай связано со «вспышкой» ревности (молодая жена немолодого председателя колхоза Янма ревнует своего друга детства Хеймер-оола к Хураганмай). Состояние сильного эмоционального напряжения в данном случае способствует конкретизирующему усилению образа соперницы:

«У нее были правильные черты лица: мягкий взгляд черных глаз, румяные от ветра щеки, по-детски припухшие губы, круглые губы — всё ладило между собой»⁴.

Первое, на что герои романа обращают внимание во внешности Хураганмай — чернота глаз: «Ей понравился мягкий взгляд ее глаз»⁵. Черный в знаковой системе романа лишен негативных смысловых оттенков и, напротив, на уровне этноколлективного воспринимается как наиболее соответствующий стандартам тувинской красоты цвет глаз.

Мужские образы в тексте рассматриваемого произведения еще более сжатые, сведенные к обозначению отдельных черт, характеристик. В первую очередь подчеркивается смуглость кожи, лица. По всей вероятности, данный колористический концепт символизирует жизненную силу, энергию мужчины, его способность к осуществлению больших дел и косвенно указывает на соотносительность с тувинским этносом:

- «Вот тебе новый зоотехник. И родом отсюда. Смуглолицый»⁶,
- «Перед Хураганмай стоял смуглый высокий парень с густой шевелюрой»⁷.

Еще один значимый критерий мужского облика в свете женской оценки / восприятия — темные / черные волосы: «Она любовалась стройным парнем. Волосы ей казались очень темными»⁸.

К регулярно фиксируемому в романе приему портретирования есть все основания отнести изображение старых, пожилых людей:

- «Лицо его было смуглым и обветренным, глубокие морщины избороздили лоб»⁹,
- «Морщинка на лбу поднялась под углом, вены вздулись, бородака зашевелилась»¹⁰.

Герои преклонного возраста ведут активный образ жизни, разносторонне заявляют о себе, часто противостоят интенциям, планам молодых. Именно в этой возрастной категории представлены основные отрицательные персонажи.

¹ Саган-оол О. К. Неудержимые / Родные люди: Романы, повести. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1982. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же. С. 61.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 83.

В одном из эпизодов портретирующие внимание автора сосредоточено на коне:

«Она любила всё красивое. Вот ее конь. Какие у него теплые губы, большие ласковые глаза, как охотно подставляет свой бок»¹.

Конь в системе представлений многих тюркских народов — очень близкое человеку животное. Вероятно, с этим связаны антропоморфные параметры его изображения.

Исследование репрезентации визуального в переведенной на русский язык версии романа О. Саган-оола позволило сделать вывод об очень широкой распространенности в структуре произведения глаголов зрения, видения, наблюдения. В ходе анализа было установлено, что на 95 страниц текста пришлось 134 случая актуализации глаголов данной семантической группы. Героя Олега Саган-Оола можно определить не только как человека говорящего, но и видящего, смотрящего, наблюдающего, замечающего. Вместе с тем такая репрезентативность «грамматики» зрения не приводит к дальнейшему художественному развитию этого феномена. Зрительные предикаты при всей своей повсеместности создают лишь точно-отвлеченный эффект визуализации пространства, людей. Скорее, это своего рода один из сценариев, «каналов» коммуникации тувинского этнофора, глубинное осмысление которых для исследователя-аутсайдера представляется почти невыполнимой задачей.

В данном случае мы делаем аналитический акцент на количественном факторе:

- «Увидев одобрение и понимание на лице своих собеседников, он увлеченно продолжал...»²,
- «Смотри, какая свежая трава!»³,
- «Он странно озирался»⁴,
- «Он вошел, сдернул шапку с головы и стал растерянно оглядываться по сторонам»⁵,
- «Ходила бесцельно, выглядывала за ограду»⁶,
- «Она молча посмотрела прямо в глаза»⁷,
- «Посмотрел так ласково и таким глубоким взглядом»⁸,
- «Девушка любила природу и многое наблюдала в ней»⁹,
- «Ей грезилось, что оттуда вышел высокий парень и смотрит на нее»¹⁰,
- «Янма взглянула на Хеймер-оола, и в ней воскресла надежда»¹¹ и др.

Один из самобытных элементов визуальной коммуникации в романе О. Саган-оола — улыбка. Герои постоянно улыбаются друг другу. Частота актуализации улыбок может быть неслучайна и ставит вопрос о том, какое место занимает эта когнитивно-физиологическая реакция в традиционной культуре тувинцев, каковы ее эксплицитные и скрытые символические контексты:

- «Девушка улыбнулась»¹²,
- «Агар-оол примирительно улыбнулся»¹³,
- «Он простодушно улыбнулся в ответ»¹⁴,
- «Мать тихо с ним переговаривалась и чему-то улыбалась»¹⁵,
- «Девочка печально улыбнулась своему другу»¹⁶,

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 39.

- «Он оглянулся и улыбнулся»¹,
- «Мать понимающе улыбнулась»²,
- «Девушка чуть приметно улыбнулась»³,
- «Хеймер-оол улыбнулся и молча посмотрел на нее»⁴ и др.

Интересно, что эмоционально-смысловой спектр улыбок у Олега Саган-оола отличается большим разнообразием, большим количеством оттенков (от радости, удивления, одобрения до гнева и ненависти). Улыбка, по-видимому, может выступать и как семантически имплицитное проявление тела, лица.

Своеобразной высшей точкой художественного раскрытия визуальности в романе могли бы стать тувинские панорамы, колоритные картины сибирской природы, масштабное пространство водоемов. В целом, природа, пейзаж, просторы Тувы занимают в изобразительной системе текста заметное место. Однако речь может идти преимущественно о неярких, неразвернутых сценах, пассивно-фоновом присутствии этой категории визуальности:

- «Стояла середина августа. Солнце поднялось уже высоко над землей и щедро разливало свой свет на долины и горы. Над горизонтом струилось марево»⁵,
- «Листва с деревьев давно опала и грустно шуршала по дорогам и оврагам. Насквозь стали просматриваться густые летом деревья. Наступила осень. На небе уже сияли первые вечерние звезды, а затем выплыла круглая полная луна и залила всю землю серебристым светом»⁶,
- «Голубоватый лунный сумрак всё делал таинственным. Казалось, что деревья, укрыв их под тенью своих ветвей, хотят принять участие в их беседе»⁷,
- «Перелески уже были в позолоте, только тайга величественно темнела в зеленой накидке, выделяясь издали темной шапкой вершин. Степь расстилалась широко и необозримо, кусты низкорослой акации казались издали похожими на рассыпавшихся по степи овец»⁸,
- «Вдали виднелись синие отроги гор, тянулась, насколько хватит глаз, просторная степь с горьким ароматом полыни»⁹,
- «Всё вокруг стало таким родным и близким: эти серые горы, широкие долины, чуть ощутимый аромат горькой полыни — чашпан... А потом всё слилось в одно сине-зеленое марево»¹⁰,
- «В ожидании его он смотрел на цепи синих гор и думал, думал...»¹¹.

Как видно из примеров, в образовании природно-пейзажных зарисовок задействован устойчивый набор элементов, прежде всего — цветовые эпитеты. Кроме того, регулярно привлекаются образы гор и степи, осенний пейзаж, хронотоп ночи.

Некоторые единичные ситуации визуализации связаны с состоянием мечтания, воспоминания. Здесь на первый план выходит изображение женского наряда, костюма, изысканности ткани и укорашения:

«Она видела себя в нарядном голубом халате на лугу среди веселых и задорных девушек... Хураган-май выбрала в раймаге блестящий шелк с орнаментом, сшила за вечер красивый халат, подобрала в тон косынку и опояску и была на маевке нарядной и веселой»¹².

В ходе анализа, медленного чтения текста романа О. Саган-оола «Неудержимые» периодически складывается впечатление, что природа визуального здесь носит кинематографический характер.

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Там же. С. 98.

¹² Там же. С. 39.

Одна сцена сменяется другой, наблюдается высокая динамика событий, героями движет постоянное стремление к перемещению, перемене мест. Они как будто не в состоянии усидеть на одном месте, не могут спокойно жить и радоваться. И вряд ли такой «темпоритм» визуализации — осознанный авторский ход.

Заключение

Рассмотрение двух текстов татарского и тувинского авторов прежде всего показывает, что в их произведениях, художественном мировоззрении немало общего. Отчасти это обусловлено тем, что они были почти ровесниками, жили в одну эпоху, как талантливые писатели осознавали творческую «узость» соцреализма. Амирхан Еники и Олег Саган-оол нередко писали о сложном и неудобном, рискуя и нарушая правила игры. Общее прослеживается и в литературном воплощении визуального. Сфера общего — обращение к приему изображения природы и развертывание панорамы родного края, создание портретов персонажей, повсеместная актуализация колористических эпитетов, характеристик, повышенное авторское внимание к образно-ассоциативному параллелизму, оригинальным сравнительным оборотам, экранизация «внутреннего зрения» мечты, воспоминания.

Показательно, что оба писателя проигнорировали ряд очевидных перспектив художественной визуализации. В обоих романах почти нет «масштабной пейзажности», ожидаемого монументального представления природы с ее уникальными изобразительно-выразительными ресурсами. Амирхан Еники в своем романе отказался от конструирования казанского городского пространства.

Сфера отличий, особенно продиктована такими факторами, как разность географическо-климатических условий проживания этноса, непохожим устройством его быта / бытия, несовпадением авторских замыслов и художественных задач, наконец, пребыванием литератур на разных стадийно-типологических уровнях развития.

Примечательные черты визуальности проанализированного произведения — большой диапазон использования так называемых глаголов зрения, широкая распространенность улыбки как стратегии визуальной коммуникации.

Визуальная составляющая романа Амирхана Еники «Гуляндам» на фоне тувинской словесности свидетельствует о нахождении татарской литературы на другой стадийно-типологической ступени. Художественная проблематизация миров искусства, их взаимодействия, темы сложноустроенности творческого мышления талантливой личности, должно быть, указывает на культурологическую зрелость литературы, подчеркивает ее ориентированность на мировые интеллектуальные стандарты, гуманитарные тенденции. При этом татарская литература, по всей вероятности, постепенно утрачивает основанную на традиционной культуре, фольклорно-мифологическом наследии этническую самобытность.

Разнородность художественной репрезентации визуального, ее несовпадение с категориально-понятийным аппаратом современной теории литературы ставят вопрос о том, каковы критерии отбора, какие слагаемые могут быть отнесены к измерению визуального литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Визуализация литературы (2012) / ред.-сост. К. Ичин, Я. Войводич. Белград : Издательство филологического факультета. 349 с.

Визуальные аттракторы в литературе: материалы круглого стола (2017) // Новое литературное обозрение. № 4 (146). С. 81–120.

Геллер, Л. (1997) На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин (и наоборот) // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 44. P. 151–171.

Димеши, Ж. (2004) Место живописных и графических изображений в композиции романа А. Платонова «Счастливая Москва» // Studia Russica XXI: Литература и визуальность / под ред. А. Хан и Ж. Хетени. Budapest : Будапештский университет им. Л. Этвеша. 436 с. С. 9–20.

Евграфова, Ю. А. (2022) Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 2. С. 353–363.

Есаулов, И. А. (2002) Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М. : Издательство «МИК». 215 с. С. 167–179.

- Женетт, Ж. (1998) *Фигуры* : в 2 т. М. : Изд.-во им. Сабашниковых. 472 + 472 с.
- Закирова, Р. Р., Габдрахманова, Ф. Х. (2017) Этимологическая характеристика татарской лексемы «Мон» (печаль, мелодия) // *Филологические науки. Вопросы и практики*. № 3 (69). С. 82–84.
- Замалетдинов, Р. Р., Габдрахманова, Ф. Х., Закирова, Р. Р. (2016) *Языковое сознание носителей татарской лингвокультуры (по данным свободного ассоциативного эксперимента)*. Казань : Отечество. 172 с.
- Зверева, Т. В. (2017) «Где продлеваются летящие мгновения»: живописные аспекты русской литературы. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет». 172 с.
- Зенкин, С. Н. (2023) *Imago in fabula. Интрадиегетический образ в литературе и кино*. М. : Новое литературное обозрение. 624 с.
- Злыднева, Н. В. (2008) *Изображение и слово в риторике русской культуры XX века*. М. : Индрик. 304 с.
- Комбу, С. С. (2012) *Тувинская литература: словарь* / под ред. Д. А. Монгуша, М. Л. Трифионовой. Новосибирск : Наука. 359 с.
- Меднис, Н. Е. (2006) «Религиозный экфрасис» в русской литературе // *Критика и семиотика*. № 10. С. 58–67.
- «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте (2013) / сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М. : Новое литературное обозрение. 572 с.
- Стаخورский, С. (2019) *Нарративы театральной драматургии и их экранные отражения (диегезис и экфрасис)* // *Вопросы театра. Prosaenium*. № 3/4. С. 412–435.
- Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения* (2018) / под ред. Т. Автухович. Siedlce : ELPIL. 703 с.
- Хадаханэ, М. А. (1968) *Тувинская проза* / под науч. ред. З. С. Кедринной. Кызыл : Тувкнигоиздат. 131 с.
- Шатин, Ю. В. (2004) *Ожившие картины: экфрасис и диегезис* // *Критика и семиотика*. № 7. С. 217–226.
- Яценко, Е. В. (2011) «Любите живопись, поэты...»: Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // *Вопросы философии*. № 11. С. 47–57.
- Méchoulan, É. (2003) *Intermédialités : histoire et théorie des arts, des lettres et des techniques / Intermediality: History and Theory of the Arts, des lettres et des techniques* // *Intermédialités*. № 1. P. 9–27.
- Robillard, V. (1998) *In Pursuit of Ekphrasis (An intertextual Approach) // Pictures into Words. Theoretical and Descriptive Approaches to Ekphrasis*. Ed. by V. Robillard, E. Jongeneel. Amsterdam : VU University Press. 225 p. P. 53–72.

Дата поступления: 04.07.2024 г.

Дата принятия: 07.10.2024 г.

REFERENCES

- Literature visualization* (2012) / ed. and comp. by K. Ichin and Ia. Voivodich. Belgrad, Publishing House of the Faculty of Philology. 349 p. (In Russ.).
- Visual attractors in literature: materials of the round table (2017). *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (146), pp. 81–120. (In Russ.).
- Geller, L. (1997) On the approaches to the genre of ecphrasis. Russian background for non-Russian paintings (and vice versa). *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 44, pp. 151–171. (In Russ.).
- Dimeshi, Zh. (2004) The place of pictorial and graphic images in the composition of A. Platonov's novel "Happy Moscow". In: *Studia Russica XXI: Literature and visual art* / ed. by A. Khan and Zh. Kheteni. Budapest, Budapestskii universitet im. L. Etvesha. 436 p. Pp. 9–20. (In Russ.).
- Evgrafova, Yu. A. (2022) Hypotyposis in heterogeneous screen texts on the example of ASMR video. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 13, no. 2, pp. 353–363. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2002) Ecphrasis in Modern Russian Literature: Painting and Icon. In: *Ecphrasis in Russian literature. Proceedings of the Lausanne Symposium* / ed. by L. Geller. Moscow, MIK Publ. 215 p. Pp. 167–179. (In Russ.).
- Zhenett, Zh. (1998) *Figures* : in 2 vol. Moscow, Izd.-vo im. Sabashnikovoykh. 472 + 472 pp. (In Russ.).
- Zakirova, R. R. and Gabdrakhmanova, F. Kh. (2017) Etymological characteristics of the Tatar lexeme "Mon" (sadness, melody). *Filologicheskie nauki. Voprosy i praktiki*, no. 3 (69), pp. 82–84. (In Russ.).
- Zamaletdinov, R. R., Gabdrakhmanova, F. Kh. and Zakirova, R. R. (2016) *Linguistic consciousness of native Tatar linguoculture (according to the data of a free associative experiment)*. Kazan', Otechestvo. 172 p. (In Russ.).

Zvereva, T. V. (2017) "Where the flying moments are prolonged": pictorial aspects of Russian literature. Izhevsk, Udmurtskii University Publ. 172 p. (In Russ.).

Zenkin, S. N. (2023) *Imago in fabula. The intradiegetic image in literature and cinema*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 624 p. (In Russ.).

Zlydneva, N. V. (2008) *Image and word in the rhetoric of Russian culture of the twentieth century*. Moscow, Indrik. 304 p. (In Russ.).

Kombu, S. S. (2012) *Tuvan literature : a dictionary* / ed. by D. A. Mongush and M. L. Trifonova. Novosibirsk, Nauka. 359 p. (In Russ.).

Mednis, N. E. (2006) "Religious ecphrasis" in Russian literature. *Kritika i semiotika*, no. 10, pp. 58–67. (In Russ.).

"Inexpressibly Expressible": *Ecphrasis and problems of visual representation in a literary text* (2013) / comp. and ed. by D. V. Tokarev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 572 p. (In Russ.).

Stakhorskii, S. (2019) Narratives of theatrical drama and their screen reflections (diegesis and ecphrasis). *Voprosy teatra. Proscenium*, no. 3/4, pp. 412–435. (In Russ.).

Theory and history of ecphrasis: Results and prospects of the study (2018) / ed. by T. Avtukhovich. Siedlce, ELPIL. 703 p. (In Russ.).

Khadakhane, M. A. (1968) *Tuvan prose* / ed. by Z. S. Kedrina. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 131 p. (In Russ.).

Shatin, Yu. V. (2004) Revived paintings: ecphrasis and diegesis. *Kritika i semiotika*, no. 7, pp. 217–226. (In Russ.).

Yatsenko, E. V. (2011) "Love painting, poets...": Ecphrasis as an artistic and ideological model. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 47–57. (In Russ.).

Méchoulan, É. (2003) Intermédialités : histoire et théorie des arts, des lettres et des techniques / Intermediality: History and Theory of the Arts, des lettres et des techniques. *Intermédialités*, no. 1, pp. 9–27.

Robillard, V. (1998) In Pursuit of Ekphrasis (An intertextual Approach). In: *Pictures into Words. Theoretical and Descriptive Approaches to Ekphrasis*. Ed. by V. Robillard, E. Jongeneel. Amsterdam, VU University Press. 225 p. Pp. 53–72.

Submission date: 04.07.2024.

Acceptance date: 07.10.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.7

Статья

Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок)

Ольга С. Чеснокова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Тимур Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Российская Федерация

В статье рассматриваются и сопоставляются тувинские, русские и испаноязычные (колумбийский вариант испанского языка) загадки о быте в свете языкового воплощения этнокультурной идентичности. Интерпретированы и сопоставлены структурные, риторические, дискурсивные средства игрового представления быта в текстах загадок, предложены когнитивные схемы загадок о быте в трех лингвокультурах. Использована комплексная методика контрастивного лингвокогнитивного этнолингвокультурологического описания загадок, разработанная на основе лексико-семантического и интерпретационного методов, а также метода концептуального анализа, сопоставительного анализа и культурологического комментирования.

Выявлено, что в сопоставляемых загадках представлены концептуальные схемы реификации (овеществления) и / или одушевления. В их основе лежат концептуально-метафорические модели, представляющие зашифрованные энигматы в качестве узнаваемых из коллективного опыта языкового освоения действительности этносом явлений природы, предметов быта, артефактов, зооморфных и антропоморфных сущностей, в том числе их частей и /или атрибутов, а также динамических фреймов, воплощающих стандартные функции вещей или существ, особенностей их деятельности.

Установлено, что загадки о быте в формате не прямой номинации имплицитно отражают наблюдения, переживания, ассоциации, реальные черты быта. В совокупности это создаёт систему образов повседневности, воплощает культурно обусловленную специфику мира повседневности.

Ключевые слова: загадка о быте; игровой образ; мир повседневности; этнокультурная идентичность; загадковый текст; сопоставительный метод; лингвокультурология; лингвистический когнитивизм; тувинский фольклор; русский фольклор; колумбийский фольклор

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», выполняемом в Российском университете дружбы народов.

Для цитирования:

Чеснокова О. С., Радбиль Т. Б. Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 92-109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>

Чеснокова Ольга Станиславовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: chesnokova_os@pfur.ru

Радбиль Тимур Беньяминович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Адрес: 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. Эл. адрес: timur@radbil.ru

Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (using the examples of Tuvan, Russian, and Colombian riddles)

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Russian Federation,

Timur B. Radbil

Lobachevsky University, Russian Federation

The article compares Tuvan, Russian, and Spanish-language (Colombian variant of Spanish) riddles related to daily life in the context of linguistic expression of ethno-cultural identity. The authors analyze the structural, rhetorical, and discursive means of presenting daily life in riddle texts and propose cognitive schemas for riddles about everyday life in three linguistic cultures. A comprehensive methodology for contrastive linguistic-cognitive ethnolinguistic-cultural description of riddles is employed, based on lexicosemantic and interpretative methods, as well as conceptual analysis, comparative analysis, and cultural commentary.

It is revealed that the compared riddles present conceptual schemas of reification (objectification) and/or personification. These schemas are grounded in conceptual-metaphorical models that encode the enigmas as phenomena recognizable from the collective experience of the ethnic group's linguistic engagement with reality, including natural phenomena, household objects, artifacts, zoomorphic and anthropomorphic entities, as well as their parts and/or attributes, along with dynamic frames that embody the standard functions of things or beings and the specifics of their activity.

It is established that riddles about daily life, in the format of indirect nomination, implicitly reflect observations, experiences, associations, and real features of daily life. Together, these elements create a system of images of everyday life, embodying the culturally conditioned specifics of the world of daily existence.

Keywords: riddle of everyday life; game image; world of everyday life; ethnocultural identity; text of the riddle; comparative method; linguoculturology; linguistic cognitivism; Tuvan folklore; Russian folklore; Colombian folklore

Financing

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 24-18-00702, Linguistic features of national identity: Latin American text. RUDN University).

For citation:

Chesnokova O. S. and Radbil T. B. Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (using the examples of Tuvan, Russian, and Colombian riddles). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 92-109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>

CHESNOKOVA, Olga Stanislavovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: chesnokova-os@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-7025-4098

RADBIL, Timur Benyuminovich, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky University. Postal address: 23 Gagarin Av., 603022, Nizhny Novgorod, Russian Federation. E-mail: timur@radbil.ru

ORCID: 0000-0002-7516-6705

Введение

Загадка представляет малоформатный жанр фольклора, обладает этнически обусловленными структурно-содержательными особенностями и, в связи с этим, играет важную роль в языковой репрезентации этнокультурной идентичности. Загадка включает особенности «эмической реальности, коллективного рефлексивного опыта этноса, стереотипы этносазнания и архетипы коллективного бессознательного» (Селиванова, 2010: 95), обладает культурно-когнитивной знаковой функцией и, таким образом, входит в концептосферу этнического сообщества. Кодирование загаданного денотата в загадочном тексте «культурно детерминировано» (Ковшова, 2021: 106). При многообразии тем, загадки универсально сосредоточены на ближайшем окружении человека, передают из поколения в поколение житейский опыт, его дидактическую и эстетическую составляющие. По мнению выдающегося философа и культуролога Г. Гачева, «эстетика — в нас и вокруг нас» (Гачев, 2019: 21). Мир повседневности, ближайшее окружение человека отражается в загадках о предметах повседневного обихода, создавая, по гипотезе авторов, игровой образ мира повседневности.

Вполне очевидно, что этноспецифически обусловленная фольклорная традиция выражается в этнокультурных фольклорных жанрах. Например, в фольклоре тувинской, русской и колумбийской лингвокультур есть уникальные, неповторимые жанры. Это, например, тувинское горловое пение *хөөмей*, русские былины, колумбийский музыкальный стиль и танец африканского происхождения *cumbia* (кумбия). Но загадки о мире повседневности и предметах повседневного обихода имеются в фольклоре всех народов, образуя, по-видимому, тематическую константу словесного творчества в целом, как и, например, загадки о фауне и флоре (Иванов, Монгуш, 2023, Чеснокова, Медведева, 2022; и др.).

Основы изучения загадок вполне закономерно были заложены в литературоведении и фольклористике. Так, российское литературоведческое понимание загадки определяет ее как «иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего; жанр фольклора»¹. В свою очередь, среди собственно лингвистических исследований загадок, начавшихся сравнительно недавно, уже формируются различные стратегии научного поиска, что отражено, например, в работах (Бочина, 2024; Иванов, Монгуш, 2023; Ковшова, 2021; Орлова, 2022; Соян, 2023; Чеснокова, Усманов, 2022ab). Как нам представляется, в рамках востребованной в современной науке о языке междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания весьма перспективным выглядит заявляющий о себе лингвокогнитивный подход к изучению загадок (Ковшова, Орлова, 2020), базирующийся на общем положении о том, что язык «играет роль “упаковки” знания в наречении отдельных фрагментов мира, а также в последствиях этого наречения — фиксации, хранении, дальнейшей передаче знания об отдельных “составляющих” мира» (Кубрякова, 2004: 44).

Будучи примененным к проблематике сопоставительных лингвокультурологических исследований, этот подход, опираясь на один из постулатов когнитивной лингвистики, что именно «язык “прививает” нам определенный взгляд на вещи»² и тем самым выступает как средство формирования и межпоколенной передачи культурно-исторической памяти, представляется наиболее адекватным научным инструментарием для выявления универсального и идиоэтнического содержания форматов знания о мире. Не теряющая актуальности мысль М. М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» (Бахтин, 1986: 354), позволяет эффективно интерпретировать структуру, лингвокогнитивные параметры, эстетику и стоящую за ними этнокультурную идентичность создателей загадок о мире повседневности при их сопоставлении.

Материалы и методы

Мы охватываем три различные исторически сложившиеся традиции загадки как фольклорного жанра, три языковые группы (тюркскую, славянскую, романскую), две конфессии: буддизм и христианство (православие для русских и римскую католическую церковь для колумбийцев).

В тувинской лингвокультуре, как указывает Г. Н. Курбатский, «на протяжении столетий игра «тывы-зыктажыр» (загадывание и отгадывание загадок) обогащала жизненный опыт, углубляла знание языка,

¹ Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.

² Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. С. 127.

развивала поэтическое воображение и художественно-ассоциативное мышление» (Курбатский, 2021: 4). В традиционной культуре тувинцев «дети очень рано начинали помогать родителям в их повседневных занятиях, и в ходе работы старшее поколение приучало младшее понимать иносказания» (Кароол, 2015: 103).

Источниками тувинского материала стали: сборник загадок Г. Н. Курбатского из порядка 400 оригинальных загадок и их вариантов, его юбилейное издание, а также образцы загадок с тувинских сайтов¹.

На основании тождества или близости отгадки тувинских загадковых текстов были подобраны русские² и колумбийские загадки.

Поскольку в современном романском языкознании испанский язык рассматривается в виде национальных вариантов с собственными языковыми параметрами этнической идентичности их носителей, для достоверности материала мы исследовали один национальный вариант испанского языка — испанский язык Колумбии. Колумбия — вторая, после Мексики, по численности населения, испаноязычная страна (Fernández Vítors, 2020: 19). В Колумбии загадковый жанр появился под влиянием испанских загадок в колониальный период, но образовал самобытную сущность, обусловленную гетерогенным характером колумбийской лингвокультуры как синтеза европейских, автохтонных индейских и африканских компонентов (Чеснокова, 2021). По свидетельству О. Бенавидеса, автора уникального сборника загадок, составленных колумбийскими детьми, учащимися третьего и четвертого классов начальной школы, в Колумбии жанр загадки сохранялся и воссоздавался прежде всего сельскими жителями (Benavides, 2011: 6). Колумбийские загадки были взяты из разнообразных печатных сборников и интернет-источников³.

На наш взгляд, наиболее адекватная процедура сопоставительного исследования столь специфического объекта, как загадка, должна строиться на стыке лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов (Радбиль, 2020; Радбиль, 2021). Культурная информация выражается в загадке имплицитно, посредством «непрямой номинации», через так называемую «культурную коннотацию», которая проявляется в «интерпретации денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» (Телия, 1996: 215). Поэтому образы, посредством которых шифруется энигмат, должны прочитываться в контексте этой культуры (Орлова, 2022). Согласно принципам современного лингвистического когнитивизма, культурно значимая информация подобного типа кодируется посредством механизма когнитивной метафоры, которая в общем интерпретируется как «понимание и объяснение одной сущности в терминах другой сущности» (Лакофф, Джонсон, 2004).

В исследованном материале в основном имеют место концептуальные схемы реификации (овеществления) и/или одушевления (Langacker, 1987) на основе концептуально-метафорических моделей,

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: сборник / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2002; Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021; Загадки о быте [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы: Фольклор. URL: <https://tuvanom.ru/7818> (дата обращения: 06.05.2024).

² Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941; Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959; Сборник загадок: пособие для учителя / сост. М. Т. Карпенко. М.: Просвещение, 1988; Мазнин И. А. 500 стихов-загадок для детей. М.: Сфера, 2003; Русский фольклор. Сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок / сост., вступ. статья и комм. В. Модестова. М.: Художественная литература, 2007; Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017; Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022.

³ Benavides H. El libro de las adivinanzas / presentación y selección de textos Horacio Benavides. Medellín: Sílabas Editores, 2011; Benavides, H. Ábrete grano pequeño (Adivinanzas de Horacio Benavides). 2016. Leer es Mi Cuento N° 9; Beutler, G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia), De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1963. T. XVIII, Núm. 1. P. 98–140; Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Nariño (Colombia), De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1961. T. XVI. P. 367–451; Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Norte de Santander (Colombia), De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1963. T. XVI, Núm. 2. P. 404–427; Beutler, Gisela. Adivinanzas Colombia, Biblioteca de las Grandes Naciones. 2016, Libro 198; Dirección, coordinación, selección y maquetación: Xabier Susperregi Colección: Adivinanzas del mundo, Volumen 14; Adivinanzas 2: más fonología. [Электронный ресурс] // Orientacionandujar. URL: <https://www.orientacionandujar.es/wp-content/uploads/2022/10/ADIVINANZAS-II.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

представляющих зашифрованные энигматы в качестве узнаваемых из коллективного опыта языкового освоения действительности этносом явлений природы, предметов быта, артефактов, зооморфных и антропоморфных сущностей, в том числе их частей и /или атрибутов, а также динамических фреймов, воплощающих стандартные функции вещей или существ, особенностей их деятельности.

Как указывают М. Л. Ковшова и О. С. Орлова, когнитивную структуру «устройства» метафоры, лежащей в основе загадки, составляют: «исходная понятийная область-источник; область-приемник; типовой сценарий, который отражает характерные для данной сферы последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; фреймы как структура представления стереотипных ситуаций, выделенные в них данные о существенном, типичном и возможном для такого представления; типовые слоты, элементы ситуации, конкретизация фрейма» (Ковшова, Орлова, 2018: 46).

Таким образом, в статье используется комплексная методика контрастивного лингвокогнитивного этнолингвокультурологического описания загадок, разработанная на основе лексико-семантического и интерпертационного методов, а также метода концептуального анализа, сопоставительного анализа и культурологического комментирования.

Для контрастивного анализа мы не использовали загадки с лакунарными ответами типа «юрта» для тувинских загадок (о символике юрты в тувинских загадках — см.: Бочина, 2024) «шелковый сарафан» для русских загадок, «маисовый початок» или «изумруд» для колумбийских, а выбрали семь тождественных энигматов — предметов быта, составляющих ближайшее окружение человека: *подушка, зеркало, расческа, швейная машинка, веник, нож, часы*. Данные реалии представляются в достаточной степени универсальными: тем интереснее выявить возможные этнокультурно обусловленные особенности их рецепции в разных лингвокультурах, связанные с различными мифокультурными традициями и социально-историческими факторами их бытования.

Загадки о подушке

Для интерпретации не прямых номинаций, лежащих в основе тувинских загадок о подушках, необходимо иметь в виду символику их четырех углов, воплощающих четыре стороны света, а также традицию декорирования подушек вышивкой. Пожелания обладателю подушки направляются на четыре стороны по углам пуговицами, а внутри в подушке находится карман с пуповиной новорожденного. В тувинском материале наблюдаем загадки, где ответом выступает ключевое слово *сыртык* 'подушка'.

В основе нижеприводимых загадок зооморфная метафора, описывающая признаки животного и результат действий с его телом:

Чыткан бызаам

У лежащего теленка моего

Каас хавактыг,

Красивый лоб,

Чыткан чартыы

У лежащей половины

Чарык өектиг¹.

Брюхо вспорото.

Ак өшкүнүң вез чарык².

У белой козы брюхо вспорото.

В следующей загадке повторяется мотив «вспоротого брюха», но реализована субституция животного на персонажа тувинского народного творчества Оксус-оола — «парня-сироты» в тувинском фольклоре (зооморфная метафора трансформирована в антропоморфную):

Өскүс-оолдун вез чарык³.

У Оксус-оола брюхо вспорото.

В других загадках также варьируется антропоморфная метафора с яркой деталью — «вспоротым нутром»:

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыкпар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 52.

Арны каас,
Ишти чарык¹.

Лицо красивое,
Нутро вспорото.

Акцент может делаться на одном атрибуте, например, «лицевой стороне тувинской подушки»:

Чыткан бызаам
Арны каас².

У лежачего теленка моего
Морда красивая.

Вспоротое брюхо выступает как устойчивый когнитивный признак тувинских загадок о подушке.

Русские загадковые тексты о подушке также ориентированы либо на зооморфные метафоры, воплощающие узнаваемые прототипические признаки домашних животных — рогатого скота или домашней птицы:

Два брюшка,
Четыре рожка³.
Два брюшка, четыре ушка⁴.
Четыре уха, а перьев не сосчитать⁵.

Слезу пьет,
Сама молчит⁶,

— либо на метафоры антропоморфные:

Без рук,
Без ног,
Рубашки просит⁷.

В русских загадках антропоморфной модели также отмечаются элементы языковой игры, в которой предполагаемая отгадка рифмуется с последним словом в предпоследней строке загадкового рифмованного четверостишия — «подружка-подушка»:

Днем о ней я позабуду,
Вечером ищу повсюду,
Ночью ж лучшая подружка
Для меня моя ...⁸.

Колумбийские загадки о подушке — *la almohada* — строятся по иной концептуально-метафорической модели. В частности, задействован динамический фрейм сна и пробуждения, с описанием соответствующих действий и фигурой персонификации за счет обращения во втором лице:

*Te acompaño al dormir,
te acompaño al despertar,
soy tan cómoda y blanda que
no te querrás levantar⁹.*

Я с тобой, когда ты спишь,
Просыпаешься когда.
Так удобна и мягка,
Что вставать не захочешь ты.

Важно, что грамматическая категоризация лексемы *almohada* по женскому роду порождает антропоморфное концептуально-метафорическое одушевление подушки как лица женского пола,

¹ Там же. С. 51.

² Там же.

³ Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 53.

⁴ Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 169.

⁵ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 52.

⁶ Загадки русского народа: ... С. 59; Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 52.

⁷ Загадки русского народа: ... С. 52.

⁸ Загадки про подушку для квеста [Электронный ресурс] // Подариквест: Портал «Домашние квесты для детей и взрослых. URL: <https://podarikvest.ru/blog/zagadka-pro-podushku-dlya-kvesta> (дата обращения 12.05.2024).

⁹ Adivinanzas 2: más fonoaudiología. [Электронный ресурс] // Prientacionandujar. URL: <https://www.orientacionandujar.es/wp-content/uploads/2022/10/ADIVINANZAS-II.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

причем опять же — через описание обобщенных, типовых действий интерактивного характера. Подушка выступает в роли всеильного и всеведущего существа:

*Escucha tu sueño
recibe tu queja
Doncella o vieja
pones tu cabeza en ella¹.*

*Она слушает твой сон,
Слышит твои жалобы.
Юная или взрослая,
Ты кладешь на нее свою голову.*

Таким образом, при наличии некоторых общих компонентов в когнитивной модели, в тувинских, русских и колумбийских загадках о подушке есть и определенные концептуальные расхождения, связанные с разными типами культурных реалий, положенных в основу образа.

Загадки о зеркале

Зеркало издревле выступает в различных лингвокультурах как сакральный и ритуальный артефакт. В тувинских загадках типичны образы зеркала (*көрүнчүк*) как канала связи с потусторонним миром и с двойниками человека, приходящими оттуда. С этим могут быть связаны когнитивные метафоры на базе невозможности для отражения человека в зеркале совершить некое типовое действие.

Симптоматична тувинская загадка с отгадкой «отражение человека в зеркале» (*көрүнчүкте дүрзү*):

Өттүнчектин өөгүн чежип чададым².

Пуговицу подражателя расстегнуть не смог.

Русские загадки о зеркале примечательны отражением в отгадках отживших признаков русского быта: «благодаря афористической форме загадок, скрепленных к тому же созвучиями, лексика их способна сохранять в течение столетий элементы отжившего быта и понятий» (Соколов, 1941: 224).

Это, например, «зеркало в кожаной рамке», которые в современном русском быту, как правило, уже не используются:

Поле водяно, огороды кожаны³;

или «металлическое зеркало»:

Золото гумешко, овсяной бережок⁴.

В свою очередь, современные русские загадки о зеркале обычно эксплуатируют асимметрию человека и его отражения как некой «псевдо-человеческой сущности» — либо через внешний образ (и его отсутствие):

Я увидел свой портрет,

Отошел — портрета нет⁵,

— либо через базовую функцию человека — способность к языку (и ее отсутствие):

Без языка,

А всю правду скажет⁶.

В некоторых русских загадках о зеркале отражаются этические нормы русского народа:

Светленько, чистенько,

Посмотреть любенько¹,

¹ Benavides H. *Ábrete grano pequeño* (Adivinanzas de Horacio Benavides) // *Leer es Mi Cuento*. 2016. N° 9. P. 19.

² Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 54.

³ Соколов Ю. М. *Русский фольклор*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. С. 224.

⁴ Там же.

⁵ Мазнин И. А. *500 стихов-загадок для детей*. М.: Сфера, 2003. С. 43.

⁶ Лысаков В. Г. *1000 загадок*. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 189.

— или его эстетические идеалы:

*Всех и все
Отобrazу,
Но молчу
И не сужу...².*

Колумбийские загадки о зеркале, как и некоторые русские, воплощают концептуально-метафорическую модель взаимодействия человека и его отражения, только вовлеченность адресата загадки в процесс отгадывания актуализуется посредством олицетворения энигмата — зеркала за счет употребления второго лица:

*Si te arrimas mucho a mí,
me verás mejor³.*

Если ты ко мне приблизишься,
увидишь меня лучше.

Также колумбийские загадки о зеркале могут метафорически связывать фрейм отражения в зеркале и фрейм сна по общим когнитивным признакам — способности создавать образы того, что не существует в реальности:

*Las cosas como un sueño
en su reflejo
De agua de metal o luna
Parece sencillo y es complejo⁴.*

Все как во сне
В его отражении.
Вода, металл или луна
Кажется легким, а оно трудно.

Метафорическая модель явлений природы имеет место в колумбийской детской авторской загадке, которая отражает присущую этнической идентичности колумбийцев связь возвышенной романской поэтики с библейскими аллюзиями — здесь реализован типичный для фольклора прием эпического параллелизма природы и состояния души человека:

*Agua cristalina
que refleja mi vida
Luz de mi alma
que un retrato me regala⁵.*

Кристалльная вода,
Которая отражает мою жизнь.
Свет моей души,
Который мне дарит мой портрет.

Таким образом, мы можем видеть определенное типологическое сходство в моделях концептуализации, присущих тувинским, русским и колумбийским загадкам. В образах, положенных в основу загадочного текста, активно используются мифологические представления о мире сверхъестественного, а также явления природы.

Загадки о швейной машине

В тувинском фольклоре швейная машина (*даараныр машина*) предстает как зооморфная или антропоморфная сущность, когда ритмичное движение иглы сравнивается с бегом скакуна, верблюда или с бегом девушки. Ткань сравнивается с мясом, которое у тувинцев издревле считалось самой ценной пищей (Курбатский, 2021: 25).

¹ Русский фольклор. Сборник мифов, былин, сказок, песен, загадок, пословиц и поговорок / сост., вступ. статья и комм. В. Модестова. М.: Художественная литература, 2007. С. 290

² Загадки про подушку для квеста [Электронный ресурс] // Подариквест: Портал «Домашние квесты для детей и взрослых». URL: <https://podarikvest.ru/blog/zagadka-pro-podushku-dlya-kvesta> (дата обращения 12.05.2024).

³ Adivinanzas 2: más fonoaudiología. [Электронный ресурс] // Prientacionandujar. URL: <https://www.orientacionandujar.es/wp-content/uploads/2022/10/ADIVINANZAS-II.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).

⁴ Benavides H. Ábrete grano pequeño (Adivinanzas de Horacio Benavides) // Leer es Mi Cuento 2016. № 9. P. 27.

⁵ Benavides H. El libro de las adivinanzas / presentación y selección de textos Horacio Benavides. Medellín: Sílabo Editores, 2011. P. 97.

*Эт бээрге, чивес уруг,
Эзеңиге шевер¹.*

Мясо даёшь — не ест девица,
Скакать искусна девица.

Тувинская метафора может быть эксплицирована ритмическими сравнениями стихийного движения животных — лошадей и сознательными профессиональными действиями женщин:

*Казак терге чугган ышкаш,
Уран кыстар удазын шөйдү,
Шевер кыстар четчелепти².*

Словно казачьи кони скачут,
Словно казачью телегу катят,
Искусные девицы нити вытягивают
Умелые девицы пополняют.

Сквозной мотив движения, фрейм пути участвует в метафоризации ритмичного движения швейной машинки и в других тувинских загадках:

*Чыраа кара тергелиг,
Чычыы, торгу оруктуг³.*

Со скачущей чёрной телегой,
С чесучёвой шёлковой дорогой.

В этой и других загадках отражается и культурно-значимый когнитивный признак тувинской этнической идентичности — атрибутика скотоводчества:

*Арган теве аргаңнаан,
Аргамчызы шыйлаңнаан⁴.*

Тоший верблюду мечется,
Аркан его извивается.

Русские загадки о швейной машине апеллируют к движению иглы, которая антропоморфизируется в танцующую сущность женского пола: «тонконожка», «тетушка-игла» и ее атрибут — «стальная туфелька», а также актуализуется через военную метафору пулемета и его прототипического действия «застрочит как пулемет»:

*На поляне шерстяной
Пляшет тонконожка.
Из-под туфельки стальной
Выползает стежка;
Застрочит, как пулемёт,
Платье новое сошьёт;
Наша тетушка игла
Строчку по полю вела.
Строчка в строчку, строчка в строчку,
Будет платье вашей дочке.*

Колумбийские загадки о швейной машинке примечательны зачином *Una señora muy aseñorada*, который задает уподобление швейной машинки прекрасной даме или даме, желающей казаться элегантной сеньорой:

*Una señora
Muy aseñorada,
Estrena que estrena,
Y no estrena nada⁵*

Прекрасная сеньора
С обновками все время,
Сама же эта дама
Обновок не имеет.

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 68.

² Там же. С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia) // De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo. 1963. T. XVIII, Núm. 1. P. 419.

Кстати, в аутентичных испанских загадках нами не было обнаружено образцов с зачином *una señora tuu aseñorada*. Для сравнения приведем испанскую загадку о швейной машинке, где прослеживается другая образность посредством антропоморфной концептуальной метафоры:

*Tengo pie y no tengo boca,
Hilo meto, hilo asomo,
Tengo dientes y no como*¹.

Есть нога, но нету рта,
Нить сую и вынимаю.
Я с зубами, но не ем.

Таким образом, для тувинских, русских и колумбийских загадок о швейной машинке можно выявить концептуальные схождения, связанные с использованием в качестве образной основы антропоморфных и зооморфных метафорических структур.

Загадки о венке

Веник (*ширбиил*) как необходимый для хозяйства предмет в тувинских загадках метафорически связывается с культурно значимыми, «знаковыми» атрибутами этнокультурного быта — носителями этнической идентичности (кнут — *кымчы*, пояс — *кур*), при этом часто возникает стилистический троп — гипербола:

*Кымчымның баа
Сая салбактыг*².

У ремня кнута моего
Миллион кистей.

*Муң киж
Чаңгыс курлуг*³.

Тысяча человек
С одним поясом.

Также возможна антропоморфная метафора, воспроизводящая фрейм кругового движения девочки:

*Өг иштинде борбак уруг чуглуп тур*⁴.

Внутри юрты округлая девочка катается.

Антропоморфный образ может быть реализован и культурно значимой реалией — носителем этнической идентичности. Это, например, артефакт *дор* — самое почетное место в юрте, напротив входа.

*Дорде төккүлчек уруг маңнап тур*⁵.

На доре юрты куца девочка бегаёт.

В архаичных русских загадках веник *помело* входит в модель антропоморфной метафоры, при этом создаются игровые и юмористические образы.

Под полом,

Под середой,

*Сидит (лежит) баба с бородой*⁶.

Под полом, полом,

*Стоит барыня с хохлом*⁷.

Современные русские загадки о венке актуализуют фрейм пребывания в месте обитания по культурной оппозиции «свой мир» / «чужой мир» (*дом / лес*):

В лесу родился, а дома

*Хозяйничает*⁸.

¹ Garfer J. L., Fernández C. Adivinancero antológico español. Ediciones del Prado, 1994. P. 141.

² Тувинские загадки = Тывы тывызыклар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 56.

³ Там же. С. 56

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / вступ. статья, ред. и примеч. В. П. Аникина; сост. Д. Н. Садовников. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 59.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 164.

Также для современных загадок в метафорических представлениях веника характерно акцентирование на его функциональном предназначении, на типовых способах оперирования данным предметом, причем часто — по гиперболизированной модели абсурда (например, «восемьдесят восемь ног»):

Что за шустрый старичок,
 Восемьдесят восемь ног,
 Все по полу шаркают
 За работой жаркою...;
 Бородю: шу-шу-шу,
 Ух, как сор не выношу!
 Пошуршал немножко
 И чиста дорожка...;
 Шуришит лохматой головой
 Соринок гонит пыльный рой.
 Из угла в угол
 Ходит походкой упругой...;
 Он всегда стоит в углу,
 Возле печки на полу.
 Если кто-то сор бросает,
 Он охотно убирает...¹

В колумбийских загадках веник, как и швейная машинка, предстает в антропоморфном образе сеньоры, из-за женского рода слова-отгадки *la escoba* 'веник': *Una señora muy* (вариант *bien*) *aseñorada*, что трудно поддается переводу с сохранением игры слов (приблизительно «сеньорная сеньора» / «сеньора так сеньора» / «воистину сеньора»):

<i>Una señora</i>	Важная сеньора
<i>Bien aseñorada,</i>	Заходит сразу в дом,
<i>Entra en la casa,</i>	И сразу же танцует
<i>Y echa una bailada².</i>	Она же в доме в том.

Таким образом, для тувинских, русских и колумбийских загадок о венике в основном наблюдаются концептуальные расхождения, которые связаны с культурными различиями – этноспецифичными реалиями, положенными в основу образа загадкового текста. Однако имеет место и определенное концептуальное сходство, обусловленное антропоморфными моделями метафорического представления энигмата.

Загадки о расческе

В тувинском фольклорном материале расческа (*дыргак*) метафоризируется через явления природы и животных. Так, лыко тальника (*тал шылбазы*) в приводимой ниже загадке испокон веков собиралось и использовалось тувинцами наряду с другими ягодами и растениями, включающими, например, черную смородину (*инек-караа*), крыжовник (*кызырак-караа*), кору лиственницы (*дыт човурээзи*), кору пихты (*чойган човурээзи*), березовые шишки (*хадын човурээзи*), еловые шишки (*шиви човурээзи*) (Кенин-Лопсан, 2006: 199–201).

¹ Мир детства 5: Ваш проводник в мир знаний: Просветительский портал [Электронный ресурс]. URL: <http://mirdetstva5.ru/zagadki-pro-venik> (дата обращения 12.05.2024).

² Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia), De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1963, tomo XVIII, Núm. 1. P. 419; Beutler, Gisela. Adivinanzas Colombia, Biblioteca de las Grandes Naciones. 2016, Libro 198. P. 39.

*Тал бажы салбаңнады,
Таалай доруг чыраалады¹.*

Верхушка тальника зашевелилась,
Небный гнедой бежит иноходью.

Приведённая загадка также примечательна образом коня, являющимся устойчивым мотивом тувинских загадок в целом: конь в тувинском фольклоре вообще связан с разветвленной системой символов, отражающих этнокультурную идентичность (Соян, 2023).

В следующей загадке реализован мифопоэтический гиперболизированный фрейм поедания хищником жертвы (метафорическое уподобление волос тайге, а расчески медведю):

Арганы адыг пактады².

Горную тайгу медведь заглатывает.

В тувинской лингвокультуре загадковый текст о расческе может комбинироваться с загадковым текстом о волосах, что иллюстрирует метонимическую связь волос и расчески в мифопоэтическом мире повседневности тувинцев. Ср. загадку, где отгадкой выступает «частый гребень, волосы на голове», которая также вписана в биоморфную модель (параллелизм неба и земли — «движения небесного коня» и «шевеления ветвей растений на земле»):

*Таалай сарыг аъттанды,
Тал бажы шимчеди³.*

Небный соловый поскакал,
Верхушка тальника зашевелилась.

Тувинская культура славится камнерезным промыслом. В следующей загадке о расческе (отгадка — «китайский частый гребень») прослеживается олицетворение и овеществление (апелляция к материалу — кости):

*Көк карак,
Сөөк кудурук⁴.*

Синие глаза,
Костяной хвост.

По аналогии с темой расчесывания волос приведем образец с отгадкой «бритье головы», образующий лакунарную тувинскую загадку в нашем материале: в основе образа — фрейм из области пастьешского промысла, важного для тувинской этнической идентичности:

*Муң кап кара хоюм,
Демир-биле сүрдүм⁵.*

Тысячу пречёрных овец моих,
Железным кнотом гнал.

Для русских загадок о расческе типичны метафоры, связанные с сельским хозяйством или вообще с крестьянским трудом:

*За волной волна,
Идет по полю борона,
Пшеницу разгребает,
Порядок соблюдает.
****

*Зубастая пила
В лес густой пошла.
Весь лес обходила,
Ничего не сплила.*

Возможны также метафоры по антропоморфной модели:

¹ Тувинские загадки = Тывы тывызыклар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 40.

Что достанет зубами затылок?
— или по модели зооморфной:
Возле зеркала на полке
Поселился хитрый ёж.
С ним расчешешь куклу
Катю и косичку заплетёшь.
Станет модною причёска,
Если трудится...¹

В колумбийских загадках расческа часто входит в концептуально-метафорические модели олицетворения, причем предстает как в мужском, так и в женском образе, поскольку в испанском языке для обозначения расчески существуют однокоренные варианты мужского (*el peine*) и женского (*la peineta*) рода.

*Un viejito Patirrajado
Sube a la loma,
Y echa ganado².
Una vieja patirrajada
Sube a la loma
Y baja ganado³.*

*Шаркающий ногами старичок
Поднимется на гору
И отпускает скот.
Шаркающая ногами старуха
Поднимается на гору
И отпускает скот.*

На этом фоне возможен параллелизм антропоморфного и зооморфного метафорического представления, организованный по мифопоэтической модели алогизма, которая вообще свойственная многим фольклорным жанрам:

*Arquero sin ser flecha,
y pez sin ser agua⁴.*

*Лучник без стрелы,
Рыба без воды.*

Таким образом, для тувинских, русских и колумбийских загадок о расческе можно отметить опеределенное типологическое сходство, связанное с использованием моделей фольклорного параллелизма, антропоморфных метафор, метафор трудовой деятельности. Концептуальные расхождения связаны с этнокультурными различиями в области представления реалий быта, свойственных той или иной культуре.

Загадки о ноже

Представление о том, что нож у тувинцев — неременный атрибут кочевника-скотовода, обуславливает его значительный символический потенциал в фольклоре. Это, в частности, отражается и в тувинских загадках о ноже (*бижек*). Энигмат «нож» часто актуализуется в загадках, воплощающих типовые виды деятельности, оперирования ножом:

*Кэдээр каарга-
Доңмас эвдим,
Кезип чиирге —
Төнмес эвдим⁵.*

*В сторону положишь —
Не замерзает мясо мое,
Порезав, ешь —
Не кончается мясо моё.*

¹ Загадки про расчёску для детей и взрослых [Электронный ресурс] // Стихи Сказки: Электронная библиотека. URL: stihiskazki.ru/zagadki/zagadki-na-R/zagadki-dlya-detei-25004.shtml (дата обращения 12.05.2024).

² Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia) // De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, 1963. T. XVIII, Núm. 1. P. 420.

³ Там же; Beutler G. Adivinanzas Colombia, Biblioteca de las Grandes Naciones // Libro. 2016, 198. P. 43.

⁴ Adivinanzas colombianas para niños, fáciles y cortas con respuesta [Электронный ресурс] // Prientacionandujar. URL: https://adivinanzas.info/ninos/adivinanzas-colombianas-con-respuesta/#adivinanzas_colombianas_sobre_objetos_cotidianos (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: ... С. 90.

Загадки, отгадкой которых является «нож в ножнах, нож», могут отражать прототипические динамические фреймы обыденных действий — еда и питье, ночлег:

Ижер-чиирим —

Ирт, серге,

Хонар черим —

Хос ыяш¹.

Чип-чип,

Өөнче кире берди².

Питьё — пища мои —

Валух и козёл.

Место ночлега моего —

Дуплистое дерево.

Кушал-кушал,

В свою юрту зашел.

Русские загадки о ноже актуализуют различные аспекты функционального предназначения данного предмета, отражающие реалии быта:

И в земле я был,

И в огне я был,

а на кухню попал³.

***

Он и острый, и опасный,

Но на кухне нужен он —

Им легко намажешь масло,

Сыр нарежешь и батон⁴.

Метафорическое представление о функциональном предназначении ножа в русских загадках может сочетаться с концептуальной схемой одушевления, в том числе по модели фольклорного алогизма:

Без рук, без ног

Лапу крошит⁵.

Также в современных русских загадках о ноже метафорическое представление о функциональном предназначении ножа может обогащаться дидактической составляющей, например:

На кухне нужный, верный друг,

Могу я резать и кромсать.

Чтоб не порезаться мной, вдруг,

Не следует со мной играть⁶.

Колумбийские загадки о ноже (исп. *la navaja, el cuchillo*) основаны на омофонии и звукоимовизме: аллофонах [b] и [β], или позиционных вариантах фонемы /b/, когда произнесение в загадке *Lana baja* дает зашифрованный ответ *la navaja* 'нож'. При этом на уровне семантики актуализуется бессмысленность как прием. Если отталкиваться от прямого значения существительного *lana* 'шерсть', то возможен такой условный перевод:

Lana sube

Lana baja⁷

Шерсть поднимается,

Шерсть опускается.

Также для колумбийских загадок о ноже характерно использование модели антропоморфной метафоры, как и для загадок в других лингвокультурах, что позволяет постулировать универсальный,

¹ Там же. С. 90.

² Там же. С. 90.

³ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 47.

⁴ Загадки про нож с ответами [Электронный ресурс] // Я happy мама: Портал для мам URL: <https://ihappymama.ru/iq/zagadki/zagadki-pro-nozh-s-otvetami/> (дата обращения 12.05.2024).

⁵ Русские народные загадки. Томск: ТомСувенир, 2017. С. 47.

⁶ Загадки про нож с ответами ...

⁷ Canciones, rondas, nanas, retahílas y adivinanzas [Электронный ресурс] // MaguaRED. URL: https://maguared.gov.co/wp-content/uploads/2018/01/24_LEMC_rimas.pdf (дата обращения 12.05.2024).

общечеловеческий характер данной концептуальной схемы текстовой реализации непрямо́й номинации в загадке. Об этом же свидетельствует и использование в тексте загадки такого культурно-значимого личного имени, как «Хуан» (ср. русское Иван):

*De un aposento oscuro
Sacan a don Juan desnudo*¹.

Из темных покоев
Достают обнаженного Дона Хуана.

Таким образом, в тувинских, русских и колумбийских загадках о ноже по большей части наблюдается концептуальное сходство, связанное с использованием универсальных антропоморфных метафорических моделей. Некоторые расхождения обусловлены различием лежащих в основе образов энигмата когнитивных моделей типовых действий, присущих разным лингвокультурам.

Загадки о часах

Универсальные культурно значимые мифопоэтические представления о ходе времени, обладающие существенным символическим потенциалом в разных фольклорных традициях, активно используются и в тувинских загадках о часах (*шак*). Так, в приводимой ниже загадке антропоморфно представлена универсальная культурная оппозиция живого и мертвого, которая кодирует оппозицию естественного и сделанного, при этом задействуется стилистический прием оксюморона. Перед нами — звуковая метафора, в которой обыгрывается аналогия хода часов и стука сердца:

*Боду өлүг, чүрээ диуриг*².

Сам мертвый, сердце живое.

Русские загадки о часах также демонстрируют широкие возможности символизации разных аспектов быта и культуры. Так, в следующей загадке метафорическое антропоморфное представление часов, опять же — по модели алогизма, осуществляется через их внешне наблюдаемую звуковую характеристику, что на языковом уровне реализовано в стилистическом приеме амфиболии — нейтрализации в одном контексте разных значений глагола *бить*, означающего 'наносить удары (руками)' и 'производить ритмические звуки (для механизма или устройства)':

*Без рук, а бьют*³.

В типичной колумбийской загадке как бы совмещаются рассмотренные выше для иных лингвокультур концептуальные схемы оксюморона и алогизма для обозначения типовых операциональных характеристик этого устройства по модели концептуально-метафорического олицетворения.

Типичная колумбийская загадка из нашей выборки также построена на многозначности глаголов, описывающих движение стрелок часов, что позволяет предположить универсальный характер указанных концептуальных схем для кодирования данного энигмата в тексте загадки:

*Da sin que tenga manos
Y anda sin que tenga pies*⁴.

Дает, не имея рук,
Ходит, не имея ног.

Таким образом, в тувинских, русских и колумбийских загадках о часах отмечаются значительные типологические сходства, определяющиеся универсальным характером мифопоэтических концептуальных схем, которые лежат в основе образа.

Заключение

Таким образом, тувинские, русские и колумбийские загадки о мире повседневности объективируют вещественные коды соответствующих лингвокультур, которые, в свою очередь, органично сочетают этнокультурно обусловленные системы символов и этнокультурно-специфичную игровую

¹ Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia) // De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo. 1963. T. XVIII, Núm. 1. P. 418.

² Тувинские загадки = Тывы тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2021. С. 69.

³ Лысаков В. Г. 1000 загадок. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 189.

⁴ Beutler G. Adivinanzas de tradición oral en Antioquia (Colombia) // De Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo. 1963. T. XVIII, Núm. 1. P. 420.

составляющую, что в совокупности проявляет грани этнической идентичности и лингвокреативности тувинцев, русских и колумбийцев. Загадки о мире повседневности выступают как маркеры преемственности культурных традиций, фольклорных образов и мотивов, способов игрового воплощения традиционного быта и эстетики мира повседневности.

Проанализированный материал продемонстрировал вполне ожидаемые концептуальные расхождения в метафорических моделях кодирования энигмата, обусловленные национальной специфичностью взгляда на мир, который реализован в разных лингвокультурах. Но при этом не менее очевидной представляется и существенная близость концептуальных схем текстовой актуализации не прямой номинации в загадке, их универсальный характер, который определяется типологической общностью национальных форматов языкового освоения мира, присущих разным народам. Загадки, как никакой другой фольклорный жанр, в полной мере демонстрируют культурный принцип «единое — в многом», который обуславливает возможности для взаимопонимания и адекватной кросс-культурной коммуникации в многоязычной и поликультурной цивилизационной парадигме современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1986) Эстетика словесного творчества / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. 2-е изд. М. : Искусство. 444 с.
- Бочина, Т. Г. (2024) Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>
- Гачев, Г. Д. (2019) Философия быта как бытия. М. : Мир. 711 с.
- Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Кара-оол, Ч. А. (2015) Детские словесные игры устного народного творчества в традиционной культуре тувинцев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 1 (41). С. 101–105.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев / пер. с тувинского А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 230 с.
- Ковшова, М. Л. (2021) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М. : Ленанд. 400 с.
- Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. (2018) Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования // Когнитивные исследования языка. № 35. С. 44–51.
- Ковшова, М. Л., Орлова, О. С. (2020) Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования // Когнитивные исследования языка. № 2 (41). С. 98–102.
- Кубрякова, Е. С. (2004) Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 462 с.
- Курбатский, Г. Н. (2021) От составителя // Тувинские загадки = Тыва тывызыктар: Литературно-художественное издание / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 157 с. С. 3–6.
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004) Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. М. : Едиториал. 256 с.
- Орлова, О. С. (2022) Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип не прямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М. : Ленанд. 240 с.
- Радбиль, Т. Б. (2020) «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)
- Радбиль, Т. Б. (2021) Предисловие // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / под ред. Л. В. Рацибурской. М. : Флинта. 328 с. С. 3–9.
- Селиванова, Е. А. (2010) Загадка как когнитивно-семиотический феномен в парадигматическом пространстве современной лингвистики // Язык и ментальность. Вып. 5 / отв. ред. М. В. Пименова. СПб. : СПбГУ. 695 с. С. 95–100.

Соколов, Ю. М. (1941) Русский фольклор. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. 560 с.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры». 288 с.

Чеснокова, О. С. (2021) Колумбия в мире испанского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Ленанд. 118 с.

Чеснокова, О. С., Медведева, Е. С. (2022) Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 97–109.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Benavides, H. (2011) El libro de las adivinanzas / presentación y selección de textos Horacio Benavides. Medellín : Sílabas Editores, 110 p.

Fernández V. D. (2020) El español: una lengua viva. Informe 2020. Anuario del Instituto Cervantes. Madrid. P. 17–111.

Langacker, R. W. (1987) Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1: Theoretical Prerequisites. Stanford : SUP. 284 p.

Дата поступления: 01.07.2024 г.

Дата принятия: 06.09.2024 г.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1986) *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo. 444 p. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2024) The yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 125–140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>
- Gachev, G. D. (2019) *The philosophy of life as being*. Moscow, Mir. 711 p. (In Russ.).
- Ivanov, Eu. Eu. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Kara-ool, Ch. A. (2015) Children's verbal games of oral folk art in the traditional culture of Tuvans. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no. 1 (41), pp. 101–105. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 230 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2021) *Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The Anthroponymic code of culture*. Moscow, Lenand. 400 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. and Orlova, O. S. (2018) Riddles about birth: cognitive-linguocultural analysis. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 35, pp. 44–51. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. and Orlova, O. S. (2020) Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (41), pp. 98–102. (In Russ.).
- Kubriakova, E. S. (2004) *Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 560 p. (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore: historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore*. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 462 p. (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2021) From the compiler. In: *Tuvan riddles = Tyva tyvyzyktar: Literary and artistic publication / comp. by G. N. Kurbatskii*. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 157 p. P. 3–6. (In Russ.).
- Lakoff, Dzh. and Dzhonson, M. (2004) *Metaphors we live by*: transl. from Engl. Moscow, Editorial. 256 p. (In Russ.).
- Orlova, O. S. (2022) *Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination. Cognitive and cultural research*. Moscow, Leland. 240 p. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2020) "Samoizolyatsiya" ("self-isolation") as the newest russian cultural concept: cognitive-discursive aspect. *Kommunikativnye issledovaniia*, vol. 7, no. 4, pp. 759–774. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)

Radbil', T. B. (2021) Preface. In: *Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects* / ed. by L. V. Ratsiburskaya. Moscow, Flinta. 328 p. Pp. 3–9. (In Russ.).

Selivanova, E. A. (2010) The Riddle as a cognitive-semiotic phenomenon in the paradigmatic space of modern linguistics. *Yazyk i mental'nost'*, issue 5 / ed. by M. V. Pimenova. St. Petersburg, SPbGU. 695 p. Pp. 95–100. (In Russ.).

Sokolov, Yu. M. (1941) *Russian folklore*. Moscow, The State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of the RSFSR. 560 p. (In Russ.).

Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Teliia, V. N. (1996) *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow, Shkola «Yazyki rus-skoi kul'tury». 288 p. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. (2021) *Colombia in the world of the Spanish language*. 3rd ed. Moscow, Lenand. 118 p. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Medvedeva, E. S. (2022) Lexical and semantic features of Mexican riddles about flora. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 97–109. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Images of Nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish Riddles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Benavides, H. (2011) *El libro de las adivinanzas / presentación y selección de textos Horacio Benavides*. Medellín, Sílabas Editores, 110 p.

Fernández V. D. (2020) *El español: una lengua viva. Informe 2020*. Anuario del Instituto Cervantes. Madrid. Pp. 17–111.

Langacker, R. W. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford : SUP. 284 p.

Submission date: 01.07.2024.

Acceptance date: 06.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.8

Статья

Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии

*Марина Ю. Шингарева, Эльмира А. Орынбетова, Елена С. Мезенцева,
Наталья В. Дмитриук, Галия А. Темирбекова*

Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова, Казахстан

В статье сопоставляются образы мира тувинцев, казахов, русских и англичан, отраженные в соответствующей зоонимной фразеологии и паремиологии. Материалом исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ) и паремиологические структуры (ПС) с зоосемическим компонентом, полученные в ходе сплошной выборки из соответствующих фразеологических словарей и сборников пословиц и поговорок сопоставляемых языков.

Был осуществлен статистический анализ наиболее частотных зоосемических номинаций, совпавших по частоте употребления во фразеологических / паремиологических корпусах четырех сопоставляемых языков. В результате для лингвокультурологического анализа были отобраны пять номинаций животных в составе ФЕ и ПС — конь/аьт/am/horse; собака/ым/um/dog; овца/баран/хой/қой/sheep; волк/бөрү/бөрі/қасқыр/wolf и птица/куш/құс/bird. Новизна исследования заключается в этнокультурологическом сопоставлении зоосемических ФЕ для выявления специфической и универсальной культурной информации о моделях зоосемического культурно-языкового кода в архетипах сознания тувинцев, казахов, русских и англичан.

В результате исследования обнаружено, что в ходе сопоставления зоокомпонентов во фразеологических единицах и паремиях выявляются как общие (кросскультурные), так и этноспецифические модели восприятия животного мира, которые определяют закономерности образной интерпретации окружающих реалий и специфику концептуализации представлений человека о животных в разных культурах.

Ключевые слова: зооним; зоосемическая фразеология; зоосемическая паремиология; архетип языкового сознания; тувинский язык; казахский язык; русский язык; английский язык

Для цитирования:

Шингарева М. Ю., Орынбетова Э. А., Мезенцева Е. С., Дмитриук Н. В., Темирбекова Г. А. Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 110-126. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.8>

Шингарева Марина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: logrus1976@mail.ru

Орынбетова Эльмира Асилтаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: asiltaevna@mail.ru

Мезенцева Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: mez_aiu@mail.ru

Дмитриук Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: nvdmitr@yandex.ru

Темирбекова Галия Азатбековна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: temirbekova.galiya@mail.ru

Reflection of National Worldviews in the Zoonymic Phraseology and Paremiology of Tuvans, Kazakhs, Russians, and Englishmen

**Marina Yu. Shingareva, Elmira A. Orynbetova, Yelena S. Mezentseva,
Natalya V. Dmitryuk, Galiya A. Temirbekova**

South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, Kazakhstan

The article compares the worldviews of the Tuvans, Kazakhs, Russians, and English, as reflected in the respective zoosemantic phraseology and paremiology. The study is based on phraseological units (PUs) and paremiological structures (PSs) containing zoosemantic components, collected through a systematic sampling from the relevant phraseological dictionaries and collections of proverbs and sayings of the compared languages.

A statistical analysis was conducted on the most frequent zoosemantic nominations that appeared with similar frequency in the phraseological/paremiological corpora of the four languages. As a result, five animal nominations were selected for linguistic and cultural analysis within PUs and PSs: horse (kon'/a't/a't/horse); dog (sobaka/y't/ym/dog); sheep (ovtsa/baran/khoy/koy/sheep); wolf (volk/boru/bory/kaskyr/wolf); and bird (ptitsa/kush/kys/bird). The novelty of the study lies in the ethnocultural comparison of zoosemantic PUs to uncover both specific and universal cultural information about the models of zoosemantic cultural-linguistic codes in the archetypes of the consciousness of the Tuvans, Kazakhs, Russians, and English.

The study reveals that the comparison of zoocomponents in phraseological units and proverbs shows both shared (cross-cultural) and ethnospecific models of perceiving the animal world, which determine the patterns of figurative interpretation of surrounding realities and the specific ways of conceptualizing human perceptions of animals in different cultures.

Keywords: *zoonym; zoosemic phraseology; zoosemic paremiology; archetype of linguistic consciousness; Tuvan language; Kazakh language; Russian language; English language*

For citation:

Shingareva M. Yu., Orynbetova E. A., Mezentseva E. S., Dmitryuk N. V. and Temirbekova G. A. Reflection of National Worldviews in the Zoonymic Phraseology and Paremiology of Tuvans, Kazakhs, Russians, and Englishmen. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 110-126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.8>

SHINGAREVA, Marina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: logrus1976@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1866-035X

ORYNBETOVA, Elmira Asiltaevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: asiltaevna@mail.ru

MEZENTSEVA, Yelena Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: mez_aiu@mail.ru

DMITRYUK, Natalya Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: nvdmitr@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8527-0338

TEMIRBEKOVA, Galiya Azatbekovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: temirbekova.galiya@mail.ru

Введение

Зоонимная фразеология, которая является предметом обсуждения в данной статье, объединяет фразеологизмы, в состав которых входят зоонимы, то есть слова и сочетания, образованные от названий животных. При этом понятие *зоонимы* охватывает как анимализмы (термин, обозначающий отличительные признаки животного тела в сравнении с растительным), так и зоосемизмы (метафоричные названия лиц, мотивированные названиями животных) на основе имеющейся между ними генетической связи (Козлова, 2003: 145).

В лингвистических исследованиях названия животных получили различные наименования, в частности, «зооним» у С. Г.-И. Росинене¹, Р. М. Гайсиной², Н. В. Солнцева³, «зоосемизм» — у А. А. Киприяновой⁴, «анималистическая» лексика — у Н. В. Бирюковой⁵, А. В. Буробина⁶, а также «животноводческая», «скотоводческая» и т. п. лексика — у П. Аширова⁷ и В. И. Рассадина (Рассадин, 2011) и др.

Фразеологизмы с названиями животных давно привлекали внимание широкого круга лингвистов; из публикаций последних лет стоит отметить исследование Е. Е. Иванова, Ж. В. Марфиной, О. В. Шкурана, рассматривающее номинации животных в тувинских пословицах и поговорках (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022); частное исследование образа коня в тувинских загадках А. М. Сояна (Соян, 2023); образ волка в казахском фольклоре у Б. С. Сарбасова (Сарбасов, 2016); образ России через зоонимные метафоры в американском медийном дискурсе (Solopova, Nilsen D., Nilse A., 2023), разнообразие охотничьей лексики в языковой картине мира народов Саяно-Алтая Ш. В. Дамбаа и Н. Д. Сувандии (Дамбаа, Сувандии, 2021); работы, посвященные компаративным исследованиям зоонимов в казахском и русском языках С. К. Сансызбаевой⁸; в казахском, русском и английском языках М. Ю. Шингаревой⁹; в английском и турецком Д. М. Марданова¹⁰; исследования, рассматривающие паремии русского языка Е. С. Мезенцевой¹¹; казахского и русского языков Б. Кадырхановой и К. Утегенова (Кадырханова, Утегенов, 2016), английского языка А. В. Егоровой¹²; американского варианта английского языка У. Мийдера (Mieder, 2019) и многие другие.

В нашем исследовании впервые предпринята попытка комплексного анализа общих зоонимов в составе фразеологических единиц тувинского, русского, казахского и английского языков на уровне семантического поля, архетипических образов и культурных ассоциаций, этнокультурной маркированности функций зоонимов, различных социолингвистических факторов и историко-культурного контекста. Мы полагаем, что такой подход позволит воссоздать зоонимную/зоонимическую картину мира лингвокультур и проанализировать, как восприятие одних и тех же животных отразилось в национальных образах мира разных народов, зафиксированных в зоонимической лексике.

¹ Росинене С.-Г. И. Характеристика человека зоонимами в литовском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1978.

² Гайсина Р. М. Переносные антропологические значения зоонимов башкирского и татарского языков в сопоставлении и зеркале русского // Язык: философия, семантика, синтаксис: сб. избр. работ. Уфа: РИД БашГУ, 2008. С. 526–536.

³ Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

⁴ Киприянова А. А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 330–332.

⁵ Бирюкова Н. В. Анималистическая фразеология русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990.

⁶ Буробин А. В. Национально-культурная специфика анималистической фразеологии русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

⁷ Аширов П. Животноводческая лексика в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.

⁸ Сансызбаева С. К. Метафоры-фреквенталии в сфере «животное-человек (на материале русского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001.

⁹ Шингарева М. Ю. Идиоматическая зооконцептосфера и ее отражение в языковой картине мира представителей разных лингвокультурных сообществ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2005.

¹⁰ Марданова Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997.

¹¹ Мезенцева Е. С. Пословичная картина мира в языковом сознании русских: функционирование и трансформация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010.

¹² Егорова А. В. Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (На материале пословично-поговорочного фонда английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006.

Выбор именно данных четырех лингвокультур для сопоставительного исследования мотивирован прежде всего принятой в Казахстане языковой политикой трехязычия — казахский, русский и английский языки в рамках государственной образовательной программы изучаются в школе и в вузах, чем, собственно, обусловлены разработанные нами академические курсы по сопоставительному языкознанию и, в частности, по фразеологии и паремиологии. Добавить к нашим исследованиям материал тувинской лингвокультуры представилось чрезвычайно интересным в плане сопоставления двух родственных тюркских языков для выявления степени их близости и неизбежной специфики: способов отражения в казахском и тувинском языках национальных образов мира, обусловленных практической деятельностью географически разошедшихся этносов — в большей степени кочевой для казахов и охотничьей для тувинцев. Английский язык представляется интересным для сопоставления как «наследник» латыни и самый распространенный сегодня международный язык степенью своего проникновения в русский и оба тюркских языка.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ) и паремиологические структуры (ПС) с зоосемическим компонентом в тувинском, казахском, русском и английском языках, которые были получены в результате сплошной выборки конструкций с компонентом-зоонимом из разных фразеологических словарей (в том числе двуязычных) и сборников пословиц. В частности, в казахском фразеологическом словаре И. Кенесбаева¹ таких фразеологизмов насчитывается 409 единиц; в русском корпусе словаря под редакцией А. И. Молоткова² — 402 ФЕ, в тувинском фразеологическом словаре Я. Ш. Хертека³ и сборнике пословиц и поговорок Б. К. Будупа⁴ — 158, и во фразеологическом словаре английского языка А. В. Кунина⁵ — 645 фразеологических единиц британского английского языка.

Результаты проведенного нами статистического сопоставительного анализа позволили выявить пять наименований животных, нашедших отражение во фразеологии и паремиологии всех четырех языков, но по-разному запечатлевшихся в сознании данных этносов.

Лингвосемантический сопоставительный анализ номинаций зоонимов в составе ФЕ сопоставляемых языков

Проведенный анализ словарей позволил нам составить базу наименований животных в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок тувинского, казахского, русского и английского языков. Так, в тувинском фразеологическом и паремиологическом фонде были зафиксированы следующие зоонимы: *адыг* 'медведь', *алдын-доос* 'павлин', *анай* 'козел', *аң* 'зверь', *арзыллаң* 'лев', *аът* 'конь', *балык* 'рыба', *бодаган* 'верблюжонок', *бөрү* 'волк', *буга* 'бык', *бызаа* 'теленочок', *диш* 'белка', *дилги* 'лиса', *дээлдиген* 'коршун', *инек*, *саар инек* 'корова', *каарган* 'ворона', *кас* 'гусь', *киш* 'соболь', *кулун* 'жеребенок', *курт* 'червь', *куш* 'птица', *күске* 'мышь', *кээрген* 'кедровка', *лама* 'лама', *ал* 'скот', 'табун', *мезил* 'налим', *морзук* 'барсук', *өдурек* 'утка', *пар* 'тигр', *сааскан* 'сорока', *теве* 'верблюд', *тоолай* 'заяц', *хаван* 'свинья', *ховаган* 'бабочка', *хой* 'овца', *чылан* 'змея', *ыт* 'собака', *эник* 'щеночок'.

Для удобства дальнейшего сопоставительного анализа мы составили круговую диаграмму представленности зоонимной лексики в каждом корпусе сопоставляемых ФЕ по четырем языкам, чтобы продемонстрировать, какой объем (степень употребительности) занимают те или иные зоонимы во фразеологической картине мира каждого из сопоставляемых этносов.

Так, в *диаграмме 1* представлена частота употребительности зоонимной лексики в составе фразеологического и паремиологического фонда тувинского языка.

В диаграмме видно, что основная часть ФЕ и паремий тувинцев посвящена коню (30%), далее по частоте употребления зафиксирован зооним 'собака' (11%), затем 'скот' (8%) и 'верблюд' (6%).

¹ Кенесбаев И. Фразеологический словарь. Алматы: Изд-во «Арыс», 2007.

² Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.

³ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975.

⁴ Будуп Б. К. Пословицы и поговорки тувинского народа. Кызыл: Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзеге-ша; Автономная коммерч. организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

⁵ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М., 1984.

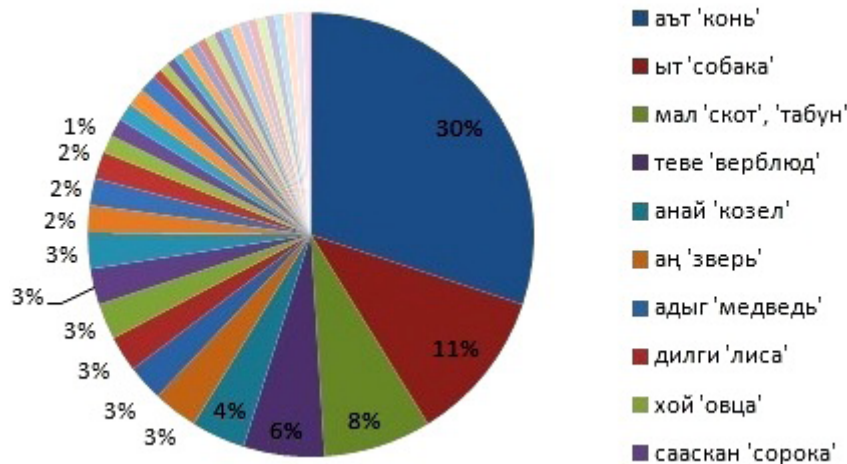

Диаграмма 1. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда тувинского языка.
Diagram 1. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Tuvan language.

Рассмотрим наименования животных, выбранные нами из ФЕ и паремий казахского языка: ай-даһар 'дракон', ара 'пчела', арқар 'архар', арыстан/арыстанның қаншығы 'лев', ат 'конь', аю 'медведь', бақа 'лягушка', балапан 'птенец', балық 'рыба', бидайық 'кречет', бит 'вошь', борсық 'барсук', бота 'верблюжонок', бөдене 'перепелка', бөкен 'антилопа', бөрі/қасқыр 'волк', бұзау 'теленос', бұқа 'бык', бұлбұл 'соловей', есек 'ишак/осел', ешкі 'коза', жылан 'змея', ит 'собака', кекілік 'куропатка', қораз 'петух', күзен 'хорек', кірпі 'еж', көбелек 'бабочка', күшік 'щенок', қаз 'гусь', қарға 'ворона', қасқалдақ 'лысуха', қозы 'ягненок', қой 'овца', қоңыз 'жук', қоян 'заяц', құлан 'кулан', құндыз 'бобр', құралай 'лань', құрт 'червь', құс 'птица', қызғыш 'чибис', қырғи 'ястреб', мал 'скот', мысық 'кошка', өгіз 'вол', сазан 'сазан', сиыр 'корова', суыр 'сурок', сұңқар 'сокол', тай 'жеребенок', тана 'бычок', торғай 'воробей', тоты 'жар-птица', түйе 'верблюд', түлкі 'лиса', тышқан 'мышь', ұлар 'индейка', үйрек 'утка', үкі 'сова', шошқа 'свинья', шыбын 'муха'.

Диаграмма частотности использования зоонимов во всех ФЕ и паремиях казахского языка выглядит следующим образом.

Лидерами по частоте употребления среди зоонимов в ФЕ казахского языка оказались ат 'конь' — 24% и ит 'собака' — 22%, все остальные зоонимы значительно отстают в процентном соотношении по степени употребительности: түйе 'верблюд — 5%', қой 'овца' — 4% и т. д. (см. диаграмму 2).

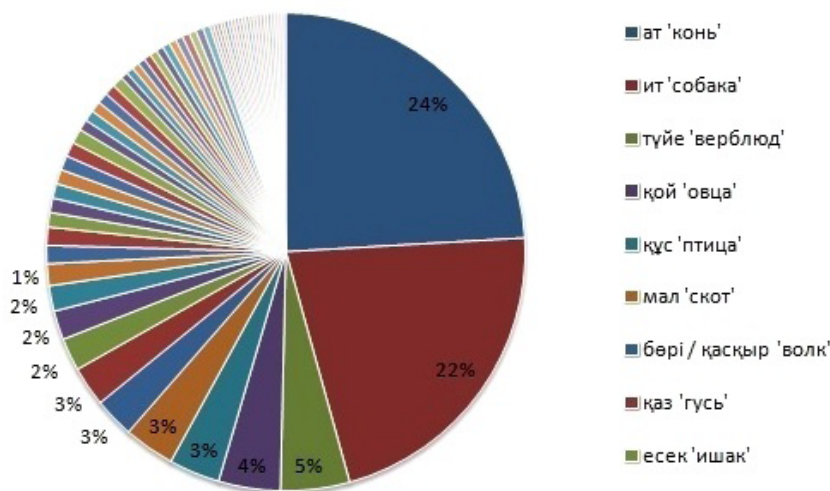

Диаграмма 2. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда казахского языка.
Diagram 2. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Kazakh language.

Обратимся к рассмотрению фразеологического и паремиологического фонда русского языка, отметив зоонимы, нашедшие в нем отражение: *баран, белка, белуга, блоха, бобр, божья коровка, бык/бычок, верблюд, вол, волк, воробей, ворон/ворона, голубь, гусь, дрозд, дятел, еж, жеребенок, журавль, заяц, змея/змий, индейка, индюк, коза, козел, комар, конь, корова, коршун, кот/кошка, котенок, крокодил, кролик, крыса, кукушка, курица, ласточка, лебедь, лев, лец, лиса, лошадь/кобыла, лунь, мартышка, медведь, мерин, муравей, муха, мышь, овца, орел, осел/ослица, пава/павлин, петух, птенец, птица/пташка, птица небесная, рак, рыба, свинья, сельдь, слон, собака/пес, сокол, соловей, сорока, сурок, сыч, теленок/телец, тетерев/тетеря, уж, утка/утенок, феникс, цыпленок, червяк, черепаха, щука, ягненок, ястреб.*

И вот тут при составлении диаграммы частотности ФЕ с зоонимным компонентом нас ждал сюрприз: явных лидеров среди анималистической лексики в составе фразеологизмов и поговорок в русском языковом сознании не оказалось и, тем более, не подтвердились сложившиеся в настоящее время стереотипы, связанные с медведем как сакральным животным русских.

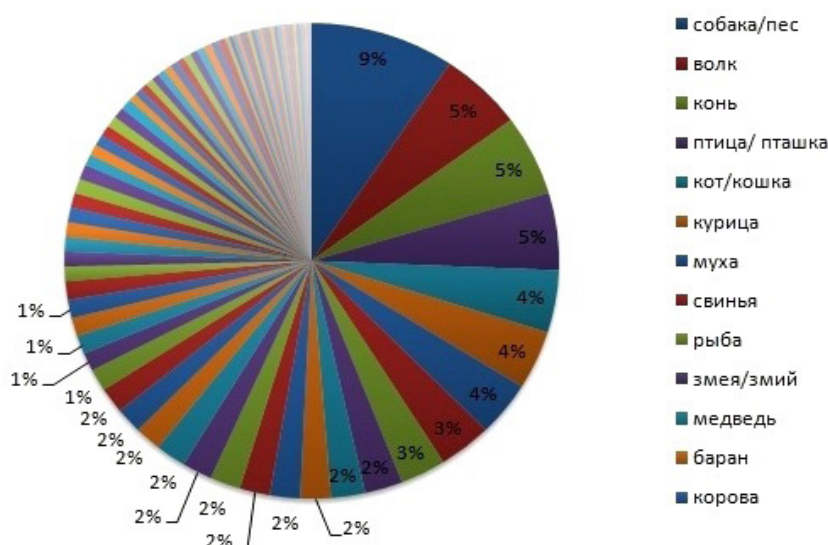

Диаграмма 3. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда русского языка.
Diagram 3. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Russian language.

Как видим в диаграмме 3, наибольший процент востребованности среди разных зоонимов в русском фразеологическом и паремиологическом фонде пришелся на зоокомпонент ‘собака’ (9%), далее следуют ‘волк’ (5%), ‘конь’ (5%), ‘птица’ (5%), а у ‘медведя’ всего лишь 2%. Полагаем, что это яркий пример переключения культурного кода, когда стереотипы, сформированные извне, не нашли отражения в архетипах языкового сознания этноса (в данном случае, русского), но стали частью его современного культурного кода. Так, в своем необычном словаре-учебнике «Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании» его составители В. В. Дронов, В. П. Синячкин, В. И. Шляхов описывают образ «русского медведя» как символ России в Европе:

«В XX веке “русский медведь” был особенно популярен в американских СМИ. В период холодной войны, когда накал отношений между СССР и Западом был особенно велик, образ жестокого, кровожадного медведя широко использовался западными СМИ, «...» содержащими призыв противостоять “русскому медведю”»¹.

Обратимся к содержанию английской выборки зоонимов из фразеологического словаря А. Кунина. Нами были выделены следующие зоонимы в составе фразеологического фонда английского языка: *adder* ‘гадюка’, *ape/monkey* ‘обезьяна’, *ass/donkey* ‘осел’, *bandicoot* ‘сумчатая крыса’, *bat* ‘летучая мышь’, *beast* ‘зверь’, *bear* ‘медведь’, *bee* ‘пчела’, *bird* ‘птица’, *buck* ‘олень’, *bug* ‘жук’, *bull* ‘бык’, *butterfly* ‘бабочка’, *calf* ‘телец’, *camel* ‘верблюд’, *cat* ‘кошка/кот’, *chicken* ‘цыпленок’, *cock* ‘петух’, *coon* ‘енот’, *cow* ‘корова’,

¹ Дронов В. В., Синячкин В. П., Шляхов В. И. Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании : словарь-учебник. М.: РУДН, 2022. С. 26–27.

crab/lobster ‘рак’, crow/raven ‘ворона/ворон’, dodo ‘ископаемая птица додо’, dog ‘собака’, dove ‘голубь’, duck ‘утка’, eagle ‘орел’, eel ‘угорь’, elephant ‘слон’, fish ‘рыба’, flea ‘блоха’, fly ‘муха’, fox ‘лиса’, frog ‘лягушка’, goat ‘козел/коза’, goose ‘гусь’, hare ‘заяц’, hawk ‘ястреб’, hen ‘курица’, herring ‘сельдь’, horse ‘лошадь’, hyena ‘гиена’, kitten ‘котенок’, lamb ‘ягненок’, lark ‘жаворонок’, leopard ‘леопард’, lion ‘лев’, magpie ‘сорока’, mouse ‘мышь’, nightingale ‘соловей’, owl ‘сова’, ox ‘вол’, oyster ‘устрица’, peacock ‘павлин’, phoenix ‘феникс’, pig/hog ‘свинья’, pigeon ‘голубь’, ostrich ‘страус’, possum ‘опоссум’, rabbit ‘кролик’, rat ‘крыса’, sheep ‘овца’, snake/serpent/snail ‘змея/змей’, squirrel ‘белка’, swan ‘лебедь’, tiger ‘тигр’, tortoise ‘черепаха’, wolf ‘волк’, worm ‘червь’, zebra ‘зебра’.

С точки зрения теории культурных стереотипов (Липпман, 2004) и horse ‘лошадь’, и dog ‘собака’ и даже sheep ‘овца’ могли стать лидерами по числу ФЕ с этими зоонимами.

Посмотрим на диаграмму 4.

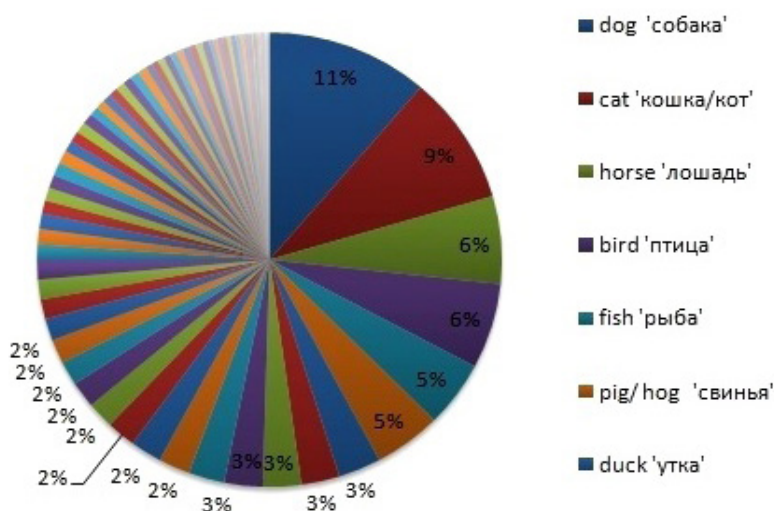

Диаграмма 4. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда английского языка.
Diagram 4. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the English language.

Итак, больше всего английских фразеологических единиц из числа рассматриваемых связано с зоонимом dog ‘собака’ (11%), на втором месте — cat ‘кошка’ (9%), и только потом — horse ‘лошадь/конь’ (6%) и bird ‘птица’ (6%).

Таким образом, опираясь только на количественный анализ ФЕ с зоонимным компонентом, мы можем сделать вывод об очевидной близости зоонимической фразеологической картины мира тувинцев и казахов с их почитанием коня и важной ролью собаки как части быта кочевников и охотников, частичным совпадением с русской культурой, где собака «обогнала» коня по частоте употребления в составе зоонимной фразеологии и паремиологии, и, наконец, совсем отдалены от английско-британской, где зооним ‘конь’ оказался на одном уровне с ‘птицей’ и лишь третьим после ‘собаки’ и ‘кошки’.

В продолжение более детального сопоставительного анализа мы решили проанализировать и сравнить зоонимы, занявшие первые строчки по частоте использования во всех сопоставляемых выборках, и проверить, какие из них совпали во всех четырех языках, или в трех и двух, составив таблицу, где для наглядности обозначили их разными цветами (см. таблицу 1).

Из проведенного анализа видно, что зоокомпоненты, совпавшие во всех четырех языках с высокой частотой использования во фразеологизмах и поговорках — это конь, собака, овца/баран, волк и птица. Сомнение вызвал зооним овца/баран, поскольку русское языковое сознание разделяет эти понятия и в лидеры вышел только зооним баран, но мы сочли возможным включить его в общий список. Зоонимом, совпавшим в трех языках оказалась змея (тувинский, казахский, русский), в английском языке змея тоже представлена, но в лидеры не попала. Близость тувинской и казахской культуры выразилась в использовании зоонимов мал/мал ‘скот’ и теве/түйе ‘верблюд’.

Таблица 1. Совпадение наиболее частотных зоокомпонентов в ФЕ по четырем сопоставляемым языкам
Table 1. The coincidence of the most frequent zoo components in the phraseological unit in four comparable languages

Тувинский язык	Казахский язык	Русский язык	Английский язык
<i>аът</i> 'конь'	<i>ат</i> 'конь'	<i>собака/пес</i>	<i>dog</i> 'собака'
<i>ыт</i> 'собака'	<i>ит</i> 'собака'	<i>волк</i>	<i>cat</i> 'кошка/кот'
<i>мал</i> 'скот', 'табун'	<i>түйе</i> 'верблюд'	<i>конь</i>	<i>horse</i> 'лошадь'
<i>теве</i> 'верблюд'	<i>қой</i> 'овца/баран'	<i>птица/пташка</i>	<i>bird</i> 'птица'
<i>анай</i> 'козел'	<i>құс</i> 'птица'	<i>кот/кошка</i>	<i>fish</i> 'рыба'
<i>аң</i> 'зверь'	<i>мал</i> 'скот'	<i>курица</i>	<i>pig/hog</i> 'свинья'
<i>адыг</i> 'медведь'	<i>бөрі / қасқыр</i> 'волк'	<i>муха</i>	<i>duck</i> 'утка'
<i>дилги</i> 'лиса'	<i>қаз</i> 'гусь'	<i>свинья</i>	<i>ape/ monkey</i> 'обезьяна'
<i>хой</i> 'овца'	<i>есек</i> 'осел/ишак'	<i>рыба</i>	<i>ass /donkey</i> 'осел'
<i>сааскан</i> 'сорока'	<i>тай</i> 'жеребенок'	<i>змея/змий</i>	<i>goose</i> 'гусь'
<i>чылан</i> 'змея'	<i>бит</i> 'вошь'	<i>медведь</i>	<i>sheep</i> 'овца'
<i>бөрү</i> 'волк'	<i>арыстан/ арыстанның қаншығы</i> 'лев'	<i>баран</i>	<i>cock</i> 'петух'
<i>инек, саар инек</i> 'корова'	<i>жылан</i> 'змея'	<i>корова</i>	<i>wolf</i> 'волк'
<i>куш</i> 'птица'	<i>қозы</i> 'ягненок'	<i>лошадь/кобыла</i>	<i>lion</i> 'лев'

- зоонимы, совпавшие в четырех языках,
- зоонимы, совпавшие в трех языках,
- зоонимы, совпавшие в двух языках.

Зафиксированы также совпадения в тувинском и русском корпусе фразеологических зоокомпонентов — это зоонимные пары *адыг — медведь, инек — корова*. Примечательно, что в тувинском языке зооним *корова* представлен двумя лексемами: *инек* 'корова' и *саар инек* 'дойная корова'. Удивительным оказалось совпадение трех зоонимных пар в казахском и английском языках: *қаз* 'гусь' — *goose* 'гусь', *есек* 'осел/ишак' — *ass/donkey* 'осел', *арыстан/арыстанның қаншығы* 'лев' — *lion* 'лев'. И, наконец, совпавшие зоонимные пары в русском и английском языке: это *кот/кошка* — *cat* 'кот/кошка', *свинья* — *pig/hog* 'свинья' и *рыба* — *fish* 'рыба'.

Итак, на основании статистического анализа нами были отобраны для последующего сопоставления пять наиболее типичных номинаций животных, совпавших по степени употребительности в четырех рассматриваемых группах зоонимической фразеологии: *аът/ат/конь/horse*; *ыт/ит/собака/dog*; *баран/хой/қой/овца/sheep*; *бөрү/бөрі/қасқыр/волк/wolf* и *куш/құс/птица/bird*.

Обратимся к лингвокультуроведческому сопоставительному анализу этих зоонимов в составе соответствующих (тувинских, казахских, русских и английских) фразеологизмов и паремий.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов *аът/ат/конь/horse*

Переходя к сопоставительному анализу пяти выбранных нами номинаций животных, остановимся на том, какие именно принципы легли в основу нашего анализа. Оптимальным методом сопоставительного анализа ФЕ мы считаем построение колец Венна (см.: Мамбетова и др., 2023: 118), но поскольку мы работали с большим числом ФЕ и паремий в нескольких языках, нам понадобилось изменить подход в сопоставительному анализу.

В исследованиях Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1999), Л. Б. Никитиной (Никитина, 2004), М. В. Пименовой¹, Е. В. Урысон (Урысон, 2003), А. Д. Шмелева (Шмелев, 2005) присутствует вывод о том, что человек познает окружающую действительность через себя. Фактически понятие 'объективной реальности' остается спорным в кругу философов, психологов и лингвистов, в то время как 'субъективная реальность' выстраивает это восприятие через призму огромного количества факторов — и коллективных, и индивидуальных. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, человек «запечатлел в языке» всего себя — и внешний облик, и мир эмоций и интеллекта, и отношение к окружающей действительности (Арутюнова, 1999: 3). Исходя из этой мысли, мы структурировали категории, по которым будем проводить сопоставительный анализ, по следующим признакам: 1) внешний облик, а именно наличие характерных признаков, деталей, отмеченных носителями определенной лингвокультуры, поскольку именно детализация образа говорит о глубине познания объекта; 2) эмоциональная составляющая, а именно оценочные характеристики, свойства, которыми человек награждает то или иное животное; и 3) объективизация окружающей действительности через образ животного.

В первую очередь рассмотрим образ коня, вербализованный зоонимами *аѣт/ам/конь/horse* в соответствующих лингвокультурах. Особенности анализа данного зоонима связаны с тем, что тувинское и казахское языковое сознание разделяют коня — *аѣт/ам* и жеребенка — *кулун/май*. В русском языковом сознании существуют *конь* — благородное животное и *лошадь* — рабочая сила. Поэтому для чистоты анализа мы используем только коррелирующие зоонимы *конь/аѣт/ам/horse*.

По представленным нами ранее данным (см. *диаграмму 1*) видно, что зооним 'конь' занимает более четверти случаев его использования в отобранной нами сплошной выборке ФЕ и паремий в тувинском и в казахском языках. Исторически конь был главным спутником мужчины-кочевника и мужчины-охотника. Прирученный еще три тысячи лет назад прототюрками в пустыне Гоби конь дошел до Древней Передней Азии и Средиземноморья². Золотой всадник на коне на голубом поле — герб Республики Тыва, два золотых крылатых коня-тулпара украшают герб Республики Казахстан. Конь является значимым животным и для русской языковой культуры, и для английской, но в английской не занимает лидирующего места. Рассмотрим внешние характеристики и детализацию образа коня, присутствующие во всех ФЕ и паремиях исследуемых языков.

В **тувинских** ФЕ упоминается рот животного (*Аѣдының аксы чайлаа* 'Миновать кого-либо, что-либо'; букв.: 'Рот его коня мимо пройдет'); голова (*Аѣдының бажы хаяр* — умирать; букв.: 'Дернется голова его лошади'); пот (*Аѣт дери* — плата за пользование лошастью; букв.: 'Пот лошади'); копыто (*Аѣт дуюу соотпас* — букв.: 'Не давать остыть конскому копыту'); хвост (*Аѣт кудуруу ызыртыр* — не отставая, след в след, сразу наступая на пятки; букв.: 'Хвост лошади кусая'); уши (*Аѣт кулаа көзулбес* — очень темно, не видно ни зги; букв.: 'Не видно конских ушей'); и даже помёт (*Аѣт мыяа кургатпас* — то же, что и *аѣт өдээ кевирбес* — очень часто гостить или бывать где-л.; букв.: 'Не давать высохнуть конскому помету').

Что касается внешних характеристик, то тувинский конь может быть худой (*Аѣды арган* — опаздывающий на угощение, невезучий, неудачливый; букв.: 'Конь его худой'); и не худой (*Аѣды арбаан* — не опаздывающий на угощение, везучий, удачливый, счастливый; букв.: 'Конь его не худой'); упитанный (*Аѣды семис* — букв.: 'Конь его упитанный'); воздушный (*Хей аѣды көдурлур* — букв.: 'Воздушный конь его поднимается' (о настроении)); старый (*Кырган аѣт орук часпас* 'Старый конь не собьется с дороги'); разноглазый («Але» *дээр кижы авыяастыг, ала карактыг аѣт дезиг*; букв.: 'Льстивый человек — лжец, разноглазый конь — пуглив')³.

В паремиях и ФЕ **казахского** языка у коня есть голова (*Ат басын (түмсығын) тіреу*; букв.: 'приткнуть голову коня, сделать привал, остановиться для отдыха'); хвост (*Ат құйрығын кесіп кету*; букв.: 'подрезать хвост коню, стать недругом, раз и навсегда' (расстаться)); круп (*Ат сауырына мінгізу*; букв.: 'посадить на круп коня' (говорится, когда неугодную жену отвозят обратно к родителям); грива (*Ат жалын тартып міну*; букв.: 'сесть на лошадь, взявшись за гриву' — повзрослеть, возмужать, годы (года) вышли);

¹ Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

² Сулейменов О. Собрание сочинений: в 7 томах / сост. и вступ. ст. С. Абдулло. Алматы: Атамұра, 2004. Т. VII. Публицистика. Сколько было Албаний? (Из цикла «Дороги Шелка»). С. 267–284.

³ Примечание: здесь и далее характеристики приведены в произвольном порядке.

уши (Ат кұлағында ойнау; букв.: 'играть на ушах лошади' — лихо скакать на коне, джигитовать); копыто (Ат тұяғы тимеген 'Куда не ступало конское копыто' (куда не ступала нога человека)).

Казахский конь деревянный (Ағаш атқа мінгізу; ағаш аттың басына іліп әкету. букв.: 'Посадить на деревянного коня'); старый (Кәрі тарлан 'Старый скакун; старый конь'); с белым пятном на лбу (Ат төбеліндей; букв.: 'Как белое пятно на лбу лошади' — очень мало); серый (Калденең жүрген көк атты; букв.: 'Встречный путник на сером коне').

Русский конь вороной (прокатить на вороных); саврасый (на саврасой не объедешь); курьерский (на курьерских — быстро, лихо); стальной (стальной конь — паровоз); крылатый (крылатый конь — Пегас); старый (старый конь борозды не портит). Из частей тела у коня упоминаются только ноги (Конь о четырех ногах, да и то спотыкается — каждый может сделать ошибку) и зубы (Дареному коню в зубы не смотрят — подарки не обсуждают).

Английский конь мертвый (Beat a dead horse); высокий (be on high horse), темный (Dark horse), стальной (The iron horse), крылатый (The flying horse 'крылатый конь', Пегас); солёный (Salt horse — морск. жарг.: 'солонина'); маленький (A short horse is soon curried 'Маленькую лошадь быстрее чистить' (легкая работа быстрее делается); и белый (White horses 'белые лошади', барашки, белые гребни бурунов). Из частей тела коня в английских ФЕ встречается рот (Look a gift horse in the mouth 'Смотреть в рот дареному коню', в значении — обсуждать подарок) и спина (Angels on horseback — гренки с устрицами, запеченными в беконе).

Из перечисленных характеристик видно, что восприятие коня в тувинском и казахском языке более детализировано. Конь не просто целостный образ — он состоит из фрагментов, каждый из которых несет дополнительную смысловую нагрузку. В большинстве случаев отношение к коню положительное, но при этом не оказалось ни одной характеристики и даже части тела коня, совпавшей во всех четырех языках.

Далее рассмотрим те немногие оценочные характеристики коня, которые нам удалось выделить в составе ФЕ и паремий.

В тувинских ФЕ конь хороший (Азм багын мунуп билир, төрөл багын кирип билир 'Хочешь узнать хорош ли конь — объезжай, хочешь узнать, какова родня — заезжай') и пропавший (Өлген кижээ читкен азм айтыр 'Покойного хороня, посылают ему пропавшего коня').

В казахских ФЕ конь отборный, непобедимый (Ақ саңдақ жүрік — отборные скакуны); неухоженный (Атты майламай берді 'Дать кому-то неухоженного коня'); пригодный (Жарау ат 'Пригодный конь').

В русских ФЕ конь любимый (Оседлать любимого конька); боевой (Боевой конь); дареный (Дареному коню в зубы не смотрят); послушный (На послушного коня и кнута не надо).

В английских ФЕ конь рабочий (A willing horse); не тот (Back the wrong horse); дареный (Look a gift horse in the mouth 'Смотреть в зубы дареному коню'); боевой (War horse 'Боевой конь', ветеран); дикий (Wild horses wouldn't drag — разг.: 'кого-либо никакими силами не заставишь, не оторвешь').

Концепция «хорошего» коня отражена больше всего у тувинцев и казахов, им важно, чтобы конь был ухоженный, упитанный. Для русских важна масть коня, а вот англичане рассматривают коня только в связке с владельцем: высокий конь — признак высокого статуса, маленький — зато легче ухаживать.

Теперь представим объективизацию реальности через зооним 'конь' во фразеологическом фонде исследуемых языков.

В **ТУВИНСКОМ** языке понятие 'продолжение рода' и 'смерть' выражено через коня: *Аздының бажы хаяр* — умирать (букв.: 'Дернется голова его лошади'). *Азм өлур — баглаажы артар, ада өлур — оглу артар* 'Конь падет — коновязь останется, отец умрет — сын останется'.

Конь в тувинском языке связан с человеческим восприятием видимости (Азм кулаа көзулбес — очень темно, не видно ни зги; букв.: 'Не видно конских ушей'); частоты действия (Азм мыяа кургатпас — то же, что и *азм өдээ кевирбес* — очень часто гостить или бывать где-л.; букв.: 'Не давать высохнуть конскому помету') и расстояния (Азм кудуруу ызыртыр — не отставая, вслед за следом, сразу наступая на пятки; букв.: 'Хвост лошади кусая'). Настроение тувинца тоже измеряется конем: вдохновиться, воодушевиться — *хей азды көдурлур*; букв.: 'Воздушный конь его поднимается'. Печалиться, грустить — *хей азды кудулаар*; букв.: 'Воздушный конь его опускается'.

В **казахском** языке конь связан с восприятием расстояния: *Ат шаптырым Тай шаптырым* (2–3 км) — расстояние, покрываемое лошастью галопом (далеко), и расстояние, которое может преодолеть жеребенок (близко); видимости: *Ат құлағы көрінбейтін ақ боран*; букв.: ‘такой буран, когда не видно ушей лошади’; меры: *Ат басындай алтын*; букв.: ‘Золота, величиной с голову лошади’. И, как и в тувинской фразеологии, в казахской конь тоже символизирует круг жизни: *Ат ұстарың өзіңе тартсын!* ‘Пусть наследник будет похож на тебя!’, *Ат байлады* — ‘Привязать коня’ (сообщить, какого пола новорожденный).

А вот для **русского** языкового сознания конь не является мерой и величиной, не метафоризируется в круге жизни и только некоторые человеческие характеристики вербализируются через ФЕ с зоонимом конь: старый конь — опытный человек, боевой конь — ветеран; сильного, рослого мужчину сравнивают с жеребцом или битюгом. И в этом зооним ‘конь’ во фразеологии русского языка совпадает с зоонимом ‘конь’ в английском языке: *War horse* ‘Боевой конь’, ветеран; *A willing horse* — человек, с готовностью берущийся за что-нибудь, взваливающий на себя всю работу, рабочая лошадка; *Eat like a horse* — отличаться завидным аппетитом.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что животное ‘конь’ играет важную роль в жизни охотников и кочевников. И в тувинских ФЕ, и в казахских ФЕ конь содержит множество деталей, разнообразие характеристик и участвует во всех жизненно важных для человека событиях от рождения до смерти, в то время как в русских и английских ФЕ конь — это символ силы и выносливости в метафорическом значении способ передвижения (путники, воины, торговцы) — в прямом.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов ыт /ит / собака / dog

Рассмотрим зооним **собака**, который оказался ведущим среди ФЕ русского и английского языка и занял второе место во фразеологии казахского и тувинского языка.

Сопоставительный анализ будем проводить по тем же выбранным нами основаниям: 1) внешний облик, фиксация характерных признаков, деталей; 2) эмоциональная составляющая, оценочные характеристики, свойства, животного и 3) объективизация окружающей действительности через образ животного.

Роль собаки в культуре большинства народов мира связана с тем, что это первое прирученное человеком животное.

В тувинской фразеологии находим следующие детали, характеризующие образ собаки *ыт*: голова и шкура (*Ыдының кежин дедир кедер* — букв.: ‘Надевать собачью шкуру вниз головой’; *ыдының кежин кедер* — букв.: ‘Надевать собачью шкуру’, в знач.: упрямиться, артачиться, пятиться назад), а также язык (*Ыт дылы дег* — маленький, мизерный; букв.: ‘Как собачий язык’). Оценочных характеристик собаки в тувинских ФЕ и поговорках не обнаружено.

Зооним *ит* ‘собака’ в казахской фразеологии занимает почти такое же важное место, как и *конь/ат*. Характерными деталями казахской собаки является хвост (*Ауыл итінің құйрығы қайқы*; ирон. букв.: ‘у аульных собак хвост крючком’), помет и шерсть (*Ит боғынан қыл шықпай қалмайды* ‘В помете собаки обязательно найдется шерсть’), сердце (*Ит жүрек* ‘Собачье сердце’ (бесстрашный человек)); *Ит түрткі болды* ‘Собака мордой подтолкнула’ (толчок к чему-либо); душа (*Ит жанды*; букв.: ‘Душа как у собаки’: выносливый, живучий) и шкура (*Ит терісін басына қаптау*; букв.: ‘Надевать собачью шкуру на голову’: сильно бранить кого-либо). Казахская собака может быть белой и черной (*Аузынан ақ ит кіріп, қара ит шығу*; букв.: ‘Из его рта белая собака выходит черной’), синей (*Көк ит* ‘Синяя собака’ (подлый человек)) и красной (*Қызыл итке жем болу*; букв.: ‘Стать кормом красной собаки’: стать чужой добычей).

В русских ФЕ отмечены следующие детали-показатели собаки: ноги (*Нужен как собаке пятая нога*; прост.: нисколько, ничуть, совершенно не нужен) и хвост (*Псу под хвост*; груб.-прост.: 1) впустую, даром, зря, напрасно; 2) не стоит внимания что-либо; заслуживает пренебрежения). Русская собака может быть серой и белой (*Серого кобеля не отмоешь до бела* — человеческую природу не исправишь); комнатной (*Комнатная собачка* — бесхарактерный человек); бредливой и молчаливой (*Не бойся собаки бредливой, бойся молчаливой* — не бойся человека, который много говорит и грозит, бойся того, кто все делает молча, исподтишка); нерезаной (*Как собак нерезаных*; прост.: очень много) и спящей (*Разбудить спящего пса* — озлобить опасного человека).

Среди зоонимов английских фразеологизмах *dog* 'собака' занимает ведущее место, оправдывая стереотипное название Великобритании — «Британский бульдог». У английской собаки есть шерсть (*Take a hair of the dog that bit you*; букв.: 'возьми шерсть собаки, которая тебя укусила'. В знач.: опохмеляться); голова (*Better be the head of the dog than a tail of the lion* 'Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва'); нос (*Dog's nose*; жарг.: 'Собачий нос' (смесь джина с пивом)); хвост (*The tail wagging the dog* 'Хвост виляет собакой' = 'Яйца курицу учат') и блевотина (*The dog returns to his vomit* 'Собака возвращается к своей блевотине' (библ.)). Английская собака бывает черной (*The black dog is on one's back* 'Черная собака на чьей-то спине', в знач.: хандрить, находиться в состоянии уныния); мертвой (*A dead dog* 'Мертвая собака', в знач.: бесполезная вещь); грязной (*A dirty dog* 'Грязная собака', т. е. подлец, грязная скотина, свинья); хромой (*Help a lame dog over a stile* 'Помочь хромой собаке взятый барьер'; в знач.: выручить из беды); живой (*A living dog is better than a dead lion* 'Живая собака лучше мертвого льва' (библ.)); красной (*A red dog* 'Красная собака' = покер (где игрокам сдают семь карт)); морской (*Sea dog* 'Морской волк'); спящей (*Wake a sleeping dog* 'Разбудить спящего пса' (озлобить опасного человека)); повешенной (*Hang-dog air* 'С видом побитой собаки'); старой (*An old dog barks not in vain* 'Старый пес не будет напрасно лаять'); лающей (*Barking dogs seldom bite* 'Не бойся собаки, которая лает'); молчаливой (*Beware of a silent dog and still water* 'Бойся молчаливой собаки и тихого омута') и желтой (*Yellow dog* 'Подлый, трусливый человек, презренное существо').

Подводя промежуточный итог, следует отметить в казахской фразеологии наличие у собаки понятий 'души' и 'сердца' и дуальную природу собаки в русской и английской фразеологии, характеризующуюся бинарными оппозициями *серая — белая*, *молчаливая — брехливая* в русских ФЕ и *dead — living* (мертвая / живая), *barking — silent* (лающая / молчаливая) в английских ФЕ.

Перейдем к рассмотрению оценочных характеристик зоонима собака в четырех исследуемых языках. Прежде всего, следует отметить, что мы не обнаружили оценочных характеристик собаки во фразеологии тувинского и русского языков, а единственной оценочной характеристикой во фразеологии казахского языка было определение *хороший* (*Жақсы ит өлігін көрсетпейді* 'Хорошая собака прячет свою смерть'). При этом, в английской фразеологии оценочные характеристики собаки оказались весьма разнообразны: *умная* (*Clever dog* 'Умная собака, умница'), *скучная* (*A dull dog* 'Скучная собака', т. е. скучный, нудный человек, зануда), *веселая* (*A gay dog* 'Веселая собака', т. е. беспутный человек), *печальная* (*A sad dog* 'Печальная собака', т. е. мрачный, угрюмый человек), *хитрая* (*A sly dog* 'Хитрый пес', хитрец), *неудачливая* (*Under dog* 'Подчиняющаяся, побежденная сторона'), *хорошая* (*A good dog deserves a good bone* 'Хорошей собаке — хорошая кость', т. е. по заслугам и честь), *брезгливая* (*Scornful dog will eat dirty pudding* 'Брезгливой собаке достается грязный пудинг') и *удачливая* (*Top dog* 'Хозяин положения').

Собака играет важную роль в познании человеком мира. Потеря умственных способностей в тувинском языке связана с собакой (*Угаанын ит чикпем*; букв.: 'Ум его съела собака') и потеря сна тоже (*Уйгузун ит чиген* — страдающий бессоницей; букв.: 'Сон его собака съела'); собака является также мерой величины (*Ит дылы дег* — Маленький, мизерный; букв.: 'Как собачий язык').

В казахской фразеологии собака вовлечена в жизненный цикл человека (*Ит көйлекті бұрын тоздырған* 'Собачью одежду раньше сносил' (у казахов первая одежда младенца называется собачьей) в знач.: 1) повзрослел, стал опытным, 2) первая рубашка младенца). Если в тувинском языке показателем достатка является лошадь, то в казахском языке собака — показатель крайней нищеты (*Ит (көзі) көрмес, түтін танымас*; букв.: 'Даже собака не чувствует дыма', в знач.: бедствовать, еле-еле сводить концы с концами. *Ит мініп, ирек қамшылау*; букв.: 'Сесть на собаку и камчу волочить по земле', в знач.: влачить жалкое существование).

В русском языке крайняя степень чего-либо связана с собакой (*Собачий холод* — очень холодно, *Собачья жизнь* — трудная, тяжелая жизнь). Фразеологизм *собачья жизнь* в значении 'несчастливая, тяжелая жизнь' присутствует во всех четырех исследуемых нами языках.

Кроме ожидаемых сравнений поведения собаки с человеком, нашедшее отражение во всех исследуемых языках, англичане связывают с собакой погоду, например, жаркие дни лета (*Dogs days* — знойные, жаркие дни в июле и августе, палящий зной) или проливной дождь (англ. *to rain like cats and dogs* — букв.: 'Дождь идет кошками и собаками' = дождь льет, как из ведра). Еще два фразеологизма (*under dog* — аутсайдер и *top dog* — фаворит, хозяин положения) образуют концептную пару в английском языке, поскольку давно потеряли историческую связь с собачьими бегами, но отражают соревновательный, азартный характер британцев.

Итак, по материалам исследованных фразеологизмов можно сделать вывод, что отношение к собаке в большинстве исследуемых фразеологизмов отрицательное, лишь в единичных случаях человек признает собачью преданность и храбрость.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов хой/қой/овца/баран/sheep

Следующим зоонимом, совпавшим в четырех рассмотренных фразео-паремиологических фондах, стала овца.

Из немногих тувинских ФЕ и паремий можно выделить следующие характеристики. Овца лежащая (*Чыткан хой тургуспас* — смирный, тихий, скромный; букв.: 'Лежащей овцы не вспугнет') и она противопоставлена волку, несовместима с ним (*Бөрүге хой кадартпа, чазыйга хымыш тудуспа* 'Не давай волку овец пасти, не давай поварежки жадному').

В казахских ФЕ и паремиях представлены следующие характеристики овцы: она синяя (*Көк ала қойдай қылу (ету)*); букв.: 'Сделать подобным синей овце', т. е. сильно избить кого-либо); белая (*Ақтылы қой, алалы жылқы*); букв.: 'Белые овцы, пестрые лошади', т. е. стада баранов и табуны лошадей всех мастей); пестрая (*Ала қойды бөле қырыққан жүнге жарымас*); букв.: 'Кто стрижет пеструю овцу отдельно по цвету, тот не получит достаточно шерсти'; старая (*Кәрі қойдың жасындай жасы қалу*); букв.: 'В возрасте старой овцы', т. е. старец, престарелый человек); смирная (*Қойдан қоңыр*); букв.: 'Смирнее овцы', т. е. ничем не приметный, незаметный); хромая (*Ақсақ қой түстен кейін маңырайды*); букв.: 'Хромая овца блеет', после полудня (о том, кто спохватывается с опозданием) и худая (*Арық қойдын бағасы кейін 'Худому барану цена ниже'*). Из частей тела овцы в казахской фразеологии упоминаются рот (*Қой аузынан шөп алмас*); букв.: 'Не вырвет травинки изо рта овцы', т. е. робкий, застенчивый); глаза (*Қой көз*; в знач.: светло-карие глаза) и шерсть (*Ала қойды бөле қырыққан жүнге жарымас*); букв.: 'Кто стрижет пеструю овцу отдельно по цвету, тот не получит достаточно шерсти'.

В казахском мировосприятии время мира и процветания связано с овцой (*Қой үстіне боз торғай жұмыртқалаған (ұялаған) заман*); букв.: 'Время, когда жаворонок на овце несет яйца (гнездится)', т. е. мирное время, счастливая, безмятежная жизнь, благоденствие).

Во фразеологии русского языка характеристики у овцы диаметрально противоположные: она либо заблудшая (*Заблудшая овца*; книжн.: человек, сбившийся с правильного жизненного пути), либо невинная (*Прикинулся невинной овечкой*; разг.: будто ничего не знает, ни в чем не виноват), либо паршивая (*Паршивая овца* — дрянной человек). При этом следует отметить, что характеристики овцы в русской фразеологии взяты из библейских текстов и совпадают с английскими фразеологизмами.

Английская овца черная (*A black sheep* 'Паршивая овца', т. е. позор в семье, негодяй), потерянная (*Lose the sheep for a halfpenny worth* 'Потерять что-либо ценное из-за мелочной экономии'), заблудшая (*Lost sheep* 'Заблудшая овца', т. е. человек, сбившийся с пути истинного) и паршивая (*One scabbed sheep infects the whole flock* 'Паршивая овца все стадо портит'). Из частей тела в английских фразеологизмах упоминаются глаза овцы (*Cast sheep eyes* 'Смотреть на кого-либо влюбленными глазами') и спина (*On the sheep's back*); букв.: 'На спине овцы', т. е. благодаря овцеводству, благодаря торговле шерстью).

В целом образ овцы как послушного, мирного животного, не отличающегося особым умом, прослеживается во всех четырех исследуемых языках.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов бөрү/бөрі/қасқыр/волк/wolf

Неразрывно связан с овцой и зооним волк. В тувинской фразеологии физические характеристики волка отсутствуют, мы знаем только то, что он радуется родной чаше (*Даг көргенде, бөрү омак, даай көренде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, а племянник рад, на дядю глядя') и ему нельзя пасти овец (*Бөрүге хой кадартпа, чазыйга хымыш тудуспа* 'Не давай волку овец пасти, не давай поварежки жадному').

В казахской фразеологии находим следующие характеристики волка: с серой холкой (*Көкжал бөрі*); букв.: 'Волк с серой холкой'; 1. Серый волк (самец), 2. Смелчак.; голодный (*Аш бөрідей*); букв.: 'Как голодный волк') и смелый (*Бөрі бет батылдық* 'Волчья смелость').

Из физических характеристик волка в русской фразеологии присутствуют следующие: серый (*Волк и каждый год линяет, а все сер бывает* — нельзя исправить человеческую природу) и голодный (*Голоден*

как волк). Из частей тела волка отмечены ноги (*Волка ноги кормят* — не позаботишься о себе сам, никто не поможет) и рот/пасть (*Не клади волку пальца в рот* — не рискуй понапрасну). К оценочным характеристикам относятся матерый (*Матерый волк* — опытный, знающий человек), травленный (*Травленный (старый) волк* — человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания), морской (*Морской волк* — опытный моряк).

Русское языковое сознание воспринимает общество, живущее по законам выживания, сравнивая его с волчьим (*Волчий закон* — беззаконие, опирающееся на грубую силу; *Волк волка не съест* — животные одного вида не убивают друг друга).

В **английской** фразеологии волк одинокий (*A lone wolf* ‘Волк-одиночка’), прожорливый (*As greedy as a wolf* ‘Прожорливый как волк’), большой и плохой (*The big bad wolf* ‘Страшный, серый волк’ (шутл.), досл.: большой, плохой волк).

Концепция выживания по праву сильного заложена и в английской фразеологии: *One must howl with the wolves* ‘С волками жить — по-волчьи выть’, *Man is wolf to man* ‘Человек человеку — волк’.

Этнокультурная маркированность зоонима/ов куш/күс/птица/bird

Это первый собирательный зооним, совпавший в четырех языках, хотя в их составе присутствуют и разные виды птиц.

В тувинской фразеологии физические и оценочные характеристики птицы отсутствуют, но тувинцы связывают птичье гнездо с Родиной (*Куш уялыг, кижы чурттуг* ‘У птицы гнездо — у человека Родина’), а дерево, полное прилетевших птиц — с людьми, собравшимися в одной юрте: *Будуктуг ыяшка куш чыгыр, буянныг өгге чон чыгыр* ‘К ветвистому дереву птицы слетаются, к приветливой юрте народ собирается’).

Физические характеристики птицы в **казахской** фразеологии следующие: двухголовая / двух голов (*Кі басты самұрық құс* ‘Двуглавый семург’ (сказочный орел)), перелетная (*Жыл құсындай*; букв.: ‘Как перелетная птица’) и с хвостом (*Аузымен құс (құс құйрығын) тістеген (ілген)*; букв.: ‘Ртом хватающий птицу’ (хвост птицы)). Оценочные характеристики следующие: приносящая богатство (*Дәулет құсы*; букв.: ‘Птица изобилия’ (богатство)), приносящая счастье (*Бақыт құсы* ‘Птица счастья’), душевная (*Көңіл құсы* ‘Душевная птица’, заветная мечта, сердечный друг).

Казахи отождествляют птицу с заветной мечтой, птица улетела — душа осталась без мечты.

Физические характеристики и части тела птицы, выделенные нами в русских фразеологизмах, следующие: синяя птица (символ неуловимого счастья), невелика птица (пренебр. о незначительном человеке) и мала птичка да коготок остер (нельзя судить по внешнему виду). Кроме коготка в русской фразеологии упоминается еще птичье молоко, как нечто крайне редкое. К оценочным характеристикам можно отнести устойчивое сочетание важная птица (человек, занимающий высокое положение), вольная птица/пташка (свободный, независимый человек), птица высокого полета (влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе), птица невысокого полета (человек, не занимающий видного, значительного положения в обществе), обстрелянная/стреляная птица (очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек), райская птица (птица с ярким, красивым оперением), хищная птица (жадный, полный стремления овладеть чем-либо), ранняя пташка (тот, кто просыпается очень рано), худа та птица, которой гнездо свое не мило (плох человек, который не любит свою родину), редкая птица (редкость, диковина) и жить как птица небесная (беззаботно).

В большинстве русских фразеологизмов птица олицетворяется с человеком (*Что это за птица?* Ирон.: Кто это?), с его социальным статусом (*Птицу видно по полету, На птичьих правах*) и общности интересов с другими людьми (*Птицы одного полета*).

В **английской** фразеологии птица мертвая (*A dead bird* ‘Дело верное’), маленькая (*A little bird told/whispered to me* ‘Мне об этом рассказали по секрету’) и заклученная (*Jail bird* ‘Уголовник, закоренелый преступник, рецидивист’). Из частей тела птицы упоминаются перья (*Birds of a feather flock together* ‘Рыбак рыбака видит издалека’).

К оценочным характеристикам зоонима ‘птица’ в английском языке мы отнесли также группу, связанную с мифологией: римская птица (*The bird of Jove / the Roman bird* — орел), июньская птица

(*The bird of Juno* — павлин), *птица Миневры* (*The bird of Minerva* — сова), *райская птица* (*A bird of paradise*), *перелетная птица* (*A bird of passage*), *хищная птица* (*A bird of prey*), *птица Вашингтона* (*The bird of Washington* — американский орел на государственном гербе США), *хитрая птица* (*A downy bird*), *хорошенькая птица* (*A dolly bird* 'нарядная девушка, куколка'), *ранняя птица* (*an early bird*), *веселая птица* (*A gay bird* — весельчак), *queer bird* (человек со странностями), *A rare bird* (редкая птица, редкость, диковина (этим. лат.)), *арабская птица* (*The Arabian bird* — феникс) и *живая птица* (*As live as a bird* 'Живой как птичка').

Как и в русской фразеологии, птица в английских идиомах связана со статусом и интересами человека (*Birds of a feather* 'Люди одного склада'; *A bird may be known by its song* 'Видно птицу по полету').

Если в казахской и русской фразеологии существует связь птицы со счастьем и достатком, то в английской птица может быть предвестником беды (*A bird of ill omen* — человек, приносящий или предсказывающий несчастье, вестник несчастья), а также ассоциируется с потерей сознания/нокаут-ом (*Hear the birdies thing* — быть нокаутированным, потерять сознание).

В качестве обобщения отметим, что зоонимная пара «конь» — «собака», присущая ориентальному языковому сознанию (тувинскому и казахскому), в процессе движения на запад поменяла свой порядок с *конь-собака* в тувинской фразеологии, *конь-собака* в казахской фразеологии, на *собака-волк-конь* в русской фразеологии и *собака-кошка-конь* в английской фразеологии (налицо смена кочевого на оседлый образ жизни).

Зоонимная пара «овца и волк» как модель «жертва — хищник» отражена во всех исследуемых фразеологических системах. Еще одна зоонимная пара *собака-кошка* как вечные враги представлена во фразеосистеме казахского, русского и английского языков, но отсутствует в тувинском языке.

Крылатое выражение 'Троянский конь' в значении «скрытая опасность» был заимствован из греческой мифологии и в казахскую, и в русскую, и в английскую фразеологию, но не представлен в тувинской: это свидетельствует о том, что тувинскому языку в этом контексте удалось сохранить свою уникальность и самобытность, избежав «вливаний» из других, в частности, западно-европейских, языков и культур.

Интересная зоонимная пара 'собака-птица' представлена в нескольких ФЕ казахского языка в значении разных людей, проходимцев: *Ит пен құсқа жем болды*: 1) остаться без погребения, 2) стать добычей для проходимцев (букв.: 'для собак и птиц'). *Ит пен құстың арқасында* 'С помощью собак и птиц' (разных людей).

Заключение

Предпринятое нами сопоставительное лингвокультурологическое исследование показало, что большее количество фразеологизмов и пословиц, включающих в себя зоонимический компонент, еще не является достоверным доказательством степени важности этого животного для жизнедеятельности изучаемого этноса. Надежным обоснованием суждений о степени значимости определенных видов фауны в процессе освоения окружающего мира является восприятие и детализация его (мира) объектов (в частности, определенных объектов животного мира) и сложная структура связей в его освоении/познании, выраженных в лингвокультурах.

Удачным примером, подтверждающим данное суждение, может служить традиционное фразеосочетание *Мен сені жақсы көремін* в казахском языке, означающее «Я тебя люблю», которое дословно переводится как 'Я тебя хорошо вижу'. На наш взгляд, в этой метафорической фразе заключается глубокий смысл способа познания окружающей действительности человеческим сознанием. Данные о любимом, значимом объекте имеют кумулятивный эффект. Они становятся «информацией» только тогда, когда они классифицируются и объединяются с ранее приобретенной информацией, включенной в общую картину мира (Калашникова, 2013: 92). Так, в нашем исследовании выявилось, что важность зоонима 'конь' для тувинца и казаха выражается не только в том, что он численно (по частоте употребления) превосходит остальные зоонимы во фразеологии этих языков, но и в том, что он более конкретизирован, детализирован, то есть наделен всевозможными визуализированными деталями и качествами в сознании этноса; что он вовлечен в сложную структуру когнитивно-концептуальных связей, прочно «вшит» в культурно-языковой код, определяющий этническую принадлежность данного лингвокультурного сообщества.

Предпринятое нами исследование показало также через определение культурно-языковой значимости зоонимической лексики во фразеологии сопоставляемых этносов обусловленность своеобразной степени избирательности проекции их (этносов) собственных характерных черт на поведенческие модели разных животных, в чем отразилась специфика архетипов сознания разных этносов в зависимости от ареала проживания и способов жизнедеятельности.

Нам представляется, что работы в этом направлении вполне перспективны и репрезентативны, поскольку содержат интересный исследовательский потенциал для последующего сопоставительного изучения архетипов языкового сознания разных этносов, отраженных во фразеологическом и паремиологическом фонде их языков. Такой материал привлекателен для исследователей возможностью решения задач о причинах обусловленности специфики и возможной их общности, а также о потенциальных возможностях изменения этого фонда в ходе исторического цивилизационного развития сопоставляемых языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н. Д. (1999) Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик. 896 с. С. 3–11.

Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кадырханова, Б., Утегенова, К. (2016) Паремии с компонентом-зоонимом в русском и казахском языках // Инновации в современной лингвистике: сборник научных статей / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: б. и. Вып. 7. 141 с. С. 60–71.

Калашникова, Л. В. (2013) Когнитивные принципы процесса познания. Метафорическое понимание мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (19). С. 92–94.

Козлова, Т. В. (2003) Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та. 192 с.

Липпман, У. (2004) Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение». 384 с.

Мамбетова, Г. Т., Шингарева, М. Ю., Дмитриук, Н. В., Стычева, О. А. (2023) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом рука как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Никитина, Л. Б. (2004) Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира. Омск: Изд-во ОмГПУ. 148 с.

Рассадин, В. И. (2011) Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. С. 83–90.

Сарбасов, Б. С. (2016) Образ волка в казахском фольклоре // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Т. 160. № 2. С. 183–186.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Урысон, Е. В. (2003) Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры. 224 с.

Шмелев, А. Д. (2005) Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 544 с. С. 133–153.

Mieder, W. (2019) «Time spent wishing is time wasted»: Temporal worldview in modern American proverbs. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 375 p.

Solopova, O. A., Nilsen, D., Nilsen, A. (2023) The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27 (3). P. 521–542. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

Дата поступления: 15.08.2024 г.

Дата принятия: 06.09.2024 г.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1999) Introduction. In: *Logical analysis of the language. The image of a person in culture and language* / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Indrik. 896 p. Pp. 3–11. (In Russ.).

Dambaa, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2021) Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 172–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kadyrkhanova, B., Utegenova, K. (2016) Paremias with a zoonym component in Russian and Kazakh languages. In: *Innovations in modern linguistics: a collection of scientific articles* / ed. by M. V. Pimenov. St. Petersburg, s. n. Issue 7. 141 p. Pp. 60–71. (In Russ.).

Kalashnikova, L. V. (2013) Cognitive principles of the cognition process. Metaphorical understanding of the world. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (19), pp. 92–94. (In Russ.).

Kozlova, T. V. (2003) *Semantics of phraseological units with animal names in modern Russian*. Moscow, MSU Publ. 192 p. (In Russ.).

Lippman, U. (2004) *Public opinion*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation. 384 p. (In Russ.).

Mambetova, G. T., Shingareva, M. Yu., Dmitriuk, N. V. and Stycheva, O. A. (2023) Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Nikitina, L. B. (2004) *Categorical semantic features of the image of homo sapiens in the Russian language picture of the world*. Omsk, OmGPU Publ. 148 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2011) The pastoral vocabulary of the Kalmyk language in comparison with the Turkish-Meskhetian. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 8. Vostokovedenie, pp. 83–90. (In Russ.).

Sarbasov, B. S. (2016) The image of a wolf in Kazakh folklore. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaja*, vol. 160, no. 2, pp. 183–186. (In Russ.).

Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Uryson, E. V. (2003) *Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 224 p. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2005) Spirit, soul and body in the light of Russian language data. In: Zaluzniak A. A., Levontina I. B. and Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 544 p. Pp. 133–153. (In Russ.).

Mieder, W. (2019) *“Time spent wishing is time wasted”: Temporal worldview in modern American proverbs*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 375 p.

Solopova, O. A., Nilsen, D. and Nilsen, A. (2023) The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27 (3), pp. 521–542. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

Submission date: 15.08.2024.

Acceptance date: 06.09.2024.

Татарская литература начала XX века сквозь призму теории Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур

Марсель И. Ибрагимов, Дания Ф. Загидуллина

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация*

В статье проблематизируется вопрос о применимости понятия «ускоренное развитие» к татарской литературе начала XX века. Определяются особенности рецепции татарскими учеными-литературоведами теории ускоренного развития литератур. Сквозь призму гачевской теории ускоренного развития рассматривается ряд произведений известных татарских писателей данного периода: Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Рахима.

Устанавливаются различные способы ускоренного развития: функциональное смещение (на примере поэзии Г. Тукая демонстрируется использование форм средневековой поэзии в новой функции); «скачок» (пьеса Ф. Амирхана «Неравные» анализируется как пример драмы неклассического типа); синтез (на примере повести Г. Рахима «Идель» выявляется потенциал синтетического художественного мышления как фактора ускоренного развития).

Делается вывод о сосуществовании двух тенденций развития в татарской литературе начала XX века: постепенное развитие, с одной стороны, и ускоренное, с другой. В рамках первой тенденции новаторство проявляется как развитие сложившейся в последней четверти XIX века просветительской парадигмы. Вторая тенденция проявляется как «взрыв», «скачок», приводящий к созданию художественных произведений, «опережающих» свое время.

Ключевые слова: ускоренное развитие литератур; Георгий Гачев; татарская литература; Габдулла Тукай; Фатих Амирхан; Гали Рахим; татарское литературоведение

Для цитирования:

Ибрагимов М. И., Загидуллина Д. Ф. Татарская литература начала XX века сквозь призму теории Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 127-137. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.9>

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: mibragimov1000@mail.ru

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: zagik63@mail.ru

IBRAGHIMOV, Marcel Ildarovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Head, Laboratory of Comparative Tatar Studies, G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7805-3167

ZAGIDULLINA, Daniya Fatihovna, Doctor of Philology, Chief Researcher, Literary Studies Department, G. Ibraghimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: zagik63@mail.ru

ORCID: 0009-0000-1651-8347

Tatar literature of the early 20th century through the vision of G. D. Gachev's theory of the accelerated development of literature

Marsel I. Ibragimov, Daniia F. Zagidullina

G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article addresses the applicability of the concept of "accelerated development" to Tatar literature of the early 20th century. It defines the features of the reception of the theory of accelerated development of literatures by Tatar scholars and literary critics. Through the lens of Gachev's theory of accelerated development, several works by prominent Tatar writers of this period are analyzed, including those by G. Tukay, F. Amirhan, and G. Rakhim.

Different modes of accelerated development are identified: functional displacement (illustrated by the poetry of G. Tukay, demonstrating the use of medieval poetic forms in new functions); the "leap" (F. Amirhan's play "Unequal" is analyzed as an example of non-classical drama); and synthesis (the potential of synthetic artistic thinking as a factor of accelerated development is explored through the novella "Idel" by G. Rakhim).

The conclusion is drawn that two developmental trends coexisted in Tatar literature of the early 20th century: gradual development on the one hand, and accelerated development on the other. Within the first trend, innovation manifests as the development of the Enlightenment paradigm that had taken shape in the last quarter of the 19th century. The second trend is seen as an "explosion", a "leap", leading to the creation of artistic works that "outpaced" their time.

Keywords: accelerated development of literature; Georgy Gachev; Tatar literature; Gabdulla Tukai; Fatih Amirkhan; Gali Rahim; Tatar literary studies

For citation:

Ibragimov M. I. and Zagidullina D. F. Tatar literature of the early 20th century through the vision of G. D. Gachev's theory of the accelerated development of literature. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 127-137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.9>

Введение

Процесс переосмысления историй национальных литератур в постсоветское время, преимущественно, продиктован стремлением преодолеть возобладавшую в советском литературоведении установку на их выравнивание, основывающееся на концепте «многонациональная советская литература» (Сафиуллин, 2021: 252–279).

Альтернативой выравниванию национальных литератур стал случившийся после распада СССР «этнокультурный поворот», в результате которого, как пишет К. Султанов, эстетические критерии оказываются на периферии описания происходящих в них процессов (Султанов, 2015: 16). Отсюда — поиск новых идеологических конструктов, подчеркивающих приоритет дискурса идентичности. Примечательна, например, манифестация «идеи азербайджанства» как основы концепции периодизации истории азербайджанской литературы (Габиббейли, 2020: 8).

Очевидно, что подобного рода манифестации обусловлены стремлением отмежеваться от советского наследия и построить современные историко-литературные нарративы в соответствии с новыми идеологическими императивами. В этой связи актуальной становится задача поиска не-идеологизированных теоретико-методологических подходов к историческому развитию национальных литератур, принимающих во внимание опыт их самоописания.

Целью этой статьи является определение эпистемологического потенциала концепции Г. Д. Гачева (Гачев, 1989) об ускоренном развитии литератур применительно к татарской литературе начала XX века.

Отметим, что у теории ускоренного развития литератур в прошлом столетии было немало авторитетных оппонентов. Так, словацкий ученый Д. Дюришин критиковал гачевскую теорию за то, что она унифицирует траектории движения национальных литератур, исключает возможность для литератур, движение которых по тем или иным причинам замедлилось, иметь собственную неповторимую направленность развития (Дюришин, 1993: 48). Концепция Г. Д. Гачева критикуется и отдельными современными учеными, которые считают, что она ведет к «упразднению эстетических критериев, трактовки литературы как системы ценностей» и, в итоге, к их обособлению «от спонтанности и непредсказуемости, столь важных для подлинного творчества» (Султанов, 2021: 56).

В статье решаются следующие задачи: рассматривается рецепция идеи ускоренного развития литератур в татарском литературоведении; анализируются функции средневековой поэзии в творчестве Г. Тукая; на примере пьесы Ф. Амирхана «Неравные» демонстрируется ускоренное развитие татарской драмы, освоение ею неклассического типа художественности; определяются особенности синтетизма в рамках модернистского модуса художественности (на примере повести Г. Рахима «Идель»).

Теоретико-методологическую основу исследования составляет концепция Ю. М. Лотмана, согласно которой две противоположные модели развития — постепенное и взрывное — существуют в отношении обоюдной обусловленности (Лотман, 1992: 18–19). Примечательно, что в лотмановской концепции эти две модели рассматриваются не только как диахронные, но и как синхронные: «Культура как сложное целое составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других» (Лотман, 1992: 25). Очевидно, что гачевское понятие «ускоренное развитие» коррелирует с понятием «взрыв» у Ю. Лотмана: в обоих случаях речь идет об особом, противоположном эволюционному, механизме развития в литературе (Г. Д. Гачев) и культуре (Ю. М. Лотман).

Объектом исследования являются произведения классиков татарской литературы начала XX в. (Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Рахима); предметом — реализующиеся на уровне содержания и формы механизмы литературной эволюции, рассматриваемые сквозь призму идеи Г. Гачева об ускоренном развитии литератур.

Хронологические рамки исследования могут быть обозначены как 1900-е — начало 1920-х гг. В указанный период происходит интенсивное развитие татарской литературы, проявляющееся в многообразии художественных течений, расширении диалогического пространства (в орбиту литературных диалогов, наряду с восточными литературами, вовлекаются русская литература и литературы Запада), появлении большого количества газет и журналов, в которых значительное внимание уделялось вопросам литературы.

В качестве источников выступают написанные в указанный временной промежуток стихотворения Г. Тукая, пьеса Ф. Амирхана «Тигезсезләр» («Неравные»), повесть Г. Рахима «Идель»¹. Выбор авторов обусловлен знаковостью их творчества в истории татарской литературы: это первые величины в татарской поэзии, прозе и драматургии начала XX века.

Рецепция идеи ускоренного развития литератур в татарском литературоведении

Увидевшая свет в 1964 г. монография Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур (Гачев, 1964) не осталась без внимания татарских литературоведов.

---

¹ См.: Тукай Г. Эсәрләр [Сочинения]: 6 томда. Казан: Татар. Китап нәшр., 2011. Т. 1: Шыгыри эсәрләр (1904–1908) (На татар. яз.); Әмирхан Ф. Эсәрләр [Сочинения]. Казан: Мәгариф, 2002 (На татар. яз.); Рахим Г. Сайланма эсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004 (На татар. яз.).

Первым данное понятие было использовано Гали Халитом, опубликовавшем в 1971 г. в журнале «Казан утлары» статью «Тизлэтелгән әдәби үсеш һәм иҗат методлары» («Ускоренное развитие литературы и творческие методы»)¹. В ней ученый сосредотачивает свое внимание на проблеме художественных методов, на примере литературы начала XX в. демонстрируя освоение татарскими писателями за короткий промежуток времени методов, которые на протяжении длительного времени складывались в европейской и русской литературах. Ускоренное развитие татарской литературой в указанный период автор статьи связывает с революцией 1905–1907 гг., обусловившей рост национального самосознания татар.

Г. Халит доказывает, что после 1905 г. в творчестве Г. Тукая, М. Гафури, Г. Ибрагимова формируется романтизм, но наряду с реализмом и романтизмом появляются и иные течения: модернизм, символизм, декадентство. Отметим, что включение исследователем в литературный процесс маргинализированных советским литературоведением явлений было новым для этого периода.

По мнению Г. Халита, источником ускоренного развития татарской литературы в начале XX в. стало интенсивное освоение ею достижений русской и европейской литератур. «Г. Тукай, — пишет ученый, — открывает широкие ворота для усвоения традиций передовых литератур, особенно — эстетических достижений русского и западного мира. В татарской поэзии был заложен фундамент нового эстетического процесса, достойного назваться «синтезом Востока и Запада»» (Халит, 1975: 197). Проявления такого синтеза Г. Халит рассматривает в творчестве Г. Тукая, С. Рамеева, Дардменда, Ф. Амирхана, Ш. Камала, Г. Ибрагимова и др., которые, по словам ученого, обрели свои индивидуальные стили, а татарская литература за сравнительно короткий промежуток времени освободилась от сформировавшегося во второй половине XIX в. просветительско-дидактического мышления и характерных для него способов образного выражения (там же: 200).

Отголоски гачевской концепции ускоренного развития литератур присутствуют в отдельных трудах Р. К. Ганиевой, которая рассматривает созданную в XIII в. поэму средневекового татарского поэта Кул Гали «Кыйсса-и Юсуф» («Сказание о Юсуфе») как произведение «Восточного Ренессанса» (Ганиева, 1988: 172). В отдельных трудах начала 1990-х годов исследовательница расширяет область применения понятия «Ренессанс», интерпретируя некоторые произведения писателей начала XX в. (Г. Тукая, Н. Думави, Г. Исхаки) как образцы художественного мышления «ренессансного» типа (см.: Ганиева, 2002).

В 1990-е годы изучение татарской литературы начала XX века становится одной из магистральных тем. Открытие новых, мало известных читателю поэтов и писателей, «многоликости» (Г. Халит) татарской литературы способствовало теоретическим поискам ученых-литературоведов. Исследователи искали альтернативы теории стадийного развития литератур, нивелирующей представление об их особых путях развития.

В некоторых трудах с помощью концепции ускоренного развития литератур ученые объясняют «скачок», совершенный татарской литературой в указанный период. «В конце XIX — начале XX веков, — пишет известный ученый Ю. Г. Нигматуллина, — татарская литература проходит ускоренный путь развития, следствием чего является параллельное развитие и взаимодействие различных творческих методов...» (Нигматуллина, 1997: 110).

Несмотря на интерес татарских ученых к идее ускоренного развития литератур, она не явилась определяющей в понимании литературного процесса начала XX в. Очевидно, причиной тому стало то обстоятельство, что татарская литература к началу XX в. имела свою многовековую историю, истоки которой — в памятниках древнетюркской письменности, сочинениях Махмуда Кашгари («Диван лугат ат-турк» — «Словарь тюркских наречий», XI в.), Юсуфа Баласагуни («Кутадгу билиг» — «Благодатное знание», XI в.). Гачевская теория в большей степени воспринималась как возможный сценарий развития младописьменных литератур. Примечательна в этой связи критика идеи ускоренного развития с позиций эволюционизма, «предполагающего усложнение авторского мировидения и внутрилитературных функциональных связей, но не объединяющего национальные литературы приглашением в мир тотальной ускоренности» (Султанов, 2021: 56). «Национальная литература, — пишет К. Султанов, — становится на ноги, отличаясь “лица необщим выраженьем”, не

¹ Халит Г. Тизлэтелгән әдәби үсеш һәм иҗат методлары [Ускоренное развитие литературы и творческие методы] // Казан утлары. 1971. № 9. С. 144–166. (На татар. яз.).

столько благодаря внешним социокультурным факторам, которые, разумеется, важны, но в меру, сколько изнутри осознанного самоопределения, самоутверждения, самолегитимации и креативного повзросления, когда ускоренность становится возможной как индивидуальный «акт-поступок» (М. Бахтин) талантливого автора» (там же).

В трудах большинства татарских ученых возобладало понимание литературного движения в категориях традиции и новаторства. Сам характер новаторства — новаторство как результат постепенного развития или как «скачок» (Г. Д. Гачев), «взрыв» (Ю. М. Лотман) — не становился предметом глубоких теоретических рефлексий. Научная новизна данной статьи состоит в проблематизации вопроса о различных путях новаторства в татарской литературе начала XX в. Рассмотрим различные модели новаторства на примере творчества отдельных татарских писателей начала XX в.

Функции средневековой поэзии в творчестве Г. Тукая

Известный писатель и критик Галимджан Ибрагимов в своем опубликованном вскоре после смерти Г. Тукая¹ и ставшем предметом критики многих татарских литераторов труде «Татарские поэты» (1913)² называет первый этап его творчества периодом «Мухаммадии» (по названию популярной среди татар книги тюркского средневекового писателя Мухаммада Челеби (?–1451), известной как «Мухаммадия китабы»).

Татарский литературовед Р. К. Ганиева пишет о влиянии традиции «назира» (в арабской и персидской поэтиках этим словом обозначаются поэтические подражания) на творчество Г. Тукая. Исследователь выделяет в творчестве татарского поэта несатирическое и сатирическое назира. Первое «наполняясь новым материалом, развивает второй план, т. е. оригинал, приблизительно в том же направлении», второе тяготеет к пародированию оригинала (Ганиева, 1964: 42)

В написанных на основе известных средневековых произведений стихотворениях Г. Тукая тексты-источники претерпевают трансформации на уровне модуса художественности. Приведем несколько примеров.

В стихотворении «Голос с кладбища мюридов» (1906) Г. Тукай «отталкивается» от стихотворения татарского поэта-суфия XIX в. Хибатуллы Салихова, которое основывается на традиционном для суфийской поэзии мотиве раскаяния (*тауба*), связанном с представлениями об этапах (стоянках, называющихся по-арабски *макам*) мистического пути суфия к Аллаху. Этот мотив — один из основных в творчестве татарских поэтов-суфиев разных времен: Кул Шарифа, Мавля Кулыя, Умми Камала и др.

Лирический субъект стихотворения Х. Салихова раскаивается в том, что предавался мирским радостям: «*Хабы хурдан, лэззәтәннән гомреми кыйлдым тәләф*» 'Я напрасно истратил свою жизнь на сон, чревоугодие, удовольствия'; «*Күзләдем туй-тамаша, һәзле-һәзьян мәҗлесе*» 'Я смотрел на зрелище, веселые застолья'. Этому образу жизни противопоставляется жизнь праведников: «*Төнлә торган бәндәләр солтан икәндер, белмәдем*» 'Я не знал, что те, кто встают ночью на молитву самые достойные люди'.

В произведении Г. Тукая сохранена форма стихотворения Х. Салихова, но при этом происходит трансформация содержания. Автор обличает ишанов, тормозящих прогресс нации, возвеличивает их критиков: «*Аларга каршы каләм күтәргәннәр – арыслан икән...*» 'Те кто, поднимает против ишанов перо подобны львам...'

Этот же прием используется Г. Тукаем и в стихотворении «Тотса мәскәүләр якаң» («Коль за шиворот тебя возьмут москвиты», 1908). Текст-источником для него стало произведение из популяр-

¹ Габдулла Тукай (1886–1913) — татарский поэт, публицист, прозаик. Автор многочисленных стихотворений любовной, общественной, философской тематики, Г. Тукай вошел в историю татарской литературы как поэт-новатор, приблизивший поэтическую речь к народной. Помимо оригинальных стихотворений, им было создано большое количество переводных произведений из русской (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. Майков и др.) и европейской (Дж. Байрон, У. Шекспир, Г. Гейне) поэзии. Талант Г. Тукая проявился и в области публицистики: работая в издававшихся в Уральске и Казани периодических газетах и журналах («ал-Гаср ал-Джадид», «Фикер», «Уклар», «ал-Ислах», «Яшен»), он публиковал в них статьи на социально-значимые темы.

² Ибраһимов Г. Әсәрләр [Сочинения]: 15 томда. Казан: Татар. китап нәшр., 2019. Т. 6: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1914). (На татар. яз.)

ного сборника, составленного поэтом-суфием Сулейманом Бакыргани (?–1186) и известного как «Бакырган китабы» («Книга Бакыргана»):

*На кыйлырсың, мескин адам,
Тотса Газраил якаң?
Ничек жавап бирерсең,
Тотса Газраил якаң?¹*

Что ты будешь делать, несчастный,
Если Азраил возьмет тебя за ворот?
Как ты будешь держать ответ,
Если Азраил возьмет тебя за ворот?

Тукай сатирически «перелицовывает» средневековый источник. Его стихотворение лишается характерного для оригинала религиозного дидактизма и приобретает сатирическое звучание. Происходит семантическое смещение: высокое содержание средневекового текста профанируется, низводится до знакомой современникам поэта ситуации, когда татарские баи брали займы у московских купцов, но, зачастую, не могли вовремя расплатиться со своими кредиторами.

Еще более очевидно такое смещение наблюдается в стихотворениях «Мөхәммәдиядән» («Из Мухаммадии»), «Дөнья бу, йа» («Сей мир»), «Мактаньшу» («Бахвалы»).

Источниками для этих стихотворений являются тексты средневековых авторов: тюркского поэта Мухаммада Челяби, стихотворение «Дөнья» («Мир») татарского поэта эпохи Казанского ханства Кул Шарифа, стихотворение «Ожмах, тәмуг» («Рай, ад»), включенное в «Книгу Бакыргана».

Например, в стихотворении «Бахвалы» Г. Тукай сознательно снижает высокий статус участников спора. В источнике между собой спорят Ад и Рай, и каждый стремится доказать другому свои преимущества:

*Тәмуг әйтер: «Мән баймын,
Мәндә фиргавен һаман бар».
Ожмах әйтер: «Юк сәндә,
Жәмлә (барча) пәйгамбәр мәндә...»²*

Ад говорит: «Я богат,
У меня вечно пребывает фараон».
Рай говорит: «У тебя нет ангелов,
Они все у меня...»

У Тукая же спорят осел и ишан, и здесь уместно вспомнить высказывание Ю. Н. Тынянова: «Эволюция литературы, в частности поэзии, совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции» (Тынянов, 1977: 293).

Таким образом, одним из путей обновления татарской поэзии в творчестве Г. Тукая становится функциональный сдвиг: популярные у татарских читателей средневековые поэтические тексты (преимущественно, религиозно-дидактического характера) приобретают у него новое содержание, обусловленное идеей необходимости избавления татарской нации от препятствующих ее культурному прогрессу социальных явлений (авторитет ишанов, корысть мулл и пр.).

От классической драмы к неклассической: пьеса Ф. Амирхана «Неравные»

Зародившаяся в конце XIX в. в рамках просветительского реализма татарская драматургия в начале XX в. переживает стремительный рост, применительно к которому уместно говорить как об ускоренном развитии. За короткий промежуток времени в ней появились произведения, соотносимые с высокохудожественными образцами русской драматургии (в первую очередь, комедиографии) XIX века. Речь, прежде всего, идет о драматургии Г. Камала, за которым уже в начале XX в. закрепилась репутация «татарского Островского».

Большинство написанных в начале прошлого столетия пьес татарских авторов основываются на принципах классической драмы. Примечательно, в этой связи, что среди дореволюционных переводов произведений русских драматургов нет основных пьес А. П. Чехова («Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня»), в которых воплотился неклассический тип художественности. А. П. Скафтымов, размышляя о принципах построения пьес А. П. Чехова, обращал внимание на их бессобытийность,

¹ Бакырган китабы: XII–XVIII йөз төрки-татар шагыйрьләре әсәрләре [Книга Бакыргана: произведения тюрко-татарских поэтов XII–XVIII вв.]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. (На татар. яз). Б. 8.

² Там же. Б. 7.

когда «вопреки всем традициям, события отводятся на периферию как кратковременная частность, а обычное, ровное, ежедневно повторяющееся, для всех привычное составляет главный массив, основной грунт всего содержания пьесы» (Скафтымов, 1972: 412–413). В то время, как в дочеховской драматургии в основе драматического конфликта «всегда лежит какой-либо общественно-бытовой порок», а сам конфликт «слагается из столкновения здоровых, честных и чистых человеческих желаний с темной, порочной или злой силой» (там же: 420).

Для татарской драматургии (в том числе, и комедиографии) начала XX в. был характерен классический тип конфликта. Обусловлен он был самим культурно-историческим контекстом: ситуацией столкновения старого и нового мировоззрений. Сторонники сохранения традиционного, основывающегося на религии социально-бытового уклада жизни не принимали идеи поборников обновления татарской общественной жизни и культуры на путях просвещения, светских ценностей.

Татарская комедия, в своих лучших образцах воспроизводя это столкновение, имела, преимущественно, сатирическое направление: в основе ее конфликта в большинстве случаев находился определенный социально-бытовой порок. Впрочем, это суждение, в целом, применимо и к другим жанрам татарской драматургии конца XIX — начала XX в., которая уже в своих первых, созданных в рамках просветительского направления, образцах («Несчастливая девушка» — «Бичара кыз» Г. Ильяси, «В ответ несчастной девушке» — «Рэдде бичара кыз» Ф. Халиди) была, по словам А. Г. Ахмадуллина, «нацеленной на исправление человеческих пороков» (Ахмадуллин, 2012: 8).

В то же время в некоторых пьесах татарских писателей начала XX в. обнаруживается тип конфликта и поэтики, близкий к драматургии А. П. Чехова.

Отдельные татарские исследователи обращали внимание на типологическое сходство пьесы известного татарского писателя начала XX в. Ф. Амирхана¹ «Неравные» с комедией А. П. Чехова «Чайка» (Ахмадуллин, 2012; Сибгатуллина, 1987).

Конфликт в «Неравных» не строится, как в большинстве написанных в начале XX в. произведений, на столкновении «старого» и «нового»: характерное для многих татарских пьес несовпадение взглядов на жизнь «отцов» (Сафы Насибуллина и его жены Салихи) и «детей» (Гумера, Салимы, Рокии) не определяет развитие действия.

Драматическое действие пьесы Ф. Амирхана основывается на ситуации неразделенной любви (Салима влюблена в Абдуллу, но он не отвечает ей взаимностью и в свою очередь испытывает симпатии к влюбленной в Сулеймана Рокие). Это противоречие выступает в пьесе как экзистенциальное, на что указывают звучащие в финале пьесы (в сильной текстовой позиции) слова Салимы: «О, Аллах, зачем ты сотворил людей столь неравными»².

Определяя экзистенциальный смысл концепта «неравенство», Э. Х. Сибгатуллина пишет:

«Из пьесы вытекает глубокое и многогранное содержание понятие неравенства. Неравенство пронизывает все сферы человеческого существования: и социальную, и духовную, и интимную, и национальную. Неравенство человека перед такой жизнью, невозможность реализовать способности, найти применение своим силам в ней — такой вывод из произведения. Каждый человек в чем-то ущемлен (хотя он может и не осознавать этого) и поэтому неравен перед остальными. Таким образом, возникает картина всеобщего неравенства и неблагополучия и, как следствие, рождается мысль о необходимости изменить существующий порядок вещей»³.

¹ Фатих Амирхан (1886–1926) — татарский прозаик, публицист, литературный критик. Написанные в начале XX в. рассказы и повести Ф. Амирхана, благодаря глубине психологического анализа, стали новым словом в татарской литературе. Используя разные приемы психологизма (портрет, пейзаж, внутренний монолог и др.) писатель показывает глубинные душевные процессы в их сложности, противоречивости, что в значительной степени соответствовало открытиям в области психологизма таких мастеров художественного слова, как И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой в русской литературе. Новаторство Ф. Амирхана состояло также в обращении к художественному потенциалу разных литературных направлений: реализма, романтизма, модернизма.

² Амирхан Ф. Әсәрләр [Сочинения]. Казан: Мәгариф, 2002. С. 311 (На татар. яз.).

³ Сибгатуллина Э. Х. Значение русской драматургии в развитии реализма в татарской драматургии начала XX века (На материале творчества Г. Камала и Ф. Амирхана): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1986. С. 15.

Итак, ускоренное развитие татарской драматургии в начале XX в. проявилось не только в освоении татарскими авторами принципов классической драмы, но и появлением отдельных образцов драмы неклассической (чеховской).

Синтетизм как фактор ускоренного развития: повесть Г. Рахима «Идель»

Одной из тенденций литературного процесса начала XX в. является становление модернизма. На его развитие во многом повлияла рецепция татарскими писателями, поэтами современной европейской и русской литератур. Вместе с тем, генетически связанная с восточной литературой, татарская литература и в рамках модернистских поисков обращается к опыту прошлого: философским, художественным течениям, которые возникли в средневековье. К таковым, в частности, относится суфизм, притягательность которого во многом объясняется восходящей к Ибн Араби концепции единства бытия — *вахдат аль-вуджуд*.

О целостности как одной из основ русского модернизма пишет Л. А. Колобаева, отмечая, что в наивысшей степени стремление запечатлеть в образах мир как целое проявилось в символизме (Колобаева, 2000: 289). В русской культуре одной из философских основ идеи целостности стала философия Всеединства В. Соловьева.

В начале XX в. в ситуации социальных и политических катаклизмов, возрастающей энергии энтропии писатели ищут гармонизирующие жизнь начала. Написанная в 1921 г. повесть Гали Рахима¹ «Идел» представляет собой один из вариантов такого поиска.

Главный герой повести — Ильяс — натура артистическая, способная к тонким душевным переживаниям. С самого начала автор вводит в произведение образы искусства, корреспондирующие с душевным состоянием героя: ощущающий наступление осени жизни Ильяс предаётся воспоминаниям о молодости, навеянными романсом П. И. Чайковского на стихи А. К. Толстого, написанными им некогда акварелями, случайно увиденной девушкой, чьи глаза показались герою знакомыми.

В герое повести Г. Рахима чрезвычайно развито эстетическое чувство. Писатель создает образ человека, тонко переживающего красоту природы, одним из символов которой становится Волга:

«Боже, как красива эта Волга! Каждый раз, глядя на нее, я люблюсь ею. Смотри, какую золотую дорожку проложило солнце по ее желто-голубым волнам... Я думаю, в мире нет такой красивой реки, как Волга... Она близка моей душе, вот и за это я ее люблю. Нет, не просто люблю, зачем скрывать, я влюблен, совсем влюблен в нее!»²

В характере Ильяса присутствует и другое начало, истоки которого следует искать в ницшеанстве. Эта противоречивость проявляется в его отношениях с Рабигой.

Любовь к Рабиге — возвышенное чувство, о чем, в частности, свидетельствует восприятие Ильясом имени героини. «Слово “Рабига”, — говорит он ей во время одной из встреч, бессмысленно... “Рабийга” — красивее. От него веет весной...»³. По-арабски, слово *рабига* означает «четвертый», тогда как *рабийга* — «весна».

Вместе с тем Ильясу чужд идеал счастливой семейной жизни, который, по его мнению, разрушает высокое чувство. В ницшеанском духе («Так говорил Заратустра») герой рассуждает о любви как о чувстве, лишаящем человека свободы:

«Если же это чувство выходит за пределы, опутывает человеческий дух золотыми путами, ... вместо наслаждения начинает приносить страдания, то оно должно быть побеждено. Значит, да здравствует

¹ Гали Рахим (1892–1943) — татарский писатель и ученый. В написанных им в начале XX в. рассказах находят отражение модернистские тенденции. Значительный вклад Г. Рахим внес в изучение татарской литературы и фольклора. Написанная им совместно с Газизом Губайдуллиним трехтомная «История татарской литературы» стала концептуальной основой для построения историй национальных литератур других тюркских народов. См.: Рахим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы: Борынгы дәвер [История татарской литературы: Древний период] // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар [Духовное наследие: поиски и открытия]. Вып. 15. Казань: ИЯЛИ, 2022.

² Рахим Г. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. (На татар. яз.). Б. 188-189.

³ Там же. С. 224–225.

ничем не ограниченная свобода! Да здравствует ничем не затуманенный чистый разум! Да здравствует подчиненный сильной воле дух!..»¹

В центральном символическом образе повести — Идели (Волга) — заключено несколько взаимосвязанных смыслов. С одной стороны, Идель — символ прекрасного; с другой, этот образ становится символическим выражением национальной истории, полной трагических коллизий судьбы татарского народа:

«Вот она — наша великая мать Волга — подо мной... Ты ведь когда-то была нашей родной Волгой, зачем оставила своих детей? Зачем нас изгнали с твоих милосердных берегов? Чужие, неродные тебе дети сейчас зовут тебя “Волгой-матушкой”. Доколе ты будешь терпеть это? Ты ведь была нашей матерью, сколько сотен лет растила нас в своих объятиях! Зачем и ты, как судьба, отвергаешь нас, Волга... О мой, бедный народ, я хочу уподобить тебя бескрылым чайкам... Кто же сломал твои сильные крылья?»²

Итак, в повести «Идель» создается картина мира, основывающаяся на идее целостности. Человек в изображении татарского писателя оказывается сопряченным разным кругам бытия: индивидуальная (частная) жизнь, включенность в национальную историю, наконец — сопряченность бытию как таковому.

Синтетизм проявляется и на другом уровне: в повести, с одной стороны, сочетаются приемы романтической и модернистской поэтики; с другой, соединяются суфийская идея возвышенной любви и ницшеанские мотивы. Подобный синтез типологически сближает татарский модернизм с русским и европейским.

Таким образом, повесть Г. Рахима «Идель» — одно из свидетельств ускоренного развития татарской литературы в начале XX в., которая за короткое время осваивает характерные для русского и европейского модернизма принципы создания картины мира и релевантные им приемы поэтики.

Заключение

Проведенное исследование отдельных произведений татарской литературы начала XX в. в свете концепции Г. Гачева свидетельствует о том, что в ней существовали различные механизмы развития: функциональное смещение (опыт использования Г. Тукаем средневековой поэзии); «скачок» (пьеса Ф. Амирхана «Неравные» как пример неклассической драмы); синтез (повесть Г. Рахима «Идель»).

Эвристический потенциал концепции ускоренного развития (в ее преломлении к татарской литературе начала XX в.) состоит в возможности объяснения с ее помощью некоторых явлений, выходящих за рамки литературных тенденций эпохи. С другой стороны, данная концепция перспективна и с точки зрения понимания совершенного татарской литературой в начале XX в. количественного (взрывной рост числа авторов и литературных произведений по сравнению с литературой второй половины XIX века) и качественного (множественность литературных направлений и течений, активизация диалога с русской и европейской литературами) «скачка».

Вместе с тем, мы считаем, что в литературном движении этого времени существовал и другой механизм развития. В обновлении литературы в этот период не менее значим эволюционный путь: многие художественные открытия вырастали из сложившейся в последней четверти XIX века просветительской парадигмы (История татарской ... , 2003).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмадуллин, А. Г. (2012) Татарская драматургия: история и проблемы. Казань : Татарское книжное издательство. 511 с.
- Габбибейли, И. (2020) Литература, время, современность. М. : Художественная литература. 464 с.
- Ганиева, Р. К. (1964) Сатирическое творчество Г. Тукаея. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 84 с.
- Ганиева, Р. К. (1988) Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 172 с.
- Ганиева, Р. К. (2002) Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 272 с.

¹ Там же. С. 266.

² Там же. С. 279–280.

Гачев, Г. Д. (1964) Ускоренное развитие литературы (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М. : Наука. 311 с.

Дюришин, Д. (1993) Межлитературные общности как конкретизация закономерностей мировой литературы // Проблемы особых межлитературных общностей / под. общ. ред. Д. Дюришина. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 263 с. С. 9–63.

История татарской литературы нового времени (XIX — начало XX в.) (2003) / отв. ред. Н. Ш. Хисамов. Казань : Фикер. 471 с.

Колобаева, Л. А. (2000) Русский символизм. М. : Изд-во Моск. ун-та. 296 с.

Лотман, Ю. М. (1992) Культура и взрыв. М. : Гнозис; Издательская группа «Прогресс». 272 с.

Нигматуллина, Ю. Г. (1997) Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань : Фэн. 189 с.

Сафиуллин, Я. Г. (2021) От романтизма к сопоставлению литератур. Казань : ИЯЛИ. 576 с.

Скафтымов, А. (1972) Нравственные искания русских писателей. М. : Художественная литература. 543 с.

Султанов, К. (2015) К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России // STEPHANOS. № 2. С. 10–19.

Султанов, К. (2021) Переоткрывая эволюцию: национальная литература между тавтологией и обновлением // Studia Litterarum. Т. 6. № 4. С. 42–67. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

Тынянов, Ю. Н. (1977) Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука. 577 с.

Халит, Г. (1975) Кешегә һәм чынлыкка мәхәббәт белән [С любовью к человеку и правде]. Казан : Татарстан китап нәшр. 378 б. (На татар. яз.).

Дата поступления: 20.08.2024 г.

Дата принятия: 29.09.2024 г.

REFERENCES

- Akhmadullin, A. G. (2012) *Tatar Drama: history and problems*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 511 p. (In Russ.).
- Gabbibbeili, I. (2020) *Literature, time, modernity*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 464 p. (In Russ.).
- Ganieva, R. K. (1964) *The satirical work of G. Tukai*. Kazan, Publishing house of the Kazan University. 84 p. (In Russ.).
- Ganieva, R. K. (1988) *The Eastern Renaissance and the poet Kul Gali*. Kazan, Publishing house of the Kazan University. 172 p. (In Russ.).
- Ganieva, R. K. (2002) *Tatar literature: traditions, interrelations*. Kazan, Publishing house of the Kazan University. 272 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1964) *Accelerated development of literature (Based on the material of Bulgarian literature of the first half of the XIX century)*. Moscow, Nauka. 311 p. (In Russ.).
- Diurishin, D. (1993) Inter-literary communities as a concretization of the patterns of world literature. In: *Problems of special inter-literary communities* / ed. by D. Diurishina. Moscow, Nauka, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura». 263 p. Pp. 9–63. (In Russ.).
- The history of Tatar literature of modern times (XIX — early XX century)* (2003) / ed. by N. Sh. Khisamov. Kazan, Fiker. 471 p. (In Russ.).
- Kolobaeva, L. A. (2000) *Russian symbolism*. Moscow, Moscow University Publishing House. 296 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992) *Culture and Explosion*. Moscow, Gnozis; Izdatel'skaia gruppa «Progress». 272 p. (In Russ.).
- Nigmatullina, Yu. G. (1997) *Types of cultures and civilizations in the historical development of Tatar and Russian literature*. Kazan, Fen. 189 p. (In Russ.).
- Safiullin, Ya. G. (2021) *From Romanticism to the comparison of literature*. Kazan, IYALI 576 p. (In Russ.).
- Skaftymov, A. (1972) *The Moral Quest of Russian writers*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 543 p. (In Russ.).
- Sultanov, K. (2015) On the issue of the “ethnocultural turn” in the study of the literatures of the peoples of Russia. *STEPHANOS*, no. 2, pp. 10–19. (In Russ.).
- Sultanov, K. (2021) Re-discovering Evolution: A National Literature between Tautology and Renewal. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, pp. 42–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

Tynianov, Yu. N. (1977) *Poetics. The history of literature. Movie*. Moscow, Nauka. 577 p. (In Russ.).

Khalit, G. (1975) *With love for man and the truth*. Kazan, Tatarstan kitap nashr. 378 p. (In Tatar.).

Submission date: 20.08.2024.

Acceptance date: 29.09.2024.

Стратегии конструирования идентичности путешественников — русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского по Монголии

Наталья В. Поморцева, Светлана В. Красильникова, Людмила В. Апакина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Айгерим Э. Эрнисова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Республика Кыргызстан

В статье исследуется проблема конструирования представлений русских путешественников конца XIX — начала XX в. Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского о Монголии и рассматривается роль пространственных образов в осмыслении авторами травелогов собственной идентичности в свете концепции Космо-Психо-Логоса Г. Д. Гачева. Концепция ученого позволяет описать монгольскую культуру как единое семиотическое пространство, аккумулирующее архетипы сакрального ландшафта, национального характера и мышления.

Рассматривается восприятие авторами путешествий в Центральную Азию мифологемного образа невидимой страны Агарты (Пржевальский) и Агарты (Оссендовский), соотносимого в представлениях русских путешественников с широко распространенными легендами Тибета и Индии о стране Шамбала с одной стороны, и о Беловодье в представлениях старообрядцев Сибири — с другой.

Утверждается, что авторы путешествий в поликультурной среде использовали стратегию гибридной или смешанной идентичности. Нарратив о невидимой земле в сочинениях путешественников — это экзистенциальный опыт переживания «своего» и «чужого» пространства. Авторы путешествий демонстрируют открытость при восприятии элементов центральноазиатской культуры и воспринимают её как совместимую с родной.

Ключевые слова: гибридная идентичность; национальный образ; Космо-Психо-Логос; инкультурация; аккультурация; культурная память; монголы; травелог; Георгий Дмитриевич Гачев; Николай Михайлович Пржевальский; Антон Мартынович Оссендовский

Для цитирования:

Поморцева Н. В., Красильникова С. В., Апакина Л. В., Эрнисова А. Э. Стратегии конструирования идентичности путешественников — русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского по Монголии // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 138-153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.10>

Поморцева Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: pomortseva-nv@rudn.ru

Красильникова Светлана Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: mnemozina04@mail.ru

Апакина Людмила Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой диактики Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: apakina-lv@rudn.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна — кандидат филологических наук, заведующая центром русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета. Адрес: 720022, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 44. Эл. адрес: aigerim_ernisova@mail.ru

Strategies for constructing the identity of travelers – Russian nobles N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky in Mongolia

Natal'ia V. Pomortseva, Svetlana V. Krasil'nikova, Liudmila V. Apakina

RUDN University, Russian Federation,

Aigerim E. Ernisova

Kyrgyz Russian Slavic University, Republic of Kyrgyzstan

The article analyzes the construction of representations by Russian travelers of the late 19th to early 20th centuries, specifically N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky, regarding Mongolia. It examines the role of spatial images in the authors' interpretation of their own identities through the lens of G. D. Gachev's Cosmo-Psycho-Logos concept. This theoretical framework allows for a description of Mongolian culture as a unified semiotic space that accumulates archetypes of the sacred landscape, national character, and modes of thinking.

The article explores how these travelers perceived the mythologized image of the invisible land of Agarti (Przhevalsky) and Agharta (Ossendovsky), which Russian travelers associated with widely known legends of Tibet and India about the land of Shambhala on the one hand, and the Old Believers' concept of Belovodye in Siberia on the other.

It is argued that these travel authors, within a multicultural environment, employed a strategy of hybrid or mixed identity. The narrative of an invisible land in their works represents an existential experience of encountering both "self" and "other" spaces. The travelers display openness to elements of Central Asian culture, viewing it as compatible with their native culture.

Keywords: hybrid identity; national image; Cosmo-Psycho-Logos; inculturation; acculturation; cultural memory; Mongols; travelogue; Georgy Dmitrievich Gachev; Nikolai Mikhailovich Przhevalsky; Anton Martynovich Ossendovsky

For citation:

Pomortseva N. V., Krasil'nikova S. V., Apakina L. V. and Ernisova A. E. Strategies for constructing the identity of travelers – Russian nobles N. M. Przhevalsky and A. M. Ossendovsky in Mongolia. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 138-153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.10>

POMORTSEVA, Natalya Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Head, Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: pomortseva-nv@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4224-8138

KRASILNIKOVA, Svetlana Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: mnemozina04@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6157-6677

APAKINA, Lyudmila Vyacheslavovna, Candidate of Pedagogical, Associate Professor of Department of Russian Studies, Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Diactics, RUDN University. Postal address: 10/3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: apakina-lv@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-2595-2641

ERNISOVA, Aygerim Ernisovna, Candidate of Philology, Head, Center of the Russian Language, Kyrgyz Russian Slavic University. Postal address: 44 Chui Av., Bishkek, Kyrgyzstan, 720022. E-mail: aigerim_ernisova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2003-6594

Введение

В русской литературе путешествий сюжет об открытии себя в Другом определяет контуры этнографического дискурса, где «текст становится не только описанием иного места, но прежде всего, определяет зону контакта, в которой люди, географически и исторически разделенные, устанавливают диалог с другой культурой, часто связанный с трудно разрешимым конфликтом» (Castillo, 2006: 276). Другими словами, репрезентация опыта путешественника происходит в смысловом поле межкультурного дискурса как предзаданной жанром травелога области значений событий в пространстве и времени с позиции ценностно-смысловой интерпретации автором (Бахтин, 1996: 148; Слободяник, 2007: 60–67).

С середины XIX в. со стороны Императорского Русского географического общества усиливается интерес к окраинным территориям Центральной Азии, Сибири, Дальнего Востока, Севера. В этот период осуществляются первые этнографические экспедиции русских путешественников Г. Н. и А. В. Потаниных (Потанин, Потанина, 2017), П. К. Козлова (Козлов, 1913) и других исследователей в Центральную Азию, в частности, в Монголию и граничащую с ней Туву (Иргит, 2023; Вайнштейн, 1966: 244). В числе первых появляются этнографические очерки М. В. Зайцева «Краткий очерк Монголии» (Зайцев, 1925), П. Е. Островских «Саянские хищники»¹, Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (Грум-Гржимайло, 1930) и Ф. А. Кона «Экспедиция в Сойотию» (Кон, 2007). Кроме того, этнографические описания быта, языка, мифологии и религиозных верований центральноазиатских народов содержатся в сочинениях Е. К. Яковлева, Н. Ф. Катанова², С. Р. Минцлова, К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной и Ю. Н. Рериха (см.: Четырова, Сахаров, 2023).

Созданные в результате специально организованных экспедиций, данные литературные тексты были написаны в форме путевых дневниковых заметок и включали в себя элементы классического жанра путешествия или травелога. Так, в частности, в них репрезентирован образ Другого через изложение дорожных впечатлений и очерковый тип повествования о быте и нравах центральноазиатских народов (описание сакральных объектов, верования в духов-хозяев гор, синкретизм шаманских верований с буддизмом, ремесла, праздники и т. п.). Концептуальной рамкой очеркового сюжета при этом становится оппозиция «свой — чужой». Она задает движение автора путешествия из «своего» в «чужое» пространство. «Свое» описывается через действия путешественника в этом локусе, а «чужое» репрезентируется через описание символов инокультурного пространства. Таким образом, рассматриваемые этнографические путешествия как жанр содержат и точку зрения Другого (коренного жителя), и оценки стороннего наблюдателя (путешественника), обнаруживая признаки диалогичности. Подчеркнем, что именно эта двойственность и определяет специфику жанра путешествия как метажанровой синкретичной литературной формы, включающей в себя элементы документальных жанров очерка, дневника, автобиографии, делового отчета, исторического рассказа, авантюрных романов (Сорочан, 2024: 31; Эткинд, 2001).

Для нас важно подчеркнуть, что, начиная с середины XIX в., данные литературные и этнографические штудии демонстрируют модели идентичности русского путешественника, естествоиспытателя, ученого, пытающегося открыть для себя и других неизведанные земли Центральной Азии, Дальнего Востока, Севера и их обитателей на границе с Российской империей. Авторы далеко не всегда демонстрируют уважение к традиционной культуре центральноазиатских народов, а термины «иностранцы», «иноверцы» и «туземцы» в значении окраинных народов Российской империи часто употребляют вслед за путешественниками более раннего периода (конца XVIII — начала XIX в.): И. И. Лепехиным, П. В. Засодимским, С. В. Максимовым — в уничижительном, оценочном значении (Грамотчикова, 2012: 103–108; Четырова, Сахаров, 2023).

Таким образом, опираясь на культурные и этнические стереотипы, авторы этнографических путешествий осмысливают историю России и себя в ней через описание впечатлений от контактов с другими народами на границах империи, формируя образы центральноазиатских территорий как экзотической окраины, евроазиатского фронта с позиции визионера, репрезентируя значения, ценности и смыслы «воображаемого пространства» (Anderson, 1991). Нам представляется, что травелоги путешественников расширяют оптику видения пограничных с Россией территорий и яв-

¹ Островских П. Е. Саянские хищники: Рассказы. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.

² См.: Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подгот. текстов, предисл. и комм. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002.

ляются средством формирования новых коммуникационных межличностных практик и моделей идентичности.

В данной статье с точки зрения описания стратегии конструирования этнокультурной идентичности, под которой понимается система репрезентации самоощущенности личности путешественника в единстве исполнения им множества социокультурных ролей с позиции опыта прошлого, настоящего и будущего во времени и пространстве с опорой на структуры памяти (Erikson, 1968; Мамардашвили, 2014; Гуссерль, 2009; Нуркова, 2006), рассматриваются путешествия русских дворян Н. М. Пржевальского и А. М. Осендовского.

В их сочинениях, помимо значимых исторических сведений о монголах, репрезентирован опыт усвоения мифологии рассматриваемой территории Центральной Азии и России. Авторы травелогов воспроизводят мотивы преданий о Шамбале или скрытой от человека стране *Агарти*. Нам важно понять изменения в самоидентификации путешественников по Монголии в свете восприятия преданий о Шамбале (*Агарти*) в связи с историческим контекстом XIX — начала XX в. (колониальная политика Российской империи по отношению к малым народностям и события революции и Гражданской войны в крае). В этой связи мы выдвигаем гипотезу, что отсылка к Шамбале позволяла авторам выдвинуть иную, не имперскую, колонизаторскую по сути, модель осмысления исторического места центральноазиатских народов, в частности, монголов и иного социокультурного мифа с опорой на инаковость культуры другого этноса.

Цель исследования — рассмотреть специфику этнокультурной идентичности авторов путешествий Н. М. Пржевальского и А. М. Осендовского в геокультурном пространстве Монголии, территория которой генерирует новые смыслы, тем самым, пересоздается новый миф фронта в контексте диалога национальных образов мира русской и центральноазиатской культуры в свете концепции Г. Д. Гачева «Космо-Психо-Логос».

Теоретический подход Г. Д. Гачева актуализируется в нашем исследовании диалогического жанра путешествий с их многоголосием этнокультурного разнообразия в свете концепция осмысления ученым национального образа мира народов через единство взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов: Космоса (природы, истории и культуры этноса), Психеи (психического склада этноса) и Логоса (мышления этноса). Данный подход позволяет более полно выявить и описать образно-символический потенциал центральноазиатских территорий, поскольку направлен на изучения образа мира нации, имеющего текстовую природу (Гачев, 2020). Тем самым, методология Г. Д. Гачева плодотворна в междисциплинарном аспекте рассмотрения специфики трансграничного пространства и выявления новых моделей идентичности как авторов травелогов, так и местного населения в аспекте их диалога в коммуникативном пространстве межкультурного дискурса.

Поставленная цель определяет задачи работы: во-первых, сделать обзор исследовательской литературы по проблеме специфики идентичности; во-вторых, описать культурные ассоциации, семантику архетипических образов и смыслов в языковой картине мира русских путешественников в свете рецепции мифологических представлений тувинцев и русских о невидимой Шамбале (*Агарти*); в-третьих, необходимо описать дискурсивные стратегии авторов, их самосознание в контексте социокультурной адаптации к иной культуре на основе аккультурации (вторичной социализации) и инкультурации (символизации «чужой» культуры).

Для анализа мы опирались на тексты указанных авторов в следующих изданиях: «Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии» были обработаны по подлинным его сочинениям М. А. Лялиной с предисловием проф. Э. Ю. Петри (СПб., 1891)¹, повесть-путешествие А. Осендовского «Люди, боги, звери» с предисл. М. Михаловского (М., 2005)².

Теоретико-методологическая основа

Для темы нашего исследования, безусловно, важно выявить модель идентичности, которая выстраивается в путешествиях авторов конца XIX — начала XX в. — А. Осендовского и Н. Пржевальского. Их тексты репрезентируют социокультурный опыт авторского осмысления времени и пространства территории Центральной Азии в форме путешествия.

¹ Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. СПб.: Дивирен, 1891.

² Осендовский А. Люди, боги, звери. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005.

Признавая множественность трактовок понятия «идентичность» (национальная, социокультурная, гендерная, гражданская и государственная идентичности) мы вслед за представителями социального конструктивизма А. Вендтом (Wendt, 1994: 230) и Ф. Крадохвиллом (Kratochwil, 1991: 100–125) считаем, что идентичность — это набор интерсубъективных смыслов, ролей, которые индивид конструирует с опорой на структуры памяти во времени и пространстве с позиции процесса осознания «Я», самоидентичности «Я» в коммуникации с «Другим». С помощью наррации, рассказа в этой связи формируется понятие «Я» и «Мы». Исследование социальных правил и практик, к формам которых можно отнести и рассматриваемые путешествия, необходимо для того, чтобы понять, как функционирует общество на основании общих представлений об объектах и процессах.

В целом, гибкость в подходах к понятию «идентичность» позволяет применять междисциплинарные подходы к выявлению механизмов идентичности как социального конструкта в ходе семиотической интерпретации культурных следов, закрепленных в языковом коде. В свете сказанного важно описать в рассматриваемых литературных формах ключевые слова и заключенные в них концепты: понятия, образы и символы, отражающие национальные идеалы (Степанов, 2007).

Семиотический код (Pierce, 2007; Eco, 2014) при этом играет роль основания социального опыта рассматриваемых авторов (Лотман, 1996; Петров, 2019). Он закрепляется в процессе самоидентификации личности, т. е. осознания человеком собственной этнической соотнесенности с национальной топикой, определения своей социальной роли и конфессиональной принадлежности в процессе семиотической интерпретации культурных текстов традиции — семиозиса¹.

Ключевую проблему понимания функций символа, источники символической интерпретации в национальных культурах рассмотрел филолог и культуролог Г. Д. Гачев. Выдвинутая им концепция «Космо-Психо-Логоса» является весьма эффективным теоретическим инструментом для осмысления национального образа мира и позволяет прояснить истоки культурных реалий, в особенности при перенесении их на иную культурную почву (Гачев, 2020). Модель Г. Д. Гачева «Космо-Психо-Логос» позволяет выявить этноментальные маркеры национальной самобытности, рассмотреть и интерпретировать топоры — языковые формулы, воплощающие в себе национальный образ мира, т. е. «как понимается мир, человек, смысл существования, шкала ценностей, какая логика действует и определяет понятия и поступки» (Гачев, 2020: 6).

Ученица Г. Д. Гачева — З. А. Кучукова отмечает в своем труде, что «ядром карачаево-балкарской концептосферы является пространственный архетип вертикаль (тик, ёр), задающий онтологическую ритмику всей системе объективной и духовной жизни народа. Именно поэтому карачаево-балкарская концептуальная картина мира может иметь больше общих точек соприкосновения с грузинской, осетинской, кабардинской, чем допустим, с турецкой, казахской или тувинской концептосферой» (Кучукова, 2005: 286). Кроме того, проблемы взаимодействия национального и общекультурного рассматриваются в указанном аспекте и в работах У. М. Далгат (Далгат, 1981), Ю. М. Тхагазитова (Тхагазитов, 1999) и др.

Подчеркнем, что для Г. Д. Гачева природа каждой страны — это текст, служащий средством познания и преобразования мира, условием для диалога и самопознания нации через множество знаков культуры (Гачев, 1990: 11). На наш взгляд, методология Г. Д. Гачева, дополненная структурно-семиотическими методами исследования Ю. М. Лотмана (Лотман, 2000), В. Н. Топорова (Топоров, 2003), геопоэтическим анализом текста в трудах В. В. Абашева², А. П. Люсого³, И. Сиды (Сид, 2013) с дискурсно-аналитическим подходом (Шапинская, 2017) позволяет включить в анализ этнокультурной идентичности путешественников экстралитературные факторы, значимые в семиотизации трансграничного пространства. Так, горные и степные ландшафты в текстах формировали визуальные доминанты центральноазиатских территорий, а мифы, легенды и предания, в свою очередь составляли основу эмоционального нарратива, который закреплял в сознании читателей травелогов символические доминанты тюркских народов и способствовал их дальнейшему закреплению и развитию в поликультурном пространстве Европы и Азии.

¹ Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024.

² Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь, 2012.

³ Люсий А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003.

Важно отметить, что в свете концепции Г. Д. Гачева этноментальные маркеры, закрепленные в знаковых фигурах и событиях в текстах национальных мифов, преданий и легенд, хранимых народной памятью, выявляются в контексте взаимодополняемости трех уровней национального мира: *Космоса* — местной природы, *Психо* — души Психеи, характера народа и *Логоса* — склада мышления (национального мышления). При помощи концепта «Космософия» ученый исследует идеи, которыми Природа наделяет человека в зависимости от географии места: например мировое древо германцев *Stammbaum*, где «штамм» задает осевую опору вертикали, а само родовое древо «читается по модели Дома», а *bauen* — «строить», «созидать», а в плоскости польской модели того же Древа «ЛИСТВА важнее ствола». Тогда как в России не одиночное древо, но «Лес» будет моделирующим, и в русском сознании богатство леса противопоставлено отдельному дереву, связанному с мотивом сиротства. Другим примером может являться сравнение казахского логоса с русским. У казахов много внимания уделяется общению, больше времени тратится на встречи, гостей, разговоры, отсюда «цепкая память», т. е. «кто в каком веке и в какой ситуации что сказал, помнится и поется, и передается и ныне, так что не надо записи и книг» (Гачев, 2020: 136). Русский же логос — «молчаливо-стеснительный, русский человек сам трудится наедине с землей и лесом, ограничен ВЕРТИКАЛЬЮ, тогда как казах — притянут ГОРИЗОНТАЛЬЮ переплетения родовых отношений, он разговорчив» (Гачев, 2020: 156). Таким образом, реальное пространство, как отмечает ученый, наполняется в исторических, философских и художественных нарративах мифопоэтическими и историко-философскими смыслами, создающими «возлюбленную непохожесть», представление о Другом и его мире, как о самобытном инструменте в оркестре человечеств., что является важнейшим онтологическим принципом существования наций в эпоху глобализации.

В рассматриваемых травелогах русских дворян Пржевальского и Оссендовского реконструируется древний миф о невидимой стране как иномирном пространстве скрытого духовного знания, который являлся для путешественников инструментом для аргументации собственных авторских стратегий осмысления другого этноса и себя в коммуникации с ним. Через усвоение мифов, формирующих основу этнической идентичности монголов, авторы вступали в коммуникацию с иной культурной традицией (буддизм, шаманизм, тэнгрианство) и не только сами расширяли межкультурные знания, но и приобщали широкий круг русских читателей к этнокультурным знаниям о других центральноазиатских народах и вызывали чувство уважения к ним.

В контексте анализа этнографических по своей стилистике путешествий по Центральной Азии Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского методологические принципы анализа Г. Д. Гачевым этнографического уровня культуры: быта, дома, одежды, пищи представляются нам актуальными в свете процесса национального семиозиса. Так, с помощью древнего натурфилософского кода 4-х стихий — «Небо», «Воздух», «Огонь», «Вода» ученый декодирует информацию, заложенную в глубинных пластах традиционной культуры, и структурирует социальный контекст (Гачев, 1988: 17). В последнем, например, телесное (пища) переходит в духовное и проявляется смысл религиозных праздников с традиционными пищевыми предписаниями и запретами, в чем, по мысли ученого, проявляется забота о сохранении генетического здоровья нации.

Кроме того, поскольку идентичность основана на памяти и воспоминании о прошлом, для настоящего исследования также было важно понять механизмы коллективной памяти, хранящей «образы воспоминаний» (Хальбвакс, 2005: 8) о важных событиях, которые Я. Ассман называет «фигурами воспоминания». Попадая в коллективную память, они становятся элементами идейной системы данного общества, данной группы (Ассман, 2004: 95). Специфика «фигур воспоминания» определяется тремя признаками: отнесенности к конкретному времени и пространству, отнесенностью к конкретной группе и воссозданием как специфическим для них способом действия. Все они присутствуют в анализируемых нами текстах путешествий.

Однако рассматриваемые нами этнографические тексты путешественников сохраняют и так называемую «память жанров» русской традиционной культуры, транслирующими ценности и установки. В данном контексте Бахтин рассматривал жанр как «представителя творческой памяти», способным обеспечить единство и непрерывность в процессе литературного развития. Жанры, как и слова, переключаются со старыми контекстами, позволяя нам говорить также о жанровых гибридах. Память слова и память жанров, используемая авторами такой синкретичной литературной формы, как путешествие, включающей в себя элементы документальных жанров, сохраняется в их формальных и смысловых элементах, наполняющихся при этом новым содержанием и новым смыслом. В этих

литературных текстах ощущаются другие тексты, то есть они «помнят» памятники прошлого, вступая с ними в новый диалог. В этом смысле к ним, безусловно, можно применить термин «текст памяти», аккумулирующий другие тексты и являющимся гипертекстовой структурой, в рамках которой и проявляется модель множественной или гибридной идентичности в межкультурном диалоге, по М. Бахтину (Бахтин, 1979: 320).

Кроме того, анализируя специфику конструирования идентичности авторов рассматриваемых путешествий важно обратиться к известным концепциям множественной или гибридной идентичности, постулируемых в работах М. Тлосгановой и Г. Ансальдуа. В работе «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века» М. В. Тлосганова в рамках мультикультурной парадигмы рассматривает дискурс культурного многообразия в литературе США (Тлосганова, 2000). Вывод исследовательницы о процессе формирования американской множественной идентичности в результате отчуждения от «чужого», того, что не является «своим» и должно быть исключено из воображаемой культуры, совпадает с теорией Ж. Лакана о визуальной идентичности человека, данной в зеркальном отражении другой личности. Субъект при этом соотносит свое представление об идеале с Другим, которого он либо копирует, либо вступает в конфликт (Лакан, 1997). По мнению исследовательницы, у современного человека, лишенного корней, («культурного мигранта», «символического кочевника») появляется расщепленная идентичность, что само по себе внушает надежду на путь к обретению целостности (Тлосганова, 2006: 11).

Взгляд Г. Ансальдуа на феномен пограничной субъективности между миром западным и незападным сосредоточен на локусе транскультурации, в котором рождаются новые парадигмы и смыслы видения себя и других. Здесь исследовательница не соглашается с традиционными моделями интеграции и аккультурации и пытается осмыслить мир другой культуры не как зрелище, что характерно для западной культуры, но как отдельный голос пишущего и думающего субъекта. Идентичность личности при этом находится в зазоре между разными типами культур и пересоздает свое «Я». Так, Г. Ансальдуа предлагает «жонглировать культурами», обитая в плюралистичной вселенной, создавать новый способ познания и оценки себя и окружающего мира» (Anzaldúa, 1987: 3).

С этих позиций рассматриваемые концепции множественной, гибридной идентичности дополняют методологические принципы концепции Г. Д. Гачева и оказываются продуктивными для исследования указанных нами травелогов в аспекте выявления и описания стратегий конструирования идентичности их авторов.

Обращение рассматриваемых авторов к древней мифологеме Шамбалы или *Аггарти* — горной страны, где живут мифические существа и которая скрыта от людей, позволяет рассматривать текст преданий в путешествиях Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского как «фигуры воспоминаний» (Ассман), а также выявить их символический смысл с позиции конструирования идентичности авторов.

В данном аспекте путешествия Н. М. Пржевальского еще не становились предметом историко-культурного и шире — семиотического анализа, хотя исследователи активно обращались к изучению его путешествий в этнографическом аспекте. Что касается путешествия А. М. Оссендовского, то оно не становилось предметом филологических и семиотических исследовательских описаний.

Архетипические образы в путешествии Н. М. Пржевальского

Благодаря деятельности крупного учено-географа П. П. Семенова-Тян-Шанского в восьмидесятых годах XIX в. были организованы десятки экспедиций в Центральную Азию, в том числе при его прямом содействии были организованы четыре экспедиции Николая Михайловича Пржевальского и его сподвижников в данный регион. Из пройденных 33 288 километров пути Н. М. Пржевальский произвел съемку около 20 тысяч километров местности на карту, составил большое количество описаний флоры и фауны территории и оставил дневниковые записки о событиях в экспедиции, которые раскрывают личность Пржевальского как патриота своей страны, человека толерантного, гуманного, готового защитить и помочь местному населению, даже рискуя своей жизнью. Это подтверждают и слова А. П. Чехова о нем, как о человеке, являющимся нравственным образцом общества¹.

Чехов А. П. Н. М. Пржевальский // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1979. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. С. 236.

Мы в данном исследовании обращаемся к изданию его путешествия по рукописным дневникам 1892 г. в Санкт-Петербурге¹.

Анализируемое путешествие интересно как литературный опыт встречи русского путешественника с ландшафтом Центральной Азии. Травелог Н. М. Пржевальского был создан в результате литературной обработки его экспедиционных дневников за 1872, 1876 и 1883 гг., содержащих очерковые заметки об экономике, образе жизни и нравах местного населения. Подчеркнем, что Н. М. Пржевальский в своих трудах уделял большое внимание легендам и преданиям народов Центральной Азии. Он считал их ценным источником информации о культуре, истории и мировоззрении местных жителей.

Повествовательный стиль травелога является очерковым, поскольку наблюдения и размышления самого автора группируют вокруг нарратора всю сумму описываемых фактов. Очерковую природу жанра путешествия и авторские интенции помогает понять вступительное слово самого автора, где он пишет:

«В страшной дали от родины, среди людей, чужих нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили трудности и опасности, горе и радости. И до гроба сохраняю я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили, как нельзя более, весь успех экспедиций»².

Здесь присутствует жанровая интенция путешествия вордсвортианского типа, в сценарии которого путешественник гордо шествует по пути страданий, странствуя по труднодоступным регионам, он подчас по мировоззренческим причинам (служба интересам Российской империи) принимает дискомфорт и экстремальные условия, пропагандируя моральные ценности. Анализ концептосферы сочинения Пржевальского показывает, что в языковой картине мира автора значимым концептом являются концепты «Родина», «Чужбина», «Семья».

Н. М. Пржевальский записал множество легенд, услышанных им от кочевников, охотников и местных жителей. Среди наиболее известных представлена легенда о происхождении монголов, в частности, о том, что монголы произошли от союза серого волка и белой лани. Эта легенда объясняет тотемное почитание волков у монголов и их веру в происхождение своего народа от священных в их культуре животных.

Другие записанные Н. М. Пржевальским легенды повествуют о Священной горе Хан-Тенгри и о происхождении озера Иссык-Куль. В частности, Пржевальский вставил в повествование легенду о том, что Священная гора Хан-Тенгри является обителью богов. Легенда повествует о том, как боги спустились на землю с этой горы и принесли людям знания, культуру и цивилизацию; а в записанной им другой легенде о происхождении озера Иссык-Куль сообщается, что озеро Иссык-Куль образовалось из слез прекрасной девушки, оплакивавшей смерть своего возлюбленного. Согласно легенде, слезы девушки заполнили долину и образовали озеро, которое до сих пор сохраняет соленый вкус.

Однако именно легенда о подземном царстве *Агарты* была записана Пржевальским дважды в путешествиях за 1876 и 1883 гг. ученого по территории Монголии.

Автор записал рассказы о подземном царстве *Агарты*, где обитают мудрецы и святые. Согласно легенде, страна *Агарты* связана с поверхностным миром через пещеры и подземные ходы, и ее жители время от времени выходят на поверхность, чтобы помочь нуждающимся людям.

В главе 3 своего Путешествия автор так описывает эту мифическую страну:

«По общему поверью всех монголов, на северо-западе от хребта Боро-Хоро и к юго-западу от озера Куку-нор существует таинственное подземное царство Агарты, называемое также иногда Шамбалой или Эргликом. Монголы верят, что там обитают мудрецы и святые, которые находятся во главе всех буддийских монастырей и имеют сношения с небом. Многие монголы утверждали мне, что они сами видели царя Агарты, выезжавшего на белом коне из подземелья, чтобы объезжать свои владения. По их словам, жители Агарты выше ростом обыкновенных людей, очень красивы и живут чрезвычайно долго»³.

¹ Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. СПб.: Дивирен, 1891.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 99.

Пржевальский описывает основные мотивы легенды о подземном царстве *Агарти* и сообщает ее координаты: она находится на северо-западе от хребта Боро-Хоро и к юго-западу от озера Кукур-нор. Мотив небесных покровителей представлен так: в *Агарти* обитают мудрецы и святые, которые руководят буддийскими монастырями и общаются с небом. Мотив необычной силы мифологических персонажей реализован в указании на сверхъестественные способности жителей, такие как: долголетие, высокий рост и физическая сила.

Легенда об *Агарти* широко распространена среди народов Центральной Азии и является частью их культурного и религиозного наследия. Известно, что образ невидимой подземной страны в представлениях монголов, исповедующих буддизм в форме ламаизма с XVIII в., соотносится в сочинениях путешественников с широко распространенными легендами о стране Шамбала¹ в Тибете и Индии (Andersen, 1997).

Данный комплекс мотивов представлен во множестве легенд горных народов Востока и Азии. Внутреннее пространство Горы в их сознании — священное пространство со всеми особенностями сакральных феноменов. Рациональное начало неотделимо в сознании жителей от иррационального: желание встречи с самими Владыками гор, небесными покровителями божественного происхождения и получение от них всевозможных материальных благ.

Что касается русской традиционной культуры, то схожий мотивный комплекс зафиксирован в легендах о Беловодье, Белом острове, таинственной земле обетованной, полной чудес в представлениях старообрядцев Сибири. Легенда о Беловодье была также зафиксирована археографическими экспедициями АН СССР в Восточном Казахстане и в долинах верхнего Енисея (Чистов, 2003; Савоскул, 2011).

Таким образом, предание о невидимой стране *Агарти* в контексте нарратива Н. М. Пржевальского свидетельствует о том, что автору было важно было показать представления коренных народов Центральной Азии о себе, о мире и своем месте в нем. Соприкосновение с иной культурой демонстрирует стратегию смешанной или гибридной идентичности, поскольку автор, с одной стороны, демонстрирует в ходе аккультурации взгляд на жителей края как на дикие, далекие от цивилизационных успехов Европы, народы, называя их «туземцами». А с другой (в ходе символизации чужой для автора культуры в акте инкультурации) — он проявляет устойчивый интерес к национальному образу мира монгольского народа, выявляя пространственный архетип духовной культуры монголов (по Г. Д. Гачеву) — подземную страну, что иллюстрирует дважды встречаемый текст легенды об *Агарти* в рассматриваемом тексте. Мифоритуальное пространство подземной страны выступает в нарративе Пржевальского как чужой локус, но сохраняет положительную коннотацию, так как связано с идеей справедливости и защиты простого человека верхними богами в монгольской национальной картине мира и идеей земного рая в хорошо известных автором легендах о невидимом граде Китеже, транспонированной старообрядцами в легендах о Беловодье. Египтолог Я. Ассман называет подобные тексты «топографическими текстами культурной памяти», которые не только припоминаются, но и воссоздаются (Ассман, 2004: 63).

В травелогe Пржевальского эти символические «фигуры воспоминания» репрезентируют образ Другого, представляя особенности самосознания жителей и помогая автору определить, переосмыслить Свое место в открываемой им мире самобытной культуры. Не случайным нам представляется тот факт, что в сознании ученого-путешественника образ удваивается: пребывание на чужбине рассматривается как лиминальное состояние «смерти», ужаса перед непознанным, поэтому легенда об *Агарти* «будоражит» сознание путешественника. Вследствие глубокого проникновения в иную культуру в ходе символизации пространства в результате социокультурной адаптации происходит не просто приспособление автора травелога к «чужому» миру, но этот мир становится «своим» (Поморцева, Красильникова, 2023). Доказательством этому служит желание Н. М. Пржевальского похоронить его в окрестностях о. Иссул-Куль, которое стало для него второй родиной и местом упокоения.

¹ См. о Шамбале: Tenzin Gyatso, the Dalai Lama (1989) *The Kalachakra Tantra. Rite of initiation / The text itself*, edited, translated, and annotated by J. Hopkins. London: Wisdom Publications. P. 20.

² Осендовский А. Люди, боги, звери. М.: Язуа, ЭКСМО, 2005.

Архетипические образы в путешествии А. М. Оссендовского

Путешествие Антона Мартыновича Оссендовского, положенное в основу его автобиографических очерков «И боги, и звери, и люди»² представляет автобиографический тип дискурса об истории своей жизни. Речевое событие в рассматриваемом тексте выстраивается как цепь нарративных событий путешествия-бегства автора от преследований большевиков в Туву и Монголию во время событий революции и гражданской войны в первой четверти XX в. Однако автор реконструирует события прошлого, уже находясь в эмиграции, поэтому выстраивает их репрезентацию, опираясь на некий романтический образ скрытой страны Шамбалы, куда можно убежать от грозящих ему бед и несчастий.

Текстообразующими концептами в повествовании являются концепты «Родина», «Чужбина», «Семья». «Я-концепт» при этом определяет интенцию путешественника-нарратора А. М. Оссендовского (1878–1945) в вынужденной эмиграции и актуализируется в тексте как одна из ветвей рода (рождение в Витебске, учеба в Санкт-Петербургском университете и в Сорбонне, служба преподавателем в Томском университете, работа инженером в Сибири и на Дальнем Востоке, активное участие в революционном движении в годы Первой революции)¹. В судьбе автора отразилась жизнь целого поколения эмигрантов, вынужденных бежать от ужасов послереволюционного террора. Путешественник сообщает, что дважды оказывался под следствием из-за своих действий во время гражданской войны, скрывался от революционных беспорядков в Урянхайском крае (Туве) и Монголии.

Определяя цель своего путешествия, Оссендовский отмечает, что путевые записки он вел в краткой форме, «не упоминая о времени и проходимых пространствах, потому что я и мои спутники, мы знали только два времени года — морозы и тепло, а пространства для нас не существовали, равно как и трудности переходов, потому что мы шли не для научных исследований и не для удовольствия, а спасали свою жизнь²».

Вместе с отрядом барона Унгерна герой находит спасение в мифической *Агарты*. Предание о скрытой стране автор обрамляет этнографическим повествованием о каменных скульптурах алтайских народов:

«Наконец мы выбрались из лесов и вступили на бескрайние просторы Минусинской степи, усеянной множеством соленых озер и пересеченной высокой грядой гор Кызыл-Кайя. Это край великого множества могильных надгробий, больших и малых дольменов, памятников бывшим властелинам земли: здесь воздвигали десятиметровые каменные изваяния Чингисхан, а позднее и хромой Тамерлан — Тимур. Тысячи дольменов и каменных фигур тянутся к северу бесчисленными рядами»³.

Здесь автор описывает культурные реалии, связанные у центральноазиатских народов с почитанием культом предков — мавзолеев и оваа, которые по мысли Г. Д. Гачева, кочевые народы, перешедший к оседлости, «выносили» на периферию своего бытия, отчуждая от себя (Гачев, 2020: 152).

Далее идет описание разграбленного рудника и разрушенной церкви как национального символа русского народа:

«Большевики повывозили отсюда все, что только смогли: оборудование, запасы продовольствия, — частично разобрали и отдельные строения. Поодаль мрачно темнела обесчещенная церковь: окна выбиты, крест сброшен, часовня сожжена. Печальный символ сегодняшней России. Семья оставшегося на прииске сторожа влачила полуголодное существование, живя в постоянном страхе и лишениях»⁴.

Здесь мы видим травматичную для личности эмигранта Оссендовского экзистенциальную ситуацию человека, лишенного корней, — культурного мигранта: старого дореволюционного цивилизованного мира, в котором отражался автор, больше нет, этот мир разрушен, поэтому авторские стратегии сосредоточены на поисках иного мира; сознание эмигранта Оссендовского готово символически присвоить его как «новую реальность» (Anzaldúa, 1987: 7).

Повествование о встрече героя «с Живым Буддой», ламой, который видит будущее и становится свидетелем множества чудес, предваряет рассказ о бегстве автора в поисках символического спасения в идеальное пространство невидимой *Агарты*. Развивая фольклорный сюжет своего путешествия, А. М. Оссендовский, как и Н. М. Пржевальский, использует указанные нами выше мотивы небесных покровителей и необычной силы жителей *Агарты*:

¹ См. о биографии Оссендовского: Кузьмин, Рейт, 2008.

² Оссендовский А. Люди, боги, звери. ... С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 58.

«Царство это — Агарта. Оно простирается на все подземные ходы земли. Я слышал, как один ученый лама из Китая рассказывал богдохану, что подземные пещеры в Америке населены прежними обитателями этого материка. Народы подземного царства и все пространство под землей управляются начальниками, подвластными владыке мира. В пещерах, под землей, царит особенный свет, благодаря которому там произрастают хлеба и растения, а люди живут долго, никогда не болея... Жители Агарты могут высушить моря, превратить материки в океаны, а горы — в пыль пустынь. По приказанию владыки появляются травы и кустарники; старые и слабые люди становятся молодыми и крепкими, а мертвые снова пробуждаются к жизни»¹.

В анализируемом нами отрывке с позиции триады «Космо-Психо-Логоса» находит подтверждение мысль Г. Д. Гачева о Логосе кочевника, где доминируют концепты дороги, пути. В свою очередь, в Логосе индуиста и буддиста превалирует Знание, которое открывается не каждому, это «путь», по которому идет человек в поисках Шамбалы — святого места, и ищет скрытое духовное знание. Данный мотив невидимого сакрального места, где избранные получают силу, также реализован в путешествии Оссендовского при осмыслении культуры монголов, которые исповедуют религию буддизма в форме ламаизма.

Представляется, что сюжет легенды о скрытом царстве *Агарты*, использованный автором, соотносится с хорошо известными у разных народов и культур фольклорными легендами о Шамбале и о Беловодье, невидимом граде Китеже как символе земного рая, Небесного Иерусалима, в котором могут найти дом не только нуждающиеся в материальных средствах люди, но также и те, кто хочет получить монастырское уединение.

Важно отметить, что интерпретация ключевых символов национального образа мира центральноазиатских народов, в частности, монголов и в начале путешествия — тувинцев, также представляет собой смешанную гибридную модель идентичности.

Например, при описании тотемного мифологического образа медведя в традициях тувинцев, автор прибегает к стратегии демифологизации зверя в начальных главах. Медведь описан автором как существо низкое, что указывает на перенесение стереотипных представлений о медведе в родной ему культуре в противоположность сакральному значению тотемного образа медведя в иной для него культуре тувинцев:

медведь «...принадлежал, видимо, к тем медведям, которых зовут “муравьедами” — выродками из семейства этих благородных животных. Я знал, что “муравьеды” легковозбудимы, свирепы, и потому стал готовиться и к обороне, и к нападению»².

Оссендовский вспоминает как он ел мясо медведя в петроградском ресторане «Медведь» и сопоставляет с ситуацией приготовления мяса погибшего животного в новой для себя реальности тайги:

«Неплохо получались у меня и гамбургские бифштексы, которые я сворачивал и жарил на раскаленных камнях. Постепенно они набухали, превращаясь в большие шары, а по вкусу не уступали тому нежнейшему суфле, какое мы, помнится, едали в петроградском ресторане “Медведь”»³.

В тексте Пржевальского мы выявили стратегию аккультурации в иную культуру неконфликтного типа при сохранении ключевых черт своей культуры при одновременном принятии элементов культуры большинства, а в случае с Оссендовским присутствуют элементы сепарации, неприятия чужой культуры (Ward, Kennedy, 1993).

Заключение

Анализ специфики конструирования идентичности в путешествиях Н. М. Пржевальского и А. М. Оссендовского показывает, что их стратегию культурной идентичности можно определить как гибридную, смешанную, поскольку она совмещает в себе этнокультурные маркеры «своей» и «чужой» культуры.

Легенда о стране *Агарты* стала художественной мифологемой, определяющей с одной стороны, отчужденность русских путешественников от бескрайних просторов российских степей, их «уми-

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 60.

рания» в качестве русского человека, а с другой, «возрождение» в сознании второй родины в тексте Н. М. Пржевальского, и особой выделенности и противопоставления себя Другой культуре в пространстве их диалога в тексте путешествия А. М. Оссендовского. Авторы при этом демонстрируют открытость при восприятии элементов центрально-азиатской культуры и воспринимают её как совместимую с родной. В этой связи они проявили аккультурационную стратегию интеграции, то есть при сохранении ядра личности — собственных этнических традиций и верований одновременное принятие иных этнокультурных ценностей.

Таким образом, представляется, что сюжет легенды о скрытом царстве *Агарты*, использованный авторами-путешественниками, соотносится с хорошо известными у сибирских старообрядцев фольклорными легендами о Беловодье, невидимом граде Китеже, который можно увидеть только духовно «чистым» людям.

Продолжая линию сюжетного развития этих фольклорных нарративов, авторы-путешественники предлагает новый семиотический код прочтения данного символа на границе видимого и невидимого миров сакрального ландшафта Монголии (горы), где происходит транграничные контакты с разными цивилизационными «текстами» культуры. Именно здесь в мире Шамбалы, о которой писал и Н. Рерих, стираются границы между пространством человека и его предков, человеком и миром природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман, Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры. 363 с.
- Бахтин, М. М. (1979) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия. 320 с.
- Бахтин, М. М. (1996) Собрание сочинений: в 5 т. М. : Русские словари. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. 731 с.
- Вайнштейн, С. И. (1966) Памятники кызылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археологической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М. ; Л. : Наука. 299 с. С. 143–184.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 450 с.
- Гачев, Г. Д. (1990) Национальный космос // Современная драматургия. № 2. С. 10–21.
- Гачев, Г. Д. (2020) Национальные образы мира. Цивилизации Центральной Азии: (Интеллектуальные путешествия). М. : Академический проект. 784 с.
- Грамотчикова, Н. Б. (2012) «Изобилие» и «бедность» в этнографических очерках С. В. Максимова «Лесная глушь» и «Год на Севере» // Уральский исторический вестник. № 1 (34). С. 103–108.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (1930) Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2. Л. : Гос. рус. геогр. общество. 859 с.
- Гуссерль, Э. (2009) Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Академический Проект. 489 с.
- Далгат, У. Б. (1981) Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М. : Наука. 303 с.
- Зайцев, М. В. (1925) Краткий очерк Монголии. Харбин: Типо-литогр. Л. Абрамовича. 30 с.
- Иргит, Ч. К. (2023) Первые экспедиции по этнографическому изучению Тувы в конце XIX — начале XX вв. // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 115–133.
- Козлов, П. К. (1913) Трехлетнее путешествие (1899–1901 гг.) по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. СПб.: Типография Главного Управления Уделов. 233 с. С. 1–58.
- Кон, Ф. Я. (2007) Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет // Урянхай. Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 4. Урянхайский край: Перекресток мнений (конец XIX — первая половина XX вв.). 549 с. С. 348–547.
- Кузьмин, С. Л., Рейт, Л. (2008) Записки Ф. А. Оссендовского как источник по истории Монголии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 97–110.
- Кучукова, З. А. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 309 с.
- Лакан, Ж. (1997) Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М. : Русское феноменологическое общество. 365 с.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек текст — семиосфера — история. М. : Языки Славянской Культуры. 464 с.

Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство, СПб. 704 с.

Мамардашвили, М. К. (2014) Психологическая топология пути. М. : Фонд Мераба Мамардашвили. 1248 с.

Нуркова, В. В. (2006) Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 307 с.

Петров, М. К. (2019) Человекоразмерность. Типы культур и отношение человека к природе: Типы культур и отношение человека к природе. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та. 108 с.

Поморцева, Н. В., Красильникова, С. В. (2023) Специфика конструирования этнической идентичности в межкультурном дискурсе (к вопросу о лингвокультурной адаптации средневекового автора «Хожения за три моря Афанасия Никитина») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № S6. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>

Потанин, Г. Н., Потанина, А. В. (2017) Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиной в жизнь. М. : Эксмо. 448 с.

Савоскул, С. С. (2011) Легенда о Беловодье в XX столетии // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова / отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. СПб. : МАЭ РАН. 316 с. С. 203–211.

Сид, И. (2013) «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. Вып. 13 / сост. Е. М. Болтунова. М. : Изд-во РГГУ. 190 с. С. 27–35.

Слободяник, Н. Б. (2007) Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). С. 60–67.

Сорочан, А. Ю. (2024) Литература путешествий как литература. Тверь: ООО «Альфа-Пресс». 256 с.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 248 с.

Тлосганова, М. В. (2000) Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М. : ИМЛИ РАН «Наследие». 400 с.

Тлосганова, М. В. (2006) Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 2. С. 5–16.

Топоров, В. Н. (2003) Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб. : Искусство, СПб. 616 с.

Тхагазитов, Ю. М. (1999) Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик : Эльбрус. 156 с.

Хальбвакс, М. (2005) Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2/3 (40/41). С. 8–27.

Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023) Травелоги в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Чистов, К. В. (2003) Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин. 539 с.

Шапинская, Е. Н. (2017) К методологии исследований культуры: дискурсивный анализ [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 2. С. 88–97. URL: http://www.cult-cult.ru/to-the-methodology_of-cultural-studies-discourse-analysis/?ysclid=lvqk6d90kf50794443 (дата обращения: 30.04.2024).

Эткнд, А. (2001) Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение. 496 с.

Andersen, J. (1997) Kalacakra. Textual and ritual perspectives. Harvard University. 332 p.

Anderson, B. (1991) Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London ; N. Y. : Quebecor World. 240 p.

Anzaldua, G. (1987) Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. San Francisco. 260 p.

Castillo, S. P. (2006) Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America. L. : Routledge. X, 276 p.

Kratochwil, F. (1991) Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs. Cambridge University Press. 312 p.

Pierce, A. (2007) Deepening Musical Performance through Movement: The Theory and Practice of Embodied Interpretation. Indiana University Press. 248 p.

Eco, U. (2014) *From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies on the Sign and Interpretation* / trans. by A. Oldcorn. Cambridge : Harvard University Press. 634 p.

Erikson, E. H. (1968) *Identity: Youth and crisis*. New York, NY. : Norton. 336 p.

Ward, C., Kennedy, A. (1993) *Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong* // *Journal of Social Psychology*. Vol. 133(3). P. 395–397.

Wendt, A. (1994) *Collective Identity Formation and the International State* // *American Journal of Sociology*. Vol. 88. № 2. P. 384–396.

Дата поступления: 27.08.2024 г.

Дата принятия: 16.09.2024 г.

REFERENCES

Assman, Ya. (2004) *Cultural memory: Writing, Memory of the past and political identity in the High Cultures of antiquity*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 363 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow, Sov. Rossiia. 320 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996) *Collected works*: in 5 vol. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5. Works of the 1940s — early 1960s. 731 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1966) *Monuments of Kyzylgan culture*. In: *Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological Expedition* / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Nauka. 299 p. Pp. 143–184. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1988) *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 450 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1990) *National Space*. *Sovremennaiia dramaturgiia*, no. 2, pp. 10–21. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2020) *National images of the world. Civilizations of Central Asia: (Intellectual Journeys)*. Moscow, Akademicheskii proekt. 784 p. (In Russ.).

Gramatchikova, N. B. (2012) "Abundance" and "Poverty" in S. V. Maksimov's ethnographic essays "The Wilderness of the Forest" and "A Year in the North". *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (34), pp. 103–108. (In Russ.).

Grum-Grzhimailo, G. E. (1930) *Western Mongolia and Urianhai Region*. Vol. 3. Issue 2. Leningrad, Russian Geographical Society. 859 p. (In Russ.).

Husserl, E. (2009) *Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Moscow, Akademicheskii Proekt. 489 p. (In Russ.).

Dalgat, U. B. (1981) *Literature and folklore. Theoretical aspects*. Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.).

Zaitsev, M. V. (1925) *A brief essays of Mongolia*. Kharbin, Typo-lithography by L. M. Abramovich. 30 p. (In Russ.).

Irgit, Ch. K. (2023) The first expeditions on the ethnographic study of Tuva in the late XIX — early XX centuries. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 2–3 (6–7), pp. 115–133. (In Russ.).

Kozlov, P. K. (1913) *A three-year journey (1899-1901) through Mongolia and Tibet. The RGO Expedition*. St. Petersburg, Printing House of the Main Department of the Shire. 233 p. Pp. 1–58. (In Russ.).

Kon, F. Ya. (2007) Expedition to Soyotia. For fifty years. In: *Urianhai. Tyva depter* : in 7 vol / comp. by S. K Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 4. Uriankhai region: Crossroads of opinions (late XIX — first half of XX centuries). 549 p. Pp. 348–547. (In Russ.).

Kuz'min, S. L. and Reit, L. (2008) F. A. Ossendovsky's Notes as a source on the history of Mongolia. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 97–110. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2005) *The ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)*. NaI'chik, Publishing house of M. and V. Kotlyarov. 309 p. (In Russ.).

Lakan, Zh. (1997) *The instance of the letter in the unconscious, or the Fate of the Mind after Freud*. Moscow, The Russian Phenomenological Society. 365 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Inside the thinking worlds. Man text — Semiosphere — history*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000) *The Semiosphere*. St. Peterburg, Iskusstvo, SPb. 704 p. (In Russ.).

Mamardashvili, M. K. (2014) *The psychological topology of the path*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation. 1248 p. (In Russ.).

- Nurkova, V. V. (2006) *Mirror with memory: The phenomenon of photography: Cultural and historical analysis*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 307 p. (In Russ.).
- Petrov, M. K. (2019) *Human dimension. Types of cultures and man's relationship to nature: Types of cultures and man's relationship to nature*. Rostov-na-Donu; Taganrog, Publishing House of the Southern Federal University. 108 p. (In Russ.).
- Pomortseva, N. V. and Krasil'nikova, S. V. (2023) The specifics of constructing ethnic identity in intercultural discourse (On the question of the linguocultural adaptation of the medieval author of "Walking across Three Seas Afanasy Nikitin"). *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. S6, pp. 21–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>
- Potantin, G. N. and Potanina, A. V. (2017) *Siberia. Mongolia. China. Tibet. Life-long journeys*. Moscow, Eksmo. 448 p. (In Russ.).
- Savoskul, S. S. (2011) The legend of Belovodye in the twentieth century. In: *Folklore and ethnography. On the ninetieth anniversary of K. V. Chistov's birth* / ed. by A. K. Baiburin and T. B. Shchepanskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 316 p. Pp. 203–211. (In Russ.).
- Sid, I. (2013) "The Power of the Route": Travel as a fundamental anthropological phenomenon. In: *Institute of the Russian Anthropological School. Proceedings*. Issue 13 / comp. by E. M. Boltunova. Moscow, RGGU Publ. 190 p. Pp. 27–35. (In Russ.).
- Slobodianik, N. B. (2007) The Construction of Identity in political Discourse: on the role of social antagonism (on the concept of political discourse by Laclau and Mouffe). *Politicheskaiia lingvistika*, issue 2 (22), pp. 60–67. (In Russ.).
- Sorochan, A. Yu. (2024) *Travel literature as literature*. Tver', OOO «Al'fa-Press». 256 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 248 p. (In Russ.).
- Tlosganova, M. V. (2000) *The problem of multiculturalism and literature of the USA at the end of the XX century*. Moscow, IMLI RAN «Nasledie». 400 p. (In Russ.).
- Tlosganova, M. V. (2006) Transculturation as a new episteme of the era of globalization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Filosofiiia*, no. 2, pp. 5–16. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003) *St. Petersburg text of Russian Literature: selected works*. St. Petersburg, Iskusstvo, SPb. 616 p. (In Russ.).
- Tkhagazitov, Yu. M. (1999) *The evolution of the artistic consciousness of the Adygs*. Nal'chik, El'brus. 156 p. (In Russ.).
- Khal'bvaks, M. (2005) Collective and historical memory. *Neprikosovennyi zapas*, no. 2/3 (40/41), pp. 8–27. (In Russ.).
- Chetyrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>
- Chistov, K. V. (2003) *Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. 539 p. (In Russ.).
- Shapinskaia, E. N. (2017) On the methodology of Cultural research: discursive analysis. *Kul'tura kul'tury*, no. 2, pp. 88–97. [online] Available at: http://www.cult-cult.ru/to-the-methodology_of-cultural-studies-discourse-analysis/?yclid=lvqk6d90kf50794443 (access: 30.04.2024). (In Russ.).
- Etkind, A. (2001) *Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p. (In Russ.).
- Andersen, J. (1997) *Kalacakra. Textual and ritual perspectives*. Harvard University. 332 p.
- Anderson, B. (1991) *Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; N. Y., Quebecor World. 240 p.
- Anzaldúa, G. (1987) *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco. 260 p.
- Castillo, S. P. (2006) *Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America*. L., Routledge. X, 276 p.
- Kratochwil, F. (1991) *Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs*. Cambridge University Press. 312 p.
- Pierce, A. (2007) *Deepening Musical Performance through Movement: The Theory and Practice of Embodied Interpretation*. Indiana University Press. 248 p.
- Eco, U. (2014) *From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies on the Sign and Interpretation* / trans. by A. Oldcorn. Cambridge, Harvard University Press. 634 p.

Erikson, E. H. (1968) *Identity: Youth and crisis*. New York, NY., Norton. 336 p.

Ward, C. and Kennedy, A. (1993) Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong. *Journal of Social Psychology*, vol. 133(3), pp. 395–397.

Wendt, A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Journal of Sociology*, vol. 88, no. 2, pp. 384–396.

Submission date: 27.08.2024.

Acceptance date: 16.09.2024.

Концепт моң как элемент татарского Космо-Психо-Логоса: интеллектуальный и поэтический дискурсы

Венера Р. Аминова

Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Российская Федерация,

Нурила Г. Шаймердинова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

В статье анализируется ключевой концепт татарской культуры, один из параметров ее национальной идентичности «моң» — с точки зрения особенностей его функционирования в литературе, в частности в татарской поэзии начала XX в. Подобно другим концептам, обладающим специфическим семантическим и образным полем, не имеющим адекватного словесного выражения в других языках, «моң» требует для своего постижения комплексного подхода. Рассмотрение интерпретаций этого концепта с лингвистической, искусствоведческой, религиозно-философской, этнопсихологической и литературно-эстетической точек зрения позволило раскрыть его интегративный характер по отношению к разным контекстам.

На материале татарской поэзии начала XX в. выявляется эпистемологический потенциал функционального подхода в определении как константных признаков в структуре данного концепта, так и индивидуально-авторских вариантов репрезентации его семантического ядра. Установлено, что содержательную структуру «моң» определяет эстетическое восприятие классиками татарской литературы (Г. Тукаем, Дэрдмендом, Ш. Бабичем) современной им действительности и ее нравственно-эстетическая оценка. В творчестве Дэрдменда «моң» наполняется универсально-философским содержанием, а в стихотворениях Ш. Бабича функционирует и как музыкальная составляющая текстов.

Сделан вывод о том, что «моң» характеризует особенность татарского национального «Логоса»: в нем отражается осмысление судьбы человека, современной ему национально-исторической действительности и событий культурной мифологии как некоего единства.

В качестве составляющей характера народа («Психеи») «моң» включается в систему принципов и приемов психологического изображения: выступает суммарно обобщающим обозначением устойчивого эмоционально-психологического состояния героев. Наконец «моң» предстает и как природно-космический фон («Космос»), объективирующий напряженно-лирические переживания трагической участи человека и нации в целом.

Ключевые слова: татарская культура; татарский язык; концепт культуры; психо-эмоциональный комплекс; моң; Космо-Психо-Логос

Для цитирования:

Аминова В. Р., Шаймердинова Н. Г. Концепт моң как элемент татарского Космо-Психо-Логоса: интеллектуальный и поэтический дискурсы // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 154-172. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.11>

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Адреса: 480008 Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Эл. адрес: amineva1000@list.ru

Шаймердинова Нурила Габбасовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры тюркологии факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Адрес: 010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2. Эл. адрес: nurila1607@mail.ru

The concept of *moñ* as an element of the Tatar Cosmo-Psycho-Logos: intellectual and poetic discourses

Venera R. Amineva

Kazan (Volga Region) Federal University; A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS RF, Russian Federation,

Nurila G. Shaimerdinova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the key concept of Tatar culture “*moñ*”, a parameter of national identity — from the perspective of its specific functions in literature, particularly in early 20th-century Tatar poetry. Understanding “*moñ*” requires a multifaceted approach, like other concepts with distinctive semantic and figurative fields that lack an adequate verbal equivalent in other languages. The concept is examined from linguistic, art historical, religious-philosophical, ethnopsychological, and literary-aesthetic perspectives, which allow for a comprehensive view of its integrative nature across various contexts.

Using the example of early 20th-century Tatar poetry, the article reveals the epistemological potential of a functional approach in identifying both constant features within the structure of this concept and individual authorial representations of its semantic core. It is established that the content structure of “*moñ*” is shaped by the aesthetic perception of contemporary reality by Tatar literary classics (G. Tukay, Dardmend, Sh. Babich) and their moral-aesthetic evaluation of it. In Dardmend’s work, “*moñ*” acquires a universally philosophical dimension, while in Sh. Babich’s poetry, it also serves as a musical element within the text.

The study concludes that “*moñ*” characterizes a distinctive feature of the Tatar national “Logos”. It reflects an understanding of human destiny, national-historical reality, and the events of cultural mythology as a unified whole. As an element of national character (“Psyche”), “*moñ*” becomes part of a system of principles and techniques for psychological portrayal, serving as a summative, generalized designation of the characters’ stable emotional-psychological states. Finally, “*moñ*” also appears as a natural-cosmic backdrop (“Cosmos”), objectifying the intense lyrical experiences of the tragic fate of both the individual and the nation.

Keywords: Tatar culture; Tatar language; concept of culture; psycho-emotional complex; *moñ*; Cosmo-Psycho-Logos

For citation:

Amineva V. R. and Shaimerdinova N. G. The concept of *moñ* as an element of the Tatar Cosmo-Psycho-Logos: intellectual and poetic discourses. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 154-172. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.11>

AMINEVA, Venera Rudalevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature and Methods of its Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University; Lead Researcher, Department of Literature of Russia’s Ethnicities and the CIS Countries, A. M. Gorky Institute of World Literature. Postal addresses: 18 Kremlyovskaya St., 420008, Kazan, Russia; 25A, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, Russia, 121069. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID: 0000-0003-4016-2242

SHAIMERDINOVA, Nurila Gabbasovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Turkology, Faculty of International Relations, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2 K. Satpayev St., 010008, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: nurila1607@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6088-2867

Введение

Моң — ключевой концепт татарской культуры, значимость которого обусловлена этнокультурным опытом и традициями, восходящими к истории народа, его мифологии, религиозно-философскому осмыслению бытия, фольклору. Существуют определения *моң* как «национального колорита татарской духовной культуры, специфической черты мироощущения, эмоционального состояния сдерживаемой печали...»¹.

В этимологическом словаре Р. Г. Ахметьянова слово *моң* возводится к древнетюркской лексеме *муң*, которая означает: «михнэт, кайгы, уй, хэсрэт, акыл»² — «страдание», «горе», «думу», «печаль», «мысль». Поэтому это слово имеет исходные древние праформы или архетипы *мук / муз / буң*, подвергшиеся позже историческим вариантным изменениям: происходит переход консонантов *к/г* в сонорный *ң*; «переход анлаутного *б > ң* под влиянием носового согласного в корне»³. Лексико-семантические варианты этого многозначного слова, отражающие различные аспекты картины мира тюркских народов, запечатлены в древнетюркском словаре, а также в этимологических, толковых, двуязычных национальных словарях. В этимологическом словаре тюркских языков дается многообразные значения *муң* в древних и современных тюркских языках⁴.

В современных словарях татарского языка приводятся следующие значения *моң*: 1. мелодия, мотив, напев; 2. глубокое чувство; сильная эмоция; 3. уныние, печаль, грусть; 4. устаревшее нужда; 5. диалектный дефект, порок, изъян; *моңау*: унывать, печалиться, тосковать, грустить, впадать / впасть в уныние; становиться / стать невесёлым, апатичным, падать (пасть) духом, предаваться чувству, эмоции, расчувствоваться, растрогаться; петь уныло, с чувством, грустно, задуматься, думать о чем-то; *моңаеп*: уныло, печально, несчастливо, грустно, тоскливо⁵.

Концепт *моң* становился предметом прежде всего лингвокультурологических исследований, в которых раскрывается его связь с психо-эмоциональной сферой жизни народа, описанием внешности человека, объяснением явлений природы и окружающего мира: «...концепт *моң* в татарском языке позволяет интерпретировать различные состояния человеческой души и миропонимание, мироощущение через какие-то внешние, видимые предметы, их движения, черты человеческой внешности» (Закирова, 2008: 202).

Между тем *моң* — это и литературный концепт, развертывающий свой семантический потенциал в произведениях разных родов и видов, действуя «сквозь» эпохи, направления, жанры, стили и являясь источником этнокультурной интерпретации мира и человека. В литературе начале XX в. *моң* становится системообразующим элементом национальной картины мира, определяя формально-содержательные параметры художественного творчества классиков татарской литературы.

Так, Г. Рахим⁶ связывает *моң* лирики Г. Тукая с музыкально-поэтическими традициями татар: «Основополагающее для всех наших народных мелодий и значительной части народных песен чувство тоски и печали, определяющее их дух, насквозь пронизывает вершинные в поэтическом отношении стихи Г. Тукая» (Рахим, 2018: 68). Р. А. Исхакова-Вамба и И.М. Газиев утверждают, что в творчестве Г. Тукая есть *моң*:

«В своих произведениях он выступает как человек, переживающий о судьбе татарского народа, о его будущем, его творчество наполнено искренними мыслями, чувствами, грустью (*моң*). Выражение: “*Моң*»

¹ Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Ин-т Татар. энцикл. Акад. наук РТ, 1999. С. 365.

² Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге [Краткий историко-этимологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.

³ См.: Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. С. 83.

⁴ Там же.

⁵ ТР 2007 [Электронный ресурс] // Электронный фонд словарей. URL: <https://suzlek.antat.ru/fullartR.php?id=118660> (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Псевдоним, настоящая фамилия Габдрахимов Гали (Али) Мухамметшакирович (1892–1943), татарский писатель, литературовед и фольклорист.

поэта — моң народа” напрямую относится к Тукаю. В самых сильных местах своих произведений он с большим мастерством использует понятие моң»¹.

Ю. Г. Нигматуллина рассматривает *моң*, присущий лирике Г. Тукая, как отражение психического склада нации в структуре эстетического идеала: «Приглушенность, сдержанность чувства трагического и комического, их подчиненность чувству прекрасного составляют национальный колорит, татарский «монг» мироощущения Тукая» (Нигматуллина, 1970: 159). Исследователь творчества Дэрдменда (З. Рамиева) А. М. Саяпова рассматривает *моң-сагыш* ‘печаль-грусть-тоска’ как основную эстетическую категорию поэтики Дэрдменда, «выступающую в двух ипостасях: как эпитет, отражающий трагическое мироощущение лирического субъекта и как особое настроение, созвучное “затаенной грусти” и “печальным рыданиям”, которые поэт слышит в тишине вселенной» (Саяпова, 2006: 142).

При этом отсутствуют работы, посвященные особенностям функционирования *моң* как литературному концепту в поэзии этого периода, что представляется значимым для понимания этнокультурной идентичности содержания литературных произведений и форм его выражения.

Цель настоящего исследования — обобщить и систематизировать сложившиеся в татарском интеллектуальном и поэтическом дискурсах пути смысловой интерпретации *моң* как литературного концепта, раскрывающие его роль в формировании национального Космо-Психо-Логоса (Гачев, 2020). Достижение цели предполагает решение следующих задач: описать лексические значения *моң* / *муң* в тюркских языках, что представляется необходимым для понимания концепта как «формы» (Ламажаа, 2023: 16); рассмотреть наиболее значимые для понимания *моң* контексты, выявляющие его генезис и содержательную структуру; на материале произведений татарской поэзии начала XX в. выделить константные признаки в структуре концепта *моң* и описать индивидуально-авторские варианты репрезентации его семантического ядра.

Объектом исследования является *моң* как литературный концепт.

Предмет исследования — содержательное наполнение и особенности функционирования *моң* в татарской поэзии начала XX в.

Теоретико-методологической основой работы стали труды Г. Д. Гачева (Гачев, 2002, 2008, 2020), в которых разрабатывается концепция национальных образов мира и обосновывается важнейший принцип постижения национального:

«Наш подход — не прагматико-идеологический, но культурно-эвристический: понять национальное как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник...) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции — иные. Наша цель — явить взаимную дополнительность, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли. Возлюбленная непохожесть — этим дорожить надо, это наша общая ценность» (Гачев, 2008: 5).

Анализ произведений татарских писателей начала XX в. базируется на сложившейся в литературоведении теории концепта, которая включает в себя определение его как «смысловой структуры, воплощенной в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающей культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» (Володина, 2010: 19); понимание концепта как «формы», а также как «идеи» и «социальной регуляции» (Ламажаа, 2023: 14–20); типологию концептов (Аскольдов, 1997: 274–275; Зусман, 2001: 11–12); характеристику механизмов их порождения (Потебня, 1989: 166–167), анализ соотношения концепта с другими структурно-семантическими комплексами: константой, символом, словом, знаком, мотивом, универсалией, тропом и др. (см.: Аскольдов, 1997; Володина, 2010; Зусман, 2001; Лотман, 2001; Неретина, 1999; Степанов, 2001).

На методологию и концепцию исследования оказали влияние и работы, в которых проясняется различие между концептом культуры и литературным концептом. Используя понятия «концепт в

¹ Габдулла Тукай. Энциклопедия / гл. ред. З. З. Рамеев. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2016. Б. 451. (На татар. яз.). Подстрочный перевод с татарского языка здесь и далее (без иных указаний) выполнен В. Р. Аминовой.

литературе» и «литературный концепт», В. Г. Зусман проясняет терминологические различия между ними:

«Словосочетание “концепт в литературе” указывает на то, что этот феномен отличается от “концепта в культуре”, философии и т. д. Они функционируют лишь в словесных текстах, возникающих в системе “литература”. “Литературный концепт” обращен более к средствам, при помощи которых он выражен в произведении. В целом концепт своего рода “агент” других рядов культуры в художественном произведении (тексте).

Если концепт в науке и культуре движется между понятием и представлением, то концепт в литературе отклоняется в сторону представления¹» (Зусман, 2001: 11–12).

Называя концепты «ценностными кодами, едиными для культурной традиции» (Зусман, 2003: 7), В. Г. Зусман выделяет формы их манифестации в литературном произведении: образы, мотивы, символы и др. (Зусман, 2001: 11–28). Значимыми для нас являются и основные положения когнитивного литературоведения², в рамках которого обосновывается смежность понятий «литературные концепты» и «литературные константы» (Володина, 2010: 3–30).

Лексические значения *мұң* / *моң* в тюркских языках

Моң, подобно другим концептам, обладающим специфическим, полисемантическим полем, эквивалентно непереложимым на языки иных культур, по-разному представлен в других тюркских культурах. Так, в казахском языке, как и в татарском, эта лексема раскрывает ментальность народа, особенности восприятия и переживания мира, поэтому она многозначна, имеет переносные смыслы, богата синтагматическими структурами и ассоциативно-деривационными значениями. Например:

1. *Қайғы, шер, қасірет* ‘горе, печаль, тоска’: *Ұмытып мұңды, ұмытып қазақ қайғыны, әлемді түгел құлататындай айбыны* ‘Забыв печаль, забыв горе свое, казах готов сразиться всем миром’ (Т. Молдағалиев),

2. *ауыс* (перен.) *Қиын мехнат, азап; екіталай* ‘преграда / барьер, неопределённость’: *Кұр өзің барған-мен теміржолға қайта жетуің мұң, оны көруің мұң болады* ‘Хотя он сам поехал, но, чтобы добраться до железной дороги были преграды, невозможно было увидеть его’ (Т. Тобағабылов),

3. *ауыс* (перен.) *Ой, қиял* ‘мысли, раздумье’: *Ойландырған оңаша мұңым артық* ‘Мои мысли-раздумья в одиночестве’ (М. Мақатаев),

4. *ауыс* (перен.) *Зарлы, шерлі (дауыс)* ‘протяжный, звучный’ (голос): *Сұмдығы-ай, осы біреу мұң дауыстың. Издеп мен ойға да ұштым, қырға да ұштым* ‘О горе мне, в поисках этого протяжного голоса, я был везде’ (М. Мақатаев),

5. *ауыс* (перен.) *Арман-тілегі, мақсат-мұраты* ‘мечта, цель’: *Туған елім-арман, мұңым. Енді сені жетелейді жол қалай?* ‘Страна моя — мечта, цель; какой дорогой ты пойдешь?’ (М. Шаханов)³.

Лексема *мұң* в казахском языке имеет широкие синтагматические возможности, реализующиеся как в словосочетаниях, так и в предикативно-смысловых конструкциях:

мұң-шер өлеңдері ‘грустные песни’, *ежігей мұң* ‘давняя печаль’, *күрең мұң* ‘черная тоска’, *жеті мұң* ‘глубокая печаль’, *мұң табы* ‘болевые ощущения’, *мұң артты* ‘пронзительная боль’, *мұңға батты* ‘находится в глубоком раздумье’, *мұң ашар* ‘погрузился в скорбь’, *мұң болды* ‘стал грустить’, *мұң толды*, ‘безысходная тоска’, *мұң шекті* ‘он стал тосковать’, *мұң торлады* ‘тоска одолела’, *мұң жайлады* ‘душа болит’, *мұңға салды* ‘загрустил’, *мұңын мұңдады* ‘исполнить чью-то просьбу’⁴.

Концепт *мұң* в казахском языке раскрывается также и дериватами, образованными как аффиксальным способом, так и характерными для тюркских языков сложно-парными образованиями, в значении которых также раскрывается эмотивно-оценочная картина мира казахов:

¹ Речь идет об образной форме репрезентации «идеи» концепта.

² Западное литературоведение XX века: энциклопедия / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2004. С. 181–184.

³ Қазақ әдеби тілінің сөздігі [Словарь литературного казахского языка]. Он бес томдық [В пятнадцати томах] // Құраст.: Ә. Ыбырайым, А. Жаңабекова, Қ. Рысбергенова және т. б. Алматы, 2011. Т. 9.

⁴ Примеры из: Қазақ әдеби тілінің сөздігі [Словарь литературного казахского языка]. Он бес томдық [В пятнадцати томах]. / Құраст. / Состав: Ж. Манкеева, С.Бизақов, Ә.Жүнісбек және т. б. Алматы, 2011. Т. 11.

мұнай 'скорбь', мұнда 'сострадание', мұңды 'печально-мелодичный', мұңдас 'сострадалец', мұңдақ 'грустный человек', мұңсыз 'беспечальный', мұңсыздық 'счастливый', мұңшы 'звучный'; мұң-зар 'грусть-тоска', мұң-шер 'горечь', мұң-мұқтаж 'необходимость, нужда', мұң-мүдде 'просьба', мұңлық-зарлық 'грусть-печаль', мұңсыз-қалмсыз 'счастливый', нала-мұң 'горе, беда'¹.

Мудрость казахского народа, его этические нормы проявляются во фразеологизмах с лексемой мұң: *Арка адым жер мұң болды* 'Путь стал недоступным', *Мұң болар қарға адым жер шабандаса* 'Будешь лениться, близкое станет препятствием', *Елінің жоғын жоқтап, мұңын жырлады* 'Думая о народе, воспевал его нужды', *Көңілге (кеудеге, жүрекке) мұң шер боп қатты* 'Душу раздирали тоска', *Шертер күй, шығар мұң* 'Звучит мелодия, уходит грусть', *Айлас қатын мұңдас* 'Соперницы находятся в одной упряжке', *Ақ қас, мұңсыз бол* 'Пусть старость будет беспечальной'².

Словарные значения этого слова в татарском, киргизском и казахском языках подтверждают, что доминирующим в его семантике является коннотативное значение, связанное с различными оттенками душевно-психического и физического состояния человека от грусти, боли до ненависти.

Так, в киргизском языке *муң* — печаль, тоска: *муң чеч* 'развеять тоску'; *муң ичте жүрсе, жүрек жарылат* 'если печаль внутри останется, сердце разорвется'; *муунуна муң түштү* 'его суставы ослабели'; *элдин арыз-мундары* 'жалобы и печали народа'³. В казахском языке *мұң* — тоска, печаль: *ол мұның шаға келген екен* 'оказывается, он приходил развеять свою тоску'⁴.

Семема *муң*, имея общее для тюркских языков содержание, закономерно различается семемами, что обусловлено особенностями историко-культурного развития того или иного народа. Важно подчеркнуть, что, например, в тувинском языке близкой по значению *муң* можно назвать только форму *муңгагдал* 'грусть, огорчение'⁵.

Вместе с тем следует сказать, что есть тюркские культуры, в которых отсутствует семема *мұң* / *моң*. Однако это не означает, что соответствующее *мұң* / *моң* эмоционально-психологическое состояние не выражено в конкретных концептах, неизвестных представителям других народов. Так, тувинская культура опирается на иные, чем татарская, казахская и киргизская традиции видения мира и принципы концептуализации действительности. В ней действуют другие «процедуры» порождения смысла, отличающиеся от тех, что сложились на арабо-мусульманском Востоке (см. об этом: Аминова, Мижит, 2021: 250–251). В тувинской культуре концепта *муң* в такой же форме нет. Слово *муң* в тувинском языке имеет значение «тысяча» (диал.: «глупый, придурковатый») ⁶.

Генезис и содержательная структура *моң* в интеллектуальном дискурсе

Одно из значений *моң*, зафиксированное в словарях татарского языка, — 'мелодия', но не любая, а как отмечают А. М. Галиева и Э. Ф. Нагуманова, «лирическая, грустная, протяжная, передающая особое медитативное настроение» (Галиева, Нагуманова, 2013: 247). Анализируя татарские напевы, Г. Рахим приходит к выводу, что «среди них нет ни одного радостного, все они наполнены грустью и печалью. Во всех них есть тоска, плач» (Рахим, 2018: 163). Ученый размышляет о причинах, по которым «татарская душа способна рождать только грустные мелодии»:

«Это проистекает от татарской чувственности. Так устроена душа татарского народа: он может петь только грустные мелодии. Но почему это так? Может быть, способность народа радоваться была утрачена из-за тяжелых испытаний, выпавших на его долю? А может, наши напевы безрадостны от того, что, как предсказывал Г. Исхаки в своем «Исчезновении», мы народ, обреченный на погибель? Или, как сказал один из наших поэтов, наша музыка «плачет, грустит, но этот ее плач, эта грусть не от горя, а от порывов души, испытавшей безмерность счастья». Но как бы то ни было, факт остается фактом: все татарские песни плачут, тоскуют, и если внешне плач и тоска могут быть неочевидными, то внутренне в них всегда присутствует страдание» (Рахим, 2018: 163–165).

¹ Примеры из: Қалиев Б. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі [Толковый словарь казахского языка]. Алматы, 2014.

² Примеры из: Кеңесбаев І. Фразеологиялық сөздік [Фразеологический словарь]. Алматы: «Арыс» баспасы, 2007.

³ Киргизско-русский словарь / сост. К. Юдахина. Фрунзе: Главная ред. кирг. сов. энциклопедии, 1985. 2 кн. Л–Я. С. 40.

⁴ Казахско-русский словарь / отв. ред. Г. Мусабаев. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1954. С. 248.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 303.

⁶ Там же.

В трудах Г. Рахима намечается и понимание *моң* как катарсиса — «сложного разряда чувств». Они развиваются в расходящихся направлениях, чтобы сомкнуться в «заключительной точке», в своеобразном «коротком замыкании», сливающим и уничтожающим их, но уничтожающим ради преобразования в другие, противоположные (Выготский, 1998: 274–275):

«Кто бы что ни говорил, но для каждого татарина наша музыка дороже, красивее, чем мировая музыка. Кто из татар не испытывает от нее волнения? У кого из нас она не затрагивает самые сокровенные чувства? У кого из нас во время пения не появляются в глазах слезы? Кто из нас не уносится мыслями в прошлое и не задумывается о будущем? Чьи мечты она (музыка. — М. И.) не устремляет куда-то ввысь?» (Рахим, 2018: 167).

В татарских песнях, по наблюдениям их исследователя, выражаются особенности национальной психологии: заключенные в народной мелодии мягкость и непередаваемая словами сила — «понятный только нам дух нации, татарский дух» (Рахим, 2018: 169).

Свой ответ на поставленный Г. Рахимом вопрос о причинах преобладания в татарских напевах настроений грусти и печали, дает Наки Исанбет: «Та часть татарской музыки, которая, обретя гражданство, хранилась в памяти народа, проникнута безмерной безысходностью, скорбью, горьким плачем (неудовлетворенностью жизнью). Это своеобразие досталось нам в наследство от немилосердной (беспощадной, бессердечной) истории» (цит. по: Исанбет, 2021: 159–160).

Суждения Наки Исанбета развивает в своих комментариях музыковед Ю. Н. Исанбет:

«Скорбными татарские напевы делала не пентатоника, а глубокая рана, веками жившая в душе народа. Пентатоника же вместе с особыми формами песенного и инструментального (скрипичного) распевов и присущим многим народным певцам характерным тембром голоса («со слезой», но без надрыва) как нельзя более способствовали раскрытию чувства неизбывной боли, с которым неразрывно связано понятие «моң»» (Исанбет, 2021: 160).

Продолжая эти мысли, Г. Халит определяет *моң* в двух аспектах: как категорию стиля и вид эмоционально-ценностной ориентации: «В музыкальном произведении это связано с протяжным исполнением. В целом *моң* — стилевой пафос. В особенности в музыке это явление — яркий пример психологического стиля» (Халит, 1990: 99). Ч. Бахтиярова пытается объяснить *моң* «как «язык души», выражение в напевах самых сокровенных душевных чувств простых людей <...> «Моң» ... служит обобщенным художественным выражением эмоционального восприятия народом своей жизни» (Бахтиярова, 1964: 227). По мнению Ю. Н. Исанбет, *моң* наиболее полно репрезентирует национальную идентичность татарского народа: «Именно «моң» и является самым характерным признаком бережно сохраненной народом протяжной песни, с которой в первую очередь ассоциируется понятие татарской народной музыкальной классики. Как «не татарская» народом воспринималась музыка, не просто использующая полутона, а лишенная того, что называют словом «моң»» (Исанбет, 2021: 161).

Истоки *моң*, возможно, восходят к татарской народной традиции *көйләп уку* ‘книжное пение’, которая распространяется «на разнообразные жанровые явления: 1) байты (лиро-эпический жанр фольклора); 2) мунаджаты (своеобразные мусульманские духовные стихи); 3) «книжные напевы» (мелодизированное исполнение старинных книг: «Бадавам», «Бакырган», «Мухаммадия», «Кыйсса-и Йусуф», «Кисекбаш» и др., стихотворений татарских и восточных поэтов)². Примечательно в этом плане стихотворение средневекового поэта-суфия Кул Шарифа «Мөнәжәттә моңлылык кирәк» («Необходима печаль в мунаджате...»), в котором воспроизводится стоянка *зүхд* ‘отречени’ (см.: Загидуллина, 2022: 136–137) и утверждается, что молитвы будут услышаны Богом, если в них есть *моңлылык*: «Мөнәжәттә моңлылык кирәк, кабул итүе / (Алланың) шуннан торса әгәр, / Күзең яшьле, бәгърең башлы булмаса, / каян табылыр ул (моңлылык)?»³ («В молитве должен быть моңлылык, / Чтобы она была принята (Аллахом). / Если в твоих глазах нет слез, а сердце не разумно, / Откуда взяться этому моңлылык?»). В данном случае речь идет не только о том, что мунаджат произносится на музыкальный

¹ Закиров Наки Сиразетдинович (1899–1992) — писатель, фольклорист, языковед.

² Каюмова Э. Р. Традиция «книжного пения» татар-мусульман в современных условиях // Первый Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире»: 1–3 ноября 2011 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2012. С. 579.

³ Кол Шәриф. Шигырьләр [Стихи] / төз. Г. Гыйльманов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. Б. 21. (На татар. яз.).

лад. Молитва будет принята Богом, если она идет от сердца, просветленного разумом, и сопровождается слезами — знаком отказа от желанного, принесения человеком жертвы. «В традиционной трехчастной схеме *зухд* подразумевает отказ от всего, что отвлекает сердце от Бога, воздержание даже от самой мысли о воздержании. *Зухд*, конечно, предусматривает и отказ от надежды на небесную награду — как и от страха перед Адом» (Шиммель, 2000: 93).

В генезисе психо-эмоционального комплекса, обозначаемого словом *моң*, важны особенности организации духовной жизни человека, его отношения к миру и к себе. Так, А. В. Сагадеев приводит мнение С. Л. Галика, в соответствии с которым «представители Востока склонны к созерцательности, интровертны, интересуются прежде всего той Реальностью, которую обнаруживают в своем “я”, стремятся скорее овладеть собой, чем внешним миром, и постичь вечное, то, что “есть”, больше, чем данный им в повседневном опыте эмпирический мир, эмоциональны, сентиментальны, обладают богатым воображением, поэтичны и находят удовлетворение в ощущении своего единства с природой, космосом» (Сагадеев, 1983: 21).

Ч. Бахтиярова устанавливает связь *моң* со спецификой национального характера, психического склада народа:

«Татарам свойственна некоторая внешняя суровость, сдержанность чувств при душевной мягкости, доходящей порой до сентиментальности. Они не любили открыто выражать свои чувства. И горе, и радость, народ переживал “про себя”, внутренне, стараясь скрыть свои чувства от других» (Бахтиярова, 1964: 228–229).

С этой точки зрения *моң* можно интерпретировать как эмоционально-психологическую репрезентацию интровертивного типа ориентации духовной жизни представителей этноса.

Природу концепта *моң* проясняет и сложившаяся в сознании людей вера в *язмыш*, *тэкъдир* ‘судьбу’, которая «написана на небесах» и находится в ведении справедливого и благого Творца:

«Там, где человеку представляется, будто он действует по собственной инициативе, это верно лишь на уровне видимости; способность созидать принадлежит только Богу, который позволяет человеку присваивать себе своим согласием то, что предопределено, и, таким образом, брать на себя ответственность за действия, не им предначертанные. <...> Для вторичных причин, а следовательно, и для самостоятельных решений человека нет места» (Грюнебаум, 1978: 41).

Человек, таким образом, монологически сосредоточен на своих переживаниях, эмоциональном самосознании и самоопределении, между ним и окружающей действительностью устанавливаются особые отношения — равноправные и бездоминантные. Отношение человека к воле Аллаха обозначается словом *сабырлык* ‘сдержанность, ровность, уравновешенность, спокойствие, терпение, выдержка’¹.

«Сабр — терпение в Коране — одно из главных благочестивых качеств. В некоторых фразах оно стоит рядом с молитвой. <...> Молитва и терпение позволяют человеку выжить в невзгодах, дожидаться момента, когда Аллах проявит свою милость. Терпение стоит и рядом с милосердием...» (Пиотровский, 1994: 96).

В суфизме терпение — важная веха на мистическом Пути: «...совершенное терпение состоит в том, чтобы принимать все идущее от Бога, даже самые тяжелые удары судьбы» (Шиммель, 2000: 103). Рядом с терпением здесь стоит благодарность. Дихотомия состояний, соответствующих стоянкам на Пути, разрешается обретением целостности.

В статье, посвященной творчеству Ш. Бабица, Я. Г. Сафиуллин трактует *моң* как способ этнического самосознания и отчасти образа жизни:

«Продолжавшиеся целые века безысходные страдания трансформировались в сознании татарского народа в категорию “моң”. <...> “Сладость страдания” потеряла свою прямую соотнесённость с философией “искупления” и трансформировалось в самодостаточное чувство — в задушевный лиризм, в горестную боль от потерянного, в безответный зов, обращенный к судьбе, в гармонию, столь желанную и целительную. Во все то, что в сознании мало выразимо в словах и подвластно мелодии, музыке. *Моң* — в мирозерцании татарского народа, в его искусстве, в образе жизни» (Сафиуллин, 2020: 101).

¹ Электронный фонд словарей. Главная страница [Электронный ресурс] // Электронный фонд словарей. URL: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (дата обращения: 12.07.2024).

Анализируя психологический механизм этого переживания, Я. Г. Сафиуллин обращает внимание на его противоречивую природу: в нем нет определенности и завершенности, будучи целостным оно состоит из нюансов разных эмоциональных тональностей.

Связь *моң* с тем пространством жизнебытия, которое предоставлено народу, или с первой, главной, по Г. Д. Гачеву, составляющей национального Космо-Психо-Логоса (Гачев, 2020), актуализируется в размышлениях о природном генезисе этой ментальной категории: «это “мелодия” степной природы, которой прониклись души и сознание наших предков и “огонь”, которой дошел до нас. Именно это природное происхождение, следует полагать, обуславливает наделение писателями-поэтами “бесконечной мелодичностью-моң” всех “звуковых” явлений природы — птиц, деревьев, воды и т. д.»¹.

Один из приемов интерпретации *моң* — установление параллелей и аналогий в концептосферах разных культур по правилам ассоциации и корреляции. Так, А. М. Галиева и Э. Ф. Нагуманова подчеркивают, что *моң* «это не столько переживание боли от утраты, сколько глубоко внутреннее состояние часто беспричинной тоски и печали, которые имеют подсознательную природу и проявляются наиболее остро в моменты душевных томлений. Во многих случаях *моң* может выражать светлую печаль (как у Пушкина: “Мне грустно и легко. Печаль моя светла...”» (Галиева, Нагуманова, 2013: 247).

Ряд исследователей татарской культуры прибегают к описанию семантического поля этого концепта не столько в дискурсивном плане, сколько в метафорически образном, интуитивно схватывая заключенные в нем смыслы. Например, А. Ахунов пишет: «Непереводимое татарское слово “моң” — это коктейль из извечной печали, заправленной вселенской меланхолией. “Моң” — понятие чисто татарское и необъяснимое, как необъяснимо явление загадочной русской души»².

Образную характеристику *моң* предлагает и Л. Х. Шаяхметова:

«“Моң” — это неиссякаемый таинственный, глубокий, хрустально-чистый, живительный родник народной души. Это особое эмоциональное состояние, близкое к грусти, ностальгии, но более глубокое. Грусть — временное явление, а “Моң” — бесконечное. Это “бесконечная мелодичность” тюркской души, овеванной тонкой, тихой, светлой грустью. “Моң” — это основная “струна” тюркской души, задающая тон всей своей духовной культуре»³.

Наконец, существуют немногочисленные исследования, в которых предпринимаются попытки осмыслить *моң* как эстетическую категорию, один из параметров национальной идентичности татарской литературы. Отдельные наблюдения о *моң* как «стилевом пафосе» содержатся в трудах Г. Халита (Халит, 1990: 99). А. З. Хабибуллина доказывает, что *моң* является самобытной эстетической основой, источником жанра элегии в татарской литературе:

«С одной стороны, *моң* передает уникальные черты характера татарского народа, его идентичность, а с другой — связан с лиризмом в татарской поэзии. В то же время *моң* в литературе представляет собой “сверхжанр” или “метажанр” — синтетическое по своей природе образование, существующее на границе фольклора, литературы, музыки, этнопсихологии. <...> устойчивые черты *моң* перерастают в жанр, “вращивая” в новой для себя форме уникальное мирозерцание, одновременно коррелирующее с идентичностью народа, что отличает ее от элегии в других культурах»⁴.

Таким образом, «запуская» движение смыслов на стыках разных рядов: лингвистически-литературного, исторического, социального, философско-религиозного, бытового, этнопсихологического, концепт *моң* актуализирует связь текста с внетекстовой реальностью, подчеркивает его включенность в историко-культурный, социальный, этнопсихологический и другие дискурсы, что помогает понять особенности его функционирования как литературного концепта.

¹ Шаяхметова Л. Х. Концепт «Ут» и его отражение в лирике Р. Миннуллина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. С. 25.

² Ахунов А. Одиночка // Татарстан. 2004. № 4. С. 60.

³ Шаяхметова Л. Х. Концепт «Ут» и его отражение в лирике Р. Миннуллина. ... С. 24.

⁴ Хабибуллина А. З. Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования: дис. ... доктора филол. наук. Казань, 2022. С. 41.

Концепт моң в татарской поэзии начала XX в.: константные признаки и индивидуально-авторские варианты интерпретации

Системообразующими в творчестве поэтов начала XX в. являются мотивы судьбы нации и служения ей, отражающие основные идеологемы формирующегося в эти годы национального самосознания. Они стали определяющими в системе ценностного кодекса общественной идеологии, их приоритет перед другими интересами был незыблем. Только в служении нации личность обретала возможность самореализации. Эти идеи вобрали в себя и мысль о необходимости развития татарского общества на путях приобщения к опыту и достижениям европейской культуры, и осознание значимости национальных традиций, и жестокою правду реальности, и утопические надежды, и исторический опыт. Поэтому семантическое ядро данного концепта в литературе формируют эстетическое восприятие национально-исторической действительности и ее нравственно-эстетическая оценка.

Так, в лирике Г. Тукая (1886–1913) это переживание продиктовано творческой позицией поэта, предметом художественной рефлексии которого становятся внеличные ценности — родная земля, история и судьба народа, Казань как центр культурной жизни, национальные мелодии и чувства, скрепы семейно-родового бытия.

Моң, пронизывающий лирику Г. Тукая, является выражением основ его миропонимания. Это лирическая эмоция сложного состава, которая вырастает из трезво-реалистического взгляда на жизнь, из страданий от ее противоречий и диссонансов, из привязанности к этому, земному, миру, несмотря на все его несовершенство, из погружения в глубины собственной души, из созерцания богатого исторического прошлого своего народа, из отрадных воспоминаний и упоения красотой природы и поэзией человеческих чувств, из понимания изменчивости судьбы, непрочности житейских благ, наконец, из напряженной активности духа и страстной устремленности к идеалу иного бытия, из веры в возможность его осуществления.

Как эмоциональная тональность, тип мироотношения, историко-культурная перспектива моң проявляется в обширном корпусе стихотворений Г. Тукая, определяя их мотивно-тематическую структуру и принципы организации субъектной сферы. Субъектом переживания моң у Тукая являются: «мы», т. е. представители народа («Кичке азан» / «Вечерний азан», 1906), слышащие моң в призыве к молитве и погружающиеся в горестные думы о своем историческом прошлом; «я» поэта, но это «я» — носитель родового сознания многих людей, размышляющих о судьбе татарского народа (в стихотворении «Пар ат» / «Пара лошадей», 1907). Эпитет моңлы определяет не только голос муэдзина, призывающего к молитве, но и участвует в создании возвышенно-романтического образа Казани: «И Казан! Дэртле Казан! Моңлы Казан! Нурлы Казан!»¹ («О, Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!»²). Возвышению и сакрализации образа города служит и свойственная ему лучезарность («Нурлы Казан!»), образующая вертикаль хронотопа. Аурой сакрального контекста окружены и два других определения Казани: *дэртле* 'страстная', 'вдохновляющая' и *моңлы*, образующее вместе с лексемой *нурлы* 'лучезарная' единое смысловое поле, в котором соединяются такие противоположности, как радость и печаль, историческая перспектива и область поэтических фантазий, запредельного, мир рационально организованной гармонии и стихия чувственных наслаждений.

В «Национальных мелодиях» «я» и «мы» выделены и разграничены, но между ними устанавливаются бытийно-субъектные отношения тождества, единства, взаимопроникновения. Жалобная, печальная мелодия выражает то общее, что свойственно внутреннему миру всех представителей этноса — общее в мировосприятии, жизненной позиции, идейно-эмоциональных реакциях на явления действительности (см.: Amineva et al., 2015: 82).

Моң как указание на константы национального бытия, присутствует и в стихотворениях Дэрдменда³ «Бүзләрем маналмадым!..» («Не омочил я саван!...», 1908), «Сеңеп жиргә, менеп жилгә, булып

¹ Тукай Г. М. Әсәрләр [Произведения]: 6 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Т. 1: Шигъри әсәрләр (1904–1908) [Поэзия]. Б. 173. (На татар. яз.).

² Перевод А. Ахматовой, см.: Тукай Г. Стихотворения / пер. с татар. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 116.

³ Псевдоним Рамиева Мухаммед-Закира Мухаммедсадыковича (1859–1921), в переводе с персидского это слово означает «страдающий», «опечаленный».

бу...» («Впитанная землей, поднятая ветром...»), «Гөрлөгөн сулар башында...» («Слышишь, вешним половодьем...»). *Моң у Дэрдменда* — это то, что имманентно глубинным родо-генетическим пластам национального сознания. В стихотворении «Слышишь, вешним половодьем...» из *моң-сагыш* 'печали-тоски' рождаются мечты:

<p>Гөрлөгөн сулар башында, Тыңлагыз, шунда үтэр — Йөрсө сыктап таң-сэхэрлэр Моң-сагышлардан хыял¹.</p>	<p>Прислушайтесь: во время весеннего половодья, Когда восходит, плача, солнце, — Из печали-тоски рождаются мечты.</p>
---	---

Сконцентрированный в *моң-сагыш* национальный дух выражается в сильнейшем эмоциональном всплеске — мечте: «Рәнжемим, зинһар, күтәр!»² «Не возропщу, отчизны воздух, / Дай подняться высоко!»³ Мечта, возникшая из *моң-сагышлардан* 'печали-тоски', находится в одном ряду с образами *мөкаддас кан* 'священной крови' и *изге сөт* 'материнского молока' как естественных скреп, формирующих внутреннее субстанциальное единство этноса.

Однако в стихотворениях Дэрдменда национально-историческая семантика *моң* разворачивается и в ином, отличном от Тукая, ключе. В стихотворении «Не омочил я саван!..», написанном по суфийскому канону, развивается мотив тотальной отчужденности лирического героя от родной земли, от соотечественников, от себя как от личности и бытия в целом. Кульминацией становятся строки, в которых отчуждение «я» от стихий национально-исторического бытия достигает предела:

<p>Исте жиллэр ил эченнән, Иртә-кич салдым колак. Жил-жиләсләрнең моңыннан Зәүкы әлхан алмадым»⁴</p>	<p>Веют ветры родины, Днем и ночью я слушал их песни, Но <i>моң</i>, который звучит в них, Не приносил наслаждения.</p>
---	---

Ветер маркирует пограничное состояние мира, пребывающего на стыке прошлого и будущего и пронизанного изнутри единым и сложным стихийно-природным процессом исторического становления. Этот ток подспудных струй бытия, сопрягающих временные эпохи мира и человека, выражается в *моң*, который не приносит наслаждения и свидетельствует о разрушении исходного единства «я» с природой, родиной, душой народа. В стихотворении речь идет о судьбе целого поколения, которое пыталось ценой своей жизни изменить к лучшему положение народа. Суфийский подтекст образов возвышает историю героя до предельных обобщений, открывающих родовые категории человеческого существования: судьбы и назначения личности, жизни и смерти, вечного и временного, целей личности и стихий народного бытия.

Национально-историческим содержанием *моң* наполняется и в длинном, состоящем из 21 бейта, стихотворении Шаехзады Бабича⁵ «Канун тыңлаганда» («Слушая напевы кануна», 1915). Оно посвящено памяти Аль-Фараби, который по преданию, был изобретателем кануна — струнного музыкального инструмента). Его звучание, *моң*, — это голоса Истории и Корана. Композицию стихотворения определяет параллелизм кануна и книги, кануна и памятника:

¹ Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. Б. 84. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Перевод В. Думаевой-Валиевой, см.: Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. С. 85.

⁴ Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. Б. 24. (На татар. яз.).

⁵ Шаехзаде Мухаммадзакирович Бабич (Бабичев) (1895–1919) — татарский и башкирский поэт, публицист и общественный деятель, трагически погибший в возрасте 24 лет.

Син — бөтен ислам серен, ислам жырын жыйган
китап;
Моңнарыңның астына яшереп жыеп куйган китап.
<...>
Син мөселман халкының башыннан кичергөн
хәлләрен
Моңланып әйтеп торучы жанлы һәйкәлсең, канун¹.

Песни, тайны ты ислама будто книга, смог вобрать,
Спрятав все внутри напевов, воедино собрать.
<...>
Ах, канун, ты — памятник живой,
с грустью что вещает о событиях,
которые пережил народ ислама.

Преображение истории в музыку придает *моң* широкое эпическое звучание: в сознании лирического героя-слушателя оживают прошедшие времена и эпохи («Иске хәлләр, иске чакларны терелтә, тыңлата»². «Дела минувшие, былые времена он оживляет и слушать заставляет»), «я» сравнивает их с настоящим и сожалеет о прошлом («Кайда киткән, кайда юк булган ул чаклар, аһ!»³ «Ах, та пора, куда ушла, куда исчезла!»), откуда-то слышит «удивительно напевные обещания» («Әллә кайларда гажәеп моңлы вәгдәләр ишетәмен»⁴), в доносящихся до его ушей звуках различает «стоны тех древних племен» («Әллә кайда әллә кайчангы кавемнәр ыңгыраша»⁵). Это переживание истории, явленной в мелодии, размывает границы между миром и человеком, внешним и внутренним, жизнью и музыкой, обнаруживая тончайшие механизмы их взаимодействия. Сквозь образы, впечатляющие грандиозностью своих масштабов (древние племена, движение веков, события прошлого), пробивается мощная стихия лиризма, выражается личное, но общественно значимое отношение к событиям национальной истории, ее героике.

Онтологизация образа звучащей мелодии доводится до предела не только в параллели «*моң* — История», но и в аналогии «*моң* — Коран».

Моң кануна имеет множественную принадлежность и соотносится с разными субъектами сознания и речи: в нем слышатся голоса муэдзина, призывающего мусульман ко всеобщей молитве («Шулвакыт нәкъ карт мөезиннәр азаны яңгырый»⁶), Аль-Фараби («Нәкъ Фәраби хәзрәт тавышы гөрелди, шыңгырый»⁷), читающего Коран хафиза («Шулвакыт Коръән укыйдыр төсле бердәнбер карри»⁸), печального пророка Дауда, которому была ниспослана священная книга «Забур»⁹ («Шулвакыт жырлы, гүя моңлы Давыт хәзрәтләре»¹⁰), напевы, идущие из «древних дворцов» («Иске солтаннар сараеннан ишетелгән төсле моң»¹¹). Музыкант, играющий на этом инструменте, попеременно становится на место священника, Аль-Фараби, Творца, пророка, обитателя старинных дворцов. Жизнеохватывающая интенсивность выраженных в *моң* чувств извлекает человека из времени: оно не ограничивается прошлым и настоящим и оказывается распахнутым в вечность.

Организуя контрапункт разных эпох и голосов с присущими им глубинными генотипными субъектными планами и мировоззрениями, *моң* кануна преодолевает различия между ними, возвращаясь к народно-поэтическим формам мышления и представлениям о единстве и целостности мира. Как исходная данность духовной жизни множества людей, вобравшая в себя жертвенные силы самоотдачи, музыка кануна межличностна («интерсубъективна»), в ней утверждает и осознает себя душа народа:

¹ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр [Произведения]. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 182. (На татар. яз.).

² Там же. Б. 181.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Б. 182.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Дауд // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1991. С. 56–57.

¹⁰ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Б. 182.

¹¹ Там же.

<p>Синдэ тик, синдэ жыелган бар тавыш, барлык азап; Һәм азан тавышы, кари тавышы, нәби тавышы сыйган»¹.</p>	<p>Лишь в тебе, в тебе все звуки и страдания собрались, И вместился звук азана, голос хафиза, голос правителя.</p>
---	---

Лирический герой Ш. Бабича отказываясь от границ своего отдельного существования, входит в мир музыкально-стихийного единства. *Моң* приобретает статус сверхсубъекта и воплощает надличностное и вневременное по отношению к основной лирической ситуации и герою-слушателю активно-волевое начало. Обладая жизненно-творческой энергией, мелодия совершает реальные действия, которые переводят «я» в другой модус бытия. «Песня» овладевает не только его воображением, но и всем его существом, подчиняет ритму своего дыхания, меняет физиологически. Формальным показателем произошедшей с лирическим героем метаморфозы становятся неопределенно-личные конструкции, указывающие на множественность испытывающих воздействие субъектов. Ввергая людей в новое душевное состояние, *моң* объединяет их общностью коллективного переживания.

В мелодии кануна заключено единство религиозного и эстетического, пророческого и музыкально-поэтического, индивидуального, частного и общеродового, сиюминутного и вечного. В звучании этого музыкального инструмента, подобном молитве или заклинанию, осуществляется утопическая мечта поэта об искусстве, выполняющем теургическую (*азан тавышы, кари тавышы*) и магическую (*сихерле можжиза*) функции.

Семантическую структуру концепта *моң* характеризует не только национально-историческое, но и универсально-философское содержание. С этой точки зрения примечательно творчество Дэрдменда, в произведениях которого *моң* не только центральный образ-мотив, но и особая форма мирозерцания, соприкосновение с тем, что составляет сущность жизни. Через *моң* устанавливается корреляция между Вселенной, макрокосмом, и человеком, микрокосмом.

В стихотворении Дэрдменда «Ятам кайчаклары моңлап...» («Я лежу порой, задумавшись, тоскуя...») *моң* выступает как способ познания — вслушивания в тишину вселенной:

<p>Ятам каймаклары моңлап, Һаваның тынлыгын тыңлап, Килә өннәр, колак чыңлап. Диямен: — Ни бу? Нидәндәр бу? Жавап урынында гөрли су, Тирәклек тирбәнә, шаулый!..»²</p>	<p>В тоске я лежу порой, Наполнен вселенскою тишиной, Лишь эхо пронесится над головой. Я вопрошаю: — Что это? Где это? Воды бурлят вместо ответа, Качается роща, шумит!³</p>
---	---

Состояние, в котором пребывает лирический герой («моңлап»), характеризуется особой ценностно-смысловой позицией — ориентацией на «бесконечное» и «безмерное».

Причастность к этим категориям позволяет прозревать в доносящихся до слуха «я» *өннәр* ‘звуках’ иную, нечеловеческую, реальность. Выразительно-говорящая природа этого неантропоцентрически понятого мира, символизируемая звуками, передается ритмико-мелодической структурой стихотворения. В едином музыкальном потоке преобладают звуки «а», «ы», «ә», «и», «у» — ударные в ключевых словах-символах: *өннәр* ‘звуки’, *гөрли су* ‘журчит вода’, *тирәклек тирбәнә, шаулай* ‘кусты колышутся, шумят’.

Звуки и отзвуки, обладающие сходством звучания, образуют нерасчлененно слитную реальность — неделимую целостность «языка» космоса и природы, языка, который характеризуется размытостью, абстрактностью, герметичностью, непознаваемостью и, тем самым, притягательностью, таинственной многозначительностью. Из этого мира, не имеющего своего членораздельно высказанного слова,

¹ Там же.

² Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. Б. 12.

³ Перевод А. Григорьевой, см.: Дэрдменд. Стихи: пер. с татар. / сост.: С. Хаким, Р. Харисов. Казань: Таткнигоиздат, 1970. С. 75.

выделяется личность, самосознание которой направлено на постижение сокровенных первофеноменов бытия вселенной и человека, напряженно вопрошающего: «Что это? Из-за чего это?». В ритмико-мелодическом движении, связанном с семантикой «слитности», активизируется противоположная ей тенденция. В их взаимной обращенности и открытости друг другу и одновременно непреодолимости существующих между ними границ, динамике схождения и расхождения заключен общий ритм жизни, своеобразный *моң* этого стихотворения. Источником *моң* являются напряжение, возникающее на границе двух миров, их взаимное притяжение и отталкивание.

Моң в лирике Дэрдменда — это и субстанциальная основа мира, универсальная метафизическая энергия, теургическое средство, которое преображает все сущее, вносит в него свои законы и ритмы. В стихотворении «Түкте кояш нурларын алтын-сары...» («В лучах от солнца желто-золотистых...») *моң* сконцентрирован в весенней трели жаворонка, определяемой как «моңлы зар»:

<p>Түкте кояш нурларын алтын-сары, Тауларның бетте эреп салкын кары. Күтөрелде күк йөзөнө сабан тургай, Ишетелде чырлап түккөн моңлы зары¹.</p>	<p>В лучах от солнца желто-золотистых Растаял на горах холодный снег. Пронзительную песнь из поднебесья Льет жаворонок жалостно на всех².</p>
--	--

Аналогия между солнцем и жаворонком, желто-золотыми лучами, «льющимися» на землю («Түкте кояш нурларын алтын-сары»), и также «льющейся» из поднебесья песней, сиянием и звучанием выявляет в *моңлы зар* ‘жалобной песне’ жаворонка свойственные небу и сфере света трансцендентное качество «высоты» (надземного, бесконечного), причастность к гармонизированной эстетике космического порядка и к тайнам бытия. Глагол *түгәргә* ‘лить, проливать’, используемый по отношению к лучам и песне, придает им свойства, присущие жидкости, — текучесть, прозрачность, необратимость, переливчатость, звонкость, последовательность протекания от начала до конца и др. В горестной песне-рыдании угадывается переживание неустойчивости, изменчивости бытия, предопределенного свыше трагизма земного существования. Пронзительная песня жаворонка — это и выражение полноты жизни, но полноты, не удовлетворенной собой и томящейся по мирам иным.

Моң — важнейший концепт поэтического мира Дэрдменда, участвующий в организации бытийственной «вертикали». Его универсально-философский смысл легко прочитываются в ключе идей философии экзистенциализма (осознания трагического характера исторического бытия и судьбы человека, невозможности постижения смысла жизни, экстатического порыва в область трансцендентного, потустороннего, запредельного и др.), суфизма (поиска Истины как Пути приближения к Богу), романтической эстетики «невыразимого» (феноменология молчания как приобщения к откровению).

Еще одно значение *моң* в литературе этого периода — это утонченное, катарсическое переживание, являющееся источником духовной энергии творчества. В стихотворении Дэрдменда «Каләмгә хитап» («Обращение к перу», 1906) душа и искусство взяты в их взаимной устремленности друг к другу:

<p>Каләм! Кальбөндө ни сер бар — гаян ит, Килеп кичмешләр ахвален баян ит. Түгеп күз яшьләренне бу кәгазьгә, Ни моңлы уйларың бар — сөйлә безгә! Бабалар кабре янында күңел зар, Аталар рухының армандәсе бар...³</p>	<p>О перо! Какая тайна на душе — открой, Расскажи про всё, что было до сих пор с тобой. Проливая на бумагу слёзы из очей, О печалях нам поведай на душе твоей⁴.</p>
--	--

¹ Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. Б. 30.

² Перевод В. Думаевой-Валеевой, см.: Дэрдменд. Шигырьләр = Стихотворения. С. 30.

³ Там же. Б. 50.

⁴ Перевод В. Думаевой-Валеевой, см.: там же. С. 51.

Сер 'тайна', которая заключена в калыб 'сердце', килеп кичмешлар эхвален 'история жизни', моңлы уйларың 'печальные думы', превращаясь в слезы, проливаемые на бумагу, выходят за свои собственные пределы и становятся искусством. Тайна сердца, судьба личности, печальные думы, слезы, перо, взаимодействуя и многолинейно перекрещиваясь, создают единую синкретическую реальность, утверждающую равновеликость творчества всему, что составляет жизнь человека.

В стихотворении Ш. Бабича «Кышкы юл» («Зимняя дорога», 1916) эпитет моңлы характеризует душу певца (моңлы күңел). Воссоздается яркая картина творческого акта, в основе которого — параллелизм не только природы и человека, но и тех сил, которые движут ими. Одна из них активная, идущая сверху вниз, другая — рецептивная, душевно податливая, претерпевающая, отзывчивая на все отклики извне. Мифологическая семантика высвечивает в рождающейся песне такие черты, как стихийную «открытость», способность стирать границы не только между верхом и низом, землей и небом, но и между внешним и внутренним, между космосом и душой:

<p>Ак кояш, нур жепләрэн сузган да жиргә нур сибә, Нурлы жепләрден агып, моңлы күңелгә жыр килә. Жырлыгый башлыгыйм...¹</p>	<p>Солнце белое озаряет землю лучами, которые, как нити, протянуты к ней, Стекающая по лучистым нитям, песня вливается в грустную душу. Петь начинаю я.</p>
--	---

В стихотворении устанавливается связь двух образов: моңлы күңел 'печальной души' и жыр 'песни'. Моңлы күңел 'печальная душа' выступает в качестве посредника между стекающими в нее по лучам света звуками и песней поэта-творца. Эпитет моңлы сближает душу лирического героя с окружающим его пространством, в котором тоже есть моң, создавая образ жертвенной открытости «я» миру, неотделимости от него, синкретичности «я» и кыр 'поля', пронизанности их космическими вихрями (символика усал жыл 'злого ветра').

Моң в литературе начала XX в. функционирует и как категория, определяющая эмоционально-психологическое состояние лирических персонажей. Это внутренняя мелодия жизни человека, сокровенная музыка, звучащая в нем даже тогда, когда он ее не слышит. В стихотворениях Г. Тукая «Дәрдемәнд түгелме мин?» («Разве я не скорбящий?», 1906), «Узник» («Мәхбүс» /Пушкиннән/, 1907), «Япун хикәясе» (Бурениннән) («Японская сказка» /Из Буренина/, 1909), «Ачы тәҗрибә авазы» («Голос горького опыта», 1910), «...га (Шома тормыш юлында...)» («Когда на жизненном пути...», 1911) моң — психологическая деталь, «суммарно-обозначающая» форма психологизма, слово, заключающее в себе большие смысловые резервы и актуализирующее опыт, исходящий из глубин эмоциональной жизни человека. В одном случае оно обозначает устойчивое, длительное эмоциональное состояние, которое вытекает из общего взгляда на жизнь и порождается им, в другом — одно из многих настроений человека.

Моң в лирике Дәрдемента это прежде всего «язык» природы: птиц, ветра, воды — и человеческой души. Он слышится в көй 'звучащей песне', мольбе, соотносится с плачем и слезами, а также с голосами трансцендентного — өннәр 'звуками', нида 'стоном', образуя в таком сочетании нерасчленимо многозначный, ускользающе-таинственный, не поддающийся логически ясному выражению смысл. Значениями, таящимися в его метафизических обертонах, осложняются «соседние» мотивы — сагыш 'тоска', хәсрәт 'горе', зар 'стенание'. Наконец, слово моң активно используется в качестве эпитета, характеризующего взгляд, душу и думы лирических персонажей, — моңлы күз сөзешләре, моңлы күңел, моңлы уйлар. Метафизика, заключенная в этом понятии, обращена к глубинам души и сердца человека, переживаемым им экзистенциальным состояниям. В лирике Дәрдемента им также обозначается промежуточно-общее, объединяющее «я» и «ты», психологическое пространство, то, что можно было бы назвать межсубъектной реальностью «я» и «другого».

¹ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Б. 185.

Итак, *моң*, акцентируют внимание не только на глубинной семантике текста, но и на том, что выводит за его границы, актуализируя общие для творчества поэтов начала XX в. смысловые слои. Произведения Г. Тукая, Дэрдменда, Ш. Бабича предстают в качестве целостного, интегративного словесно-концептуального пространства, в котором *моң* — точка пересечения и единства субъективного, напряженно-лирического переживания трагической участи человека и нации в целом и соотносенной с этим внутренним психологическим состоянием и объективирующим его природно-космическим фоном.

Заключение

Таким образом, мы показали, что *моң* — системообразующий элемент татарской национальной картины мира, на основе которого складывается, если использовать термин семиотики, ее «язык». *Моң* реализуется в способах художественного мышления писателей, в образно-тематическом строе произведений, воплощается на разных уровнях структуры изображенного мира как характеристика его звуковой стороны, используется в качестве портретных, пейзажных и психологических деталей, которые нередко становятся мотивами и лейтмотивами, вырастают в символы.

Моң как особенность национального «Логоса» (Гачев, 2002: 6) отражает осмысление судьбы человека, современной ему национально-исторической действительности, а зачастую и событиями культурной мифологии как некоего единства, в основе которого не столько причинно-следственные отношения, сколько провиденциально-вероятностные соответствия и совпадения. *Моң* как составляющая «характера народа (Психеи)» (там же), включается в систему принципов и приемов психологического изображения, влияет на субъектно-образную организацию произведений. Являясь точкой пересечения «мелодии» души и «голоса» бытия, иррациональных в своей глубине переживаний человека и рационально устроенной гармонии вселенной, *моң* стирает границы между субъективным и объективным, преходящим и вечным, участвуя в формировании характерных для татарской культуры субъектно-образных целостностей. Единичное, индивидуально-личное, текучее и безгранично изменчивое предстают как общеродовое, универсальное, стабильное, субстанциальное. Наконец, *моң* — это и точка пересечения и единства субъективного, напряженно-лирического переживания трагической участи человека и нации в целом и соотносенной с этим внутренним психологическим состоянием и объективирующим его природным фоном, «Космосом» (там же), вносящим в изображаемое эпически-абстрактную, надличностную проекцию.

Проведенное исследование продемонстрировало, что *моң* как смысловая структура, обладающая в художественных текстах «метасодержательным» и формообразующим потенциалом, требует не только смысловой и логико-дискурсивной трактовки, но и функционального толкования, призванного выявить его роль в формировании национальной картины мира.

Перспективы исследования видятся в описании семантической структуры и закономерностей функционирования концепта *моң* в других родах и жанрах литературы, на разных этапах ее истории. Возможной перспективой развития данной темы может стать сопоставительный анализ ключевых концептов тюркских культур и особенностей их интерпретации в литературно-художественных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аминова, В. Р., Мижит, Л. С. (2021) Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970-1990-х гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

Аскольдов, С. А. (1997) Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 320 с. С. 267–279.

Бахтиярова, Ч. (1964) Обновление национальной традиции // Национальное и интернациональное в литературе и искусстве: сборник статей / отв. ред. М. Н. Пархоменко. М. : Мысль. 262 с. С. 224–261.

Володина, Н. В. (2010) Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М. : Флинта ; Наука. 256 с.

Выготский, Л. С. (1998) Психология искусства. Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс». 480 с.

Галиева, А. М., Нагуманова, Э. Ф. (2013) Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта Моң) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 2. С. 245–252.

Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос ислама (интеллектуальные путешествия). М. : Изд. сервис. 784 с.

Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Алгоритм ; Эксмо. 544 с.

Гачев, Г. Д. (2020) Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира 3-е изд. М. : Академический Проект. 511 с.

Грюнебаум, Г. Э. фон. (1978) Литература в контексте исламской цивилизации // Арабская средневековая культура и литература: сборник статей зарубежных ученых / сост. И.М. Фильштинский. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 216 с. С. 31–45.

Загидуллина, Д. Ф. (2022) Художественные приемы и стилевые обновления в татарской литературе (в контексте тюркских литератур XX–XXI вв.). Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. 252 с.

Закирова, Р. Р. (2008) Лингвокультурологический концепт моң в татарской языковой картине мир // Вестник Чувашского университета. № 4. С. 197–203.

Зусман, В. Г. (2001) Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород : Изд-во «ДЕКОМ». 168 с.

Зусман, В. (2003) Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. № 2. С. 3–29.

Исанбет, Ю. Н. (2021) Статья Наки Исанбета «На путях становления татарской музыки» (1923) как источник научного комментирования // TATARICA. Вып. 17. С. 141–168. DOI: <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-141-168>

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Лотман, Ю. М. (2001) Семиосфера. СПб. : «Искусство – СПб». 704 с.

Неретина, С. С. (1999) Тропы и концепты. М. : Институт философии РАН. 277 с.

Нигматуллина, Ю. Г. (1970) Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 211 с.

Пиотровский, М. Б. (1994) Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур: сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 318 с. С. 92–97.

Потебня, А. А. (1989) Слово и миф. М. : Правда. 622 с.

Рахим, Г. (2018) Избранные труды / сост. М. И. Ибрагимов, А. М. Гайнутдинов. Казань : Ихлас. 560 с.

Сагадеев, А. В. (1983) Стереотипы и автостереотипы в сравнительных исследованиях восточной и западной философии // Философское наследие народов Востока и современность: сб. ст. / редкол.: В. Г. Буров и др. М. : Наука. 247 с. С. 11–41.

Сафиуллин, Я. Г. (2020) Жизнь поэта в его стихах. 125 лет со дня рождения Ш. Бабича // Казанский альманах: Малахит / сост. и ответ. ред. А. Мушинский. Казань : Татар. кн. изд-во. 224 с. С. 85–103.

Саяпова, А. М. (2006) Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань : Изд-во «Алма-Лит». 246 с.

Степанов, Ю. С. (2001) Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект. 990 с.

Халит, Г. (1990) Многоликая лирика. Казань : Татар. кн. изд-во. 336 с.

Шиммель, А. (2000) Мир исламского мистицизма / пер. с англ. М. : Алетея ; Энигма. 416 с.

Amineva, V. R., Ibragimov, M. I., Nagumanova, E. F., Khabibullina, A. Z. (2015) Tukay's poetry: the aspects of national identity // XLinguae European Scientific Language Journal. Vol. 8. Issue 1. С. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.01.79-87>

Дата поступления: 04.08.2024 г.

Дата принятия: 04.10.2024 г.

REFERENCES

Amineva, V. R. and Mizhit, L. S. (2021) Subject-figurative structures in Tatar and Tuvan poetry of the 1970s – 1990s. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

Askol'dov, S. A. (1997) Concept and word. In: *Russian Literature: From the theory of Literature to the structure of the text: An Anthology* / ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 320 p. Pp. 267–279. (In Russ.).

Bakhtiiarova, Ch. (1964) Updating the national tradition. In: *National and international in Literature and Art: a collection of articles* / ed. by M. N. Parkhomenko. Moscow, Mysl'. 262 p. Pp. 224–261. (In Russ.).

Volodina, N. V. (2010) *Concepts, universals, stereotypes in the field of literary criticism*. Moscow, Flinta; Nauka. 256 p. (In Russ.).

Vygotskii, L. S. (1998) *Psychology of Art*. Rostov-na-Donu, Feniks Publ. 480 p. (In Russ.).

Galieva, A. M. and Nagumanova, E. F. (2013) Features of the transmission of national-specific concepts in translated texts (using the example of the concept of Moñ). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 155, book 2, pp. 245–252. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2002) *National images of the world. Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan. The Cosmos of Islam (intellectual travel)*. Moscow, Izd. servis. 784 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2008) *The mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm; Eksmo. 544 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (2020) *Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt. 511 p. (In Russ.).

Grünebaum, G. E. fon. (1978) Literature in the context of Islamic civilization. In: *Arab Medieval culture and literature: a collection of articles by foreign scholars* / comp. by I.M. Fil'shtinskii. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 216 p. Pp. 31–45. (In Russ.).

Zagidullina, D. F. (2022) *Artistic techniques and stylistic updates in Tatar literature (in the context of Turkic literatures of the XX–XXI centuries)*. Kazan', Ilal' im. G. Ibragimova AN RT. 252 p. (In Russ.).

Zakirova, R. R. (2008) The linguistic and cultural concept of moñ in the Tatar language picture of the world. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4, pp. 197–203. (In Russ.).

Zusman, V. G. (2001) *Dialogue and concept in literature. Literature and music*. Nizhnii Novgorod, DEKOM Publ. 168 p. (In Russ.).

Zusman, V. (2003) The concept in the system of humanitarian knowledge. *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 3–29. (In Russ.).

Isanbet, Yu. N. (2021) Naki Isanbet's article "On the Ways to the Tatar Music Development" (1923) as a source of scientific commentation. *Tatarica*, issue 17, pp. 141–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2311-2042-2021-17-2-141-168>

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Lotman, Yu. M. (2001) *The semiosphere*. St. Petersburg, Iskusstvo — SPb. 704 p. (In Russ.).

Neretina, S. S. (1999) *Trails and concepts*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 277 p. (In Russ.).

Nigmatullina, Iu. G. (1970) *The national identity of the aesthetic ideal*. Kazan', Kazan University Publ. 211 p. (In Russ.).

Piotrovskii, M. B. (1994) Islam and Destiny. In: *The concept of fate in the context of different cultures: a collection of articles* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Nauka. 318 p. Pp. 92–97. (In Russ.).

Potebnia, A. A. (1989) *The Word and the myth*. Moscow, Pravda. 622 p. (In Russ.).

Rakhim, G. (2018) *Selected works* / comp. by M. I. Ibragimov and A. M. Gainutdinov. Kazan, Ikhlas. 560 p. (In Russ.).

Sagadeev, A. V. (1983) Stereotypes and autostereotypes in comparative studies of Eastern and Western philosophy. In: *The philosophical heritage of the peoples of the East and modernity: collection of articles* / editorial board: V. G. Burov et al. Moscow, Nauka. 247 p. Pp. 11–41. (In Russ.).

Safullin, Ya. G. (2020) The poet's life in his poems. 125 years since the birth of S. Babich. In: *Kazan Almanac: Malachite* / comp. and ed. by A. Mushinskii. Kazan, Tatar publishing house. 224 p. Pp. 85–103. (In Russ.).

Saiapova, A. M. (2006) *Dardmand and the problem of symbolism in Tatar literature*. Kazan, Alma-Lit Publ. 246 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2001) *Constants: Dictionary of Russian Culture*. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 990 p. (In Russ.).

Khalit, G. (1990) *Diverse lyrics*. Kazan, Tatar publishing house. 336 p. (In Russ.).

Shimmel, A. (2000) *The World of Islamic Mysticism* : transl. from Engl. Moscow, Aleteia; Enigma. 416 p.

Amineva, V. R., Ibragimov, M. I., Nagumanova, E. F. and Khabibullina, A. Z. (2015) Tukay's poetry: the aspects of national identity. *XLinguae European Scientific Language Journal*, vol. 8, issue 1, pp. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.01.79-87>

Submission date: 04.08.2024.

Acceptance date: 04.10.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.12

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Сохранение языкового и культурного наследия тувинского этноса в цифровую эпоху

Марина Л. Новикова, Филипп Н. Новиков

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье представлен анализ эффективных стратегий сохранения и изучения тувинского языка с помощью применения таких методов и технологий, как корпусная лингвистика, искусственный интеллект, краудсорсинг. Обсуждается процесс разработки образовательных и коммуникативных приложений с использованием нейросетей, интеграции проектов, созданных языковыми сообществами, в национальные проекты по сохранению и развитию языков народов России.

Проведено исследование цифрового присутствия тувинской культуры и языка в системах генеративного искусственного интеллекта, включая эксперименты с большими языковыми моделями (GPT-4o, Google Gemini, Claude AI) и мультимодальными технологиями, показавшими различные уровни их отражения. Авторы также провели SWOT-анализ тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху, выявивший сильные стороны, такие как автоматизация обработки материалов и новые возможности архивации, а также слабые стороны, угрозы и возможности, связанные с развитием технологий и человеческими факторами.

Основной вывод, основанный на положительных тенденциях, гласит, что сочетание традиционных методов и новейших технологий может сыграть ключевую роль в сохранении тувинского языка и культуры для будущих поколений.

Ключевые слова: тувинский язык; искусственный интеллект; машинный перевод; нейросеть; языковая модель; цифровое присутствие; машинное обучение

Для цитирования:

Новикова М. Л., Новиков Ф. Н. Сохранение языкового и культурного наследия тувинского этноса в цифровую эпоху // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 173-187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.12>

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: novikova-ml@rudn.ru

Новиков Филипп Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического института Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: novikov_fn@pfur.ru

*TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**Article***Preserving linguistic and cultural heritage of the Tuvan ethnos
in the digital era****Marina L. Novikova, Filipp N. Novikov***RUDN University, Russian Federation*

This article presents an analysis of effective strategies for preserving and studying the Tuvan language through the application of methods and technologies such as corpus linguistics, artificial intelligence, and crowdsourcing. The paper examines the development process of educational and communicative applications utilizing neural networks, as well as the integration of language community-created projects into national initiatives for preserving and developing the languages of Russia's ethnic groups.

The study investigates the digital presence of Tuvan culture and language in generative artificial intelligence systems, including experiments with large language models (GPT-4, Google Gemini, Claude AI) and multimodal technologies, which demonstrated varying levels of representation. The authors also conduct a SWOT analysis of Tuvan linguistic and cultural heritage in the digital age, identifying strengths such as automated material processing and new archival capabilities, as well as weaknesses, threats, and opportunities associated with technological developments and human factors.

The primary conclusion, based on positive trends, suggests that combining traditional methods with cutting-edge technologies can play a crucial role in preserving Tuvan language and culture for future generations.

Keywords: *Tuvan language; artificial intelligence; machine translation; neural network; language model; digital presence; machine learning*

For citation:

Novikova M. L. and Novikov F. N. Preserving linguistic and cultural heritage of the Tuvan ethnos in the digital era. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 173-187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.12>

NOVIKOVA, Marina Lvovna, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Cultural Studies Department, Russian Language Institute, RUDN University. Postal address: 10, bldg. 3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: novikova-ml@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4673-067X

NOVIKOV, Philipp Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Law Institute Department of Foreign Languages, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: novikov_fn@pfur.ru

ORCID: 0000-0003-4884-3659

Введение

Сохранение культурного и языкового наследия народов Российской Федерации является одной из первоочередных задач, стоящих, с одной стороны, перед такими специалистами, как лингвисты, литературоведы, этнографы, работники культуры, управленцы, и населением, являющимся носителем данной культуры — с другой. Тувинский народ является хранителем богатого культурного и языкового наследия, воплощающего в себе традиции, нормы, ценности и совокупный духовный опыт, передаваемые из поколения в поколение. Тувинский язык, как и другие языки мира — информационная запись, выраженная в определенной знаковой системе, автономная самоориентирующаяся система, обладающая собственной динамикой развития.

Тувинский язык, который входит в 25 наиболее распространенных языков по числу носителей на территории нашей страны¹, имеет определенные общие черты, роднящие его с иными языками народов России, прежде всего с другими тюркскими языками, но вместе с тем он является уникальным ввиду своего историко-географического и социально-экономического положения и культурных особенностей, и требует к себе особого внимания.

В данной статье мы рассмотрим основные векторы развития поддержки культурного и языкового наследия Тувы в цифровую эпоху, принимая во внимание как опыт иных языков и культур, так и тувинскую специфику и уникальность ее ситуации.

В рамках исследования принимаемых мер по поддержке языка и культуры, учитывая принятую Правительством Республики Тыва Стратегию государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.² (далее — Стратегия), особое место занимает обращение к виртуальности, рассматриваемой как новое пространство для разворачивания этнокультурных процессов (Ламажаа, 2021), вопросам киберэтнографии, поскольку «воображением в киберпространстве создается вполне «реальная реальность»» (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2018: 100). Этничность «обновляется за счет сетевых новообразований и средств стремительной коммуникации. Цифровой мир подчеркнуто глобален и старательно избегает «этнического сепаратизма». Действительно, у цифры нет национальности и отчества, тогда как у народов есть и то и другое» (там же: 9).

Исследование также ставит перед собой дополнительные задачи проведения анализа вербального и невербального присутствия языкового и культурного наследия Тувы в современных системах генеративного искусственного интеллекта, причем не только вербальных, что позволяет оценить степень его интеграции в современный цифровой пейзаж — как в рамках русскоязычного сегмента Интернета, так и за его пределами.

В заключительной части исследования проводится SWOT-анализ³ тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху. Данная методология, изначально выработанная с целью использования в стратегическом планировании бизнеса, нашла свое применение и в иных областях знания, в том числе — при всестороннем анализе положения миноритарных языков (Duan, Noirid, 2023). Применительно к тувинскому языку данный метод может помочь подытожить существующие проблемы и зоны роста, а также найти корреляцию между текущими тенденциями и некоторыми высокотехнологическими аспектами Стратегии развития тувинского языка и её реализации.

¹ Языки России в порядке численности владеющих [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_России_в_порядке_численности_владеющих (дата обращения 20.06.2024).

² Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва в период с 2024 по 2033 гг. [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. URL: <https://tigpi.ru/3d-flip-book/strategiya-gosudarstvennoj-podderzhki-razvitiya-tuvinskogo-yazyka-v-respublike-tyva-v-period-s-2024-po-2033-gg/> (дата обращения 20.06.2024).

³ SWOT (от англ. Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats) — анализ факторов, базирующийся на ключевых параметрах, имеющих 2 полюса: внешние факторы и внутренние факторы. К положительным внутренним факторам относятся сильные стороны (Strengths), положительным внешним — возможности (Opportunities), к отрицательным внутренним — слабые стороны (Weaknesses), отрицательным внешним — угрозы (Threats).

Векторы Стратегии применительно к ревитализации тувинского языка в цифровую эпоху

Исследователи, занимающиеся миноритарными языками, рассматривают возможности их ревитализации¹ — как в современных условиях вообще (McIvor, 2020; Viaut, 2020), так и в условиях стремительной цифровизации. Эти процессы ускоряются благодаря техническому прогрессу и доступности технологий, а также в связи с целым рядом социально-экономических причин, включающих массовый переход на удаленную работу и активное использование нового программного обеспечения во всем мире.

В фокусе внимания исследователей оказывается роль технологии в ревитализации языков малых народов (Meighan, 2021) и влияние уровня цифровой грамотности на выбор предпочтительного для получения информации языка и дальнейшее его развитие (Udoiwang, 2022).

Вызовы, с которыми сталкивается тувинский язык, считающийся важным аспектом тувинской этничности, обусловлены множеством факторов, включающих глобализацию, миграционные процессы и пр. Это приводит, как считают А. Н. Биткеева и Ч. С. Цыбенова, к «изменению системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом» (Биткеева, Цыбенова, 2022: 6). По мнению В. С. Донгак и Д. Ш. Монгуш, в результате «сужается функциональность тувинского языка, тувинский язык остается в основном языком семейного общения» (Донгак, Монгуш, 2021: 157).

Как свидетельствует Стратегия, значительный стимул поддержке языка придают изменения на одном из высших уровней, а именно — на законодательном. По мнению Т. Г. Боргояковой и А. Н. Биткеевой, «комплексный подход в задаче сохранения тувинского языка, принятие Стратегии государственной поддержки развития тувинского языка, направленной на приостановку языкового сдвига в тувинской языковой общности, представляет собой большую практическую ценность для формирования взвешенной языковой политики в Туве, является значительным вкладом в успешное развитие тувинской этнической культуры и этнокультурной идентичности коренного населения» (Боргоякова, Биткеева, 2023: 298). Как и в других регионах Российской Федерации, в Туве предполагается внедрение законов, которые защищают и продвигают использование тувинского языка в официально-деловой среде, включая требования к знанию языка среди государственных служащих и в бизнесе.

Современные технологии стали важным фактором образовательного процесса, значимой составляющей всех сфер жизни общества. Одним из важных условий сохранения и межпоколенной передачи тувинского языка является его функционирование в сфере образования. Поддержка тувинского языка и интерес к его изучению должны осуществляться с самых ранних этапов жизни детей. Стратегия предусматривает внедрение программ с обучением на тувинском языке на всех уровнях образования, создание учебных и методических материалов, а также поддержку многоязычного образования. Несмотря на то, что, как отмечают Ч. Г. Ондар, В. С. Донгак и Д. Ш. Монгуш, цифровой контент на тувинском языке представлен недостаточно, в новых технологичных сферах он практически не функционирует, что вызывает закономерную обеспокоенность исследователей (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023). Тем не менее, определенная работа в данной сфере ведется и специалистами.

Информатизация и интеграция тувинского языка в цифровое пространство не обязательно предполагают высочайший уровень технической грамотности пользователей. Такие базовые и всем доступные технологии, как мессенджеры, помогают поддерживать культурные и семейные связи между различными поколениями тувинцев (Ламажаа, 2021). Особое внимание обращается на важность соблюдения баланса между традицией и современностью, некоего симбиоза исконной культуры и новейших технологий, который способствует распространению языка и традиций, а не противопоставляет их друг другу через антиутопическую парадигму всепоглощающего глобализма.

Необходимо подчеркнуть важность разработки и внедрения технологических решений, поддерживающих тувинский язык: электронных словарей, полноценных систем машинного перевода и образовательных платформ. Мотивация подобных проектов может быть многосторонней — как внутренней, так и внешней. Проекты, созданные энтузиастами, особенно с помощью привлечения

¹ Ревитализация (от лат. *re* + *vita* 'обновление' + 'восстановление') — феномен, характеризующий процессы восстановления, оживления, воссоздания; понятие, используемое в культурологии, экономике, языкознании и др.

общественности, организации краудсорсинга¹, могут быть крайне эффективными. В состав групп заинтересованных лиц, мотивированных не денежными средствами, а иными интересами, готовых вкладывать усилия и время в развитие определенных языковых проектов, в том числе — тувинского языка, входят носители языка и культуры, заинтересованные в сохранении наследия и в развитии языка, а также лингвисты, культурологи и иные специалисты, не являющиеся носителями языка, но проявляющие к языку и культуре научный интерес. Кроме того, следует соблюдать должную осмотрительность при работе с языковыми активистами, так как некоторые из них могут быть радикально настроены, а также необходимо исключать любые межэтнические и межкультурные компромиссы.

К двум вышеперечисленным категориям волонтеров добавляются те лица, которые имеют определенные технические навыки и не всегда в необходимом объеме владеют языком. Для успешного выполнения поставленных задач необходимо обеспечить координацию работы как технических, так и языковых специалистов. Это может быть осуществлено как с помощью более привычных средств вроде мессенджеров и групп в социальных сетях, так и с помощью систем проектного менеджмента, облегчающих совместную работу.

Следует отметить, что тувинский язык относится к так называемым малоресурсным языкам, т. е. к тем языкам, по которым сложно с помощью одного лишь автоматического сбора данных получить достаточное количество материалов для обеспечения высокого качества перевода. Тем не менее, подобные задачи являются выполнимыми при системном подходе и контроле разнообразия языкового материала (Ranathunga et al., 2023).

Среди наиболее масштабных активных централизованных проектов, осуществляющихся в данный момент, как заявил глава Республики Тува Владислав Ховалыг в Послании Верховному Хуралу в январе 2024 г., следует назвать учебно-методические комплексы по цифровизации тувинского языка в рамках реализации Стратегии развития тувинского языка, осуществление сбора данных для параллельного двуязычного корпуса, предоставляемого компании Яндекс для включения тувинского языка в систему машинного перевода «Яндекс Переводчик»².

В новейшем обновлении программы *Google Translate*, выпущенном в июле 2024 г., был добавлен тувинский язык, наряду с другими 109 языками, 9 из которых (якутский, удмуртский, осетинский, луговомарийский, коми, чувашский, чеченский, бурятский, башкирский, аварский) преимущественно распространены на территории Российской Федерации³.

Создание параллельного корпуса, представляющего собой базу для последующего машинного перевода, является одной из сложных тем, заслуживающих отдельных масштабных исследований как с лингвистической, так и технической стороны, но следует отметить, что отбор языкового материала при сборе данных для корпуса играет первостепенную роль, определяя стилистические, грамматические и лексические особенности получаемого в дальнейшем перевода.

Обозначим две основные проблемы, с которыми могут сталкиваться составители корпусов в своей работе. Во-первых, например, корпус, собираемый для больших компаний, может оставаться закрытым, несмотря на усилия многочисленных участников, которым небезразлична судьба языка, и, несмотря на его коллективный характер, может не стать доступным. Безусловно, режим доступа к корпусу и его дальнейшая судьба оговариваются заранее и отдельно в рамках документов, имеющих юридическую силу, но закрытость исходных данных корпуса может потребовать создания нового, отдельного корпуса, который был бы доступен всем заинтересованным лицам. Во-вторых, участники проектов, связанных с корпусной лингвистикой, часто отмечают неоднородность полученных языковых данных, ссылаясь на преобладание традиционной литературной и часто архаичной речи, с одной стороны, и разговорных, подчас просторечных примеров — с другой. При этом нейтральный, промежуточный регистр может остаться без должного внимания, которое следовало бы ему уделять.

¹ Краудсорсинг (от англ. *crowdsourcing*: *crowd* ‘толпа’ и *sourcing* ‘использование ресурсов’) — привлечение к решению вопросов инновационной деятельности лиц в целях использования их способностей и знаний на благо общественности с применением цифровых технологий.

² Послание Главы Республики Тува Верховному Хуралу (парламенту) Республики Тува о положении дел в республике и внутренней политике на 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тува. 2024, 19 января. URL: https://rtuva.ru/press_center/news/society/55751/ (дата обращения 20.06.2024).

³ Стало известно, какие языки добавят в «Google Переводчик». [Электронный ресурс] // РБК. 2024, 27 июня. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/667d77c39a79470e2a58b589> (дата обращения 08.08.2024).

В соответствии со Стратегией, в дальнейшие планы развития цифрового присутствия тувинского языка также входит формирование полноценной медиасреды на тувинском языке, которая будет включать в себя как традиционные виды средств массовой информации, так и цифровые платформы. Виртуальный мир «образует новые медиа, технологии, сети, каналы и др.» (Головнёв, Белорусова, Киссер, 2021: 9). Говоря о развитии нетекстовых языковых проектов, способствующих распространению и поддержке тувинского языка, следует также упомянуть и возможность создания «умной колонки», способной синтезировать и воспринимать речь на тувинском языке. Для решения вопроса добавления абсолютно нового языка в подобные системы основные усилия прилагаются при сборе и разметке данных, выравнивании корпусов (Littel et al., 2022).

Одним из дополнительных инструментов, потенциально ускоряющих и упрощающих создание контента на тувинском языке, могут служить большие языковые модели и другие сервисы искусственного интеллекта. О них будет сказано ниже, так как они имеют определенную специфику и ограничения, которые могут быть трудны для спонтанной идентификации.

Стратегия государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг. включает в себя точно сформулированные и всеобъемлющие цели в области науки, культуры, образования и технологии, которые при их достижении значительно поднимут престиж языка и откроют новые возможности для всех поколений тувинцев и людей, интересующихся тувинским языком и культурой. Притом повышение престижа тувинского языка и осознания уникальности тувинской культуры может идти как изнутри, так и извне, поэтому государственные усилия рекомендуется сочетать с инициативами общественности для достижения наиболее эффективных результатов.

Цифровое присутствие тувинской культуры и тувинского языка в системах генеративного искусственного интеллекта

Как было сказано выше, большое внимание в современной цифровой среде уделяется нейросетям, машинному обучению и системам генеративного искусственного интеллекта ввиду их доступности, мощности и возможностям практического применения во всех сферах жизни — от развлечений до образования и проведения научных исследований.

Данные технологии развиваются стремительно, и мы постараемся рассмотреть определенные направления развития неспециализированных многоязычных систем искусственного интеллекта и определить, какая информация о тувинском языке, народе и культуре, уже сейчас присутствует в них, без дополнительного обучения нейросети со стороны конечного пользователя.

Первый эксперимент, проведенный нами, связан с запросом генерации диалога на тувинском языке. Как было отмечено в нашем предыдущем исследовании (Новикова, Новиков, 2024), всеобъемлющие большие языковые модели не ставят перед собой цели поддержки всех языков мира. Особенно показателен тот факт, что эти модели официально недоступны на территории России. Тем не менее, по мере увеличения объема данных и количества параметров, в них развиваются даже те языки, которые не имеют официальной поддержки. В связи с этим представляется интересным оценить динамику их развития.

Процесс, используемый нами в рамках данного эксперимента, заключался в том, чтобы сделать запрос генерации диалога на тувинском языке. Для этого были выбраны три новейшие языковые модели — Chat GPT-4o от компании OpenAI, анонсированный в мае 2024 г., Google Gemini, запущенный в феврале 2024 г., и Claude 3, ставший доступным в марте 2024 г. На рис. 1–3 приведены результаты, полученные в ходе эксперимента.

Как видно из примеров, Google Gemini показал наихудший результат с большим количеством галлюцинаций, т. е. сообщений с информацией, которая совсем не соответствует запросу. Кроме того, как часто бывает в таких случаях, произошла контаминация выведенного текста элементами из других тюркских языков, что можно объяснить отсутствием целенаправленной разметки данных. Кроме того, система отказалась произвести выдачу текста на русском языке. Система ChatGPT-4o, несмотря на факт правильного отображения буквы «ң» тувинского алфавита, похожим образом исказила языковой материал, выдавая частично верный, но во много лишенный смысла текст. Наконец, система Claude AI от компании Anthropic, являющаяся наиболее молодым игроком на рынке искусственного интеллекта, показала гораздо более высококачественный результат, в большей степени опирающийся на тувинский язык.

На тувинском языке:

А: Салбыр! Ханда очааң?
 Б: Салбыр! Мен ээзим, чыдаа очааң?
 А: Мен да. Улуңда кайда болдум?
 Б: Мен Кызылагайга чыктым. Сен каяда бардың?
 А: Мен хой, Бай-Тайга болдум. Улуг деерге-чу!

Перевод на русский:

А: Привет! Как дела?
 Б: Привет! Хорошо, как твои дела?
 А: Тоже хорошо. Где ты был в последнее время?
 Б: Я ездил в Кызыл. А ты куда ездил?
 А: Я был в Бай-Тайге. Отличное место!

Рис. 1. Пример ответа GPT-4o на запрос генерации диалога на тувинском языке.
 Fig. 1. An example of the GPT-4o response to a request to generate a dialog in the Tuvan language.

Tuvan:

- Мен сенни чок чораан. (Men senni chok choraan.)
- Сен кандыг турган? (Sen kandyg turgan?)
- Мен олук турган. (Men olukturgan.)
- Адын сен? (Adyn sen?)
- Менни адым Бард. (Menni adym Bard.)
- Сен кандан келген? (Sen kandan kelgen?)
- Мен Америкадан келген. (Men Amerikadan kelgen.)
- Тувага хош келген! (Tuvaga khosh kelgen!)

English:

- I don't understand you. (Men senni chok choraan.)
- How are you? (Sen kandyg turgan?)
- I'm fine. (Men olukturgan.)
- What is your name? (Adyn sen?)
- My name is Bard. (Menni adym Bard.)
- Where are you from? (Sen kandan kelgen?)
- I'm from America. (Men Amerikadan kelgen.)
- Welcome to Tuva! (Tuvaga khosh kelgen!)

Рис. 2. Пример ответа Google Gemini на запрос генерации диалога на тувинском языке.
 Fig. 2. An example of Google Gemini's response to a request to generate a dialog in the Tuvan language.

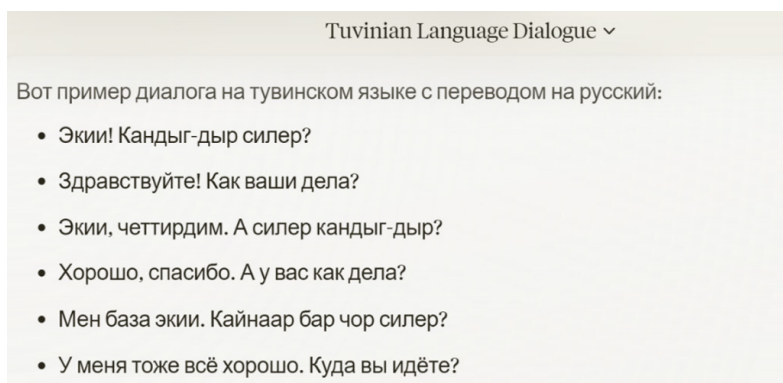

Рис. 3. Пример ответа Anthropic Claude AI на запрос генерации диалога на тувинском языке.
 Fig. 3. An example of the response of Anthropic Claude AI to a request to generate a dialog in the Tuvan language.

Продолжая исследование потенциала больших языковых моделей в области использования тувинского языка, мы провели еще один эксперимент, связанный с дополнительной настройкой большой языковой модели ChatGPT. Если в предыдущем исследовании, проведенном нами в 2023 г., мы пользовались дорогостоящим механизмом Fine-tuning, требующим предварительного обучения большой языковой модели, то на этот раз мы использовали иную, ставшую доступной уже после проведения исследования технологию — RAG (*Retrieval Augmented Generation*, генерация ответа, дополненная результатами поиска), представляющую особый интерес для создания специализированных нейросетей (Jeong, 2023).

В отличие от механизма *fine-tuning*, каждая итерация которого является окончательной, требует определенных затрат и специально сформированного набора данных в удобном лишь машине виде, модель RAG работает следующим образом (рис. 4).

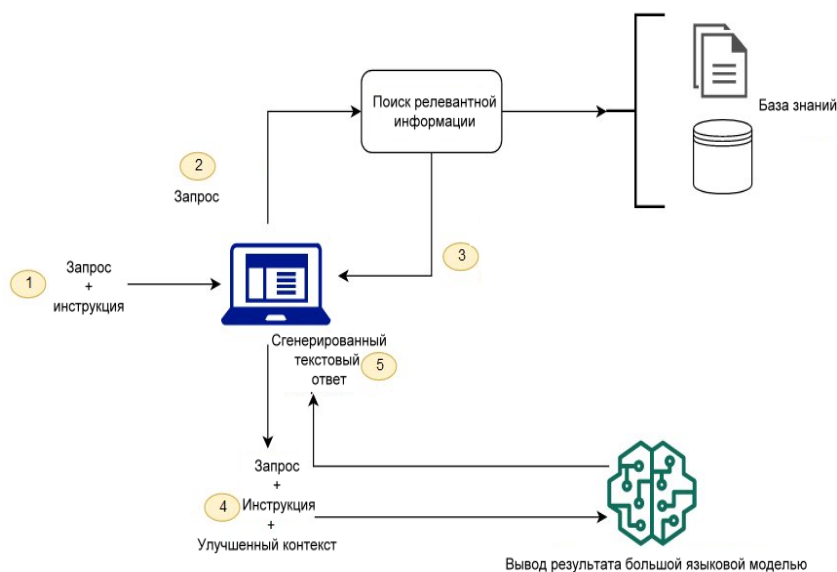

Рис. 4 Схема работы большой языковой модели с применением технологии RAG.
 Fig. 4 The scheme of operation of a large language model using DRAG technology.

Как видно из приведенной схемы, применение подобной технологии имеет несколько преимуществ: во-первых, оно помогает минимизировать проблему языковых галлюцинаций и увеличить контроль над выводимыми результатами; во-вторых, оно позволяет создать бесконечное количество вариации моделей, каждая из которых будет обладать определенными знаниями и навыками, востребованными в конкретной образовательной, научной, литературоведческой, лингвистической и иной ситуации; наконец, оно является гораздо более простым в применении и не требует столь глубокой технической экспертизы, как это было в случае с механизмом *fine-tuning*.

В рамках данного исследования мы провели эксперимент по созданию RAG-модели GPT-4, основанной на пособии «Поговорим по-тувински» («Тывалап чугаалажылынар»), написанном К. А. Бичелдеем в 2012 г¹.

На рис. 5 приведен результат, полученный при том же самом запросе, адресованном RAG-модели GPT-4.

Несмотря на то, что данный диалог также не является идеальным, он значительно превосходит по качеству новейшую стандартную модель GPT-4o и показывает большой потенциал использования подобных моделей, которые могут опираться на лингвистические материалы и культурное наследие тувинского народа.

¹ Поговорим по-тувински. Тывалап чугаалажылынар: пособие для изучающих тувинский язык / К. А. Бичелдей; Тувинское книжное. изд-во, 2012.

Встреча и приветствие

А: Мында кирип болур бе? (Здесь можно войти?)

Б: Ийе, кириңер! (Да, входите!)

А: Экии! Хандыг? (Здравствуйте! Как дела?)

Б: Экии! Ажылдап турар мен. (Здравствуйте! Работаю.)

А: Бээр олуруңар. (Садитесь сюда.)

Б: Четтирдим, садыг. (Спасибо, хорошо.)

Рис. 5. Пример ответа созданной авторами в рамках данного исследования RAG-модели GPT-4 на запрос генерации диалога на тувинском языке.

Fig. 5. An example of the response of the GPT-4 RAG model created by the authors within the framework of this study to the request for generating a dialogue in the Tuvan language.

Помимо материала, который можно представить в текстовом виде, культурное наследие, безусловно, во многом является невербальным, поэтому сохранению визуальных и иных традиций должно уделяться очень большое внимание (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024), тем более что оно может способствовать передаче знаний самому молодому поколению (Altundaş, 2023).

Следующим шагом в развитии искусственного интеллекта, помимо развития качества выводимой текстовой информации, является развитие мультимодальности (Hu et al., 2024), то есть способности получать и выводить не только текстовые данные, но и изображения, звуки, видеопоток и т. д. В связи с этим в рамках данного исследования мы провели эксперимент, позволяющий нам судить о полноте информации, присутствующей в сервисах, предлагающих генерацию изображений. Для этого были использованы специализированные сервисы Midjourney, Яндекс Шедеврум и OpenAI Dall-E 3. На рис. 6 приведены результаты.

Следует заранее оговорить тот момент, что из всех трех систем наиболее развитой по качеству выводимых изображений является Midjourney, а Шедеврум выводит изображения с большим количеством артефактов, что в большей степени обусловлено возрастом проектов. Тем не менее, все три примера показывают стереотипный горно-равнинный пейзаж с пастбищами и юртами (хотя последние часто перемежаются с не совсем типичными постройками), в случае Dall-E 3 мы даже видим отару овец, что может свидетельствовать об осведомленности данной системы о важности овцеводства в республике. Несмотря на определенные визуальные неточности и наличие посторонних объектов, мы можем судить о том, что во трех российских и зарубежных системах заложена информация об этнокультурных и географических особенностях Тувы.

Рис. 6. Представления о пейзаже Тувы и традиционных поселениях тувинцев, заложенные в Midjourney V6, Шедеврум и Dall-E 3 (запрос июня 2024 г.).

Fig. 6. Ideas about the landscape of Tuva and the traditional settlements of Tuvans, in Midjourney V6, Masterpiece and Dale 3 (June 2024 request).

Наконец, мы провели эксперимент с применением новейшей мультимодальной технологии, заложенной в вышеупомянутых системах Claude AI и ChatGPT-4, протестировав так называемое «компьютерное зрение», которое позволяет пользователю делать запрос не с помощью текста, но и с помощью изображения, интерпретируя визуальную информацию. В качестве образца этнокультурной информации была использована следующая фотография, найденная в Википедии¹, сделанная в Кызыле во время празднования Наадыма в 2016 г. (рис. 7).

В качестве эксперимента мультимодальным большим языковым моделям было предложено описать данную фотографию и сделать предположение о том, какой народ представлен на ней. На рис. 8 приведены результаты, показанные GPT-4o и Claude AI соответственно.

Рис. 7. Фотография с празднования Наадыма, использованная для проверки компьютерного зрения больших языковых моделей GPT-4o и Claude AI (г. Кызыл, 2016 г.).

Fig. 7. A photo from the celebration of Naadim, used to test the computer vision of large language models GPT-4o and Claude AI (Kyzyl, 2016).

Как можно видеть из приведенных примеров, обе системы безошибочно опознали национальные костюмы и дали развернутое определение, что свидетельствует о наличии значительного визуального культурного следа в данных системах искусственного интеллекта. Крайне важно отметить, что во время формирования ответа системы не использовали выход в Интернет, что означает, что они не

По традиционным ярким национальным костюмам и украшениям на этом изображении можно предположить, что эти люди представляют тувинскую культуру из Республики Тыва, одного из регионов Российской Федерации, расположенного в Южной Сибири. Тувинцы - коренной тюркский народ, исторически ведущий кочевой

На основе стилей традиционной одежды на фотографии можно предположить, что эти люди из Республики Тыва, расположенной на юге Сибири, Россия. Головные уборы и узоры на их одежде особенно характерны для тувинской национальной одежды. Тыва известна своим

Рис. 8. Результат тестирования компьютерного зрения мультимодальных систем Claude AI и ChatGPT-4o (запрос июня 2024 г.).

Figure 8. The result of computer vision testing of the Claude AI and ChatGPT-4o multimodal systems (June 2024 request).

¹ Мөгелер биле Даңгыналар. Аныяктар аразынга Наадым Хүрежи. 2016 [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Мөгелер_биле_Даңгыналар_2016.jpg#mw-jump-to-license (дата обращения 08.08.2024).

имели доступа к функции *reverse image search* — поиску по изображению. Более того, при дальнейшем запросе о том, по какому случаю люди, изображенные на фотографии, могут быть так одеты, обе системы ответили, что скорее всего, это праздник Наадым.

Помимо вышеперечисленных инструментов, основанных на искусственном интеллекте, следует также отметить присутствие тувинского языка среди более чем двухсот языков ведущего инструмента корпусной лингвистики *Sketch Engine*, разрабатываемого чешской компанией Lexical Computing и используемого лексикографами, лингвистами и специалистами в области машинного обучения.

Таким образом, нам удалось проанализировать эволюцию цифрового присутствия тувинского языка и тувинской культуры в наиболее современных системах искусственного интеллекта и прийти к выводу о том, что они сделали большой шаг в развитии за последний год (Новикова, Новиков, 2023), инкорпорировать различные языки народов России, в том числе тувинский, а также отметить то, что тувинский народ оставил яркий и заметный след в глобальном цифровом пространстве, уникальность которого нельзя спутать ни с каким другим.

SWOT-анализ тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху

В рамках данного исследования нами также был проведен SWOT-анализ тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху. Его результаты опираются на оценку определенных рисков и возможностей, представляемых цифровизацией в целом, развитием новейших технологий, а также человеческими факторами. Согласно методологии SWOT, все аспекты разделены на четыре квадранта, в которых представлены положительные и отрицательные области, а также настоящее и будущее (рис. 9).

Первый квадрант представляет собой *Strengths* — сильные стороны, преимущества (положительные, присущие факторы). В них входит автоматизация работы с материалом, например — описанная выше модель RAG, способная «изучить» большое количество языкового и даже визуального или голосового материала и каталогизировать его, что открывает недоступные ранее функции и возможности архивации данных. Невербальное культурное наследие, которое могут обрабатывать цифровые сис-

Рис. 9. Результаты SWOT-анализа тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху.

Fig. 9. The results of the SWOT analysis of the Tuvan linguistic and cultural heritage in the digital age.

темы, включает в себя и видео, причем данные материалы могут применяться и для дальнейшей генерации аудиовизуальной информации. Кроме того, как было сказано выше, цифровизация позволяет установить связи между людьми и координировать их усилия в режиме реального времени, даже если они находятся в абсолютно разных локациях и не имели бы возможности работать над проектом иначе.

Противоположенный аспект представляют собой *weaknesses* — слабые стороны, среди которых можно упомянуть человеческий фактор, например — недостаточный уровень технической грамотности у тех, кто потенциально мог бы воспользоваться системами, но не имеет такой возможности или доступа к оборудованию, например, некоторые педагоги или исследователи. Это напоминает нам о том, что при развитии технологий следует иметь в виду всех заинтересованных лиц и обеспечивать им доступ к ним, а также повышать уровень компьютерной грамотности, делая учебные материалы и мероприятия максимально доступными для неспециалистов в области вычислительных технологий.

Одной из существующих, но постепенно решаемых проблем, является несовместимость некоторого программного обеспечения с тувинским алфавитом, а именно — с буквами «ң», «ү» и «ө». Несмотря на то, что шестнадцатеричные Unicode-символы были присвоены буквам уже не одно десятилетие назад, далеко не все системы в состоянии правильно обработать текст и вывести его в правильном виде. Это решается установкой дополнительных программ или плагинов, т. е. надстроек и расширений, но желательно с облегчением пути пользователя или создателя материалов на тувинском языке. Одним из примечательных образцов таких решений является программный продукт «Тувинская раскладка клавиатуры», разработанный редакцией журнала «Новые исследования Тувы» для операционных систем Windows в 2010 г. (Папын, 2010). Тем не менее, реализация данного фактора во многом зависит от поставщиков программного обеспечения и не может контролироваться исключительно со стороны языковых энтузиастов.

Еще одним крайне важным отрицательным фактором является трудность контроля качества перевода и создаваемого контента. Англоцентризм существующих программных решений (Zhu et al., 2024) во многом предопределяет порядок слов, нехарактерный для тюркских языков, а также может делать переведенный или просто генерируемый текст неестественным.

Перейдя к квадранту *Opportunities*, т. е. «возможностям», в которые включены потенциальные положительные факторы, мы можем отметить значительное упрощение создания новых учебных материалов с функциями как стандартизации, так и уникальной настройки. Таким образом, даже один преподаватель, овладевший базовыми навыками работы с системами, в которых интегрирован искусственный интеллект, сможет создавать целые мультимедийные пособия для нужд учащихся, используя возможность персонализации и получая качественный материал или даже интерактивные онлайн-сервисы. Также технологии коммуникации позволяют бесплатно и с минимальным количеством технических навыков и затрат создавать сообщества, группы и страницы заинтересованных в тувинской культуре людей. Проведение научных исследований также значительно облегчается за счет роста вычислительных мощностей и демократизации модели SaaS (*Software as a Service*), «программного обеспечения как услуги» и различных предлагаемых на рынке решений, ранее доступных лишь крупным компаниям и научным центрам.

Наконец, последний квадрант — *Threats* («угрозы»), несущий в себе потенциальные отрицательные стороны, также представляется достаточно насыщенным. В нем представлена угроза глобализации и цифровизации, вытесняющих с помощью доминантных русского или английского языков языки народов отдельных субъектов страны, утрата авторства, являющаяся следствием массового плагиата, обработки текстов с помощью систем автоматизации и дезинформация как отрицательный человеческий фактор, причем как непреднамеренная, так и заведомая.

Вытеснение и предание забвению нецифровых источников представляет собой определенный риск, возникающий как следствие невключения определенных источников в глобальные цифровые базы и прекращение сбора информации, а также дальнейшее отвыкание новых поколений от нецифровой информации. Наконец, существуют и инфраструктурные риски, которые связаны с излишней зависимостью разрабатываемых сервисов, баз данных и материалов, от определенного программного обеспечения или иной инфраструктуры, которая в определенный момент и при определенных неблагоприятных условиях может прекратить свою работу без предоставления временной возможности переноса данных.

Несмотря на присутствие некоторых отрицательных факторов, SWOT-анализ культурного и языкового наследия Тувы в цифровую эпоху показал большое количество положительных моментов и возможностей, которыми следует воспользоваться при дальнейшем развитии технологии, минимизируя риски и используя положительные стороны как контрбаланс определенных недостатков.

Заключение

Основные направления развития и сохранения культурного и языкового наследия Тувы проанализированы в статье с опорой как на опыт других языков и культур, так и на тувинскую специфику в динамике современного развития ее особенностей.

Исследование цифрового присутствия тувинской культуры и тувинского языка в системах генеративного искусственного интеллекта дало возможность авторам исследовать потенциал больших языковых моделей в области использования тувинского языка в ходе эксперимента, связанного с дополнительной настройкой большой языковой модели ChatGPT, а также провести эксперимент с применением новейших мультимодальных технологий, дающих возможность получать и выводить не только текстовые данные, но и изображения, звуки, видеопоток, также было протестировано так называемое «компьютерное зрение». Данное обстоятельство обусловлено важной невербальной составляющей культурного наследия тувинцев, необходимостью сохранения визуальных и иных традиций.

Проведенное исследование дало возможность обратиться к векторам развития неспециализированных многоязычных систем искусственного интеллекта и определить, какая информация о тувинском языке, народе и культуре присутствует в них в настоящее время.

Результаты SWOT-анализа тувинского языкового и культурного наследия в цифровую эпоху позволяют нам представить и оценить риски и возможности, детерминированные как развитием новейших технологий, так и субъективными факторами. Сочетание традиционных методов и новейших технологий может сыграть ключевую роль в сохранении тувинского языка и культуры для будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биткеева, А. Н., Цыбеннова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2023) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Головнёв, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер Т. С. (2021) Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб. : МАЭ РАН. 280 с.

Гумбольдт, В. фон (1984) О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 400 с. С. 37–297.

Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2021) Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 1. С. 146–172. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б., Кужугет, Ш. Ю. (2024) Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России № 23 (1). С. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Новикова, М. Л., Новиков, Ф. Н. (2024) Использование искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке // Новые исследования Тувы. №1. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.1>

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Папын, А. С. (2010) Тувинская раскладка клавиатуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–25.

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Altundaş, U. (2023) A Visual Semiotic Analysis of Schoolbooks in the Tuvan Language // Sibirica. Issue 22(3). P. 57–86. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220304>.

Duan, X., Noirid, S. (2023) Analyzing the Dynamics of Ethnic Cultural Inheritance in Yunnan's Higher Education: A SWOT Analysis and Strategic Countermeasures in Local University Management // Journal of Namibian Studies: History Politics Culture. Vol 33. P. 6412–6428. DOI: <https://doi.org/10.59670/vhp09x94>

Jeong, C. (2023) Generative AI service implementation using LLM application architecture: based on RAG model and LangChain framework // Journal of Intelligence and Information Systems. Issue 29(4). P. 129–164. DOI: <https://doi.org/10.13088/jiis.2023.29.4.129>

Hu, W., Xu, Y., Li, Y., Li, W., Chen, Z., Tu, Z. (2024) Bliva: A simple multimodal LLM for better handling of text-rich visual questions // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. Vol. 38. No. 3. P. 2256–2264. DOI: <https://doi.org/10.1609/aaai.v38i3.27999>

Littell, P., Joanis, E., Pine, A., Tessier, M., Daines, D. H., Torkornoo, D. (2022) Readalong studio: Practical zero-shot text-speech alignment for indigenous language audiobooks // Proceedings of the 1st Annual Meeting of the ELRA/ISCA Special Interest Group on Under-Resourced Languages. P. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.48440/2022.sigul-1.4>

Meighan, P. J. (2021) Decolonizing the digital landscape: The role of technology in Indigenous language revitalization // AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples. Issue 17(3). P. 397–405. DOI: <https://doi.org/10.1177/11771801211024312>

McIvor, O. (2020) Indigenous language revitalization and applied linguistics: Parallel histories, shared futures? // Annual Review of Applied Linguistics. Issue 40. P. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.1017/S026719052000010X>.

Ranathunga, S., Lee, E. S. A., Prifti Skenduli, M., Shekhar, R., Alam, M., Kaur, R. (2023) Neural machine translation for low-resource languages: A survey // ACM Computing Surveys. Issue 55(11). P. 1–37. DOI: <https://doi.org/10.1145/3554735>

Udoiwang, D. E. (2022) The 'Digital Natives' and the Crossroads of Indigenous Languages, Literatures and Identities // AKSU Journal of English. Issue 4. P. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.4314/aksujel.v4i1.12>.

Viaut, A. (2020) De la relation entre variantes et standard dans les procédures de revitalisation des langues minoritaires // Les Cahiers du GEPE. Issue 12. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.4000/gepe.1234>

Zhu, H., Dai, D. W., Brandt, A., Chen, G., Ferri, G., Hazel, C Jenks, R Jones, J O'Regan, S Suzuki. (2024) Exploring AI for intercultural communication: open conversation // Applied Linguistics Review. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2024-0186>

Дата поступления: 01.07.2024 г.

Дата принятия: 14.09.2024 г.

REFERENCES

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2023) The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 290–300. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser T. S. (2021) *Virtual ethnicity and cyberethnography*. St. Petersburg, MAE RAN. 280 p. (In Russ.).

Gumbol'dt, V. fon (1984) On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind. In: Gumbol'dt, V. fon. *Selected works on linguistics*. Moscow, Progress. 400 p. Pp. 37–297. (In Russ.).

Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2021) Tuvan Ethnicity as an Object of Research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*, no. 1, pp. 146–172. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K., Mainy, Sh. B. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2024) Tuvan Family Photo Album: Social Practices of Creation and Storage. *RUDN Journal of Russian History*, no. 23 (1), pp. 86–97. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Novikova, M. L. and Novikov, F. N. (2024) Using artificial intelligence to develop a machine translation system and teaching resources in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.1>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Papyn, A. S. (2010) Tuvan keyboard layout. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Altundaş, U. (2023) A Visual Semiotic Analysis of Schoolbooks in the Tuvan Language. *Sibirica*, issue 22(3), pp. 57–86. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220304>

Duan, X. and Noirid, S. (2023) Analyzing the Dynamics of Ethnic Cultural Inheritance in Yunnan's Higher Education: A SWOT Analysis and Strategic Countermeasures in Local University Management. *Journal of Namibian Studies: History Politics Culture*, vol. 33, pp. 6412–6428. DOI: <https://doi.org/10.59670/vhp09x94>

Jeong, C. (2023) Generative AI service implementation using LLM application architecture: based on RAG model and LangChain framework. *Journal of Intelligence and Information Systems*, issue 29(4), pp. 129–164. DOI: <https://doi.org/10.13088/jiis.2023.29.4.129>

Hu, W., Xu, Y., Li, Y., Li, W., Chen, Z. and Tu, Z. (2024) Bliva: A simple multimodal LLM for better handling of text-rich visual questions. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, vol. 38, no. 3, pp. 2256–2264. DOI: <https://doi.org/10.1609/aaai.v38i3.27999>

Littell, P., Joanis, E., Pine, A., Tessier, M., Daines, D. H. and Torkornoo, D. (2022) Readalong studio: Practical zero-shot text-speech alignment for indigenous language audiobooks. *Proceedings of the 1st Annual Meeting of the ELRA/ISCA Special Interest Group on Under-Resourced Languages*, pp. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.48440/2022.sigul-1.4>

Meighan, P. J. (2021) Decolonizing the digital landscape: The role of technology in Indigenous language revitalization. *AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples*, issue 17(3), pp. 397–405. DOI: <https://doi.org/10.1177/11771801211024312>

McIvor, O. (2020) Indigenous language revitalization and applied linguistics: Parallel histories, shared futures? *Annual Review of Applied Linguistics*, issue 40, pp. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.1017/S026719052000010X>

Ranathunga, S., Lee, E. S. A., Prifti Skenduli, M., Shekhar, R., Alam, M. and Kaur, R. (2023) Neural machine translation for low-resource languages: A survey. *ACM Computing Surveys*, issue 55(11), pp. 1–37. DOI: <https://doi.org/10.1145/3554735>

Udoinwang, D. E. (2022) The 'Digital Natives' and the Crossroads of Indigenous Languages, Literatures and Identities. *AKSU Journal of English*, issue 4, pp. 175–188. DOI: <https://doi.org/10.4314/aksujel.v4i1.12>

Viaut, A. (2020) De la relation entre variantes et standard dans les procédures de revitalisation des langues minoritaires. *Les Cahiers du GEPE*, issue 12, pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.4000/gepe.1234>

Zhu, H., Dai, D. W., Brandt, A., Chen, G., Ferri, G., Hazel, S., Jenks, C., Jones, R., O'Regan, J. and Suzuki, Sh. (2024) Exploring AI for intercultural communication: Open conversation. *Applied Linguistics Review*, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2024-0186>

Submission date: 01.07.2024.

Acceptance date: 14.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.13

Статья

Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ)

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания РАН, Российская Федерация,

Чечек С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация,

Вячеслав В. Иванов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

В статье анализируется отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик жителей столицы Республики Тува и Республики Бурятия — Кызыла и Улан-Удэ. Отношение к языкам и коммуникативные практики людей, включая выбор языка, выявлялись у горожан и владельцев бизнесов с помощью метода полуструктурированных интервью; всего было записано 30 интервью в 2021 и 2023 гг.

Исследование выявило, что, несмотря на неоднородность языковой среды Кызыла и Улан-Удэ, общая тенденция направлена на владение русским языком, особенно среди детей и молодежи. Отмечается схожесть визуальных языковых ландшафтов и отношений к языкам в Кызыле и Улан-Удэ. Фиксируются различия в коммуникативных практиках жителей обоих городов. Если в Кызыле неписанные правила и конвенции употребления языков в городском публичном пространстве находятся сейчас в стадии перелома, в Бурятии этот перелом произошел еще в советское время.

Описанные в статье коммуникативные практики, где сегодняшняя нормативность использования русского языка в публичной сфере сочетается с «маркированным» использованием тувинского и бурятского языков, интерпретируются в рамках понятия габитуса П. Бурдьё. Также одним из интересных результатов исследования является противоречие между желанием видеть тувинский и бурятский языки в языковом ландшафте и отсутствием действий в этом направлении со стороны большинства владельцев коммерческих заведений. Это противоречие может быть объяснено рядом причин. Это и несовпадение интересов бизнесменов и горожан, где первые предпочитают коммодификационные, прагматичные стратегии при нейминге своих заведений, а вторые в своих желаниях исходят из культурно-символических и идентификационных мотивов. В теоретической парадигме это можно назвать противоречием между символической ценностью родного языка и габитусом.

Ключевые слова: городское многоязычие; языковой ландшафт; отношение к языку; коммуникативная практика; коммуникативная норма; нейминг; Кызыл; Улан-Удэ; тувинский язык; бурятский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00590, <http://rscf.ru/project/24-28-00590/>

Для цитирования:

Хилханова Э. В., Цыбенова Ч. С., Иванов В. В. Городское многоязычие в российских регионах: языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 188–203. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13>

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес: 670045, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Эл. адрес: tschechek@mail.ru

Иванов Вячеслав Валерьевич — младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude)

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics, RAS, Russian Federation,

Chechek S. Tsybenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS, Russian Federation,

Viacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics, RAS, Russian Federation

The article examines the attitudes toward languages among residents of the capitals of two Russian regions — Republic of Tuva (Kyzyl) and Republic of Buryatia (Ulan-Ude) — through the lens of linguistic landscapes and communicative practices. A semi-structured interview method was used, with a total of 30 interviews conducted among urban residents and business owners in 2021 and 2023.

The study revealed that, despite the heterogeneous linguistic environments in Kyzyl and Ulan-Ude, the general trend leans toward proficiency in Russian, especially among children and youth. Similarities in visual linguistic landscapes and attitudes toward languages in Kyzyl and Ulan-Ude were noted. Differences in communicative practices among the residents of the two cities were also documented. In Kyzyl, the unwritten rules and conventions regarding language use in urban public spaces are currently in a state of transformation, whereas this shift took place in Buryatia during the Soviet era.

Today, the normative use of Russian in the public sphere is combined with the “marked” use of Tuvan and Buryat. The communicative practices described in the article are interpreted within Pierre Bourdieu’s concept of habitus.

A contradiction is observed between the desire to see Tuvan and Buryat languages in the linguistic landscape and the lack of action in this direction by most business owners. This contradiction can be explained by several factors, including the divergence of interest between business owners and city residents. Business owners tend to favor commodification and pragmatic strategies in the naming of their establishments, while residents’ desires are driven by cultural-symbolic and identity-related motivations. In theoretical terms, this can be described as a conflict between the symbolic value of the native language and habitus.

Keywords: *urban multilingualism; linguistic landscape; language attitudes; communicative practice; communicative norm; naming; Kyzyl; Ulan-Ude; Tuvan language; Buryat language*

Financing

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00590, <http://rscf.ru/project/24-28-00590/>

For citation:

Khilkhanova E. V., Tsybenova Ch. S. and Ivanov V. V. Urban multilingualism in Russian regions: linguistic landscapes and attitudes towards languages (the cases of Kyzyl and Ulan-Ude). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 188-203. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.13>

Khilkhanova, Erzhen Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009, Moscow, Russia. E-mail: erzhen133@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9369-343X

Tsybenova, Chechek Sergeevna, Candidate of Philology, Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. Postal address: 6 Sakhianova St., 670045 Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: tschechek@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7789-1492

Ivanov, Viacheslav Valerievich, Junior Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics, RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: vvivanov@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0756-0820

Введение

Данная статья продолжает тему языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ, начатую авторами ранее (Хилханова и др., 2024). Предыдущая статья явилась первым исследованием языкового ландшафта Кызыла (языковой ландшафт Улан-Удэ был в некоторой степени изучен) в ракурсе городского многоязычия и основывалась на анализе (1) официальных документов, регламентирующих языковую политику в обеих республиках; (2) визуальной текстовой информации (вывесок, табличек, объявлений как государственных учреждений, так и частных организаций). В фокусе исследования находились государственные языки Республики Тува (тувинский и русский) и Республики Бурятия (бурятский и русский). Проведенный анализ показал иерархию языков в языковых ландшафтах столиц обеих республик, формальность соблюдения требований республиканских законодательств о языках. В языковых ландшафтах Кызыла и Улан-Удэ доминирует русский язык, а о второстепенности тувинского и бурятского языков можно судить как по их малой количественной представленности в публичном пространстве, так и по характеру оформления знаков языковых ландшафтов — меньшему размеру надписей, расположению, орфографическим и прочим ошибкам. Ввиду ограниченности объема статьи в вышеуказанной работе была только частично затронута тема отношения людей к визуальному облику городов, деятельность и агентивность «низовых» акторов языковой политики в создании городского многоязычия и оценка его как активными акторами, так и пассивными наблюдателями. В частности, были высказаны предположения о некоторых мотивах «низовых» акторов в нейминге частных заведений, движимых в первую очередь соображениями (этнической) идентичности и коммерческой прибылью.

Исходя из этого, целью данной работы является выявление отношения к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик жителей двух республиканских столиц — Кызыла и Улан-Удэ. Мы полагаем, что этнографическое (антропологическое) измерение значительно усиливает экспланаторный потенциал традиционного анализа самих знаков языковых ландшафтов. Оно дает более углубленный взгляд на функциональные особенности городского многоязычия, проливая свет не только на современное состояние языков, но и на их перспективы, ведь сегодня в эпоху урбанизации именно города, особенно столичные, задают социолингвистические тренды.

Статья организована следующим образом. Сначала дан краткий комментарий теоретико-методологической рамки исследования и его ключевых терминов. Два последующих раздела посвящены анализу вышеописанного проблемного поля по отдельности в Кызыле и Улан-Удэ. В конце обсуждаются результаты исследования и приводятся заключительные размышления.

Теория, методы и материалы исследования

Как уже было упомянуто, данная работа является частью большого исследовательского проекта по изучению языковых ландшафтов (Хилханова и др., 2024). По основным теоретико-методологическим основаниям исследование относится к антропологически-ориентированной ветви социолингвистики и находится на пересечении предметных полей нескольких взаимосвязанных дисциплин: социолингвистики, лингвистической антропологии, включая такие их субдисциплины, как этнография языковой политики и исследования языковых ландшафтов. В современной гуманитарной науке, однако, дисциплинарные границы достаточно условны; для производства нового знания могут быть использованы все релевантные подходы, понятия и методы.

В работе два ключевых термина: *отношение к языку (языкам)* и *языковые ландшафты* (далее — ЯЛ); их пересечение образует собственно проблематику статьи: отношение к языкам изучается в контексте именно *городского* многоязычия, проявленного как в статичных знаках ЯЛ, так и в динамичных практиках коммуникации в городе.

ЯЛ можно трактовать узко и широко. В первом случае это «классическое» понимание ЯЛ как «языка» публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений (Landry, Bourhis, 1997: 25). В широком понимании ЯЛ может быть не только визуальным, но и звуковым; звучащая речь на улицах города является частью его языкового облика в неменьшей степени, чем окружающие нас статичные знаки ЯЛ (см. об этом также: Баранова, Федорова, 2018).

Отношение к языку (языкам) — это универсальная категория: то или иное отношение к языку (языкам), осознанное или неосознанное, присуще всем людям, носителям и не-носителям определенных идиомов, включая как пассивных, так и активных акторов с точки зрения их участия в формировании ЯЛ. Понятие *отношение к языкам* является переводом англоязычного понятия *language attitudes* и представляет собой подвид более общего понятия *attitudes*. В «материнской» дисциплине — западной социальной психологии — с помощью понятия *attitudes* описываются относительно стабильные тенденции восприятия, оценки и действия по отношению к социальным объектам (Allport, 1935; Baker, 1992). Другими словами, *attitudes* являются внутренним ментальным состоянием, которое может вызвать определенные формы поведения. Важно отметить (в частности, в контексте нашего исследования), что *отношение к языку*, безусловно, многоуровневое понятие, имеющее аффективную (оценки и эмоциональные реакции), когнитивную (знаниевую, рациональную) конативную (готовность к определенному действию) компоненты (Lambert, 1960, 1967). Это значит, что отношение к языку может выливаться в определенные поведенческие и коммуникативные практики; также в научной литературе известно, что этого может и не происходить — установки зачастую лишь в слабой степени или вообще не коррелируют с поведением (Eagly, Chaiken, 1993). К коммуникативным практикам относится как повседневное общение, так и мотивы и стратегии нейминга и сопряженный с этим выбор языка.

Отношение к языкам и коммуникативные практики людей, включая выбор языка, будут выявляться как у «обычных» горожан, так и владельцев бизнесов. Последние интересны тем, что именно они в первую очередь являются теми, кто «участвует в формировании ЯЛ, заказывая или изготавливая самостоятельно его единицы в соответствии предпочтительными тенденциями, намеренным выбором или политикой» (Ben-Rafael et al., 2006: 9). «Обычные» горожане в подавляющем большинстве являются пассивными наблюдателями¹ ЯЛ в традиционном его понимании, однако анализ их позиций дает нам срез общественного мнения и отношения к языкам, а тесно увязанные с ними коммуникативные практики формируют ЯЛ города в широком смысле этого термина, о чем говорилось выше.

Материалы для анализа были получены с помощью метода полуструктурированных интервью. Полевое исследование в Улан-Удэ, более раннее по времени, было проведено в 2021 г., полевое исследование в Кызыле — в 2023 г.

Интервью как в Кызыле, так и в Улан-Удэ были проведены по единому опроснику, включавшему 15 вопросов, которые касались опыта проживания в городе, восприятия визуальной письменной городской среды как в настоящее время, так и в динамике последних десятилетий. Из этих вопросов для более подробного рассмотрения в настоящем исследовании выбраны следующие: (1) Какие языки Вы замечаете на улицах города? (2) Какие изменения Вы замечаете? Каких языков стало больше, а каких меньше в последние десятилетия? (3) Как вы оцениваете представленность бурятского / тувинского языка в городе? (4) Получали ли Вы услуги на других языках, кроме русского (например, на бурятском / тувинском)? (5) Важно ли, чтобы бурятский / тувинский язык присутствовал в вывесках, названиях городских объектов? Нужно ли это? Кому это нужно?

В интервью в г. Кызыле приняли участие 10 информантов. Среди них — 6 информантов-женщин и 4 мужчин, 8 респондентов были тувинцами и 2 — русскими. Все они проживают в Кызыле более 10 лет. Средний возраст информантов — 35 лет. 2 русских информантов не владеют тувинским языком, но понимают некоторую бытовую лексику на разговорном уровне. У остальных информантов уровень владения как тувинским, так и русским языками оценивается как выше среднего. Языком интервью с респондентами русской этнической принадлежности являлся русский язык, при опросе респондентов-тувинцев использовались русский и тувинский языки.

Участниками интервью в г. Улан-Удэ стали 20 человек, из которых 15 являются бурятами (7 женщин и 8 мужчин), а 5 — русскими (все женщины). Все информанты проживают в Улан-Удэ на протяжении 10 и более лет. 10% опрошенных относятся к возрастной группе старше 60 лет, 70% информантов являются людьми возраста 30–60 лет, 20% — возраста младше 30 лет. Средний возраст оп-

¹ Обе группировки достаточно условны: владельцы бизнесов также являются горожанами, а сегодняшний «обычный» горожанин может завтра стать владельцем бизнеса.

рошенных составляет 45 лет. 90% информантов имеет высшее образование. Все информанты — и русские, и буряты — являются носителями русского языка, бурятским же языком владеют в разной степени: от полного невладения (как русские, так и буряты) до владения разговорным бурятским языком без навыков чтения и письма (только буряты). Интервью с респондентами русской этнической принадлежности проводились на русском языке, с респондентами-бурятами — в одном случае на бурятском и во всех остальных на русском.

Такая выборка, на наш взгляд, позволяет более полно понять общие паттерны в восприятии языков, присутствующие информантам с различным бэкграундом.

Кызыл: отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик

Проведенное ранее исследование (Хилханова и др., 2024) и эмпирический материал показали, что в ЯЛ Кызыла наиболее заметными являются два языка — русский и тувинский. При этом тувинский язык представлен в меньшем объеме, и увеличения его использования в названиях коммерческих предприятий, магазинов участники исследования не видят:

«Русского языка больше стало, чем тувинского» (тув., жен., 33 года);

«Все <названия> в основном только на русском языке, а тувинский язык становится все меньше и меньше» (тув., жен., 40 лет);

«Изменений не заметила. Но думаю что русского языка больше» (тув., жен., 25 лет);

«Где <в названиях>? “займы” пишут на тувинском. В целом, на тувинском языке мало на улице...» (тув., жен., 47 лет).

И действительно, материал исследования и сведения из базы данных географических информационных систем по территории г. Кызыл¹ показывают, что собственно тувинских названий в ЯЛ Кызыла намного меньше и их доля составляет около 20% (вместе с названиями на тувинском языке, написанными на латинице). Анализ показывает, что немногочисленные названия на тувинском языке в основном принадлежат коммерческим предприятиям, предоставляющим услуги (парикмахерские — «Тускай» от тув. *тускай* ‘особенный’, ‘уникальный’, «Шевергин» от тув. *шевергин* ‘аккуратный’, ‘чистый’, ‘опрятный’; прачечные — «Арыг-силиг» от тув. парн. *арыг-силиг* ‘чистый’, ‘опрятный’, «Дуза» от тув. *дуза* ‘помощь’; станции технического обслуживания — «Аян-Чорук» от тув. *аян-чорук* ‘путешествие’, ‘дальняя дорога’; гостиницы, отели — «Монгулек» (тув. *Мөңгүлек*), «Одуген» (тув. *Өдүген*), ателье — «Довурзак» от тув. *довурзак бөрт* ‘головной убор в форме тюбетейки’) и торговым заведениям, предлагающим сувенирную и этноспецифичную продукцию («Өлчей» от тув. *өлчей* ‘счастье’, ‘благодать’, «Шевер» от тув. *шевер* ‘искусный’, ‘умелый’; ‘мастер’, «Tuskai» от тув. *тускай* ‘особенный’, «Ommanimarket» зд. от буддийской мантры *Ом-ма-ни-бад-ме-хум*, «Charash-brand» от тув. *чараши* ‘красивый’ и от англ. *brand* ‘марка’, ‘товарный знак’, «Тыва-сувенир», «Суме.ru» зд. вероятно от названия священной горы *Сумеру* в буддийской космологии).

Также не осталось незамеченным визуальное присутствие английского языка и, что интересно, армянского языка. На вопрос «Какие языки Вы замечаете на улицах г. Кызыла?» один из респондентов (рус., муж., 30 лет), кроме русского и английского, указал армянский язык. Действительно, армянский язык все более активно функционирует в сфере торговли в Кызыле. В письменной форме на вывесках он практически не встречается, часто только в устной речи между носителями армянского языка. Владельцами и продавцами многих торговых баз, которые находятся в окраинной части Кызыла, являются представители Центральной Азии и Закавказья — армяне, узбеки, таджики, кыргызы. Большинство тувинцев, как горожане, так и сельчане, предпочитают отовариваться именно на таких базах, где ценовая политика более гибкая, большой ассортимент различных товаров на одной площадке, удобное транспортное сообщение с муниципальными автодорогами. Роста численности представителей данных народов в межпереписной период с 2010 г. по 2020 г. по Туве

¹ Карта г. Кызыл: улицы, дома и организации города, см.: Кызыл [Электронный ресурс] // 2ГИС. URL: <https://2gis.ru/kyzyl> (дата обращения: 15.04.2024).

не наблюдается. Однако наиболее многочисленными из них согласно итогам последней переписи остаются кыргызы (352 чел.) и армяне (278 чел.)¹.

В целом необходимо подчеркнуть, что торговля и коммерция не были характерны для традиционного хозяйства тувинцев. Изначально на территории Тувы торговыми делами занимались русские купцы, китайские торговцы и скупщики, которые держали свои торговые лавки и склады (см. об этом: История Тувы, 2007: 13–30).

Более полное представление о характере городского многоязычия получаем, обратившись не только к пассивному его восприятию горожанами, но и к активному созданию ЯЛ и соответствующим коммуникативным стратегиям и практикам. Материалы исследования показывают, что респонденты-владельцы бизнесов в целом не ориентированы на какую-то языковую общность, а чаще выбирают название на русском и английском языках; при этом никто из них не задумывался о варианте названия на тувинском языке. При номинации хозяева заведений прежде всего ориентируются на то, чтобы название красиво звучало, легко произносилось, запоминалось, ассоциировалось с хорошими эмоциями, приятными чувствами, было актуальным, отражало дух времени, являлось нестандартным и новым.

Основным мотивом при номинации, в первую очередь, выступает специфика реализуемого товара, продукта и ассоциируемые с ними реалии. Например, выбор названия цветочной мастерской «Колибри» респондент-владелец обосновывает тем, что колибри питается именно цветочной пыльцой, и это послужило мотивом для номинации — «Означает птичку, которая питается пыльцой цветов» (тув., жен., 40 лет). Подобная номинативная стратегия характерна для большинства респондентов-владельцев торговых заведений — музыкальный магазин «Аккорд», магазин табака и кальянов «Sweet smoke», строительный магазин «М два» (зд. название означает «метр квадратный»), хлебный киоск «Милый хлеб». Эргонимы данного типа, как мы видим, не отражают этническую специфику региона и не связаны с тувинской культурой и языком. В черте города Кызыла на подобный тип эргонимов, когда название связано непосредственно со спецификой товара, продукции, приходится около 70% наименований. По частотности преобладают эргонимы на русском, затем на английском, в меньшем объеме представлены другие иностранные языки, и в этом же ряду находится тувинский язык.

Как считают большинство наших респондентов, при приеме на работу важно только знание русского языка (см. ответ «<...> прием на работу только русскоговорящих, в наше время все тувинцы хорошо владеют русским» (рус., муж., 30 лет). Большинство интервьюированных ничего не сказали о тувинском языке; неявное уклонение от ответа дает основание предполагать, что владение тувинским языком большинством респондентов рассматривается как «не принципиально важное условие» при принятии на работу, а владение русским как «обязательное». Несколько иная ситуация наблюдается в заведениях, предоставляющих услуги, в частности в гостиницах. Специфика заведений обязывает к владению, кроме русского и тувинского, и других иностранных языков при обслуживании. Респонденты отметили, что кроме английского языка есть запрос и на китайский язык. В целом в гостиничном бизнесе знание разных языков владельцами бизнесов, несомненно, приветствуется.

Таким образом, большинство владельцев торговых заведений, предприниматели Кызыла не задумываются о ЯЛ в целом, стратегия номинации у них ориентирована на «раскрутку» товара. Как при обслуживании населения, так и при номинации своих заведений они предпочитают использовать русский язык.

Вышеописанные номинативные стратегии и языковые приоритеты коммерсантов, равно как и пропорции языков в ЯЛ Кызыла, входят в противоречие с оценками такого положения дел и желаниями горожан. Большинство опрошенных отмечают, что хотели бы видеть больше названий на тувинском языке, подчеркивая важность и необходимость присутствия тувинского языка в ЯЛ Кызыла как символа этнической и языковой идентичности, как транслятора тувинской культуры следующим поколениям:

¹ Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.gosstat.gov.ru/folder/66693#> (дата обращения: 18.01.2024).

«Больше хотел бы видеть и слышать тувинского. Язык родной — это самоидентификация нации» (тув., муж., 37 лет);

«Хотелось бы видеть больше надписей на тувинском языке, т. к. это наш родной язык, он должен преобладать» (тув., жен., 40 лет);

«Все-таки, это территория Республики Тыва, поэтому хотелось бы видеть на улицах города названий больше на тувинском языке» (тув., жен., 22 года).

«Я думаю, важно, чтобы тувинский язык присутствовал. Это нужно подрастающему поколению осознавать себя, принадлежность к нации, к его истории» (тув., жен., 40 лет);

«Да, важно. Нужно, чтобы все вывески были на тувинском и были заметными» (тув., жен., 31 год);

«Да, важно. Хотя бы для того, чтобы дети, подрастающее поколение это видели и знали, запоминали как слова тувинские пишутся, чтобы тувинские слова каждый день при выходе на улицы города перед ними наглядно были видны перед глазами, чтобы значение слов на тувинском понимали» (тув., жен., 47 лет).

Некоторые респонденты делают акцент в целом на многоязычии ЯЛ, не только на присутствии в нем тувинского языка, кто-то отмечает необходимость двух «главных» языков — тувинского и русского:

«т. к. республика многонациональная, можно было бы писать сразу на нескольких <языках> (но это означает, что придется больше расходов на это). Но что поделаться» (тув., жен., 33 года);

«<Хотел бы видеть> любые <языки>, или <так, чтобы> их присутствие не создает проблемы носителям других языков» (рус., муж., 30 лет).

«Важно, как для тувиноязычного населения, так и русскоязычного. Важно, чтобы тувинский присутствовал вместе с русским, чтобы облегчить понимание двух языков» (рус., муж., 30 лет);

«Как бы нужно. Но все равно читаем на русском. Наверное, нужно тем, кто не владеет русским. Но все равно надо делать на тувинском» (тув., жен., 25 лет).

Таково восприятие и оценки реального и желательного ЯЛ жителями Кызыла. В хоре естественного разнообразия оценок отчетливо прослеживаются две основные линии: 1) констатация заметного увеличения присутствия русского языка и уменьшения тувинского и 2) желание видеть больше тувинского языка как символа этнической, культурной, территориальной идентичности региона.

Отношение к языкам выливается в определенные коммуникативные практики в публичном пространстве. С одной стороны, в Кызыле, где большинство населения являются тувинцами, тувинский язык слышен повсеместно. Более того, в тувинской языковой общности еще достаточно много тех, кто плохо владеет или не владеет русским языком. В основном это жители сел, люди старшего возраста:

«Не очень хорошо понимающие русский есть у меня родственники в селе. Когда они приезжают в Кызыл, то их сопровождают кто-то <знающий русский язык>» (тув., жен., 33 года);

«Знаю таких людей <не очень хорошо понимающих русский>, это большая часть тувинского общества. Поэтому они избегают или с трудом обращаются к русскоязычному населению. Иногда очень трудно довести нужную информацию <на русском>» (рус., муж., 30 лет);

«Лично не знаю <людей плохо владеющих русским>, но доводилось видеть. <В общественных местах они говорят> на смеси русского и тувинского языков» (рус., муж., 23 года);

«Не знаю <людей плохо говорящих на русском>. Если врач, продавец тувинец(ка), то на тув. Если русский(ая) — на рус. (*чадай-чадай*) (зд. на тув. еле-еле/с трудом. — *Авт.*)» (тув., жен., 47 лет).

При этом, полученный эмпирический материал и социолингвистический анализ других исследователей по функционированию тувинского языка (Дырхеева, Цыбенова, 2020; Биткеева, Цыбенова, 2022; Каплунова, 2022), показывают, что в публичном пространстве растет тенденция к использованию русского языка. Так, по свидетельству горожан, различные услуги они получают преимущественно на русском языке:

«На тувинском языке услуг не получала, не предлагали никогда выбрать язык обслуживания, ведь **негласно общепринято** (зд. выделено нами. — *Авт.*) получать услугу на русском языке» (тув., жен., 47 лет);

«<Услуги на тувинском> не получал, не предлагали, не настаивал. Ни с кем <из незнакомых не начал говорить на тувинском>, плохо им владею» (рус., муж., 30 лет);

«Не приходилось с таким сталкиваться (т. е. услуги на тувинском никто не предлагал)» (тув., жен., 40 лет).

Тем не менее, тувинский язык также присутствует в сфере обслуживания, но является, во-первых, языком внутриаэтнического общения:

«В общественных местах у нас обслуживается в основном только на русском языке, нигде не предлагают выбор языка. Я сама говорю на тувинском языке, и общаюсь также на тувинском, зная или видя человек какой национальности» (тув., жен., 40 лет);

во-вторых, социально маркированным кодом:

«Услуги на тувинском не постоянно, но часто я получаю. Нет, не предлагали <выбор языка>. Я сам сначала на тувинском обращаюсь» (тув., муж., 44 года).

В любом многоязычном сообществе выбор говорящим немаркированного кода (в данном случае выбор русского языка как языка публичного общения) подтверждает существующий набор правил и конвенций (см. об этом также: Myers-Scotton, 1993), т. е. того, что «негласно общепринято», как выразилась одна из респонденток. Выбор маркированного кода (в данном случае тувинского языка как языка публичного общения) — это не дефолтный выбор, это неконвенциональное речевое поведение, которое может быть обусловлено разными стратегиями: собственными представлениями о коммуникативных нормах, не совпадающими с представлениями большинства, подчеркиванием этничности и другими мотивами.

О дефолтности и немаркированности использования русского языка как языка публичного общения свидетельствует и то, что к *незнакомым людям* в сфере обслуживания и вне ее респонденты чаще предпочитают обращаться на русском языке независимо от этничности.

Материал исследования и наблюдения показывают, что вышеописанное речевое поведение — это новое явление в городской среде Кызыла. Если раньше выбор языка общения в городе определялся во многом этнической принадлежностью, то сегодня на выбор языка влияют и уровень владения тувинским языком, и возраст участника коммуникации: чем моложе собеседник, тем высока вероятность использования в качестве языка общения именно русского языка или смешанного кода: «Как мне кажется, тувинцы, особенно молодые, стали чаще говорить на русском или смеси русского и тувинского» (тув., муж., 37 лет).

Следует особо подчеркнуть, что, помимо вышеописанных факторов, сегодня на выбор языка влияет собственно городская среда, городской образ жизни. Несмотря на то, что в советское время в городе русских было больше, чем тувинцев, внутриэтническая коммуникация между тувинцами происходила, как правило, на тувинском языке. Город в то время не влиял на речевое поведение, тувинский язык в нерегулируемых сферах функционировал интенсивно, и это воспринималось как коммуникативная норма. Теперь же городское пространство постепенно становится русскоязычным и ассоциируется больше с русским языком. Это нехарактерное ранее для тувинской языковой общности явление стало сегодня достаточно распространенным и становится «негласно общепринятым».

Улан-Удэ: отношение к языкам сквозь призму языковых ландшафтов и коммуникативных практик

Согласно данным интервью, в городской среде улан-удэнцы чаще всего отмечают присутствие в письменном виде трех языков: русского, бурятского и английского:

«В основном-то это русские названия, попадаются и английские, периодически встречаются надписи на бурятском языке» (бур., муж., 26 лет),

«<Вижу надписи> в основном на русском, изредка на бурятском» (бур., жен., 55 лет),

«<На вывесках и табличках в основном используются> русский и английский» (бур., муж., 81 год),

«<Вижу> в основном русский и бурятский. Других как будто не видела» (бур., жен., 73 года).

В устной речи многие респонденты также отмечали присутствие монгольского, китайского, немецкого и итальянского языков. При этом все сходятся в утверждении, что русский и бурятский можно как услышать в общении между горожанами, так и увидеть на разных вывесках на территории Улан-Удэ. Это позволяет говорить о том, что государственные языки Республики Бурятия являются самыми заметными в ЯЛ Улан-Удэ. Важно также отметить, что в ответах респондентов при перечислении языков русский язык идет самым первым, что подтверждает доминирующий характер его функционирования в ЯЛ Улан-Удэ.

Изменения, происходящие в ЯЛ столицы Бурятии в последние десятилетия, также не остались незамеченными жителями города. Подавляющее большинство опрошенных улан-удэнцев отмечает увеличение присутствия бурятского языка, в том числе в сравнении с советским временем, в частности на указателях с названиями улиц, на вывесках и т. д., например: «Ну по сравнению с советским периодом, 90-ми годами, его, конечно, стало больше на вывесках» (бур., жен., 60 лет).

При этом 7 респондентов отметили появление бурятского языка в улан-удэнских трамваях, причем не только в звуковых объявлениях остановок, но и в информационных надписях внутри вагонов:

- «В трамваях озвучка и надписи есть на бурятском языке» (бур., жен., 51 год),
- «В трамваях озвучивают названия остановок на бурятском» (бур., жен., 26 лет),
- «Ну в трамваях, а больше и не вспомню» (рус., жен., 50 лет),
- «Ну вывески в трамваях, объявления остановок тоже на бурятском вместе с русским» (бур., жен., 60 лет),
- «В трамваях появились надписи и объявления» (бур., жен., 55 лет).

Выбор трамвая является неслучайным. С одной стороны, он является популярным видом общественного транспорта в городе Улан-Удэ, которым ежедневно пользуются горожане, поэтому вполне закономерно, что появление в нем бурятского языка не осталось незамеченным. Это в свою очередь может говорить о том, что в других общественных местах подача информации на бурятском либо не происходит совсем, либо слишком точечно, чтобы стать заметной большому числу улан-удэнцев. Помимо этого, такое может также происходить на фоне того, что основным языком восприятия информации в Улан-Удэ является русский, поэтому надписи на иных языках, в том числе бурятском, могут оставаться незамеченными. Примечательно также, что опрошенные для данного исследования горожане отмечают повышение присутствия именно бурятского, а не английского, который также присутствует в городском публичном пространстве. Такое внимание к появлению бурятского может свидетельствовать о том, что эти случаи пока не стали массовым трендом и не воспринимаются горожанами как «само собой разумеющееся».

При этом большинство опрошенных улан-удэнцев говорит, что бурятский язык все же остается представлен в недостаточной степени на улицах Улан-Удэ. Это видно из ответов: респонденты выделяют конкретные сферы, в которых заметно присутствие бурятского языка, но не говорят о какой-либо равной представленности его с русским:

- «По правде-то, он <бурятский язык> не очень сильно распространен. На каких-то ресторанах-кафе и на госучреждениях. Русский по распространению на первом месте, затем английский и после него бурятский и другие» (бур., муж., 26 лет),
- «<Бурятский не встречается> больше нигде. Вывески каких-то отдельных магазинов» (бур., муж., 52 года),
- «В основном <бурятский> на кафешках замечаю, с уклоном в традиционную еду» (бур., муж., 25 лет),
- «Сейчас стало больше, чаще стали появляться таблички на бурятском» (бур., жен., 73 года).

В то же время кто-то представленность бурятского языка оценивает как достаточную:

- «Ну она <представленность бурятского> есть. В принципе этого достаточно. Главное есть на госучреждениях, но так язык государственный — русский и его все понимают у нас» (бур., жен., 51 год).

Разница в восприятии присутствия бурятского языка в ЯЛ подтверждает, что бурятский фигурирует в нем в гораздо меньшей степени, чем русский, что также подтверждает высказанный выше тезис о доминировании русского языка в ЯЛ Улан-Удэ.

Недопредставленность бурятского языка отражается и в коммуникативных практиках горожан. Так, некоторые респонденты отмечали, что редко используют бурятский за пределами своего круга общения (в приведенном ниже примере — при обслуживании пациентов в медицинском учреждении, где работает информантка), а также спорадически при взаимодействии с незнакомыми людьми на улице в ситуации, когда надо помочь сориентироваться в городском пространстве:

- «На работе периодически ко мне приходят женщины пожилые, и с ними можно поговорить на бурятском. А в основном только на русском» (бур., жен., 53 года),
- «Спрашивали приезжие с районов куда и как пройти, я им объясняла на бурятском» (бур., жен., 73 года).

Опыт взаимодействия на бурятском описывали и те респонденты, кто не владеет языком. В этой ситуации инициатива обращения на бурятском всегда принадлежит собеседнику:

«Ко мне обращаются на бурятском языке, и я просто киваю и улыбаюсь, и исходя из ситуации понимаю, о чем идет речь. Но вроде бы всегда контакт завершается успешно» (бур., жен., 51 год),

«Было <что ко мне обращались на бурятском>, но обычно я не понимаю, и они переходят на русский» (бур., муж., 25 лет).

В целом нужно отметить, что все респонденты указывают на редкость подобных ситуаций в городе. Некоторые из опрошенных (например, бур. жен., 26 лет) не смогли вспомнить такие ситуации и ответили, что, возможно, такое взаимодействие имело место. Также важным является то, что никто из респондентов, знающих язык в какой-то степени, не вступает в коммуникацию на бурятском с незнакомцами по своей инициативе: для взаимодействия на бурятском нужен запрос именно от другого человека. Примечательно также, что практически никто из респондентов не смог вспомнить случаи невладения русским языком среди бурятского населения. Все ответы подобного рода были расплывчатыми и касались скорее гипотетической возможности проживания таких людей в Бурятии. Это говорит о том, что абсолютное большинство населения как республики, так и города, в той или иной степени владеет русским языком, чтобы общаться на нем без затруднений. Существующие исследования языковой ситуации в Республике Бурятия (напр., Дырхеева, 2018), а также итоги последней Всероссийской переписи населения¹ подтверждают данный тезис. Все это является подтверждением неравного использования бурятского и русского языков в Улан-Удэ.

Из рассмотренных выше ответов следует, что русский язык функционирует во всех сферах жизни, в то время как бурятский вытеснен на периферию и используется sporadически. В таких условиях встает вопрос о необходимости и целесообразности представленности бурятского языка в ЯЛ столицы Бурятии. Однако практически все горожане (как буряты, так и русские) оценивают бурятский язык как важную часть городского ландшафта, аргументируя это национальной спецификой республики и вкладом этой меры в «возрождение» бурятского языка:

«Ну, так как республика национальная, то национального должно быть больше» (бур., жен., 60 лет),

«Ну, так как в национальной республике живем, то да, в вывесках бурятский язык должен присутствовать» (бур., муж., 52 года),

«Вообще, конечно, важно, а для кого, сказать не могу точно. Как способ возрождения языка, конечно, это не очень, но как вспомогательная мера пойдет» (бур., жен., 53 года).

Также присутствуют аргументы, в которых приводится сравнение ЯЛ Улан-Удэ с ЯЛ городов других регионов, например, Республики Татарстан (заметим, что сравнение не в пользу Бурятии):

«Это <присутствие бурятского языка на вывесках> очень важно. В Казани была мама у меня, она говорит, что там даже в начале 2000-х уже было продублировано» (рус., жен., 41 год).

Многие также, помимо всего прочего, аргументируют важность присутствия бурятского языка как составляющей национального колорита республики, «изюминки», которая может быть потенциально привлекательной для туристов:

«Это важно, чтобы наши жители помнили культуру свою, и чтобы приезжие тоже весь колорит чувствовали» (рус., жен., 50 лет),

«Приятно, когда языки дублируются. Когда приезжие тут видят, что в городе есть несколько языков» (бур., жен., 73 года),

«...Соответственно для иностранцев это <вывески на бурятском> колорит с этими названиями. А жизненной необходимости для ежедневного использования <бурятского> нет. Только для подчеркивания национального колорита» (бур., муж., 52 года).

Выяснение отношения к языкам и соответствующих стратегий и практик номинации у владельцев бизнесов сводилось к вопросам о выборе названия заведения, готовности продублировать вывески и меню, практикам обслуживания клиентов на разных языках и оценке влияния языка названия на коммерческую успешность и/или привлекательность заведения. Из опрошенных для настоящего исследования заведений 5 имеет бурятское название, 3 — английское, 1 — бурятско-английское, 1 — русско-английское.

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. Таблица 4 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.04.2024).

Ответы респондентов из числа владельцев бизнесов показали, что выбор названия зависит от нескольких параметров. Название не существует само по себе, оно вписано в концепцию заведения и его ориентированность на определенный клиентский сегмент (см. подр.: Иванов, 2021), а также может отражать этническую самоидентификацию владельца. Все это обуславливает коммодификационный потенциал используемых языков.

Специфика заведений с бурятским названием чаще всего проявляется в связанности с бурятской культурой: кафе бурят-монгольской кухни «Сугтаа» (от бур. *сугтаа* 'вместе'), бренд стилизованной национальной одежды «Шинии» (от бур. *шинии* 'твой'), борцовский клуб «Зугалай» (от бур. *Зугалай*, топоним в Могойтуйском районе Агинского Бурятского округа в Забайкальском крае), свадебный салон «Баян Бэри» (от бур. *баян бэри* 'богатая невеста'), занимающийся подготовкой к бурятским свадьбам. Выбор английских названий отсылает прежде всего к современности и технологиям, что в целом ассоциируется с модой и престижем: компьютерный клуб «Ultimate», семейная типография «FamilyPrint», мастерская лазерной резки по дереву «Lazer03». Кроме того, по словам одной из владелиц, заведения с английским названием характеризуются красотой и лаконичностью:

«Много было вариантов [названий]. Решили на английском название оставить. Оно красивое и короткое» (рус., жен., 40 лет).

Сочетание нескольких языков в одном названии дает возможность владельцам бизнеса использовать их коммодификационный потенциал (например, центр креативных индустрий «Хэб-Хаб»):

«Хэб — форма. Слово “хэблэл” — это печатник или издание. И мы таким образом отдаем дань истории. А Хаб — это на английском [*hub*], отдает отсылку на сегодняшний день. <...> мы одновременно отдаем дань уважения истории и держим связь с сегодняшним днем» (бур., муж., 45 лет).

Другой мотивацией к выбору названия на том или ином языке может быть направленность на определенный сегмент клиентов. Например, бурятская свадебная атрибутика и символика активно используется только представителями бурятского сообщества. Именно поэтому спрос со стороны определенных групп клиентов объясняет выбор направленности заведения, а также и его названия.

При отсутствии у заведения конкретной ориентации на что-либо выбор языка названия также может быть средством выражения территориальной идентичности. Например, дизайн-студия «Мүнөө» (от бур. *мүнөө* 'сейчас'), имеющая бурятское название, не связана с бурятской культурой и ориентируется на самый широкий сегмент клиентов. Однако выбор названия в данном случае может как раз являться выражением идентичности самого бренда, который ведет свою деятельность в Бурятии и позиционирует себя как бурятский (бур., муж., 28 лет).

В рассмотренных стратегиях и аргументациях выбора названия языка для заведения прослеживается одна важная тенденция: среди частных заведений нет ни одного, которое задействует для определения клиентского сегмента не только этнический, но и языковой критерий. Это проявляется в отсутствии в большинстве из заведений бизнеса требования к сотрудникам по владению каким-либо языком, а также в отсутствии полноценного дублирования внутренней информации (меню, этикетки, ценники, указатели и т. д.) на других языках, кроме русского. В то же время владельцы некоторых заведений отмечают, что предпринимали или собираются предпринять усилия в этом направлении:

«На кассу мы нанимали бурята, знающего язык. Но теперь мы уже начали разбавлять национальный состав работников. <...> Но если кто-то <из клиентов> не знает русского, то могут прийти на помощь кто-то из персонала» (бур., муж., 29 лет),

«Сейчас <информация в магазине написана> на русском, но в этом году планируем на бурятском их сделать» (бур., жен., 58 лет).

Возможным толчком к дублированию информации на двух языках в заведениях частного бизнеса для владельцев видится инициатива и поддержка со стороны власти. Между тем, подобные прецеденты уже имели место: в 2023 г. в рамках проекта «Туристический код центральной части Улан-Удэ»¹ городская власть согласовала с владельцами частных заведений замену всех вывесок в соответствии с новым дизайн-кодом города и за счет средств федерального бюджета провела их замену:

¹ В центре Улан-Удэ планируют заменить около 200 вывесок [Электронный ресурс] // Ариг Ус online. 2023, 8 нояб. URL: <https://arigus.tv/news/city/139137-v-ulan-ude-planiruyut-zamenit-okolo-200-vyvesok/> (дата обращения: 12.04.2024).

«Это <дублирование вывесок и информации> должен быть общий тренд при поддержке Правительства. Сейчас дизайн-код изменили вывесок под размер и стиль сделали общий. Все это было сделано за счет республики» (бур., муж., 31 год).

В отношении дублирования информации городская власть также готовится принять меры. Так, в бурятских СМИ отмечается, что в частных заведениях всех форм собственности «все надписи на русском будут дублироваться на бурятском»¹. Такое станет необходимым после принятия муниципальной программы по сохранению и развитию бурятского языка. При этом нет требования менять старые вывески, под действие программы попадут лишь новые, которые будут согласованы только при дублировании на двух языках. Это дает основание полагать, что увеличение количества двуязычных вывесок будет происходить постепенно в течение долгого времени.

Отсутствие требования к работникам о знании разных языков говорит об однородности языковой среды в г. Улан-Удэ, в условиях которой клиенты, получающие услуги в заведениях, и их сотрудники говорят на одном языке — русском, и не испытывают необходимости в использовании бурятского языка. Существующие же случаи использования бурятского происходят спорадически и не имеют регулярного характера. Также далеко не все владельцы бизнеса выделяют тенденции в использовании языков обслуживания, однако те, кто делает это, указывают, что их динамика является скорее отрицательной, чем положительной:

«Это <те, кто обращался на бурятском> старшие <были, скорее всего из деревень. Молодые не обращались (бур., муж., 29 лет).

Что касается связи названия и привлекательности заведения, то мнения владельцев бизнеса разделились — одни считают, что название влияет на коммерческую успешность заведения, другие же отрицают эту связь и делают упор на качество услуг:

«Я думаю, что нет <название влияет на коммерческую успешность>, я знаю прибыль кафе в других кафе, и примерно все то же самое. Контингент всегда один, и разница только от кухни. По платежеспособности у нас население одно и то же» (бур. муж. 29 лет),

«Но по моему мнению как ни назови заведение, лишь бы был хороший сервис и кухня, и туда будут ходить» (бур., муж., 45 лет),

«К сожалению да <название влияет на коммерческую успешность>. Все конечно зависит от концепции заведения. Чтобы оно было подходящим к сфере деятельности» (бур., жен., 29 лет),

«Да, абсолютно, <название влияет на коммерческую успешность>. В отношении “Ультимейта” будет понятно, что это что-то типа компьютерного или киберспортивного. А на бурятском этому слову даже не подберешь аналог. Или для ресторанов с европейской кухней на бурятском название будет странно звучать» (бур., муж., 31 год).

Последние два ответа показывают, что использование того или иного языка некоторыми предпринимателями зависит от того, связан ли с ним род деятельности заведения. Так, бурятский четко ассоциирован лишь с бурятской культурой и его использование за ее рамками видится странным и неуместным.

В целом использование бурятского языка владельцами в названиях и оформлении своих заведений является маркером отнесенности в первую очередь к бурятской культуре и/или этничности, но не языковой идентичности. С этим соотносятся и коммуникативные практики клиентов, которые, по словам владельцев, как правило, совершаются на русском языке. Практики на бурятском языке являются исключительно редкими, и пока нет конкретных примеров его более широкого систематического использования. Все это свидетельствует о том, что бурятский язык общения в заведениях частного бизнеса является маркированным, а русский, наоборот, нейтральным, что позволяет сделать вывод о его превалировании в Улан-Удэ.

Ответы респондентов подтверждают наблюдения, сделанные в ходе анализа самих знаков ЯЛ (см.: Хилханова и др., 2024), который также показал доминирование русского языка и второстепенность относительно него бурятского языка. Данные ЯЛ также показали, что официальная языковая политика, закрепленная в нормативно-правовых актах республиканского и федерального уровней, не

¹ Предпринимателей Улан-Удэ обяжут делать вывески на двух языках [Электронный ресурс] // Ариг Ус online. 2024, 30 марта. URL: <https://clck.ru/3CAUsX> (дата обращения: 12.04.2024).

выполняется в должной мере, что способствует как сохранению старых одноязычных вывесок на русском языке, так и появлению новых, не соответствующих тому, что предписывает закон.

Обсуждение

Подводя итог анализу отношения к языкам в ЯЛ и коммуникативных практик жителей Кызыла, можно сказать, что городская языковая среда по-прежнему неоднородная. В Кызыле проживают и приезжают туда граждане с разным уровнем языковой компетенции как во владении тувинским языком, так и русским. Однако общая тенденция сегодня направлена на коммуникацию на русском языке. В последнее время процесс перехода на русский язык общения в условиях города ускорился. Тувинский язык в городской среде больше функционирует как разговорный язык, язык внутриэтнического общения между близкими и хорошо знакомыми тувинцами и как язык взрослого тувинского населения. Языком сферы обслуживания он может выступать преимущественно только между хорошо владеющими тувинским языком. Исследования языковой ситуации в Туве, проведенные в последние годы, также свидетельствуют о начальном этапе языкового сдвига¹ среди носителей тувинского языка, устойчивой языковой ориентации детей и молодежи в сторону русского языка (Дырхеева, Цыбенова, 2020; Биткеева, Цыбенова, 2022; Каплунова, 2022).

Визуальная письменная среда г. Кызыла также в основном русскоязычная. В иерархии языков, представленных в ЯЛ Кызыла (Хилханова и др., 2024), после русского следует английский язык и только затем тувинский. В плане отношения к языкам и соответствующих практик владельцы малого и среднего бизнеса, как активные создатели ЯЛ, в большинстве своем настроены на формирование визуального облика города на тувинском языке. При этом многие горожане и гости города хотели бы видеть в городе больше названий, афиш и информационных вывесок на тувинском языке.

Это, безусловно, противоречие, которое, впрочем, характерно не только для Тувы и Бурятии. Разрыв между отношением к миноритарному языку как культурной ценности и важному элементу идентичности, с одной стороны, и конкретными шагами в этом направлении, с другой (в нашем случае — в сторону повышения его видимости в ЯЛ), отмечается в разных регионах мира (Smolicz, Secombe, 1998; Sallabank, 2013). В частности, для жителей России характерен перенос ответственности за использование и освоение миноритарного языка с себя на кого-то другого (например, на институт образования) (Хилханова, 2020; Бабич, 2019; Khilkhanova, Khilkhanov, 2004); такое же неосознание личной ответственности и недостаток агентивности мы наблюдаем и в сфере языковых ландшафтов.

Аналогичные процессы происходят и в Улан-Удэ: все респонденты отмечают как доминирование русского языка, так и появление и использование бурятского языка в разной степени. Из ответов становится понятно, что в целом тренд повышения присутствия бурятского языка в ЯЛ города оценивается положительно или нейтрально, что, однако, никак не влияет на увеличение случаев его устного использования при взаимодействии между горожанами в тех или иных учреждениях и заведениях. Мнения владельцев бизнесов также свидетельствуют о доминировании русского языка в информации и обслуживании на территории их заведений. Использование бурятского языка в названиях заведений и брендов является скорее символическим жестом, отражающим причастность к бурятской идентичности. При этом в действительности же коммодификационная ценность бурятского языка в условиях города Улан-Удэ остается низкой как для самих улан-удэнцев, так и для владельцев бизнесов, поскольку использование бурятского языка не дает никаких «дивидендов» при проживании в городе.

Противоречие между *желанием* видеть тувинский и бурятский языки в ЯЛ и отсутствием *действий* в этом направлении со стороны большинства владельцев коммерческих заведений как один из интересных результатов исследования нуждается, на наш взгляд, в дальнейшей интерпретации. Это противоречие, с одной стороны, можно объяснить как несовпадение интересов бизнесменов и «обычных» горожан, где первые используют коммодификационные, прагматичные стратегии при нейминге своих заведений, а вторые в своих желаниях исходят из культурно-символических и идентификационных мотивов. Однако думается, что причины здесь глубже. Здесь присутствует и

¹ Языковой сдвиг — процесс и результат утраты этносом этнического языка. См.: Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие. Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2004.

противоречивость человеческого сознания, в котором могут ужиться противоположные мотивы, и неоднозначность связи между аффективным и конативным компонентами языковых установок, когда отношение к языку и речевое поведение могут не совпадать. В иной теоретической парадигме (и, соответственно, в иных терминах) — это противоречие между символической ценностью родного языка и вышеописанным габитусом.

Интерпретации, безусловно, можно продолжать. Так, индифферентность части тувинского и бурятского населения по отношению к присутствию этнических языков как в языковом ландшафте, так и в коммуникативных практиках можно отнести и на счет того, что язык является только одним из компонентов этнической культуры. При сохранности остальных компонентов (религии, традиционных ценностей, обычаев и ритуалов, одежды и пищи и т. д.) этническая группа не воспринимает постепенный уход языка из сферы коммуникации как угрозу идентичности. Но негомогенность любой группы имеет следствием и описанную нами вариативность отношений к языкам; барьер же между позитивным отношением и реальными действиями по поддержке миноритарных языков, в том числе и в сфере языковых ландшафтов, переступают, по-видимому, не более 10% активных людей, о которых говорят психологи и социологи (см. об этом: Хачатурян, 2020).

Заключение

Наше исследование городского многоязычия в столицах Бурятии и Тувы в ракурсе коммуникативных практик и отношения к языкам в языковых ландшафтах выявило, что в столице Тувы неписанные правила и конвенции употребления языков в городском публичном пространстве находятся сейчас в стадии перелома. В Туве до недавнего времени русский язык редко использовался для общения между тувинцами; сегодня же в тувинском городском сообществе формируется языковая идеология, направленная на общение на русском языке в городской среде, даже если участники коммуникации являются тувинцами; особенно это касается молодежи. Такое речевое поведение — это новое явление для городской среды Кызыла.

В Бурятии этот перелом произошел гораздо раньше, еще в советское время. Восприятие города — и в прошлом, и в настоящем — как пространства русскоязычного восходит к началу процесса социокультурной модернизации бурят в 1920-х гг. XX в., где и производственный язык, и мобилизованные государством специалисты — все было русскоязычным. Бывшим кочевникам пришлось пройти через болезненный процесс ментальной и социокультурной трансформации, чтобы интегрироваться в среду, изначально чуждую степнякам (см. об этом также: Батомункуев, 2004). Именно с тех пор в коллективном сознании бурят был заложен этот паттерн, что в городе нужно говорить по-русски даже при знании бурятского языка. Первоначально используя в официально-производственной сфере, эта модель «городского» речевого поведения постепенно распространилась в советский период и на неофициальную и семейно-бытовую сферу.

Сегодня, когда уже нет стигматизации говорения на миноритарных языках советского периода, описанные в настоящей статье коммуникативные практики, где нормативность использования русского языка в публичной городской среде сочетается с «маркированным» использованием тувинского и бурятского языков, подпадает скорее под понятие габитуса П. Бурдые (Бурдые, 1998). В основе такого речевого поведения лежат, как и положено габитусу, субъективно интериоризованные системы структур, общих схем восприятия, представления и действия, где как сознательно, так и неосознанно «считаны» все «правила игры», устанавливаемые государством на символическом языковом рынке. Города особенно чувствительны к изменениям в «правилах игры», что делает их чрезвычайно информативными объектами для изучения новых социолингвистических тенденций; недаром некоторые исследователи говорят уже о «городской социолингвистике» (Smakman, Heinrich 2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич, И. Л. (2019) Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов // *Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах* / отв. ред. Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский. М.: Горячая линия — Телеком. 260 с. С. 137–159.

Баранова, В. В., Федорова, К. С. (2018) Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIV, ч. 3. С. 38–56. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714303>

Батомункуев, С. Д. (2004) Введение // Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 216 с. С. 3–19.

Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Бурдые, П. (1998) Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.

Дырхеева, Г. А. (2018) Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. № 4 (2). С. 302–320.

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Иванов, В. В. (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // Социолингвистика. № 1(5). С. 147–163.

История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Хачатурян, А. А. (2020) Цифровизация экономики: социальные угрозы // Проблемы рыночной экономики. № 3. С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-3-124-134>

Хилханова, Э. В. (2020) Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16.3. С. 756–815. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>

Хилханова, Э. В., Ондар, Ч. Г., Иванов, В. В., Акопян, К. С. (2024) Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>

Allport, G. W. (1935) Attitudes // Murchison C. (ed.). Handbook of social psychology. Worcester, Mass : Clark University Press. 1195 p. P. 798–844

Baker, C. (1992) Attitudes and language. Clevedon : Multilingual Matters. x + 173 p.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M., Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // International journal of multilingualism. Vol. 3. Issue 1. P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>.

Eagly, A. H., Chaiken, S. (1993) The psychology of attitudes. Fort Worth, TX : Harcourt Brace College. 794 p.

Khilkhanova, E., Khilkhanov, D. (2004) Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: the Buryat Case Study // Journal of Language, Identity, and Education. Vol. 3. No. 2. P. 85–100.

Lambert, W. (1960) Evaluation Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. № 60. P. 44–51.

Lambert, W. (1967) A Social Psychology of Bilingualism // Journal of Social Issues. № 23. P. 91–109.

Landry, R., Bourhis, R. Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of language and social psychology. Vol. 16, No. 1. P. 23–49.

Myers-Scotton C. (1993) Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa. New York : Oxford University Press. 190 p.

Sallabank, J. (2013) Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge University Press. xvi, 271 p.

Smakman D., Heinrich, P. (2018) Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience. London ; New York : Routledge. 242 p.

Smolicz J., Secombe M. (1988) Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups // M. Clyne (ed.). Australia, Meeting Place of Languages. Canberra, Australia : Australian National University, Pacific Linguistics. 328 p. P. 11–38.

Дата поступления: 04.07.2024 г.

Дата принятия: 19.08.2024 г.

REFERENCES

- Babich, I. L. (2019) Modern language processes as a factor of national identity of the Black Sea Adygs-Shapsugs. In: *Is the death of a language the death of a people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries* / ed. by E. I. Filippova and S. V. Sokolovskii. Moscow, Goriachaia liniia — Telekom. 260 p. Pp. 137–159. (In Russ.).
- Baranova, V. V. and Fedorova, K. S. (2018) Multilingualism in the city: language policy, discourses and practice. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences*, vol. XIV, part 3, pp. 38–56. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714303>
- Batomunkuev, S. D. (2004) Introduction. In: Skrynnikova T. D., Batomunkuev S. D. and Varnavskii P. K. *Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)*. Ulan-Ude, BNTs SO RAN. 216 p. Pp. 3–19. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Bourdieu, P. (1998) Structure, habit, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 1, no. 2, pp. 44–59. (In Russ.).
- Dyrkheeva, G. A. (2018) The language situation in the Republic of Buryatia. *Mir Bol'shogo Altaia*, no. 4 (2), pp. 302–320. (In Russ.).
- Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>
- Ivanov, V. V. (2021) The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude. *Sotsiolingvistika*, no. 1(5), pp. 147–163. (In Russ.).
- The history of Tuva* (2007): in 2 vol. / ed. by V. A. Lamina. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.).
- Kaplunova, M. Ya. (2022) Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>
- Khachaturian, A. A. (2020) Digitalization of the economy: social threats. *Market economy problems*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2020-3-124-134>
- Khilkhanova, E. V. (2020) People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 16.3, pp. 756–815. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716324>
- Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V. and Hakobian, K. S. (2024) The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>
- Allport, G. W. (1935) Attitudes. Murchison C. (ed.) *Handbook of social psychology*. Worcester, Mass, Clark University Press. 1195 p. Pp. 798–844
- Baker, C. (1992) *Attitudes and language*. Clevedon, Multilingual Matters. x + 173 p.
- Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M. and Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International journal of multilingualism*, vol. 3, issue 1, pp. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>
- Eagly, A. H. and Chaiken, S. (1993) *The psychology of attitudes*. Fort Worth, TX, Harcourt Brace College. 794 p.
- Khilkhanova, E., Khilkhanov, D. (2004) Language and Ethnic Identity of Minorities in Post-Soviet Russia: the Buryat Case Study. *Journal of Language, Identity, and Education*, vol. 3, no. 2, pp. 85–100.
- Lambert, W. (1960) Evaluation Reactions to Spoken Languages. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, no. 60, pp. 44–51.
- Lambert, W. (1967) A Social Psychology of Bilingualism. *Journal of Social Issues*, no. 23, pp. 91–109.
- Landry, R. and Bourhis, R. Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of language and social psychology*, vol. 16, no. 1, pp. 23–49.
- Myers-Scotton C. (1993) *Social Motivations for Code-Switching: Evidence from Africa*. New York, Oxford University Press. 190 p.
- Sallabank, J. (2013) *Attitudes to endangered languages: identities and policies*. Cambridge University Press. xvi, 271 p.
- Smakman D. and Heinrich, P. (2018) *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. London; New York, Routledge. 242 p.
- Smolicz J. and Secombe M. (1988) Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups. In: M. Clyne (ed.). *Australia, Meeting Place of Languages*. Canberra, Australia, Australian National University, Pacific Linguistics. 328 p. Pp. 11–38.

Submission date: 04.07.2024.

Acceptance date: 19.08.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.14

Статья

Проблемы бедности неполных семей в Туве

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется проблема бедности неполных семей в Республике Тыва, число которых в последние годы растет. Используются результаты социологического исследования, проведенного автором в регионе в 2023 г. Методом глубинного интервью были опрошены 33 матери, возглавляющие неполные семьи (монородители).

Выявлено, что неполные семьи в большей степени подвержены риску бедности по сравнению с другими типами семей. Заработная плата матерей, возглавляющих неполные семьи, является главным источником в структуре доходов неполных семей. По разным причинам неполные семьи недополучают полагающиеся алименты. Экономические трудности, потребность в материальной и инструментальной помощи родственников, отсутствие собственного жилья у многих монородителей вынуждает их жить вместе с родственниками. Ведение личного подсобного хозяйства как адаптационная стратегия утрачивает своё значение.

Государственные пособия в условиях безработицы в сельской местности становятся регулярным источником дохода неполных семей до достижения детьми возраста 17 лет.

Подчеркивается, что государственные социальные трансферты, направленные на поддержку неполных семей, снижают уровень бедности неполных семей. Но, с другой стороны, они могут снижать мотивацию женщин к экономической активности.

Сделан вывод о том, что неполные семьи целесообразно выделять в отдельную группу в региональной программе снижения бедности. Сформулированы рекомендации по работе с неполными семьями в рамках мер снижения бедности.

Ключевые слова: Республика Тыва; неполная семья; бедность; структура доходов; социальный трансфер; алименты; родственная помощь

Для цитирования:

Натсак О. Д. Проблемы бедности неполных семей в Туве // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 204-220. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.14>

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

Problems of poverty of single-parent families in Tuva

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article analyzes the issue of poverty among single-parent families in the Republic of Tuva, where their numbers have been increasing in recent years. The study uses data from a sociological investigation conducted by the author in the region in 2023. Through in-depth interviews, 33 mothers heading single-parent families (monoparental households) were surveyed.

It was found that single-parent families are at a higher risk of poverty compared to other family types. The primary source of income for these families is the wage of the mothers who head them. For various reasons, single-parent families often do not receive the full alimony to which they are entitled. Economic difficulties, the need for material and instrumental support from relatives, and the lack of their own housing compel some of these mothers to live with extended family. The role of subsistence farming as an adaptive strategy has diminished in importance. In rural areas facing high unemployment, government benefits have become a regular income source for single-parent families until children reach the age of 17.

The article highlights that while government social transfers aimed at supporting single-parent families help reduce poverty levels within these households, they may also lessen the motivation for economic activity among women.

The conclusion suggests that it would be advisable to classify single-parent families as a distinct group within the regional poverty reduction program. Recommendations are provided for targeted support of single-parent families as part of poverty alleviation measures.

Keywords: Republic of Tuva; single-parent family; poverty; income structure; social transfer; alimony; familial assistance

For citation:

Natsak O. D. Problems of poverty of single-parent families in Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 204-220. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.14>

Введение

Снижение бедности населения для России имеет одно из приоритетных значений. В 2020 г. Президент РФ обозначил целью снижение бедности в два раза в сравнении с показателями 2017 г.¹ В мае 2024 г. был подписан новый Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»², в котором обозначены следующие цели: снизить уровень бедности — ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г., в том числе уровень бедности многодетных семей (до 12% к 2030 г. и до 8% к 2036 г.)³.

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития России до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Правительство России. 2020, 21 июля. URL <http://government.ru/docs/all/128943/> (дата обращения: 15.07.2024).

² Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития России до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html> (дата обращения: 15.07.2024).

³ Там же.

В Республике Тыва в марте 2024 г. была принята региональная программа снижения доли бедного населения на 2024–2030 гг.¹ В ней, на наш взгляд, не в полной мере учтены социально-демографические характеристики и профиль бедного населения, например, детская бедность, бедность в семьях с разной структурой — в полных, неполных, расширенных семьях, соответственно, данные социально-демографические группы не дифференцируются в общей массе бедного населения. Полагаем, что республиканские меры по снижению бедности должны учитывать современные демографические процессы в республике, а именно, высокий уровень внебрачных рождений, формирующих неполные семьи, рост числа домохозяйств, имеющих в своём составе неполные семьи. Между тем бедные неполные семьи составляют существенную часть структуры бедного населения, что обуславливает необходимость актуализации социально-экономических характеристик неполных семей в современном тувинском обществе и выработки отдельных мер для данной категории, касающихся не только предоставления социальных пособий и выплат, но и стимулирования экономической активности одиноких матерей.

Цель статьи — исследование бедности неполных семей в Республике Тыва, структуры их доходов и адаптивных стратегий.

Под неполными семьями мы понимаем все семьи, в которых один родитель воспитывает детей вне зависимости от причины их образования. Семьеобразующим фактором в неполной семье является наличие детей, а дифференцирующей характеристикой родителя — его брачный статус (вдова / вдовец; находящийся в разводе; никогда не состоявший в браке). Поскольку в составе неполной семьи присутствует только один из биологических родителей детей, используются также термины «моноподитель», «моноподительская семья».

Основная гипотеза исследования заключается в следующем. Уровень дефицита ресурсов в бюджетах неполных семей можно частично восполнять за счет государственных социальных пособий, выплат, субсидий, однако снижение уровня доходной и депривационной бедности носит временный характер, а получение социальных трансфертов в случаях, когда одинокие матери отказываются от трудовых доходов в их пользу в качестве основного источника доходов, повышает риски повторной бедности после отмены и прохождения сроков назначенной социальной помощи. Возможность получения одинокими родителями государственной поддержки в монетарной форме может приводить к снижению мотивации к занятости и экономической активности, а социальные, экономические эффекты данной адаптационной стратегии пролонгированы во времени и проявят себя в более поздние этапы жизни одиноких матерей. Отказ от работы в пользу получения пособий наблюдается в неполных многодетных семьях, а в семьях, где не более одного ребёнка доход от пособия не позволяет поддерживать приемлемый уровень жизни без трудовых доходов, в этой связи матери мотивированы в повышении доходов за счёт трудовой активности. Данное обстоятельство требует превентивной информационной, разъяснительной и иной работы с одинокими матерями, которую необходимо включать в региональную программу снижения бедности.

Статья основана на результатах авторского социологического исследования качественного характера, нацеленного на изучение социальных практик женщин, возглавляющих моноподительские семьи в Республике Тыва. Исследование было проведено в 2022–2023 гг. Методом глубинного интервью было опрошено 33 женщины из неполных семей. Отбор респондентов был осуществлен, исходя из необходимости охвата женщин, имеющих разные социально-экономические характеристики: городские и сельские жительницы; имеющие разные уровни образования; работающие и безработные. Кейсы респондентов включали основные причины формирования неполных семей в современном тувинском обществе: внебрачные рождения детей у женщин, никогда не состоявших в браке; вдовство; разводы. Интервью были направлены на изучение биографических историй респондентов для классификации причин и условий формирования неполных семей, на выявление их материального положения, структуры доходов, условий жизни и жизненных стратегий.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 27.03.2024 № 127 «Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Республике Тыва на 2024–2030 годы»» [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <http://www.mintrud.tuva.ru/page/7155.html> (дата обращения: 03.05.2024.).

В качестве информационной основы исследования использованы итоги Всероссийских переписей населения 2010, 2020 гг.¹, статистические данные, показывающие социальное положение, уровень жизни, занятость населения Республики Тыва, а также социально-экономические характеристики мужчин и женщин².

Обзор литературы

В российской литературе, работы, посвящённые феномену бедности неполных семей, являются неотъемлемой частью исследований бедности в разных типах семей и бедности населения в целом. Материалами исследований являются как статистические данные, касающиеся уровня жизни и социально-экономического положения населения, выборочных обследований Росстата, так и результаты социологических исследований.

Неполные семьи анализировались в работе С. Г. Ивченкова, Г. А. Кантемировой, которые сделали вывод об универсальном характере проблемы малообеспеченности неполных семей (Ивченков, Кантемиров, 2019). Масштабы распространения неполных семей с детьми, анализ уровня их жизни, факторов, влияющие на их доходы, представлены в исследовании Л. М. Прокофьевой и И. И. Корчагиной, которые при анализе бедности неполных семей обосновали идею о том, что степень их материальных проблем определяется во многом причиной образования семьи с неполной структурой (Прокофьева, Корчагина, 202). О. В. Селиванова, Н. Ю. Коробова, анализируя социально-экономические характеристики неполных семей в российских регионах, подчеркивали, что в фокусе внимания, как правило, находятся семьи с детьми, семьи с низкими доходами, между тем масштабы бедности в неполных семьях могут более драматичными (Селиванова, Коробова, 2024).

Бедность неполных семей и стратегии преодоления бедности одиноких матерей в условиях экономических перемен в России анализировались М. Локшиным, К. Харрис и Б. Попкиным, которые пришли к заключению о том, что бедности и экономическим трудностям в большей степени подвержены неполные семьи, проживающие отдельно от прародителей, а также проживающие в сельской местности (Lokshin, Harris, Popkin, 2000). Исследуя роль брачного статуса и гендера в бедности, В. Малеева, М. Йокше и С. Занадж сделали вывод о том, что разведённые женщины, возможно, благодаря все более расширяющемуся участию в рынке труда, демонстрируют более низкий уровень бедности, чем разведённые мужчины (Maleeva, Joxhe, Zanaj, 2020).

Бедность неполных семей имеет достаточно долговременный характер — к такому выводу пришла Э. В. Чурилова в результате анализа различных характеристик жизни неполных семей в России: состава, уровня жизни, возможности одинокой матери по совмещению работы и ухода за детьми (Чурилова, 2015).

Во всех этих работах прослеживается идея о том, что тип устройства семьи, структура, размер, состав влияют на доходы, уровень бедности семьи и являются определяющими факторами бедности.

Степень материальных затруднений неполной семьи также зависит от социальных и кластерных характеристик женщины, возглавляющей ее: уровня образования, экономической активности, занятости. С этой точки зрения важны исследования, анализирующие и обобщающие социальный портрет одиноких матерей. Из исследований последних лет, проведённых в этом русле, необходимо отметить работы Т. К. Ростовской, О. А. Хасбулатовой, И. Н. Смирновой, посвященные социальному

¹ Всероссийская перепись населения 2010 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.05.2023); Всероссийская перепись населения 2020 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 19.05.2023).

² Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения: 11.09.2023); Труд и занятость 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 19.05.2023); Женщины и мужчины 2022 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 22.05.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.02.2023).

портрету одиноких матерей (Ростовская, Хасбулатова, Смирнова, 2022, 2023). Типы монородительских семей и социальный портрет одинокого родителя изучались Г. Л. Ворониным и А. Л. Янак (Воронин, Янак, 2018).

В Туве изучение социально-экономического положения домохозяйств и проблем бедности на современном этапе было инициировано региональным правительством в 2019 г. Исследованием этих вопросов занималась группа учёных Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством проф. З. Т. Голенковой в 2019, 2021 гг. (см.: Социально-стратификационные ... , 2021; Горина, 2019). Этой же научной группой по предложению Министерства труда и социальной политики Республики Тыва в 2022 г. было проведено исследование неполных семей (Самба и др., 2024).

Проблемы бедности семей с детьми, экономики неполных семей, бедности семей с детьми в Республике Тыва исследовались и автором данной статьи (Натсак, 2022ab, 2023).

Исследование экономического положения неполных семей в Туве — новое направление, требующее дальнейшего многомерного изучения.

Бедность неполных семей

По сравнению с итогами Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Тыва материалы переписи 2020 г. показывают рост числа неполных семей, представленных во всех типах домохозяйств — нуклеарных и многосоставных расширенных, а также материнских и отцовских¹. В Туве в 2020 г. насчитывалось 78054 домохозяйств, и 26,17% из них проживали одинокие родители с детьми. Домохозяйств, в состав которых входили неполные семьи с детьми, в 2010 г. в Туве было всего 14 621, в 2020 г. — 20 428².

Анализ материалов Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах 2022 г. (ВНДН-2022)³ показывает, что малоимущие неполные семьи по сравнению с малоимущими многодетными семьями и семьями с детьми-инвалидами находятся в худшем положении. Это касается таких показателей, как уровень доходов, уровень совокупных доходов, уровень социальных пособий, компенсаций и иных выплат. К примеру, денежный доход в среднем на домохозяйство в России в месяц у многодетных семей в 2021 г. составлял 89 084 руб., неполных семей — 78 640 руб., семей с детьми-инвалидами⁴ — 92 814,1 руб., трудовые доходы у многодетных семей — 61 231 руб., неполных семей — 53 366,9 руб., семей с детьми-инвалидами — 48 346 руб.⁵ Данное обстоятельство мы объясняем тремя факторами: 1) в неполных семьях количество кормильцев меньше, чем в полных семьях; 2) детностью — неполные семьи могут быть многодетными, однако среднее количество детей в неполных семьях меньше, чем в полных, соответственно, суммарный объём получаемых трансфер-

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.05.2023).

² Всероссийская перепись населения 2020 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 19.05.2023 г.).

³ Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2022/index.html (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Социальная поддержка детей-инвалидов и их семей осуществляется вне зависимости от структуры семьи, первичным является факт инвалидности ребёнка. Дети-инвалиды, не достигшие возраста 18 лет, имеют право на получение ежемесячной социальной пенсии по инвалидности, социальные выплаты. Так, дети-инвалиды имеют право на ежемесячную денежную выплату (ЕДВ). Неработающий трудоспособный гражданин, который ухаживает за ребёнком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы (как правило, один из родителей), может получать ежемесячную выплату за уход за ребёнком-инвалидом или инвалидом с детства I группы. Родители, ухаживающие за ребёнком с инвалидностью, могут получать дополнительные льготы при назначении детских выплат. При назначении стандартных пособий на детей действует правило нулевого дохода — уход за ребёнком с инвалидностью до 18 лет, за инвалидом с детства I группы считается уважительной причиной отсутствия доходов; при назначении пособий для семей с детьми действуют льготы при оценке имущества. См.: Социальные выплаты для семей с детьми-инвалидами [Электронный ресурс] // Социальный Фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/krasnoyarsk/info/~0/7743> (дата обращения: 29.07.2024).

⁵ Там же.

тов в виде пособий, выплат в неполных семьях меньше по сравнению с полными, исходя из количества детей, на которых рассчитываются пособия и выплаты; 3) социальная поддержка детей-инвалидов закономерно больше, чем детей, других категорий.

Рост масштабов бедности неполных семей по Туве мы можем отслеживать по росту числа получателей пособий, которые предоставляются единственным родителям в семьях, находящихся ниже границы бедности¹. Пособие родителям, одиноко воспитывающим детей (8–17 лет)² в 2021 г. получили 9449 родителей на 13 095 детей, в 2022 г. — 10741 заявитель на 14622 детей³. Рост составил за год 1292 ед.

Если исходить из общего числа семейных ячеек с неполной структурой по итогам ВПН-2020 г. — 20 428 и количества заявителей на данный вид пособия, то получается, что 52,58% неполных семей в Туве находятся за чертой бедности. При этом за данным ростом нужно видеть не только расширение масштабов бедности неполных семей, но и другие процессы, связанные с мотивом получения выгоды от государственной поддержки одиноких родителей, когда брачные пары с детьми оформляют официальный развод для получения женщиной статуса одинокой матери, а супружеский союз продолжает существовать в формате фактического брака. Этим мы объясняем резкий рост разводов в республике после введения в 2021 г. данной меры поддержки. Рост числа получателей рассматриваемого пособия также связан с тем, что одинокие матери уходят с постоянной работы для снижения доходов, чтобы соответствовать критериям нуждаемости, предъявляемым при назначении пособия. Таким образом, по динамике получателей только одного вида пособий невозможно судить о реальных масштабах и глубине бедности неполных семей.

Структура денежных доходов неполных семей многокомпонентна — это: зарплата; алименты; государственные социальные и частные трансферты; доход от подработок, сезонных и разовых сделанных работ, от продажи продукции личного подсобного хозяйства. В каждом конкретном случае набор из возможных источников доходов может варьироваться, соответственно, материальное положение неполных семей, несмотря на достаточно универсальную характеристику — дефицит ресурсов, не гомогенно.

Рассмотрим более подробно важнейшие источники доходов неполных семей — заработную плату, социальные пособия, выплаты и алименты, родственную помощь.

¹ На 2023 г. в Республике Тыва были установлены следующие границы бедности: прожиточный минимум на душу населения — 14 519 руб.; для трудоспособного населения — 15 826 руб., пенсионеров — 12 486 руб.; детей — 14 433 руб. См.: Постановление Правительства Республики Тыва от 21.12.2022 г. № 834 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Республике Тыва на 2023 год» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202212230010> (дата обращения: 15.07.2024). Исходя из установленных величин, граница бедности для неполной семьи, состоящей из матери и 1 ребёнка — 30259 руб. совокупного дохода; для неполной семьи, состоящей из матери и 2-х детей — 44692 руб.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2021 № 1037 «Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в части, не определенной Федеральным законом “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, а также перечня документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения указанных пособий, и форм заявлений об их назначении» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010004?index=2> (дата обращения: 15.07.2024). Ежемесячное пособие на ребёнка в возрасте от восьми до семнадцати лет имеют право получать одинокие родители — те, кто является единственным родителем (т. е. второй родитель умер, пропал без вести, не вписан в свидетельство о рождении) или родители ребенка в разводе и судом назначены алименты. Выплаты назначаются с учетом комплексной оценки нуждаемости. То есть, пособия смогут получать беременные женщины или одинокие родители, если среднедушевой доход в семье — меньше прожиточного минимума и семья соответствует имущественным критериям назначения выплаты.

³ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 6 июля 2022 г. № 373-р «О государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Республике Тыва в 2021 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <http://glava.tyva.ru/page/5545.html> (дата обращения: 12.01.2023); Распоряжение Правительства Республики Тыва от 8 ноября 2023 г. № 625-р «О государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Республике Тыва в 2022 г.» [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: http://www.mintrud.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/1.53%20%D0%9C%D0%91.pdf (дата обращения: 03.05.2024).

Заработная плата

Заработная плата — основной источник в структуре доходов работающих одиноких матерей. Уровень женской занятости в республике существенно ниже, чем по России: в 2021 г. по РФ — 75,2%, в Туве — 58,5%, а уровень женской безработицы в Туве в два раза выше среднероссийского показателя — 11,8% и 5,3% соответственно¹.

Анализ занятости получателей пособий при рождении ребёнка и по уходу за ребёнком за 2020 г. показал, что среди получателей больше неработающих матерей — 3159 чел., работающих — 2917 чел. Среди получателей ежемесячного пособия по уходу за ребёнком неработающих женщин почти в два раза больше, чем работающих (9778 и 4951 соответственно).

Рассмотрим другой показатель, имеющий отношение к женской занятости. Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста, в 2019 г. в Республике Тыва составлял 63,4%, в РФ — 67%. Показатель по Туве чуть ниже среднероссийского значения, но более низкие значения показатели наблюдались в ряде регионов, как г. Севастополь (44,9%), Республика Дагестан (45,9%) и других, самые высокие значения фиксировались в Ямало-Ненецком автономном округе (82,4%), Чукотском (82,2%) и Ненецком (80,6%) автономных округах². Однако в последующие годы данный показатель в Туве снизился, в то время, как по России — вырос. В 2022 г. уровень занятости женщин в Туве данной категории составлял уже 60,5% (рис. 1).

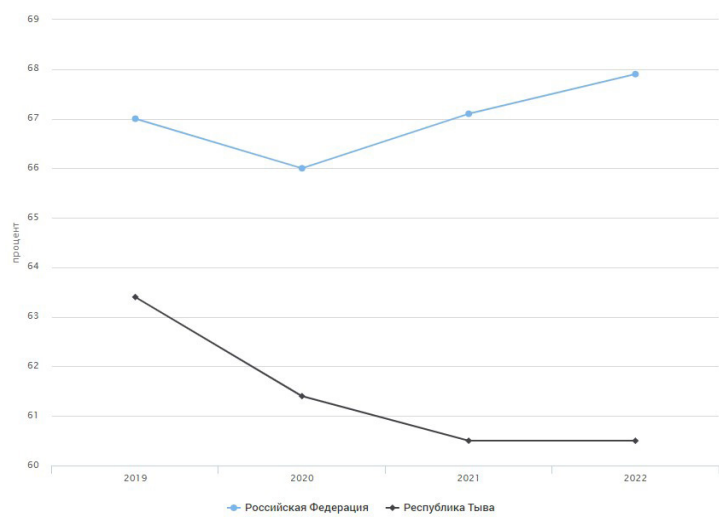

Рис. 1. Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста в Российской Федерации и Республике Тыва в 2019–2022 гг., в %³.

Fig. 1. The employment rate of women with preschool children in the Russian Federation and the Republic of Tuva in 2019–2022, in %.

Таким образом, в данном вопросе мы наблюдаем разнонаправленные процессы по Туве и в России в целом.

2020–2022 гг. являются периодом пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, ввода новых видов социальной поддержки населения в условиях пандемии, в том числе семей с детьми. Кроме того, в Туве в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выросло количество безработных женщин — с 5,6 тыс. до 8,1 тыс.⁴ Данное обстоятельство детерминировано уровнем безработицы в регионе, низким уровнем

¹ Женщины и мужчины 2022 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 22.05.2023).

² Уровень занятости женщин с детьми дошкольного возраста [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59824> (дата обращения: 19.05.2023).

³ Там же.

⁴ Труд и занятость 2021 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 19.05.2023).

образования неработающего населения, социальной помощью семьям с детьми, одиноким родителям, позволяющей жить на пособия и выплаты, не искать работу.

Далее рассмотрим изменение доли заработной платы в структуре основных источников средств к существованию женщин трудоспособного возраста, которое произошло в период между Всероссийскими переписями 2010 и 2020 гг. в республике. Кроме заработной платы мы также отобрали такие наиболее важные источники, как пенсии, пособия, выплаты, стипендии, а также обеспечение со стороны других лиц, иждивение.

Число женщин трудоспособного возраста, указавших заработную плату как основной источник средств к существованию, в период между ВПН 2010 и 2020 гг. в республике снизилось, выросло число женщин, опирающихся на социальные трансферты (таблица 1).

Таблица 1. Число женщин в трудоспособном возрасте по основным источникам средств к существованию в Республике Тыва¹

Table 1. The number of women of working age by main sources of livelihood in the Republic of Tuva

Основной источник средств к существованию	Число женщин в трудоспособном возрасте	
	2010 г.	2020 г.
Заработная плата	48 405	45 265
Пенсии, пособия и другие выплаты	14 386	18 413
Стипендии	475	3544
Обеспечение со стороны других лиц, иждивение	27 135	11 707

Опрос наших респондентов показал, что женщины, возглавляющие неполные семьи с детьми, в основном работают, и главным источником средств к существованию является заработная плата. У большинства работающих женщин (одиноких матерей) трудовые доходы по своему уровню превышают порог бедности, и они не получают пособия и выплаты. Работающие женщины из неполных семей, не получающие пособия и выплаты по причине несоответствия критериям их назначения, всё же испытывают материальные трудности, для преодоления которых ищут временные сезонные работы, вторичную занятость, т. е. любые возможности подработок.

Респонденты, чьи трудовые доходы невысоки, которые имеют более одного ребёнка, располагают не только заработной платой, но и пособиями, выплатами. В этом случае заработная плата является одним из нескольких источников формирования бюджета неполной семьи, и по значимости и размеру может уступать другим компонентам.

Заработная плата как источник доходов отсутствует в бюджетах неполных семей, в которых матери не работают. В случае, если алименты не получают, они полагаются исключительно на государственные социальные трансферты.

«Я получаю пособия на двоих детей: ребёнка 3–7 лет и ребёнка 8–17 лет. Всего в месяц получается 26 тысяч рублей, алименты не получаю, не подавала в суд иск о взыскании алиментов. Сейчас не работаю, раньше временно работала. Оформляю документы, чтобы встать на учет безработных в Центре занятости» (респ. А, жен., 31 год, среднее профессиональное образование, не работает, 3 детей, село).

¹ Всероссийская перепись населения 2010 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.05.2023). Всероссийская перепись населения 2020 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 19.05.2023).

По мере роста количества детей, привлекательность работы с невысокой оплатой снижается, так как совокупная сумма пособий на 2-х, 3-х и более детей может быть равной уровню получаемой женщиной зарплаты или даже превышать его.

Таким образом, на выбор трудовой стратегии матерей, возглавляющих неполные семьи, влияют разнохарактерные факторы: уровень образования и квалификация, место жительства и доступность рабочих мест, уровень зарплат, количество детей.

Государственные социальные трансферты

Государственные социальные трансферты, направленные на поддержку демографии и одиноких родителей, улучшают материальное положение неполных семей.

Помимо пособия одиноким родителям, направленного на поддержку семей с детьми, матери, возглавляющие неполные семьи, получают ряд других видов социальной поддержки, направленных на улучшение демографической ситуации в стране. Это, прежде всего, материнский капитал, а также единовременное пособие при рождении ребёнка, ежемесячное пособие по уходу за ребёнком, единовременное пособие женщинам, вставшим на учёт в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности. В Туве доля социальных трансфертов в структуре доходов населения растёт, в 2010 г. она составляла 27,5%, в 2021 г. — 40,8%, в 2022 г. — 41,8%¹. Это самый высокий показатель по России.

Удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированного бюджета Республики Тыва растёт, и с 2017 г. он начинает превышать среднероссийское значение данного показателя².

В настоящее время средства пособий и выплат, которые получают неполные семьи, направляются на догоняющее «латание дыр» в бюджетах финансово не обеспеченных семей, сформировавшихся в условиях серьезного дефицита материальных ресурсов, и не всегда на инвестиции в детей. Под инвестициями в детей понимаются расходы семей на образование, здоровье, развитие детей. Отечественные исследователи пишут о неравенстве инвестиций в человеческий капитал детей в семьях разных типов по составу, уровню доходов. Так, Г. Л. Воронин считает, что шансы в сфере образования детей из семей с низкими и высокими доходами, городских и сельских, многодетных и семей с одним или двумя детьми неравны, дискриминация в сфере образования является производной от экономической дискриминации (Воронин, 2013: 111). С. В. Мареева, Е. В. Слободенюк полагают, что положение домохозяйства в социально-экономических иерархиях по уровню образования, профессиональному статусу, уровню дохода и субъективному самоощущению дифференцирует практики инвестиций в образование детей, а рост доли домохозяйств, инвестирующих в человеческий капитал детей, происходит по мере их перемещения от менее к более благополучным позициям в каждой из этих иерархий (Мареева, Слободенюк, 2022: 98).

Приобретение бытовой техники, ремонт жилья улучшают условия проживания детей, но если рассматривать эти расходы с точки зрения перспектив вертикальной социальной мобильности детей из этих семей в будущем, то недостаток инвестиций в их образование, в особенности в платное дополнительное образование, культурную социализацию, занятия спортом будет выступать дифференцирующим фактором в жизненных шансах по сравнению с детьми из полных, обеспеченных семей. Именно на этом этапе закладываются основы будущего социального неравенства, в частности, образовательного и экономического неравенства. Направление большей части доходов, получаемых от пособий, на первоочередные нужды домохозяйства, является вынужденной мерой, уменьшающей лишения, образовавшиеся в силу бедности и дефицита доходов многих семей с детьми, в том числе неполных.

Существует практика, когда работающая одинокая женщина, имеющая детей, уходит с работы, чтобы получать пособия и не работать. В этом случае мы видим её незаинтересованность в низкооплачиваемой работе, так как такой подход характерен преимущественно для тех, у кого 2-е или 3-е

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.02.2023).

² Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения: 11.09.2023).

детей и более, а размер заработной платы либо ниже, либо одинаков с совокупным размером пособий на детей. Есть другой подход, при котором уход с работы является временной мерой для того, чтобы снизить имеющийся доход или показать отсутствие доходов, чтобы оформить пособие. Для этого женщины увольняются с работы и после назначения пособия на год вновь устраиваются на работу.

«Год назад я получала пособия на детей, как единственный родитель, но потом мой доход, так как я работала тогда, превысил на 1000 рублей тот уровень, при котором назначают пособие. Я перестала получать пособия. Затем я уволилась с работы, и сейчас вновь подала заявление на пособия. После назначения пособия я снова устроюсь на работу и могу получать пособия на детей в течение года» (респ. В, жен., 39 лет, высшее образование, не работает, 2 детей, город).

При этом женщины теряют конкурентоспособность на рынке труда, возможность расти по карьерной лестнице. Поэтому данные стратегии неактуальны для женщин с высоким уровнем образования, ориентированных на карьеру, высокооплачиваемую работу и профессиональную самореализацию.

Алименты

В случае развода пар, которые имели зарегистрированный брак, а также когда отцовство было установлено (вне зависимости от того, родители фактически сожительствовали или никогда не вели совместную жизнь), дети имеют отца, который не проживает вместе с ребёнком и его мать и который должен платить алименты. Эти дети официально более защищены по сравнению с теми детьми, у которых отцовство не установлено и в свидетельствах о рождении которых в графе «отец» стоит прочерк: помимо алиментов на свое содержание при жизни отца, в случае его смерти как наследники они могут претендовать на часть его имущества, средств.

Неуплата алиментов на содержание детей со стороны отцов — это общероссийская проблема. Значительную часть (56,9%) в структуре преступности в отношении детей составляют преступления против семьи и несовершеннолетних, из которых 93,5% связаны с неуплатой алиментов¹. Л. С. Ржаницына отмечала, что менее трети, имеющих право на алименты, получают их (Ржаницына, 2010: 56).

Те мужчины, которые не платят алименты, не выполняют свои обязательства перед детьми по причине отсутствия доходов, имущества или асоциального образа жизни. Судебными приставами в Республике Тыва в 2021 г. было вынесено 2496 постановлений об ограничении выезда должников по алиментным платежам за пределы Российской Федерации².

В 2021 г. за региональной мерой поддержки — пособием на ребенка, лет, которое получают одинокие матери на детей, чьи отцы уклоняются от алиментов, обратилось 22 691 чел.³

В силу разных жизненных обстоятельств, эмоциональных переживаний женщины могут не обращаться в суды для получения судебного решения о выплате алиментов. В ходе интервью респонденты сообщали о том, что ввиду отсутствия постоянного дохода и места работы отцов детей, они не обращались в суды, чтобы отцов детей обязали к уплате алиментов. Вместо этого устно договаривались с ними о помощи детям в той мере, какую реально может оказать отцы:

«Алименты на детей не получаю, не стала прибегать к взысканию через суд, учитывая жизненные обстоятельства отца» (респ. С, жен., 33 года, высшее образование, работает, 2 детей, город),

«Алименты на ребёнка не получаю, так как считаю, что смогу сама обеспечивать 1 ребёнка, и нет желания заниматься этим вопросом. Отец ребёнка мог и хотел бы помогать, но я не хочу принимать от него помощи» (респ. Д., жен., 31 год, высшее образование, работает, 1 ребёнок, село).

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2021 г. [Электронный ресурс] // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка. URL: <http://www.deti.gov.ru/documents/doklad> (дата обращения: 10.05.2023).

² Отчёт о результатах работы Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Тыва за 2021 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы судебных приставов по Республике Тыва. URL: https://r17.fssp.gov.ru/otchety_i_doklady_o_deyatelnosti/ (дата обращения: 01.03.2023).

³ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 6 июля 2022 г. №373-р «О государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Республике Тыва в 2021 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <http://glava.rtyva.ru/page/5545.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Одиноким матери по разным личным причинам могут не пользоваться возможностью обращения в суд для установления отцовства и назначения алиментов на содержание внебрачных детей. Такие случаи могут быть связаны с нежеланием матерей раскрывать информацию об отцах детей.

Материальная помощь родственников

В системе родственной помощи особое место занимает помощь родителей или одного из родителей одинокой матери: прямая денежная помощь, помощь продуктами питания, приобретение одежды, обуви для детей. Субъектами родственной помощи выступают, прежде всего, родственники матери, возглавляющей неполную семью, по прямой линии — её родители, и по боковой линии — сиблинги. В меньшей степени в этой системе участвуют родственники отца детей, если неполная семья образовалась вследствие распада (по причине развода, смерти одного из супругов) полной семьи (бывшей в зарегистрированном или незарегистрированном браке), и если отцовство было установлено и признано при внебрачном рождении детей:

«У меня двое сыновей. Мы имеем следующие доходы: пенсия старшего сына по потере кормильца — около 12 тыс. руб., выплаты на двоих детей¹ — 24 тыс. рублей. Итого — 36 тыс. руб. Зарплату пока не получала, так как только в этом месяце устроилась на временную работу. Алименты на второго ребёнка не получаем, в суд не подавала заявления. Средств не хватает. Материально нам помогает моя мама из своей пенсии» (респ. Е., 41 год, среднее профессиональное образование, работает, 2 детей, село);

«У меня двое детей. Когда возникают финансовые затруднения, всегда помогает моя мама» (респ. С, жен., 33 года, высшее образование, работает, 2 детей, город).

Зависимость неполных семей от поддержки родителей приводит к необходимости совместного проживания в одном домохозяйстве:

«У меня нет собственного жилья, живём с дочерью в квартире моей матери, в которой также живёт и мой родной брат. Мои старшие сыновья живут отдельно — уехали в другие города учиться. Получение ипотечного кредита просто не представляется возможным» (респ. Ф., жен., 42 года, высшее образование, работает, 3 детей, город);

«Собственного дома нет, живу с двумя детьми в доме своих родителей совместно с ними» (респ. Г., жен., 36 лет, среднее профессиональное образование, работает, 2 детей, село).

Экономическое выживание молодых женщин, родивших детей вне брака в раннем возрасте, а также не завершивших обучение, в современных условиях крайне затруднено без поддержки родителей, так как личных ресурсов у молодых женщин, как правило, нет. К источникам доходов одинокой матери с детьми прибавляются пенсионные и трудовые доходы родителей, когда семьи родителей и неполная семья дочери (сына) с детьми проживают вместе, при этом они могут иметь и разные бюджеты, а могут иметь и общий бюджет:

«У меня один сын. Получаю зарплату 42 тыс. руб., имею подработку на 0,5 ставки — заменяю учительницу, которая находится в декретном отпуске. Всего получается 50 тыс. в месяц. Выплат, пособий не получаю, так как доход превышает 2 прожиточных минимума. Родители получают пенсию. Важные покупки делаем совместно, вкладывают родители и я» (респ. Н, жен., 35 лет, высшее образование, работает, 1 ребёнок, село).

Таким образом, родственная помощь, а также финансовая поддержка, домашний труд прародителей в жизнедеятельности материнских семей с детьми чрезвычайно важны. Трансферты имеют как материальный, так и инструментальный характер, так как от родственников эти семьи получают не только материальную помощь, но и нематериальную поддержку в виде ухода и воспитания детей.

Роль личного подсобного хозяйства в экономике неполных семей

Помимо доходов в виде заработной платы, государственных социальных трансфертов в структуре бюджета семей присутствуют доходы, получаемые с личных подсобных хозяйств (ЛПХ) по выращиванию овощей, домашних животных в особенности в сельской местности. Ведение подсобного хозяйства является одной из адаптивных стратегий многих семей в целом в России, а использование продукции подсобных хозяйств в питании семьи — способом экономии и сокращения расходов на покупку про-

¹ Пособие единственным родителям, воспитывающим детей в возрасте 8–17 лет.

дуктов питания. Продажа для получения доходов позволяет в определённые сезоны пополнять семейные бюджеты.

Проведённые интервью с женщинами, возглавляющими неполные семьи, показали, что личное подсобное хозяйство могут вести женщины, проживающие в сельской местности, в домах с приусадебным участком и необходимыми постройками для выращивания домашних животных. Однако из числа имеющих такие возможности не все занимаются этим направлением. Продажей продукции ЛПХ занимаются редко, только те, чей скот выращивают родители и близкие родственники, так как хозяйство требует мужского физического труда в заготовке, транспортировке кормов, строительстве загонов и, главное — дополнительных финансовых расходов. В этой связи традиционные стратегии экономики малоимущих семей, как ведение ЛПХ, не всегда приемлемы для одиноких материнских семей. Но вместе с тем опрос показал, что сельские женщины, возглавляющие неполные семьи, выращивают для собственного использования овощи, а те, кому родственники выращивают скот, разово продают живой скот или мясо для решения финансово ёмких для них сезонных вопросов, таких, как подготовка детей к школе. Ведение личного подсобного хозяйства, содержащего домашних животных, зависит от наличия помощи родственников, возраста детей, хозяйственных и трудовых навыков женщин.

Данный источник доходов может рассматриваться как в рамках родственной помощи моно-родителям, так и отдельно, так как его наличие показывает более высокий уровень социальной субъектности женщин, возглавляющих неполные семьи. Есть женщины, которые используют весь возможный потенциал для улучшения материального положения семьи. Они несут большую нагрузку по выполнению родительских обязанностей, домашней работы, ведению личного подсобного хозяйства. Как выше показано, данный вопрос имеет индивидуальный характер. В рамках одного села среди одиноких матерей есть те, кто ищет способы сокращения денежных расходов на питание путём ведения личного подсобного хозяйства, и есть те, кто полагается только на поддержку государства.

В целом можно заметить тенденцию постепенной утраты значения ведения подсобного хозяйства в адаптационных стратегиях.

Обсуждение

Роль женщины в неполной семье ключевая, от её экономического поведения зависит выживание семьи, так как она является в большинстве случаев единственным добытчиком. Структура источников доходов во многом зависит от причины, оснований формирования неполной семьи. По материалам нашего исследования мы составили типологию матерей, возглавляющих неполные семьи и структуру источников их доходов (таблица 2).

Таблица 2. Типология матерей в Туве, возглавляющих неполные семьи, и структура источников их доходов

Table 2. Typology of mothers who head single-parent families and the structure of income sources

№	Типы матерей из неполных семей	Структура доходов
1	Вдова	<ul style="list-style-type: none"> — заработная плата (если работает); — пенсия по уходу за детьми по потере кормильца; — пенсии детей по потере кормильца; — пособия на детей; — пособие по безработице (если состоит на учёте); — помощь родителей и других родственников
2	Находящаяся в разводе	<ul style="list-style-type: none"> — заработная плата (если работает); — алименты (если отец детей выплачивает); — пособия на детей; — помощь родителей и других родственников; — пособие по безработице (если состоит на учёте)

3	Состоящая в зарегистрированном браке (сожительство) с отцом своего ребёнка (детей) (формально неполная семья, фактически полная семья)	<ul style="list-style-type: none"> — заработная плата матери (если работает); — заработная плата фактического отца (если работает); — пособия на детей; — пособие по безработице (если состоит на учёте кто-либо из сожителей)
4	Никогда не состоявшая в браке	<ul style="list-style-type: none"> — заработная плата матери (если работает); — алименты (если отцовство установлено, есть решение суда); — пособия на детей; — пособие по безработице (если состоит на учёте кто-либо из сожителей); — материальная помощь фактического отца ребёнка (детей); — помощь родителей и других родственников — стипендия (если обучается очно в организации профессионального образования)
5	Состоящая с отцом своего ребёнка (детей), который имеет другую семью, в параллельном зарегистрированном браке (конкубинат)	<ul style="list-style-type: none"> — заработная плата матери (если работает); — пособия на детей; — пособие по безработице (если состоит на учёте); — материальная помощь фактического отца ребёнка (детей); — помощь родителей и других родственников

Среди указанных типов наименее благополучными в материальном плане могут быть семьи одиноких матерей, причиной формирования которых явилось внебрачное рождение детей. В этом случае гарантированных источников дохода в течение определённого времени меньше, чем у вдов и разведённых женщин.

Возможные источники в структуре доходов, описанные выше для разных типов матерей, условны, так как в каждой конкретной семье они будут варьироваться, а также меняться как в сторону сокращения, так и расширения по разным причинам: возраст детей и их матери, смена брачного, социально-профессионального статуса женщины.

В Туве мы наблюдаем общую тенденцию снижения занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста. Так, в 2019 г. уровень занятости данной категории составил 63,4%, в 2022 г. — 60,5% при росте среднероссийского значения показателя с 67% в 2019 г. — до 67,9% в 2022 г.¹ Данное обстоятельство детерминировано общим уровнем безработицы в регионе, низким уровнем образования у неработающего населения, социальной помощью семьям с детьми, одиноким родителям, позволяющим не так активно искать работу.

Между тем отсутствие занятости отрицательно сказывается на текущих и будущих социально-экономических перспективах женщин, возглавляющих неполные семьи, приводят к отсроченной по времени бедности, так как практически все виды социальной поддержки семей с детьми так или иначе имеют временный характер и привязаны к возрасту детей.

Об этом же пишут И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева, которые считают, что семьи с детьми остаются самой многочисленной группой бедных, дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми помогли смягчить остроту проблемы роста бедности, но не изменили положение семей с детьми на шкале благосостояния, а одним из основных факторов бедности является относительная занятость родителей (Корчагина, Прокофьева, 2023: 40).

¹ Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59824> (дата обращения: 10.08.2024).

Преодоление бедности семей с детьми, в частности, неполных семей напрямую зависит от состояния регионального рынка труда, уровня зарплат, но в не меньшей мере от уровня социальной субъектности родителей. В этой связи в региональной программе снижения бедности должен присутствовать блок разъяснительной работы о видах пенсионного обеспечения, формировании накопительной части пенсии, льготного выхода на пенсию для женщин и другим вопросам, а также о социальной, экономической значимости трудовых доходов. Наряду с этим целесообразны меры, стимулирующие экономическую активность женщин из неполных семей, преференции в участии в региональных программах поддержки самозанятых и начинающих предпринимателей.

Государственные социальные трансферты, направленные на поддержку неполных семей, снижают уровень их бедности.

Имеются положительные и отрицательные социальные эффекты роста государственных трансфертов. С одной стороны, в условиях безработицы в сельской местности, низкой конкурентоспособности матерей, не имеющих требуемого уровня образования и квалификации для поиска работы, социальные трансферты становятся единственным регулярным и гарантированным источником дохода для одиноких материнских семей с детьми.

С другой стороны, они могут снижать мотивацию женщин к экономической активности. Поиск работы и заработков с вводом новых мер поддержки семей с детьми в некоторых случаях начинает проигрывать как стратегия получения средств к существованию и обеспечения детей стремлению получать доход из незарплатных источников. Получение государственных социальных трансфертов становится более привлекательным, чем труд и заработок.

Принцип учёта нуждаемости при получении государственных социальных трансфертов в некоторых случаях толкает родителей на то, чтобы осознанно не работать или увольняться с имеющейся работы, так как в случае трудовой занятости среднедушевой доход семьи может превышать установленные в регионе прожиточные минимумы

В долгосрочной перспективе негативные последствия наступают для самих женщин. Временный характер выплат, связанный с возрастными ограничениями детей, означает то, что они имеют конкретный срок. В этой связи есть риски того, что в случае отмены тех или иных социальных выплат, многие неполные семьи, формирующие свой бюджет, исключительно или преимущественно на основе трансфертов, окажутся вновь за чертой бедности. Неработающие женщины, не накопившие необходимый трудовой стаж для получения страховой пенсии, в пенсионном возрасте будут претендовать только на социальную пенсию, которая по размеру значительно ниже страховых пенсий, или, не накопив необходимый стаж работы в районах, приравненных к Крайнему Северу, могут воспользоваться льготным выходом на пенсию в 50 лет. Кроме того, в случае незанятости повышаются риски социального одиночества, женщина упускает важнейшую составляющую социальной жизни — профессиональную самореализацию. Это может негативно сказываться не только на самих женщинах, но на детях, которым важно осознание социально-профессионального статуса их матерей в системе межличностных отношений со сверстниками.

В настоящее время отсутствуют механизмы контроля и регламентации расходования средств пособия единственным родителям. Данный факт способствует тому, что в девиантных семьях средства пособий могут в не полной мере направляться на потребности детей, на формирование финансовой прочности семей на будущее и создание основы для накоплений, инвестиций, нацеленных на социализацию детей в будущем. В этой связи необходимы законодательные изменения, связанные с контролем расходования средств пособия.

Говоря о целях снижения бедности населения, необходимо учитывать факторы риска попадания семей в число бедных: наличие нескольких детей, неполная структура семьи, отсутствие занятости. Материальное благополучие неполных семей также зависит от участия в их содержании родителя, который находится в разводе с матерью детей; не имел зарегистрированного брака и не проживал совместно с детьми и их матерью, но добровольно признал отцовство, либо отцовство которого в отношении детей было установлено по решению суда. Выполнение алиментных обязательств является ключевым фактором, определяющим уровень жизни детей в разведённых семьях, внебрачных детей.

Статистика обращений в Туве за региональной мерой поддержки — пособием на детей, один из родителей которых уклоняется от уплаты алиментов, показывает масштаб проблемы на уровне региона.

Выплата алиментов, регулярная материальная поддержка могут снизить фактический уровень бедности неполных семей, детской бедности в них. Помимо принудительных мер и иных санкций, налагаемых на родителей-должников (как правило, отцов), необходимо распространение органами государственной власти и общественными, религиозными институтами идеологии ответственного отцовства, морального неприятия фактов невыполнения родительских обязанностей. Такие же выводы о необходимости усиления моральной ответственности отцов-родителей делают Л. С. Ржаницына, С. И. Рыбальченко, которые обосновано и справедливо считают, что улучшение положения детей в разведённых семьях — путь к снижению бедности (Ржаницына, Рыбальченко, 2021: 24).

Помимо комплексной работы среди молодёжи по формированию ценностей полной семьи, соответствующей социальной рекламы, нужны и меры по трудоустройству мужчин-должников.

Наличие межпоколенных трансфертов материальных ресурсов и времени для многих неполных семей с детьми — важное условие выживания. Одинокие матери с детьми могут проживать в составе расширенных многопоколенных семей, либо отдельно, но опираясь на материальную поддержку близких родственников, прежде всего, своих родителей. О том, что совместное проживание российских неполных семей с другими родственниками, прежде всего, с прародителями является одной из стратегий преодоления бедности и экономических трудностей, писали М. Локшин, К. Харрис и Б. Попкин, которые отмечали, что помощь родственников является важным компонентом дохода семьи матери-одиночки, и эта помощь оказывается более эффективной, когда матери-одиночки проживают совместно с родственниками (Lokshin, Harris, Popkin, 2000: 2183).

На основании вышесказанного полагаем, что неполные семьи как категория должны учитываться в механизмах реализации региональных мер снижения бедности населения.

Заключение

Наше исследование показывает тот факт, что выбор одинокими матерями занятости или поиска ренты являются разными проявлениями социальной адаптации к сложным финансовым условиям функционирования неполных семей, и он носит индивидуальный характер. Перспективный и неперспективный характер стратегии, выбираемый женщинами из неполных семей, зависит, в том числе, от транслируемых в обществе ценностей. Внебрачная рождаемость и последующее формирование неполной семьи являются следствием трансформации социальных норм в тувинском обществе, касающихся семьи, брака. Меры исключительно монетарного характера не способны решить проблему бедности неполных семей, необходима также работа как с первопричинами формирования неполных семей.

По итогам исследования полагаем целесообразным включение в региональную программу снижения бедности следующих мероприятий:

- повышение уровня экономической активности через адресную работу центров занятости с одинокими матерями, состоящими на учёте по безработице, по их привлечению к региональным программам поддержки самозанятых, начинающих предпринимателей, а также к имеющимся вакансиям; к переобучению, повышению квалификации;
- разработка законодательной инициативы о внедрении механизмов контроля расходования пособий, получаемых неполными семьями;
- целевая информационная и разъяснительная работа среди неработающих одиноких матерей — получателей социальных пособий, выплат об отдельных положениях российского пенсионного законодательства, касающихся трудового стажа, необходимого для льготного досрочного выхода на пенсию, особенностях страховой и социальной пенсии;
- систематизация мер государственной поддержки единственного родителя несовершеннолетних детей и предусмотренных законодательством налоговых льгот, трудовых гарантий в виде специального раздела на портале госуслуг с соответствующей электронной рассылкой;
- пересмотр критериев отбора участников губернаторских программ оказания социальной помощи в натуральном виде, которые в настоящее время состоят из многодетных семей, включение в число получателей малоимущих неполных семей;
- реализация медиа-проектов, учитывающих этнонациональные традиции ответственного отцовства и детоцентризма и направленных на формирование ценностного императива выполнения алиментных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронин, Г. Л. (2013) Инвестиции российских домохозяйств в образование, здоровье и развитие детей (по данным RLMS-HSE, в 1994–2011) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 3. / отв. ред. П. М. Козырева. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ. 206 с. С. 103–132.

Воронин, Г. Л., Янак, А. Л. (2018) Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. №1 (86). С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.5>

Горина, Т. И. (2019) Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 3. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>

Ивченков, С. Г., Кантемирова, Г. А. (2019) Малообеспеченность неполной семьи. Эмпирический анализ // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. Т. 19. Вып. 3. С. 256–259.

Корчагина, И. И., Прокофьева, Л. М. (2023) Незанятость родителей: одна из причин бедности в семьях с детьми // Народонаселение. Т. 26. № 2. С. 40–51. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.4>

Мареева, С. В., Слободенюк, Е. В. (2022) Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей // Terra Economicus. Т. 20. № 3. С. 98–115. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115>

Натсак, О. Д. (2022a) Материальная самооценка жителей Республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10>

Натсак, О. Д. (2022b) Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований) // Власть. Т. 30. № 1. С. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>

Натсак, О. Д. (2023) Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. 240 с.

Прокофьева, Л. М., Корчагина, И. И. (2020) Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 9–1 (48). С. 172–179.

Ржаницкая, Л. С., Рыбальченко, С. И. (2021) Улучшение положения детей в разведённых семьях — путь к снижению бедности в России // Народонаселение. Т. 24. №1. С. 24–32.

Ржаницына, Л. С. (2010) Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. № 37 (315). С. 56–65.

Ростовская, Т. К., Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2022) Социальный портрет категории одиноких матерей в российском обществе: концептуальные подходы // Женщина в российском обществе. № 4. С. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.2>

Ростовская, Т. К., Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2023) Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. № 1. С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.3>

Самба, А. Д.-Б., Голиусова, Ю. В., Демидов, А. А., Ананьева, К. Е., Ондар, Н. Д. (2024) Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 184–196. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

Селиванова, О. В., Коробкова, Н. Ю. (2004) Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. № 54 (1). С. 147–156. DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156>

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова и др. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Чурилова, Е. В. (2015) Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. № 3. С. 78–81.

Lokshin, M. M., Harris, K. M., Popkin, B. M. (2020) Single Mothers in Russia: Strategies for Coping with Poverty // World Development. Vol. 28. Issue 12. P. 2183–2198. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00070-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00070-X)

Maleeva, V., Joxhe, M., Zanj, S. (2020) Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender. CREA / Department of Economics and Management Discussion Paper Series 2020-16. Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg. 39 p.

Дата поступления: 21.05.2024 г.

Дата принятия: 01.08.2024 г.

REFERENCES

- Voronin, G. L. (2013) Investments of Russian households in education, health and development of children (according to RLMS-HSE, in 1994–2011). In: *Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the Higher School of Economics*. Issue 3 / ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU VShE Publ. 206 p. Pp. 103–132. (In Russ.).
- Voronin, G. L. and Yanak, A. L. (2018) Single-parent families: their types and social portrait of the lone parent. *Woman in Russian Society*, no. 1 (86), pp. 53–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.5>
- Gorina, T. I. (2019) Methodological foundations of the study of the problem of poverty in the Republic of Tuva. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii FNISTs RAN*, no. 3, pp. 18–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>
- Ivchenkov, S. G. and Kantemirova, G. A. (2019) Low-Income Single-Parent Family. Empirical Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, vol. 19, issue 3, pp. 256–259. (In Russ.).
- Korchagina, I. I. and Prokof'eva, L. M. (2023) Unemployment of parents — one of the poverty causes in families with children. *Population*, vol. 26, no. 2, pp. 40–51. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.4>
- Mareeva, S. V. and Slobodeniuk, E. V. (2022) Unequal investing in the human capital of children (The case of Russia). *Terra Economicus*, vol. 20, no. 3, pp. 98–115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115>
- Natsak, O. D. (2022a) The material self-assessment of the Tuvan families in the context of the poverty studies (based on the materials of sociological research). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 18, no. 1, pp. 120–135. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.10>
- Natsak, O. D. (2022b) Financial and Economic Strategies of Tuvan Families (on the Materials of Sociological Research). *Vlast'*, vol. 30, no. 1, pp. 180–190. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>
- Natsak, O. D. (2023) *Single-parent families and single-parent practices of women in modern Tuvan society*. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 240 p. (In Russ.).
- Prokof'eva, L. M. and Korchagina, I. I. (2020) Single parent families in Russia: level of spread and material support. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 9–1 (48), pp. 172–179. (In Russ.).
- Rzhanitskaia, L. S. and Rybal'chenko, S. I. (2021) Improving the situation of children in divorced families — the way to reduce poverty in Russia. *Population*, vol. 24, no. 1, pp. 24–32. (In Russ.).
- Rzhanitsyna, L. S. (2010) Child support as an element of civil responsibility. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 37 (315), pp. 56–65. (In Russ.).
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A. and Smirnova, I. N. (2022) Social portrait of single mothers in Russian society: conceptual approaches. *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 15–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.2>
- Rostovskaia, T. K., Khasbulatova, O. A. and Smirnova, I. N. (2023) Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait. *Woman in Russian Society*, no. 1, pp. 32–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.3>
- Samba, A. D.-B., Goliusova, Iu. V., Demidov, A. A., Anan'eva, K. E. and Ondar, N. D. (2024) Sociological portrait of the single-parent family in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 184–196. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>
- Selivanova, O. V. and Korobkova, N. Yu. (2004) u. Single-parent families in Russian regions: scale and socio-economic characteristics. *Social and labor research*, no. 54 (1), pp. 147–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156>
- Socio-stratification processes in the Republic of Tuva (2020)* / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova et al. Moscow, Kyzyl, FNISTs RAN. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>
- Churilova, E. V. (2015) The composition and welfare of single-parent families in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 78–81. (In Russ.).
- Lokshin, M. M., Harris, K. M. and Popkin, B. M. (2020) Single Mothers in Russia: Strategies for Coping with Poverty. *World Development*, vol. 28, issue 12, pp. 2183–2198. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(00\)00070-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00070-X)
- Maleeva, V., Joxhe, M. and Zanaj, S. (2020) *Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender*. CREA / Department of Economics and Management Discussion Paper, Series 2020–16. Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg. 39 p.

Submission date: 21.05.2024.

Acceptance date: 01.08.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.15

Статья

Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.)

Сергей В. Рязанцев

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская Федерация,

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Екатерина Н. Васильева

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация,

Абульфаз Сулейманлы

Университет Ускюдар, Турция

В статье анализируется динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва в период 2016–2022 гг., систематизируются данные об институциональных условиях реализации экономической активности населения. Под экономической активностью в статье понимается: динамика численности самозанятых и статистика о развитии предпринимательства в республике; соотношение числа работающих в разных сферах экономики.

Выявлено, что до 2021 г. положительная динамика не прослеживалась или носила краткосрочный характер. С 2021 г. были сформированы специфические институциональные условия, внедрены государственные и региональные управленческие решения, оказавшие существенное влияние на экономическую активность населения. В результате увеличилось число акторов реализующих предпринимательскую деятельность (экономическая активность третьего уровня). Была сформирована нормативная база (закреплены новые институциональные условия) для интенсификации экономической активности в форме самозанятости (экономическая активность второго уровня), что способствовало положительной динамике самозанятости в Тыве. С 2012 по 2022 гг. фиксируется поступательное снижение доли занятых в традиционных для тувинцев сферах экономической деятельности. В 2022 г. увеличилось число занятых в сельском, лесном хозяйстве, в сферах охоты, рыболовства и рыбоводства.

Но так как основная экономическая стратегия населения Тывы — адаптивная, пока рано судить о том, сохранится ли положительная динамика, если интенсивность государственной и региональной поддержки предпринимательства и самозанятости снизится.

Ключевые слова: Республика Тыва; экономическая активность; экономическая культура; рынок труда; самозанятость; предпринимательство

Для цитирования:

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Сулейманлы А. Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Эл. адрес: riazan@mail.ru

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vasilevaen@yandex.ru

Абульфаз Сулейманлы — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Университета Ускюдар. Адрес: 34662, Турция, г. Стамбул, ул. Халук Тюркской, д. 14. Эл. адрес: ebulfaz.suleymanli@uskudar.edu.tr

Dynamics of transformation of economic activity of the population in the Republic of Tuva (2016–2022)

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; RUDN University, Russian Federation,

Ekaterina N. Vasilieva

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Ebulfez, Süleymanlı

Üsküdar University, Turkey

The article analyzes the dynamics of economic activity transformation among the population of the Republic of Tuva from 2016 to 2022 and systematizes data on the institutional conditions affecting economic activity in the region. Economic activity in this context is understood as the dynamics in the number of self-employed individuals, statistics on entrepreneurship development, and the distribution of employment across different economic sectors.

It was found that, prior to 2021, positive dynamics in economic activity were either absent or short-lived. In 2021, specific institutional conditions were established, and state and regional management initiatives were implemented, significantly impacting the population's economic activity. As a result, the number of individuals engaging in entrepreneurial activities (third-level economic activity) increased. A regulatory framework was established (securing new institutional conditions) to promote economic activity in the form of self-employment (second-level economic activity), contributing to a positive trend in self-employment in Tuva. From 2012 to 2022, there was a gradual decrease in the proportion of people employed in traditional economic sectors for Tuvan residents. In 2022, the number of people employed in agriculture, forestry, hunting, fishing, and fish farming increased.

However, as the primary economic strategy of the population in Tuva is adaptive, it is too early to determine whether the positive trends will continue if the intensity of state and regional support for entrepreneurship and self-employment decreases.

Keywords: Republic of Tuva; economic activity; economic culture; labor market; self-employment; entrepreneurship

For citation:

Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. and Süleymanlı E. Dynamics of transformation of economic activity of the population in the Republic of Tuva (2016–2022). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 221–237. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>

RYAZANTSEV, Sergey Vasil'evich, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member RAS, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: riazan@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5306-8875

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

VASILIEVA, Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor; Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: vasilevaen@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0460-5539

SÜLEYMANLI, Ebulfez, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Üsküdar University. Postal address: Haluk Türksoy St, 14, 34662 Istanbul, Turkey. E-mail: ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr

Введение

Республика Тыва входит в кластер регионов РФ с низким уровнем благосостояния населения (Балакина, Анайбан, 2022; Карашпай, 2023; Ростовская, Золотарева, 2022: 631), в то же время по суммарному показателю демографического благополучия регионов за 2018–2022 гг. Тыва является промежуточным регионом в совокупности этнонациональных регионов Российской Федерации (Рязанцев и др., 2023¹: 13). Указанные показатели («благосостояние населения» и «демографическое благополучие») являются взаимообусловленными, так как число детей в семье влияет на среднедушевые доходы населения, а коэффициент рождаемости в Тыве является одним из самых высоких в России. Неблагоприятные экономические тенденции негативно влияют на исходящую из региона миграцию (Абылкаликов, 2021; Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023: 13; Бадмаева, Натсак, 2021; Натсак, Даржаа, 2023; и др.).

В России остается актуальной проблема сохранения численности населения, в то же время при рождении каждого последующего ребенка для сохранения среднедушевого дохода семьи и повышения уровня дохода семьи родителям приходится менять стратегию экономической активности, а именно — структуру трудового поведения. По результатам исследования, проведенного компанией «Яков и Партнеры» и холдингом «Ромир», заключается, что «для всех респондентов вне зависимости от их возраста, уровня дохода и места жительства главным фактором при принятии решения о рождении ребенка остаются финансовые возможности»².

Эту проблему сегодня обсуждают на государственном уровне. В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил: «Мы серьёзно упростили процедуру заключения социального контракта. Приоритет здесь также имеют многодетные семьи»³. Программа социального контракта ориентирована на то, что «получатели помощи берут на себя определённые обязательства, например: трудоустроиться, открыть своё дело, наладить личное подсобное хозяйство»⁴, а также можно получить компенсацию за обучение, стипендию на период обучения и т. д.⁵ Таким образом, программа является мерой стимулирования интенсификации трудового поведения, т. е. при рождении детей можно рассчитывать не только на увеличение выплат и пособий, но и на поддержку стратегий изменения экономического поведения на рынке труда.

Обращая внимание на тезис о необходимости интенсифицировать трудовое поведение, можно констатировать, что в некоторых случаях в практике управления это становится сложной задачей. На федеральном и региональном уровнях разрабатываются, реализуются программы поддержки развития предпринимательства, однако доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в России остается гораздо ниже, чем в ряде зарубежных стран (Семенова, 2023). В Тыве развитие предпринимательства является важной задачей, решение которой будет способствовать повышению уровня жизни населения, о чем свидетельствуют, как стратегические (Постановление Правительства Республики Тыва от 2 мая 2024 г. № 208 «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва “Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва” и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Тыва»⁶), так и отчетные документы (Отчет

¹ Авторы исследовали показатели демографического благополучия 27 регионов Российской Федерации, по которым была доступна статистика Росстата, в том числе 21 национальную республику.

² Мамиконян О. 47% россиян считают финансовые возможности главным фактором для решения завести детей [Электронный ресурс] // Forbes. 2024, 20 июня. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/515212-47-rossian-scitaut-finansovye-vozmoznosti-glavnym-faktorom-dla-resenia-zavesti-detej> (дата обращения 23.06.2024).

³ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. 2024, 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 30.05.2024).

⁴ Что такое социальный контракт и как его заключить [Электронный ресурс] // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/102193 (дата обращения 30.05.2024).

⁵ Как можно распорядиться средствами из социального контракта [Электронный ресурс] // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/102194 (дата обращения 30.05.2024).

⁶ Постановление Правительства Республики Тыва от 2 мая 2024 г. № 208 «О внесении изменений в государственную программу Республики Тыва «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Тыва» и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202406110001> (дата обращения 30.05.2024).

о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2023 г. и о приоритетных направлениях деятельности на 2024 г.)¹.

В связи с вышеизложенным, повышается актуальность изучения проблем интенсификации трудового поведения, экономической активности населения в регионах России, т. к. исследования экономической активности больше ориентированы на региональные экономические проблемы (Рас-творцева, 2018), а не на изучение социальных практик населения. Поэтому необходимо ввести указанные вопросы в поле внимание исследователей.

Цель данного исследования — выявление динамики трансформации экономической активности населения в Республике Тыва. Нами систематизированы данные о реализации экономической активности населения за 2016–2022 гг., а именно практик в сфере занятости, предпринимательства и самозанятости, на основе материалов единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат) и др.²

Обзор литературы

Понятие «экономически активное население» до 2017 г. использовалось в статистике как синоним понятия «рабочая сила», с 2017 г., систематизируя данные, авторы чаще обращаются к показателю «рабочая сила».

В данной работе используется понятие «экономическая активность населения», концептуализированное Е. Н. Васильевой (Васильева, 2014) для социологической интерпретации интенсивности воспроизводства экономического поведения акторов. Е. Н. Васильева предложила выделить три типа экономической активности в зависимости от интенсивности экономического поведения. На первом уровне акторы реализуют только трудовые практики. На втором уровне трудовые практики усложняются управленческими или инновационными практиками. На третьем уровне актор реализует одновременно трудовое, управленческое и инновационное поведение. Автор подчеркивает, что важно разделять понятия «деятельность» как систему актов осмысленного и целенаправленного поведения; и «практики» как типичные стратегии поведения, риск реализации которых сведен к минимуму.

Истоки наполнения понятия «экономическая активность населения» лежат в классических концепциях социологии, учитывающих социокультурную специфику трудового поведения, и в современных подходах, исследующих цивилизационные особенности развития регионов (Браславский, Козловский, 2023), и влияние этнокультурных факторов на поведение акторов. Экономическая активность первого (базового) уровня повышается, если акторы синтезируют разные типы трудовых практик. Примером интенсификации трудовых практик является совмещение более чем одной должности на одном месте работы или совмещение работы в нескольких организациях по идентичной неуправленческой должности. Синтез трудового и управленческого поведения — интенсивность второго уровня. Примерами в современной России являются самозанятость, когда необходимо самостоятельно регулировать объем занятости, а также замещение административных, руководящих должностей. Третий (высший) уровень интенсивности — синтез трудовой, управленческой и инновационной деятельности, как пример можно рассматривать предпринимательство, т. к. в классическом понимании предпринимательство включает в себя элементы управленческого и инновационного поведения.

¹ Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2023 год и о приоритетных направлениях деятельности на 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtuva.ru/content/3018/> (дата обращения 30.05.2024).

² Данные для графиков и таблиц собраны на следующих ресурсах: ЕМИСС «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (ИПД) (I2)» [Электронный ресурс] // ЭМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61226?ysclid=lwnvhtseg75899126> (дата обращения 30.05.2024); Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения 30.05.2024); Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2016; Статистический ежегодник Республики Тыва, 2017: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2017; Статистический ежегодник Республики Тыва 2023: стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023.

Для того, чтобы реализовать разные типы поведения, необходимы дополнительные ресурсы, развитый человеческий и социальный капиталы. Определяют мотивацию на интенсификацию поведения в сфере труда и занятости ценности, цели, мотивы акторов — все, что включено в понятие «экономическая культура». В основе социологического понимания понятия «экономическая культура» лежит классическая работа М. Вебера (Вебер, 2013), в которой показано как религиозные установки влияют на развитие предпринимательства. В современной научной литературе понимание экономической культуры включает не столько религиозные установки, сколько устойчивые ценности, сложившиеся в конкретных социокультурных и географических условиях, определяющих экономическое поведение акторов.

В Туве проводятся комплексные, глубокие исследования экономической культуры тувинцев, начиная с 1995 г. (Балакина, Анайбан, 1995). Ряд исследований посвящены анализу этноэкономического уклада хозяйствования (традиционные для этносов виды деятельности) (Ламажаа, 2018). Исследуя практики тувинцев, К.-Д. К. Ооржак выделяет сельскохозяйственные виды деятельности и животноводство как традиционные, обусловленные обычаями, культурой, психологией, религиозными воззрениями экономические уклады (Ооржак, 2019). Автор обращает внимание на перспективы развития этнопредпринимательства (этнопродукты, этнический туризм, народные промыслы и др.) и институциональные барьеры (слабая транспортная доступность региона, рискованное земледелие, суровые климатические условия и др.) и культурные паттерны поведения, препятствующие повышению эффективности деятельности (практики деятельности в сфере теневой экономики, кумовство, иждивенчество и др.). Ученые, исследующие трудовые практики тувинцев чаще говорят об адаптации, а не об активном изменении экономических условий под потребности населения: «При поддержке со стороны государства население пытается выработать собственные стратегии экономической адаптации» (Ооржак, 2019: 1769), а также о большой доле неформальной занятости в регионе.

О негативных тенденциях, сформировавшихся в Туве в 1990-х гг., говорит Ч. К. Ламажаа, выделяя три тактики действий тувинцев (пассивно адаптирующиеся, активно адаптирующиеся и маргиналы). Она делает вывод, что пассивная адаптация — наиболее приемлемая тактика, так как это связано с традиционными представлениями тувинцев о «вписанности человека в существующую систему» (Ламажаа, 2009).

Глубоко изучает адаптационные стратегии (модели выживания и модели прогресса) населения Республики Тыва Г. Ф. Балакина: на основе данных экспертного опроса она сделала вывод о том, что в регионе существенно распространены модели выживания — вынужденное бездействие, надежда на помощь родственников и др. (Балакина, 2023). Работы Г. Ф. Балакиной, в том числе с соавторами, показывают, что адаптивная стратегия здесь является привычной практикой (Балакина, Кылгыдай, 2010, 2016). В 2024 г. О. Д. Натсак, Г. Ф. Балакина вводят в исследование индикаторы готовности к риску (Натсак, Балакина, 2024) и делают вывод о том, что «женщины Тувы больше склонны к рискам, нежели мужчины» (там же: 185). Риск является одним из элементов предпринимательского и инновационного поведения, а реализация предпринимательского поведения показателем интенсификации экономической активности.

Исследования экономического, трудового поведения тувинцев направлены на выявление условий и факторов, определяющих архаизацию региона (Гусаков, 2019), систематизацию рисков развития человеческого потенциала (Балакина, 2022; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022) и на поиск управленческих решений для превышения уровня благосостояния в регионе путем анализа институциональных изменений. Большой интерес представляет исследование коллектива авторов под руководством З. Т. Голенковой, в котором представлены результаты комплексного исследования домохозяйств в Туве (Социально-стратификационные процессы ... , 2020). Коллеги также проводят исследования, которые отвечают на вопросы: меняются ли практики акторов, меняется ли экономическое и трудовое поведение тувинцев (Монгуш, Кылгыдай, 2022; Ойдуп, Монгуш, 2023; Ооржак, 2023).

При этом экономическая активность по индикаторам ее интенсивности в Республике Тыва еще не анализировалась. Наша задача выявить, как меняется динамика экономической активности первого уровня (индикатор — изменения в структуре занятости); второго уровня (индикатор — динамика самозанятости) и высшего уровня (индикатор — изменения численности предпринимателей). Для этого систематизируем статистические данные о динамике развития предпринимательства, самозанятости и изменениям сфер труда в Туве.

Динамика численности самозанятых и статистика о развитии предпринимательства в Республике Тыва

Эксперимент по установлению специального налогового режима в соответствии с Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»¹ был признан успешным. Это способствовало институционализации самозанятости в России.

Востребованность новой стратегии экономического поведения демонстрирует динамика количества самозанятых граждан в Туве (см. рис. 1). Начиная с 2021 г. численность самозанятых в экономике Тувы росла примерно на 6 тыс. человек ежегодно. Очень высокий относительный показатель прироста в 2022 г. (232%) в сравнении с невысокой базой отсчета в 4,6 тыс. самозанятых в 2021 г.

В итоге с момента начала реализации программы можно наблюдать практически линейный рост за весь доступный для анализа период (2021–2023 гг.). Не менее интересным становится относительный показатель доли самозанятых граждан в общем количестве экономически активного населения Республики Тыва (см. рис. 2).

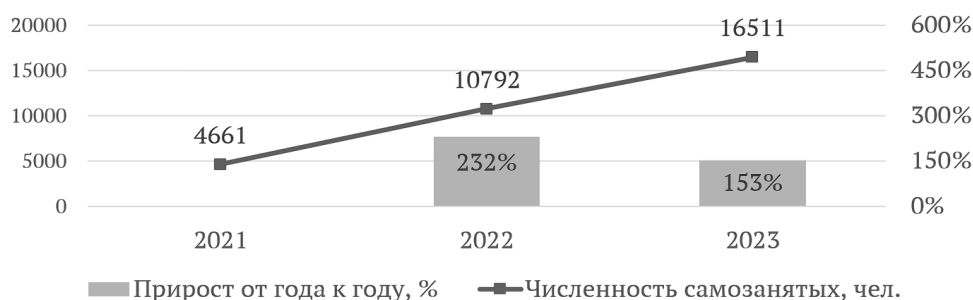

Рисунок 1. Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в Республике Тыва, 2021–2023 гг.²
 Figure 1. The number of self-employed citizens who have fixed their status and apply the special tax regime “Professional income tax” in the Republic of Tuva, 2021–2023.

Показатель «Доля самозанятых граждан в общей численности экономически активного населения» (количество самозанятых в соотношении с общей численностью экономически активного населения) также демонстрирует стабильный рост на протяжении всего исследуемого периода, увеличиваясь каждый год более, чем на 5%. С каждым годом численность самозанятых растет, что показывает не только востребованность подобного инструмента для граждан Тувы, но и удовлетворенность от условий его реализации, а также готовность к изменению трудового поведения путем его интенсификации за счет собственных управленческих навыков.

Рассмотрим динамику количества предприятий, относящихся к категориям малого и среднего предпринимательства (МСП) за период 2016–2023 гг. в разрезе деления на предприятия, имеющие организационно-правовую форму и без нее (т. е. ИП, индивидуальный предприниматель). Для

¹ Начался эксперимент по введению специального налогового режима для самозанятых [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/8254964/ (дата обращения 23.06.2024).

² Данные для графиков и таблиц собраны на следующих ресурсах: ЕМИСС «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД) (I2)» [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61226?ysclid=1wnvhtseg75899126> (дата обращения 30.05.2024); Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: <https://tmsp.nalog.ru/> (дата обращения 30.05.2024); Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2016; Статистический ежегодник Республики Тыва, 2017: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2017; Статистический ежегодник Республики Тыва 2023: стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023.

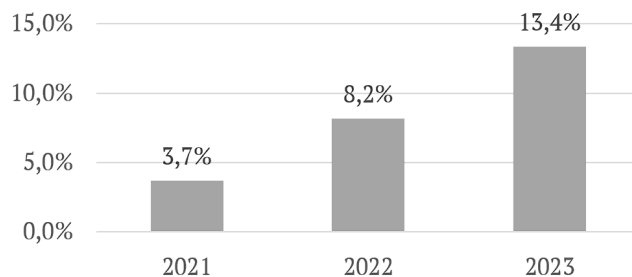

Рисунок 2. Доля самозанятых граждан в общей численности экономически активного населения Республики Тыва за период 2021–2023, в %.
 Figure 2. The share of self-employed citizens in the total economically active population of the Republic of Tuva for the period 2021–2023, in %.

большей наглядности рассмотрим собранные данные в графическом представлении. На рис. 3 и рис. 4 прослеживаются две тенденции изменения количества представителей МСП.

Первая тенденция характеризуется двумя явно выделенными периодами развития. Начальный период 2016–2020 гг. демонстрирует небольшие колебания численности предприятий МСП, которые можно охарактеризовать как слабый номинальный рост, оканчивающийся падением в 2020 г. Второй период 2021–2024 гг., напротив, определяется как стабильный и существенный рост, ежегодно исчисляющийся 7–15%.

Вторая тенденция показывает, что основную роль в изменениях играют ИП. Они не только стабильно составляют 83% и более субъектов МСП Республики Тыва, но и демонстрируют более заметную положительную динамику. За весь исследуемый период количество ИП выросло на 46%, в то время как количество юридических лиц — на 44,5%.

Закономерно, что именно ИП являются и наиболее перспективной группой в составе МСП. Так можно заметить, что именно уменьшение количества ИП в 2018 и 2020 гг. привело к общей отрицательной динамике количества предприятий МСП. Предприятия с образованием юридического лица, наоборот, выступали в эти кризисные периоды времени стабилизирующим фактором, который препятствовал еще большему падению численности субъектов МСП.

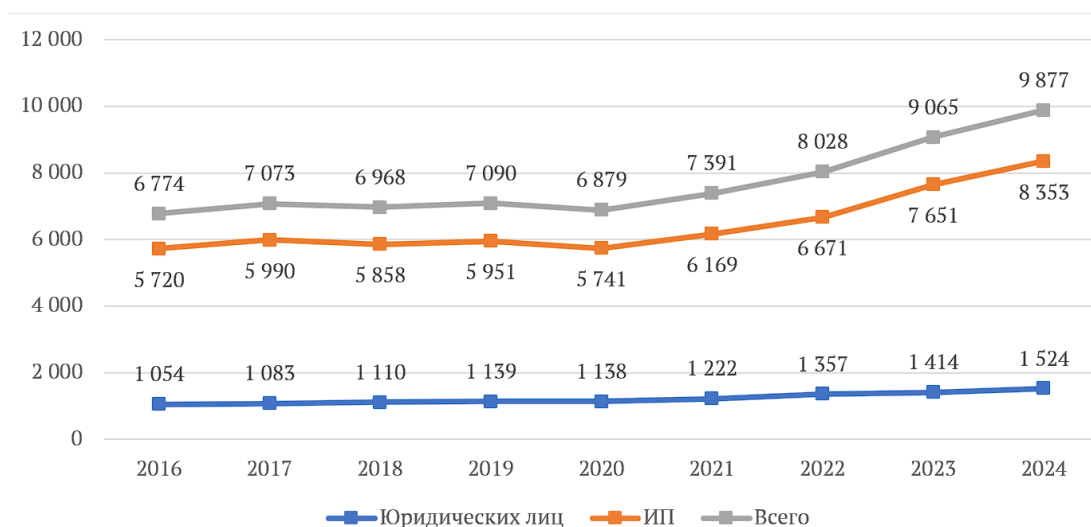

Рисунок 3. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию за период 2016–2024 гг. в Республике Тыва, в ед.
 Figure 3. The number of legal entities and individual entrepreneurs, information about which is contained in the Unified Register of Small and Medium-Sized Businesses as of the period 2016–2024 in the Republic of Tuva, in units.

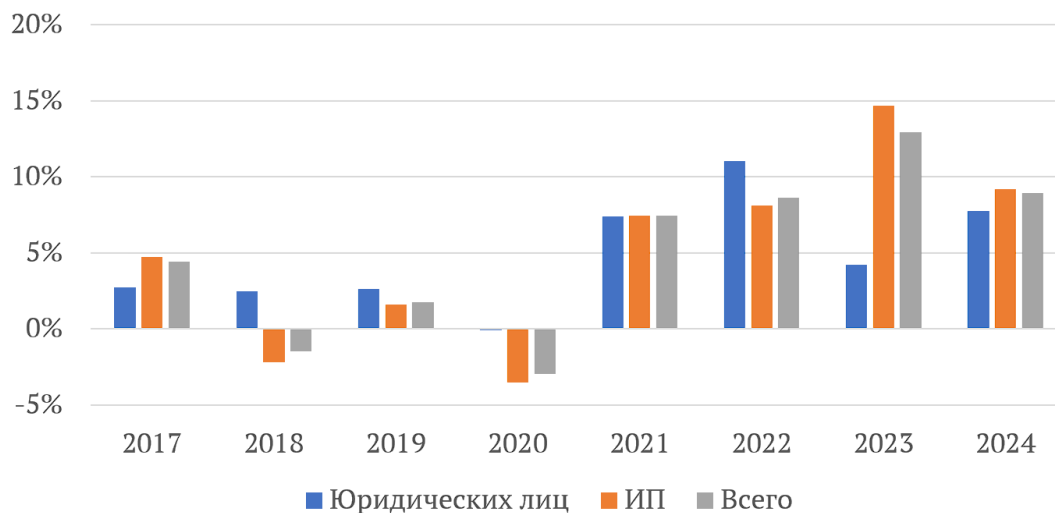

Рисунок 4. Динамика изменения количества юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию за период 2017–2024 гг. в Республике Тыва, в %.

Figure 4. Dynamics of changes in the number of legal entities and individual entrepreneurs, information about which is contained in the Unified Register of Small and Medium-sized Businesses as of the period 2017–2024 in the Republic of Tuva, %.

Рисунок 5. Количество предприятий, классифицированных по размеру, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию за период 2017–2024 гг. в Республике Тыва, в %.

Figure 5. The number of enterprises classified by size, information about which is contained in the Unified Register of Small and Medium-sized Enterprises as of the period 2017–2024 in the Republic of Tuva, in %.

Анализируя состав субъектов МСП в Республике Тыва по их размеру, можно четко выделить именно микропредприятия. На протяжении всего исследуемого периода они составляют подавляющую часть предприятий МСП (см. *рис. 5*). Если в 2016 г. их доля составляла 98,1% в общем количестве субъектов МСП, то к 2024 г. эта цифра выросла до 99%.

За это время количество малых предприятий уменьшилось на 22% со 121 до 94 предприятий, и хотя количество средних предприятий наоборот увеличилось на 29%, однако, учитывая низкие абсолютные цифры их количества (6–9 предприятий за исследуемый период), невозможно делать какие-то существенные выводы, основываясь на этом показателе.

Определенный интерес вызывает показатель «вновь созданные предприятия». В период с 2016 по 2019 гг. он колебался около одной отметки (около 1,5 тыс. новых предприятий в год). В 2020 г. он серьезно просел на 22%, что является видимым результатом социально-экономической нестабильности, обусловленной распространением пандемии COVID-19, во время которой серьезные ограничительные меры повлияли на экономическую ситуацию (Земцов, Царева, 2020). А вот начиная со второго периода, который мы выделили ранее — 2021–2024 гг., наоборот наблюдается впечатляющая динамика роста от 14% (2022 г.) до 38% в 2021 г. и на рекордные 53% в 2024 г. Основная заслуга в этом относится именно к микропредприятиям, которые, являются не самой существенной, но самой «подвижной» частью субъектов МСП.

В целом, можно зафиксировать положительную динамику интенсификации экономического, трудового поведения акторов, их готовность синтезировать трудовое, управленческое инновационное поведение в сфере предпринимательства. К негативным фактам можно отнести малое количество средних предприятий (2016 г. — 7; 2017–2018 гг. — 8; 2019 г. — 6; 2020 г. — 7; 2021–2022 гг. — 6; 2023 г. — 9), увеличение их количества в 2023 г. нельзя назвать прогрессивным на фоне возможных колебаний. В то же время есть риск того, что при недостаточном развитии рынка труда будут реализовываться лишь стратегии вынужденной самозанятости и вынужденного предпринимательства, так как в этом случае снижается удовлетворенность трудом, что негативно скажется на процессах интенсификации экономического поведения.

Соотношение числа работающих в разных сферах экономики и показателей безработицы

Анализ динамики в сфере занятости в экономике Республики Тыва за период 2012–2022 гг. выявляет существенные изменения, произошедшие с экономической сферой региона (см. *таб. 1*).

Количество занятых в экономике за исследуемый период увеличилось на 6,3%. Тем не менее следует отметить тот факт, что общая численность населения региона за аналогичный период выросла более существенно — ровно на 9%. Таким образом, показатель, характеризующий долю занятых в экономике на 1000 человек населения, демонстрирует отрицательную динамику снижаясь с 338 до 330, т. е. на 2,5%.

Однако однозначно отрицательно оценивать произошедшие изменения на основе данного показателя будет некорректным. Проанализируем изменение состава занятых в экономике. За последние 10 лет произошли заметное перераспределение занятости между обследуемыми видами экономической деятельности, что позволило выделить три группы (см. *таб. 2*).

Первая группа характеризуется отсутствием существенных изменений. К данной группе следует отнести обрабатывающее производство, обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение и водоотведение, финансовую и страховую деятельность, а также деятельность в области здравоохранения и социальных услуг. Данные сферы деятельности претерпели совершенно незначительные изменения на 1–4%. Отдельно отметим деятельность в области здравоохранения и социальных услуг, в которую включены 11,5% от общей численности занятых в экономике.

Таблица 1. Среднегодовая численность занятых в экономике Республики Тыва за 2012–2022 гг., чел.¹
 Table 1. The average annual number of people employed in the economy of the Republic of Tuva for 2012–2022, persons.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	10 604	9 959	9 847	8 866	8 651	6 995	7 309	7 235	6 702	6 967	8 069
Добыча полезных ископаемых	3 658	3 846	3 336	2 917	2 843	3 027	3 307	3 854	3 674	3 076	3 062
Обрабатывающие производства	4 182	4 005	3 886	3 354	4 635	3 617	3 536	3 400	3 632	3 827	4 254
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение; водоотведение и т. п.	2 844	2 662	2 611	2 452	2 875	2 819	2 894	3 003	2 815	2 876	2 815
Строительство	4 223	4 437	4 275	4 252	4 052	4 357	4 583	4 122	4 492	4 888	5 590
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	12 723	12 702	12 190	12 826	13 777	13 641	14 494	13 663	14 479	15 626	16 872
Транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи	5 894	5 663	5 424	5 387	6 301	3 876	5 130	5 297	4 786	4 998	5 202
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1 472	1 485	1 451	1 850	2 218	2 234	2 317	2 181	2 357	2 446	2 656
Деятельность финансовая и страховая	1 048	1 127	1 230	1 151	1 283	1 204	1 231	1 144	1 125	1 028	1 001
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (до 2017 включает в себя также услуги по данному виду деятельности)*	4 149	4 058	4 022	3 635	4 284	1 071	1 228	1 221	1 439	1 350	1 451

¹ Источник: Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2016. С. 36; Статистический ежегодник Республики Тыва, 2017: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2017. С. 55–56; Республика Тыва в цифрах 2018: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2018. С. 63–64; Статистический ежегодник Республики Тыва 2023: стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. С. 65–67.

Окончание таблицы 1.

Деятельность профессиональная, научная и техническая*	-	-	-	-	-	2 004	2 031	1 926	1 776	1 781	1 896
Научные исследования и разработки*						245	238	237	258	254	246
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	12 863	12 934	13 090	13 341	13 258	13 079	13 640	13 740	14 075	13 668	14 044
Образование	22 593	22 187	21 733	22 074	22 403	22 400	23 401	23 181	23 017	23 164	24 765
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	12 807	12 419	12 579	12 422	12 369	11 988	12 370	12 161	12 278	12 659	12 819
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений*	-	-	-	-	-	2 967	3 031	3 045	2 602	2 536	2 750
Предоставление прочих видов услуг (включает в себя Профессиональную и административную деятельность и сопутствующие дополнительные услуги)*	5 582	5 341	5 364	4 351	4 169	2 115	2 159	2 081	2 416	2 595	2 752
Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления*	-	-	-	-	-	98	90	67	63	55	51
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	104 642	102 825	101 038	98 961	103 201	98 746	102 918	100 810	101 940	103 744	111 248
Всего занятых в экономике по обследуемым видам экономической деятельности на 1000 человек населения	338	331	324	315	327	310	315	305	305	309	330

Прим.: данные по некоторым видам экономической деятельности в период 2012–2017 гг. отсутствуют в виду изменения методологии в связи с переходом с 1 января 2017 г. на новые редакции общероссийских классификаторов видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 и продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014¹.

¹ Республика Тыва в цифрах 2018: стат. сб. / Красноярскстат. Кызыл, 2018. С. 3–4.

Таблица 2. Группировка выявленных изменений в составе занятых в экономике за период 2012–2022 гг., в %
Table 2. Groups of the revealed changes in the composition of the employees in the economy for the period 2012–2022, in %

Группа изменений	Наименование вида экономической деятельности	Изменение за период 2012–2022 гг.	Уровень влияния на общую численность занятых в экономике	Доля от общей численности занятых в экономике
Группа 1. Незначительные изменения	Обрабатывающие производства	1,70	Слабое влияние	3,80
	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение; водоотведение и т.п.	-1,00	Слабое влияние	2,50
	Деятельность финансовая и страховая	-4,50	Слабое влияние	0,90
	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,10	Существенное влияние	11,50
Группа 2. Отрицательные изменения	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	-23,90	Существенное влияние	7,30
	Добыча полезных ископаемых	-16,30	Слабое влияние	2,80
	Транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи	-11,70	Слабое влияние	4,70
Группа 3. Положительные изменения	Строительство	32,40	Слабое влияние	5,00
	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	32,60	Существенное влияние	15,20
	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	80,40	Слабое влияние	2,40
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	9,20	Существенное влияние	12,60
	Образование	9,60	Существенное влияние	22,30

Вторая группа демонстрирует заметную отрицательную динамику. К ней относятся сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, добыча полезных ископаемых, а также транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи.

Наиболее существенно пострадала экономическая деятельность в сфере сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства. Количество занятых в данном виде экономической деятельности упало на 23,9%. Это очень существенный показатель, так как данная категория составляет 7,3% от общей численности занятых в экономике и входит в 5 наиболее традиционных видов занятости. Необходимы дополнительные исследования данного вопроса, так как сокращение численности занятых в сельском хозяйстве может быть связано с переоборудованием и внедрением новых технологий, а значит является временным, так как накапливается потенциал роста хозяйств.

И последняя группа, изменения в которой показывают существенную положительную динамику, это самая большая группа как по количеству видов экономической деятельности, так и по вкладу в общую численность занятых в экономике. К данной группе относятся сфера торговли, строительство, гостиницы и общественное питание — то есть сфера, где наиболее вероятен рост предпринимательской активности, а также сферы, традиционно финансируемые за счет федерального и регионального бюджетов: образование, сфера государственного управления. Учитывая особенности этой группы, необходимо отдельно в ней выделить сферу торговли, занимающую 15,2%, государственное управление — 12,6% и сферу образования, которая занимает 22,3% от общей численности занятых в экономике.

Таким образом можно констатировать, что в течение исследуемого периода произошел переток занятых в экономике из сфер добычи полезных ископаемых и занятости в сельском хозяйстве — в сферы торговли, строительства и оказания услуг в области гостиничного бизнеса и общественного питания.

Заключение

Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва исследована в отношении предпринимательства, самозанятости и занятости населения. Динамика реализации третьего уровня экономической активности — предпринимательской деятельности — только с 2021 г. показывает устойчивый положительный рост, в основном за счет увеличения числа ИП с 6196 в 2021 г. до 8353 на начало 2024 г., а также роста числа юридических лиц с 1222 в 2021 г. — до 1524 на начало 2024 г.

Зафиксирован устойчивый положительный рост числа самозанятых (доля самозанятых в общей численности экономически активного населения увеличилась с 3,7% в 2021 г. — до 13,4% в 2023 г.), т. е. можно констатировать, что существенная доля населения воспроизводит экономическую активность второго уровня, когда акторы реализуют трудовые и управленческие задачи, самостоятельно планируя экономическую деятельность. В то же время указанный показатель необходимо отслеживать, т. к. в ближайшие годы рост может замедлиться, произойдет насыщение новой для экономики России сферы — самозанятости.

Результаты исследования первого уровня экономической активности основаны на анализе статистических данных по структуре занятости населения Тувы. Необходимо указать на следующие динамические процессы.

Во-первых, с 2012 по 2022 гг. снижается число занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве, добыче полезных ископаемых — традиционных сферах занятости для тувинского населения, что ставит под угрозу успешность реализации населением адаптивных, привычных экономических практик. Стоит отметить, что институциональная поддержка на государственном и региональном уровнях сельского хозяйства положительно сказалась на динамике занятости в данной сфере в 2022 г.

Во-вторых, наблюдается положительная, но недостаточно интенсивная, динамика роста занятости в бюджетных сферах — образование, государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение. В то же время, работа в данных сферах требует от соискателей наличия соответствующего образования, что не позволит реализовать акторам простой переход из сфер традиционной занятости.

В-третьих, очевидна положительная динамика в сферах строительства, общественного питания, гостиничного бизнеса и т. д., которая не существенно влияет на структуру занятости, так как их доля невелика в сфере занятости.

В-четвертых, мы видим увеличение числа занятых в сфере торговли, которая является наиболее доступной для перехода акторов из иных сфер занятости.

Систематизировав эмпирические исследования, в том числе ученых Республики Тыва, мы делаем вывод о том, что основной социальный институт, определяющий институциональные условия реализации экономической активности населения Тувы, — это семья. Традиционные представления и экономический уклады являются базой реализации адаптивных стратегий поведения, что затрудняет реализацию экономической активности высшего уровня, когда деятельность направлена на реструктуризацию внешних условий под экономические интересы акторов. Анализ институциональных ресурсов, представленных государственными и региональными программами поддержки экономической активности населения, не дает полной картины, необходимы дополнительные исследования, возможно, институциональные ресурсы сегодня перераспределяются между самыми активными жителями Тувы, что существенно не меняет общей экономической культуры жителей, т. е. ресурсы ограничены, а риски очень высоки, что не способствует воспроизводству новых экономических практик. Важным институциональным ресурсом стало нормативное урегулирование практики самозанятости, которая не является рискованной, но позволяет синтезировать трудовую деятельность и управленческие задачи.

Можно констатировать, что в 2021 г. были реализованы программы, внедрены меры, которые стали ответом на проблемы, накопившиеся как в России (вывод части населения из неформальной сферы занятости), так и в Республике Тыва, например, отрицательная динамика занятости в традиционных для тувинцев сферах. Поддержка экономической активности населения оказала существенное влияние на рост акторов, интенсифицирующих экономическое поведение. Самые активные акторы реализовали экономические интересы и сегодня могут стать драйвером — примером для других, постепенно самозанятость и предпринимательство войдут в повседневную жизнь, снизятся риски реализации проектов. Адаптационные стратегии, характерные для населения Тувы, могут стать хорошей базой интенсификации деятельности. В то же время, необходимо отметить, что интенсификация экономической активности является экономической стратегией противоположной стратегии адаптации, т. к. инновационная деятельность направлена на изменение окружающей среды.

На официальном портале Республики Тыва представлены данные о национальных и губернаторских проектах¹ поддержки населения, предпринимательства и сельского хозяйства, многие проекты, направленные на поддержку сельского хозяйства реализованы, например губернаторский проект «Кыштаг для молодой семьи». Необходимо провести мониторинг результатов и продлить перспективные проекты, которые могут стимулировать экономическую активность населения, позволят совместить традиционные трудовые практики и ресурсы региона для интенсификации деятельности, перехода на следующие уровни экономической активности.

Повышение количества альтернатив реализации стратегий экономической активности должно стать главной задачей, в том числе в рамках реализации индивидуальных программ социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации, в которые включена Республика Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

¹ Национальные и губернаторские проекты [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/natsionalnye-i-gubernatorskie-proekty/> (дата обращения 30.05.2024).

Балакина, Г. Ф. (2022) Риски развития человеческого потенциала этнических общностей Республики Тыва (1999–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Балакина, Г. Ф. (2023) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 193–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2022) Социально-экономические процессы в Республике Тыва в 2015–2021 гг. // Природные ресурсы, среда и общество. № 3 (15). С. 31–41.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2010) Исследование процессов адаптации на рынке труда Республики Тыва. Предварительные итоги социокультурного анализа // Новые исследования Тувы. № 4. С. 120–146.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 159 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. № 2. С. 73–89.

Браславский, Р. Г., Козловский, В. В. (2023) Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш. Н. Эйзенштадта // Социологические исследования. № 10. С. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2>

Васильева, Е. Н. (2014) Факторы формирования экономической и инновационной активности молодежи в современных условиях (на материале Волгоградской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. № 4. С. 153–160.

Вебер, М. (2013) Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. И. Левиной. М. : Бизнеском. 321 с.

Гусаков, Т. Ю. (2019) Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Земцов, С. П., Царева, Ю. В. (2020) Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. Т. 27. № 5. С. 71–82.

Карашпай, С. М. (2023) Материальное положение семей Республики Тыва (по результатам социологического опроса) // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 181–192.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Социальная архаизация постсоветской Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 124–129.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинское время и экономическая культура тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Монгуш, С. П., Кылгыдай, А. Ч. (2022) Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Т. 24. № 3. С. 45–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 193–219.

Ойдуп, Т. М., Монгуш, С. П. (2023) Устойчивое развитие районов освоения Республики Тывы: социологический аспект // Регион: экономика и социология. № 3 (119). С. 164–189. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20230307>

Ооржак, В. О. (2023) Региональное социально-экономическое развитие: Республика Тыва // Регионалистика. Т. 10. № 6. С. 120–132.

Ооржак, К.-Д. К. (2019) Экономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. Т. 9. № 3. С. 1759–1774. DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949>

Растворцева, С. Н. (2018) Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 1. С. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6>

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А. (2022) Переход к новому технологическому укладу — детерминанта роста благосостояния населения регионов России // Экономика региона. Т. 18. № 3. С. 623–637. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-1>

Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е., Мирязов, Т. Р., Рязанцев, Н. С. (2023) Демографическое благополучие этнонациональных регионов Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 4. С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.2>

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова и др. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Семенова, Г. Н. (2023) Малый бизнес в экономике России: критерии применения специальных налоговых режимов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. № 2. С. 132–153.

Дата поступления: 14.07.2024 г.

Дата принятия: 29.07.2024 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I., Baimurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Balakina, G. F. (2022) Risks in human development in ethnic communities of the Republic of Tuva (1999–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 20–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.2>

Balakina, G. F. (2023) Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 193–206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaia firma RAN. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2022) Socio-economic processes in the Republic of Tyva in 2015–2021. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 3 (15), pp. 31–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-4441-2022-3-31-41>

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2010) The study of adaptation processes in the labor market of the Republic of Tuva. Preliminary results of the socio-cultural analysis. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 120–146. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva* / ed. by L. V. Korel'. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 159 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2016) Ethnic groups in Tuva and their adaptation to market economy. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 73–89. (In Russ.).

Braslavskiy, R. G. and Kozlovskiy, V. V. (2023) Civilizational Turn in the Contemporary Sociology: the Contribution of S. N. Eisenstadt. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 116–125. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2>

Vasil'eva, E. N. (2014) Factors of formation of economic and innovative activity of youth in modern conditions (based on the material of the Volgograd region). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, no. 4, pp. 153–160. (In Russ.).

Weber, M. (2013) *Protestant Ethics and the spirit of Capitalism* : transl. from Germ. Moscow, Bizneskom. 321 p. (In Russ.).

Gusakov, T. Yu. (2019) The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of the Republic of Tuva). *Krest'ianovedenie*, vol. 4, no. 4, pp. 76–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Zemtsov, S. P. and Tsareva, Yu. V. (2020) Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of the pandemic and crisis. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 27, no. 5, pp. 71–82. (In Russ.).

Karashpai, S. M. (2023) The financial situation of families in the Republic of Tyva (according to the results of a sociological survey). *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 2–3 (6–7), pp. 181–192. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2009) The social Archaization of Post-Soviet Tuva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 124–129. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) "Tuvan time" and economic culture of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) The problem field of studying human development in Tuva: a survey of literature and expert opinions (2020–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Mongush, S. P. and Kylgydai, A. Ch. (2022) Individual programs of socio-economic development of problem regions in the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, vol. 24, no. 3, pp. 45–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>

Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, causes and motives. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 2–3 (6–7), pp. 193–219. (In Russ.).

Oidup, T. M., Mongush, S. P. (2023) Sustainable growth of the development districts in Tuva: a sociological aspect. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, no. 3 (119), pp. 164–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20230307>

Oorzhak, V. O. (2023) Regional socio-economic development: Republic of Tuva. *Regionalistika*, vol. 10, no. 6, pp. 120–132. (In Russ.).

Oorzhak, K.-D. K. (2019) Ethno-economics of Tuva: current state and development prospects. *Ekonomicheskie otnosheniia*, vol. 9, no. 3, pp. 1759–1774. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949>

Rastvortseva, S. N. (2018) Economic Activity in Russian Regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 11, no. 1, pp. 84–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6>

Rostovskaia, T. K. and Zolotareva, O. A. (2022) Transition to a New Technological Paradigm as a Determinant of the Population Welfare Growth in Russian Regions. *Economy of regions*, vol. 18, no. 3, pp. 623–637. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-1>

Riazantsev, S. V., Pis'mennaia, E. E., Miriazov, T. R. and Riazantsev, N. S. (2023) Demographic Well-Being of the Ethnonational Regions of the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*, vol. 3, no. 4, pp. 23–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.2>

Socio-stratification processes in the Republic of Tuva / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova et al. Moscow, Kyzyl, FNISTS RAN. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Semenova, G. N. (2023) Small Business in the Russian Economy: Criteria for the Application of Special Tax Regimes. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Economics*, no. 2, pp. 132–153. (In Russ.).

Submission date: 14.07.2024.

Acceptance date: 29.07.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.16

Обзор

Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Николай Н. Ягодка

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Айнур С. Еламанова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье проведен обзор и выполнена систематизация научных публикаций, посвященных вопросам брака и семьи в Туве, изданных с 2000 г. по настоящее время. Представлено распределение научных работ по годам, научным центрам (аффилиациям авторов), видам, отраслям наук, проблемно-тематическим направлениям исследований (историко-этнографические, этнопедагогические, гендерные, структурно-демографические работы, анализирующие социализацию детей в семьях разных типов и др.).

Существенный рост числа публикаций отмечается с 2016 г., пик приходится на 2020 г. Это объясняется общим ростом исследовательского интереса к проблемам брака и семьи, апробацией новых методов изучения семьи и проведением научных конференций, которые стимулируют публикационную активность по рассматриваемой теме. Из научно-образовательных центров наибольшее количество работ подготовлено в Тувинском государственном университете, Тувинском институте гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Институте философии и права СО РАН.

Наибольшую долю публикаций составляют статьи в научных журналах и материалы конференций, монографий за рассматриваемый период было издано всего 4. Больше всего публикаций издано по этнографии, педагогике (этнопедагогике), социологии. Весьма значимы с точки зрения научной ценности сравнительные исследования, которые позволяют увидеть происходящие трансформации в зеркале показателей других российских регионов и этнических сообществ.

Отмечая позитивные достижения и перспективность продолжения предпринятых исследований, авторы указывают на методологические недостатки опубликованных результатов.

Ключевые слова: Республика Тыва; тувинцы; семья; брак; тувинская семья; тип семьи; обзор; демография

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Ягодка Н. Н., Еламанова А. С. Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 238-258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Ягодка Николай Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: yagodka-nn@rudn.ru

Еламанова Айнур Султановна — докторант кафедры социологии и социальной работы Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: yelamanova.ainur@gmail.com

Modern studies of the Tuvan family: problem-thematic and methodological analysis

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,*

Nikolay N. Yagodka

RUDN University, Russian Federation,

Ainur S. Yelamanova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article provides a review and systematization of scientific publications on marriage and family issues in Tuva, published from 2000 to the present. It presents a distribution of academic works by year, research institutions (author affiliations), types, fields of study, and thematic research directions (historical-ethnographic, ethnopedagogical, gender studies, structural-demographic studies, studies on child socialization in various family types, and others).

A significant increase in the number of publications has been observed since 2016, peaking in 2020. This trend is explained by the growing research interest in marriage and family issues, the introduction of new methods for studying families, and the organization of scientific conferences that stimulate publication activity. Among research and educational centers, the highest number of works was prepared at Tuvan State University, the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, and the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The majority of publications are articles in scientific journals and conference proceedings, with only four monographs published over the period under consideration. Most publications are in the fields of ethnography, pedagogy (ethnopedagogy), and sociology. Comparative studies, which allow transformations to be viewed in the mirror of indicators from other Russian regions and ethnonational communities, are also of considerable scientific value.

While noting the positive achievements and the promise of continued research, the authors highlight certain methodological shortcomings in the published results.

Keywords: Republic of Tuva; Tuvans; family; Tuvan family; family type; review; demography

For citation:

Rostovskaya T. K., Natsak O. D., Yagodka N. N. and Yelamanova A. S. Modern studies of the Tuvan family: problem-thematic and methodological analysis. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 238-258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru ORCID: 0000-0002-1629-7780

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com ORCID: 0000-0003-1833-4810

YAGODKA, Nikolay Nikolayevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, RUDN University. Postal address: 117198, Russia, Moscow, Miklouho-Maklaya street, 6. Email: yagodka-nn@rudn.ru ORCID: 0000-0003-2354-3115

YELAMANOVA, Ainur Sultanovna, Doctoral student, Departments of Sociology and Social Work, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi village, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: yelamanova.ainur@gmail.com ORCID: 0000-0003-0098-1040

Введение

Актуальность аналитического обзора научных работ, опубликованных по проблемам брака и семьи тувинцев, определяется необходимостью осмысления и понимания адекватности исследований той интенсивности, с которой меняются они на современном этапе. Возросший за последние два десятилетия постсоветских трансформаций научный интерес к вопросам брака и семьи связан с демографическими тенденциями, привлекающим внимание исследователей не только в России, но и в мире: снижение брачности, повышение возраста вступления в брак, неустойчивость семей и рост разводов, распространение незарегистрированных партнерств, внебрачная рождаемость, все более разнообразная и усложняющаяся структура современных семей.

Осуществляя обзор научных работ по вопросам брака и семьи, мы не только выявляем новые и актуальные исследовательские фокусы, направления, но и пытаемся ответить на вопрос о том, насколько сильны этнокультурные традиции, могут ли они выполнять сегодня социокультурную роль «фундамента» семейно-брачных отношений, который способен противостоять натиску глобальных изменений, которые происходят в этой сфере.

Цель представленной работы — провести обзор и обобщение научных публикаций, посвящённых проблемам брака и семьи в Туве, по направлениям и исследовательским акцентам за период с 2000 г. по настоящее время.

Задачами исследования являлись анализ публикаций по годам, определение и ранжирование научных центров по количеству исследований, распределение работ по отраслям наук, определение видов и проблемно-тематических направлений работ.

Объектом исследования явились опубликованные работы российских учёных, изучающие разные аспекты функционирования брака и семьи в Туве с использованием методологического инструментария разных социогуманитарных наук, предметом — количественные и качественные характеристики публикаций, их распределение по исследовательским темам и научным направлениям, основные проблемные вопросы и выводы.

В ходе подготовки работы были использованы методы обзорного анализа и контент-анализа. Источниковой базой выступила российская научная электронная библиотека (платформа Elibrary), интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Поиск публикаций осуществлялся по ключевым словам «тувинская семья», «семья в Туве», «брак и семья в Туве» «семейные отношения тувинцев», «семейные ценности тувинцев». Объектами обзора стали работы не только состоявшихся учёных, но и молодых учёных, аспирантов, что позволяет проследить, с одной стороны, преемственность анализируемых тем, с другой стороны — увидеть новизну в подходах и предмете исследования.

Следует отметить, что обзор подходов к изучению тувинской семьи в тувиноведении предпринимался Л. М. Ондар и А.-А. А. Ондар (Ондар, Ондар, 2016). Наше исследование дополняет и расширяет указанную работу, включая в круг анализируемой литературы большее число источников с особым вниманием к исследованиям последних двадцати с лишним лет.

Научной новизной работы является то, что осуществлён междисциплинарный обзор широкого круга научной литературы по рассматриваемой проблематике, состоящей из более чем 90 наименований, включая статьи в научных журналах, материалы научных конференций, монографии с 2000 по настоящее время. Таким образом, хронологически исследование охватывает более чем двадцатилетний период.

Обзорный характер работы позволяет оценить не только количественные или качественные характеристики существующей литературы, но и определить перспективность тех или иных направлений исследований, что позволит исследователям получить более чёткие тематические и методологические ориентиры, а также авторам начать научную дискуссию о переосмыслении подходов к изучению тувинской семьи, о научной экспертизе имеющихся публикаций.

Распределение публикаций по годам

Анализируя публикации по годам, можно отметить, что главной отправной точкой научных публикаций о проблемах брака и семьи в Туве постсоветского времени стали работы новосибирских ученых Г. С. Гончаровой и Л. Я. Савельева в начале 2000-х гг. на основе совместного с Тувинским

государственным университетом (ТувГУ) исследования, руководителем которого со стороны тувинских учёных выступала З. Ю. Доржу¹ (Гончарова, Савельев, 2004). Именно в постсоветский период начались активные исследования брака и семьи, в том числе социологические.

В советское время научные изыскания были сконцентрированы преимущественно в области этнографии и воссоздании форм семейно-брачной организации тувинского населения, фиксации ритуально-обрядовых практик традиционного тувинского общества, изменений обрядовой культуры и быта под влиянием общего советского социокультурного пространства. Показательным является тот факт, что, например, с 1956 по 2023 гг. научное издание «Учёные записки» первой научной организации Тувы ТНИИЯЛИ² – ТИГИ³ – ТИГПИ⁴ вышло 26 раз, в нем было опубликовано 786 статей: в алфавитно-предметном указателе публикаций (с I по XXI выпуски, 1956–2003 гг., всего 559 публикаций) отсутствовало слово «семья»⁵. Работ по вопросам семьи и брака в «Учёных записках» не было. Исключением явились этнографические статья Л. П. Потапова «Новые материалы по этнографии тувинцев», которая была опубликована в «Учёных записках» в 1960 г. и содержала небольшие сведения о традиционной тувинской семье (Потапов, 1960) и работа Л. И. Тульчинского 1964 г., посвящённая демографическому анализу населения Тувы на основе материалов переписи 1959 г., в котором содержатся данные о среднем размере семьи (Тульчинский, 1964: 214).

Вместе с тем традиционная семейная организация тувинцев рассматривалась в ряде фундаментальных историко-этнографических работ советских учёных В. И. Дулова, Л. П. Потапова (Дулов, 1956; Потапов, 1969). Более обширные данные о структуре и других характеристиках семьи городского населения Тувинской АССР были представлены в 1982 г. в работах учёных Института истории, филологии и философии СО АН СССР «Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР», «Очерки социального развития Тувинской АССР» (Социологические характеристики ... , 1982; Очерки социального ... , 1983).

Статьи по вопросам семьи в «Учёных записках» появились лишь в 2017 г.: это работа М. П. Татаринцевой «Семья и семейное воспитание у русских переселенцев в Туве в первые десятилетия XX века» (Татаринцева, 2017); А. К. Кужугет «Тувинская семья: традиции и трансформация» (Кужугет, 2019).

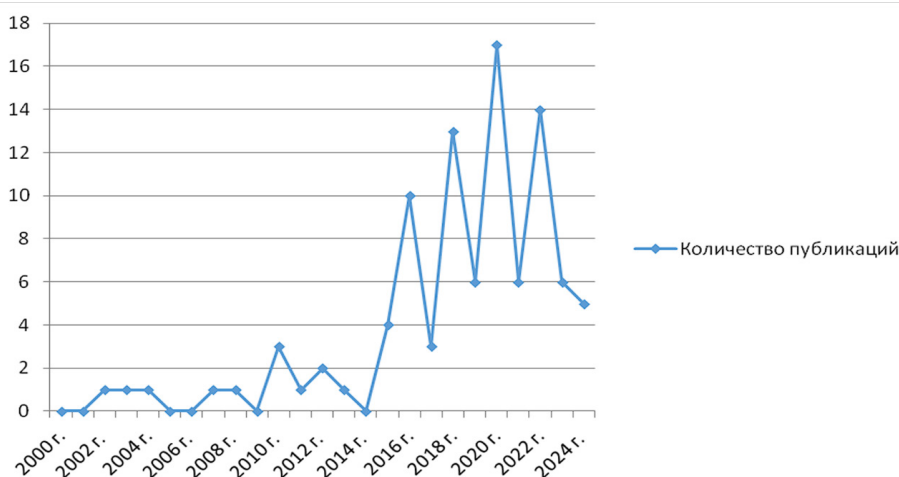

Рис. 1. Распределение публикаций, посвящённых разным аспектам тувинской семьи, по годам (2000 г. — июнь 2024 г.)
 Fig. 1. Distribution of publications on various aspects of the Tuvan family by year (2020 — June 2024)

¹ Доржу З. Ю. Этнодемографические процессы в Туве в постсоветский период (1991–начало XXI в.) // Гришаевские чтения. Материалы I научной конференции, посвящённой памяти д.и.н., профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2018. С. 242–248.

² Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

³ Тувинский институт гуманитарных исследований.

⁴ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

⁵ Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований (указатель публикаций) / сост. М. С. Маадыр, ред. М. Б. Кунгаа. Кызыл, 2008. С. 71.

По сравнению с советским периодом в первые два десятилетия XXI в. происходит существенный рост исследований и публикаций по проблемам тувинской семьи, в особенности начиная с 2016 г. (рис. 1).

Таким образом, мы видим, что во втором десятилетии XX в. происходит более активное изучение рассматриваемых проблем по сравнению с первым десятилетием, когда только начиналось исследование постсоветских социально-демографических трансформаций.

Научные центры

Публикации, исследующие различные аспекты тувинской семьи в 2000–2024 гг., были подготовлены авторами из 27 российских и 1 зарубежной научных и образовательных организаций. Авторство наибольшего количества работ относится к исследователям из Тувинского государственного университета, которые в течение рассматриваемого периода опубликовали 56 работ, что составляет 52,83% всего объема публикаций (рис. 2).

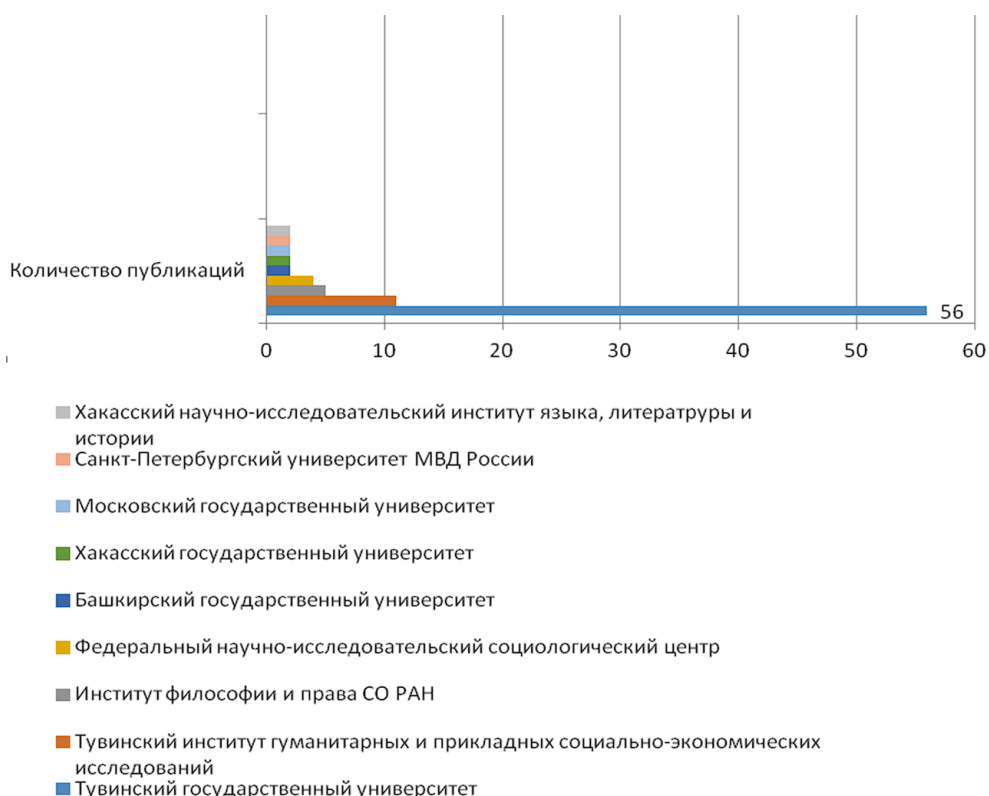

Рис. 2. Количество публикаций по проблемам тувинской семьи по аффилиации авторов (2000 — июнь 2024 гг.)

Fig. 2. Number of publications on the problems of the Tuvan family by affiliation of authors (2000 — June 2024)

На рисунке 2 отмечены научные и образовательные организации, из которых авторы опубликовали более 2-х и более работ по теме. Как можно заметить, из 8 организаций 6 являются федеральными и 2 региональными научно-образовательными центрами. Кроме указанных научных и образовательных учреждений научные статьи (менее 2-х) были опубликованы авторами из Института востоковедения РАН, Калмыцкого научного центра РАН, Института психологии РАН, Института филологии СО РАН, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Российского университета дружбы народов, Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Новосибирского государственного университета, Алтайского государственного университета, Горно-Алтайского государственного университета, Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, Мос-

ковского института психоанализа, Тувинского научного центра, Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Института развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва, Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (Республика Беларусь).

Ранжирование научных и научно-образовательных организаций разных уровней по количеству публикаций, изучающих вопросы брака и семьи в Туве, показывает, что лидируют ТувГУ, ТИГПИ и Институт философии и права СО РАН. Данный факт является не случайным.

Рост числа работ, подготовленных профессорско-преподавательским составом ТувГУ, мы связываем, прежде всего, с формированием в его стенах научной школы этнопедагогике, которая непосредственно связана с изучением воспитательных традиций и социализирующих функций тувинской семьи, а также с созданием в 2021 г. лаборатории этнологии и лингвокультурологии, специализирующейся на исследовании этнической культуры тувинцев, этнографическом анализе семьи. Развитие психологического анализа детей из разных типов семей в рамках исторически сложившейся педагогической направленности вуза, а также социологических методов исследования семейных ценностей, установок и полоролевых представлений обучающейся молодёжи также способствовали повышению публикационной активности ТувГУ по проблемам семьи в целом.

ТИГПИ, имея ресурсный и кадровый потенциал во многих направлениях социогуманитарных наук, в последние начал проводить региональные исследования более крупных общностей — населения и домохозяйств (семей), объектом которых стали изменяющиеся социально-демографические характеристики семьи как института, структура и экономическое положение современных тувинских семей.

Коллектив исследователей Института философии и права СО РАН, в рамках новосибирской научной этносоциологической школы проводили комплексные исследования социоструктурных, этносоциальных и этнодемографических процессов среди народов Сибири, включая тувинцев, на основе которых был опубликован ряд работ.

С учётом разового характера и малочисленности публикаций авторов, аффилированных с другими научными и образовательными организациями, на данном этапе полагаем преждевременным в отношении них говорить о преемственности и системности изучения тувинской семьи. Вместе с тем мы фиксируем возросший научный интерес с их стороны к обсуждаемым темам.

Количественные характеристики работ

Всего за указанный период было найдено 96 работ: 58 статей в научных журналах (60,42%), 31 — в материалах конференций и семинаров (32,29%), 3 — в сборниках (3,13%), а также 4 монографии (4,17%) (рис. 3).

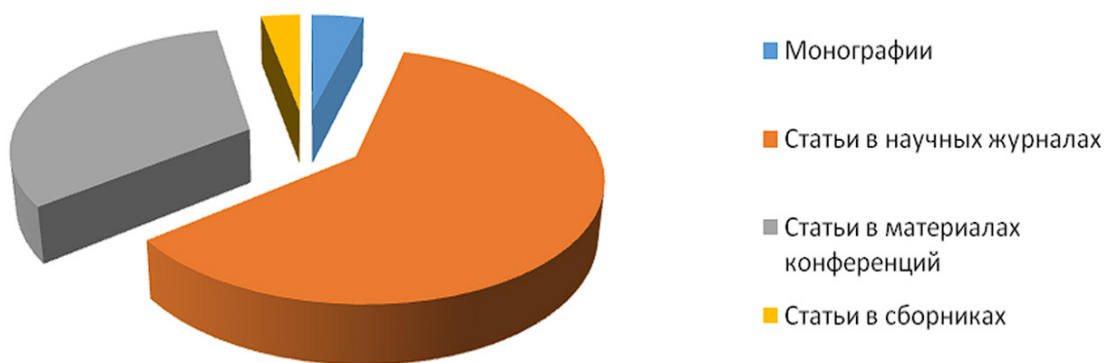

Рис. 3. Распределение публикаций по проблемам тувинской семьи по видам (2000 г. — июнь 2024 г.)
 Fig. 3. Distribution of publications on the problems of the Tuvan family by type (2000 — June 2024)

51,04% публикаций (49 из 96) имеют небольшой объем 1–5 страниц, а 27,08% ещё меньше — 1–3 страницы, в рамках которых зачастую не представлен анализ научной литературы, не описана в полной мере методология исследования и не раскрыты полноценно результаты исследований. По типу таких публикаций можно сказать, что это не только материалы конференций, но и статьи в научных журналах. Из 49 малоформатных публикаций материалами конференций являются 26 (53,06%), 23 (46,04%) — статьями.

Рассмотрим распределение публикаций по отраслям науки (рис. 4).

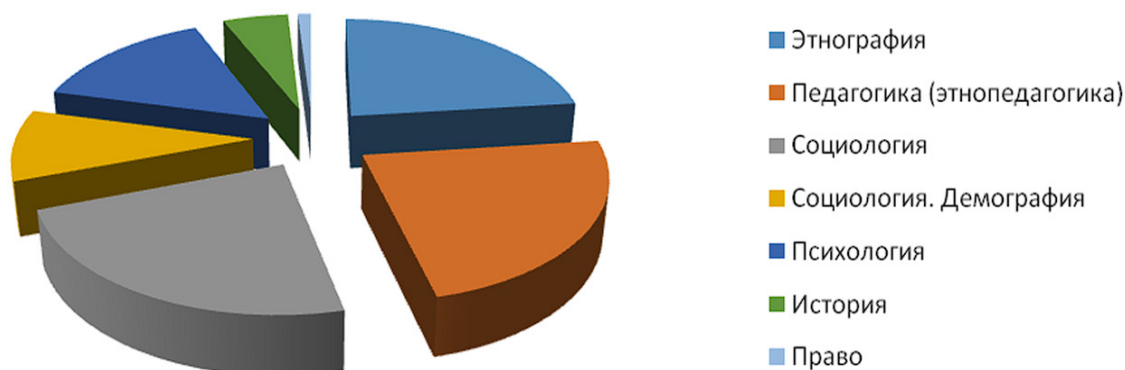

Рис. 4. Распределение публикаций по проблемам семьи в разрезе отраслей науки
 Fig. 4. Distribution of publications on family issues by branches of science

Больше всего работ написано в рамках таких наук, как этнография (22), педагогика (этнопедагогика) (22), социология (22), психология (14), а также на стыке социологии и демографии (9), менее всего по истории (5) и праву (1).

Сравнительные исследования

11,46% рассматриваемых публикаций основаны на страновых, межрегиональных и этнонациональных сравнительно-сопоставительных исследованиях, которые позволяют увидеть трансформационные процессы в области семейных ценностей, структуры семьи и брачно-репродуктивном поведении населения Тувы на фоне показателей населения других стран, субъектов Сибирского макрорегиона, этнонациональных сообществ. К этой группе относятся труды новосибирских ученых Г. С. Гончаровой¹, Л. Я. Савельева, исследовавших этносоциальные процессы в Сибири и семейно-брачные отношения у народов Сибири (Гончарова, Савельев, 2004), а также работы, исследовавшие формы семьи и брака у этнических тувинцев России, Монголии и Китая²; семейно-брачные отношения у коренных народов Сибири (Алексеева, 2018); интернальность личности взрослых тувинцев и русских в контексте семейной эмоциональной коммуникации (Алексеевко, Даваа, 2020); один из аспектов социального настроения — уверенность в будущем у тувинцев и башкир с учётом семейного статуса (Бурханова, 2022); условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (Бурханова, Асадуллина, 2022). Е. Е. Тиникова провела сравнительный анализ брачности и разводимости населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. (Тиникова, 2019).

Сравнительные исследования позволяют увидеть направления и глубину и интенсивность изменений в семейной и брачной сферах, сохранение или утрату элементов традиционных систем регулирования этих сфер — обычаев в разных социокультурных, политических, экономических условиях

¹ Гончарова Г. С. Влияние семьи на межэтнические отношения в регионах Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Изд-во СО РАН (Новосибирск). Новосибирск, 2015. С. 162–168; Гончарова Г. С. Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях у народов Тувы и Хакасии // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5 / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2003. С. 58–69.

² Айыжы Е. В. Тувинцы России, Монголии и Китая: формы семьи и брака // Вестник Калмыцкого научного центра РАН. 2017. Т. 29. Вып. 1 С. 58–66.

и этническом окружении, а также появление новых социальных норм. Кратко рассмотрим основные выводы, которые сделаны вышеуказанными авторами.

Г. С. Гончарова в результате сравнительного анализа итогов социологического исследования 2000 г. «Семья — брак — родители — дети», проведённой в Республике Хакасия и Республике Тыва, отмечает ряд этнорегиональных различий в семейно-брачной сфере: между тувинцами, хакасами и русскими Хакасии Тувы (Гончарова, 2003). Тувинцы и хакасы в большей степени, чем русские, считают очень важным для современной женщины иметь детей (различия составляют 17 и 22% соответственно), тувинцы отличаются большей склонностью к этническому однообразию в браке, учёту мнения родителей при выборе брачного партнера, к стремлению к большой семье, а также мужчины-тувинцы больше признают равноправие женщин, чем русские (там же: 58–69). В данном исследовании анализировались такие важные вопросы, как ценностные ориентации женщин, семейно-брачные ценности, мотивы вступления в брак, распределение ролей в семье, представления о желаемой семье, национальности супруга.

На основе данного исследования и статистических материалов в 2004 г. Г. С. Гончаровой, Л. Я. Савельевым была издана монография «Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы» (Гончарова, Савельев, 2004), в которой описаны и проанализированы семейная структура населения Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Таймырского, Эвенкийского автономных округов, Новосибирской области, Республики Хакасия и Республики Тыва, тенденции и изменения семейной структуры, типы, величина семей, такие демографические характеристики населения, как рождаемость, в том числе внебрачная рождаемость, смертность. В указанной монографии были отмечены важные факты, касающиеся развития семейной структуры населения Тувы: доля неполных семей, например, в 1994 г. составляла 12,1%, Тува занимала второе место среди рассматриваемых регионов Сибири по этому показателю после Таймырского АО (18,3%); более заметный рост в Туве доли сложных семей, доли незарегистрированных браков (там же: 30, 177). Авторами был подчеркнут значительный разрыв в показателях внебрачной рождаемости у РФ в целом и Тувы (там же: 51). По сравнению с соседней Хакасией в Туве структура семьи менялась более интенсивно (там же: 177).

С момента издания данной монографии прошло 20 лет, многие тенденции, описанные в ней относительно семейной структуры Тувы, подтвердились в материалах последующих переписей населения 2010 и 2020 гг. Масштабных исследований по целому ряду проблем семейного и демографического развития народов Сибири, в методике проведения которых комбинировались статистические и социологические методы, больше не предпринималось. В этой связи полагаем целесообразным проведение сравнительного межрегионального исследования с использованием того же инструментария для выявления динамики и новых тенденций.

Однако нужно отметить публикации по результатам межрегиональных исследований по отдельным тематическим направлениям. Например, Е. Е. Тиникова провела сравнительное исследование брачности и разводимости населения республик Хакасия, Тыва, Алтай, в котором выявила динамику демографических изменений в трёх республиках, в частности, она отмечает, что лидерство по числу разводов на 1000 браков в 1980-е гг. принадлежало Туве, позже перешло к Хакасии и Республике Алтай (Тиникова, 2019: 89). Одним из последних исследований была работа И. Н. Трошкиной, Т. М. Ойдуп, С. Д. Дилековой, анализирующее семейные ценности населения республик Южной Сибири — алтайцев, тувинцев, хакасов (Трошкина, Ойдуп, Дилекова, 2024). Авторами этого исследования были выявлены этнорегиональные отличия в семейных ценностях трёх народов, близких по языку, культуре и общему макрорегиону проживания, а именно: большая приверженность тувинцев эгалитаризму, установки на многодетность, поддержку родственников; для алтайцев — стремление к сохранению традиционной роли женщины в семье, поддержка свободного воспитания детей, меньшая ценность родственников дальнего круга; важность для хакасских женщин приоритета семьи, значимость детей, забота о старшем поколении (там же: 166). По указанному исследованию мы

---

¹ Гончарова Г. С. Влияние родителей на формирование семейно-брачных ценностей детей (на примере народов Республика Тува) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы VIII международной конференции. Горно-Алтайск, 2007. Т. 1. С. 21–27.

наблюдаем почти аналогичные результаты по тувинцам, которые ранее были получены Г. С. Гончаровой¹, что свидетельствует о сохранении и воспроизводстве семейных ценностей тувинцев, которые составляют основу их этнокультурной идентичности.

Еще одним сравнительно-сопоставительным исследованием в области структурных особенностей семьи явилась работа Т. К. Ростовской, О. Д. Натсак и А. С. Еламановой, в которой анализируются характеристики семейной и демографической структуры тувинского и казахского обществ (Ростовская, Натсак, Еламанова, 2024). При всей схожести тенденций в Туве и Казахстане (превалирование зарегистрированной формы брака, более высокая доля мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, по сравнению с женщинами, количественное превышение вдовых и разведённых женщин над аналогичной категорией мужчин, рост неполных семей, снижение доли внебрачных рождений) были выявлены различия. Так, в Казахстане роль разводов в структуре причин формирования неполных семей в большей степени проявляется, чем в Туве, а в Туве основной причиной является внебрачная рождаемость (там же: 250–251). Кроме того, для Тувы характерен рост сложных семей, в составе которых представлены неполные семьи (там же).

Сравнительный анализ восприятия брака и развода молодёжью Алтайского края и Республики Тыва был проведён С. А. Сарыглар, которая сообщает о том, что почти половина опрошенных русских приемлет возможность развода в крайнем случае (48%), большинство тувинцев придерживается мнения, согласно которому развод не допустим, и нужно сохранить брак любой¹. Между тем статистика последних лет показывает рост разводов в Туве².

Что касается изменения этнических нормативных основ брака и семьи у тувинцев, нужно отметить ослабление или утрату традиционных запретов и табу. Е. В. Айыжы по итогам экспедиционно-полевых исследований упоминает факты утраты императивности экзогамных норм брака у современных тувинцев России в отличие от этнических тувинцев Китая и Монголии, которые продолжают соблюдать данное требование при заключении брака³. Общей чертой у данных народов, указывает автор, является негативное отношение к «старым девам и холостякам»⁴. Однако эмпирических данных, полученных в ходе изучения мнения общественности и обосновывающих данное утверждение, автор не приводит.

Новым для исследований тувинской семьи является сравнительный анализ интернальности⁵ в семейных коммуникациях русских и тувинцев, проведённый Т. В. Алексеенко и Ч. О. Даваа (Алексеенко, Даваа, 2020). Данные авторы, используя опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) выявили, что в родительских семьях русских наблюдается высокий уровень дисфункциональности коммуникаций — почти в три раза чаще, чем в семьях тувинцев. Дисфункциональность семейных эмоциональных коммуникаций в русских семьях, по мнению авторов, является результатом высокого уровня родительской критики, требования идеальности и безупречности от ребенка (семейного перфекционизма), а также индуцирования тревоги в виде прогнозирования неудач, жизненных трудностей и т. п. Характерными чертами коммуникаций в тувинских семьях оказались высокий уровень перфекционизма и стремление выглядеть в глазах социума благополучной семьей (там же: 216). Указанные авторы также сообщают, что русские мужчины практически в равной степени с русскими женщинами берут на себя ответственность за построение отношений в семье, мужчины-тувинцы «перекладывают» ответственность в этой области на женщин (там же: 215). Достаточно спорными, на наш взгляд, являются выборка опроса (всего 78 чел., 33 тувинцев и 45 русских) и география отбора респондентов, (сравнение проводилось не между жителями Тувы русской и тувинской национальностей, а между тувинцами из Республики Тыва и русскими жителями

¹ Сарыглар С. А. Брак и развод: взгляд молодёжи разных национальностей (на примере исследований в Алтайском крае и Республике Тыва) // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета. 2015. № 12–2. С. 86.

² Республика Тыва в цифрах 2023 г. Статистический сборник №1.37.4 РТ [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Айыжы Е. В. Тувинцы России, Монголии и Китая: формы семьи и брака // Вестник Калмыцкого научного центра РАН. 2017. Т. 29. Вып. 1 С. 59–60.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Интернальность — (псих.) склонность личности рассматривать причины происходящих в ее жизни событий преимущественно себя.

г. Москвы. Вместе с тем Такие исследования, как мы полагаем, важны с точки зрения понимания не только условий и факторов дисфункциональности современных семей, гендерных различий в семейных ролях, но и уровня социальной субъектности населения республики, и при определённом масштабировании и репрезентативной выборке с учётом социально-демографических характеристик населения республики представляются весьма перспективными и ценными.

Ф. Б. Бурханова в своих статьях опирается на результаты социологического исследования, проведённого в республиках Тыва и Башкортостан в 2021 г. по проекту «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» (Бурханова, 2022). Сравнительный анализ социальных настроений населения двух российских регионов, а именно уверенности в завтрашнем дне в разрезе брачно-семейного статуса респондентов на основе единого исследовательского инструментария является также новым направлением. Отмечается, что нахождение в официальном браке, наличие несовершеннолетних детей снижают уверенность, а отсутствие собственной семьи (не состоят в браке) и несовершеннолетних детей, жизнь в одиночку или вдвоем придают больше уверенности. В сравнительном контексте указывается на тот факт, что респонденты из Тывы в целом хуже оценивают свои доходы, здоровье, образование и работу, условия своей жизни (там же). Эти результаты не являются этнонациональными особенностями, а скорее проявлением неоднородности уровня экономического развития российских регионов, и закономерны при сравнении двух неблизких по уровню жизни регионов (в 2021 г. ВРП на душу населения Республики Башкортостан составлял 2016023,7 руб., в Республике Тыва — 91529,3 руб.)¹. Это относится и ко второй статье, опубликованной по материалам данного исследования и касающейся сравнения условий жизни семей с детьми в Республике Тыва и Башкортостане — положение семей с детьми по их самооценкам, как сообщают указанные авторы, в Тыве хуже, чем в Башкортостане (Бурханова, Асадуллина, 2022).

Историко-этнографические исследования традиционной семьи и обрядовых аспектов брака тувинцев

Большой вклад в историко-этнографическое изучение тувинской семьи внесла С. М. Биче-оол², которая в своей монографии «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период» на основе этнографических материалов, собранных российскими исследователями, путешественниками в конце XIX — начале XX в., собственных полевых материалов во многом воссоздала семейные отношения и семейно-брачные обряды тувинцев, показала модернизационные процессы советского периода (Биче-оол, 2018). Следует отметить тот факт, что данная работа С. М. Биче-оол основывалась на её на диссертационном исследовании о традиционных брачно-семейных отношениях у тувинцев и их изменениям в советский период, которая была защищена в 1974 г. в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова (в настоящее время — Санкт-Петербургский государственный университет)³. С. М. Биче-оол осуществила ретроспективный анализ форм брака и семьи у тувинцев в контексте социалистических преобразований, и в настоящее время её работа является единственным фундаментальным трудом в этой области. С учётом значимости её труда для современных исследований и тувиноведения Ученый совет ТИГИ принял решение о посмертном издании рукописи её монографии, которая вышла в свет в 2018 г. Ответственным редактором издания выступила директор института М. М.-Б. Харунова, рецензентами — видные учёные Н. М. Моллеров, М. П. Татаринцева, редакторами — Л. С. Мижит и А. А. Самдан.

З. В. Анайбан, опираясь на историко-архивные источники, реконструировала положение женщины-матери в традиционной тувинской семье⁴. Традиционные характеристики тувинской семьи изу-

¹ Национальные счета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 25.06.2024).

² Биче-оол Светлана Монгушевна (1937–2012) — кандидат исторических наук, советский, тувинский этнограф, Заслуженный деятель науки Республики Тыва.

³ Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Тыве : автореф. дис. ... к. ист. н. Ленинград, 1974.

⁴ Анайбан З. В. Историко-архивные источники о положении женщины-матери в традиционной тувинской семье // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы IX международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Смоленск, 13–16 октября 2016 г. М., 2016. Т. 1. С. 29–31.

чались С. С. Субботиним, К. И. Султабаевой, И. С. Тарбастаевой (Субботин, 2016; Султабаева, 2016; Тарбастаева, 2010).

В настоящее время этнографические аспекты форм брака, обрядовые аспекты семьи и брака активно изучаются исследователями (Ховалыг, 2020; Ламажаа, Майны, 2020; Майны, 2021; Майны, Ламажаа, 2022; Тадышева, 2021; и др.¹). Тенденции жизнедеятельности тувинской семьи, традиционные устои брака рассматривала З. Ю. Доржу (Доржу, 2011: 135).

О сохранении в свадебных социальных практиках тувинцев важнейших элементов традиционных обрядов, в основе которых лежат архаические мифологические представления, ценности семейной жизни, писала Ж. М. Юша². Трансформация свадебного обряда тувинцев, которая вбирала в себя социальные нормы разных эпох, социально-политических систем была представлена в социокультурном исследовании Ч. К. Ламажаа и Ш. Б. Майны (Ламажаа, Майны, 2020). В частности, авторы указанного исследования показали в современных свадебных практиках рудиментарные элементы исторической памяти, зафиксировавшей нормы традиционной обрядности со своей логикой и целесообразностью, влияние советского наследия и их сочетание с вестернизированными нормами. Изменение обрядового обрамления создания семьи отражает общие трансформационные процессы, происходящие в семейно-брачной сфере.

Работы в данном направлении составили 22,48% публикаций по проблемам брака и семьи в рассматриваемый период.

¹ Майны Ш. Б. Семейные обряды тувинцев сегодня // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящённой 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия. Абакан, 2021. С. 288–291; Конгу А. А. Брак и экзогамия у тувинцев // Роль российско-монгольской программы «Эксперимент Убсу-Нур» в развитии науки и инноваций в Республике Тыва: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 30-летию Убсунурского международного центра биосферных исследований и 100-летию Тувинской Народной Республики. Кызыл, 2021. С. 179–182; Монгуш А. М. Об истоках традиционной тувинской свадьбы // Ермолаевские чтения. Материалы VI научно-практической конференции с международным участием. Кызыл, 2022. С. 84–87; Савельева Е. А. Форма брака и брачный возраст тувинцев: этнографический аспект // 300-летие Российской академии наук — Археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия. Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Новосибирск, 2023. С. 354–355; Ондар З. И. Иерархия семейных отношений в малодетных и многодетных тувинских семьях // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы VI-й международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл, 2020. С. 30–31; Юша Ж. М. Свадебная обрядность тувинцев: традиции и инновации // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 52–62; Ховалыг С. К. Семейная обрядность тувинцев // LX Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 272–273; Сангы-Бадра Р. Н., Сымчан-оол К. А. Свадебная обрядность в семейных фотографиях тувинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы V-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл, 2018. С. 33–34; Даш Л. А. Роль и место женщины в семейно-бытовых праздниках тувинского народа // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Вып. XVI. Кызыл, 2017. С. 157–158; Даш Л. А. Семейно-бытовые занятия женщин в традиционной культуре тувинцев // Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия. Тувинский государственный университет. Кызыл, 2018. С. 67–71; Доо А. М. Место и роль обычаев в воспитании (на примере тувинской семьи) // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 9 (99). Ч. 2. С. 105–109.

² Юша Ж. М. Свадебная обрядность тувинцев: традиции и инновации // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 62.

³ Гусев А. В., Шаалы А. С. О роли семьи и родителей (законных представителей) обучающихся в воспитании национальной идентичности на основе изучения родного языка. Из опыта этнокультурного образования в Республике Тыва // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12–2. С. 78–82.

Педагогические (этнопедагогические) направления в исследованиях тувинской семьи

В этом направлении работали многие ученые. А. В. Гусев, А. С. Шаалы рассматривали роль семьи и родителей в воспитании национальной идентичности⁵; роль тувинских традиций и обычаев в семейном воспитании изучалась М. Д. Доржу, С. В. Куулар, Ч. Д. Иргит, С. С. Маады¹, Н. Н. Ховалыг (Доржу, 2018; Иргит, 2019; Куулар, 2019, 2020а; Ховалыг, 2020). Потенциал тувинской семьи в духовно-нравственном, трудовом, физическом воспитании детей изучали С. О. Сарыг-Лама, А. А. Ооржак, С. Х. Хурен-оол (Сарыг-Лама, 2018; Ооржак, 2010; Хурен-оол, 2018), Э. К. Кыргыз²; методы семейного воспитания — Я. В. Семенова, Ю. И. Моруденко, М. В. Хортова (Семенова, Моруденко, Хортова, 2020), С. Б. Тюлюш, Н. Ч. Дамба³.

А. В. Гусев, А. С. Шаалы описывают курсы, разработанные для включения в состав этнокультурного компонента образовательных программ школ, в частности, «Семейной педагогики», в ходе изучения которых ученик 8-9 классов должен усвоить значения таких понятий, как «семья», «семейные ценности», «семейные отношения», «любовь и пример предков», «материнство», «отцовство», «родительские чувства»⁴.

Особенности воспитания детей в традиционной тувинской семье рассматривались в работе С. С. Маады⁵. С. Х. Хурен-оол полагает, что воспитание детей родственному взаимодействию, взаимопомощи между членами семейно-родственного круга, а также трудовое, нравственное воспитание в тувинской семье традиционно осуществлялось при активном участии самого воспитуемого (Хурен-оол, 2018: 70). Показана актуальность обращения к традициям семейного воспитания таких морально-этических качеств, как доброта, готовность помогать другим (Доржу, 2018). А. С. Шаалы отмечает важность ценностей-значений, которые усваивались в ходе родительского воспитания, в укреплении института семьи (Шаалы, 2020: 310).

Данные исследования раскрывают главнейшую функциональную составляющую семьи — воспитательную и описывают возможность использования традиционных практик семейного воспитания в современных условиях. Недостаточно раскрытым, но весьма важными являются вопросы эффективности этнопедагогики и ее влияния на ценностные установки детей, молодёжи, включённости ее элементов в образовательные программы современной школы в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов, наблюдается отсутствие квантифицируемых и верифицируемых данных о знании и применении родителями методов этнопедагогики в семейном воспитании в этих работах.

Указанные работы составляют 14,58% публикаций за рассматриваемый период.

¹ Маады С. С. Воспитание детей в традиционной тувинской семье // Научные труды Тувинского государственного университета. Кызыл, 26 октября 2016 г. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Вып. XIII. Кызыл, 2016. С. 55–56.

² Кыргыз Э. К. Физическая культура в тувинской семье // Научные труды Тувинского государственного университета. Кызыл, 26 октября 2016 г. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвящённой 65-летию юбилею высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики. Вып. XIII. Кызыл, 2016. С. 116–119.

³ Тюлюш С. Б., Дамба Н. Ч. Методы воспитания в многодетной семье (на примере тувинской семьи) // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл, 2015. С. 41–42.

⁴ Гусев А. В., Шаалы А. С. О роли семьи и родителей (законных представителей) обучающихся в воспитании национальной идентичности на основе изучения родного языка. Из опыта этнокультурного образования в Республике Тыва // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12–2. С. 81.

⁵ Маады С. С. Воспитание детей в традиционной тувинской семье ...

⁶ Гончарова Г. С. Влияние родителей на формирование семейно-брачных ценностей детей (на примере народов Республики Тыва) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы VIII международной конференции. 19–22 сентября 2007, г. Горно-Алтайск. Т. 1. Горно-Алтайск: Изд-во Горноалтайского государственного университета, 2007. С. 21–27.

Гендерные исследования в сфере семьи и брака

Изучение гендерных различий во взглядах на семейные ценности, распределении семейных ролей у тувинского населения было начато Г. С. Гончаровой в вышеуказанных работах (Гончарова, 2003, и др.⁶). Данное направление было продолжено тувинскими исследователями З. Ю. Доржу, А. В. Седен, которые в ходе социологических исследований гендерных различий в представлениях тувинской молодёжи о семье и браке описали происходящую среди молодых тувинцев ломку традиционной системы гендерной социализации, проявившуюся в резком ослаблении поляризации мужских и женских ролей, о влиянии на эти представления модели родительской семьи (Седен, 2012: 56; и др.¹). Выявленные указанным автором мотивы добрачных свободных связей молодых людей, не направленные на создание семьи (Седен, 2012: 57), во многом объясняют столь высокий уровень внебрачной рождаемости в Туве, а также рождений у юных матерей, которые ведут к формированию неполных материнских семей (Натсак, 2023: 64).

О. Д. Натсак исследовала гендерное распределение домашнего труда (Натсак, 2022а), особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье (Натсак, 2021), исторические этапы изменения гендерного уклада и гендерную власть в современной тувинской семье (Натсак, 2022б).

Главные выводы, которые сделаны в вышеупомянутых работах О. Д. Натсак, заключаются в том, что стремление тувинских женщин к равенству, их более высокий уровень образования и социально-профессиональный статус, экономическая активность позволяет им иметь более высокий доход. В тувинских семьях часто встречается образовательная гетерогамия. Показателем гендерной власти является то, что контроль над семейными материальными ресурсами, принятие финансовых решений в тувинских семьях зачастую принадлежит женщинам. При этом и мужчины, и женщины декларативно признают главенство мужчины в семье. Изменение гендерного уклада в обществе в целом и усиление роли женщин не всегда приводит к гармонизации семейно-брачной сферы, а принижение роли мужчин-отцов в семье приводит к ослаблению гендерной социализации мальчиков и избыточной маскулинности женщин в семье и обществе.

Гендерным аспектам тувинской семьи посвящено 7,29% публикаций.

Исследования особенностей социализации детей в семьях разного типа

К новым направлениям в исследованиях тувинской семьи также можно отнести работы, анализирующие особенности социализации детей и молодёжи в разных типах семей, в том числе неполных. В настоящее время их доля составляет 8,33% всех публикаций.

А. М. Салчак на основе методики СОЧ(И)² В. Л. Ситникова был предпринят анализ образа отца у подростков из полных и неполных семей и выявлено то, что у тувинских подростков преобладает два типа образа отца: для тех, кто воспитывается в разведённых и осиротевших семьях, характерен стереотипный образ отца, сформированный под влиянием традиционных представлений об отце, а для тех, кто из полных семей, образ отца наполнен индивидуальными характеристиками и является конкретным представлением о реальном человеке³. Заслуживают внимания данные, которые приводит А. М. Куулар, о представлениях об идеальном отце девочек-подростков из неполных семей разного типа: отец в представлении девушек из полных и неполных семей мало уделяет им внимание, не заботится о семье, порой бывает безответственным по отношению к семье, отрицательное восприятие отца в большей степени наблюдаются у девочек из разведённых семей⁴.

¹ Доржу З. Ю., Седен А. В. Студенческая молодёжь о роли и обязанностях мужа и жены в будущей семье // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию юбилею Тувинского государственного университета. Кызыл, 2015. С. 13–14.

² СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая).

³ Салчак А. М. Социально-психологические особенности готовности к браку и семейной жизни у тувинской молодёжи // Ананьевские чтения — 2023. Человек в современном мире. Потенциалы и перспективы психологии развития. Материалы международной научной конференции. М., 2023. С. 97; Салчак А. М. Особенности образа отца у подростков в Республике Тыва // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы VI-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Кызыл, 2020. С. 42–44.

⁴ Куулар А. М. Представления об идеальном отце девочек-подростков из неполных семей разного типа (на примере Республики Тыва) // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Кызыл, 2016. С. 49–51.

Образы отца имеют воспитательный, социализирующий потенциал, так как от образов родителей обоих полов дети усваивают и гендерные, и общие морально-нравственные, и экономические модели поведения.

Исследование уровня самооценки и уверенности студентов Тувинского государственного университета, представленное Ч. Ч. Кара-Сал, показало, что у тех, кто воспитывается в неполных семьях, заметно ниже уровень самоуважения, аутосимпатии, а самообвинение, наоборот, выше по сравнению со студентами из полных семей¹.

Влияние структуры семьи на адаптивные способности детей и молодёжи оценивается неоднозначно. Несмотря на общепринятые негативные коннотации, ассоциируемые с неполными семьями, есть исследования, которые показывают более высокий уровень жизнестойкости лиц, которые воспитывались в условиях отсутствия одного из родителей. С этой позиции интересны результаты исследования А. С. Фрокол и А.-А. А. Ондар, которые изучали уровень социальной зрелости студенческой молодёжи из разных типов семей: различий в уровне инфантилизма между студентами из полных и неполных семей не было выявлено (Фрокол, Ондар, 2019: 5).

Кроме того, анализ связи уровня жизнестойкости молодёжи и типа родительской семьи, проведённый В. Л. Ситниковым, С. И. Кедич, С. М. Момбей-оол, А. М. Салчак, показывает, что у лиц из неполных семей по мере взросления повышается общий показатель жизнестойкости, у молодых людей из полных семей наблюдается противоположная тенденция — чем старше, тем ниже жизнестойкость². Указанная тема также требует более глубокого изучения, так как на данном этапе факторы, которые имеют решающее значение для формирования жизнестойкости, пока не идентифицированы, ответа на вопрос, имеют ли значение возраст, в котором находился ребёнок или молодой человек, когда произошёл распад семьи, а также причина формирования неполной семьи, материальное положение и социальные характеристики родителей для уровня жизнестойкости индивида, нет.

Дальнейшее развитие данного исследовательского направления представляется перспективным и очень важным для анализа особенностей социализации детей, и последующей их социальной и экономической самореализации, которые воспитывались в разных структурных типах семей. С учётом существенной доли внебрачных рождений и неполных семей, которые формируются в результате также распада семьи вследствие смерти одного из супругов, повышенной мужской смертности в Туве, развода, необходимы исследования негативных эффектов этих явлений для детей, и, соответственно, рисков для развития и качества человеческого капитала республики. Значение таких исследований не исчерпывается лишь научно-профессиональными аспектами, а распространяется на педагогическую практику школах, и имеет важный просветительский потенциал в работе с родителями.

Исследования родительства

Современное родительство, отцовские, материнские социальные практики, а также детско-родительские отношения представляют собой темы, которые мало изучены и работы по которым только начинается.

В Туве общественные обсуждения темы ответственного родительства опередили серьёзные научные дискуссии. Обсуждавшиеся и принятые на сходах граждан «Кодекс чести мужчин Тувы»³ в 2012 г., «Свод заповедей матерей Тувы»⁴ в 2015 г. — результат осознания руководством республики

¹ Кара-Сал Ч. Ч. Исследование уровня самооценки и уверенности студентов ТувГУ, воспитываемых в неполных семьях // *Семья и дети в современном мире. Сборник материалов конференции*. Т. VII. Кызыл, 2022. С. 300.

² Ситников В. Л., Кедич С. И., Момбей-оол С. М., Салчак А. М. Социально-перцептивные образы и жизнестойкость тувинской молодёжи из семей разного типа // *История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук*. Москва, 16–18 ноября 2022 г. М., 2022. С. 385; Момбей-оол С. М. Сравнительный анализ структур я-, он- образов в сознании тувинской молодёжи в разным уровнем жизнестойкости и типом родительской семьи // *Семья и дети в современном мире. Сборник материалов конференции*. Т. VII. Кызыл, 2022. С. 64–69; Момбей-оол С. М., Домур-оол А. С. Социально-психологические предикторы жизнеспособности тувинских семей // *Ананьевские чтения — 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. Материалы международной научной конференции*. М., 2023. С. 427.

³ Кодекс чести мужчин Тувы [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <https://khural.rtyva.ru/press/kodeks-chesti.php> (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Свод заповедей матерей республики [Электронный ресурс] // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <https://khural.rtyva.ru/press/svod-zapovedey.php> (дата обращения: 25.06.2024).

и общественностью интенсивности происходящих трансформаций социальных норм в тувинском обществе на основе не только демографической, ведомственной, в том числе, криминальной статистики и аналитики, но и наблюдений в повседневной жизни.

На данном этапе в данном предметном поле проведен ряд исследований, результаты которых были опубликованы. Доля таких работ — 7,29%.

Полярные проявления родительских моделей поведения в тувинском обществе были изучены Ч. К. Ламажаа, которая описала признаки, с одной стороны, деградации родительства, с другой стороны, родительской гиперопеки, желая обеспечить взрослых детей, которое приводит к тому, что способствует инфантилизации молодежи, для удовлетворения материальных запросов которых родители работают вплоть до смерти (Ламажаа, 2021: 67–68). Анализируя материалы глубинных интервью одиноких матерей, проведенных в 2022–2023 гг., О. Д. Натсак назвала добровольное отречение одиноких матерей от собственных интересов, партнёрских отношений с противоположным полом, когда они после того, как вырастили своих детей, все материальные, временные, жизненные ресурсы направляют на воспитание внуков, «украденной благополучной старостью» (Натсак, 2023: 177).

Изучение отцовства в последние годы стало одним из актуальных исследовательских направлений. Роль отцов и их образы в восприятии детей разных возрастов анализировались М. Д. Доржу, А. М. Салчак, А. О. Ондар (Доржу, 2016; Салчак, 2020ab), А. М. Кууларом¹.

Е. Л. Иргит опубликовала результаты исследования осознанности отцов по опроснику Р. В. Овчарова, в которых сообщает, что у 50% отцов наблюдается низкий уровень осознанности². Следует отметить, что опрос проводился на базе одного сельского дошкольного учреждения и количество опрошенных не указано, в связи с нерепрезентативной выборкой полученные результаты невозможно экстраполировать на всё отцовское сообщество Тувы, вместе с тем при условии расширения исследования до регионального уровня данное исследование могло бы иметь серьезное научное значение.

Монородительские материнские практики на современном этапе анализировались О. Д. Натсак, результаты исследования изложены в её монографии (Натсак, 2023).

Усложнение семейной структуры тувинского населения, которое проявляется в росте материнских, отцовских неполных семей, сложных по составу расширенных многопоколенных семей актуализирует изучение родительских практик в разных типах семей, в том числе в дисфункциональных семьях, а также влияния особенностей родительства на отклоняющиеся модели поведения подростков и молодёжи.

Исследования студенческой семьи

В последние годы наблюдается рост интереса к студенческой семье, которая на данном этапе является не до конца институционализированным типом семьи. Из исследовательских тем в этом направлении нужно отметить анализ удовлетворённости семейными отношениями в студенческих брачных парах, проведённый Д. О. Кара-Сал, А. В. Оюн, Х. А. Тюлюш³.

Обращение к теме студенческой семьи и актуализация вопроса поддержки студенческих семей является не случайным с позиции использования репродуктивно-демографического потенциала обучающейся молодёжи в повышении рождаемости в стране. Т. К. Ростовской, О. А. Золотаревой, Е. Н. Васильевой, Д. В. Накисбаевым опубликованы результаты Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», инициированного Институтом демографических иссле-

¹ Куулар А. М. Роль отца в традиционной культуре тувинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы VI-ой международной научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов. Кызыл, 2018. С. 88–90.

² Иргит Е. Л. Изучение осознанности у отцов // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию юбилею Тувинского государственного университета. Кызыл, 2015. С. 54–56.

³ Тюлюш Х. Б., Монгуш Ч. Н. Удовлетворённость браком студенческой молодёжи // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2019). Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. М., 2019. Ч. 1. С. 299–303.

дований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) и проведённого в апреле-мае 2022 г., в том числе и Тuve (Ростовская и др., 2024). Было выявлено, что среди тувинских студентов регистрация брака не является ведущим мотивом для семейной жизни, а откладывание рождения ребенка на более поздние этапы жизни связано с экономической уязвимостью обучающейся молодёжи (там же: 225).

Данное исследование могло бы быть использовано для корректировки социально-демографической политики республики, направленной на учёт потребностей и интересов студенческой семьи в контексте решения задач демографического развития региона.

Доля работ в этом направлении в общем числе рассматриваемых публикаций составляет 2,08%.

Изучение неполных семей

Изучение различных аспектов функционирования и жизнедеятельности неполных семей в Туве и причин их возникновения требует обобщения и анализа в рамках более широких проблем, связанных с демографической безопасностью региона, демографической, социальной устойчивостью, а также бедностью населения. Полагаем, что исследования в этом направлении значимы и актуальны. Эта тема впервые поднимается в тувиноведении, и стала активно разрабатываться только в последние три года.

Так, в Туве было проведено два региональных социологических исследования по проблемам неполных семей с использованием качественных и количественных методик, статистико-демографического метода, по результатам которых были опубликованы монография и статьи, что составляет 3,13% публикаций (Натсак, 2023; Самба и др., 2024; Ростовская, Натсак, Еламанова, 2024).

Заключение

Проведённый в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что исследования тувинской семьи имеет все основания выделиться в одно из значимых и актуальных направлений современного тувиноведения. В течение рассматриваемого периода российскими и тувинскими учеными было сделано серьёзное продвижение в изучении семьи и брака в Туве, что объясняется актуальностью этих вопросов, ростом исследовательского интереса, информационной открытостью российской науки и доступностью международных исследований, которые позволяют тувинским исследователям применять новые методологические подходы и методы исследования.

Обзор публикаций по рассматриваемой проблематике показывает, что начаты новые исследовательские линии: изучение неполных семей в Туве, различий в личностно-волевых характеристиках и жизнестойкости подростков и молодёжи, воспитывающихся в полных, неполных семьях, студенческих семей, экономики семей. Однако многие исследования требуют масштабирования на региональном уровне, обеспечения репрезентативной выборки, полноценного анализа полученных результатов и формулирования практических рекомендаций.

Ряд серьёзных вызовов устойчивости семейно-брачной структуры населения Тувы пока остаётся практически неисследованными — это вопросы семейного насилия, девиантных и дисфункциональных родительских практик.

Полагаем, что в настоящее время нужны как исследования на микро-уровне, связанные, например, с родительскими (отцовскими, материнскими) практиками, так и на макро-уровне, направленные на анализ регионального демографического развития, включающего этнорегиональные особенности и закономерности вступления в брак, деторождения, распада семей.

Чрезвычайно важны междисциплинарные и межсекторальные перспективы в изучении тувинской семьи и выход на более широкие социальные системы, как, например, региональная экономика. В этом смысле необходимы исследования влияния структуры семьи, семейных воспитательных практик, транслируемых ценностей на экономическое поведение населения, благополучие детей и общества в целом. В данном предметном поле были бы продуктивны результаты научного сотрудничества институтов разных уровней в виде совместных исследований, что расширило бы методологические подходы, географию сравнительно-сопоставительных исследований и позволило бы выйти на уровень общероссийских обобщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, А. Г. (2018) Семейно-брачные отношения у коренных народов Сибири: современный аспект // Миссия конфессий. Т. 7. № 6 (33). С. 686–694.

Алексеев, Т. В., Даваа Ч. О. (2020) Сравнительное исследование интернальности личности взрослых тувинцев и русских (в контексте семейной эмоциональной коммуникации) // Проблемы современного образования. № 1. С. 212–222. DOI: <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-1-212-222>

Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 128 с.

Бурханова, Ф. Б. (2022) Уверенность в будущем у башкир и тувинцев как показатель человеческого развития: связь с семейным статусом // Новые исследования Тувы. № 3. С. 208–225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>

Бурханова, Ф. Б., Асадуллина, Г. Р. (2022) Условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (опыт социологического анализа) // Научный результат. Социология и управление. Т. 8, № 4. С. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>

Гончарова, Г. С. (2003) Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях у народов Тувы и Хакасии // Этносоциальные процессы в Сибири. Т. 5. Материалы VI международного семинара 13–15 сентября 2001 г. г. Улан-Удэ / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во Новосибирского национального исследовательского университета. 266 с. С. 58–69.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2002) Структурные характеристики семей. Новосибирск : Изд-во Института философии и права СО РАН. 86 с.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель. 288 с.

Доржу, З. Ю. (2011) Тувинская семья: тенденции её жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1 (195). С. 35–38.

Доржу, М. Д. (2016) Об усилении роли мужчины-отца в тувинской семье // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12–1. С. 201–203.

Доржу, М. Д. (2018) Актуальность воспитания в детях доброты и взаимопомощи в современных тувинских семьях // Мир образования — Образование в мире. № 3 (71). С. 39–44.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Изд-во АН СССР. 606 с.

Иргит, Ч. Д. (2019) Особенности нравственного воспитания детей в тувинской семье // Аллея науки. Т. 2. № 6 (33). С. 161–165.

Кужугет, А. К. (2019) Тувинская семья: традиции и трансформация // Учёные записки ТИГПИ. Вып. XXII. Кызыл : Тип-я КЦО «Аньяк» 451 с. С. 240–253.

Куулар, С. В. (2019) Ценностные ориентации тувинской семьи как педагогическая проблема // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 2 (47). С. 11–17.

Куулар, С. В. (2020a) Исследование представлений о семейных ценностях у тувинской молодёжи // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 1 (59). С. 6–13.

Куулар, С. В. (2020b) Семейные традиции как средство духовно-нравственного воспитания у тувинского народа // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 4 (71). С. 55–62.

Куулар, С. В. (2020c) Ценностные приоритеты современной тувинской семьи. Опыт исследования // Мир науки, культуры, образования. № 6 (85). С. 40–42. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Майны, Ш. Б. (2021) Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Майны, Ш. Б., Ламажаа, Ч. К. (2022) Тувинская традиция передачи старых детских вещей эргинди // Oriental Studies. Т. 15. № 5. С. 1050–1063. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Натсак, О. Д. (2021) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Натсак, О. Д. (2022a) Гендерное распределение домашнего труда // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1 (44). С. 79–90. DOI <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Натсак, О. Д. (2022b) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Натсак, О. Д. (2022c) Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. Т. 10, № 2. С. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>

Натсак, О. Д. (2023) Неполные семьи и монородительские практики женщин в современном тувинском обществе. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. 240 с.

Ондар, Л. М., Ондар, А.-А. А. (2016) Подходы к изучению тувинской семьи в тувиноведении // Современные наукоемкие технологии. № 7–1. С. 177–180.

Ооржак, А. А. (2010) Проблемы духовно-нравственного воспитания дошкольников в тувинской семье // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 4 (7). С. 34–37.

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР. 262 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Потапов, Л. П. (1960) Новые материалы по этнографии тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. VIII. Кызыл : Тип-я Управления культуры. 311 с. С. 180–192.

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Васильева, Е. Н., Накисбаев, Д. В. (2024) Студенческая семья глазами тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 225–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

Ростовская, Т. К., Натсак, О. Д., Еламанова, А. С. (2024) Неполные семьи в Туве и Казахстане: статистико-демографический взгляд на проблему // Новые исследования Тувы. № 2. С. 243–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>

Салчак, А. М. (2020a) Особенности образа отца у подростков из неполных семей // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 2 (63). С. 32–41.

Салчак, А. М. (2020b) Особенности образа отца младших подростков в Республике Тыва // Человеческий капитал. № 9 (141). С. 232–243. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.21>

Самба, А. Д.-Б., Голиусова, Ю. В., Демидов, А. А., Ананьева, К. И., Ондар Н. Д. (2024) Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 184–196. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

Сарыг-Лама, С. О. (2018) Возрождение семейных традиций — основа духовно-нравственного воспитания школьников // Мир науки, культуры, образования. № 3 (70). С. 129–132.

Седен, А. В. (2012) Гендерные различия в представлениях тувинской молодежи о семье и браке // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 54–57.

Семенова, Я. В., Моруденко, Ю. И., Хортова, М. В. (2020) Приобщение младших школьников к семейным ценностям на основе традиций семейного воспитания народов Енисейской Сибири // Вопросы педагогики. № 10-2. С. 189–193.

Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР (1982) / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 240 с.

Субботин, С. С. (2016) Тувинская семья и её функции. Традиции и инновации // Oriental Studies. Т. 9. № 6. С. 159–171. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Султанбаева, К. И. (2016) Опыт исследования этнокультурных традиций в современной тувинской семье // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 4–31. С. 25–30.

Тадышева, Н. О. (2021) Современная свадебная обрядность тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. № 69. С. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/69/18>

Тарбастаева, И. С. (2010) Тувинская семья: традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 2. С. 259–267.

Татаринцева, М. П. (2017) Семья и семейное воспитание у русских переселенцев в Туве в первые десятилетия XX века // Учёные записки ТИГИ. Вып. XXIV. Кызыл : «Соёмбо принтинг». 584 с. С. 408–421.

Тиникова, Е. Е. (2019) Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI вв. // Genesis. Исторические исследования. № 9. С. 81–92. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Трошкина, И. Н., Ойдуп, Т. М., Дилекова, С. Д. (2024) Семейные ценности населения Республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.) // Новые исследования Тувы. №1. С. 166–183. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Тульчинский, Л. И. (1964) Социально-экономический анализ материалов переписи населения Тувы 1959 года // Ученые записки. Вып. XI Кызыл : ТИНИИЯЛИ. 403 с. С. 205–222.

Ховалыг, Н. Н. (2020) Этнопедагогические семейные ценности в духовно-нравственном воспитании младших школьников // Мир науки, культуры, образования. № 5 (84). С. 175–177.

Хурен-оол, С. Х. (2018) Трудовое воспитание детей в тувинской семье // Сибирский педагогический журнал. № 2. С. 66–71.

Фрокол, А. С., Ондар, А.-А. А. (2019) Инфантилизм студенческой молодёжи из неполных семей // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 4. Педагогические науки. № 4 (43). С. 5–15.

Шаалы, А. С. (2020) Духовно-нравственное воспитание школьников на традиционных семейных ценностях тувинского народа // Мир науки, культуры, образования. № 3 (82). С. 310–311.

Дата поступления: 05.07.2024 г.

Дата принятия: 22.07.2024 г.

REFERENCES

Alekseeva, A. G. (2018) Family and marriage relations among the indigenous peoples of Siberia: a modern aspect. *Missiia konfessii*, vol. 7, no. 6 (33), pp. 686–694. (In Russ.).

Alekseenko, T. V. and Davaa Ch. O. (2020) Comparative study of the internality of the personality of adult Tuvans and Russians (in the context of family emotional communication). *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, no. 1, pp. 212–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-1-212-222>

Biche-ool, S. M. (2018) *Traditional marriage and family relations among Tuvans and their transformation in the Soviet period*. Abakan, Zhurnalist. 128 p. (In Russ.).

Burkhanova, F. B. (2022) Confidence in the future among the Bashkirs and Tuvans as an indicator of human development: Correlation with family status. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 208–225 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>

Burkhanova, F. B. and Asadullina, G. R. (2022) Conditions and factors of life of families with children among Bashkirs and Tuvans (experience of sociological analysis). *Research Result. Sociology and management*, vol. 8, no. 4, pp. 31–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>

Goncharova, G. S. (2003) The values of family and marriage relations in modern conditions among the peoples of Tuva and Khakassia. In: *Ethnosocial processes in Siberia*. Vol. 5. Proceedings of the VI International seminar on September 13–15, 2001, Ulan-Ude / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing house of Novosibirsk National Research University. 266 p. Pp. 58–69. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ya. (2002) *Structural characteristics of families*. Novosibirsk, Publishing house of the Institute of Philosophy and Law SB RAS. 86 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ya. (2004) *Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects*. Novosibirsk, Nonparel'. 288 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2011) The Tuvan family: trends in its life. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 1 (195), pp. 35–38. (In Russ.).

Dorzhu, M. D. (2016) On strengthening the role of the male father in the Tuvan family. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12–1, pp. 201–203. (In Russ.).

Dorzhu, M. D. (2018) The relevance of fostering kindness and mutual assistance in children in modern Tuvan families. *Mir obrazovaniia — Obrazovanie v mire*, no. 3 (71), pp. 39–44. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Socio-economic history of Tuva. XIX — early XX century*. Moscow, AN SSSR Publ. 606 p. (In Russ.).

Irgit, Ch. D. (2019) Features of moral education of children in a Tuvan family. *Alleia nauki*, vol. 2, no. 6 (33), pp. 161–165. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2019) The Tuvan family: traditions and transformation. *Scientific notes of the TSPI*. Issue XXII. Kyzyl, Anyiak. 451 p. Pp. 240–253. (In Russ.).

Kuular, S. V. (2019) The value orientations of the Tuvan family as a pedagogical problem. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, Pedagogicheskie nauki, no. 2 (47), pp. 11–17. (In Russ.).

Kuular, S. V. (2020a) Research of ideas about family values among Tuvan youth. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, Pedagogicheskie nauki, no. 1 (59), pp. 6–13. (In Russ.).

Kuular, S. V. (2020b) Family traditions as a means of spiritual and moral education among the Tuvan people. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, Pedagogicheskie nauki, no. 4 (71), pp. 55–62. (In Russ.).

Kuular, S. V. (2020c) The value priorities of the modern Tuvan family. Research experience. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (85), pp. 40–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-40-42>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–5. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Mainy, Sh. B. (2021) Family Rite of khylybyk doy of Urban Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Mainy, Sh. B. and Lamazhaa, Ch. K. (2022) Ergindi: Tuvan Tradition of Sharing Children's Clothing and Things Reviewed. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 5, pp. 1050–1063. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Natsak, O. D. (2021) Gender Asymmetries of Modern Tuvan Family Revisited. *Biulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Natsak, O. D. (2022a) Gender division of domestic work in Tuvan families. *Vektory blagopoluchii: ekonomika i sotsium*, no. 1 (44), pp. 79–90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Natsak, O. D. (2022b) The distribution of gender-based authority in the modern Tuvan family. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Natsak, O. D. (2022c) Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: Historical Retrospective and Current Trends. *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 10, no. 2, pp. 52–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>

Natsak, O. D. (2023) *Single-parent families and single-parent practices of women in modern Tuvan society*. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 240 p. (In Russ.).

Ondar, L. M. and Ondar, A.-A. A. (2016) Approaches to the study of the Tuvan family in Tuvan studies. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 7–1, pp. 177–180. (In Russ.).

Oorzhak, A. A. (2010) Problems of spiritual and moral education of preschoolers in a Tuvan family. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue № 4, Pedagogicheskie nauki, no. 4 (7), pp. 34–37. (In Russ.).

Essays on the social development of the Tuvan ASSR (1983) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, SB AS SSSR Publ. 262 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the everyday life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1960) New materials on the ethnography of Tuvans. In: *The scientific notes of TNIIIaLI*. Issue VIII. Kyzyl, Printing office of the Department of Culture. 311 p. Pp. 180–192. (In Russ.).

Rostovskaia, T. K., Zolotareva, O. A., Vasil'eva, E. N. and Nakisbaev, D. V. (2024) Student family through the eyes of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 225–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

Rostovskaia, T. K., Natsak, O. D. and Elamanova, A. S. (2024) Single-parent families in Tuva and Kazakhstan: a statistical and demographic view of the problem. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 243–262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>

Salchak, A. M. (2020a) Features of the father's image in teenagers from single-parent families. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, Pedagogicheskie nauki, no. 2 (63), pp. 32–41. (In Russ.).

Salchak, A. M. (2020b) Peculiarities of the image of the father of younger teenagers in the Republic of Tuva. *Chelovecheskii kapital*, no. 9 (141), pp. 232–243. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.21>

Samba, A. D.-B., Goliusova, Yu. V., Demidov, A. A., Anan'eva, K. I. and Ondar N. D. (2024) Sociological portrait of the single-parent family in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 184–196. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

Saryg-Lama, S. O. (2018) The revival of family traditions is the basis for the spiritual and moral education of schoolchildren. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (70), pp. 129–132. (In Russ.).

Seden, A. V. (2012) Gender differences in the ideas of Tuvan youth about family and marriage. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 54–57. (In Russ.).

Semenova, Ia. V., Morudenko, Iu. I. and Khortova, M. V. (2020) Introducing younger schoolchildren to family values based on the traditions of family education of the peoples of Yenisei Siberia. *Voprosy pedagogiki*, no. 10–2, pp. 189–193. (In Russ.).

Sociological characteristics of the urban population of the Tuvan ASSR (1982) / ed. by V. I. Boiko. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 240 p. (In Russ.).

Subbotin, S. S. (2016) The Tuvan Family and its Functions. Traditions and Innovations. *Oriental Studies*, vol. 9, no. 6, pp. 159–171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171>

Sultanbaeva, K. I. (2016) The experience of researching ethnocultural traditions in a modern Tuvan family. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, *Pedagogicheskie nauki*, no. 4–31, pp. 25–30. (In Russ.).

Tadysheva, N. O. (2021) Modern wedding rituals of the Sayan Altai Turks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorii*, no. 69, pp. 120–125. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/69/18>

Tarbastaeva, I. S. (2010) The Tuvan family: traditions and modernity. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 259–267. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2017) Family and family education among Russian immigrants in Tuva in the first decades of the twentieth century. In: *Scientific notes of TIGI*. Issue XXIV. Kyzyl, Soembo printing. 584 p. Pp. 408–421. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2019) Marriage and divorce rates among the population of Southern Siberia in the middle of the XX – beginning of the XXI century. *Genesis: Historical research*, no. 9, pp. 81–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Troshkina, I. N., Oidup, T. M. and Dilekova, S. D. (2024) Family values of the population of the republics of Southern Siberia in the estimates of the Altaians, Tuvans, Khakass (according to the data of the sociological study of 2022). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 166–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Tul'chinskii, L. I. (1964) Socio-economic analysis of the materials of the 1959 Tuva Population Census. In: *Scientific notes*. Issue XI Kyzyl, TINIIIaLI. 403 p. Pp. 205–222. (In Russ.).

Khovalyg, N. N. (2020) Ethnopedagogic family values in the spiritual and moral education of primary school children. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (84), pp. 175–177. (In Russ.).

Khuren-ool, S. Kh. (2018) Labor education of children in a Tuvan family. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 66–71. (In Russ.).

Frokol, A. S. and Ondar, A.-A. A. (2019) Infantilism of students from single-parent families. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 4, *Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (43), pp. 5–15. (In Russ.).

Shaaly, A. S. (2020) Spiritual and moral education of schoolchildren based on traditional family values of the Tuvan people. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (82), pp. 310–311. (In Russ.).

Submission date: 05.07.2024.

Acceptance date: 22.07.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.17

Статья

«Енисейский меридиан» староверия: методы исследования этноконфессиональной среды

Александр А. Пригарин

Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация,

Алена А. Стороженко

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются результаты камеральных и полевых исследований старообрядчества Тувы и Енисейской Сибири, проведенных в течение 2016–2020 гг. группой исследователей как ведущих научных учреждений, так и региональных научно-образовательных центров России. Систематизированы методологические подходы и методы, апробированные научным коллективом в ходе реализации совместных и индивидуальных грантовых проектов.

Исторический подход позволил оценить истоки, причины и характер временной эволюции изучаемых процессов. Этнологический подход предполагал оценку характера развития этнических параметров старообрядческой культуры, а также меру и характер взаимодействия с внешней (в том числе — автохтонной) средой. Религиоведческий взгляд на проблему регионального старообрядчества помог выявить глубину специфических черт развития конфессионального в жизни и мировоззрении таёжных старообрядцев и их спектра коммуникации. Культурологический взгляд способствовал контекстуальным оценкам общего характера развития культурного пространства исследуемого сообщества и его принципиальные специфические черты. Методы социально-культурной антропологии позволили обобщить разные общественные и культурные параметры изучаемой группы и определить место, характер и роль человека в этой сложной системе.

Инструментом принципиально воспроизводимого традиционализма и групповой конфессиональной консолидации старообрядцев «енисейского меридиана» в ходе изучения определены консерватизм, а также их культурная и бытовая обособленность. Доминанта «поля» стала ведущей исследовательской установкой, что привело к серьезным уточнениям особенностей социальной практики изучаемой этноконфессиональной группы.

Ключевые слова: Енисей; Тува; енисейский меридиан; старообрядчество; скит; этноконфессиональная среда; этнологический подход; социально-культурная антропология; искусствоведческий анализ; визуальность; конфессиональная миграция; книжное собрание; рукописное собрание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01663 <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>

Для цитирования:

Пригарин А. А., Стороженко А. А. «Енисейский меридиан» староверия: методы исследования этноконфессиональной среды // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 259–277. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17>

Пригарин Александр Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, профессор, ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125047, Россия, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, корп. 4, к. 605. Эл. адрес: prigarin.alexand@gmail.com

 Стороженко Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 5, каб. 206. Эл. адрес: alstorozhenko@yandex.ru

“Yenisei Meridian” of the Old Believers: methods of research of the ethno-confessional environment

Aleksandr A. Prigarin

Russian State University for the Humanities, Russian Federation,

Alena A. Storozhenko

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the results of cameral and field studies of Old Believer communities in Tuva and the entire Yenisei Siberia conducted during 2016–2020 by a group of researchers affiliated with leading scientific institutions and regional research and educational centers in Russia. The methodological approaches and methods tested by the research team within the framework of joint and individual grant projects are systematized.

The historical approach facilitated an assessment of the origins, causes, and nature of the temporal evolution of the processes under study. The ethnological approach focused on evaluating the dynamics of ethnic parameters within Old Believer culture, as well as the extent and character of its mutual influence with the external environment, including the autochthonous milieu. A religious studies perspective on the issue of regional Old Believers helped uncover the depth of specific features of confessional development in life and worldview of taiga Old Believers and their spectrum of communication. The cultural studies perspective contributed to contextual assessments of the general trajectory of cultural development in the studied community and its key distinctive characteristics. Methods of socio-cultural anthropology allowed for the synthesis of various social and cultural parameters of the studied group and helped determine the place, role, and significance of individuals within this complex system.

The study identified the principles of traditionalism and group confessional consolidation among the Old Believers of the “Yenisei Meridian” as being rooted in conservatism, along with their cultural and everyday isolation. The dominance of the “field” approach became a leading research principle, resulting in significant clarifications of the social practices of this ethno-confessional group.

Keywords: Yenisei; Tuva; Yenisei Meridian; Old Believers; skete; ethno-confessional environment; ethnological approach; socio-cultural anthropology; art historical analysis; visibility; confessional migration; book collection; manuscript collection

Financing

The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation No. 24-28-01663: <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>

For citation:

Prigarin A. A. and Storozhenko A. A. “Yenisei Meridian” of the Old Believers: methods of research of the ethno-confessional environment. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 259-277. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.17>

PRIGARIN, Alexander Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Leading Researcher, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6 Miusskaya Sq., building 4, room 605, 125047, Moscow, Russia. E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6684-309X

STOROZHENKO, Alena Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University Postal address: 5 Lenina St., office 206, 667000, Kyzyl, Russia. Email: alstorozhenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9986-8966

Памяти Маргариты Петровны Татаринцевой (1939–2022) — коллеги и друга...

Введение

Маргарита Петровна Татаринцева (*фото 1*) в 2016 г. на берегу любимого ею Енисея вместе с нами перебирала грибы, беседуя о местных часовенных. Темой наших диалогов были методологические перспективы полевых материалов, их сопоставимость и верификация. Несколько кокетливо она гордилась своей «архаичностью» и приверженностью «старой этнографической школе». Это выглядело очень полевому — провокация, которая увлекала собеседников на споры о смыслах и методах. При этом выяснялось, что антропологические инновации науки ей очень даже были хорошо знакомы, освоены, пропущены через собственную эмпирику и экспериментальный опыт. Со временем часть этих разговоров была превращена в публикацию (Татаринцева, 2022). Из тех же диалогов родилась и идея этой статьи, которую мы посвящаем памяти Чудесного Человека, Кропотливого Ученого и Сердечного Друга...

«Старообрядоведение», или изучение различных аспектов прошлого опыта и культурно-бытовых, лингвистических, социальных и прочих особенностей ревнителers «древлего благочестия», т. е. старообрядцев, чуть ли не впервые в своей трехсотлетней с половиной истории переживает своеобразный «историографический бум». Из проблемно-тематического направления изучение староверов, охватывающее многоуровневый состав библиографии (от краеведческих и региональных очерков до многотомных изданий, словарей, энциклопедий), стремительно переросло в настоящий трансдисциплинарный дискурс. Сложность самого историко-культурного явления, его широкие эвристические и гносеологические возможности породили целый корпус исследований, которые формально объединяются предметом внимания намного более, чем схожестью инструментария познания.

Будучи включенными в эти процессы, ученые редко позволяют себе рефлексировать о методах своих собственных научных открытий, получения находок и механизмах формулирования, обоснования собственных гипотез / концепций. Нередко это носит либо формально-бюрократический (например, для написания диссертаций подобный раздел элементарно требуется), либо прагматично-заумный характер (так выглядят соответствующие тексты в проектах/грантах). Благодаря широте

Фото 1. М. П. Татаринцева, кандидат филологических наук, сотрудник ТНИИЯЛИ¹, 1980-е годы, г. Кызыл.

Из личного архива М. П. Татаринцевой².

Photo 1. M. P. Tatarintseva, Candidate of Philological Sciences, employee of TNIIYALI, 1980s, Kyzyl.

From the personal archive of M. P. Tatarintseva.

¹ ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

² Фотографии из семейного архива предоставлены М. Б. Татаринцевым, дано согласие на их использование в публикации.

собственного исследовательского горизонта, наряду с умением точно понимать текущую ситуацию, именно исследовательница из Тувы М. П. Татаринцева предприняла первый опыт осмысления некоторых итогов полевых и камеральных исследований «заповедника старой веры» енисейского региона (Татаринцева, 2022). Так вышло, что это была ее последняя прижизненная статья, но исследовательница не стремилась подводить итогов, не ставила точку, планов и идей было много. К величайшему сожалению, Маргарита Петровна преждевременно ушла из жизни 7 августа 2022 г. Многие из сделанного ею — результат вдохновения, помноженного на работоспособность и колоссальный опыт безошибочно ставить интересные исследовательские задачи, видеть перспективы.

В этой связи в качестве основной цели настоящей статьи представляется продуктивным предложить осмысление методологических принципов и ландшафтов, а также методической основы одной эклектичной исследовательской группы, вдохновителем и опорой которой была и М. П. Татаринцева. Она сложилась спонтанно из представителей не только разных научных дисциплин, но и городов/стран, но костяк составили А. А. Стороженко, А. А. Пригарин, А. В. Костров, Е. В. Быкова, Д. С. Рыговский. Период активной работы — 2016–2020 гг. К сожалению, этот творческий коллектив частично распался, «пересобрался», но, как оказалось, наработанные принципы и методы работы продолжают использоваться практически каждым, вне зависимости от личностных отношений.

Все члены вновь образованного научного коллектива (для большинства Тува до 2016 г. была просто местом на карте, своеобразным «концом географии») «прошли через руки» М. П. Татаринцевой, пылкий взгляд опытного полевого коснулся каждого и получил напутствие: «Ну, что ж, неплохо, давайте попробуем». Долгие разговоры о предмете предстоящих исследований, порой споры, помогли определить столь трудно иногда дающуюся общую канву.

Личность и поле

Сложившись в свое время как литературный критик (Татаринцева, 1983) М. П. Татаринцева сумела стать первым автоэтнографом русской народной традиции в Туве¹, собрать, обработать и опубликовать сотни загадок, сказок, частушек. Задачи изучать тувинских староверов изначально не было, все сложилось исподволь — «поле повело»... Молодая женщина, зачастую путешествующая авто-стопом по деревням, с магнитофоном через плечо, иногда в брюках и футболке, сумела пробиться к сердцам суровых на вид последователей старой веры, началось систематическое изучение особенностей бытования фольклора в старообрядческой среде (Татаринцева, 2006, 2017b, 2019ab). Ее полевой опыт особенно пригодился при подготовке экспедиций под руководством А. А. Стороженко в 2018 г. на Нижний Енисей, в самое сердце конфессионального центра часовенных (*фото 2*).

Избитый, в сущности, но верный оборот — «заложила основу» в полной мере относится к главному труду всей жизни исследовательницы — «Старообрядцы в Туве» (Татаринцева, 2006) еще при жизни автора ставшем бестселлером (*фото 3*). К моменту выхода монографии в свет М. П. Татаринцева считала свой вклад завершенным, все время тянулась к материалам не только про староверов (Татаринцева, 2009, 2011, 2014, 2020). Критически относясь к себе, к своим результатам, Маргарита Петровна была подчеркнуто уважительна к коллегам, внимательна к их сомнениям и терпелива в любом академическом споре.

Оставаясь, по сути, малопонятным явлением, старообрядчество оказалось рассмотрено автором не просто как часть истории Тувы, но как социокультурное явление «в контексте всех исторических перипетий» (Татаринцева, 2006: 11). Основным инструментом сохранения образа жизни, материальной и духовной культуры староверов, в их тесной связи с религиозным мировоззрением, был справедливо определен «консерватизм», позволяющий «...сохранять, канонизировать не только религиозную старину, но и бытовую» (там же: 83).

---

¹ Русские народные песни в Туве / сост., подг. текстов и примеч. М. П. Татаринцева. Кызыл: Новости Тувы, 1993; Сказки, песни, загадки: русский фольклор в Туве / отв. ред. Е. А. Куклина; примеч. М. П. Татаринцева; подгот. текста М. П. Татаринцева. Кызыл: Новости Тувы, 1995; Русские частушки в Туве / сост. М. П. Татаринцева; отв. ред. С. М. Орус-оол. Кызыл: Аныяк, 2009; Мудрое слово. Русский фольклор в Туве / сост. М. П. Татаринцева. Кызыл: Журналист, 2012.

Фото 2. М. П. Татаринцева, кандидат филологических наук, сотрудник ТНИИЯЛИ, 1980-е годы, г. Кызыл.

Из личного архива М. П. Татаринцевой.

Photo 2. M. P. Tatarintseva, Candidate of Philological Sciences, employee of TNIYALI, 1980s, Kyzyl.

From the personal archive of M. P. Tatarintseva.

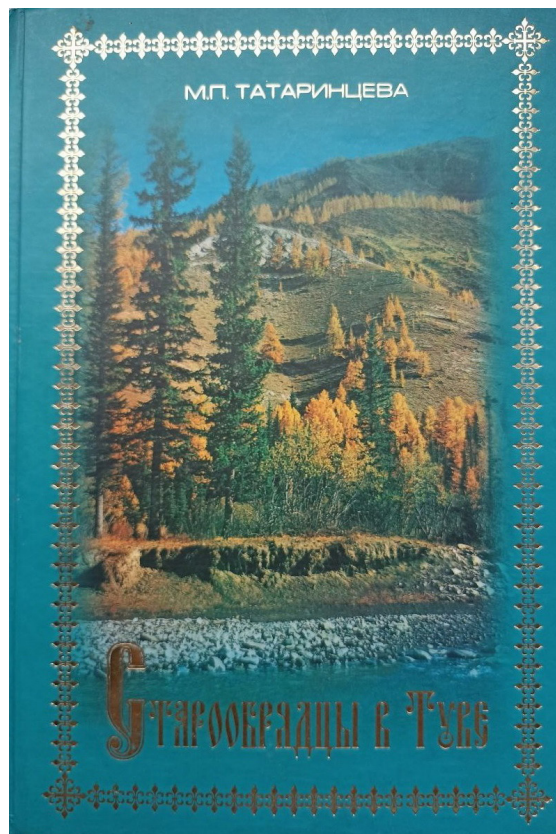

Фото 3. Обложка издания:

Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006.

Photo 3. Cover of the publication: Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva. Historical and ethnographic essay.

Novosibirsk: Nauka, 2006.

Важнейшим выводом, определившим вектор дальнейших изысканий не только самой М. П. Татаринцевой, но и других исследователей, стало установление причин групповой конфессиональной консолидации староверов как локального социума в «иноэтническом, иноверческом и инокультурном окружении» посредством глубокой жизненной обособленности (там же: 8; см. также: Стороженко, 2021).

В качестве общей методологической платформы предполагалось комплексное использование основных гносеологических стратегий таких наук как история, археология, этнология, религиоведение, культурология, искусствоведение и социально-культурная антропология. В ходе архивных изысканий, экспедиционных выездов, а также аналитического освоения собранного материала, использовались такие методы как историко-генетический, проблемно-хронологический, ретроспекции, классификации, компаративный, системно-функциональный, коммуникационный, внешнего и включённого наблюдения, интервью, метод построения теоретических моделей и другие исследовательские практики. С одной стороны, группа сознательно «шла за полем» (случай подскажет), но, с другой — каждый и, прежде всего, сама Маргарита Петровна (Татаринцева, 2012, 2013, 2015, 2016; Татаринцева, Моллеров, 2016; Татаринцева, Стороженко, 2015), имел определенный опыт «выстраивания» фактов в зависимости от дисциплинарных и биографических предпочтений (фото 4).

Фото 4. Члены исследовательской группы, август 2016 г., Каа-Хемский район Республики Тыва. Слева направо: П. П. Алексеев, Латвия, г. Рига, А. А. Пригарин, доктор исторических наук, Одесский национальный университет, А. В. Костров, доктор исторических наук, Иркутский госуниверситет, М. А. Чернов, Музей истории и культуры старообрядчества г. Москва, А. А. Стороженко, кандидат исторических наук, Тувинский госуниверситет, М. П. Татаринцева, кандидат филологических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований г. Кызыл, Е. В. Быкова, кандидат искусствоведения, Вятский госуниверситет. Фото из личного архива П. П. Алексеева.
 Photo 4. Members of the research group, August 2016, Kaa-Khem district of the Republic of Tuva. From left to right: P. P. Alekseev, Latvia, Riga, A. A. Prigarin, Doctor of Historical Sciences, Odessa National University, A. V. Kostrov, Doctor of Historical Sciences, Irkutsk State University, M. A. Chernov, Museum of History and Culture of the Old Believers, Moscow, A. A. Storozhenko, Candidate of Historical Sciences, Tuvan State University, M. P. Tatarintseva, Candidate of Philological Sciences, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, E. V. Bykova, Candidate of Art History, Vyatka State University. Photo from the personal archive of P. P. Alekseev.

Так, например, случилось с «открытием лубка» как современного жанра староверов и оригинального источника для изучения их мировоззрения. Представляется вполне закономерным, что эти материалы «поле» предоставило как находку историку А. В. Кострову и искусствоведу Е. В. Быковой (Быкова, Костров, 2018ab, 2019). Этот тандем сумел разглядеть эвристический потенциал сразу в двух вышеуказанных перспективах. Вместе с тем концептуализация лубка как источника привела к изменению общей программы исследований: бытование данного источника, а также функционирование образов из него в религиозном сознании (Быкова, Пригарин 2019ab; Быкова, Пригарин, 2021).

Эксплуатация эстетически-этических воззрений часовенных за счет включенности в компаративные аналогии позволили прийти к ряду инновационных результатов (Быкова, 2021; Пространство смыслов, 2020). В частности, фокус исследовательской позиции некоторым образом сместился ко всему визуальному ряду, сопровождающему старовера-часовенного в приватной и религиозной практиках, а также поиске взаимных аналогий между образом и текстом (для чего использовались, как интервью, так и выявлялись «тетрадки»). С позиций исторического источника этот же жанр так же про-

должил свое осмысление. Так, например, его привлекали историки для характеристик мировоззрения и историософии часовенных (Костров, 2018abc). Отдельно стоит отметить опыт привлечения А. В. Костровым и Т. Б. Моррис подобного материала для отображения в нем непосредственного исторического опыта группы, где «разгром 1951 г. скитов на Енисее» занимает особое место (Костров, Моррис, 2019). Общеисторический контекст создания и бытования «настенного листка» был предложен в монографическом издании А. В. Кострова (Костров, 2021). Наряду с этим, А. В. Костровым и А. А. Пригариним продолжена была эксплуатация более традиционного, почти документального источника — фотоматериала (Kostrov, Prigarin, 2016; Костров, Пригарин, 2018; Пригарин, 2023).

Соответственно, в качестве основных подходов использовался комплекс специфических углов зрения на исследуемый феномен, получивших развитие в обозначенных системах научного знания. Такая заданная междисциплинарность ярче всего прослеживается в полевом и камеральном исследовании современных социальных практик староверов, выявлении влияния религиозных взглядов на их повседневность (Рыговский, 2019ac). Совсем еще недавний общий для всех ревнителers «древлего благочестия» обычай «держат посуду», в группе часовенных оказался не просто актуальным, но и получил выразительные формы (Рыговский, 2018bc). Подобная исследовательская характеристика концепта «чистоты» была интерполирована Д. С. Рыговским на социальные структуры, дифференцирующие функции конфессионального сообщества (Рыговский, 2018a, 2019b). Аналогично, М. П. Татаринцевой, А. А. Пригарину и Д. С. Рыговскому удалось проанализировать инновационный опыт в традиционалистических общинах, рефлексии на них, способы «освоения» и «потребления» (Татаринцева, 2018; Пригарин, 2018, 2021ab).

В рамках изучения степени сохранения и характера развития традиционной церковной и народной культуры старообрядческих сообществ «енисейского меридиана» использовались исторический, социологический, археографический, искусствоведческий и культурно-антропологический подходы. Подобная комплексность была обусловлена самим характером изучаемого феномена, который проявлял и проявляет синтетическую общность в различных корпоративно-дисциплинарных перспективах. Так, например, история общин представляет собой сложное взаимодействие прошлых биографий ряда родов, включенных одновременно и в другие общины (иными словами: история понимаема лишь через антропологию). Или, понимание состава книжного и рукописного собрания невозможно без исследования состояния кириллической грамотности (археография невозможна без качественной социологии). Осознание этого предполагало привлечение широкого спектра общенаучных и специальных методов исследования, которые применялись в рамках полевых, камеральных и интерпретационных практик.

Конкретизация этих общих принципов в реализации исторических реконструкций позволила А. А. Стороженко уточнить общий опыт этноконфессиональной группы и его проекцию на различные ее структурные составляющие. В частности, на миграции, состав и маршруты староверов (Стороженко, 2015, 2019ab). Отдельным продуктивным сюжетом таких трансдисциплинарных исследований стало установление конкретно-исторических обстоятельств жизнедеятельности и характеристика социокультурных функций скитских сообществ внутри часовенного согласия (Стороженко, Татаринцева, 2016, 2019; Стороженко, 2019bc). В какой-то степени это была экстраполяция методологического опыта томских коллег (Дутчак, 2019, 2021). При этом общие тенденции были вписаны в конкретно-исторические контексты бытования скитов на Енисее.

Еще одним важным теоретическим достижением исследовательской группы является понимание старообрядческих миграций как перманентного процесса. Хрестоматийным положением является обращение к переселению ревнителers «древлего благочестия» как к результату, ретроспективному объяснению факторов, когда и откуда в конкретном регионе появляются старообрядцы. Сам характер явления, каким являются староверы Енисейского меридиана, не позволил такой простой схемы объяснения. Прошлое оказалось настолько спрессованным с настоящим, что механическая отсылка к «Уралу» ничего не объясняла. Осознавая это, мы исходили из принципа перспективного анализа миграционных настроений и потенциала староверческого ресурса в этой связи. Именно такой подход оказался эффективным не только для объяснения современного положения, но и проявил новые горизонты в объяснении фактов прошлых переселений и, даже, в некоторой степени — будущих. Отказавшись от концепта «перенесение староверческой традиции на новые территории», мы обосновали концепт «воспроизводства/конструирования традиции» (Пригарин, Стороженко, 2022). Это позволило рассматривать формирование группы жителей через процессуальность, типичность, мобиль-

ность и т. д. Как часто бывает в этнологии, конкретный случай выступает в историко-антропологической перспективе важным узлом для типологических обобщений, неоднократно проверяясь, проходя соответствие на адекватность с подобными кейсами (Любимова, Стороженко, 2021).

В силу этого был сформирован и апробирован инструментальный корпус исследовательской группы, состоящий из нескольких уровней приемов: методики экспедиционных и археографических фиксаций и атрибуций; методы критики источников (внешней и внутренней), раскрытия эвристического потенциала; а также — методология познавательных рефлексий. Безусловно, что они тесно взаимосвязаны между собой: выработка концептуальных подходов определяла полевые стратегии, а те, в свою очередь, коррелировали теоретические предположения, одновременно, в оба вектора вписывались полученные эмпирические источниковедческие результаты. В итоге, созданный и примененный набор познавательных процедур способствовал эффективному и адекватному достижению артикулированной цели группы.

Принципы и приемы проведения экспедиционных работ в целом укладываются в хрестоматийный мировой опыт использования полевого метода в этнологии, социологии, археографии. Они были направлены на выявление и актуализацию оригинального источниковедческого материала. Наиболее продуктивными оказались: наблюдения (профессиональные, житейские и включенные); опросы населения (пилотные, тематические и биографические интервью); эксперименты (непосредственное участие ученых в отдельных хозяйственных, бытовых и религиозных операциях); фиксации (фото и аудио, аннотированные записи различных артефактов). Каждый из них имел свою специфику: например, табуирование фотографий в скитах привело к созданию чертежей и рисунков; нередкие запреты на аудиозаписи разговоров — к стенографированию. Использование опроса и интервьюирования позволило выяснить характер социальной и институциональной (семья, община, согласие-церковь) структуры местного старообрядчества, мировоззренческие установки его представителей на традиционализм и отношение к эволюционизму.

Инвазивное наблюдение (изучение представителя культуры через приглашение его в свое пространство) и включенное наблюдение (предполагающее проживание в семьях старообрядцев таежных деревень и, главное — среди монахов и послушников таежных монастырей-скитов) позволили выяснить ключевые вопросы, касающиеся характера сохранения и развития традиционной культуры в быту и мировоззрении современных староверов «енисейского меридиана». Созданный корпус оригинальных материалов, которые легли в основу источниковой базы, на сегодняшний момент использован лишь по минимуму.

Обратим внимание, что интерес к историко-этнографическим описаниям староверов Енисея включал как результаты полевой фиксации условной «традиции» (Татаринцева, 2019b), так и ее устойчивости на современном этапе, трансляции актуальными институциональными формами, в условиях модернизации и урбанизации (Татаринцева, 2017a). Такой методологический ракурс позволил проследить инновации даже в консервативных и устойчивых комплексах (Данилко, 2019).

Конечно же, жанровая и типологическая характеристики источников обусловили методы работы с ними. Большинство из выявленных материалов проходило внешнюю критику уже в ходе полевых работ. Камеральная обработка позволяла более точно атрибутировать полученные данные путем поиска аналогий (например, нередко рукописные тексты требовали не только указаний от их хозяев, но и существенных сравнений, чтобы более полно найти их место в книжной культуре). Инструментарий фиксации визуальных и книжных собраний вполне четко укладывается в рамки хрестоматийных археографических приемов. Сравнения и сопоставления, нарративный анализ, контент-анализ, семиотика — методы препарирования материалов интервью, а также отдельных текстов рукописной традиции. Археографическое изучение такой несущей конструкции старообрядческой культуры как книжность позволило не только выяснить состав индивидуальных, семейных, общинных и, что очень важно, скитских библиотек, но и выявить систему литературных связей, специфику бытования традиционной книги, а также феноменологию развития современной письменной и новопечатной книги (Бураева, 2018).

Искусствоведческий анализ визуального мира современных старообрядцев Енисея с фокусом внимания на активно бытующие объекты традиционной культуры (икона, книжная иллюстрация, лубок и др.) позволил подойти к пониманию отражения характера их культуры. Следует признать, что камеральная обработка ряда материалов еще находится на начальном этапе: многие из документов

будут сохраняться в архивах кафедры Отечественной истории Тувинского государственного университета, Иркутского государственного университета, Вятского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета и ждать своей публикации, сопровождаемой комментариями. Экспедиция оказалась крайне богатой на находки — от оригинальных версий духовных стихов до множества эпистолярных, эго-источников, а также полемических сочинений последнего столетия.

Ярким примером является биография наставника А. Г. Мурачева (Быкова, Пригарин, Стороженко, 2018), рукописи которого буквально «преследовали» нас в экспедиционных работах: от небольших текстов в тетрадках и письмах в таёжных избышках до целых библиотек в местах его долгого проживания. В одном из поселков наставник, узнав наш интерес к творчеству этого богослова, предоставил нам возможность познакомиться с оригинальным сборником работ А. Г. Мурачева, который собрал один из его приверженцев. В другом поселке, бывший сосед этого замечательного теолога, позволил осмотреть его библиотеку, где особое место занимали эсхатологические сочинения, выписки из Апокалипсиса, собственная «Периодическая система признаков Антихриста». Многие из этих полевых материалов еще ожидают своего времени для введения в научный оборот.

Еще одной важной археографической находкой стоит считать небольшие тетрадки «матушки Македонии». Она является ярким примером «книжницы» XX в. (Быкова, Пригарин, 2020). Самостоятельно выбирала, составляла и переписывала в небольшие самодельные блокноты тексты религиозно-просветительского содержания, сопровождая их поучительными картинками собственного изготовления¹.

Поля в интерпретационных перспективах

В интерпретационных рефлексиях группы исследователей также наблюдается определенный синтез нескольких методологических ландшафтов. Эффективно применялись: метод пережитков в рамках эволюционных схем; типологический, историко-сравнительный, структурно-функциональный и компонентный варианты анализа. Общей позицией в теоретической перспективе был культурный релятивизм, понимаемый как единственная перспектива толкования старообрядческой версии многообразия современных человеческих практик. Эта специфическая версия мировоззрения и соответствующей деятельности, несмотря на общие компаративные параметры, понимаемая исходя из самой себя (*фото 5*).

Так, использование сравнительно-исторического анализа (в вариантах: генетического, диалектического, диффузионного, ретроспективного) позволило адекватно реконструировать процесс формирования старообрядческого лица енисейской тайги в контексте культурного ландшафта региона. Типологические исследования привели к результативному картографированию старообрядцев в их многообразии, с уточнением исторических и современных мест расселения староверов разных согласий. Структурно-функциональный и компонентный варианты анализа оказались очень продуктивными в понимании и толковании отдельных комплексов частного и публичного быта староверов, раскрытии конкретных свойств воспроизводства традиции, социальных и религиозных отношений между различными акторами старообрядческой повседневности. Семиотические изыскания активно сопровождали искусствоведческие, археографические и этнологические реконструкции, проведенные в рамках проекта.

Традиционный исследовательский инструментарий связан со строгим делением старообрядцев на отдельные согласия. Так, в своей классической работе академик Н. Н. Покровский делает замечания о «пестротности» и «многоликости» раскола, однако объясняет его, в основном, социально-экономическими причинами: «Пестрота зависела в первую очередь от различий в социальном составе, от степени догматического и организационного окостеневания старообрядческих согласий, общин и групп внутри них <...> применительно к Сибири встает вопрос о взаимоотношении между богатыми торгово-промышленными центрами старообрядчества <...> и массой крестьянских старообрядческих общин, разбросанных на огромных просторах востока страны» (Покровский, 1974: 7). Такой подход создаёт ощущение того, что границы старообрядческих групп укладываются в рамки определённых

¹ Матушка Македония. Цветник духовный для отроков / авт.-сост. Е. В. Быкова, А. А. Пригарин. Киров: Кировская областная типография, 2020.

Фото 5. А. А. Пригарин, доктор исторических наук, Одесский национальный университет, А. А. Стороженко, кандидат исторических наук, Тувинский госуниверситет, Е. В. Быкова, кандидат искусствоведения, Вятский госуниверситет. Экспедиция 2019 года, Енисейский район, Красноярский край. Фото Е. В. Нельзиной.

Photo 5. A. A. Prigarin, Doctor of Historical Sciences, Odessa National University, A. A. Storozhenko, Candidate of Historical Sciences, Tuvan State University, E. V. Bykova, Candidate of Art History, Vyatka State University. Expedition 2019, Yenisei district, Krasnoyarskiy Krai. Photo by E. V. Nelzin.

вероучений. В дальнейшем эта же логика приводит археографические школы к формированию принципа, помещающего в центр внимания учёного письменный текст, которому предписывается определять мировоззренческие и конфессиональные особенности согласия. В этой связи становится актуальным дискурс о «самосохранении» старообрядческих сообществ. Помимо письменного текста, считается, что большое значение имеют и названия религиозных сообществ (т. н. конфессионимы), т. к. кажется, что они отражают нечто фундаментальное. Однако названия групп — если мы обращаемся к конкретным сообществам, а не к абстрактному согласию — возникают в результате интеракции с другими, референтными, то есть, значимыми группами.

В этой перспективе мы сместили акценты внимания от априорных (книжно-конфессиональных символов) в сторону реальной (фактической) человеческой практики. Это позволило обосновать теоретическую установку, что конфессиональная идентичность и границы между религиозными сообществами конструируются за счёт формирования определённых чувств, а в случае со старообрядцами речь идёт, прежде всего, об эсхатологических переживаниях. Эсхатология самым тесным образом касается способов семиотизации окружающей действительности и «вчитывания» в ней знаков, свидетельствующих о приближении конца света. Сейчас среди часовенных эти настроения проживаются, в основном, дискурсивно: это вещь, о которой довольно много говорят. Поэтому именно дискурсивные практики стали предметом нашего пристального внимания. Было важно, что именно и как наделяется значимыми смыслами в этих разговорах. Основой семантизации являются т. н. «материальные формы», под которыми подразумеваются как «бытовые» предметы, так и элементы обрядов, микропрактики. Это они постоянно обсуждаются, по поводу этих «мелочей» всё время происходит полемика, они влияют как на внутреннюю структуру сообщества, так и на отношения с другими старообрядческими сообществами.

Подобная конфессиональная ангажированность ранних текстов хорошо известна благодаря новосибирским коллегам (Старухин, 2016). Их чести принадлежит и открытие актуального староверческого письма на Енисее и роли этих текстов для социальных практик и идентичности (Зольникова, 2016ab). Продолжая эти разработки, мы обратили внимание на общие компаративные черты «внешнего письма». Так, например, удалось показать, что гиперболическая экзотизация, характерная для этнографических работ XIX — начала XX вв. в целом, как прием в описании староверов была характерна и для дореволюционных работ (Рыговский, 2021), и для советского времени (Татаринцева, 2021). В ходе экспедиционных исследований выявлены рукописи другой позиции — «медитативной». Этот памятник начала XXI в. «Заповедная вера. Книга жития и страданий сымских старообрядцев» родился из академического экзогенного интереса одного филолога Н. Г. Сидоркиной, которая в результате приняла «титовское согласие» староверия и всю оставшуюся жизнь провела в среде своего изучения. Показательно, что свои тексты она показывала «старшим» и они внесли свои редакторские правки. В результате, имеем «родословие» целого конфессионального направления, написанное автором одновременно погруженным и в науку, и в среду староверов (Пригарин, Стороженко, Татаринцева, 2020).

Неизменный двигатель исследовательских практик — это осознание, что «...настоящее стремительно становится прошлым, столь же быстро меняется к нему отношение, происходит переосмысление истории, порой не вполне объективное» (Татаринцева, Моллеров, 2016: 220). И в этом смысле вся научная деятельность таких ученых как М. П. Татаринцева лучшее тому подтверждение.

Заключение

Понимание того, что старообрядчество не просто феномен отечественной истории и культуры, с одной стороны, характеризующийся принципиальным традиционализмом, с другой же — сохранившийся до наших пор благодаря трезвому рационализму, умению использовать всякого рода новации, чтобы предотвратить угасание старой веры, обустроить свою жизнь — религиозную и бытовую — в соответствии со своим мировоззрением (Татаринцева, 2018: 180), стало стержнем всей исследовательской стратегии.

Подобная комплексность и методологический синтез при изучении темы являются инновационными и дают совершенно оригинальные результаты. Если до сего момента старообрядчество Енисея в основном рассматривалось только с точки зрения археографии или фольклористики, то теперь появилась возможность отразить объемную картину этого многомерного и сложного явления, развивающегося во времени и пространстве.

Как экспедиционные выезды, так и кабинетные рассуждения продемонстрировали несколько важных векторов осмысления феномена старообрядчества:

— внешняя мобильность и внутренняя этноконфессиональная устойчивость носителей староверческих вариантов культуры предопределила важность и актуальность современных фиксаций ее состояний как процессуального среза пространственно-временной вариативности;

— сознательное воспроизводство традиционалистических взглядов и практик в условиях модернизации/глобализации обозначила оригинальность междисциплинарного набора методов и приемов,

в основе которых находятся принципы гуманистического осознания и гуманитарного познания, лишённые аксиологических характеристик;

— полученные эмпирические данные, отражающие существенную ретроспективную глубину, позволяют проводить интерпретации исходя из логики и параметров самой изучаемой традиции в компаративном сопоставлении с аналогиями из других религиозных сообществ ревнителей «древлего благочестия».

Исследовательские характеристики староверов-часовенных «енисейского меридиана» предоставляют широкие гносеологические возможности, что убедительно доказала и раскрыла М. П. Татаринцева. Восприняв ее уроки и отталкиваясь от ее бесценного опыта, группа ученых развивает доминанту «поля» как источника и инструмента познавательных процедур. Эффективность и оригинальность ее подхода стала важным вектором поиска, находок и введения в научный оборот новых источников и материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бураева, С. В. (2018) Старообрядческая книжная традиция Енисея: возможности и проблемы компаративного анализа // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. № 4 (8). С. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2018-4-8-29-38>

Быкова, Е. В. (2021) «Внутреннее состояние сердца человеческого при жизни праведной и греховной»: рукописная книга и современный лубок староверов-часовенных на Енисее // Традиционная культура. Т. 22. № 2. С. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.2.012>

Быкова, Е. В., Костров, А. В. (2018а) Старообрядческий лубок как визуальный источник в изучении костюма старообрядцев-часовенных Енисея // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: мат-лы XXI Международ. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашникова. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 736 с. С. 529–533.

Быкова, Е. В., Костров, А. В. (2018b) «Широкий путь» в сознании старообрядцев Енисея: современная народная картинка о процессах глобализации // Традиционная культура. № 2(20). С. 53–63.

Быкова, Е. В., Костров, А. В. (2019) Старообрядческий лубок «Две дороги — два пути»: комментированное прочтение визуального образа. Киров : Киров. обл. типография. 192 с.

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А. (2019а) Визуальный образ черногорца в староверческих рукописях на Енисее // Этнос и конфессия: мат-лы междунар. XVIII этнографических чтений / отв. ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. Санкт-Петербург : ИПЦ СПбГУДТ. 260 с. С. 33–38.

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А. (2019b) Мир визуальных образов старообрядцев Тувы: от иконы и лубочной картинки до фотографии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.6>

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А. (2020) Судьба книжницы-старовера в контексте биографических реконструкций: (со)знание часовенных Енисея и документальные поиски // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения. Сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. В. Н. Захаров. М. : Институт российской истории РАН. 572 с. С. 314–327.

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А. (2021) Антропология визуальности: потенциал полевого изучения // Второй российский эстетический конгресс. Тезисы докладов участников / ред.-сост. Т. А. Круглова, А. Е. Радеев. Екатеринбург : Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет». 655 с. С. 98-100.

Быкова, Е. В., Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2018) Светильник XX столетия, наставник и учитель слову Божию: памяти Мурачева Афанасия Герасимовича (24 октября 1921 г. — 12 сентября 2008 г.) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. З. Ю. Доржу и др. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 146–151.

Данилко, Е. С. (2019) Смерть ближе рубашки: похоронная обрядность старообрядцев-часовенных // Новые исследования Тувы. № 1. С. 44–59. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.4>

Дутчак, Е. Е. (2019) Сибирские старообрядческие скиты и их паства на рубеже 1920–1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>

Дутчак, Е. Е. (2021) Скитская экономика в культурном ландшафте таежной Сибири: дар, милостыня, товар // Новые исследования Тувы. № 3. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8>

Зольникова, Н. Д. (2016a) Эсхатологические споры часовенных в последней трети XX в. как инструмент самоидентификации // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 23. № 3. С. 85–89. DOI: <https://doi.org/10.15372/HSS20160315>

Зольникова, Н. Д. (2016b) Этические нормы в жизни сибирских староверов второй половины XX в. как фактор самоидентификации // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск : Наука. 288 с. С. 196–202.

Костров, А. В. (2018a) Историзм в современном настенном листе старообрядцев часовенного согласия // REOSIANAG. № 17. August. Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. С. 227–260. DOI: <https://doi.org/10.24958/rh.2018.17.227>

Костров, А. В. (2018b) Общее и специфичное в истории и современности локальных групп старообрядцев Восточной Сибири // Старообрядчество: история, культура, современность: мат-лы XII Междунар. конф. / отв. ред. В. И. Осипов. Вып. 16. М. : Музей истории и культуры старообрядчества. 225 с. С. 73–79.

Костров, А. В. (2018c) «Окно в мир»: современный настенный лист старообрядцев часовенного согласия как отражение их мировоззрения // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. З. Ю. Доржу и др. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 156–162.

Костров, А. В. (2021) Феномен культуры современных старообрядцев-часовенных Енисейской Сибири. Красноярск : ООО «Типография КАСС». 422 с.

Костров, А. В., Моррис, Т. Б. (2019) Визуально-текстовая агиография в настенных листах современных старообрядцев часовенного согласия // Новые исследования Тувы. № 1. С. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>

Костров, А. В., Пригарин, А. А. (2018) Фотоматериалы как источник для кросскультурного исследования территориальных групп старообрядцев (Бессарабия, Бурятия, Тува) // Традиционная культура. Т. 19. № 2. С. 38–52.

Любимова, Г. В., Стороженко, А. А. (2021) Траектория жизненного пути в этнокультурном ландшафте енисейских старообрядцев (материалы к биографии К. И. Юрковой) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 75–89. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6>

Покровский, Н. Н. (1974) Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука. 394 с.

Пригарин, А. А. (2018) Старообрядчество в процессах переходов: инновации как способ выживания и осмысления // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. З. Ю. Доржу и др. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 167–172.

Пригарин, А. А. (2021a) Глокализация в старообрядческой среде: модели и субъекты современной модернизации традиционалистских общностей Тувы и Буджака // Новые исследования Тувы. № 3. С. 210–231. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.16>

Пригарин, А. А. (2021b) Этноконфессиональность перед вызовами глобализации: традиционалистские сети и новейшие коммуникации // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. М. Нам. М. ; Томск : Издательство Томского государственного университета. 830 с. С. 325.

Пригарин, А. А., Стороженко, А. А. (2022) Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 54–76. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4>

Пригарин, А. А., Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2020) Актуальное конфессиональное письмо: между историографией и биографией (предварительные замечания к рукописи «Заповедная вера. Книга жития и страдания сымских старообрядцев») // Новые исследования Тувы. № 4. С. 180–200. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.13>

Пригарин, А. А. (2023) «Семейный фотоальбом» одного сибирского старовера: методы био(фото)графии // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы 11-й Международной научной конференции (Барнаул, 26–28 октября 2023 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории и культуры народов» Вып. 11 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул : АлтГПУ. 421 с. С. 397–410.

Пространство смыслов: современный старообрядческий лубок на Енисее (2020) : каталог выставки / авт.-сост. Е. В. Быкова, А. А. Пригарин. Киров : ООО «Кировская областная типография. 72 с.

Рыговский, Д. С. (2018a) Механизмы различения в среде сибирских староверов // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: труды IV Междунар. науч. конф. / сост. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М. : Изд-во Московск. ун-та. 783 с. С. 728–737.

Рыговский, Д. С. (2018b) «Правило чашки»: гостеприимство старообрядцев в антропологической перспективе // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. З. Ю. Доржу и др. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 172–177.

Рыговский, Д. С. (2018с) «Чистое», «мирское» и «поганое»: старообрядческая концептуализация ритуальной чистоты // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия / отв. ред. О. В. Белова. М. : б. и. 296 с. С. 167–186. DOI: <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2018.12>

Рыговский, Д. С. (2019a) Влияние религиозных практик на социальную структуру енисейских староверов // Антропологический форум. № 41. С. 11–35. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-41-11-35>

Рыговский, Д. С. (2019b) Енисейские и шорские староверы: сложная структура «простого» сообщества // Новые исследования Тувы. № 1. С. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.5>

Рыговский, Д. С. (2019с) Техника и ее репрезентация как источник религиозного опыта в енисейском старообрядчестве // Государство и религия. Церковь в России и за рубежом. № 4(37). С. 19–44. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-19-44>

Рыговский, Д. С. (2021) Экзотизация как познание: усинские старообрядцы и оптики дореволюционных этнографических описаний религиозных сообществ // Новые исследования Тувы. № 3. С. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

Старухин, Н. А. (2016) «Воззвание к старообрядцам часовенным» — полемический памятник сибирских староверов — «австрийцев» // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 23. № 3. С. 53–57. DOI: <https://doi.org/10.15372/HSS20160309>

Стороженко, А. А. (2015) Конфессиональные миграции старообрядцев как канал межкультурного взаимодействия в Центральной Азии в XIX — начале XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч. практ. конф. / отв. ред. С. В. Васильева. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та. 392 с. С. 130–136.

Стороженко, А. А. (2019a) История старообрядческой белокрыницкой общины в Туве во второй половине XIX — начале XX в. // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. / ред. коллегия: З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 222 с. С. 165–169.

Стороженко, А. А. (2019b) С Волги на Енисей в XIX веке: история одного удачного переселения старообрядческого клана // Книжность и старообрядчество Костромского края и сопредельных территорий: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. С. Белянкин. М. : Археодоксия. Т. 2. 160 с. С. 132–139.

Стороженко, А. А. (2019с) Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Стороженко, А. А. (2021) «Аршин впереди, а штык позади»: особенности складывания этнокультурного ландшафта Тувы в XIX — начале XX в. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 49–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.4>

Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2016) Верхнеенисейские старообрядческие скиты в Туве: историческая реконструкция // Научные труды Тувинского государственного университета: мат-лы ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвящ. 65-летию юбилею высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Изд-во Тув. гос. ун-та. 228 с. С. 95–96.

Стороженко, А. А., Татаринцева, М. П. (2019) Прекрасная пустыня, прими меня в свою частыню! Старообрядческие скиты в верховье Енисея // Традиционная культура. Т. 20. № 2. С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007>

Татаринцева, М. П. (1983) Развитие литературно-критической мысли в Туве. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 135 с.

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Татаринцева, М. П. (2009) Писатель и краевед // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 334–340.

Татаринцева, М. П. (2011) Об издании литературного наследия И. Г. Сафьянова // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 62–71.

Татаринцева, М. П. (2012) Социокультурная адаптация русских переселенцев в Туве в конце XIX — начале XX века // Ученые записки ТИГИ. Вып. 23. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 584 с. С. 408–421.

Татаринцева, М. П. (2013) Этническая культура русских переселенцев в Туве: прошлое и настоящее // Тюркская руника: язык; история; культура (к 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности): материалы Международной научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хак. кн. изд-во. Ч. 2. 186 с. С. 157–160.

Татаринцева, М. П. (2014) Аграрный календарь в культуре русских переселенцев // Единая Тува в единой России: история; современность; перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Абакан : Хак. кн. изд-во. 211 с. С. 18–20.

Татаринцева, М. П. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап // Старообрядчество: история и современность; местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Международной научно-практической конференции / отв. ред. С. В. Васильева. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета. 392 с. С. 137–143.

Татаринцева, М. П. (2016) Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 82–90.

Татаринцева, М. П. (2017a) Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 1. С. 151–161. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>

Татаринцева, М. П. (2017b) Фольклор старообрядцев Тувы в репертуаре детского ансамбля «Октай» // Ученые записки. Вып. XXV / отв. ред. Б. А. Донгак; сост. Л. С. Мижит. Кызыл : Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики. 436 с. С. 107–119.

Татаринцева, М. П. (2018) Проблема сохранения культурных традиций в изменяющихся условиях (на примере старообрядцев в Туве) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.) / отв. ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, Ю. В. Попков, А. А. Стороженко. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 172–177.

Татаринцева, М. П. (2019a) Особенности бытования фольклора в среде старообрядцев // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 222 с. С. 178–182.

Татаринцева, М. П. (2019b) Фольклор старообрядцев таежных деревень верховья Енисея в репертуаре детского ансамбля «Октай» // Новые исследования Тувы. № 1. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.8>

Татаринцева, М. П. (2020) «В Танну-Туву». Об одной полузабытой книге // Новые исследования Тувы. № 3. С. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.9>

Татаринцева, М. П. (2021) Между верой и неверием: заметки о рукописи Е. Д. Паздерина «Воспоминания» // Новые исследования Тувы. № 3. С. 90–98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.7>

Татаринцева, М. П. (2022) Новое в изучении старообрядцев Енисейского региона // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 98–110.

Татаринцева, М. П., Моллеров, Н. М. (2016) Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука. 295 с.

Татаринцева, М. П., Стороженко, А. А. (2015) Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современный этап. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing. 144 с.

Kostrov, A. V., Prigarin, A. A. (2016) Photography as a Source for Comparative Research of History and Culture of Local Old Believer Groups in the First Third of the 20th Century (Through the Example of the Old Believers of Bessarabia, Buryatia and Tuva) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. № 12. P. 2947–2963.

Дата поступления: 19.06.2024 г.

Дата принятия: 24.09.2024 г.

REFERENCES

Buraeva, S. V. (2018) The Old Believers' book tradition of the Yenisei: the possibilities and problems of comparative analysis. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 4 (8), pp. 29–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2018-4-8-29-38>

Bykova, E. V. (2021) “The Inner State of the Human Heart During a Righteous and a Sinful Life”: A Manuscript and a Modern Lubok of the Chasovennye Old Believers on the Yenisei. *Traditional culture*, vol. 22, no. 2, pp. 143–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.012>

Bykova, E. V. and Kostrov, A. V. (2018a) The Old Believers’ Splint as a visual source in the study of the costume of the Old Believers — the Chapels of the Yenisei. In: *Fashion and Design: historical experience — new technologies: materials of the XXI International Scientific Conference* / ed. by N. M. Kalashnikov. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 736 p. Pp. 529–533. (In Russ.).

Bykova, E. V. and Kostrov, A. V. (2018b) “The broad wayfaring” in the consciousness of the Yenisei old believers: a contemporary folk picture of the processes of globalization. *Traditional culture*, no. 2(20), pp. 53–63. (In Russ.).

Bykova, E. V. and Kostrov, A. V. (2019) *Old Believer lubok “Two roads — two ways”: a commented reading of the visual image*. Kirov, Kirov region printing house. 192 p. (In Russ.).

Bykova, E. V. and Prigarin, A. A. (2019a) The visual image of a Chernorizian in Old Believer manuscripts on the Yenisei. In: *Ethnos and confession: materials of the International XVIII ethnographic readings* / ed. by V. M. Grusman and E. E. Gerasimenko. St. Petersburg, CPI Spgudt. 260 p. Pp. 33–38. (In Russ.).

Bykova, E. V. and Prigarin, A. A. (2019b) The world of visual images of the Tuva Old Believers: from icons and popular prints to photos. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 75–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.6>

Bykova, E. V. and Prigarin, A. A. (2020) The fate of the Old Believer Scribe in the context of biographical reconstructions: (co)knowledge of the chapels of the Yenisei and documentary searches. In: *Old Believers in the History and culture of Russia: problems of study*. Collection of materials of the international scientific conference / ed. by V. N. Zakharov. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 572 p. Pp. 314–327. (In Russ.).

Bykova, E. V. and Prigarin, A. A. (2021) The Anthropology of Visuality: the potential of field study. In: *The Second Russian Aesthetic Congress*. Abstracts of the participants’ reports / ed.-comp. by T. A. Kruglova, A. E. Radeev. Yekaterinburg, Autonomous non-profit organization of higher education “Humanitarian University”. 655 p. Pp. 98–100. (In Russ.).

Bykova, E. V., Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2018) The lamp of the twentieth century, mentor and teacher of the word of God: in memory of Afanasy Gerasimovich Murachev (October 24, 1921 — September 12, 2008). In: *IV Central Asian Historical Readings. The space of cultures: through the prism of unity and diversity*: collection of materials of the International Scientific and practical conference / ed. by Z. Y. Dorzhu et al. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 350 p. Pp. 146–151. (In Russ.).

Danilko, E. S. (2019) “Death is closer than a shirt”: Funeral ceremonialism of Chasovennye (“Chapel-going”) Old Believers. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 44–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.4>

Dutchak, E. E. (2019) Siberian Old Believer Sketes and their Laymen between the 1920s and 1930s. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 29–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.3>

Dutchak, E. E. (2021) Old Believer Skete economy in the cultural landscape of Taiga Siberia: *gift, alms, commodity*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 99–110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.8>

Zol’nikova, N. D. (2016a) Eschatological disputes of the Chasovennye Old-believers in the last third of the XX century as an instrument of self-identification. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 3, pp. 85–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/HSS20160315>

Zol’nikova, N. D. (2016b) Ethical standards in the life of Siberian Old Believers of the second half of the twentieth century as a factor of self-identification. In: *Spiritual culture and social thought of Russia in literary and historical monuments of the XVI–XXI centuries* / ed. by A. H. Elert. Novosibirsk, Nauka. 288 p. Pp. 196–202. (In Russ.).

Kostrov, A. V. (2018a) Historism in New Lubok (Folk Picture) of Old Believers of Chasovennye Group. *REOSIAHAG*, no. 17, pp. 227–260. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24958/rh.2018.17.227>

Kostrov, A. V. (2018b) General and specific in the history and modernity of local groups of Old Believers in Eastern Siberia. In: *Old Believers: history, culture, modernity: materials of the XII International Conference* / ed. by V. I. Osipov. Issue 16. Moscow, Museum of the History and Culture of the Old Believers. 225 p. Pp. 73–79. (In Russ.).

Kostrov, A. V. (2018c) “Window to the World”: a modern wall leaf of the Old Believers of the Chapel of Concord as a reflection of their worldview. In: *IV Central Asian Historical Readings. The space of cultures: through the prism of unity and diversity*: collection of materials of the International Scientific and practical conference / ed. by Z. Y. Dorzhu et al. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 350 p. Pp. 156–162. (In Russ.).

Kostrov, A. V. (2021) *The phenomenon of culture of modern Old Believers-chapels of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk, Printing house of CASH registers. 422 p.

Kostrov, A. V. and Morris, T. B. (2019) Visuality and Textuality in Hagiographic Posters of Old Believers of the Chasovnyye (“chapel-going”) Denomination. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 95–107. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>

Kostrov, A. V. and Prigarin, A. A. (2018) Photographic materials as a source for cross-cultural research of old believer territorial groups (Bessarabia, Buryatia, Tuva). *Traditional culture*, vol. 19, no. 2, pp. 38–52. (In Russ.).

Liubimova, G. V. and Storozhenko, A. A. (2021) Trajectories of a life journey in ethnocultural landscape of the Yenisei Old Believers: notes to the biography of K. I. Yurkova. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 75–89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.6>

Pokrovskii, N. N. (1974) *The anti-feudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century*. Novosibirsk, Nauka. 394 p. (In Russ.).

Prigarin, A. A. (2018) Old Believers in the processes of transition: Innovations as a way of survival and comprehension. In: *IV Central Asian Historical Readings. The space of cultures: through the prism of unity and diversity*: collection of materials of the International Scientific and practical conference / ed. by Z. Y. Dorzhu et al. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 350 p. Pp. 167–172. (In Russ.).

Prigarin, A. A. (2021a) Glocalization among Old Believers: models and subjects in contemporary modernization of traditionalist communities in Tuva and Budjak. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 210–231. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.16>

Prigarin, A. A. (2021b) Ethnoconfessionality facing the challenges of globalization: traditionalist networks and the latest communications. In: *XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia*: collection of materials. Tomsk, July 6–9, 2021 / ed. by I. M. Nam. Moscow, Tomsk, Tomsk State University Press. 830 p. P. 325. (In Russ.).

Prigarin, A. A. and Storozhenko, A. A. (2022) Traditional variants of network communities in the pre-Digital era: Old Believers-chapels of Siberia according to household books of the 1920s – 1950s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 54–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/38/4>

Prigarin, A. A., Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2020) Contemporary confessional writing between historiography and biography (preliminary notes on the manuscript “Sacred faith. The book of life and sufferings of the Old Believers of Sym”). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 180–200. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.13>

Prigarin, A. A. (2023) “Family photo album” of a Siberian Old Believer: bio methods(photo)graphs. In: *Ethnography of Altai and adjacent territories* : materials of the 11th International Scientific Conference (Barnaul, October 26–28, 2023) “Ethnography of Altai and adjacent territories in the discourse of innovative and traditional approaches: the anthropological dimension of regional history and culture of peoples”. Issue 11 / ed. by T. K. Shcheglova. Barnaul, Altstu. 421 p. Pp. 397–410. (In Russ.).

The space of meanings: a modern Old Believer lubok on the Yenisei (2020) : exhibition catalog / author-comp. E. V. Bykova and A. A. Prigarin. Kirov, Kirov Regional Printing House, LLC. 72 p. (In Russ.).

Rygovskii, D. S. (2018a) Mechanisms of differentiations in the middle Siberian oldover. In: *Language, book and traditional culture in the Middle Ages of Russia in the Naucke, Museum and library work*: work in the Middle Ages. learned. conf. / comp. by Yu. S. Belyankin, E. V. Vorontsova and N. V. Litvina. Moscow, Moscow University Publishing House. 783 p. Pp. 728–737. (In Russ.).

Rygovskii, D. S. (2018b) “The Rule of the Cup”: the hospitality of the Old Believers in an anthropological perspective. In: *IV Central Asian Historical Readings. The space of cultures: through the prism of unity and diversity*: collection of materials of the International Scientific and practical conference / ed. by Z. Y. Dorzhu et al. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 350 p. Pp. 172–177. (In Russ.).

Rygovskii, D. S. (2018c) “Pure”, “Profane” and “Filthy”: Old Believers’ Conceptualization of Ritual Purity. In: *Culture of the Slavs and culture of the Jews: dialogue, similarities, differences* / ed. by O. V. Belova. Moscow, s. n. 296 p. Pp. 167–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2018.12>

Rygovskii, D. S. (2019a) The influence of religious practices on the social structure of Yenisei old believers. *Antropologicheskii forum*, no. 41, pp. 11–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-41-11-35>

Rygovskii, D. S. (2019b) Old Believers of the Yenisei and Shoriya: an entangled structure of a “plain” society. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 60–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.5>

Rygovskii, D. S. (2019c) Technology and Its Representation as a Source of Religious Experience for Old Believers of Yenisei Region. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 4(37), pp. 19–44. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-4-19-44>

Rygovskii, D. S. (2021) Othering as Perception: Old Believers of Us and Perspectives of Pre-Revolutionary Ethnographic Descriptions of Religious Communities. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 111–127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

Starukhin, N. A. (2016) «The appeal to the old believers chasovennyye» — a polemic monument of Siberian old believers «Austrians». *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 3, pp. 53–57. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/HSS20160309>

Storozhenko, A. A. (2015) Confessional migrations of Old Believers as a channel of intercultural interaction in Central Asia in the XIX — early XX century. In: *Old Believers: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations: materials of the VI International Scientific and Practical Conference* / ed. by S. V. Vasilyev. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat State University. 392 p. Pp. 130–136. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2019a) The history of the Old Believer Belokrinitisa community in Tuva in the second half of the XIX — early XX century. In: *Modern ethnic processes in Central Asia: problems and prospects: collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference* / editorial board: Z. Y. Dorzhu and V. M. Damdynchap. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 222 p. Pp. 165–169. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2019b) From the Volga to the Yenisei in the XIX century: the story of one successful resettlement of the Old Believer clan. In: *Bookishness and Old Believers of the Kostroma Region and adjacent territories: collection of scientific articles* / ed. Yu. S. Belyankin. Moscow, Archeodoxia. Vol. 2. 160 p. Pp. 132–139. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. (2019c) Old Belief monasteries of the «Yenisei meridian» in the 20th century: origins, traditions and current state. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Storozhenko, A. A. (2021) “The arshin first, the bayonet follows”: the transformation of ethnocultural landscape in 19th and early 20th century Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 49–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.4>

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2016) Upper Yenisei Old Believer monasteries in Tuva: historical reconstruction. In: *Scientific works of Tuvan State University: Materials of the annual scientific and practical conference of teachers, staff and graduate students of TuvSU, dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the formation of the Tuvan People’s Republic* / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 228 p. Pp. 95–96. (In Russ.).

Storozhenko, A. A. and Tatarintseva, M. P. (2019) “Oh, delightful skete, accept and protect me from worldly life!” Old Believer sketes on the upper Yenisei. *Traditional culture*, vol. 20, no. 2, pp. 88–97. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.007>

Tatarintseva, M. P. (1983) *The development of literary and critical thought in Tuva*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 135 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Old Believers in Tuva. Historical and ethnographic essay*. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2009) Writer and local historian. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 334–340. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2011) About the publication of I. G. Safyanov’s literary heritage. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 62–71. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2012) Sociocultural adaptation of Russian immigrants in Tuva at the end of the XIX — beginning of the XX century. In: *Scientific notes of TIGI. Issue 23*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 584 p. Pp. 408–421. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2013) Ethnic culture of Russian immigrants in Tuva: past and present. In: *Turkic Runic: language; history; culture (to mark the 120th anniversary of the deciphering of the Orkhon-Yenisei script): materials of the International Scientific Conference: at 2 parts* / ed. by K. A. Bicheldey. Abakan, Khakass Book Publishing House. Part 2. 186 p. Pp. 157–160. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2014) The agrarian calendar in the culture of Russian immigrants. In: *United Tuva in United Russia: history; modernity; prospects*. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the unity of Russia and Tuva / ed. by K. A. Bicheldey. Abakan, Khakass Book Publishing House. 211 p. Pp. 18–20. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2015) Old Believers of Tuva: a retrospective and a modern stage. In: *Old Believers: history and modernity; local traditions, Russian and foreign relations: materials of the VI International Scientific and Practical Conference* / ed. by S. V. Vasilyev. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat State University. 392 p. Pp. 137–143. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2016) Old Believers in Tuva at the beginning of the twentieth century and during the period of the Tuvan People’s Republic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 82–90. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2017a) Agricultural practices of Russian settlers in early 20th century Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 151–161. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.10>

Tatarintseva, M. P. (2017b) Folklore of the Old Believers of Tuva in the repertoire of the children's ensemble "Oktay". In: *Scientific notes*. Issue. XXV / ed. by B. A. Dongak; comp. by L. S. Mizhit. Kyzyl, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic. 436 p. Pp. 107–119. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2018) The problem of preserving cultural traditions in changing conditions (on the example of Old Believers in Tuva). In: *IV Central Asian Historical Readings. The space of cultures: through the prism of unity and diversity: collection of materials of the International scientific and practical conference (Kyzyl, September 20–23, 2018) / ed. Z. Y. Dorzhu et al. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 350 p. Pp. 172–177. (In Russ.).*

Tatarintseva, M. P. (2019a) Features of folklore existence among the Old Believers. In: *Modern ethnic processes in Central Asia: problems and prospects*. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference / ed. by Z. Y. Dorzhu. Kyzyl, TuvSU Publishing House. 222 p. Pp. 178–182. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2019b) The folklore of the Old Believers from the taiga villages of the upper Yenisei in the repertoire of children's ensemble Oktai. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 108–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.8>

Tatarintseva, M. P. (2020) "To Tannu Tuva": On a half-forgotten book. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 128–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.9>

Tatarintseva, M. P. (2021) Between faith and unbelief: Notes on E. D. Pazderin's manuscript "Memoirs". *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 90–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.7>

Tatarintseva, M. P. (2022) New Studies of the Old Believers of the Yenisei Region. *Aziatskie issledovaniia: istoriia i sovremennost'*, no. 1, pp. 98–110. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. and Mollerov, N. M. (2016) Russians in Tuva (the end of the XIX — the first half of the XX century). Novosibirsk, Nauka. 295 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. and Storozhenko, A. A. (2015) *Old Believers of Tuva: a retrospective and a modern stage*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 144 p. (In Russ.).

Kostrov, A. V. and Prigarin, A. A. (2016) Photography as a Source for Comparative Research of History and Culture of Local Old Believer Groups in the First Third of the 20th Century (Through the Example of the Old Believers of Bessarabia, Buryatia and Tuva). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 12, pp. 2947–2963.

Submission date: 19.06.2024.

Acceptance date: 24.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.18

Статья

Педагогические династии Енисейской Сибири (на материалах Хакасии, Тувы, Красноярского края)

Елена П. Мамышева

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Денис Н. Гергилев

Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук;

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Галина М. Луцаева

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

В статье исследуется исторический опыт деятельности педагогических династий регионов Енисейской Сибири — Тувы, Хакасии и Красноярского края. Авторы анализируют вклад представителей трех династий (Конгар, Тодышевы, Юркины) в становление сферы образования регионов и страны.

Каждая из династий имеет внушительный педагогический стаж и представлена тремя (и более) поколениями учителей. Педагогическая династия Конгар представлена тремя поколениями (стаж более 800 лет), Тодышевых — четырьмя поколениями (стаж — 700 лет), Юркиных — пятью поколениями (стаж — 350 лет).

Подчеркивается, что тема истории педагогических династий является сегодня особенно актуальной, поскольку является частью историко-культурного наследия не только изучаемых регионов, но страны в целом.

В исследовании важное значение имеет источниковая база, которая сегодня представлена формирующимися базами данных «Педагогические династии России» и материалами региональных проектов; особое внимание уделяется проекту Дома просвещения Красноярского края «Учительские династии». Восстановление истории педагогических династий, для чего авторы опирались также на архивные документы, публикации, семейные архивы, поможет в свою очередь дополнить данные проекты.

Ключевые слова: педагогическая династия; Тува; Красноярский край; Хакасия; учитель; поколение; Конгар; Тодышев; Юркин

Для цитирования:

Мамышева Е. П., Гергилев Д. Н., Луцаева Г. М. Педагогические династии Енисейской Сибири (на материалах Хакасии, Тувы, Красноярского края) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 278-294. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.18>

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: sozog@mail.ru

Гергилев Денис Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адреса: 660036, Россия, г. Красноярск, ул. Академгородок, д. 50; 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: turilak@yandex.ru

Луцаева Галина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адрес: Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: lusgalina@yandex.ru

Pedagogical dynasties of Yenisei Siberia (on the materials of Khakassia, Tuva, Krasnoyarskiy kray)

Elena P. Mamysheva

Siberian Federal University, Russian Federation,

Denis N. Gergilev

Krasnoyarsk Science Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;

Siberian Federal University, Russian Federation,

Galina M. Lushchaeva

Siberian Federal University, Russian Federation

The article considers the historical experience of the pedagogical dynasties of the regions of Yenisey Siberia – Tuva, Khakassia and the Krasnoyarskiy Kray. The authors analyse the contribution of representatives of three dynasties (Kongar, Todyshevs, Yurkins) to the formation of the education sector of the regions and the country (Russian Federation).

Each of the dynasties has an impressive teaching experience and is represented by three (or more) generations of teachers. The Kongar pedagogical dynasty is represented by three generations (more than 800 years of experience), the Todyshevs – four generations (700 years of experience), the Yurkins – five generations (350 years of experience).

It is emphasized that the topic of the history of pedagogical dynasties is especially relevant today, since it is part of the historical and cultural heritage not only of the regions under study, but of the country.

In the study, the source base is important, and today it is represented by the emerging databases “Pedagogical Dynasties of Russia” and materials of regional projects; special attention is paid to the project of the House of Education of the Krasnoyarsk Territory “Teachers’ Dynasties”. The authors also relied on archival documents, publications, and family archives. The restoration of the history of pedagogical dynasties will help, in turn, to supplement these projects.

Keywords: pedagogical dynasty; Tuva; Krasnoyarskiy Kray; Khakassia; teacher; generation; Kongar; Todyshev; Yurkin

For citation:

Mamysheva E. P., Gergilev D. N. and Lushchaeva G. M. Pedagogical dynasties of Yenisei Siberia (on the materials of Khakassia, Tuva, Krasnoyarskiy kray). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 278-294. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.18>

MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russia. Email: sozor@mail.ru

ORCID: [0000-0003-1620-5679](https://orcid.org/0000-0003-1620-5679)

GERGILEV, Denis Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Leading researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Studies of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Head, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal addresses: 50 Akademgorodok St., 660036, Krasnoyarsk, Russia; 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russia. Email: turilak@yandex.ru

LUSHCHAEVA, Galina Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russia. Email: lusgalina@yandex.ru

Введение

Сегодня острой проблемой в сфере образования является кадровая, представители молодого поколения, которых особенно ждут в данной профессии, не торопятся связывать свою жизнь с ней. Каким образом поднять авторитет профессии педагога, как вызвать интерес молодежи к профессии? Данные вопросы сегодня волнуют российское общество и являются важнейшими для государства. В этой связи обращение к историческому опыту семейных педагогических династий приобрело особую актуальность, поскольку через восстановление их историй можно привлечь внимание молодых людей к этой профессии; через изучение становления педагогических родословных становится возможной популяризация богатого опыта деятельности педагогов.

Следует отметить, что в целях повышения престижа учительской профессии государством были приняты меры, одной из которых на федеральном уровне в 2023 г. явилась реализация масштабного проекта Министерства просвещения РФ «Педагогические династии России»¹. Особую остроту заявленной теме придает тот факт, что педагогическая династия как разновидность профессиональной династии мало изучена и терминологически не оформлена. Следует согласиться с мнением, что «все это не вызывает сомнений в актуальности и востребованности для науки и практики исследований по изучению педагогической династии как уникального явления российского образования» (Дидук, 2017а: 41).

Данная проблема оказалась в центре внимания гуманитарных наук сравнительно недавно. Исследователи обратились к самым разным ее аспектам (историческим, философским, социологическим, педагогическим и др.). По мнению одних ученых, в условиях экзистенциального кризиса и вызванной им аксиологической растерянности опыт педагогических династий оказался остро необходимым как богатейший ресурс «аккумулирования, хранения и трансляции идеалов, нравственных ценностей и традиций» (Володин, 2023: 840). Некоторые авторы в исследовании деятельности отдельных педагогических династий видят возможности «изучения механизма социального воспроизводства семейных традиций, мотивов в выборе профессиональной деятельности своих предшественников»². В новейших исследованиях подчеркивается, что внимание к изучению педагогических династий важно, еще и потому, что они являются одним «из источников сохранения отечественных традиций служения своей профессии» (Дидук, 2017b: 33). Безусловным является то, что изучение родословных педагогов имеет большое значение для воспитания чувства уважения к труду педагога, для более углубленного изучения отечественного образования, для получения бесценного опыта, который пригодится молодому педагогу в его работе (Максимова, 2023).

Обзор новейшей литературы показывает, что история педагогических династий — тема относительно новая. В настоящее время комплексные исследования отсутствуют, особенно активно тема исследуется на региональном уровне, практически во всех субъектах РФ, однако территории современной Енисейской Сибири (Красноярский край, Республика Хакасия и Республика Тыва) в этом смысле выглядят несколько обделенными.

Целью данной статьи является исследование исторического опыта деятельности педагогических династий в регионах Енисейской Сибири — Туве, Хакасии и Красноярском крае, вклада их представителей в становление сферы образования региона и страны. В рамках статьи авторы сосредоточили свое внимание на формировании и деятельности отдельных педагогических династий в названных регионах. Признаки, по которым в данной статье отобраны педагогические династии, заимствованы из работы И. А. Дидук: «1) время (стаж — продолжительность деятельности в какой-либо области, 2) поколение — родственники одной степени родства по отношению к общему предку..., одновременно живущие люди близкого возраста» (Дидук, 2019: 51).

¹ Педагогические династии России. Главная страница [Электронный ресурс] // Педагогические династии России. URL: <https://dinastii.mpcenter.ru/alldynasties/> (дата обращения: 17.03.2024).

² Загрекова Л. В., Кильянова Л., Соличева Е. Педагогические династии: их роль в развитии теории, образовательной практики и в профессиональном становлении учителя [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2014. № 3. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/506> (дата обращения: 15.05.2024).

В своем исследовании авторы избрали династии, в которых имеются внушительный педагогический стаж и три (и более) поколений учителей: Конгар — три поколения (Тува), Тодышевы — четыре поколения (Хакасия), Юркины — пять поколений (Красноярский край). Что касается пространства формирования династий — это территория нашей страны, в определении географии — территориальной принадлежности рассматриваемых педагогических династий — авторы придерживаются условности, «так как многие представители педагогических династий (особенно многопоколенных) проживают в различных территориях» (Дидук, 2019: 52).

Источниковая база

Важное значение в достижении поставленной цели исследования имеет источниковая база.

В первую очередь авторы данной статьи обратились к материалам проекта «Педагогические династии России», созданного Центром просветительских инициатив Министерства просвещения Российской Федерации. К настоящему времени проект находится в стадии реализации, по нашим подсчетам, педагогические династии интересующих нас субъектов Енисейской Сибири представлены следующим их количеством: Красноярский край — 7; Республика Тыва — 2; Республика Хакасия — 1¹.

Стоит подчеркнуть, что данный проект был запущен в 2023 г., на сайте проекта только началась работа по сбору информации по истории учительских семей, представители которых из поколения в поколение связывали свои судьбы с образованием и воспитанием детей. Данный проект при условии его регулярной наполняемости имеет безусловную перспективу в сохранении богатой источниковой базы для исследователей, занимающихся историей педагогических династий.

Для представленного исследования его информативная ценность невысока, поэтому авторы обратились к материалам регионального ресурса «Педагогические династии учителей Республики Тыва», созданного Институтом развития национальной школы при Министерстве образования Республики Тыва. Сегодня на нем представлена краткая летопись восьми педагогических династий (Аранчын, Конгар, Монгуш, Оюн, Саая, Салчак, Санаа, Яговдик)². Материалы данного ресурса представляют безусловный интерес, поскольку с их помощью были установлены принадлежность представителей династии к одному роду, наличие в династии нескольких поколений. Они свидетельствуют об общественном признании профессиональных достижений педагогов из перечисленных династий. Тем не менее, авторы посчитали необходимым обратиться к документам Национального архива Республики Тыва, поскольку в них содержится более достоверная и репрезентативная основа для изучения истории учительской семьи Конгар.

В настоящее время в исторической литературе сведения о жизни отдельных людей справедливо отнесены к отдельному виду источников — документам личного происхождения, в советское время они «считались неполноценным историческим источником из-за субъективности, неточности и бессистемности их содержания» (Харунов, Харунова, Оюн, 2022: 78).

Исследователи справедливо подчеркивают, «они не только раскрывают историю жизни одного человека, но также той сферы, в которой он трудился» (Чыргалан, Ондар, 2022: 67).

Авторы представленной статьи обратились к материалам личного фонда Н. С. Конгара (Национальный архив Республики Тыва (далее — НА РТ), ф. п-367 «Конгар Николай Салчакович (1940-2012), министр просвещения Тувинской АССР»). Стоит подчеркнуть, что личный фонд Н. С. Конгара отличается насыщенностью материалов. В нем содержатся его личное дело, доклады, выступления, записки, статьи, удостоверения, семейные фотографии, которые могут пополнить источниковую базу не только в исследовании истории педагогических династий, но и многих проблем становления системы образования в Тыве.

Исследование историко-педагогической династии Юркиных из Красноярского края основано, прежде всего, на материалах региональной базы данных «Учительские династии», созданной на сайте

¹ Педагогические династии России. Главная страница [Электронный ресурс] // Педагогические династии России. URL: <https://dinastii.mpcenter.ru/alldynasties/> (дата обращения: 17.03.2024).

² Педагогические династии учителей Республики Тыва [Электронный ресурс] // Педагогические династии учителей Республики Тыва. Институт развития национальной школы. URL: <http://irnsh.ru/pedagogicheskie-dinastii-uchiteley-re/> (дата обращения: 17.03.2024)

Краевого государственного бюджетного учреждения «Дом работников просвещения», на котором уже собрана история 160 педагогических династий¹. Историко-педагогическое наследие династии Юркиных достаточно полно представлено на сайте «Учительские династии» благодаря стараниям отличника народного просвещения, ветерана педагогического труда, краеведа и представителя этой семьи Татьяны Ивановны Юркиной². Кроме того, важным источником явились ее опубликованные воспоминания, которые отличаются богатым содержанием, расширяют возможности в изучении путей формирования педагогической династии Юркиных из Канского района Красноярского края³. Т. И. Юркина и сегодня продолжает делиться своими воспоминаниями о своих предках — учителях из династии Юркиных на страницах «Учительской газеты»⁴.

В Республике Хакасия, в отличие от соседей — Тувы и Красноярского края — работа над созданием регионального проекта о педагогических династиях находится на организационной стадии. В этой связи появилась необходимость обращения к другим источникам. Важным источником по истории педагогической династии Тодышевых явились материалы Государственного архива Красноярского края по истории Красноярской учительской семинарии, в которой в 1908–1912 гг. обучался К. С. Тодышев – основатель династии (Государственный архив Красноярского края (далее — ГА КК), ф. 349 «Красноярская учительская семинария»).

Значительный вклад в изучение становления учительской семьи Тодышевых внесли материалы семейного архива. В сборе материалов семейного архива принял участие Яков Владимирович Тодышев, племянник основателя учительской династии Кирилла Семеновича. По просьбе хакасских учёных К. М. Патачакова и А. Н. Мохова, которые занимались историей развития образования в Хакасской автономной области, он еще в 1970-е гг. написал воспоминания. Впоследствии эстафета по сбору и сохранению богатого наследия семьи была принята другими потомками Кирилла Семеновича. Большая роль в составлении древа семьи и древа династии педагогов, в сохранении памяти о Кирилле Семеновиче, наряду с Я. В. Тодышевым принадлежит Галине Антоновне Трояковой (Тодышевой) и Георгию Петровичу Тодышеву. В 1989 г. вновь по просьбе учёного-историка А. Н. Мохова был составлен список из 12 учителей-потомков Кирилла Семеновича, общий педагогический стаж которых составил 332 года.

Сегодня основным хранителем семейного архива, популяризатором истории семьи, продолжателем дела своего отца Якова Владимировича следует назвать Л. Я. Тодышеву, проживающую ныне в г. Москве⁵. Данные материалы были получены в ходе непосредственных контактов с Ларисой Яковлевной. История династии Тодышевых, выходцев из Хакасии, восстанавливается в полном объеме потомками, продолжается уточнение фактов биографий представителей каждого из четырех поколений, педагогическая деятельность которых имеет широкую географию: Красноярский край, Новосибирск, Подольск, Молдавская ССР. В перспективе запланировано включение Тодышевых в проект Центра просветительских инициатив «Педагогические династии России».

¹ Учительские династии [Электронный ресурс] // Красноярское государственное бюджетное учреждение «Дом работников просвещения» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/din/> (дата обращения 12.04.2024).

² Династия Юркиных [Электронный ресурс] // Красноярское государственное бюджетное учреждение «Дом работников просвещения» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/династия-юркиных/> (дата обращения 14.04.2024).

³ Юркина Т. И. Память на века. Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2010.

⁴ Юркина Т. Завещание старшему сыну, или Путь от господина учителя до шкраба [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2022. № 14. 5 апреля. URL: <https://ug.ru/zaveshhanie-starshemu-synu-ili-put-ot-gospodina-uchitelya-do-shkraba/> (дата обращения 18.04.2024); Юркина Т. Завет отца [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2023. № 19. 9 мая. URL: <https://ug.ru/zavet-otcza/> (дата обращения 19.04.2024).

⁵ В ноябре 2023 г. Л. Я. Тодышева по приглашению руководства Красноярского педагогического колледжа им. М. Горького приняла участие в праздновании 150-летия учреждения. При участии Ларисы Яковлевны в юбилейный сборник «Страницы времени листвы. 1873–2023», вошло и имя Кирилла Семеновича Тодышева как одного из ярких выпускников, выдающихся общественно-политических деятелей Хакасии.

Педагогическая династия Конгар (Республика Тыва)

В тувинском обществе сохранилось трепетное отношение к профессии учителя, здесь до сегодняшнего дня аксиомой является мысль: «Родителей почитают за то, что они дали жизнь, вскормили и взрастили, а учителя — Башкы — почитают за то, что он формирует в человеке человека, закаляет его внутренний стержень, без чего трудно жить на свете. Школа, Учитель — это пятая власть, формирующая будущее страны»¹. Педагогические династии воспринимаются как богатейшее наследие тувинского народа, еще и потому что для российских тувинцев выросло значение родства, в Республике Тыва активно ведется восстановление и укрепление семейных связей между поколениями под лозунгом «Моя семья — моя гордость» («Өгбелерим — чоргааралым») (Ламажааа, 2021: 8).

Одной из ярких учительских династий Тувы является семья Конгар. Общий стаж учительства трех поколений династии Конгар составляет более 800 лет. В роду насчитывается три поколения более 30 педагогов, из них 10 ветеранов педагогического труда. В первом поколении — 15 педагогов с общим педагогическим стажем более 600 лет, во втором поколении — 11 педагогов с общим стажем в 275 лет, в третьем поколении — 2 педагога с общим 8-летним стажем работы и 2 студента².

Представители династии Конгар являются признанными профессионалами в своем деле, свидетелем тому являются такие награды: нагрудный знак «Отличник народного просвещения СССР» получили 8 человек, знак отличия «Почетный работник общего образования Российской Федерации» — 4 человека, почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Тыва» — 4 человека.

Конгар Николай Салчакович (1940–2012), учитель русского языка и литературы, по праву считается основателем династии. Признанием заслуг Николая Салчаковича в сфере образования явились высокие звания и награды: Отличник народного просвещения СССР, Заслуженный работник образования Республики Тыва, Орден «Знак почета», Медаль Республики Тыва «За доблестный труд».

Фото 1. Н. С. Конгар в кабинете за рабочим столом (НА РТ, ф. п-367, оп. 1, д. 77, л. 1).

Photo 1. N. S. Congar in the office for working stolom (NA PT, f. p-367, op. 1, d. 77, l. 1).

¹ Силиванова С. В. Международный День учителя в Туве [Электронный ресурс] // Tuva.Asia. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_8/2552-silivanova.html (дата обращения 20.04.2024)

² Педагогическая династия Конгар. Педагогические династии учителей Республики Тыва | Институт развития национальной школы [Электронный ресурс] // URL: <https://irnsh.ru/pedagogicheskie-dinastii-uchiteley-re/> (дата обращения: 21.04.2024).

В автобиографии Николай Салчакович писал:

«В 1958 г. окончил Бой-Тольскую среднюю школу и поступил в Кызыльский государственный педагогический институт. В сентябре 1961 г. нас, студентов 4-го курса, в связи с нехваткой педагогических кадров отправили на работу в кожуунные школы до конца учебного года» (НА РТ, ф. п.-367, оп. 1, доп. 1, д. 1, л. 1).

Его трудовая деятельность в качестве учителя русского языка и литературы началась в Ийменской 8-летней школе Дзун-Хемчикского кожууна. В 1963 г. после окончания историко-филологического факультета Кызыльского пединститута он получил (теперь уже вместе с супругой Чигир-оол Севилбаевной (1938–2023)) направление для работы в Бажык-Алаакскую школу Дзун-Хемчикского кожууна, где вел уроки русского языка и истории (НАРТ, ф. п.-367, оп. 1, доп. 1, д. 1, л. 2).

Николай Салчакович прошел достойно весь путь от рядового учителя до министра просвещения: 1964–1965 гг. — директор Бажык-Алаакской школы, 1965–1970 гг. — заведующий кабинетом родного языка и литературы в Республиканском институте усовершенствования учителей, затем заместителем директора, директором. 1970–1974 гг. — заместитель министра просвещения Тувинской АССР, 1974–1975 — заместитель заведующего отдела пропаганды Тувинского обкома КПСС, 1975–1977 гг. — слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС в г. Москве, 1977–1992 гг. — министр просвещения Тувинской АССР¹ (фото 1).

Конгар Чигир-оол Севилбаевна, супруга Николая Салчаковича, была учителем русского языка и литературы, более 20 лет проработала в Аппарате Правительства Республики Тыва (фото 2).

Салчак Урана Николаевна, дочь Николая Салчаковича, одна из его троих детей выбрала профессию учителя (географии). Стала отличником народного просвещения РФ.

Фото 2. Семья Н. С Конгар (НА РТ, ф. п.-367, оп. 1, д. 43, л. 1).
Photo 2. The Family of N. S. Congar (НА РТ, ф. п.-367, оп. 1, д. 43, л. 1).

¹ Там же.

**Педагогическая династия
рода Конгар**

Общий стаж учительства династии Конгар составляет более 800 лет. В роду насчитывается три поколения более 30 педагогов, из них 10 ветеранов педагогического труда. В первом поколении – 15 педагогов с общим педагогическим стажем более 600 лет, во втором поколении – у 11 педагогов в общем 275 лет школьной жизни, в третьем поколении – 2 педагога с общим 8 летним стажем работы и 2 студента.

За многолетнее и добросовестное служение народу на ниве образования 21 чел. награждены наградами и знаками «Отличник народного просвещения СССР» (8 чел.), знаком отличия «Почетный работник общего образования Российской Федерации» (4 чел.), почетными званиями «Заслуженный работник образования Республики Тыва» (4 чел.), «Заслуженный работник физической культуры и спорта Республики Тыва» (3 чел.), знаком отличия Министерства культуры Российской Федерации за «Достижения в культуре», почетным званием «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Заслуженный работник культуры Республики Тыва», (1 чел.), медалью «За доблестный труд» и орденом «Знак почёта» (1 чел.).

Николай Салчакович Конгар (1940-2012), учитель русского языка и литературы, Отличник народного просвещения СССР, Заслуженный работник образования Республики Тыва, Обладатель Ордена «Знак почёта», Заслуженный работник физической культуры и спорта Республики Тыва (3 чел.), 15 лет проработал министром просвещения Тувинской АССР, его супруга Чигир-оол Севилбаевна (1938-2023), учитель русского языка и литературы, более 20 лет проработала в Аппарате Правительства Республики Тыва, заслуженный работник Республики Тыва, Ветеран труда. Воспитали 3 детей. Их профессию продолжили дочь Урана Николаевна, учитель географии, Отличник народного просвещения РФ; внук Николай Алдын-оолович, учитель физической культуры.

Анатолий Салчакович Конгар (1944-2011), учитель русского языка и литературы, был разносторонне талантливым человеком: писал стихи, сочинял музыку, играл на аккордеоне, фортепиано, ставил песни, основал ансамбль танца и песни «Хемчик», автор более 200 песен, награжден отпочкованным знаком Министерства культуры Российской Федерации за «Достижения в культуре», «Заслуженный работник культуры Республики Тыва», «Заслуженный работник культуры РФ», Ветеран труда, его супруга Шынарлар Шынарловна, учитель русского языка и литературы, Отличник народного просвещения, Ветеран труда, Работали в школах Барун-Хемчикского кожууна, Воспитали 6 детей. Их старший сын Аас Анапиевич, учитель физической культуры и ОБЖ, невестка Ченго Дамбаевна, учитель тувинского языка и литературы, сын Айдын Анапиевич, педагог среднего профессионального образования, сын Артын Анапиевич, учитель физической культуры.

Валентина Конгаровна Донгак (Салчак) (1947-2015), при оформлении паспорта ее фамилией стало Салчак, а отчество Конгаровна, после окончания Кыргыльского педагогического института трудовую деятельность учителем начальных классов начала в школе с. Мугур-Аксы Монгуш-Тайгинского кожууна. До выхода на пенсию работала в Торуя-Хемской школе Тоджинского кожууна. Награждена нагрудным знаком Минобразования РФ «Отличник народного просвещения», Ветеран труда. Супруг Лондун Шынарпович, инженер, заслуженный работник Республики Тыва.

Буян-оол Салчакович Конгар (1948-2016), учитель физической культуры и музыки, Отличник физической культуры Республики Тыва, Отличник народного просвещения, Ветеран труда, супруга Зоя Адыяевна (1948-2004), Отличник народного просвещения, Ветеран труда. Работали в школах Бай-Тайгинского, Дуун-Хемчикского и Каа-Хемского кожуунов. Из 4 детей их работу продолжили трое: сын Ян Буян-оолович, учитель физической культуры и музыки, Отличник физической культуры Республики Тыва, Заслуженный работник образования Дуун-Хемчикского кожууна, дочери Савна Буян-ооловна, учитель начальных классов, и Яна Буян-ооловна, учитель физической культуры, Отличник физической культуры Республики Тыва, внучка Алдынай Аясовна, педагог-организатор, внучки Монгун и Хулер – будущие учителя истории и физической культуры.

Мария Салчаковна Ооржак (Конгар) (1953-1998), учитель химии и биологии, награждена нагрудным знаком Минобразования РФ «Отличник народного просвещения», Сергей Дупучунович (1953-2002) учитель химии и биологии. После окончания Кыргыльского педагогического института начали работать в Бора-Тайгинской школе Сут-Хольского кожууна. Их дочь Анай-Кара Сергеевна, учитель иностранных языков.

Анна Салчаковна Ооржак (Конгар), учитель математики и физики, работала в Дуун-Хемчикском кожууне, г.Кызыл, за многолетний и добросовестный труд в сфере образования имеет почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Тыва», награждена нагрудным знаком Минобразования РФ «Отличник народного просвещения», медалью «За вклад в реализацию национального проекта образования», юбилейной медалью «100-летие со дня вхождения России и Тувы» и медалью «100-летие образования г. Кызыла», Ветеран труда. Супруг майор милиции Монгуш-оол Адырарович (1953-1995), учитель математики и физики.

Байлак Салчакович Конгар, учитель начальных классов, начиная с 1998 года по настоящее время работает в управлении образования Бай-Тайгинского кожууна, награждена знаком отличия «Почетный работник общего образования Российской Федерации», Ветеран труда. Супруг Александр Чалаидзевиц, учитель физической культуры, Заслуженный работник физической культуры Республики Тыва, Ветеран труда. Старшая дочь Анай-Хаак Валерьевна, учитель тувинского языка и литературы.

Борбак-оол Салчакович Конгар, учитель начальных классов, супруга Светлана Чадамбаевна, учитель начальных классов, оба награждены знаком отличия «Почетный работник общего образования Российской Федерации» и обладатели юбилейной медали «100-летие единения России и Тувы», Ветераны труда. Их младший сын Ченгос Борбак-оолович, педагог-психолог.

Фото 3. «Педагогическая династия рода Конгар», слайд проекта «Педагогические династии учителей Республики Тыва».

Photo 3. "Pedagogical dynasty of the Kongar family", slide of the project "Pedagogical dynasties of teachers of the Republic of Tuva".

По стопам своего известного родственника пошли его братья, племянники¹ (фото 3).

Благодарные земляки Николая Салчаковича Конгара присвоили его имя Бай-Тальской школе Бай-Тайгинского района².

Коллеги, ученики, соратники помнят о том, что деятельность Николая Салчаковича ознаменовала собой эпоху становления системы тувинского образования, гармонично сочетавшей традиции народной тувинской педагогики и отечественной российской педагогики.

Педагогическая династия Тодышевых (Республика Хакасия)

История династий неразрывно связана с историей, достижениями страны. Школа, педагоги всегда разделяли трудности и испытания, через которые проходила страна. Эти слова можно в полной мере отнести к педагогической династии Тодышевых.

Основателем педагогической династии был Кирилл Семёнович Тодышев (1892–1947). Образование он получил еще в дореволюционной России, в 1908–1912 гг. мальчик обучался в Красноярской учительской семинарии, важной задачей которой было решение проблемы обеспеченности школ учительскими кадрами.

В исследованиях отмечается, что педагогический состав Красноярской учительской семинарии всегда отличался высокой квалификацией:

«20 лет несменным директором семинарии был знаменитый ученый-археолог, педагог, общественный деятель, меценат Иван Тимофеевич Савенков. В 1893 г. преподавателями семинарии были назначены доктор медицины (первый в Енисейской губернии), специалист по детским, внутренним болезням и оториноларингологии П. Н. Коновалов; первый консерватор (директор) Красноярского краевого краеведческого музея П. С. Проскуряков; филолог Д. В. Никитинский; золотопромышленник А. П. Кузнецов и многие другие» (Ценюга С., Ценюга И., 2020: 121).

¹ См. подр.: Педагогическая династия Конгар [Электронный ресурс] // Педагогические династии учителей Республики Тыва | Институт развития национальной школы. URL: <https://irnsh.ru/pedagogicheskie-dinastii-uchiteley-re/> (дата обращения 22.04.2024).

² Сорокина И. Имя отличника просвещения Николая Конгара присвоено школе на его родине [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». 2013, 19 марта. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2013/03/19/imya-otlichnika-prosvesheniya-nikolaya-kongara-prisvoeno-shkole-na-ego-rodine.html?ysclid=lwj5xkkuwu134785856> (дата обращения 22.04.2024).

В лице талантливых педагогов опору и поддержку находил и Кирилл Тодышев. Мальчик был старательным учеником, прилагал все усилия к тому, чтобы овладеть знаниями и умениями. Из-за недостаточного понимания русского языка после первого года обучения он был оставлен на повторительный курс. В характеристике семинариста педагоги отмечали:

«Тодышев Кирилл... отличается усердием и трудолюбием. К учительской деятельности он подготавливается серьезно, с ясным сознанием важности и трудности лежащих на учителе обязанностях, общительный и отзывчивый, с практическим направлением ума» (ГА КК, ф. 349, оп. 1, д. 350, лл. 5 (оборот.), 6).

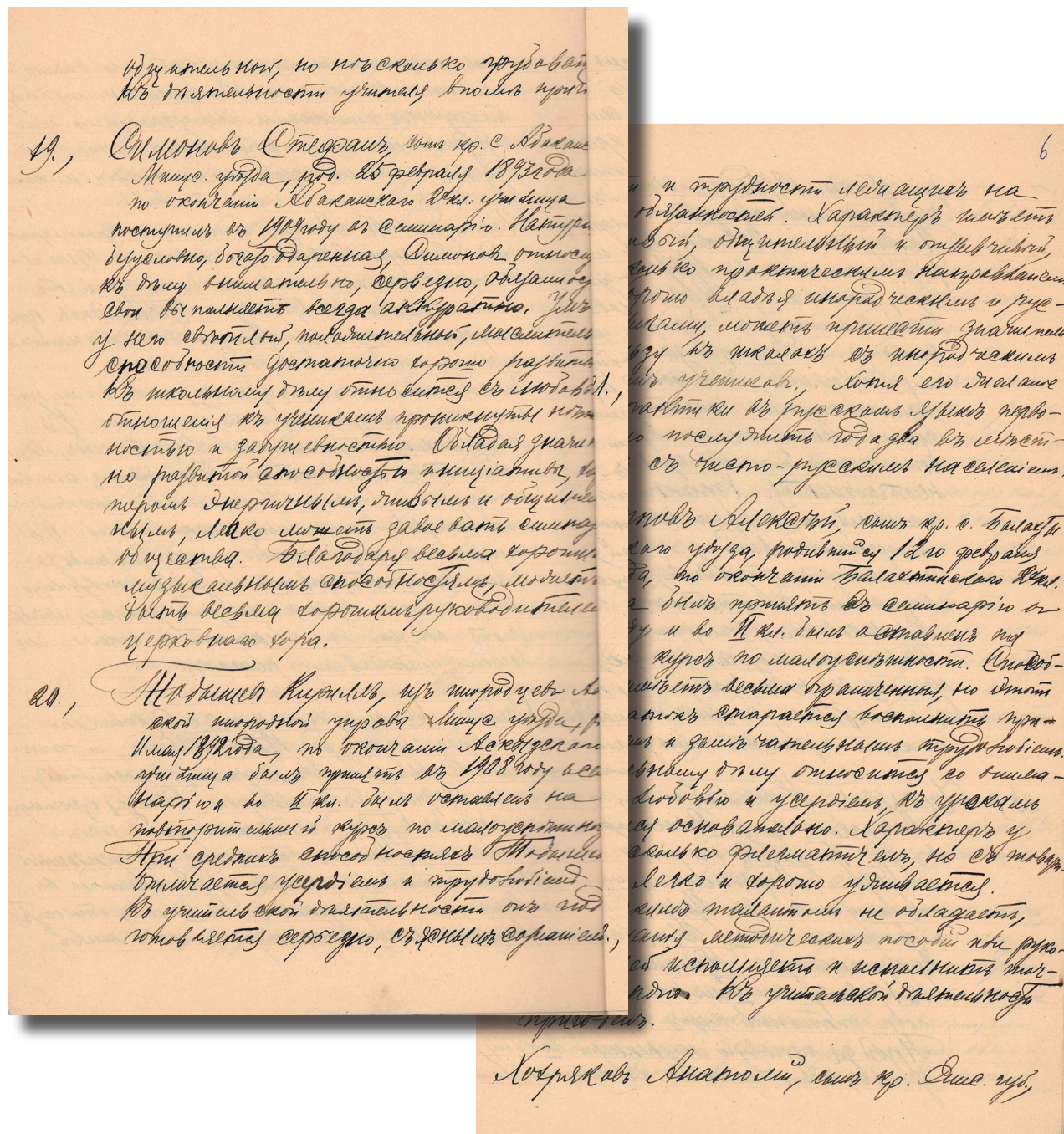

Фото 4аб. Характеристика обучающегося Кирилла Тодышева (ГА КК, ф. 349, оп. 1, д. 350, лл. 5 (оборот.), 6).
Photo 4ab. Characteristics of the student Kirill Todyshev (GA KK, f. 349, op. 1, 350, ll. 5 (obor.), 6).

После окончания в 1912 г. учительской семинарии К. С. Тодышев был назначен руководителем школы в с. Усть-Чуль Аскизской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, где он проработал 11 лет. Стараниями руководителя Усть-Чульская школа из одноклассной была преобразована в двухклассную. В знак признательности и доброй памяти о руководителе школы на здании школы в 2017 г. в честь 125-летия Кирилла Семеновича была открыта мемориальная доска¹.

Представители семьи Тодышевых убеждены в том, что в этот период были заложены условия для формирования в будущем педагогической династии, поскольку Кирилл Семёнович брал в семью своих многочисленных племянников, часть из которых впоследствии выберет ниву образования в качестве своей стези. Племянник Яков позднее в своих воспоминаниях написал:

«... В 1914 г. Кирилл Семёнович Тодышев, вопреки упорству моего отца — своего старшего брата, забрал меня к себе, в аал Усть-Чуль. Жил я в семье Кирилла Семёновича с 1914 по 1918 годы. Неизгладимы в памяти моей самые добрые детские воспоминания! Кирилл Семёнович оказал очень большое влияние на меня: привил интерес к чтению, элементарные навыки культуры, общения, уважения к людям ... обучил русскому языку. По вечерам читал вслух многое из сочинений Н. Гоголя, Л. Толстого, исторические рассказы, в частности, о Петре Первом, биографии писателей-классиков. Учился я, надо сказать, довольно бойко. Пел хорошо. Кирилл Семёнович урок пения проводил со скрипкой и мы часто пели у него дома. Однажды в каникулы он позвал меня к себе, зажег свечи на божнице и я спел какую-то молитву. Он остался доволен и сказал, чтобы я непременно учился на священника. Три класса я окончил в Усть-Чуле, а 4-й класс в Аскизской школе в 1918–1919 учебном году. Учила нас Агафья Никитична, жена известного ссыльного Потёмкина Н. Т., который когда-то подготовил Кирилла Семёновича к поступлению в Красноярскую семинарию»².

Супруга Кирилла Семёновича, — Наталья Пименовна Тодышева (Харина), ставшая его единомышленницей, поддерживала супруга во всех его делах. Их знакомство состоялось в г. Красноярске, во время репетиций и выступлений смешанного хора учительской семинарии и женской гимназии.

Кирилл Семенович Тодышев явился активным участником модернизационных процессов в Хакасии в 1920-1930-е гг. Он принял участие в создании хакасской письменности, стал автором первого хакасского букваря «Первая книга хакаса по обучению грамоте» учебника «Будем учиться» (Тугужекова, 2017: 34–35). Тодышева по праву следует считать одним из создателей Хакасского краеведческого музея. В апреле 1929 г. учитель, поддерживая решение Хакасского окружного исполкома о создании музея в с. Усть-Абаканском, подарил восьмистенную юрту с 236 экспонатами, которые легли в основу этнографической коллекции, отражавшей традиции, быт, культуру хакасского народа³.

В период коллективизации семья Тодышевых была раскулачена, братья Владимир, Петр, Устин (Прокопий) были сосланы в Томскую область. Кирилл Семенович с женой и сыном были высланы в г. Черемхово Иркутской области. В ходе очередной волны репрессий он был направлен на поселение в Приангарье. Позже он работал учителем в начальной школе в колхозе «Решающий» Удереиского (Мотыгинского) района Красноярского края (Страницы времени..., 2023: 42). По окончании 1943-1944 учебного года Кирилл Семёнович по состоянию здоровья был освобождён от работы. Супруги уехали в Красноярск. В 1947 г. его не стало.

По стопам своего выдающегося предка пошли многие потомки Кирилла Семеновича, они избрали профессию педагога. Одним из ярких представителей второго поколения стал племянник Яков, сын старшего брата Кирилла — Владимир, который во время коллективизации был выслан из Хакасии. Тодышев Яков Владимирович первым из династии в 1940 г. получил высшее педагогическое образование в Омском педагогическом институте им. М. Горького. Он прошел всю Великую Отечественную войну. Вернувшись к мирной жизни, он посвятил себя учительской профессии, работал в Сибири, Германии, Молдавии. Педагогический стаж Я. В. Тодышева составил 37 лет, его супруга, Г. И. Терехова часть своей трудовой деятельности посвятила детям: работала воспитателем детского сада, учителем технологии, её педагогический стаж составил 16 лет.

¹ Леонченко Е. В Аскизском районе установят мемориальную доску хакасскому просветителю Кириллу Тодышеву [Электронный ресурс] // Хакасия. 2017, 15 сентября. URL: <https://gazeta19.ru/index.php/kultura/item/678-v-askizskom-rajone-ustanovyat-memorialnuyu-dosku-khakasskomu-prosvetitelju-kirillu-todyshevu?template> (дата обращения: 26.04.2024).

² Из семейного архива Тодышевых.

³ Патачаков К. М. К. С. Тодышев [Электронный ресурс] // Ах тасхыл. 1969. № 17. URL: https://nbdrx.ru/e_lib/el-bibl_5.aspx#55 (дата обращения: 26.04.2024).

За верность профессии, за достижения в труде Яков Владимирович был удостоен почётного звания «Заслуженный учитель МССР» (фото 5).

Фото 5. Указ о присуждении Я. В. Тодышеву звания «Заслуженный учитель МССР». Фото из семейного архива Тодышевых.
 Photo 5. The decree on the award of Ya. Todyshev received the title of «Honored Teacher of the MSSR».
 Photos from the Todyshev family archive.

Лариса Яковлевна вспоминает:

«Подобно Кириллу Семёновичу, отец воспринимал учительство не как профессию, а как образ жизни и старался жить жизнью своих учеников. Всегда готов был помочь, подставить плечо. Сам же всегда мог и должен был рассчитывать только на себя. Где он черпал силы? Опорой стали «сибирские гены», стойкость, трудолюбие, целеустремленность... А главное, — пример и безграничное уважение к Кириллу Семёновичу; интерес к профессии учителя, к людям, к жизни, которые были привиты отцу в раннем детстве в семье-коммуне Кирилла Семёновича... Отец считал себя в неоплатном долгу перед ним...»¹

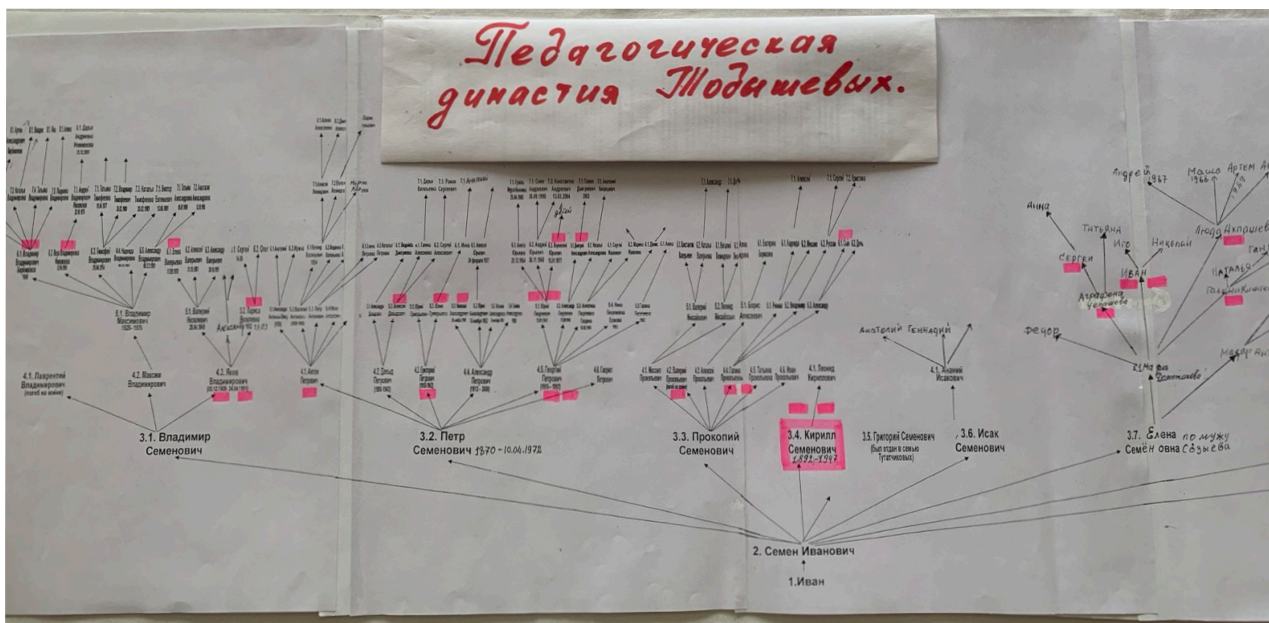
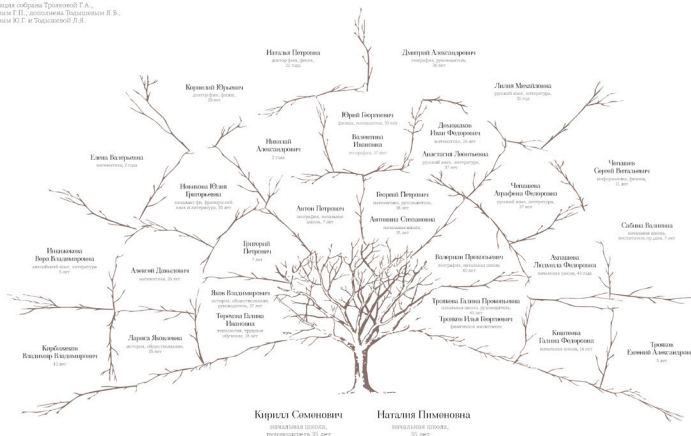

Фото 6а. Педагогическая династия Тодышевых. Фото из семейного архива Л. Я. Тодышевой.
 Photo 6а. The Todyshev pedagogical dynasty. Photo from the family archive of L. Y. Todysheva.

¹ Из семейного архива Тодышевых.

Датум: 04.2024 год
 Информационный сборник: Тодышев Л. Я.,
 Тодышева Л. Е., редакция: Тодышева Л. Е.,
 Тодышев К. У. и Тодышев К. В.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ ТОДЫШЕВЫХ
 с 1912 г. по н.в.

Фото 6б. Педагогическая династия Тодышевых. Из семейного архива Л. Я. Тодышевой.
 Photo 6b. The Todyshev pedagogical dynasty. From the family archive of L. Y. Todysheva.

Продолжателем семейной традиции династии педагогов в третьем поколении является Лариса Яковлевна Тодышева, которая более 35 лет преподавала историю в школе г. Подольска. Сегодня в педагогической династии Тодышевых, история которой пишется представителями этой семьи, насчитывается четыре поколения, возраст которых составляет 111 лет, а педагогический стаж превышает 700 лет (фото 6а и б). Стараниями Л. Я. Тодышевой и ее родственников составлено генеалогическое древо их педагогической династии.

Педагогическая династия Юркиных (Красноярский край)

Гордостью системы образования Красноярского края являются многие поколения педагогов, стаж которых насчитывает сотни лет. Одной из таких уникальных учительских династий является семья Юркиных, в которой насчитывается пять поколений педагогов, а педагогический стаж династии составляет около 350 лет. Большую лепту в сохранение и трансляцию истории своей семьи внесла Юркина Татьяна Ивановна.

Начало педагогической династии было заложено Юркиными Андрианом Степановичем и Ниной Васильевной (в девичестве Мурогина) (фото 7).

Андриан Степанович (1884–1934) родился в многодетной крестьянской семье (юр в переводе с коми на русский означает «голова») в с. Слобода (ныне село относится к Сыктывкарскому району Республики Коми). Андриан Степанович закончил Усть-Сысольское городское училище в 1902 г., получил звание учителя начальных классов¹. Т. И. Юркина пишет: «В моем архиве хранится аттестат, выданный Адриану Степановичу Юркину, который гласит: «...имел отличное поведение и примерные оценки»².

С 1902 г. работал в школах сел Коми. С момента установления советской власти он принимал активное участие в деле ликвидации безграмотности, вел большую работу среди населения³. В с. Слобода в школе он работал на протяжении 1924–1934 гг. По его инициативе в 1931 г. в Слободе была пос-

¹ Юркина Т. Завещание старшему сыну, или Путь от господина учителя до шкраба [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2022. № 14. 5 апреля. URL: <https://ug.ru/zaveshhanie-starshemu-synu-ili-put-ot-gospodina-uchitelya-do-shkraba/> (дата обращения 26.04.2024).

² Там же.

³ Династия Юркиных [Электронный ресурс] // КГБУ «ДРП» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/династия-юркиных/> (дата обращения 26.04.2024).

Фото 7. Юркины Андриан Степанович и Нина Васильевна.

Фото региональной базы данных «Учительские династии».

Photo 7. Yurkin Andrian Stepanovich and Nina Vasilyevna. Photo of the regional database "Teacher dynasties".

троена новая школа. Он подворным обходом убеждал односельчан в необходимости добровольной и безвозмездной помощи в подвозке строительных материалов¹.

Потомки отмечают, что Андриан Степанович был человеком с активной жизненной позицией: он состоял в ревизионной комиссии, принимал участие в создании сельхозартелей и первого колхоза в Слободе. Стаж педагогической деятельности Андриана Степановича — 32 года.

Супруга Нина Васильевна (1885–1940) родилась в г. Великий Устюг Вологодского уезда. Она была единомышленницей, соратницей своего мужа. Нина Васильевна учила детей в начальной школе. После смерти мужа в 1934 г. она осталась с двумя взрослыми сыновьями и четырьмя несовершеннолетними детьми. Невзирая на трудности, продолжила дело мужа и возглавила школу в Слободе. Ее педагогический стаж — 35 лет.

Андриан Степанович и Нина Васильевна передали своим потомкам уважение к памяти и истории своей семьи: «сохранили все документы, запечатлевшие их педагогическую деятельность, семейную жизнь, награды»².

К первому поколению династии учителей относятся родственники со стороны Нины Васильевны — Мурогины. Прежде всего, это ее родной брат Лев Васильевич (1886 — ?). Он закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. До революции 1917 г. он вел богословские науки в Ярославской духовной семинарии. С 1921 г. преподавал русский язык и литературу в школе, позднее в техникуме. Л. Мурогин был писателем, увлекался театром и преподавал историю театра в университете³. К этому поколению относится и Валентина Васильевна Мурогина (в замужестве Невзорова), которая до революции была классной дамой в женской гимназии г. Великого Устюга Вологодской области.

¹ Юркина Т. И. Память на века. Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2010. С. 8.

² Юркина Т. И. Указ. соч. С.10.

³ Династия Юркиных [Электронный ресурс] // КГБУ «ДРП» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/династия-юркиных/> (дата обращения 26.04.2024).

Фото 8. «Юркины Иван Андрианович и Галина Васильевна “Наши родители. Можно порадоваться за всех своих детей (1965 г., г. Канск)”. Фото региональной базы данных «Учительские династии».
Photo 8. “Yurkin Ivan Andrianovich and Galina Vasilyevna “Our parents. You can be happy for all your children (1965, Kansk)”.
Photo of the regional database “Teacher dynasties”.

Второе поколение учителей из династии Юркиных имеет непосредственное отношение к созидательной профессии строителя. Юркины Иван Андрианович и Галина Васильевна (в девичестве Коромхова) преподавали строительные науки в учебных заведениях (фото 8).

Юркин Иван Андрианович (1913–1977) родился с. Объячево. Он закончил начальную школу в с. Слобода и Усть-Сысольскую школу 2-й ступени, затем, в 1932 г. — Велико-Устюгский строительный техникум, в котором впоследствии был преподавателем специальных предметов, с 1940 г. — директором¹. Он был участником Великой Отечественной войны, его грудь украшали такие награды, как Орден «Красной Звезды», медали «За победу над Германией» и «Доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»².

В 1951 г. Ивана Андриановича судьба связала с Сибирью, с Красноярским краем, его перевели на должность директора строительного техникума в город Канск. Он сумел получить высшее образование в Новосибирском строительном институте им. Куйбышева. Его дети писали о нем так: «Первым в нашей огромной семье получил высшее образование. Для нас, его девятерых детей, это был пример, приравненный к подвигу в мирное время»³.

Галина Васильевна Юркина (в девичестве Королькова), супруга Ивана Андриановича родилась в Вологде. Т. И. Юркина (их дочь) в своих воспоминаниях пишет: «По сохранившимся документам я установила следующее: с 1924 по 1929 гг. она училась в Михайловской семилетней школе... Наша тетя Валя пишет, что эта школа находилась в Великом Устюге»⁴. В 1929–1932 гг. училась в Велико-Устюгском строительном техникуме.

¹ Династия Юркиных [Электронный ресурс] // КГБУ «ДРП» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/династия-юркиных/> (дата обращения 26.04.2024).

² Юркина Т. Завет отца // Учительская газета. 2023. № 19. 9 мая. URL: <https://ug.ru/zavet-otcza/> (дата обращения 26.04.2024).

³ Там же.

⁴ Юркина Т. И. Память на века. С. 75

Фото 9. Т. И. Юркина. Фото региональной базы данных «Учительские династии».

Photo 9. T. I. Yurkina. Photo of the regional database "Teacher dynasties".

В семейном архиве сохранились интересные сведения об изучаемых тогда предметах: например, история классовой борьбы, введение в диамат, рисование, теория теней и перспективы¹. Галина Васильевна была соратником, единомышленником и коллегой своего супруга. Она преподавала специальные дисциплины в техникуме сельскохозяйственного строительства, в школе строймастеров, в горно-геологическом и гидролизном техникумах г. Канска. Общий педагогический стаж второго поколения династии Юркиных — 31 год (в техникумах страны).

Иван Андрианович и Галина Васильевна Юркины вырастили девятерых детей. Двое из них (дочь Татьяна и сын Василий) выбрали профессию учителя и составляют третье поколение династии. Татьяна Ивановна родилась в 1941 г. в г. Великий Устюг Вологодской области. Она делится с читателями «Учительской газеты»:

«Мой год рождения — 1941-й. Начало войны застало нашу семью в Великом Устюге Вологодской области, где мы жили вместе с маминими родителями — бабушкой Елизаветой Михайловной и дедушкой Василием Яковлевичем Корольковыми. Мой папа Иван Андрианович Юркин ушел на фронт в октябре 1941-го в возрасте 28 лет. Мама в 26 лет осталась с пятью детьми на руках, все мал мала меньше. Троицким братьям и сестре от восьми до двух лет, а мне был всего месяц»².

В 1963 г. она закончила историко-филологический факультет Енисейского педагогического института. Она посвятила около 40 лет своей интересной насыщенной жизни преподавательской деятельности (фото 9). Татьяна Ивановна преподавала историю и обществознание в школе № 7, по совместительству в школах № 4 и № 2, Доме детства, в педагогическом училище, в технологическом техникуме г. Канска. Она имеет правительственные награды «Отличник народного просвещения СССР», «Отличник народного просвещения РСФСР», медаль «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина»³. В течение шести лет (три созыва) Т. И. Юркина была депутатом краевого совета народных депутатов Красноярского края.

На протяжении многих лет Татьяна Ивановна занималась с учащимися и студентами поисково-краеведческой работой. Так, в школе № 7 была создана Ленинская комната, собран материал о Тасеевской партизанской республике. Под ее руководством была проведена большая краеведческая работа в Канском педучилище: была создана поисковая группа, которая на протяжении 8 лет собирала материал о студентах, педагогах — участниках Великой Отечественной войны.

В настоящее время Татьяна Ивановна находится на заслуженном отдыхе, при этом сохраняет связь с коллективом педагогического колледжа, ведет большую работу в Канской воспитательной колонии, ведет работу по военно-патриотическому воспитанию, активно сотрудничает с «Учительской газетой» (г. Москва), где рассказывает о значимых событиях в жизни учительства⁴. Татьяна

¹ Юркина Т. И. Указ. соч. С. 76.

² Юркина Т. Завет отца [Электронный ресурс] // Учительская газета. 2023. № 19. 9 мая. URL: <https://ug.ru/zavet-otcza/> (дата обращения 19.04.2024)

³ Династия Юркиных [Электронный ресурс] // КГБУ «ДРП» — Дом учителя. URL: <https://home-teach.ru/династия-юркиных/> (дата обращения 08.05.2024),

⁴ Кандидат (Татьяна Ивановна Юркина, уважаемый педагог и историк города Канска, стала кандидатом на звание «Почетный гражданин города Канска») [Электронный ресурс] // Канские ведомости. URL: <https://kvgazeta.ru/latest-news/tatyane-ivanovne-yurkinoy-prisvoyat-zvaniya-pochetnyj-grazhdanin-goroda-kanska/> (дата обращения 11.05.2024).

Ивановна предана памяти своих предков, она продолжает работу над изучением своей генеалогии, уточняет факты из биографий представителей каждого из династии Юркиных, передает своим потомкам — представителям молодого поколения учителей — эстафету по сохранению историко-педагогического наследия Юркиных.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования учительские семьи Конгар, Тодышевых и Юркиных рассмотрены как состоявшиеся профессиональные династии Енисейской Сибири (Тувы, Хакасии и Красноярского края). Впервые на материалах этих династий авторы обращают внимание научного сообщества на необходимость более глубокого изучения названной проблемы представителями различных отраслей науки (истории, истории педагогики, науковедения). Каждая из представленных учительских династий создала бесценный педагогический опыт, полезный для молодых педагогов.

В сохранении богатого наследия учителей значительную роль играли и продолжают играть потомки педагогических родословных. Благодаря стараниям потомков Конгар, Тодышевых, Юркиных история жизнедеятельности их предков сохранилась в семейных архивах, частично передана на хранение в архив. Уважительное отношение представителей названных и других династий к истории своей семьи являются гарантией пополнения проекта «Педагогические династии России» новой информацией о педагогических династиях России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володин, В. В. (2023) Педагогические династии Амурской области: династия Панкрац // Педагогика. Вопросы теории и практики. Т. 8. Вып. 8. С. 840–847. DOI: <https://doi.org/10.30853/ped20230125>

Дидук, И. А. (2017а) Исследование педагогических династий: от концептуального замысла до механизма реализации // Педагогическое образование: вызовы XXI века : материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика РАО В.А. Слатёнина : в 2 ч. / отв. ред. Л. К. Гребенкина. Рязань : Издательство «Концепция». Ч. 1. 260 с. С. 40–44.

Дидук, И. А. (2017б) Изучение педагогических династий как источника сохранения традиций служения профессии в условиях прагматизации сферы образования // Непрерывное образование: XXI век. № 1 (17). С. 33–40.

Дидук, И. А. (2019) Количественные и качественные основы типологии педагогических династий // Инновационные проекты и программы в образовании. № 2 (62). С. 50–56.

Загрекова, Л. В. Кильянова, Л., Соличева, Е. (2014) Педагогические династии: их роль в развитии теории, образовательной практики и в профессиональном становлении учителя [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. № 3. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/506> (дата обращения: 15.05.2024).

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Максимова, Л. Н. (2023) Педагогические династии в современной культурной парадигме [Электронный ресурс] // Сетевой электронный научный журнал «Вестник ГГУ». Искусствоведение и культурология. № 1. URL: http://vestnik-ggu.ru/arhiv_nomera/1_2023/И%20Максимова%2021-32.pdf (дата обращения 15.05.2024).

Тугужекова, В. Н. (2017) Вклад Кирилла Семёновича Тодышева в просветительскую деятельность хакасского народа (к 125-летию со дня рождения) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: История. № 4 (20). С. 31–35.

Харунов, Р. Ш., Харунова, М. М.-Б., Оюн, Д. Д. (2022) Личный фонд Дандар-оола Кок-Хунаевича Ооржака в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.6>

Ценюга, С. Н., Ценюга, И. Н. (2020) Красноярская учительская семинария в истории становления педагогического образования Приенисейского края (1873–1920 гг.) // Вестник гуманитарного образования. № 2(18). С. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.029>

Чыргалан, С. Ю., Ондар, А. С. (2022) Личный фонд Анны (Таки-Сурун) Намбыраловны Торжу и ее семьи в Национальном архиве Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.5>

Дата поступления: 18.06.2024 г.

Дата принятия: 27.06.2024 г.

REFERENCES

Volodin, V. V. (2023) Pedagogical dynasties of the Amur region: The Pankratz dynasty. *Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 8, issue 8, pp. 840–847. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/ped20230125>

Diduk, I. A. (2017a) The study of pedagogical dynasties: from the conceptual concept to the mechanism of implementation. In: *Pedagogical education: challenges of the XXI century: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Slastenin*: in 2 parts / ed. by L. K. Grebenkin. Ryazan, Publishing house "Concept". Part 1. 260 p. Pp. 40–44. (In Russ.).

Diduk, I. A. (2017b) The study of pedagogical dynasties as a source of transfer of traditions of service to the profession under the circumstances of pragmatization in the sphere of education. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, no. 1 (17), pp. 33–40. (In Russ.).

Diduk, I. A. (2019) The quantitative and qualitative foundations of the typology of pedagogical dynasties. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, no. 2 (62), pp. 50–56. (In Russ.).

Zagrekova, L. V. Kil'ianova, L. and Solicheva, E. (2014) Pedagogical dynasty: their role in the development of the theory, educational practice and professional development of teachers. *Vestnik Mininskogo universiteta*, no. 3 [online] Available at: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/506> (access 15.05.2024). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Maksimova, L. N. (2023) Pedagogical dynasties in the modern cultural paradigm. *Vestnik GGU. Iskusstvovedenie i kul'turologiia*, no. 1 [online] Available at: http://vestnik-ggu.ru/arhiv_nomera/1_2023/И%20Максимова%2021-32.pdf (access 15.05.2024). (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2017) Kirill Semenovich Todyshev's contribution to the educational activities of the Khakass people (on the 125th anniversary of his birth). *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai. Seriya: Istorii*, no. 4 (20), pp. 31–35. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh., Kharunova, M. M.-B. and Oiun, D. D. (2022) The personal fonds of Dandar-ool Kok-Khunaevich Oorzhak in the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 76–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.6>

Tseniuga, S. N., Tseniuga, I. N. (2020) Krasnoyarsk teachers' seminary in the history of formation of pedagogical education in the Yenisei region (1873–1920). *Herald of Humanitarian Education*, no. 2(18), pp. 119–127. (In Russ.).

Chyrgalan, S. Iu. and Ondar, A. S. (2022) The personal Fonds of Anna (Taki-Surun) Nambyralovna Torzhu and her family in the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.5>

Submission date: 18.06.2024.

Acceptance date: 27.06.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.19

Обзор

История исследований номадного животноводства в Туве (обзор литературы)

Саяна Д. Монгуш, Ольга В. Бондаренко, Саяна Х. Биче-оол, Айлана М. Комбу
Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен историографический обзор исследований номадного животноводства в Туве (с конца XIX в. до сегодняшнего дня): их классификация, выделение ряда научных проблем и направлений, их изменение, даже трансформации. Рассмотрены наиболее важные работы в двух областях: историко-этнографическом и историко-экономическом.

Исследования восходят к первым записям путешественников и первых исследователей края, в которых давались общие сведения о видовом составе скота, об особенностях тувинских пород скота, условий их содержания и пр. Авторы упоминали об адаптации местного скота в условия окружающей среды, их приспособленности, адаптируемости, выносливости, а также о недостатках местных традиций выпаса скота. В советское время исследования приобретают уже более системный характер. При этом исторические исследования стали различаться в зависимости от научной дисциплины, среди них были и такие, в которых история хозяйствования предстает и как объект изучения этнографии, так и экономики.

Отмечается, что классические труды тувиноведения о традиционных формах номадного животноводства у тувинцев были издания в 1970-х гг., и продолжают сохранять свою актуальность и влияние на современное тувиноведение. Пересмотру подверглись оценка политики и результатов седентаризации. Тема изменения образа жизни тувинцев-номадов и организации их традиционных хозяйств в постсоветское время «ушла» в поле этнографических, культурологических, антропологических исследований. Однако, в основном они констатировали и продолжают обсуждать результаты трансформационных процессов.

Учет экономических исследований, в том числе в смежном направлении с историей — историко-экономических — позволяет расширить наши представления о том, что происходило с номадным животноводством в Туве в XX в., но уже только в русле социалистических преобразований и плановой экономики. В центре внимания советской экономической науки были вопросы решения государственных задач для животноводства, как одной из отраслей социалистической экономики. Отмечается, что постсоветская отечественная наука до сих пор не избавилась от советского наследия и оценочной терминологии в определении традиционных форм хозяйствования. Экономическая наука Тувы в последние годы обратилась к рассмотрению уже традиционных форм хозяйствования тувинцев более внимательно, обращая внимания на социокультурные факторы хозяйственной деятельности местного населения.

Ключевые слова: животноводство; номадизм; тувинцы; традиционное хозяйствование; Республика Тыва; сельское хозяйство; скот; историографический обзор; тувиноведение

Статья подготовлена в рамках работ по теме государственного задания «Разработка основ адаптивной системы селекции с учётом эколого-генетических особенностей в условиях номадного животноводства (на примере Республики Тыва)» (FEWW-2024-0009).

Для цитирования:

Монгуш С. Д., Биче-оол С. Х., Бондаренко О. В., Комбу А. М. История исследований номадного животноводства в Туве (обзор литературы) // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 295-309. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.19>

Монгуш Саяна Даржаевна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции» Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Эл. адрес: s.mongush@mail.ru

Бондаренко Ольга Викторовна — кандидат сельскохозяйственных наук, старший преподаватель кафедры технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Эл. адрес: bond1987olga@mail.ru

Биче-оол Саяна Хурагандаевна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Эл. адрес: s.biche@mail.ru

Комбу Айлана Монгун-ооловна — преподаватель кафедры ветеринарии и зоотехнии Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9. Эл. адрес: ajlanak21@gmail.com

Review

The history of nomadic animal husbandry research in Tuva (review)

Saiana D. Mongush, Olga V. Bondarenko, Saiana Kh. Biche-ool, Ailana M. Kombu

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents a historiographical review of research on nomadic animal husbandry in Tuva, spanning from the late 19th century to the present day. It includes a classification of studies, the identification of key scientific problems and research directions, as well as their evolution and transformation. The article examines the most significant works in two domains: historical-ethnographic and historical-economic.

The origins of research date back to the early records of travelers and the first scholars of the region, which provided general information about livestock species, the characteristics of Tuvan livestock breeds, conditions of their maintenance, and more. These early accounts highlighted the adaptation of local livestock to environmental conditions, their resilience, adaptability, and endurance, as well as the disadvantages of traditional Tuvan grazing practices. During the Soviet period, research adopted a more systematic character. Historical studies began to diverge based on academic disciplines, incorporating approaches from both ethnography and economics.

It is noted that the classic works of Tuvan studies on the traditional forms of nomadic livestock husbandry among Tuvans were published in the 1970s and continue to hold relevance and influence in contemporary Tuvan studies. Re-evaluations have been made regarding the policies and outcomes of sedentarization. The topic of lifestyle changes among Tuvan nomads and the organization of their traditional economies in the post-Soviet period has shifted into the realms of ethnographic, cultural, and anthropological research. These studies primarily document and analyze the results of transformational processes.

The integration of economic research, particularly in the interdisciplinary field of historical economics, broadens our understanding of what occurred with nomadic livestock husbandry in Tuva during the 20th century, especially within the framework of socialist transformations and planned economies. Soviet economic science focused primarily on addressing state objectives for livestock husbandry as a sector of the socialist economy. The article emphasizes that post-Soviet domestic science has yet to fully abandon the legacy of Soviet perspectives and evaluative terminology in characterizing traditional forms of economy. In recent years, Tuvan economic science has shifted its focus to traditional forms of Tuvan economic activity, paying closer attention to the sociocultural factors shaping the livelihoods of the local population.

Keywords: animal husbandry; nomadism; Tuvans; traditional economy; Republic of Tuva; agriculture; livestock; historiographical review; Tuvan studies

Financing

The article was prepared as part of the work on the topic of the state task "Development of the foundations of an adaptive breeding system taking into account ecological and genetic characteristics in nomadic livestock farming (on the example of the Republic of Tuva)" (FEWW-2024-0009).

For citation:

Mongush S. D., Bondarenko O. V., Biche-ool S. Kh. and Kombu A. M. The history of nomadic animal husbandry research in Tuva (review). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 295-309. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.19>

MONGUSH, Sayana Darzhaevna, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Technology of production and processing of agricultural products, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongusha Sata St., 667004, Kyzyl, Russia. Email: s.mongush@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4838-0618

BONDARENKO, Olga Viktorovna, Candidate of Agricultural Sciences, Senior Lecturer, Department of Technology of Production and Processing of Agricultural Products, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongusha Sata St., 667004, Kyzyl, Russia. Email address: bond1987olga@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5950-2265

BICHE-OOL, Sayana Khuragandaevna, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Department of Technology of Production and Processing of Agricultural Products, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongusha Sata St., 667004, Kyzyl, Russia. Email: s.biche@mail.ru

KOMBU, Ailana Mongun-oolovna, Lecturer, Department of Veterinary and Animal Science, Tuvan State University. Postal address: 9 Mongusha Sata St., 667004, Kyzyl, Russia. Email address: ajlanak21@gmail.com

Введение

Традиционное кочевое животноводство Тувы, как и любой другой вид традиционное хозяйствования любой культуры, был и является основой культуры и традиционного образа жизни тувинцев — коренного населения региона (История Тувы, 2001: 41, 170, 172, и др.) до настоящего времени. Поэтому изучение его остается важнейшей частью исследований особенностей жизни и хозяйствования местного населения в сложившихся и меняющихся условиях, а также перспектив развития местной экономики, ее отраслей. Оно является объектом сразу для нескольких научных отраслей, включая историю (в том числе этнографию), биологию (в том числе экологию), сельскохозяйственные науки, экономику.

Наиболее продуктивным путем решения проблем каждой науки является не просто отраслевая работа с применением соответствующих специальных методов, но и работа на междисциплинарном поле, когда рассматриваются, учитываются результаты исследований сразу нескольких дисциплин. Поэтому исследования особенностей развития сельскохозяйственной отрасли — современного животноводства — Тувы невозможны без опоры на широкий обзор всех, наиболее важных исследований традиционного хозяйствования тувинцев.

Решению данной проблемы и будет посвящена наша настоящая статья, историографическая по своему характеру, в которой мы опираемся на обширный круг научной литературы. Нашей целью является не только перечисление наиболее важных работ по теме, но и их классификация, выделение ряда научных проблем и направлений, их изменение, даже трансформации; как в научном знании эволюционировали идеи и подходы.

Как известно, историографический подход является ценным научным методологическим приемом историков (Зевелев, 1987; Гордон, 2020; и др.¹). Однако, он важен в работе не только историков; он лежит в основе дальнейшего научно-исследовательского поиска, а также позволяет учитывать опыт предшественников, увидеть перспективы дальнейших исследований в любой научной отрасли.

Для структурированного изложения нашего материала мы решаем последовательно несколько задач, т. е. мы рассмотрим: 1) исторические исследования по кочевому животноводству у тувинцев; 2) экономические исследования и 3) обобщим полученную картину, попытавшись выстроить общую периодизацию истории самого кочевого животноводства Тувы.

Под термином «кочевое животноводство» в нашей работе понимается образ жизни животноводов, кочующих со своими животными и меняющих таким образом сезонные пастбищные угодья (Бадмаев, Намзалов, 2007; Настинова, 2019; Содномпилова, Нанзатов, 2020; и др.). Синонимичным термином считается «скотоводство» или «кочевое скотоводство» (напр.: Данилов, 2013). Кочевой единицей была община родственных семей, у тувинцев она называется *aal*; в хозяйствах традиционно разводили овец, коз (Балчир, Батожаргалов, Чаш, 1993), лошадей (Современное состояние ... , 2021), крупный рогатый скот (Монгуш, Кужугет, Донгак, 2015), верблюдов (Монгуш, Болат-оол, Ооржак, 2014). Сегодня в сельскохозяйственной науке подобная форма животноводства называется традиционной (Бадараев, 2016) и для выделения именно той, которая бытовала и остается важной для тувинцев, калмыков, бурят, монголов и пр. народов с кочевой культурой, она обозначается как кочевое животноводство (Пурбуев и др., 2023; и др.²).

Источниками нашего исследования выступают разные типы научных публикаций (монографии, научные сборники, научные статьи, диссертации, тезисы докладов на конференциях, научно-популярные издания и пр.) по проблемам традиционного кочевого животноводства Тувы, начиная с известных работ тувиноведения по итогам экспедиций в регион с XIX в., и до сегодняшнего дня. При этом мы не ставим себе целью полный обзор всех работ (что не позволят также ограничения объема статьи), мы лишь отметим наиболее характерные, важные в русле наших исследовательских интересов.

¹ В тувиноведении также в последние годы вышли историографические исследования, напр. диссертационное исследование: Иргит Ч. К. Этнографическое изучение тувинцев в России в XVII–XIX вв.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Томск, 2010; а также научные статьи (Заика, 2020; Балакина, 2020; и др.).

² Кочевое животноводство: современное состояние и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию аграрной науки Калмыкии, Элиста, 20–23 сентября 2010 года. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт сельского хозяйства, 2010; Научное обеспечение животноводства Сибири: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Красноярск, 14–15 мая 2020 года. Красноярск: Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2020; и др.

Историко-этнографические исследования

Достаточно полный историографический обзор исследований традиций скотоводства у тувинцев присутствует в кандидатской диссертации этнографа С. Ч. Донгак, защищенной в 2011 г. и посвященной в целом изучению изменению этих традиций на протяжении почти века¹. Автор опиралась на исследования предшественников, работы которых считаются классическими в тувиноведении — В. И. Дулова, Л. П. Потапова и С. И. Вайнштейна, обсуждающих в том числе особенности кочевого хозяйства тувинцев (Дулов, 1956; Потапов, 1969; Вайнштейн, 1972, 1991). Тем не менее, как подчеркивает С. Ч. Донгак, их работы ограничены во времени и не охватывают периода трансформации скотоводства, перехода тувинцев на оседлость².

Общие сведения о видовом составе скота присутствуют так или иначе во многих записях, начиная с XVII в., в путевых заметках, отчетах, статьях, книгах, о которых пишет С. Ч. Донгак³. Отдельная же информация весьма примечательна для понимания особенностей тувинских пород скота, условий их содержания и пр.

Соответственно, отметим такие примеры.

Н. Ф. Веселков был минусинским купцом и его не научные, по его собственному признанию⁴, записи были опубликованы в 1871 г. в брошюре, имеющей прикладной характер⁵. Но, тем не менее, в этом же году текст записей, по рекомендации одного из членов Русского географического общества, был опубликован и в «Известиях Русского географического общества»⁶ (в рубрике «Мелкие известия»), за что затем, по представлению специальной комиссии, автору даже была присуждена бронзовая медаль⁷. Среди сведений, которые так заинтересовали академическое сообщество в работе, можно отметить наблюдения купца по поводу скота у тувинцев. Автор выделяет «мелкий род»⁸ лошадей, а также «очень крупную породу»⁹ рогатого скота у местного населения.

Л. Э. Шварц, руководитель экспедиции Математического отдела Сибирской экспедиции Русского географического общества, подчеркивал «необыкновенную величину» местных волов, их «сильно развитые рога», а также сообщал о зависти русских крестьян из-за этого, готовых на обмен такого скота¹⁰. Стоимость такого вола может составлять 20 рублей серебром, что равняется примерно стоимости хорошего надежного ружья для охотников¹¹.

Исследователь Е. К. Яковлев, подготовивший за 1985–1990 гг. обзор традиционной культуры тувинцев и хакасов, в своей работе подчеркнул, что сойоты (устаревшее название тувинцев) «по образу жизни могут быть разделены на скотоводов, в незначительных размерах занимающихся земледелием, и на оленеводов-охотников»¹². Описывая скот тувинцев, он отметил «степную монгольскую

¹ Донгак С. Ч. Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX — середина XX в. : дисс. ... канд. ист. н. Владивосток, 2011. С. 3–22.

² Там же. С. 3.

³ См. в обзоре: Донгак С. Ч. Традиции скотоводства у тувинцев... С. 7–10.

⁴ Веселков Н. Ф. Зарождение нашей торговли с западной стороны Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. С. 15.

⁵ О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России : статьи и заметки, касающиеся этого предмета ... / изд. В. Долинского. СПб.: типо-лит. С. Н. Степанова, 1871.

⁶ Веселков Н. Ф. Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа // Известия ИРГО. 1871. Т. VII. Вып. 2. С. 113–118.

⁷ Известия ИРГО. 1871. Т. VII. С. 432.

⁸ Веселков Н. Ф. Урянхи и географические сведения ... С. 116.

⁹ Там же.

¹⁰ Шварц Л. Э. Подробный отчет о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции императорского Русского географического общества (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово/ Slovo, 2007. Т. 5. С. 60.

¹¹ Там же.

¹² Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово/ Slovo, 2007. Т. 5. С. 220.

породу» лошадей¹, схожесть крупного рогатого скота с тибетскими яками (величина, строение и форма рогов)². Как и другие авторы, он указал на то, что тувинцы не заготавливали сено на зиму (только для молодых особей), скот пасся самостоятельно на высокой и сочной растительности в подтаежной полосе, сухой степной — на плоскогорье и тундровой — на гольцах³.

Можно полагать, что именно такое полное «вписывание» скота в условия окружающей среды обусловило приспособление местных пород к данному климату и ландшафту, их адаптируемость, выносливость. Это позволяет обсуждать позитивные результаты подобного синтеза.

Однако, например, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет и о недостатках подобного формата хозяйствования:

«Скот и лошади ходят по степи, довольствуясь крупный год подножным кормом. Летом на привольном степном корму животные прекрасно откармливаются, но с осени начинают тощать и к весне доходят иногда до такой худобы и изнурения, что без сил лежат на земле и, конечно, гибнут массами. Это пагубная для скота и лошадей неравномерность кормления составляет не единственную неблагоприятную сторону обихода сойотского животноводства»⁴.

Вопрос количества скота также поднимается в записях того времени, как отмечает С. Ч. Донгак, однако, приводимые сведения разнородные и отрывочные⁵.

В отличие от подобных попутных замечаний, которые присутствуют у авторов рубежа XIX–XX вв. по интересующему нас вопросу, в советское время исследования приобретают уже более системный характер. В том числе ученые, конечно же, собрали в своих работах и разрозненные сведения из записей предшественников, опубликованных и не опубликованных (напр., из архива Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории — ТНИИЯЛИ)⁶. При этом исторические исследования стали различаться в зависимости от научной дисциплины, среди них были и такие, в которых история хозяйствования предстает и как объект изучения этнографии, так и экономики. Поэтому ряд исследований мы отнесли к соответствующим рассматриваемым группам с большой долей условности.

Из работ, посвященных вопросам хозяйствования тувинцев рубежа XIX–XX вв., безусловно, важна одна из первых значительных — монография В. И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы. XIX — начале XX в.» (Дулов, 1956). Работа может быть отнесена как к историко-этнографическим исследованиям, так и историко-этнографическим. Автор разделил Туву в хозяйственном отношении на два района — восточный и западный, и рассмотрел особенности скотоводства тувинцев в них. Автор систематизировал сведения о скотоводстве, в том числе статистические данные, рассмотрел особенностей перекочевков тувинцев. Помимо этого, ученого интересовали и другие аспекты экономической и социально-политической истории Тувы, которые были связаны с реорганизацией традиционного хозяйства в начале века под влиянием сначала китайской политики, затем — российской.

Несколькими годами позже была издана коллективная монография «Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» (Труды тувинской ... , 1960). В ней представлены результаты работы в Туве экспедиции Института этнографии Академии наук АССР под руководством Л. П. Потапова. Задачи экспедиции включали в себя и значительный круг археологических изысканий, но тем не менее и касались этнографических тем. В том числе речь шла о традициях хозяйствования, которые впоследствии были отражены уже в авторской монографии Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» (Потапов, 1969). В этой авторской работе важными для нас можно назвать разделы, посвященные хозяйству. Отдавая должное результатам исследований В. И. Дулова, Потапов подчеркивает, что его работа имеет иной ракурс — историко-этнографический, отражающий специфику культуры и быта тувинцев (там же: 79). При этом этнограф рассмотрел вопрос типологии

¹ Там же. С. 222.

² Там же.

³ Там же. С. 221.

⁴ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово/ Slovo, 2007. Т. 2. С. 555.

⁵ Донгак С. Ч. Традиции скотоводства у тувинцев ... С. 9, 10.

⁶ Ныне — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ТИГПИ.

тувинских традиционных форм хозяйствования, опираясь на советское учение об историко-этнографических областях. В соответствии с ним, автор выделил как подобную область — Алтае-Саянско-Хангайское нагорье (там же: 80), в которой обитали народы между глухой горной тайгой и горными степями и полупустынями. Хозяйство скотоводческо-охотничьих лесных народов этой области он разделил на: табунное скотоводство, разведение крупного рогатого скота, овцеводство, верблюдоводство. Также в качестве отдельных отраслей он выделил и охоту, земледелие, собирательство.

Исследования типологии традиционных хозяйств тувинцев были углублены затем в монографии известного этнографа С. И. Вайнштейна «Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства» (Вайнштейн, 1972). Автор следовал учению о хозяйственно-культурных типах, которая вместе с учением об историко-этнографических областях, считается наиболее значительным вкладом советских ученых в теорию этнографии. Соответственно С. И. Вайнштейн рассмотрел природные условия Тувы и выделил сложившиеся здесь в XIX — начале XX в. три хозяйственно-культурных типа: 1) кочевые скотоводы горно-степной зоны, 2) охотники-оленоводы горно-таежной зоны, 3) кочевые и полукочевые охотники-скотоводы горной таежно-степной зоны (там же: 8–9). Автор также восстановил основные вехи истории скотоводства в Туве, собрал сведения о видовой структуре поголовья скота, его количестве в начале XX в., и рассмотрел соотношение разных видов скота у выделенных им трех хозяйственно-культурных типов.

Все последующие за указанными сочинениями труды историков, этнографов так или иначе развивали данные подходы. Параллельно с исследованием традиционных форм кочевничества у тувинцев, тувиноведение стало также исследовать уже происходящий в эти же годы процесс их трансформации. Так, Л. В. Гребнев посвятил данной теме отдельную монографию «Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость», которая вышла практически одновременно с упоминавшейся монографией Дулова (Гребнев, 1955). Если не обращать внимания на общий идеологический посыл работы с определением кочевого образа жизни как отсталого тяжелого прошлого и колониально-феодальной эксплуатации трудовых аратских масс, то в интересующем нас контексте в работе можно найти и важную информацию о сложностях кочевого хозяйствования. Речь идет о джуге — массовом падеже скота в результате болезней, засухи, хищников (там же: 12); о расстояниях, которые преодолевают хозяйства и пр. (там же: 14). При описании мероприятий по социалистическому преобразованию сельского хозяйства Тувы автор приводит информацию о первых коллективных формах хозяйствования тувинцев и русских, об их количестве (там же: 26–27), ход коллективизации в Тувинской автономной области с количественными изменениями сельхозартелей и тожземов (там же: 42), о работах по улучшению породности скота (там же: 45–46). И самое главное, что становится очевидным из описаний: несмотря на все мероприятия по приведению тувинской экономики на социалистический лад, на перевод кочевников на оседлость, и определение тувинского животноводства с тех пор как «передовое социалистическое» (там же: 46), тем не менее животноводы продолжали использовать «накопленный тувинскими аратами многовековой опыт пастбищного содержания скота», что позволяло им добиваться хороших результатов (там же). О том, что товарищества были формальными структурами и в объединения попадали члены нескольких кочевых общин аалов родственников, и что это не позволяло им становится полноценными коллективными хозяйствами, писали уже в постсоветское время (Самарина, 2011).

В целом, поскольку самому процессу седентаризации уделялось большое политическое значение, то эта тема стала активно изучаться и обсуждаться. В том числе по ней были защищены диссертации — не только по историческим наукам, но и по экономическим¹. Особое значение этой теме уделил историк Ю. Л. Аранчын в своей монографии, выстроенной в целом в общем русле оценки происходящих событий — в позитивном, прогрессистском ключе (Аранчын, 1982). Автор в первую очередь отмечал укрепление советских форм хозяйств, создание их материально-технической базы, повышение продуктивности, перевыполнения планов и пр. Как подчеркивал историк, партийные органы уделяли большое внимание главной отрасли экономики государства — Тувинской Народной Республики (до 1944 г.), и Тувинской автономной области в составе РСФСР (с 1944 г.) — животноводству (там же: 295). Была намечена обширная программа по подготовке кадров, улучшению породности и увеличению

¹ Бажутин Б. П. Борьба Тувинской партийной организации за коллективизацию сельского хозяйства в республике : дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1965; Осипова В. В. История социалистического преобразования сельского хозяйства в Туве: дисс. ... к. экон. н. М., 1963; и др.

поголовью скота, повышению его продуктивности, рациональному использованию природных пастбищ и сенокосных угодий, созданию кормовой базы (там же).

В историческом тувиноведении постсоветского времени отмечаются также меры, которое принимала власть по развитию животноводства Тувы. Так, в третьем томе «Истории Тувы», посвященном советскому периоду и изданном в 2016 г., отмечается, что в 1945 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию животноводства в Тувинской автономной области» (История Тувы, 2016: 53). Историки приводят статистические показатели увеличения поголовья скота, видового состава, укомплектования определенными породами и пр. (там же: 58–59). Общая оценка итогов седентаризации также практически повторяет оценку советских ученых: «Менее чем за десятилетие тувинцы перешли с кочевого на оседлый образ жизни. Коренным образом улучшились культурно-бытовые условия сельского населения» (там же: 61).

Авторы также выделяют этапы седентаризации: 1921–1930 гг. — создание предпосылок седентаризации, 1930–1940 гг. — начало политики коллективизации, перехода аратов к оседлости в масштабах республики, 1940–1944 гг. — активная фаза политики коллективизации и перевода кочевников Тувы на оседлость, создание Комитета оседания в ТНР (Нурзат, 2014: 49).

Тема изменения образа жизни тувинцев-номадов и организации их традиционных хозяйств в постсоветское время «ушла» в поле этнографических, культурологических, антропологических исследований¹. Однако, в основном они констатировали и продолжают обсуждать результаты трансформационных процессов.

Более интересно, с точки зрения причинно-следственных связей факторов изменений и их последствий, отразившихся на системе животноводства, тема трансформации тувинского скотоводства была рассмотрена известным антропологом Н. Н. Крадиным (Крадин, 2016). Как пишет автор, в 1970-е, 1980-е гг. в Туву были завезены породы тонкорунный овец, которые требовали стойлового содержания в зимний период, что вызвало целый каскад последствий: строительство теплых ферм, обводнение пастбищ, развитие системы заголовки кормов, увеличение поголовья, возрастание нагрузки на пастбища... (там же: 9). После 1991 г. колхозный скот был поделен между домохозяйствами и частное фермерство получило возможность для быстрого развития, однако, общий экономический кризис к стране, рост цен и пр., все это привело к кризису и животноводство. Численность всех видов скота с 1993 г. резко упала (там же). Также местное население отказалось от завезенных тонкорунных овец в пользу аборигенных пород, не требующих теплиц. В 2002 г. критическая точка была пройдена и начался снова постепенный рост поголовья скота благодаря вложениям государства, восстановлению коллективных хозяйств, изменению категорий хозяйств. В качестве сдерживающих факторов для развития животноводства ученый назвал: нарушение системы насосных колодцев, использование не четырех, а только двух пастбищ (зимнего и летнего), обеспечение хозяйств дровами, обоюдные кражи скота между тувинскими и монгольскими скотоводами (там же: 10–12).

В целом же, можно сказать, что ретроспектива исторических исследований в целом показывает достаточно глубокую изученность традиционных форм хозяйствования, однако, недостаточный анализ вопросов изменения этих форм и последствий изменений. И хотя историки уже признали, что идея обязательной седентаризации кочевников, которая была осуществлена в рамках советской политики, нарушила (и где-то и привела к катастрофам) многовековую систему традиционного хозяйствования кочевников (Головнев, 2020), в тувиноведении, как и в других отраслях научного знания о региональных культурах, эта тема осталась без должного внимания. В экономических же исследованиях, посвященных проблемам развития экономики Тувы, мы практически не найдем уже альтернативной точки зрения.

¹ Помимо упоминавшейся диссертации этнографа С. Ч. Донгак, можно отметить публикации: Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003; Донгак С. Ч. К трансформации тувинского кочевого скотоводства в XX — начале XXI в. // Омский научный вестник. 2007. № 4. С. 43–45; Нурзат А. А. Основные этапы коллективизации и перехода аратов на оседлость в Туве (1921–1944 гг.) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 2(82). С. 47–52; и др.

Историко-экономические исследования

Учет экономических исследований, в том числе в смежном направлении с историей — историко-экономических — позволяет нам расширить наши представления о том, что происходило с кочевым животноводством в Туве в XX в., но уже только в русле социалистических преобразований и плановой экономики.

В первую очередь огромное значение в деле изучения животноводства тувинцев имела экспедиция Научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) под руководством сотрудника Тувинского банка П. П. Маслова, которая была проведена по поручению государственной плановой комиссии Тувинской Народной Республики в 1931 г. Ее итоги вышли в соответствующей брошюре НИАНКП, причем на двух языках — русском и тувинском (в старотувинской письменности)¹. Экспедиция осуществила первую тувинскую перепись единиц экономической деятельности республики. Будучи основной отраслью тувинской экономики центральное место в учете составило животноводство. При этом, поскольку хозяйства облагались налогом, то определенная статистика к этому времени уже велась, и, как подчеркивают авторы, для переписи здесь не представилось затруднений².

Тем не менее, поскольку информацию требовалось представить в обобщенном виде, группируя в табличные формы, то авторы пишут и о сложностях, с которыми им пришлось столкнуться:

«Группировка по скоту в переводе на крупный была принята после некоторой дискуссии и ряда пробных группировок, показавших, что любая иная группировка по скоту не отразит дифференциации кочевых хозяйств. Разумеется в условиях, где скот является не только главным, но почти единственным средством производства, говорить о привлечении каких либо иных признаков для натуральной группировки не приходится. Вместе с тем группировки по отдельным видам скота совершенно не дают картины сколько-нибудь заметных социальных различий. Происходит это по той причине, что состав скота в разных социальных группах разный»³.

Несомненным для составителей стало признание только того, что в хозяйствах были продовольственные (в т. ч. молочные) овечьи стада.

В публикациях экономистов советских лет отмечаются и проблемы коллективизации в целом в сельском хозяйстве, в животноводстве в частности.

Неверные решения власти в 1930-е гг., например, В. В. Осипова, защитившая кандидатскую диссертацию в 1963 г., расценивала как имеющие совершенно не те последствия, которые задумывались: «Все это говорит о том, что курс на развязывание частной инициативы и отказ от политики ограничения и вытеснения байства объективно вели не к чему иному, как к росту капиталистических отношений в деревне, к дифференциации аратства»⁴.

Резкая территориальная неоднородность и большое разнообразие природно-экономических условий Тувы позволили исследователям говорить о необходимости группировки районов и хозяйств по сходным природно-экономическим условиям. Так, В. П. Солдатов в 1960-х гг. выделил на территории республики четыре сельскохозяйственные зоны и четыре микрзоны: 1) земледельческо-животноводческий центр (с двумя микрзонами), 2) животноводческо-земледельческий запад с одной микрзоной, 3) преимущественно овцеводческий юг, 4) животноводческо-промышленный восток⁵.

Авторы коллективной монографии «Экономика Тувинской АССР» (Экономика Тувинской..., 1973), сравнивая досоветское хозяйствование тувинцев и советское, использовали термин «малопродуктивный скот», который, по их мнению, преобладал в аратских хозяйствах до 1945 г. (там же: 230). Они также отметили, что несмотря на положительные изменения, произошедшие с экономической отраслью Тувы в советские годы, тем не менее прирост поголовья скота был достигнут не за счет интенсивного воспроизводства стада, а за счет его передержки (там же: 232).

¹ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М.: Издание Научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, 1933.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 4. Разрядка в цитате источника. — *Авт.*

⁴ Напр., Осипова В. В. Колхозное строительство в Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1957. Вып. V. С. 47.

⁵ Солдатов В. П. Размещение и специализация сельского хозяйства Тувинской АССР : автореф. дисс. ... к. экон. н. М., 1967. С. 5.

Экономисты также писали о том, что уже с 1930 г. с целью повышения молочной и мясной продуктивности скота в Туве началось скрещивание местных пород коров с быками-производителями симментальской и сычевской пород (там же: 233). Регулярный завоз породного скота начался после 1944 г., при этом за 1945–1970 гг. было завезено 1536 быков-производителей молочных и мясных пород (там же: 234). Тем не менее они же констатировали, что упитанность крупного рогатого скота в республике остается низкой (там же: 235), из-за чего Тува уступает средним показателям соседних областей и краев (там же: 237). Одним из путей решения проблем называлось строительство крупных механизированных животноводческих комплексов (для снижения уровня механизации трудоемких процессов, снижения затрат труда) (там же: 244).

Племенная работа также проводилась и с овцами, также с 1929 г. К 1954 г. в Туве уже 21% общественного поголовья овец состояло из голов улучшенных овец (там же: 247–248). Отслеживание показателей овец разных пород, качеств по колхозам позволило сделать вывод о том, на каких именно следует сделать упор, а какие — следует считать убыточными (там же: 250). Экономисты также отметили, что «дальнейшее повышение рентабельности овцеводства во многом будет зависеть от его правильного породного районирования» (там же: 252). Перспективным было названо козоводство, поскольку местная порода коз дает вкусное мясо, молоко, шерсть, пух; она приспособлена к местностям, не требовательна к кормам. Однако, она имеет низкую продуктивность (там же: 253–254). Недостаточным было признано развитие свиноводства и птицеводства, несмотря на их перспективность (там же: 255–261). Табунное коневодство в Туве было традиционным и развитым, в том числе в хозяйствах республики есть резервы для его развития, однако, по признанию экономистов, ему не было уделено должного внимания (там же: 264). Такие же выводы сделаны и в отношении верблюдоводства, оленеводства.

С целом, советская наука констатировала, что развитость сельского хозяйства Тувинской АССР «еще довольно односторонняя» (Очерки социального ... , 1983: 31), поскольку основной сельскохозяйственной отраслью оставалось животноводство; животноводческая специализация занимала главное место в структуре сельскохозяйственного производства и носила экстенсивный характер. При этом авторы констатировали, что важнейшими объективными причинами являются природно-климатические условия (там же: 33); низкий уровень использования земель, что не позволяло удовлетворять потребности животноводства (там же: 34). Анализ общего состояния дел на территории всей республики, включая статистические данные о поголовье скота, о производстве сельскохозяйственной продукции, о продуктивности разных сельскохозяйственных зон республики также привели к выводам о том, что надо делить производство по районам Тувы:

«Выше урожайность и ниже себестоимость центнера картофеля и овощей в совхозах лесостепной подзоны центральной зоны, выше здесь и надой молока от коровы, дешевле его производство. Говядине выгоднее производить в совхозах западной и южной зоны. По продуктивности овец, себестоимости шерсти и баранины на первом месте стоят хозяйства центральной, на втором — южной, на третьем — западной зон. Производство свинины дешевле обходится в совхозах степной подзоны центральной зоны» (там же: 39).

С учетом уже сложившейся структуры питания населения республики в республике были составлены планы развития сельского хозяйства, которые остались сконцентрированы на ряде продукции, в том числе животноводства (там же: 40). Повышению продуктивности также должны были способствовать совершенствование системы земледелия и зональной специализации, развитие мелиоративного хозяйства и пр. (там же: 41–43). Для увеличения продуктивности овец было принято решение о резком уровне их кормления и селекции породного состава (там же: 43).

Так, мы видим, что в центре внимания советской экономической науки были вопросы решения государственных задач для животноводства, как одной из отраслей социалистической экономики¹. От хозяйств требовались в первую очередь высокие показатели, выполнение планов, для чего применялись и такие методы, как племенная работа, что в итоге привело не только к увеличению породного разнообразия скота в республике, но и сокращению местных пород. В этих условиях вопросам сохранения традиционных форм хозяйствования, особенностям ведения животноводства региона, и в целом интересов и навыков животноводов, от чего напрямую также зависит также и успешность

¹ См. также: Самарина Н. Г. Аграрная политика советского государства и ее реализация в Туве : дисс. ... канд. ист. н. Иркутск, 2012.

хозяйств — внимания почти не уделялось. Все подчинялось планам «сверху», общей политике и определенным установкам.

Надо сказать, что постсоветская отечественная наука до сих пор не избавилась от советского наследия и оценочной терминологии в определении традиционных форм хозяйствования. Даже сегодня в публикациях они могут называться «угнетением народа», «господством патриархально-феодалных отношений», и отдельные авторы пишут о том, что тувинские араты, «общаясь с русскими крестьянами, перенимали у них более передовой опыт ведения животноводством»¹.

Тем не менее экономисты научных учреждений самой Тувы в последние годы обратились к рассмотрению уже традиционных форм хозяйствования тувинцев более внимательно, обращая внимание на социокультурные факторы хозяйственной деятельности местного населения. Это направление исследований стало активно развиваться, начиная с работ Г. Ф. Балакиной и З. Ю. Анайбан (Балакина, Анайбан, 1995), не только в области экономики, но и социологии. Так упомянутые авторы впервые подчеркнули, что у тувинцев-сельчан присутствует приверженность традиционным занятиям, в частности скотоводству (там же: 93).

Последующие авторы развили эти вопросы в нескольких направлениях. Так, в частности, перевод населения на оседлость, изменение образа жизни, которое не соответствует стереотипам поведения, национальному характеру, в сочетании с низким уровнем развития социальной инфраструктуры села было признано приводящим к миграции из села в город, низкой адаптации тувинцев к условиям жизни в городе, проявлениям агрессии, маргинальности, росту преступности (Балакина, Кылыгдай, 2015). Тем самым экономисты повернулись лицом к культурным особенностям населения и прямо увязали экономическую эффективность животноводства с социальным самочувствием людей, которые занимаются этой отраслью и которые могли бы этим заниматься (Кылыгдай, 2020). Стала обсуждаться не просто экономика Тувы, но развитие в ней этнических хозяйств, в которых бы создавались объединения законченного цикла производства (от выращивания скота до изготовления и продажи продукции из мяса) (Ооржак, 2020; Севек, Тайбыл, Даржаа, 2020). Это, по мысли экономистов, создаст условия для производства сельскохозяйственной продукции с высокой добавленной стоимостью, обеспечит продовольственную безопасность республики, повысит качество жизни в сельской местности (Кылыгдай, 2019).

С распадом советских колхозов количество личных животноводческих хозяйств в Туве стало расти. И исследования их организации дают интересные заключения. Например, особенности расположения животноводческих хозяйств Тувы последних лет снова показывают наличие специализаций хозяйств в районах республики и их разные размеры (Тайбыл, Даржаа, 2019), что подтверждает заключения историков о высокой степени сохранности животноводческих традиций у кочевников, их адаптируемость к климатическим, природным особенностям.

Экономисты Г. Ф. Балакина и А. Д. Бегзи в монографии «Экономика Тувы: возможные стратегии развития» (Балакина, Бегзи, 2016) отдельный раздел посвятили истории экономики республики (там же: 93–133), в котором также отдельно останавливались на вопросах животноводства. Обзор начинается с подчеркивания факта о том, что основой экономики региона было животноводство, традиции которого складывались веками. Далее, при разборе разных исторических этапов, авторы упоминают в том числе те факторы, процессы или последствия принятия решений, которые ранее наука почти не учитывала. В частности, авторы пишут сокращение поголовья скота в личной собственности у тувинцев в отдельные годы (начала коллективизации) падало, т. к. араты были недовольны перспективой бесплатной передачи скота в колхозы и начинали его массово забивать (там же: 109–110). Одним из факторов кризиса работы коллективных животноводческих хозяйств в 1990-е годы стал назван разрыв многолетних устойчивых связей хозяйств с крупными мясокомбинатами. Последние уже не имели оборотных средств, у них образовались огромные задолженности перед колхозами и совхозами, что впоследствии привело их к банкротству (там же: 125–126). Тем самым производство мяса в хозяйствах Тувы всех категорий за первое постсоветское десятилетие сократилось в 1,9 раза, молока — в 1,5 раза, яиц — почти в 10 раз (там же: 126). В 2010-е годы традиционная

¹ Напр. статья: Фастович Г. Г. Формирование агропромышленного комплекса (на примере исследования Республики Тыва): исторический аспект // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 97–99.

отрасль экономики укрепились, возрос объем продукции, увеличилось поголовье скота, в том числе началось возрождение мараловодства. При этом стала актуальной задача создания современной системы заготовки и переработки животноводческого сырья (там же: 131).

Периодизация истории кочевничества Тувы

Поскольку функционирование животноводства также входит в поле внимания и других научных отраслей, то, разумеется, историография может не ограничиваться результатами исторической и экономической наук. Интересно также посмотреть в перспективе и на историю развития биологических, в том числе экологических исследований, историю географических наук и пр. Все они с той или иной точки зрения покажут как расценивали и определяли ученые особенности ведения тувинцами традиционных форм хозяйствования, взаимодействия с животными в определенных условиях.

В данном случае для нас полученный обзор историко-этнографических и историко-экономических исследований интересен с точки зрения обобщения исследовательских подходов к пониманию особенностей развития кочевничества Тувы. Не претендуя на полноту анализа, предварительно можно составить периодизацию этого процесса.

Первый период — развитие традиционного животноводства Тувы (традиционный этап, который корнями восходит в общим традициям кочевых народов¹, и который был изменен с 1930-х гг. вследствие решения о коллективизации личного скота тувинцев, создании коллективных хозяйств и седентаризации);

Второй период — развитие животноводства в советское время (1940–1990 гг.) Тувы в условиях плановой экономики и общегосударственных задач, которые не учитывали особенности традиционных форм и были направлены прежде всего на увеличение прибыльности, на интенсивность хозяйственного освоения земель, ресурсов;

Третий период — развитие животноводства Тувы в постсоветское время (с 1990-х годов и до сегодняшнего дня), когда тувинцы получили возможность снова содержать личные стада и вести хозяйство при поддержке региональных властей, не только решая общеэкономические задачи региона, но и поддерживая традиционный образ жизни, хозяйствования. При этом не следует забывать о том, что данный период начался с кризисного переходного периода в 10–15 лет, когда животноводство, как и многие отрасли экономики, столкнулись с новыми проблемами свободного рынка, отсутствия регулирования и отсутствия гарантий, поддержки развития.

В рамках этой, самой общей периодизации, которая основана в первую очередь на воздействии внутренней государственной политики на данную экономическую отрасль, возможно рассмотрение особенностей содержания животных разных видов, появление новых пород, изменения числа хозяйств и поголовья скота и пр. вопросы.

Для научных дисциплин, направленных на теоретическое обоснование развития животноводства, главным сегодня, как считают исследователи, является необходимость пересмотра многих стереотипов, касающихся стратегия ведения отрасли: «Главными критериями при этом должны стать сохранение природной среды и материальная заинтересованность животноводов в разведении овец. Для достижения этой цели прежде всего нужно в каждом хозяйстве соблюдать видовое соотношение животных: содержать столько овец и других видов скота, сколько сможет прокормить пастбище с учетом поступления фуража с полевого и кормового севооборотов» (Зулаев, Хегай, Дурдусов, 2002: 40). Это мнение ученых, которые исследуют особенности кочевого хозяйствования калмыков.

Исследования бурятского и монгольского кочевого хозяйствования также сегодня основаны на признании в первую очередь ценности традиционного животноводства (Жалсанова, 2012; Жамбалова, 2012; и др.). Более того, кочевнический образ жизни населения в Монголии, также пострадавший в советское время, несмотря на самостоятельную государственность, признан как способствующий укреплению и качественному росту жизни, подчеркивающим уважение и гордость своей национальной историей и культурой (Жамбалова, 2012: 146). Именно в этом же ключе, мы полагаем, и следует также изучать и обосновывать перспективы развития животноводства Тувы.

¹ О периодизации этапов самого традиционного скотоводства в Туве можно почитать в статье М. С. Доржу, И. А. Кучумовой, С. С. Монгуш (Доржу, Кучумова, Монгуш, 2021).

Заклучение

Таким образом, в нашем историографическом обзоре мы рассмотрели основные вехи, наиболее важные результаты исследований в исторической науке, этнографии, экономике, касающиеся особенностей развития кочевничества в Туве, начиная с рубежа XIX–XX вв., когда началось и развивается само тувинское кочевничество.

Сельскохозяйственные исследования, обращенные непосредственно к изучению аграрной сферы жизни общества, не могут не учитывать результаты исследований других гуманитарных и социальных дисциплин, которые помогают восстановить полную картину внешних факторов развития отраслей: государственной политики, подходов к реформированию и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аранчин, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 339 с.
- Бадараев, Д. Д. (2016) Традиционные хозяйственные практики монголоязычных кочевников: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и // Вестник Института социологии. № 3(18). С. 175–194. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.420>
- Бадмаев, С. Г., Намзалов, Б. Ц. Б. (2007) Кочевничество как особый хозяйственно-культурный тип: к истории вопроса (на примере кочевников Восточного Саяна) // Современные проблемы этноэкологии и традиционного природопользования : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Улан-Удэ, 06–07 декабря 2007 года / отв. ред. Б. Ц. Б. Намзалов. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. 160 с. С. 71–73.
- Балакина Г. Ф., Бегзи А. Д. (2016) Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл : ТувикОПР СО РАН. 380 с.
- Балакина, Г. Ф. (2020) Становление и развитие экономической науки в Туве (1953 — наст. вр.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.19>
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 140 с.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл : ТувикОПР СО РАН. 160 с.
- Балчир, Б. Б., Батожаргалов, Ц.-Д. Р., Чаш, К. Т. (1993) Система ведения овцеводства и козоводства в Туве. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 127 с.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 314 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 294 с.
- Головнев, А. В. (2020) Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова : сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск». 300 с. С. 134–151.
- Гордон, А. В. (2020) Советская историческая наука в современных историографических подходах // Новая и новейшая история. № 5. С. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640011359-2>
- Гребнев, Л. В. (1955) Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 101 с.
- Данилов, С. В. (2013) О ранних этапах появления и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 1(9). С. 7–17.
- Доржу, М. С., Кучумова, И. А., Монгуш, С. С. (2021) Периодизация природопользования Республики Тыва // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 2. С. 6–11. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.02.09>
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 608 с.
- Жалсанова, В. Г. (2012) Социальные аспекты развития кочевничества в современной Бурятии // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: материалы III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. Н. Дроздов. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. 264 с. С. 73–76.
- Жамбалова, С. Г. (2012) Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 2 (43). С. 142–149.

- Зевелев, А. И. (187) *Историографическое исследование: методологические аспекты*. М. : Высшая школа. 160 с.
- Зулаев, М. С., Хегай, В. Е., Дурдусов, С. Д. (2002) *Традиционное животноводство и пути его возрождения // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. № 2. С. 40–47.
- История Тувы* (2001) : в 2 т. / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.
- История Тувы* (2016): в 3 т. / под ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Новосибирское отделение издательства «Наука». Т. III. 455 с.
- Крадин, Н. Н. (2016) *Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение*. № 2. С. 8–27.
- Кылгыдай, А. Ч. (2019) *Отгонное животноводство как традиционный вид деятельности населения Тувы // Природные ресурсы, среда и общество*. № 1(1). С. 15–20.
- Кылгыдай, А. Ч. (2020) *Роль традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка труда региона: новые подходы // Экономика. Профессия. Бизнес*. № 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>
- Монгуш, С. Д., Болат-оол, Ч. К., Ооржак, Р. Т. (2014) *Продуктивность и некоторые биологические особенности верблюдов, разводимых в разных природно-климатических зонах Республики Тыва*. Кызыл : РИО ТувГУ. 120 с.
- Монгуш, С. Д., Кужугет, Е. К., Донгак, М. И. (2015) *Продуктивность и биологические особенности крупного рогатого скота разводимого в разных природно-климатических зонах Республики Тыва*. Кызыл : РИО ТувГУ. 120 с.
- Насинова, Г. Э. (2019) *Номадное животноводство как основа системы жизнеобеспечения калмыцкого народа // Вестник Калмыцкого университета*. № 4(44). С. 55–62.
- Нурзат, А. А. (2014) *Основные этапы коллективизации и перехода аратов на оседлость в Туве (1921–1944 гг.) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. № 2(82). С. 47–52.
- Ооржак, К. Д. К. (2020) *Перспективы экономического развития сельских территорий Республики Тыва // Экономика Центральной Азии*. Т. 4. № 1. С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.1.111167>
- Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / отв. ред. Ю. Л. Аранчын*. Новосибирск : Наука. 262 с.
- Потапов, Л. П. (1969) *Очерки народного быта тувинцев*. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 400 с.
- Пурбуев, А. В., Федорова, Т. Ц., Лескова, С. Ю., Данилов М. Б., Мерзляков, А. А., Бадмаева Т. М. (2023) *Номадное животноводство — перспективный сырьевой ресурс для мясоперерабатывающей отрасли АПК // Все о мясе*. № 6. С. 28–31. DOI: <https://doi.org/10.21323/2071-2499-2023-6-28-31>
- Самарина, Н. Г. (2011) *Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. История*. № 4(16). С. 123–126.
- Севек, В. К., Тайбыл, Р. С., Даржаа, Ч. Б. (2020) *Анализ экономической эффективности типовых этнических хозяйств Республики Тыва // Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 223, № 3. С. 468–477. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477>
- Современное состояние популяции лошадей тувинской породы и пути ее сохранения (2021) / Б. М. Монгуш, А. М. Зайцев, М. М. Агрощенко, Ю. А. Юлдашбаев, С. М. Оюн*. Кызыл : Издательство ТувГУ. 98 с.
- Содномпилова, М. М., Нанзатов, Б. З. (2020) *«Пять видов скота» — основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Лаборатории древних технологий*. Т. 16. № 1. С. 131–140.
- Тайбыл, Р. С., Даржаа, Ч. Б. (2019) *Анализ результатов хозяйственной деятельности животноводческих личных подсобных хозяйств в Республике Тыва // Экономика и предпринимательство*. № 10 (111). С. 318–322.
- Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы (1960) / отв. ред. Л. П. Потапов*. М. : Л. : Издательство Академии наук СССР. 317 с.
- Экономика Тувинской АССР (1973) / отв. ред. С. В. Клопов*. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 380 с.

Дата поступления: 04.08.2024 г.

Дата принятия: 26.09.2024 г.

REFERENCES

- Aranchyn, Yu. L. (1982) *The historical path of the Tuvan people to socialism*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 339 p. (In Russ.).
- Badaraev, D. D. (2016) *The traditional economic practices of Mongolian-speaking nomads: peculiarities and opportunities for the development of livestock farming in Mongolia's and Russia's adjacent territories*. *Vestnik instituta sotziologii*, no. 3(18), pp. 175–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.420>
- Badmaev, S. G. and Namzalov, B. Ts. B. (2007) *Nomadism as a special economic and cultural type: towards the history of the issue (on the example of the nomads of the Eastern Sayan)*. In: *Modern problems of ethnoecology and traditional*

nature management: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ulan-Ude, December 06-07, 2007 / ed. by B. Ts. B. Namzalov. Ulan-Ude, Dorji Banzarov Buryat State University. 160 p. Pp. 71–73. (In Russ.).

Balakina G. F. and Begzi A. D. (2016) *The economy of Tuva: possible development strategies*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 380 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. (2020) The rise and development of the science of economics in Tuva: 1953 to present. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 276–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.19>

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: socio-cultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Balchir, B. B., Batozhargalov, Ts.-D. R. and Chash, K. T. (1993) *The system of sheep and goat breeding in Tuva*. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 127 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 314 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *The world of the nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 294 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2020) The transfer of nomads to settlement: revision of the idea. In: *Terra Eurasica: to the 60th anniversary of academician B. V. Bazarov* : collection of scientific articles / ed. by N. N. Kradin, L. V. Kuras. Irkutsk, Limited Liability Company "Ottisk Publishing House". 300 p. Pp. 134–151. (In Russ.).

Gordon, A. V. (2020) Soviet Historical Science in the Current Historiographical Approaches. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640011359-2>

Grebnev, L. V. (1955) *The transition of Tuvan nomadic arats to sedentarism*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 101 p. (In Russ.).

Danilov, S. V. (2013) On the early stages of the emergence and formation of nomadic cattle breeding in Central Asia. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 1(9), pp. 7–17. (In Russ.).

Dorzhu, M. S., Kuchumova, I. A. and Mongush, S. S. (2021) Periodization of nature management in the Republic of Tuva. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 6–11. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.02.09>

Dulov, V. I. (1956) *Socio-economic history of Tuva*. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

Zhalsanova, V. G. (2012) Social aspects of the development of nomadism in modern Buryatia. In: *Nomadic civilizations of the peoples of Central and North Asia: history, state, problems: materials of the III International Scientific and Practical Conference* / ed. by N. N. Drozdov. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute named after V. P. Astafiev. 264 p. Pp. 73–76. (In Russ.).

Zhambalova, S. G. (2012) Nomadic lifestyle in the modern world: problems of traditionalism and modernization. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, no. 2 (43), pp. 142–149. (In Russ.).

Zevelev, A. I. (187) *Historiographical research: methodological aspects*. Moscow, Vysshaia shkola. 160 p. (In Russ.).

Zulaev, M. S., Khagai, V. E. and Durdusov, S. D. (2002) Traditional animal husbandry and ways of its revival. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy*, no. 2, pp. 40–47. (In Russ.).

The history of Tuva (2001): in 2 vol. / ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 367 p. (In Russ.).

The history of Tuva (2016): in 3 vol. / ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 455 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2016) The Transformations of Pastoral Economy in Tuva and Zabaikalie Region at the Turn of the 20th-21st Centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 8–27. (In Russ.).

Kylgydai, A. Ch. (2019) Animal husbandry as a traditional activity of the population of Tuva. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 1(1), pp. 15–20. (In Russ.).

Kylgydai, A. Ch. (2020) Role of traditional employment of tuvans in solving the labor market problems of the region: new approaches. *Ekonomika. Professiia. Biznes*, no. 1, pp. 65–70. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>

Mongush, S. D., Bolat-ool, Ch. K. and Oorzhak, R. T. (2014) *Productivity and some biological features of camels bred in different climatic zones of the Republic of Tuva*. Kyzyl, RIO TuvGU. 120 p. (In Russ.).

Mongush, S. D., Kuzhuget, E. K. and Dongak, M. I. (2015) *Productivity and some biological features of camels bred in different climatic zones of the Republic of Tuva*. Kyzyl, RIO TuvGU. 120 p. (In Russ.).

Nastinova, G. E. (2019) Nomadic animal husbandry as the basis of the life support system of the Kalmyk people. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 4(44), pp. 55–62. (In Russ.).

Nurzat, A. A. (2014) The main stages of collectivization and the transition of the Arats to settlement in Tuva (1921-1944). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Yakovleva*, no. 2(82), pp. 47–52. (In Russ.).

Oorzhak, K. D. K. (2020) Prospects for economic development of rural areas of the Republic of Tuva. *Ekonomika Tsentral'noi Azii*, vol. 4, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/asia.4.1.111167>

Essays on the social development of the Tuvan ASSR (1983) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 262 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the everyday life of Tuvans*. Moscow, Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 400 p. (In Russ.).

Purbuev, A. V., Fedorova, T. Ts., Leskova, S. Iu., Danilov M. B., Merzliakov, A. A. and Badmaeva T. M. (2023) Nomadic animal husbandry – a promising raw material resource for the meat processing industry of the agro-industrial complex. *Vse o miase*, no. 6, pp. 28–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21323/2071-2499-2023-6-28-31>

Samarina, N. G. (2011) Nomadic cattle breeding and settlement of Tuvans in the Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 4(16), pp. 123–126. (In Russ.).

Sevek, V. K., Taibyl, R. S. and Darzhaa, Ch. B. (2020) Analysis of economic efficiency of typical ethnic farms of the Republic of Tuva. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 223, no. 3, pp. 468–477. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477>

The current state of the Tuvan horse population and ways to preserve it (2021) / B. M. Mongush, A. M. Zaitsev, M. M. Atroshchenko, Iu. A. Iuldashbaev and S. M. Oiun. Kyzyl, TuvSU Publ. 98 p. (In Russ.).

Sodnompilova, M. M. and Nanzatov, B. Z. (2020) “Five types of livestock” – the basis of the nomadic economy of the Turk Mongols of Inner Asia. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, vol. 16, no. 1, pp. 131–140. (In Russ.).

Taibyl, R. S. and Darzhaa, Ch. B. (2019) Analysis of the results of economic activity of private subsidiary plots engaged in livestock breeding in the republic of Tuva. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 10 (111), pp. 318–322. (In Russ.).

The works of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition. Materials on archeology and ethnography of Western Tuva (1960) / ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 317 p. (In Russ.).

The economy of the Tuvan ASSR (1973) / ed. by S. V. Klopov. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 380 p. (In Russ.).

Submission date: 04.08.2024.

Acceptance date: 26.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.20

ГОЛОСА АЗИИ

Статья

Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии

Лаура Г. Ерекешева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

В статье анализируются вопросы, связанные с интеллектуальным дискурсом нациестроительства в Индии, который рассматривается в контексте теорий национализма, «третьего пространства» / гибридности и деколонизальности. На примере анализа работ индийских исследователей, посвященных изучению древней и современной истории Индии, выделяются основные закономерности, связанные с актуализацией рассматриваемых теоретических дискурсов.

Показывается, что актуализация вопросов в сфере разработки знания, смыслов и значений в Индии по отношению к своему древнему прошлому и настоящему проходила определенные этапы. Они отражали смену парадигм — от ориенталистской через «третье пространство» к деколонизальности. Данные этапы стали отражением острых идеологических дискуссий, происходивших и происходящих в индийском обществе. В более объемном, теоретическом плане они являются маркером процесса активизации традиции в «третьем пространстве» и его трансформации в деколонизальность.

На примере изучения истории археологии в середине XX в. (Суриндранатх Рой) просматривается специфика преимущественно ориенталистского дискурса, развитие гибридности. В конце XX — начале XXI в. исследование вопросов археологии на стыке с социополитическим анализом, предпринятым Дилипом Чакрабартти, показывает сохранение гибридности и апелляцию к деколонизальности. В настоящее время в работах Саи Дипака можно отметить резкое звучание деколонизальности также при одновременном сохранении других дискурсов.

Деколонизальность проходит преимущественно через обращение к традиции и религии, которая становится ключевым модусом, одновременно содержанием и формой, а также своеобразным локомотивом данного процесса. В свою очередь, это может свидетельствовать о длительном характере процесса трансформации, незавершенность которого с особой остротой и накалом может выпукло проявляться именно в сфере производства знания, значений, символов.

Ключевые слова: нациестроительство; национализм; Индия; ориентализм; гибридность; деколонизальность

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант AP14871064 «Этнический, этноконфессиональный дискурс нациестроительства в Южной Азии (Афганистан, Индия, Пакистан)»).

Для цитирования:

Ерекешева Л. Г. Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 310-324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Ерекешева Лаура Гибратовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Ближнего Востока и Южной Азии факультета востоковедения Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: Laura.Yerekeshova@kaznu.edu.kz

---

YEREKESHEVA, Laura Gibratovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Middle East and South Asia, Faculty of Oriental Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Av., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. Email: Laura.Yerekeshova@kaznu.edu.kz

ORCID: 0000-0002-2610-0187

Intellectual Discourse of Nationbuilding: Nationalism and History Writing in India

Laura G. Yerekesheva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The article analyzes issues related to the intellectual discourse of nation-building in India, which is discussed in the context of theories of nationalism, the “third space” / hybridity and decoloniality. Using the works of Indian researchers devoted to the study of the ancient and modern history of India as a sample, the article defines and analyzes the main patterns associated with the actualization of these theoretical discourses.

It shows that the actualization of issues in the field of production of knowledge, meanings and values in India in relation to its ancient past and present went through certain stages, which reflected a change in paradigms — from orientalism through the “third space” to decoloniality. These stages became a reflection of the heated ideological discussions that took place and are taking place in Indian society. From a theoretical perspective, they are markers of the process of activating tradition in the “third space” and its transformation into decoloniality.

The historiographic narration of studying the history of archeology in the mid-20th century (Surindranath Roy) reveals the predominantly orientalist discourse and hybridity. In the late 20th — early 21st century, the research on archaeological issues at the junction with the socio-political analysis undertaken by Dilip Chakrabarty shows the preservation of hybridity and an appeal to decoloniality. At present, in the works of Sai Deepak, one can note the domination of the decoloniality concept over the other two discourses. Decoloniality occurs mainly through an appeal to tradition and religion, which becomes a key mode, both content and form, as well as a kind of engine of this process. In turn, this may indicate the long-term nature of the transformation process, the incompleteness of which could be clearly and particularly manifested precisely in the sphere of production of knowledge, meanings, and symbols.

Keywords: nation-building; nationalism; India; orientalism; hybridity; decoloniality

Financing

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP14871064 «Ethnic, Ethno-Confessional Discourse of Nation-Building in South Asia (Afghanistan, India, Pakistan)»).

For citation:

Yerekesheva L. G. Intellectual Discourse of Nationbuilding: Nationalism and History Writing in India. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 310-324. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Введение

Процесс нациестроительства и национализма в странах Азии, в частности, в Индии, имеет свои особенности, связанные с преодолением колониального наследия (Anderson, 1991; Chatterjee, 1993; Nandy, 2010a; и др.), высокой ролью традиционных, в том числе религиозных и социальных институтов (Ahmad, 1973; Jodhka, Naudet, 2023), которые оказывают влияние на модернизацию страны и формирование социальной, политической, экономической повестки развития.

Колониальное прошлое сформировало своеобразные рамки и границы, которые в своей протяженности сопрягались с местными традициями, приводя к гибридности и созданию «третьего пространства / third space» (Bhabha, 2004, 2010) — пространства, где «общества вынуждены жить одновременно во множестве культур и эпох и с набором политических технологий выживания» (Nandy, 2010a: xi). Одновременно с этим, стремление к выходу за данные рамки стало важным драйвером и актом восстановления культурного достоинства и преодоления ориенталистского нарратива (Said,

2003), апогеем которого стала национально-освободительная борьба, актуализировавшая концепт национализма, а через него — и нации (Gellner, 1993). Можно отметить, что гибридность, с одной стороны, и националистический дискурс — с другой, стали важными характеристиками индийского общества, начиная со времени достижения страной независимости в 1947 г.

Национально-освободительное движение Индии, процессы государственного и нациестроительства, словно звенья одной цепи, не могли не затронуть и процессы культурной идентичности, выработку смыслов и идеологием независимого государства с многотысячелетней историей. Интеллектуальный дискурс, разрабатывающий смыслы, можно считать не только важным ресурсом культурной системы с ее ориентацией на значения (Parsons, 1985), но и своеобразным маркером и регулятором социальной сплоченности общества.

На рубеже XX–XXI вв. и особенно в последнее десятилетие интеллектуальная повестка все более фокусирует внимание на дальнейшем развитии и переосмыслении пост-колониальных исследований. Основным дискурсом является постановка вопросов о колониальности, деколониальности (Quijano, Ennis, 2000; Quijano, 2007; Mignolo, Walsh, 2018; Tlostanova, 2019; Bhambra, 2014), причем, не только в странах глобального Юга, но также и в европейском (Srivastava, 2021; Pozanesi, 2021) и постсоветском пространствах (Четырова, Сергеева, 2023; Четырова, Сахаров, 2023; Абылхожин, Круппко, 2024).

В условиях гибридности, деколониальности, националистического дискурса, и усиления и политизации последнего, закономерен вопрос о том, в какой мере и как интеллектуальная, историографическая традиция в современной Индии принимает участие в формировании или же отражении данных процессов? Каким образом вопросы национализма, нации и деколониальности исследуются и осмысляются современными индийскими интеллектуалами?

Постановка данных исследовательских вопросов представляет большой научный интерес, поскольку позволяет рассматривать процессы нации и нациестроительства сквозь призму интеллектуального дискурса, который, в свою очередь, оказывает влияние на национальное единство и сплоченность общества. Ответы на данные вопросы помогут лучше понять механизм функционирования «третьего пространства» / гибридности и деколониальности, их взаимосвязь между собой, а также влияние на процессы нациестроительства. Кроме того, они также могут иметь и большое практическое значение, в частности, в сфере администрирования и решения задач социальной солидарности членов общества.

Целью работы является изучение интеллектуального дискурса нацие-строительства в Индии, который рассматривается в контексте «третьего пространства» / гибридности и деколониальности, на примере анализа работ современных индийских исследователей, посвященных вопросам истории Индии.

Почему фокус анализа сконцентрирован на истории — древней и современной? В хронологическом плане древний период представляет особый интерес, причем, не только в плане расширения и углубления познания о прошлом. Но также и, возможно, преимущественно потому, что апелляция к овеянной веками традиции, как правило, всегда служила доказательством легитимности, исторической преемственности той или иной власти вплоть до ее сакрализации, а в функциональном плане также играла роль в вопросах политизации религии, этничности, социального (не)равноправия или в геополитическом контексте. Современная ситуация, с другой стороны, представляет возможность рассмотреть статус традиций, в том числе религиозных для выявления закономерностей их функционирования.

В методологическом плане изучение интеллектуального дискурса нациестроительства невозможно без обращения к концепциям нации, национализма, теории гибридности (в рамках пост-колониальных теорий) и деколониальности. Поэтому в работе будет проведен анализ данных подходов применительно к изучаемой теме. Национализм понимается здесь в контексте концепции Э. Геллнера как наложение высокой культуры модерна в обществе над низкой (Gellner, 1993: 57), гибридность — в контексте одноименного концепта Х. Бхабхи (Bhabha, 2004; 2010), деколониальность — в рамках анализа колониальной матрицы власти (Mignolo, Walsh, 2018: 4). Более подробно методологические аспекты будут проанализированы далее в соответствующем разделе работы.

Для изучения текста (работ авторов), корреляции текста и социального контекста и в целом для понимания особенностей процесса нациестроительства были использованы следующие качественные методы исследования: тематический анализ, дискурс анализ.

Специфика развития индийского общества состоит в переплетенности институтов модерна и традиции, при одновременно высокой роли национализма, националистической идеологии, религии, которые мощно проявляли себя в ходе национально-освободительного движения (конца XIX — первой половины XX в.), так и на современном этапе (Habib, 2018; Nandy et al., 2006; Jaffrelot, 2009; и др.).

На сегодняшний день можно отметить достаточно широкий спектр научных и публицистических работ индийских англоязычных авторов — А. Нанди, И. Ахмада, Р. Баджпаи, С. Хуршида, Р. Тхапар, Ш. Тхарура, с разных сторон подвергающих анализу процессы нациестроительства, национализма, демократии, религии, истории и общества (Nandy, 2012, 2010b; Ahmad, 1973; Bajpai, 2022; Khurshid, 2019; Thapar, 2021, 1996; Tharoor, 2018; др.). В контексте заявленной темы особый интерес представляют работы С. Роя, Д. Чакрабарты, С. Дипака, включая и недавно (пере)изданные, которые специально посвящены изучению истории, цивилизации Индии, в том числе сквозь призму ее современного развития (Roy, 2011; Chakrabarti, 2022, 2021; Deepak, 2021, 2022). Как наиболее репрезентативные и отвечающие цели исследования, они и станут предметом изучения в настоящей работе.

В качестве основных задач (и структурных разделов) статьи можно выделить следующие: 1) анализ отмеченных выше основных теоретических концептов и подходов применительно к данной теме; 2) изучение историографической традиции изучения истории Индии в контексте ориентализма и «третьего пространства»; 3) анализ интеллектуальной традиции и подходов современных индийских авторов относительно истории Индии в контексте деколониальности.

Гипотеза исследования состоит в следующем. Актуализация вопросов в сфере разработки знания, смыслов и значений в Индии по отношению к своему древнему прошлому проходила определенные этапы, отражавшие смену парадигм — от ориенталистской через «третье пространство» к деколониальности. Данные этапы стали отражением острых идеологических дискуссий, происходивших и происходящих в индийском обществе. В более объемном, теоретическом плане они являются маркером процесса активизации традиции в «третьем пространстве» и его трансформации в деколониальность.

Методология

При изучении процессов нациестроительства и роли интеллектуальной традиции в выработке знания в бывших колониальных обществах, ныне независимых государствах, методологически важными модулями анализа представляются теоретические подходы, рассматривающие концепты нации, национализма, гибридности, или «третьего пространства», и деколониальности. Рассмотрим их более подробно.

Идея нации и, соответственно, нациестроительства, стала предметом научного анализа еще во второй половине XIX в., во многом в связи с происходившими значительными изменениями в структуре и статусе государств Европы, в частности, объединением Германии, а также Италии. Поднимаемые вопросы можно считать своеобразным отголоском Французской буржуазной революции 1789 г., кардинально создавшей новый формат политического устройства и новую повестку развития, в которой концепты свободы, равенства, братства постепенно стали утверждаться в разных сферах социальной, политической жизни стран Европы. Ко второй половине «долгого» XIX столетия, на фоне возникновения не только новых философских концептов, но и новых дисциплин общественного познания, таких как социология, политическая наука, а также на фоне бурного развития науки и зарождения первых глобальных институтов — актуальным становится вопрос о том, что есть нация, каковы ее характеристики, как происходит ее формирование и что является ключевым фактором в ходе этого процесса.

Показательной в этом плане можно считать работу французского ученого Э. Ренана «Что такое нация?», основанную на лекции, прочитанной им в Сорбонне в 1882 г. (Renan, 2010). Это была, по сути, одна из первых попыток в западной историографии сформулировать новый концепт. Отвечая на этот вопрос, Ренан выделяет различные составляющие данного концепта: политические, этнические, расовые, языковые, религиозные, географические. По мнению Ренана, ни одна из вышеперечисленных характеристик не является главной в формировании наций, поскольку нация, по сути, это категория духовная, сродни душе, в основе которой лежат два взаимосвязанных ключевых фактора — «общее обладание единым богатым наследием, памятью, и современный консенсус, согласие жить вместе и воля к поддержанию ценностей наследия, полученного в неделимой форме» (там же: 19). Духовные

основы нации для Ренана неразрывно связаны с общим историческим наследием, героизмом и славой предков, которые для него обретают практически религиозное измерение: «из всех культов культ предков является наиболее законным, поскольку именно предки сделали нас теми, кем мы являемся» (там же: 19).

В данном понимании нации можно отметить большую роль двух факторов для процессов нациестроительства и определения нации — это высокий уровень социальной солидарности, основанный на моральном принципе, и ключевая роль единого исторического прошлого и всего того, что связывает социальные группы воедино, включая героизм и деяния предков, общие победы и, что немаловажно, также и поражения. Показательно, что для Ренана поражения обладают даже более высокой ценностью, поскольку «они налагают обязанности, долг и требуют общих усилий» (там же: 19).

Концепт нации, предложенный Ренаном, лежит в общем русле традиции идеализма с его приоритетом фактора духовного над материальным. Можно отметить и своеобразную параллель с гегелевским обращением к истории как разворачиванием единого Духа. У Ренана роль героического прошлого в виде культа предков становится, по сути, таким же апофеозом Духа. Важным при этом предстает и понимание социальной солидарности, как прекурсора будущего изучения этого вопроса Э. Дюркгеймом, который плодотворно разработал концепцию солидарной солидарности и связанности (*social cohesion*) (Durkheim, 2001).

Как результат, в середине XX столетия в западной историографии концепт нации был в целом сформулирован как «синоним государства или его жителей, также как обозначение человеческих групп, связанных воедино общей солидарностью, лояльность членов которых группе как целому выше всех других лояльностей» (Rustow, 1968: 7).

Весьма символично, что во второй половине XX в., через сто лет после работы Э. Ренана, Э. Геллнер задался практически аналогичным вопросом — «что такое нация?» и связью данного концепта с национализмом (Gellner, 1993, 1978). Одновременно и в духе Растоу, но по-своему, он также заострил внимание на важности лояльности большим «анонимным» единицам, определяемым общим языком и культурой. В его концепции данная лояльность есть движение, называемое, однако, не нацией, а национализмом (Gellner, 1978: 144), поскольку, по мнению Геллнера, именно национализм вызывает к жизни нации, а не наоборот: «нации могут определяться только в условиях национализма» (Gellner, 1993: 55).

Связь национализма с модерном, точнее, само появление национализма в результате создания так называемой высокой культуры, по мнению Геллнера, размывает традиционные образы жизни, когда современный мир «разрушает равенство, симметрию, универсализацию во времени — или, иными словами, стабильность» (Gellner, 1978: 144). Взамен усиливающейся мобильности, стандартизации, и «как бы компенсируя данное разрушение, привносятся гомогенность пространства, наборов социальных ролей. А все, что противостоит этому — касты, поместья, и прочее — все это имеет тенденцию к разрушению» (Gellner, 1978: 144–145).

Представляется, что данный подход Геллнера, отражающий классическую западную модель развития, необходимо рассматривать в связке с его же собственными размышлениями о траектории национализма: в случае с чужеродной культурой, национализм всегда выступает под лозунгом народной культуры, а достигнув успеха в борьбе, стремится создать свою собственную высокую культуру (Gellner, 1993: 57). Здесь хорошо просматриваются черты синергии между национализмом/модерном, с одной стороны, и традиционной культурой, к которой апеллирует национализм в периоды встречи с Другим. У Геллнера, Другой определяется в целом, в разных категориях — расовых, этнических, религиозных, в то время как у Бхабхи, в рамках концепта гибридности — как колониальный Другой.

Х. Бхабха сфокусировал свою концепцию локальности культуры как гибридность, или «третье пространство» (Bhabha, 2004), в котором сочетаются и уживаются элементы разных культурных традиций. В пост-колониальном дискурсе это культуры колоний и метрополий. Для него образ нации это «амбивалентность, раздвоение, которое преследует идею нации, это язык тех, кто пишет о ней, и жизни тех, кто проживает ее. Данная амбивалентность происходит оттого, что, несмотря на определенность, с которой историки говорят о ‘создании’ нации как характеристике ‘модерна’ общества, культурная темпоральность нации предполагает куда более переходный характер социальной реальности» (Bhabha, 2010: 1). Поэтому нация в его понимании — это фактор двоякого, амбивалентного повествования (там же: 1–3).

Такая интерпретация нации предполагает сосуществование общего пространства, которое перерабатывает разнонаправленные, но пересекающиеся смыслы, результатом которого становится новое качество формируемого знания. В контексте пост-колониального дискурса это может свидетельствовать и о переходном, незавершенном характере процесса выработки собственной идентичности или, говоря языком Геллнера, создания собственной высокой культуры.

Теория деколониальности, заявившая о себе начиная с 1990-х гг. и особенно набравшая силу в последнее десятилетие, как раз и нацелена на осмысление данного процесса незавершенности, на его преодоление и выход за его пределы, то есть завершение. Возникнув изначально в лоне южно-американских исследований, данная концепция стала отражением времени и стремления стран Третьего мира или Глобального Юга воссоздать присущую им идентичность и самим создавать свои смыслы и значения, не диктуемые и не разбавленные колониальными нарративами. Ключевыми концептами данного подхода являются колониальность власти (*coloniality of power*), колониальная матрица власти (*colonial matrix of power, CMP*), деколониальность (*decoloniality*) (Quijano, 2000: 533; Mignolo, Walsh, 2018: 4). В рамках данной концепции колониальность и модерн рассматриваются как взаимозависимые, тесно и внутренне переплетенные, а деколониальность «как рожденная в ответ на обещания модерна и реалии колониальности» (Mignolo, Walsh, 2018: 4). Важно отметить, что В. Миньоло рассматривает деколониальность не просто как новую концепцию, парадигму или критический подход, а как, прежде всего, способ, выбор, практику и конкретные действия (там же: 5). Как результат, можно предположить возможный широкий спектр реализации данного подхода именно в практическом плане, который может охватывать самые разные проявления деколониальности в жизни людей и обществ. Одним из примеров этого являются гендерные аспекты осмысления деколониальности (Tlostanova, 2018).

Таким образом, можно отметить следующую траекторию процесса национализма и производства знания в контексте развития бывших колониальных обществ. Вместе с колониализмом приходит «высокая культура» модернизации с ее размыванием традиций и формированием гомогенности. Далее в условиях гибридности и «третьего пространства» формируются новые, амбивалентные, двойственные смыслы и значения. Здесь можно отметить неизбежное обращение к традиции как к защитному механизму, черпая из которой или же вместе с ней (особенно в ходе национально-освободительных движений), общества балансируют, пытаясь гармонизировать приобретенную гомогенность, разбавляя ее субстратом традиции — своеобразным полученным наследством, эхом прошлых веков стабильности, своего «золотого века». И, наконец, когда в условиях гибридности производство знания и локальные символы интернализируются и осмысляются в достаточном объеме, им становится «тесно» в данной модели и они требуют выхода за пределы существующей амбивалентности, заявляя о своих претензиях на собственную выработку знания по своим лекалам и на основании своего собственного исторического, доколониального, а не амбивалентного опыта. Собственно говоря, здесь и начинает заявлять о себе деколониальность, которая может вырываться наружу и принимать различные формы. Важнейшей сферой становится та, где создаются и распространяются знания, смыслы, значения. Речь идет об интеллектуальной традиции, одним из ключевых проявлений которой становится изучение и написание истории нации.

Рассмотрим далее процессы обращения к традиции в практическом плане через интеллектуальный дискурс, на примере переосмысления индийскими исследователями исторического прошлого, связанного с древней историей субконтинента.

Интеллектуальная традиция как ориентализм, национализм и «третье пространство»

В интеллектуальной истории Индии обращение к своему прошлому, древней истории, культуре, религиям стало заметно актуализироваться вместе с буржуазной реформацией индуизма и ислама, просветительством, ростом национального самосознания и формированием политической культуры на субконтиненте. На протяжении «долгого» XIX в. и в начале XX столетия значительное влияние оказывали идеи таких представителей интеллектуальной, религиозной и политической традиций как Рам Мохан Рой, Дебенадранатх Тагор, Саид Ахмад хан, Даянанд Сарасвати, Свами Вивекананда, Ауробиндо Гхош, Бал Гангадхар Тилак, общества Брахмо Самадж, Арья Самадж, др. Интерес индийцев к собственной истории был также обусловлен в том числе и более широким контекстом, ориен-

талистским дискурсом, открытием и изучением культуры субконтинента в конце XVIII — начале XX в. европейскими исследователями, путешественниками, администраторами (Уильям Джонс, Генри Коулбрук, Генри Уилсон, Монстюарт Эльфинстоун, Джеймс Принсеп, Александр Каннингам, Макс Мюллер, Джордж Натаниэл Керзон, Аурел Стейн, Джон Маршалл, и др.). В институциональном плане, в частности, это получило отражение в создании Азиатского общества в Калькутте в 1784 г, Археологической службы Индии (Archaeological Survey of India) в 1861 г., первым руководителем которой стал основатель индийской археологии Александр Каннингам (A. Cunningham), открытием мурзеев (Keay, 2011).

В первой половине XX в. параллельно с расширением национально-освободительного движения за независимость происходило дальнейшее углубление ориенталистского дискурса, который продолжал задавать магистральное развитие формированию знания об истории субконтинента.

Однако, одновременно можно было увидеть и зачатки новой трансформации, когда вместе с археологическими раскопками середины 1920-х гг. и открытием древнейших цивилизаций Мохенджо-Даро и Хараппы, древняя история приоткрыла свою завесу, а изумленному взгляду было представлено доказательство существования более чем пяти тысячелетней истории субконтинента. Открытие древних поселений Мохенджо-Даро и Хараппы в долине реки Инд, относящихся к 2500–1700 гг. до н. э., поставило Индию в ряд крупнейших цивилизаций древности.

Само открытие древнейших городских поселений и очагов цивилизации также показательно. Впервые руины Мохенджо-Даро и Хараппы были найдены и зафиксированы индийскими сотрудниками Археологической службы Индии Р. Д. Банерджи и Д. Р. Сахни в 1919–1920 и 1921 гг. соответственно. В 1924–1925 гг. раскопки были продолжены К. Н. Дикшитом, а после сопоставления находок и выводов об их схожести между собой, а также с культурами древней Месопотамии, уже на следующий полевой сезон в 1925–1926 г. экспедицию возглавил сам Джон Маршалл, директор Археологической службы Индии (Roy, 2011: 107–108), который в анналах истории стал первооткрывателем и «крестным отцом» данных археологических комплексов: «... Маршалла всегда будут помнить как человека, который оставил Индию на три тысячи лет старше, чем когда он впервые нашел ее» (там же: 113).

На примере истории археологии и историографии открытий можно хорошо проследить специфику ориенталистского дискурса, развитие гибридности и последующей деколонизации в интеллектуальной традиции Индии. Показательной является работа Суриндранатх Роя об истории индийской археологии (там же).

Суриндранатх Рой, автор ставшей классической книги об истории индийской археологии, изданной в 1961 г. к столетнему юбилею Археологической службы Индии, излагал ее историю в условных рамках ориенталистского подхода, хотя уже и разбавленного элементами национализма и гибридности. «Дыхание» ориентализма можно ощутить в его рассуждениях об отсутствии интереса к археологии в истории Индии в древний или же средневековый период, о том, что интерес к древностям возможен лишь с развитием Ренессанса, которого Индия, в отличие от Европы, не испытывала в своей истории: «Для развития на своей почве истинного антикварного духа ей [Индии] нужен был шок от внешнего стимула. Данный стимул пришел с запада, но только к концу восемнадцатого столетия, когда старый режим в Индии уже разлетался на куски» (там же: 5–6).

Вместе с тем, параллельно можно отметить и вплетение другого нарратива, националистического, который пока лишь пунктирно, но все же достаточно заметно начинает проявляться в тексте. Например, Рой отмечает большое значение археологии для культурной идентичности: «археология, более, чем что-либо другое, помогла ей [Индии] обрести себя вновь, вернуть свою давно утерянную идентичность. ... Она глубоко укоренена в самом существовании страны, и является ее моральной и духовной потребностью» (там же: 1). Здесь мы видим апелляцию к традиции и древности через археологическое знание для восстановления утраченной гармонии и культурного достоинства нации.

Одновременно в его работе можно отметить еще один немаловажный для темы исследования момент о том, что развитие археологического познания было невозможно по объективным причинам, а именно политическим правлением Могольских правителей.

«Если Индо-Мусульманский историк не смог развить истинное знание о древностях, то современный индусский интеллектual ненамного лучше. Приход исламской ойкумены означал для него почти что полный разрыв со своим прошлым. То фрагментарное знание, которое было у него, он полностью забыл, а взамен тихо заменил его причудливой реконструкцией, украшенной легендами и мифами» (там же: 6).

Привлекает внимание нарратив, в соответствии с которым история Индии разделяется на правление, основанное на религиозном факторе. Можно предположить, что здесь сказывалась травма раздела страны именно на основе религиозного фактора. Возможно, это стало проявлением непростых межрелигиозных отношений между индусской и мусульманской общинами в истории Индии. В любом случае, данный нарратив показывает двойное измерение культурной идентичности индийского интеллектуала в середине XX в.: все еще ярко выраженный внешний ориенталистский дискурс и пока еще незаметный посыл, основанный на религиозном национализме.

Археологические открытия 1920-х гг., в частности, древних цивилизаций Мохенджо-Даро и Хараппы в долине реки Инд и их интерпретацию историографической традицией в середине XX столетия можно считать не только важной вехой в развитии археологии, но и маркером существовавших дискурсов национализма: с одной стороны, это, выражаясь языком Саида, отголоски «ориенталистской догмы», все еще продолжавшей довлеть в интеллектуальной сфере, а с другой, это расширение пространства национализма. Данное соединение показывает гибридность «третьего пространства».

Интеллектуальная традиция как «деколониальность»

Изучение древнего периода любого региона или страны всегда представляет собой вызов в силу отсутствия или малозученности источников, необходимости знания древних языков и дешифровки надписей. В случае с очень протяженной по времени исторической традицией в Индии, вопросы, связанные с предисторией, древними цивилизациями, культурой, миграциями, расселениями племен и др., становятся очень важными элементами научных и общественных дискуссий (Iyengar, 1912; Coomaraswamy, 1999; Thapar, 1996; и др.)

Достаточно вспомнить, как один из лидеров так называемого радикального направления в Индийском национальном конгрессе Бал Гангадхар Тилак занимался не только политической деятельностью, но и изучением древней истории Индии. В частности, он достаточно активно исследовал теорию северного арктического происхождения арийских племен и ведической традиции (Madabhushi, 1993). Впрочем, это можно считать и доказательством того, как обращение к своей культурной идентичности может становиться инструментом политической борьбы, а в более широком плане — доказательством влияния смыслов и значений на производство знания и практику.

Одним из плодовитых авторов, занимающихся в последние десятилетия переосмыслением древнего периода истории субконтинента, является Дилип Чакрабартти, профессор археологии Южной Азии в Кембриджском университете, обладатель одной из высших государственных наград Индии *Падма Шри* в 2019 г. Его перу принадлежат многочисленные работы по истории древнеиндийских цивилизаций, городов, металлургии: он автор 32 (!) монографий и 6 сборников, в которых он выступил редактором (Chakrabarti, 2022: xiii–xv). Пожалуй, наиболее активно в последнее время он работает на стыке археологии и социополитического анализа, изучая темы истории индийской археологии, ее ключевых вопросов, влияния на национализм. В контексте данной статьи его работы, в том числе (пере)изданные совсем недавно, являются наиболее репрезентативными. В переводе на русский язык их можно перевести как «К националистическому нарративу древнего прошлого Индии» (Chakrabarti, 2022), «Борьба за древнюю Индию. Эссе о социополитике индийской археологии» (Chakrabarti, 2021).

Основной лейтмотив ученого можно свести к следующим ключевым положениям:

«После завоевания страной независимости в индийском профессиональном сообществе доминировала и все еще продолжает существовать устоявшаяся точка зрения о том, что в истории Индии отсутствовали технологические, культурные инновации, а все нововведения были результатом влияния других иностранных культур. ... что Индия всегда являлась колонией. ... [А]рхеологические исследования в Индии в целом все еще являются в основном безобразно неокониальными в том, что нам так и не удалось пока предложить связанный индийский нарратив археологического прошлого нашей страны. Это не говорит о том, что мы должны возвеличивать наше прошлое путем вычурных заявлений о хронологии. ... В основном это подразумевает продолжительную и связанную историю экономического и культурного развития в различных территориях в том смысле как мы понимаем субконтинент как единое целое и в том, что именно мы подразумеваем под таким развитием. ... В чем могут заключаться базовые националистические измерения археологии в Индии? В такой культурно разнообразной стране как Индия национализм должен быть многомерным, при этом иметь основные нити, связывающие воедино; археологи страны,

по крайней мере те, для кого национализм, понимаемый в археологическом смысле, имеет значение, должны будут прояснить в свете своего опыта и экспертизы, что именно они подразумевают под истинным националистическим подходом к археологии той страны, которую они изучают» (Chakrabarti, 2022: 1–2).

Как видно, основные положения автора связаны с его осознанием и переживанием того, что в археологии и шире в истории Индии все еще присутствует ориенталистский колониальный дискурс, именно поэтому Чакрабарти четко называет его неоколониальным. Для его преодоления он ставит и предлагает решить две основные методологические по сути задачи.

Первая связана с необходимостью разработать и изучать такую историю и археологию субконтинента, которая была бы связанной, единой, причем, нужно будет определить основные параметры культурного и экономического развития. А вторая большая задача — концептуальная, она требует разработки основных концептов и положений, поскольку им заявлена ключевая методологическая связка: национализм и археология. Что можно и нужно понимать под «националистическим подходом к археологии», как она может разворачиваться и проявляться? Чакрабарти поэтому призывает коллег по цеху поставить для себя такую задачу и определиться с определениями. Словно манифест, он составляет программу, но не только концептуальную, но также и действий.

Например, в практическом плане важным фактором нового подхода должна стать, по его мнению, тщательная интерпретация археологами полученных результатов, особенно это касается тех индийских ученых, которые работают совместно с зарубежными. Чакрабарти специально заостряет на этом внимание, чтобы подчеркнуть, что зарубежные археологи или технологи могут не знать историю и культуру Индии или даже не проявлять чувство уважения к ее прошлому. И далее он и вовсе заявляет, что «в среде индийской археологии очень сильно выражены, сегодня даже сильнее, чем во времена [Мортимера] Уилера (директора Археологической службы Индии в 1944–1947 гг. — *Авт.*) то, что в исследованиях важное значение придается цвету кожи и/или принадлежностью к определенным группам» (там же: 2–4).

В подобного рода заявлениях, безусловно, сквозит желание преодолеть свою коллективную уязвимость, встать не только вровень с колониальным Другим, но и в целом отказаться от чувства/комплекса неполноценности. И это можно считать своеобразным призывом, его личным и коллективным кредо, которое он как задачу ставит для индийских археологов.

В этом смысле подход Чакрабарти можно однозначно считать проявлением деколониальности, которая по Миньоло, мыслится не просто как преодоление колониальности, а именно так же как соединение теории и практики, действий, опыта, который переживается и через который и происходит отход от прошлых моделей (*delinking*). Взгляды Чакрабарти можно считать отражением более общей тенденции и ситуации в индийской археологии, когда присутствуют одновременно отголосок ориенталистского дискурса, гибридность и все более громко заявляющая о себе деколониальность.

Еще одним знаковым примером и показателем деколониальности в современной индийской историографии и социальной практике можно считать взгляды Дж. Сай Дипака (J. Sai Deepak), IT инженера и юриста по образованию, ведущего собственную адвокатскую практику для рассмотрения дел в Верховном суде Индии и городском суде Дели. Сай Дипак является автором двух работ: «India that is Bharat. Coloniality, Civilisation, Constitution» («Индия, то есть Бхарат. Колониальность, цивилизация, конституция») и «India, Bharat and Pakistan. The Constitutional Journey of a Sandwiched Civilisation» («Индия, Бхарат и Пакистан. Конституционное путешествие сжатой цивилизации»), изданных в 2021 и 2022 гг. соответственно (Deepak, 2021, 2022).

Данные работы стали квинтэссенцией его профессиональной и общественной деятельности, выступлений с лекциями, публицистических заметок в газетах и журналах, интервью. Большую известность Дипак получил благодаря своей адвокатской деятельности, в частности, процессу о защите и сохранении традиционной религиозной практики в храме Сабаримала. Суть процесса, проходившего в 2017–2019 гг., состояла в том, что девушкам и женщинам детородного возраста по религиозным обычаям было запрещено входить в храм. Данную традицию оспаривала Ассоциация молодых индийских адвокатов, а другая неправительственная организация «People for Dharma» пыталась сохранить этот религиозный обычай. Интересы последней организации на общественных началах и отстаивал Дипак. Его позиция как адвоката состояла в том, чтобы:

«представить перед Верховным судом страны настоящее разнообразие религиозных практик, уникальный характер религиозных институтов в рамках Дхармы и место, которое занимают божества в

специально установленных для них местах. Я также хотел заострить внимание на правах божеств и поклоняющегося им в соответствии с Конституцией, а также на серьезных осложнениях, которые возникают в результате применения не-Индической (non-Indic) онтологии, эпистемологии, теологии и юриспруденции к Индическим образам жизни, религиям, практикам и институтам» (Deepak, 2021: 6).

Ключевым моментом, вызвавшим большой общественный резонанс, стало заявление Дипака о том, что «у божества есть свои фундаментальные права как 1) 'личности', в соответствии со статьей 25(1) Конституции; 2) самого источника религиозных практик, соблюдаемых в храме Сабаримала, благодаря которым храм имеет статус деноминации дхармической религии в соответствии со статьей 26» (там же: 24).

Заявление о том, что божества тоже имеют свои права, не просто взорвало общественное пространство, но и показало линии его водораздела: секулярного и религиозного, «не оставив при этого срединного пути, что многое говорит о времени, в котором мы живем» (там же).

Оно высветило вопросы и о том, что такое концепты, как они создаются и усваиваются в обществе. Важно отметить, что в своей работе Дипак старается использовать традиционные обозначения и определения, вводя слова из хинди в английский язык без перевода. Например, *дхарма* как обозначение не просто религии, а некоего религиозного пути и образа жизни, или *индический* (а не индийский) образ жизни. Пожалуй, самым важным моментом становится использование им вместо слова «Индия» слова *Бхарат* как названия, с которым в древности жители субконтинента идентифицировали место своего проживания.

Замена слов это не просто игра слов, а изменение концептов, видения будущего через апелляцию к своему прошлому. Название Бхарат автор выносит в название своей первой книги, словно задавая дискурс: «Индия, то есть Бхарат». И далее он уточняет, что именно с таких слов статьи 1 начинается текст Конституции Индии, словно заявление всему миру о своих корнях и наследии.

Аналогично взглядам Дилипа Чакрабарти, Дипак также болезненно реагирует на состояние колониальности: «Нам долго говорили, что Бхарат был синтетическим продуктом колонизации, у которой не было своей идентичности или самостоятельного сознания до тех пор, пока на ее землю не ступила нога европейского колонизатора, и он не слепил из нее единую 'нацию'» (там же: 10). Поэтому Дипак считает принципиально важным не допустить, чтобы Бхарат опять формировался по лекалам Запада, поскольку «это уничтожит ее своеобразие и характер и сделает ее простым вассалом Запада» (там же: 14).

Как результат, выход он видит в том, чтобы деколонизальность была не просто внешним, поверхностным, а полным, глубинным актом и процессом, возможно, более решительным и радикальным. Об этом может свидетельствовать, например, сама постановка вопроса о статусе божеств. Дипак не просто заявляет о важности религиозной традиции, для него это даже не оспаривается, отсюда и его критика в том числе некоторых положений Конституции. Он решительным образом пытается трансформировать само законодательное пространство, вводя в оборот совершенно немислимые еще недавно положения о том, что божества имеют свои фундаментальные права и свой статус, и даже реализовывает это на практике, направив кейс в деле о храме Сабаримала на повторное рассмотрение, которое еще ждет своего окончательного решения.

Здесь, однако, необходимо добавить, что взгляды и активность Дипака необходимо анализировать в более широком и одновременно личностном контексте. Саи Дипак придерживается взглядов, которые можно условно обозначить как *хиндутва* / *Hindutva*, или идеология индусского национализма, выступающего за доминирование индусов и индуизма (Jaffrelot, 2007). Данная идеология стала основой деятельности политической партии БДЖП / BJP¹, правящей партии в Индии с 2014 г., а также радикального крыла, организации PCC / RSS².

¹ Бхаратия Джаната парти, или БДЖП/BJP, националистическая партия правого толка, придерживающаяся политической идеологии индусского национализма; правящая партия в Индии с 2014 года, лидером которой является нынешний премьер-министр Индии Н. Модии.

² RSS/PCC, или Раштрия Сваямсевак Сангх — полувоенная организация индусских националистов крайне правого спектра, основанная в 1925 году, которая выступает за объединение индусов и создание индусской нации. Член PCC в 1948 году совершил убийство М. Ганди. Партия была трижды запрещена в Индии.

Не случайно, что ключевые процессы и решения, вызывавшие наиболее сильный резонанс в индийском обществе, особенно в последнее десятилетие, стали возможными благодаря политике шафранизации¹, или индуистского национализма, проводимой партией БджП. Это поправки к Конституции о реорганизации штата Джамму и Кашмир; решение Верховного Суда о предоставлении территории для строительства храма в Айодхье на месте разрушенной фанатиками мечети Бабри масджид; Дополнения к Акту о гражданстве на получение ускоренного гражданства Индии беженцам всех конфессий, за исключением мусульманской. Все эти решения были приняты в один и тот же — 2019-й — год. Все они так или иначе связаны с вопросами религиозного развития. Об этих ключевых событиях 2019 г. Дипак пишет с чувством особой значимости как о «тектонических сдвигах в индийской истории, которые затронули некоторые линии разломов, неразрешимое ранее наследие и цивилизационные вопросы» (Deepak, 2021: 9). При этом он, однако, сетует на то, что «самое гнетущее во всех этих нескончаемых дискуссиях то, что была поставлена под сомнение сама легитимность и основная идентичность Индийского государства и Индического общества» (Deepak, 2021: 9–10).

Взгляды и практическая деятельность Дипака, ставящая деколониальность приоритетом, проходит в контексте более широкого, аналогичного процесса, наблюдаемого сегодня в Индии.

Заключение

В Индии колониальное прошлое и модернизация тесно переплетены между собой и связаны с важными для субконтинента особенностями развития — религиозным, этническим, этнорелигиозным плюрализмом, а также богатым историческим наследием. Соответственно, при анализе вопросов нациестроительства в Индии важным становится обращение к данным дискурсам, осмысление и интерпретация которых индийским обществом становится важным фактором общенациональной идентичности. При этом открытым остается вопрос о последствиях и результатах данного процесса нациестроительства: к чему это может приводить — к формированию новой национальной/культурной идентичности, а если да, то за счет усиления какого/каких дискурсов, или же к поддержке и закреплению уже имеющейся?

В настоящее время в Индии происходит процесс определения векторов своей идентичности, основанный на религиозно окрашенной националистической идеологии и практике, и приводящий к кардинальному пересмотру прошлого. Данный процесс можно рассматривать и в более широком взаимосвязанном контексте — изменения геополитического статуса Индии на международной арене, а также в рамках гибридности, «третьего пространства» и деколониальности в качестве его высшего аккорда. При этом выстраиваемая новая модель идентичности в силу своей сфокусированности на роли одной из религиозных традиций — индуизма — и потому исключающей всеобщий консенсус, потенциально является уязвимой и предрасположена к изменениям и корректировкам в будущем.

В условиях поликонфессиональной и полиэтнической специфики страны, приоритет, отдаваемый преимущественно одной религии, потенциально закладывает основы для будущей нестабильности системы и последующей смены полей с целью преодоления и гармонизации данного процесса. Соответственно, данный формат нациестроительства не может являться полноценным и стабильно устойчивым, скорее, его можно считать одним из шагов к дальнейшим попыткам выстраивания всеиндийской культурной идентичности.

В процессе создания наций и нациестроительства, когда бывшие колониальные общества проходят через опыт «третьего пространства» и деколониальности, они испытывают двойную нагрузку традиции. Традиция выступает, с одной стороны, как своеобразный баланс модерну для поддержания коллективного психологического самочувствия нации, а с другой стороны, одновременно как спасительный круг, хватаясь за который, нации стремятся преодолеть колониальный дискурс, своеобразный коллективный комплекс неполноценности, диапазон которого широк — от унижения до дискомфорта.

Данная двойная нагрузка традиции не может остаться незамеченной, она способна оказывать влияние на процессы, происходящие в обществах. Это может происходить потому, что наряду с мо-

¹ Данным термином называют процесс усиления влияния радикальной идеологии индуистских националистов. Шафрановый цвет ассоциируется с индуизмом; флаги цвета шафрана можно увидеть на индуистских храмах, их также используют в своих маршах члены радикальной организации РСС.

дерном, в «третьем пространстве» и еще сильнее при деколониальности традиция живет такой же полноправной жизнью, она незримо и невидимо, но реально (в виде неформальных институтов, менталитета) в практическом плане присутствует и также определяет контуры и содержание развития обществ. Как результат, апелляция к традиции (в различных проявлениях) в определенные периоды национально-государственного строительства может стать катализатором изменений в обществах. Это может свидетельствовать о длительном характере национально-государственного строительства, об относительной устойчивости «третьего пространства» и его гибридности, создающей условия для деколониальности.

Анализ работ индийских исследователей показывает, что в середине XX в. ориенталистский дискурс все еще был активен, но проявлялся в связке с национализмом, создавая гибридность третьего пространства. В свою очередь, и в современной Индии, спустя 77 лет после достижения страной независимости, «третье пространство» или гибридность также является актуальным, оно переживает вновь, выпукло проявляя себя в интеллектуальной сфере, и также в связке — с деколониальностью.

В современном индийском обществе выстраивание/смена системных парадигм происходит через апелляцию к традиции в рамках деколониальности, которая, в свою очередь, принимает не только расовое, социальное, культурное и цивилизационное (Я — Другой, Индия — Британская империя, Восток — Запад), но и сугубо религиозное измерение. Деколониальность, таким образом, проходит преимущественно через обращение к традиции и религии, которая становится ключевым модусом, одновременно содержанием и формой, а также своеобразным локомотивом данного процесса. В свою очередь, это может свидетельствовать о длительном характере процесса трансформации, незавершенность которого с особой остротой и накалом может выпукло проявляться именно в сфере производства знания, значений, символов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2024) Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>
- Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023) Травелог в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>
- Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2022) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 239–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>
- Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2023) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений // Новые исследования Тувы. № 3. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>
- Ahmad, I. (1973) Caste and Social Stratification among Muslims in India. Columbia : South Asia Books ; New Delhi : Manohar Book Service. 256 p.
- Anderson, B. (1991) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. 2nd ed. London : Verso. 240 p.
- Bajpai, R. (2022) Pluralizing Pluralism: Lessons from, and for, India // The Review of Faith & International Affairs. Vol. 20. No 1. P. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2031046>
- Bhabha, H. K. (Ed.). (2010) Nation and Narration (1st ed.). London : Routledge. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203823064>
- Bhabha, H. K. (2004) Introduction // The Location of Culture. 2nd ed. Routledge Classics Series. London : Routledge. 440 p. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820551>
- Bhambra, G. K. (2014) Postcolonial and decolonial dialogues // Postcolonial Studies. Vol. 17:2. P. 115–121. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2014.966414>
- Chakrabarti, D. K. (2021) The Battle for Ancient India. An Essay in the Sociopolitics of Indian Archaeology. New Delhi : Aryan Books International. 173 p.
- Chakrabarti, D. K. (2022) Towards a Nationalist Narrative of India's Ancient Past. Including Recent Research on the Indus Civilization. New Delhi : Aryan Books International. 234 p.
- Chatterjee, P. (1993) The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 282 p.

- Coomaraswamy, A. (1999) *Introduction to Indian Art*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers. 104 p.
- Deepak, J. S. (2021) *India that is Bharat. Coloniality, Civilisation, Constitution*. New Delhi : Bloomsbury India. 460 p.
- Deepak, J. S. (2022) *India, Bharat and Pakistan. The Constitutional Journey of a Sandwiched Civilisation*. New Delhi : Bloomsbury India. 616 p.
- Durkheim, E. (2001) *The Elementary Forms of Religious Life*. Transl. from French by C. Cosman. Introduction and notes by Mark S. Cladis. Series "Oxford World's Classics". Oxford : Oxford University Press. 358 p.
- Gellner, E. (1993) *Nations and Nationalism*. Oxford UK & Cambridge USA : Blackwell. 150 p.
- Gellner, E. (1978) *Scale and Nation* // Barth, F. (Ed). *Scale and social organization*. Oslo : Universitetsforl. 291 p. P. 133-149.
- Habib, I. (2018) *The National Movement. Studies in Ideology and History*. New Delhi : Tulika Books. 119 p.
- Iyengar, P. T. (1912) *The Myth of the Aryan Invasion of India* // *Journal of the Royal Society of Arts*. Vol. 60. No. 3113 (1912). P. 841–846.
- Jaffrelot, C. (2007) (Ed). *Hindu Nationalism: A Reader*. Princeton and Oxford : Princeton University Press. 424 p.
- Jaffrelot, C. (2009) *Religion and Nationalism* // Peter B. Clarke (ed.). *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*. Oxford Academic. P. 406–417. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199588961.013.0023>
- Jodhka, S., Naudet, J. (ed) (2023) *The Oxford Handbook of Caste*. Oxford Academic. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198896715.001.0001>
- Keay, J. (2011) *To Cherish and Conserve. The Early Years of the Archaeological Survey of India*. New Delhi : Archaeological Survey of India, National Culture Fund. 115 p.
- Khurshid, S. (2019) *Visible Muslim, Invisible Citizen. Understanding Islam in Indian Democracy*. New Delhi : Rupa. 308 p.
- Madabhushi, S. (1993) *Arctic Theory of Tilak: New Evidences* // *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*. Vol. 74. No. 1/4 (1993). P. 245–253.
- Mignolo, W. D., Walsh, C. E. (2018) *On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis*. Duke University Press. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11g9616>
- Nandy, A. (2010a) *The Romance of the State and the Fate of Dissent in the Tropics*. New Delhi : Oxford University Press. 218 p.
- Nandy, A. (2010b) *Bonfire of Creeds. The Essential Ashis Nandy*. New Delhi : Oxford University Press. 306 p.
- Nandy, A. (2012) *Nationalism, Genuine and Spurious: A Very Late Obituary of Two Early Postnationalist Strains in India* // *Occasion: Interdisciplinary Studies in the Humanities*. Vol. 3. P. 1–10.
- Nandy, A., Trivedy, S., Mayaram, S., Yagnic, A. (2006) *Creating a Nationality. The Ramjanmabhumi Movement and Fear of the Self*. New Delhi : Oxford University Press. 212 p.
- Parsons, T. (1985) *On Institutions and Social Evolution. Selected Writings*. Ed. and Introduction by Leon H. Mayhew. Chicago ; London : The University of Chicago Press. 356 p.
- Pozanesi, P. (2021) *Postcolonial intellectuals: new paradigms* // *Postcolonial Studies*. Vol. 24:4. P. 433–447. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2021.1985232>
- Quijano, A. (2007) *Coloniality and Modernity/Rationality* // *Cultural Studies*. Vol. 21(2–3). P. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>
- Quijano, A., Ennis, M. (2000) *Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America* // *Nepantla: Views from South*. Vol. 1. No. 3 (2000). P. 533–580.
- Renan, E. (2010) *What is a Nation?* // Bhabha, H. K. (Ed.). *Nation and Narration*. London : Routledge. 352 p. P. 8–22.
- Roy, S. (2011) *The Story of Indian Archaeology. 1784–1947*. New Delhi : Archaeological Survey of India. 213 p.
- Rustow, D. A. (1968) *Nation* // *International Encyclopaedia of the Social Sciences*. Ed. David L. Sills. Vol. 11. The Macmillan Company and the Free Press. 614 p. P. 7–14.
- Said, E. (2003) *Orientalism*. London : Penguin. 396 p.
- Srivastava, N. (2021) *The intellectual as partisan: Sylvia Pankhurst and the Italian invasion of Ethiopia* // *Postcolonial Studies*. Vol. 24: 4. P. 448–463. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2021.1985235>
- Thapar, R. (2021) *Early India. From the Origins to AD 1300*. Gurugram: Penguin Books. 556 p.

Thapar, R. (1996) The Theory of Aryan Race and India: History and Politics // *Social Scientist*. Vol. 24. No. 1/3 (1996). P. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.2307/3520116>

Tharoor, S. (2018) *Why I am Hindu*. New Delhi : Aleph Book Company. 320 p.

Tlostanova, M. (2019) Delinking from Victimhood and Other Rivalries // *International Journal of Critical Diversity Studies*. Vol. 2. No. 1. P. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.13169/intecritdivestud.2.1.0092>

Дата поступления: 10.09.2024 г.

Дата принятия: 3.10.2024 г.

REFERENCES

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2024) Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 265–278 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Chetyrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2022) Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 239–262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2023) Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 171–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>

Ahmad, I. (1973) *Caste and Social Stratification among Muslims in India*. Columbia, South Asia Books; New Delhi, Manohar Book Service. 256 p.

Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London, Verso. 240 p.

Bajpai, R. (2022) Pluralizing Pluralism: Lessons from, and for, India. *The Review of Faith & International Affairs*, vol. 20, no. 1, pp. 27–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2031046>

Bhabha, H. K. (Ed.) (2010) *Nation and Narration*. London, Routledge. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203823064>

Bhabha, H. K. (2004) Introduction. In: *The Location of Culture*. 2nd ed. Routledge Classics Series. London, Routledge. 440 p. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203820551>

Bhambra, G. K. (2014) Postcolonial and decolonial dialogues. *Postcolonial Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 115–121. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2014.966414>

Chakrabarti, D. K. (2021) *The Battle for Ancient India. An Essay in the Sociopolitics of Indian Archaeology*. New Delhi, Aryan Books International. 173 p.

Chakrabarti, D. K. (2022) *Towards a Nationalist Narrative of India's Ancient Past. Including Recent Research on the Indus Civilization*. New Delhi, Aryan Books International. 234 p.

Chatterjee, P. (1993) *The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 282 p.

Coomaraswamy, A. (1999) *Introduction to Indian Art*. New Delhi, Munshiram Manoharlal Publishers. 104 p.

Deepak, J. S. (2021) *India that is Bharat. Coloniality, Civilisation, Constitution*. New Delhi, Bloomsbury India. 460 p.

Deepak, J. S. (2022) *India, Bharat and Pakistan. The Constitutional Journey of a Sandwiched Civilisation*. New Delhi, Bloomsbury India. 616 p.

Durkheim, E. (2001) *The Elementary Forms of Religious Life*. Transl. from French by C. Cosman. Introduction and notes by Mark S. Cladis. Series "Oxford World's Classics". Oxford, Oxford University Press. 358 p.

Gellner, E. (1993) *Nations and Nationalism*. Oxford UK & Cambridge USA, Blackwell. 150 p.

Gellner, E. (1978) Scale and Nation. In; Barth, F. (Ed) *Scale and social organization*. Oslo, Universitetsforl. 291 p. Pp. 133–149.

Habib, I. (2018) *The National Movement. Studies in Ideology and History*. New Delhi, Tulika Books. 119 p.

Iyengar, P. T. (1912) The Myth of the Aryan Invasion of India. *Journal of the Royal Society of Arts*, vol. 60, no. 3113 (1912), pp. 841–846.

- Jaffrelot, C. (2007) (Ed) *Hindu Nationalism: A Reader*. Princeton, Oxford, Princeton University Press. 424 p.
- Jaffrelot, C. (2009) Religion and Nationalism. In: Peter B. Clarke (ed.). *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*. Oxford Academic. P. 406–417. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199588961.013.0023>
- Jodhka, S. and Naudet, J. (ed) (2023) *The Oxford Handbook of Caste*. Oxford Academic. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198896715.001.0001>
- Keay, J. (2011) *To Cherish and Conserve. The Early Years of the Archaeological Survey of India*. New Delhi, Archaeological Survey of India, National Culture Fund. 115 p.
- Khurshid, S. (2019) *Visible Muslim, Invisible Citizen. Understanding Islam in Indian Democracy*. New Delhi, Rupa. 308 p.
- Madabhushi, S. (1993) Arctic Theory of Tilak: New Evidences. *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*, vol. 74, no. 1/4 (1993), pp. 245–253.
- Mignolo, W. D. and Walsh, C. E. (2018) *On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis*. Duke University Press. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11g9616>
- Nandy, A. (2010a) *The Romance of the State and the Fate of Dissent in the Tropics*. New Delhi, Oxford University Press. 218 p.
- Nandy, A. (2010b) *Bonfire of Creeds. The Essential Ashis Nandy*. New Delhi, Oxford University Press. 306 p.
- Nandy, A. (2012) Nationalism, Genuine and Spurious: A Very Late Obituary of Two Early Postnationalist Strains in India. *Occasion: Interdisciplinary Studies in the Humanities*, vol. 3, pp. 1–10.
- Nandy, A., Trivedy, S., Mayaram, S. and Yagnic, A. (2006) *Creating a Nationality. The Ramjanmabhumi Movement and Fear of the Self*. New Delhi, Oxford University Press. 212 p.
- Parsons, T. (1985) *On Institutions and Social Evolution. Selected Writings*. Ed. and Introduction by Leon H. Mayhew. Chicago; London, The University of Chicago Press. 356 p.
- Pozanesi, P. (2021) Postcolonial intellectuals: new paradigms. *Postcolonial Studies*, vol. 24, no. 4, pp. 433–447. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2021.1985232>
- Quijano, A. (2007) Coloniality and Modernity/Rationality. *Cultural Studies*, vol. 21(2–3), pp. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>
- Quijano, A. and Ennis, M. (2000) Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America. *Nepantla: Views from South*, vol. 1, no. 3 (2000), pp. 533–580.
- Renan, E. (2010) What is a Nation? In: Bhabha, H. K. (Ed.) *Nation and Narration*. London, Routledge. 352 p. Pp. 8–22.
- Roy, S. (2011) *The Story of Indian Archaeology. 1784–1947*. New Delhi, Archaeological Survey of India. 213 p.
- Rustow, D. A. (1968) Nation. In: *International Encyclopaedia of the Social Sciences*. Ed. David L. Sills. Vol. 11. The Macmillan Company and the Free Press. 614 p. Pp. 7–14.
- Said, E. (2003) *Orientalism*. London, Penguin. 396 p.
- Srivastava, N. (2021) The intellectual as partisan: Sylvia Pankhurst and the Italian invasion of Ethiopia. *Postcolonial Studies*, vol. 24, no. 4, pp. 448–463. DOI: <https://doi.org/10.1080/13688790.2021.1985235>
- Thapar, R. (2021) *Early India. From the Origins to AD 1300*. Gurugram, Penguin Books. 556 p.
- Thapar, R. (1996) The Theory of Aryan Race and India: History and Politics. *Social Scientist*, vol. 24, no. 1/3 (1996), pp. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.2307/3520116>
- Tharoor, S. (2018) *Why I am Hindu*. New Delhi, Aleph Book Company. 320 p.
- Tlostanova, M. (2019) Delinking from Victimhood and Other Rivalries. *International Journal of Critical Diversity Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.13169/intecritdivstud.2.1.0092>

Submission date: 10.09.2024.

Acceptance date: 3.10.2024.

Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and features of the developed E-Doc Complex website

Gulnaziya T. Zhakupova, Aigerim A. Sydykova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Victor Donninghaus

The Northeast Institute (Institute for the Culture and History of Germans in Northeast Europe), Germany,

Venera Zh. Elle

International University of Information Technology, Republic of Kazakhstan

At the present time, electronic publication of archival documents is a modern high-profile way to use them and satisfy information needs of the society and researchers, as well as to popularize the documentary heritage. Publications of archival institutions on the Internet imply a multi-faceted practice, which includes development of search tools and reference mechanisms for collections, providing digital copies of archival documents on certain topics. Archival institutions create various types of electronic publications, namely databases, online exhibitions, collections of archival materials. Thus, currently, electronic archaeography is a promising research area due to the active advancements in the discipline's practical applications. Publication of collections of archival documents is the most problematic issue among all types of documentary publication in electronic form.

The purpose of the article is to analyze the main types of documentary publications provided by archival institutions in the digital environment and to reveal the specifics of the developed software product for publishing collections of archival materials. The research uses materials from the state archives of the Republic of Kazakhstan, regulatory and methodological documents. The results of the research include the following: an analysis of the academic discourse on the problems of publishing documentary heritage at the present stage was carried out; types of electronic publications and methods of their creation in the digital space were examined using the example of the state archives of the Republic of Kazakhstan; the E-Doc Complex website was developed as a separate software product for creating three types of collections of archival documents and thematic virtual exhibitions.

Keywords: *documentary publication; electronic archaeography; archival documents; types of electronic publications; collections of archival documents; virtual exhibitions; E-Doc Complex website; digitalization; digital space; online visualization*

For citation:

Zhakupova G. T., Sydykova A. A., Donninghaus V., Elle V. Zh. Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and features of the developed E-Doc Complex website. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 325-347. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.21>

ZHAKUPOVA, Gulnaziya Tolgaevna, Candidate of History, Associate Professor; Associate Professor, Department of World History, Source Studies and Historiography, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: Al-Farabi Ave. 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: gulnaztolgaevna777@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1519-9043

SYDYKOVA, Aigerim Amangeldyevna, Doctoral Student, Department of World History, Source Studies and Historiography, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: Al-Farabi Ave. 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: saigerim1702@gmail.com

ORCID: 0009-0002-8459-5242

DONNINGHAUS, Victor, Doctor of History, Professor, Deputy Director, The Northeast Institute (Institute for the Culture and History of Germans in Northeast Europe), Germany. Postal address: 31 Lindenstrabe, 21335 Lunenburg, Germany. E-mail: v.doenninghaus@ikgn.de

ELLE, Venera Zhanatkyzy, Senior Lecturer, Information Systems Department, International University of Information Technology (IITU). Postal address: 34/1 Manas St., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: v.elle@iitu.edu.kz

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Электронные публикации архивных учреждений Республики Казахстан и особенности разработанного вебсайта E-Doc Complex

Гульназия Т. Жакупова, Айгерим А. Сыдыкова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Виктор Дённингхаус

Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете, Германия,

Венера Ж. Элле

Международный университет информационных технологий, Республика Казахстан

В настоящее время электронная публикация архивных документов является современным востребованным способом их использования и удовлетворения информационных потребностей общества и исследователей, а также популяризации документального наследия. Публикации архивных учреждений в Интернете предполагают наличие различных практических компетенций, которые включают разработку инструментов поиска и справочных систем для коллекций, предоставление цифровых копий архивных документов по определенной тематике. Архивные учреждения создают различные виды электронных изданий: базы данных, онлайн-выставки, коллекции архивных материалов. Таким образом, в настоящее время электронная археография является перспективным направлением исследований благодаря активному развитию возможностей ее прикладного применения. Публикация сборников архивных документов является наиболее сложной проблемой среди всех видов документальных публикаций в электронном виде.

Целью статьи является анализ основных видов документальных публикаций, предоставляемых архивными учреждениями в цифровой среде, и раскрытие специфики разработанного программного продукта для публикации коллекций архивных материалов. В исследовании использованы материалы государственных архивов Республики Казахстан и нормативно-методические документы. Результаты исследования заключаются в следующем: был проведен анализ научного дискурса по проблемам публикации документального наследия на современном этапе; на примере государственных архивов Казахстана были рассмотрены типы электронных публикаций и методы их создания в цифровом пространстве; разработан веб-сайт E-Doc Complex как отдельный программный продукт для создания трех типов коллекций архивных документов и тематических виртуальных выставок.

Ключевые слова: документальная публикация; электронная археография; архивный документ; виртуальная выставка; вебсайт E-Doc Complex; цифровизация; цифровое пространство; онлайн-визуализация

Для цитирования:

Zhakupova G. T., Sydykova A. A., Donninghaus V., Elle V. Zh. Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and features of the developed E-Doc Complex website // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 325-347. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.21>

Жакупова Гульназия Толгаевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: gulnaztolgaevna777@gmail.com

Сыдыкова Айгерим Амангельдыевна — докторант кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: saigerim1702@gmail.com

Дённингхаус Виктор — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Северо-восточного института (Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы, Германия). Адрес: 21335, Германия, г. Люнебург, Линденштрассе, д. 31. Эл. адрес: v.doenninghaus@ikgn.de

Элле Венера Жанаткызы — старший преподаватель кафедры информационных систем Международного университета информационных технологий. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Манаса, д. 34/1. Эл. адрес: v.elle@iitu.edu.kz

Introduction

In modern conditions, the concept of the archive is radically changing in all areas of its implementation due to digitalization, including the creation and use of digital heritage. Archives are becoming active agents of democratizing information and offering a comprehensive view of cultural heritage. Publication of archival materials in the digital space is based on archaeography. It is one of the historical disciplines that repeatedly rethink the positions fundamental to any science throughout their development. This is due to the specific features of archaeography itself, which is constantly evolving and is closely related to the digitalization of historical science as well as to the development of printing and publishing technologies (Olimpieva, 2018). Due to its ability to transform itself, archaeography has successfully applied the accumulated experience over the centuries, especially in the context of electronic documentary publication.

Currently, electronic archaeography is a promising area for the active use of documentary heritage by archival institutions. The rapid development of digitalization and electronic data processing requires the development and streamlining of principles, methods and tools for electronic documentary publishing. After the adoption of the State programs “Information Kazakhstan 2020”¹ (March 19, 2010), “Digital Kazakhstan”² (December 12, 2017) and “Archive 2025”³ (December 20, 2019), the archives of the Republic of Kazakhstan have commenced active work on the development of electronic websites providing open access to archival fonds and documents. At the same time, the issue of developing software products for creating electronic documentary publications is particularly relevant.

The research objective is to evaluate the significance of electronic publications and their types, and to present a new website for digital publishing of archival records. The main goals of this work are as follows: firstly, to identify the current state of electronic publications of the state archives in the Republic of Kazakhstan; secondly, to develop a software product for creating an electronic publication, namely, collections of archival documents and virtual exhibitions in the digital space. Thus, we identified the following tasks: analysis of studies on the issues of electronic publications of archives; evaluation of the methods for creation of electronic publications of documentary heritage of a number of state archives in the Republic of Kazakhstan according to certain indicators; identification of the specific features of electronic publishing of collections of archival materials of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan and the Central State Archives of Almaty; development of a website for publication of collections of archival documents and creation of virtual exhibitions.

This research is interdisciplinary and based on software development methods and electronic archaeography. It is also based on the ideas of the theory of use proposed by Vladimir N. Avtokratov. He emphasizes that “the meaning and ultimate goal of the existence of archives and the entire state archival service is to provide society with necessary retrospective documentary information” (Avtokratov, 2001: 28; all translations from Russian are by the authors). On October 17, 2003, the Charter on the Preservation of the Digital Heritage was adopted at the 32nd session of the UNESCO General Conference. Article 1 of this Charter highlights important aspects of the meaning, creation, authenticity and protection of digital heritage:

“The digital heritage consists of unique resources of human knowledge and expression. It embraces cultural, educational, scientific and administrative resources, as well as technical, legal, medical and other kinds of information created digitally, or converted into digital form from existing analogue resources. Where resources are ‘born digital’, there is no other format but the digital object.

¹ Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 8, 2013 No. 464 “On the State Program ‘Information Kazakhstan 2020’ and Amendments to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan Dated March 19, 2010 No. 957 ‘On Approval of the List of State Programs’”. *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000464> (accessed 15.12.2023). (In Russ.).

² Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 No. 827 “On Approval of the State Program ‘Digital Kazakhstan’”. *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/P1700000827/12.12.2017> (accessed 13.11.2023). (In Russ.).

³ Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 20, 2019 No. 953 “On Approval of the Comprehensive Action Plan for the Implementation of Project ‘Archive 2025’”. *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000953> (accessed 13.11.2023). (In Russ.).

Digital materials include texts, databases, still and moving images, audio, graphics, software and web pages, among a wide and growing range of formats. They are frequently ephemeral, and require purposeful production, maintenance and management to be retained.

Many of these resources have lasting value and significance, and therefore constitute a heritage that should be protected and preserved for current and future generations. This ever-growing heritage may exist in any language, in any part of the world, and in any area of human knowledge or expression”¹.

The use of a systematic research approach allows a holistic assessment of electronic documentary publications depending on the technologies of their creation. A group of analytical, comparative and typological methods allows us to determine the types of documentary publications in electronic format, the specific features of electronic publications in the state archives of the Republic of Kazakhstan. Statistical methods reveal the trends of publishing activity in the digital space. We interviewed the chief expert of the State Archives of Almaty Oleg R. Belonosov on March 19, 2024. This allowed us to determine the ins and outs of publishing the documentary heritage in the form of an electronic book. An object-oriented approach as well as design and modeling methods were used to develop the software product and provide a description of its life cycle and external interconnection. The linear approach in software development, Waterfall, provides an opportunity to collect and document project requirements, create a design, code modules, test the system, fix problems. It is developed with the use of Scrum for agile project management. Both of these methods are considered the most convenient.

The object of the research is electronic documentary publications. The subject of the research is the use of information and network technologies for popularization of archival documents. The source base of the research is the following groups of sources that provide an understanding of the long-term importance of digital information of archival institutions:

– The UNESCO Charter on the Preservation of Digital Heritage and state programs of the Republic of Kazakhstan in the field of digitalization – “Information Kazakhstan 2020” and “Archive 2025”, which define strategic activities of the archives today;

– normative and methodological documents on digital publications: “Rules for the Publication of Documents of the National Archival Fonds”², “Guidelines for the Preparation of Scientific Reference Apparatus for the Publication of Documents on Modern History”³, “Guidelines for the Creation of Electronic (Virtual) Exhibitions”⁴, which provide a mechanism for the preparation of publications of archival materials;

– electronic documentary publications of the state archives of Kazakhstan (the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK), the Central State Archives (CSA RK), the State Archives of Almaty (SA Almaty), the State Archives of the East Kazakhstan Region of Ust-Kamenogorsk (SA EKR)) located on their websites: databases, exhibitions (photo, virtual, personal fonds), collections of documents that allow us to evaluate their features;

– software product E-Doc Complex developed jointly with the specialists of the International University of Information Technology in order to expand prospects for creation of electronic documentary publications.

Research discourse on the issues of electronic documentary publications

Researchers study the problems of electronic archaeography in various aspects. This issue has been discussed in the field of museum affairs since 2012. Later, they began to consider it in a new interdisciplinary direction and refer to it as “social” or “sociocultural” archaeography. Irina V. Pozdeeva defines documentary

¹ Charter on the Preservation of the Digital Heritage. UNESCO. 2009, January 16. [online] Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000179529> (accessed 10.03.2024).

² Order of the Minister of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan dated November 16, 2011 No. 349. *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1100007342> (accessed 13.11.2023). (In Russ.).

³ “Guidelines for the Preparation of Scientific Reference Apparatus for the Publication of Documents on Modern History” the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Reference and information fonds No. 1546 of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2008. (In Russ.).

⁴ “Guidelines for the Creation of Electronic (Virtual) Exhibitions” of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2023. [online] Available at: https://archive.president.kz/upload/fayly/metodicheskie-posobiya/Virtualnye_vystavki_rus.pdf (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

publication as one of the directions in archaeography and “traditional archival studies” (Pozdeeva, 2002: 61). The theoretical and methodological foundations of electronic archaeography in modern conditions are studied by Vladimir P. Kozlov (Kozlov, 2001). This author notes that “documentary publication is one of the most organized ways of promulgating documentary memory” (Kozlov, 2017: 30).

In turn, the researcher Fred Moody states that

“A digital archive is effectively an analog archive’s apotheosis. Once archived materials are digitized, possibilities for orchestrating access to them and building thematic (and even argument-making) connections with other materials increases exponentially. In structuring the archive, writing its metadata, and designing its interface, the digital archivist is making an argument about the meaning and cultural context of the archive’s contents”¹.

Undoubtedly, Adam Kriesberg’s studies in the field of digital preservation, data management and digital curation are of great interest. The researcher emphasizes that digitization is rapidly becoming an imperative for many cultural heritage organizations. However, digitization is an expensive undertaking, and library and archive budgets will be lucky if they can raise enough funds to digitize even part of their collections. To fill this gap, many public sector libraries and archives started to participate in a public-private partnership to digitize their assets (Kriesberg, 2017). Amelia Acker and Adam Kriesberg in their article “Social Media Data Archives in an API-driven world” define application programming interfaces (APIs) as storage technologies that allow extracting and accessing data: “Different APIs allow for purpose-driven access and extraction” (Acker, Kriesberg, 2020: 107).

Daniel V. Pitti also states that “designing complex, sustainable digital humanities projects and publications requires familiarity with both the research subject and available technologies” and that “the design process is iterative”, where “each iteration leads progressively to a coherent, integrated system” (Pitti, 2004: 471, 473). Some researchers consider options for hybrid publishing of archival materials: “...the library developed researcher tools that allow concurrent exploration of the paper material and the born-digital material via emulation and item-level, database-driven searches” (Carroll et al., 2011: 61). They propose to consider digital materials “as artifacts or simply as intellectual content” (Pace, 2000: 55).

The basic concept of archaeography is used only by researchers who live in the CIS countries, whereas the concept of digital collection is used in the USA and Europe. Documents in a digital collection are of a hybrid nature, i.e. it is a combination of “digital and traditional paper archives”². Archival institutions are actively promoting documentary heritage today by using the potential of the Internet. As Ian Milligan notes, “Digital dissemination enables the diverse spread of ideas, using mediums such as blogs, social media, online visualizations and databases, online exhibits, and even innovative digital-first presses which lower bars to innovative scholarship” (Milligan, 2022: 47). The author states that at the present stage “given the wide array of digitized primary and secondary sources, ultimately all historical sources are mediated to some degree through technology. Even sources still consulted exclusively on paper have been made more easily discoverable by digitized finding aids, or they are contextualized and read within a larger body of digital material” (ibid.: 60).

The NARA Guidelines for Digitizing Archival Materials for Electronic Access³ were developed in the USA in 1998. They contain the requirements for scanning, processing and storing an electronic document. Ricky Erway raises the issue of preserving digital heritage due to constant changes in software and the emergence of new formats incompatible with existing ones⁴. In addition, the researcher Diane M. Zorich analyzes the origin of the term “Digital Art History”, which arose not among historical researchers, but among “applied researchers” engaged in the implementation of IT applications in archives, museums, libraries and other institutions specializing in the preservation of historical and cultural heritage. These applications help to

¹ Moody F. Publishing the archive. *Archive Journal*. 2014, April. [online] Available at: <https://archivejournal.net/essays/publishing-the-archive/> (accessed 10.03.2024).

² Ashikuzzaman Md. Digital archives. *Library & Information Science Education Network — Academic blog for Library and information Science*. 2014, January 19. Updated: January 14, 2024. [online] Available at: <https://lisedunetwork.com/digital-archives-concepts-meaning/> (accessed 10.03.2024).

³ Guidelines for digitizing archival materials for electronic access. *National Archives*. 2004, June. [online] Available at: <https://archives.gov/preservation/technical/guidelines.html> (accessed 10.03.2024).

⁴ Erway R. Defining “born digital”. *OCLC Research*. 2010, November. [online] Available at: <https://oclc.org/research/activities/hiddencollections/borndigital.pdf> (accessed 03.11.2023).

determine activities for the solution of practical problems of digitizing relevant objects and providing access to them, including through the development of databases, online resources, etc.¹

Vitaly Yu. Afiani proposed the following terms of electronic archaeography: “Internet archaeography”, “computer archaeography” or “electronic archaeography”. His work provides an assessment of the potential of online publishing:

“The preparation of a facsimile publication is greatly simplified when a scan of a document is given in parallel with its text. We can make additions and corrections to an online publication, unlike a typographic one. Opportunities regarding reference apparatus of a publication are expanding. Developed navigation tools allow to quickly search for documents on a wide range of queries and keywords. The use of hyperlinks allows to simplify the compilation of a biographical commentary, referring users to resources of digitized encyclopedias and biographical dictionaries posted on the Internet, to Wikipedia; to link a specific publication with other works, as well as with studies and audiovisual documents on this topic that have been put on the web. Finally, online publications allow to reach a much larger audience of users and readers than any printed publication” (Afiani, 2019: 26).

Julia Yu. Yumasheva explores a number of key issues related to electronic publication of documentary heritage: source studies and archaeography in academic documentary publications of historical documents in electronic environment; publication of electronic copies of archival documents in the digital space. The author emphasizes that

“a copy is an independent physical object combining the authorship, creation goals (to some extent) and semantic information of the original with the authorship, physical form and creation goals of the copy that differ from those of the latter. <...> In digital environment, the quality of an electronic copy is ensured by:

- the quality of the description of the original historical source and a distinct, exclusive description of its digital copy;
- the quality of an electronic image (the quality of scanning or digitization);
- the quality of graphic processing of an electronic copy;
- the quality of storage and use of an electronic copy” (Yumasheva, 2017b: 101–102).

The scholar suggests that any copy is not identical to the original. The most obvious way to overcome this difference in electronic environment is to compile and present two descriptions to researchers simultaneously alongside with the presentation of the copy itself:

1) “a full-scale archaeographic description of the original that both takes into account requirements of the professional academic community and is adapted to the perception of an unskilled audience...” (ibid.: 102);

2) “a detailed description of the electronic copy, the content of which should include data on technical and technological properties, characterizing the copy as an independent physical object, as well as information on the properties of the original” (ibid.: 103), which cannot be reproduced in the copy for various reasons (see: Yumasheva, 2012, 2017a).

Yuri V. Grum-Grzhimailo and Irina V. Sabennikova have interesting points that

“an electronic publication of an archival document can be understood as an electronic publication containing an electronic copy (or a group of electronic copies) of archival documents which have undergone archaeographic, editorial and publishing processing; it is intended for distribution unchanged on a machine-readable media and includes credits.

It is necessary to distinguish between:

- electronic analogues of printed publications of archival documents, which reproduce mainly the corresponding printed publication (text and its layout on the pages, illustrations, links, notes, reference apparatus, etc.);
- separate electronic publications of archival documents that do not have printed analogues.

<...>

From the standpoint of information technology for publishing an archival document, the question arises about choosing an appropriate digital format that is largely determined by purposes of using the document in a particular electronic publication” (Grum-Grzhimailo, Sabennikova, 2006: 307–308).

¹Zorich D. M. The “art” of digital art history. *The Index of Medieval Art at Princeton University*. 2013, June 26. [online] Available at: <https://ima.princeton.edu/pubs/2013Zorich.pdf> (accessed 10.12.2023).

Irina V. Sabennikova states that “the physical data carrier does not disappear as such, but it is reduced to a digital code used to record the information of an electronic document” (Sabennikova, 2022a: 252; see also: Sabennikova, 2022b). Ivan M. Chikunov divides electronic publications into two types: standard (PDF and HTML files) and special (databases, file systems and software)¹.

The opinion of researchers who consider the archival affairs as “a social institution performing certain functions in the system of social structure” (Munge, Kuular, Lamazhaa, 2020: 4) is also of interest. The authors reveal changes in the activities of archival institutions in Tuva:

“In 2018, the Archives² acquired the software and information complex KAISA-Archive that is implemented in more than 60 archives of the country, including four federal state archives: Russian State Archives of Literature and Art (RGALI), Russian State Historical Archives (RGIA), Russian State Film and Photo Archives (RGAKFD), Russian State Archives of Scientific-Technical Documentation (RGANTD). The complex makes it possible to automate the maximum number of processes within the framework of intra-archive activities, providing remote user access to archived documents. ...since 2019, secure communication channels have been set up in the archives; this made it possible to provide data electronically through a remote system of public services. <...> In 2021, on the eve of the celebration of the 100th anniversary of the Tuvan People’s Republic, the National Archives of the RT developed a departmental program “Providing Preservation and Accessibility of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tuva for 2018–2021”, within which it began the development of the web portal ‘Cultural Heritage of Tuva’ that will collect materials on culture and art of Tuva” (ibid.: 24, 26).

Taking into account the development of information technology today Maja S. Maadyr notes that

“archeography occupies an important place in the popularization of documentary heritage. <...> Moreover, the promising areas of Tuvan archeography include identification of relevant historical topics, prospects for the preparation and release of new documentary publications and opportunities for the development of electronic archeography and many others” (Maadyr, 2020: 33, 43).

Ruslana N. Bazyr concludes that

“in the future, the entire photo collection of the State Archives of the Republic of Tuva should be digitized and entered into the database of the software and information complex KAISA-Archive developed by Alt-Soft company, St. Petersburg. The digitized photo collection... will be available to any Internet user through the module ‘Electronic Reading Room’ on the official website of the Archives. <...> A separate and still unresolved problem is the issue of tracking copyright compliance of photographic documents; it has become especially acute due to the repeated replication of images on the Internet. The Archives has recently begun to add watermarks to images posted on its web resources. Nevertheless, the problem of piracy requires a systematic approach” (Bazyr, 2020: 59).

Studying the history of informatization of the archives in Kazakhstan in 1991–2020, the Kazakhstani researcher Aliya Kh. Mustafina presents the experience of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK) in the field of online publications³.

Electronic publications of archival institutions in the Republic of Kazakhstan and their methodological support

Dynamic types of online publication of archival materials are used in world practice: virtual exhibitions, web collections, interactive displays and multimedia presentations. Today, in modern archives “content is stored in electronic formats, such as digital files, databases, and multimedia. Digitization allows for converting physical materials into digital representations, ensuring compatibility with modern technology. <...> The diversity of materials ensures that digital archives cater to a broad audience with varied interests and research needs”⁴. The most accurate transmission of the document text, a high-quality reference apparatus that allows to work comfortably with texts of documents; archaeological design which makes it possible to link to a document that meets the requirements for academic research — all these indicate a first-rate archaeological work. It is a properly organized publication of historical sources that allows to give maximum information about the document.

¹ Chikunov I. M. Electronic publications: Definition, classification. *CLAIM — Scientific and Educational Cluster* [online] Available at: <http://it-claim.ru/Library/Books/ITS/wwwbook/ist4b/its4/chikunov.htm> (accessed 10.03.2024). (In Russ.).

² The State Archives of the Republic of Tuva.

³ Mustafina A. Kh. History of informatization of archives in Kazakhstan (1991–2020) : Diss. ... Candidate of History. Moscow, 2023. P. 142, 146.

⁴ Ashikuzzaman Md. Op. cit.

For the analysis of electronic publications of archival institutions of the Republic of Kazakhstan, we have identified some indicators: databases; exhibitions of three types (personal collections, thematic virtual exhibition, photo and video materials); guides and reference books; collections of archival materials (hyperlinks, e-books); information and methodological bulletins; conference materials; inventories of especially valuable documents; electronic catalogs of collections; methodological manuals. These analysis indicators reveal the activities of archival institutions in the Republic of Kazakhstan in the digital space: firstly, the creation of a digital reference apparatus; secondly, the types of electronic publications on documentary heritage; thirdly, methodological support of archival work at the present stage.

In the Republic of Kazakhstan, the process of creating an electronic local reference apparatus of archival institutions began in the 1990s. The Archives of the President (AP RK) was the first to start this work. The method of converting typewritten documents into electronic format was used at the initial stage, then the Lithograph company's platform was used for document management and automation.

In January 2013, the State Program "Information Kazakhstan 2020"¹ (hereinafter referred to as the Program) was approved by Decree No. 464 of the President of the Republic of Kazakhstan. The program has become one of the most important initiatives aimed at the development of innovation and information policy of the state. It has contributed to the creation of conditions for the transition to an information society. One of the systemic tasks of the Program was to expand citizens' access to objects and materials of archival institutions by making proposals for the development of a unified automated document recording system of the National Archival Fonds of the Republic of Kazakhstan with the functionality of information retrieval of documents and developing proposals for the creation of a unified electronic archive system. The implementation of this task required professional archaeological work, the development of theory, methodology and practice of creating an electronic publication.

Thus, since 2013, the archives of the Republic of Kazakhstan have been actively working to achieve their goals of automation of archiving and access to reference apparatus of the archives. First, the template of the database "Electronic Archive" (UAED, Unified Archive of Electronic Documents 2018) was developed in the Access format, providing for the transition of reference apparatus of the archives into an electronic format. Simultaneously, projects on the development of archival websites were implemented. They have begun the work on creating a database not only for official purposes, but also for hosting archival websites in order to improve the quality of a web resource, as well as to ensure broad access of citizens to retrospective open archival information. This was the beginning of the active work of the national archives to create electronic stock catalogs with the function of automated web search on archival websites, as well as the publication of a scanned version of a document. Today, the websites of the archives of the Republic of Kazakhstan provide access to the catalog of collections, inventories and archival documents.

The Electronic Reading Room has been launched since 2017. It automates the work of researchers with documents in the Archives of the President of Kazakhstan (AP RK). Online access to the electronic catalog and the Guide to the Archive's collections is provided through the website. The electronic catalog also provides a search for archival information, as when working as a researcher in the reading room. The website of the AP RK has the following sections: "List of Collections", "Registers of Inventories", "Inventories", "File Names" and "Information on the Chronological Extent of Archival Documents". Especially valuable documents are presented in PDF files.

At the present time, electronic publishing of archival documents plays an important role in the system of academic historical knowledge. The documentary publication of archival materials implies an organized selection of documents. At the same time, the high level of its preparation allows to examine historical events and processes more effectively (Ponassenko, Studenikina, 2018: 66).

Electronic documentary publications of the Archives of the President of Kazakhstan (AP RK) are versatile. Since 2015, the Archives has developed the following:

---

¹ Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated January 8, 2013 No. 464 "On the State Program 'Information Kazakhstan 2020' and amendments to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 19, 2010 No. 957 'On Approval of the List of State Programs'". *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U130000464> (accessed 14.11.2023).

1. Databases¹:

- “Kazakhstani War Prisoners During the Second World War”²;
- “Hunger Victims”³;
- Republican databases “Nomenclature Cadres of Soviet Kazakhstan”⁴ and “Special Folders”⁵.

Various methods were used in developing these databases; digitization was carried out by using document, tablet and planetary scanners, as well as SOM system. The JPEG format (Joint Photographic Experts Group) was initially used to digitize photographs and other visual documents in the Archives of the President, but TIFF format (Tagged Image File Format) was preferred due to the poor quality of the digital copies. The TIFF format is popular due to the ability to preserve image quality thanks to lossless data compression algorithms. The JPEG format provides the possibility for a high degree of compression, but at the same time there is a loss of image quality.

2. Thematic documentary photo exhibitions dedicated to significant dates in the history of the country, anniversaries of political and public figures⁶. 40 historical and documentary exhibitions dedicated to symbolic events have been developed: “Independence Above All”, “The Constitution of the Republic of Kazakhstan”, “Non-ferrous Metallurgy of Kazakhstan”, “Roads of Victory”, etc. In 2012, electronic versions of the traditional exhibitions were presented as MS PowerPoint presentations. The list of available tools and techniques has increased over the years, modern multimedia technologies and the synergy method are used in order to make the exhibitions more interesting. In 2023, the AP RK developed a memo on the compilation of electronic exhibitions.

3. Virtual exhibitions have been created since 2023⁷. TabList functionality was implemented due to the large amount of information at each exhibition, i.e. it is an option of switching between large content

¹ AP RK Databases (AP RK DB). The Archives implements several projects on various topics in order to provide researchers with a comprehensive source base and gives citizens of Kazakhstan the opportunity to participate in restoring the memory of their family, especially participants of the Great Patriotic War and hunger victims. The databases provide for the replenishment of information from other archives and research publications on a specific topic. Users can find not only archival materials, but also get acquainted with academic studies in a subject area. See: <https://archive.president.kz/ru/projects/>.

² AP RK DB (2015) – “Kazakhstani War Prisoners During the Second World War”. It is the unified republican database with lists of former Kazakhstani war prisoners. It is compiled on the basis of the state archives, the Department of the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan, military commissariats of the country. 5,274 war prisoners have been identified. The website with information on 35,000 war prisoners was launched in 2015. The database contains the following information on each prisoner: surname, first name, patronymic, place and year of birth and nationality. There is a sub-section “Sources of Reference”. In the period 2015–2019, the Archives received more than 100 requests from the citizens of Kazakhstan on searching their family members. See: <http://tutkyn.kz/?lang=ru>.

³ See: <http://asharshylyq.kz/?lang=ru>.

⁴ AP RK DB (2015) – “Nomenclature Cadres of Soviet Kazakhstan”. The database offers biographies of the heads of the Communist Party and Komsomol, administrative, financial and trade-union bodies, education and health organizations, as well as of the officials of military commissariats in Kazakhstan (1919–1991) starting from the okrug and district levels. The first part of the collection covers the period of 1919–1936. The publication contains 5,010 biographical references to 2,700 personalities. See: <https://archive.president.kz/en/bd-nomenklaturnye-kadry-sovetskogo-kazakhstana/>.

⁵ AP RK DB (2023) – “Special Folders”. It is compiled on the basis of archival documents of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. In 2006–2008, as a result of the work of the Interdepartmental Declassification Commission, the stamp of secrecy was removed from 40 thousand cases for the period of 1937–1991. The term “special folder” appeared in the 1920s–1930s and designated the place of storage of a secret document. “Special folders” of documents for 1937–1991 are deposited in the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. These documents deal with politics and economics, society and culture of the Soviet era. See: <https://archive.president.kz/ru/osoby-papki/>.

⁶ The website of the AP RK: thematic documentary photo exhibitions. The publication of electronic exhibitions is carried out according to the “Calendar of Significant and Memorable Dates” and the annual plan of the Archives. Virtual exhibitions are based on materials from the archival fonds. See: <https://archive.president.kz/en/virtual/>.

⁷ The website of the AP RK: virtual documentary exhibitions. For instance, the virtual exhibition “Independence Above All” is based on 3D technology and dedicated to the Day of the Republic of Kazakhstan. It contains archival materials from the collections of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan, the National Archives of the Republic of Kazakhstan, the Central State Archives, the Central State Archives of Film and Photographic Documents and Sound Recordings, the Center for Documenting Contemporary History (Semey) and the National Library of the Republic of Kazakhstan. See: <https://archive.president.kz/en/virtual/independence-above-all/>.

blocks without reloading the page. Each exhibition has sections with a gallery of images. This gallery allows to view images of the exhibitions in the form of an album. It was decided to create a composite value to implement this functionality: it is when one element of the record (a virtual exhibition) is linked to another one (a gallery with documents) on the website. Since exhibitions do not always initially have a known number of tabs, a double functionality has been implemented: some standard tabs are always present, while it is possible to add an unlimited number of additional tabs for different exhibitions.

4. Collections of archival documents: “From the History of Deportations. Kazakhstan”¹ in 3 volumes with the possibility of downloading in PDF (a universal cross-platform open electronic document format that allows to present the entire layout of a document). A compilation of the documented cases is accessible through the web portal of the Archives. See a graphical representation of the data on electronic publications of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (*diagram 1*).

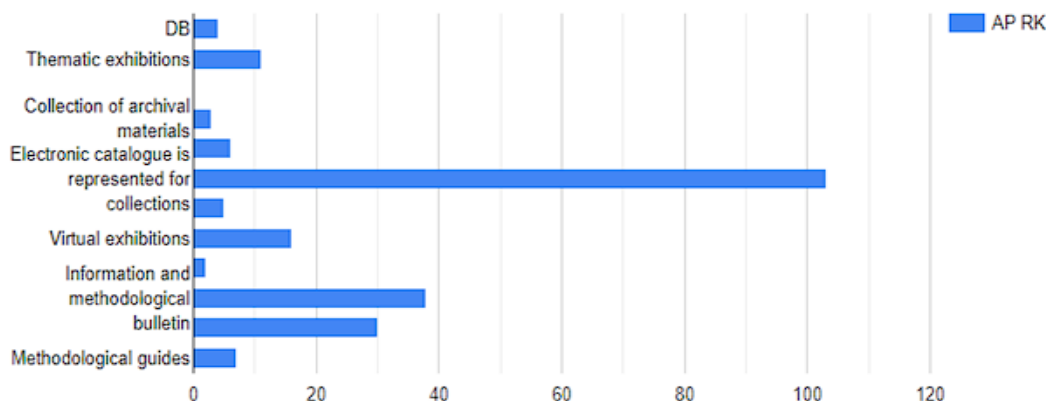

Diagram 1. Electronic Editions of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (as of 2024)
 Диаграмма 1. Электронные издания Архива Президента Республики Казахстан (на 2024 г.)

Further, the current situation regarding electronic documentary publications among the state archival institutions of the Republic of Kazakhstan is as follows:

- The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK)² has two types of electronic documentary publications: exhibitions of personal collections (10) dedicated to anniversaries of public, political, cultural figures of Kazakhstan and thematic exhibitions (3): “Evacuation to Kazakhstan”, “95 Years Since the Founding of Karsakpay Copper Plant”, “Archival Documents Related to Alash Orda Party”. The total number of all exhibitions on the website is 16; the electronic catalog includes 623 collections (a brief summary of the inventory is available during registration). See a visualization of electronic publications of the CSA RK (*diagram 2*).

¹ The website of the AP RK: collections of documents. “From the History of Deportations. Kazakhstan” is a three volume publication in PDF. The collection publishes documents on the deportations during the collectivization period to and within the territory of Kazakhstan, which were an integral part of the campaign to “eliminate the bais and kulaks (rich landowners) as a class”. Chronologically it covers the period from 1930 to 1945. Documents from the archival fonds of a number of institutions were used: the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan, the State Archives of Kostanay, Kyzylorda, Atyrau, Pavlodar, Taraz, Shymkent regions, the Archives of Socio-Political History of Kyzylorda region, the Regional Archives of Shymkent region. These collections of documents are available at the website of the Archives (AP RK). See: <https://archive.president.kz/en/publications/sborniki/>.

² The website of the CSA RK. There are exhibition photos on the website. It is poorly visible, there is no classification by categories (thematic and personal collections of online exhibitions together with documents reflecting the history of an object). The photo documents have a watermark of the name of the Archives and indicate the place of storage (fond, inventory, case, sheet). The Archives’ electronic publications present a wide range of information on personal fonds, news and archival events. The documents are presented in digitized text format. The electronic catalog of the Archives is available after registration. See: <http://cga.kz/Start>.

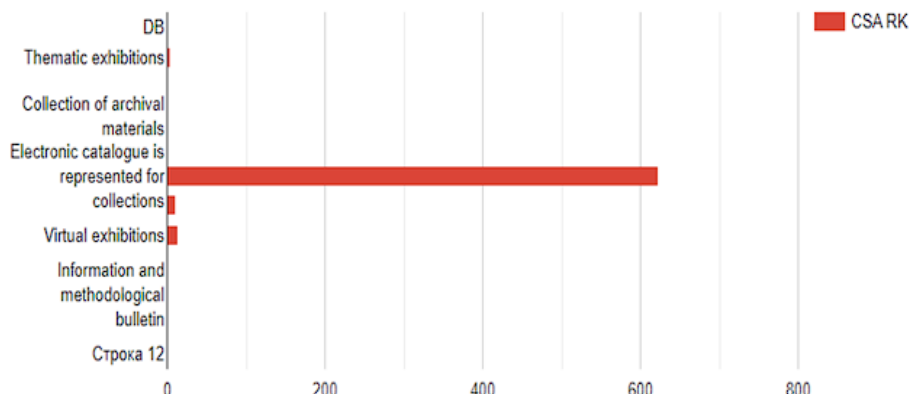

Diagram 2. Electronic Publications of the CSA RK (as of 2024)
 Диаграмма 2. Электронные публикации ЦГА РК (на 2024 г.)

The Central State Archives of Scientific and Technical Documentation of the Republic of Kazakhstan (CSA STD RK)¹ stores publications of the following types: collections of documents and materials (11); guidebooks and reference books (3); brochures, booklets and albums (6); proceedings of research and practical conferences (3); textbooks (1); exhibitions (29). See the data on electronic publications of the CSA STD RK (diagram 3).

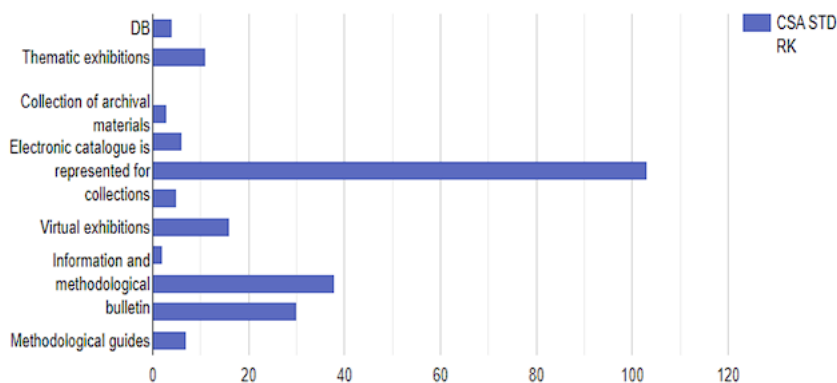

Diagram 3. Publications of CSA STD RK in the Digital Space (as of 2024)
 Диаграмма 3. Публикации ЦГА НТД РК в цифровом пространстве (на 2024 г.)

The publications of the State Archives of Almaty (Almaty SA) are divided into three groups: the history of the city, the history of personalities, reference and information publications². Forms of online publications include e-books, virtual exhibitions and catalogs. They contain collections of documents, refe-

¹ The website of the CSA STD RK. There is a list of online exhibitions on certain topics and materials from personal fonds. There is an indication of the date of a publication, information about the activities of individuals and a list of personal documents. See: <http://ntd.kz/index.php?module=Exhibitions>.

² The website of the Almaty SA. The website of the Archives presents several types of electronic publications. One of them is compiled by O. R. Belonosov — “Electronic Books of the Archives”. See: <https://ga-almaty.kz/>. A series of thematic reviews of documents from the Central State Archives of Almaty: <https://ga-almaty.kz/деятельность/издания/>. The exhibitions of the State Archives of Almaty provide a public demonstration of electronic copies of archival documents intended for posting on the Internet, as well as on publicly available electronic resources. It includes classified documents: photographs, text documents, diagrams, albums, drawings, phono, film and video documents, etc. Part of the Archives’ online exhibitions is also provided in the form of e-books, with a three-dimensional imitation of page turning. See: <https://ga-almaty.kz/деятельность/интернет-выставки/>.

rence archival publications, booklets, albums, proceedings of science-to-practice conferences on archival affairs, periodicals. A new area of publishing activity was introduced in the Archives a few years ago — the preparation of thematic reviews made in the format of electronic books. The reviews are presented as announcements, QR codes are created to access the books (but the access is difficult). The prepared reviews give documentary information on the history of the city, historical buildings and structures, some enterprises significant for the city and other archival materials. See types of electronic publications of the Almaty SA (diagram 4).

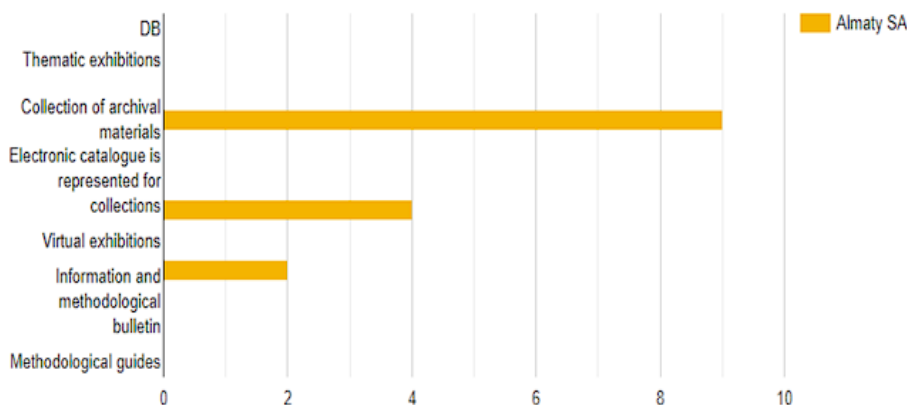

Diagram 4. Types of Electronic Publications of the Almaty SA (as of 2024)
 Диаграмма 4. Виды электронных публикаций ГА г. Алматы (на 2024 г.)

The methodology for publishing thematic collections on the history of the city of Almaty SA was developed by Oleg R. Belonosov¹. An electronic book as a collection of documentary archival materials allows to cost-effectively present a lot of information. These publications are highly specialized and intended for researchers. You can find a certain fragment of a document by using a search query (according to Belonosov). Books are created in MS Word application in tabular form, then the file is converted into PDF that is opened and converted in the Flipbook program. O. R. Belonosov considers two types of e-books: books where illustrations prevail (70–80% of the e-book comprise pictures, drawings, photographs, diagrams, etc.) and books that include primarily texts. The Flipbook program is used for reproduction, which allows to display data interactively. At the same time the more information a book contains, the longer the data is loaded. The author pays great attention to the external design of the e-books and use Photoshop to create covers (fig. 1).

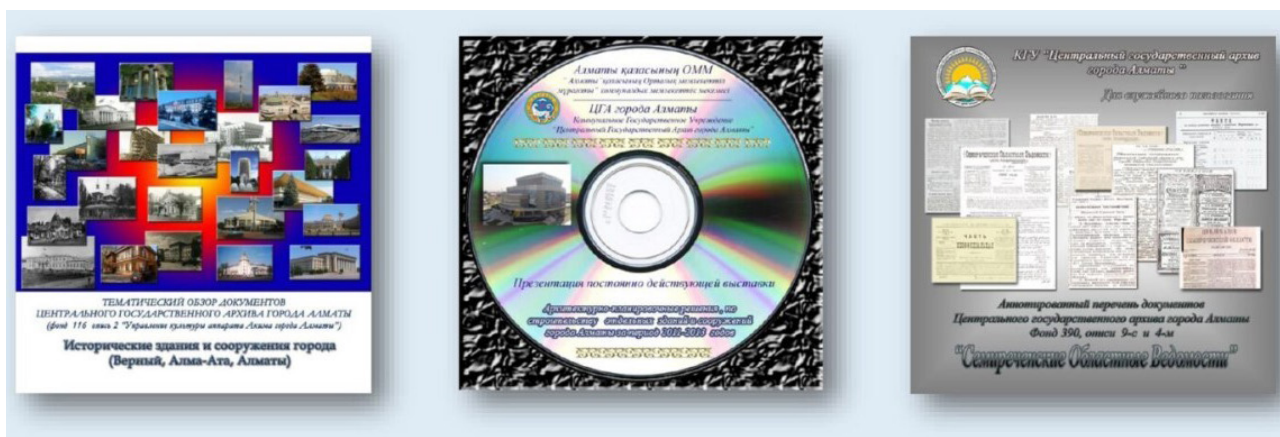

Fig. 1. Covers of Electronic Publications of the Almaty SA
 Рис. 1. Обложки электронных изданий ГА г. Алматы

¹ Interview with O. R. Belonosov, the Almaty SA (March 19, 2024).

Materials on the Alma-Ata Cotton Mill contain 1,709 pages. A powerful computer is needed in order to download such a large amount of information. Therefore, O. R. Belonosov began to divide the information into several sections for a faster access. This e-book is presented as a thematic review of documents from the Almaty SA (Collection No. 249 of the Alma-Ata Cotton Mill JSC). It has UDC, LBC, ISBN and is registered by the National State Book Chamber of Kazakhstan. The book consists of an introduction and additional information about fabric materials. The main part of the book contains six albums with photographs of fabrics and a brief description. The end of the book presents catalogs of textile products, appendices and an approval sheet. The purpose of this book is to show samples of color solutions in fabrics. The introduction provides brief information on the types of fabrics: winter, summer, swimming, etc. The files contain images of small pieces of fabrics which O. R. Belonosov scanned (fig. 2, 3).

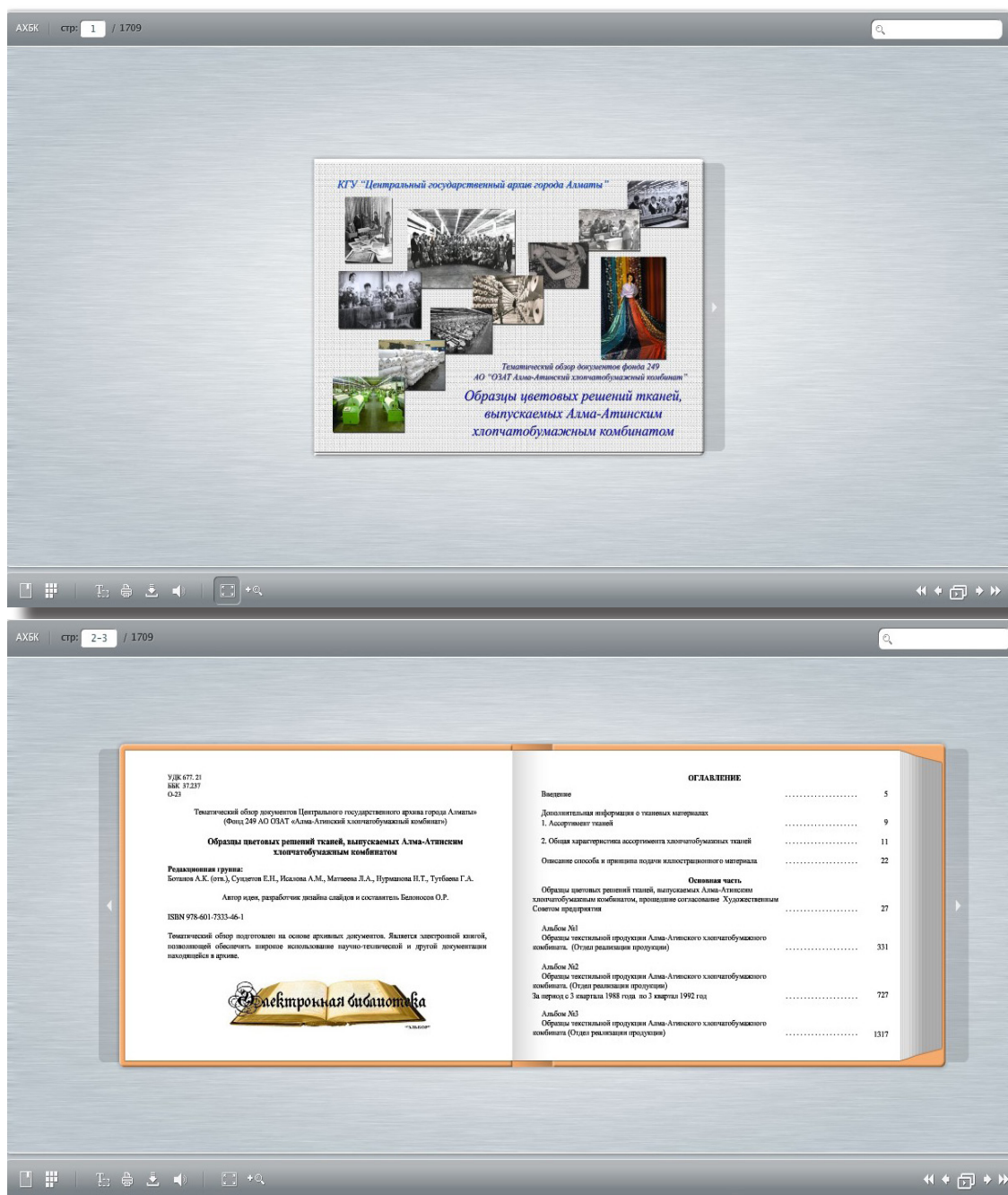

Fig. 2, 3. Book Version of the Collection of Archival Documents of the Almaty SA
 Рис. 2, 3. Книжный вариант сборника архивных документов ГА г. Алматы

A thematic review of the documents of the Almaty SA (collection 116, inventory 2, “Department of Culture of the Almaty Akim’s Office”) was conducted by O. R. Belonosov. This book consists of an introduction, a sheet of approval and five sections. It presents materials on the work of the Department, assignments to individual buildings, structures and complexes that are located in the territory of Almaty and have the status “Monument of History and Architecture of Municipal or Republic Significance”. Each file usually includes passport of a monument, preservation obligations for the operation of a historic monument, registration card of a monument, photographs and separate technical drawings of a building, structure or complex, as well as a number of other documents confirming the historic and sociopolitical significance of an object under consideration. This thematic review is a kind of reference and information tool that allows to familiarize a wide range of interested persons with the architectural features of historically significant buildings of the city.

See the book version of the collection on the topic “Historic Buildings and Structures of the City (Vernyi — Alma-Ata — Almaty)” (fig. 4).

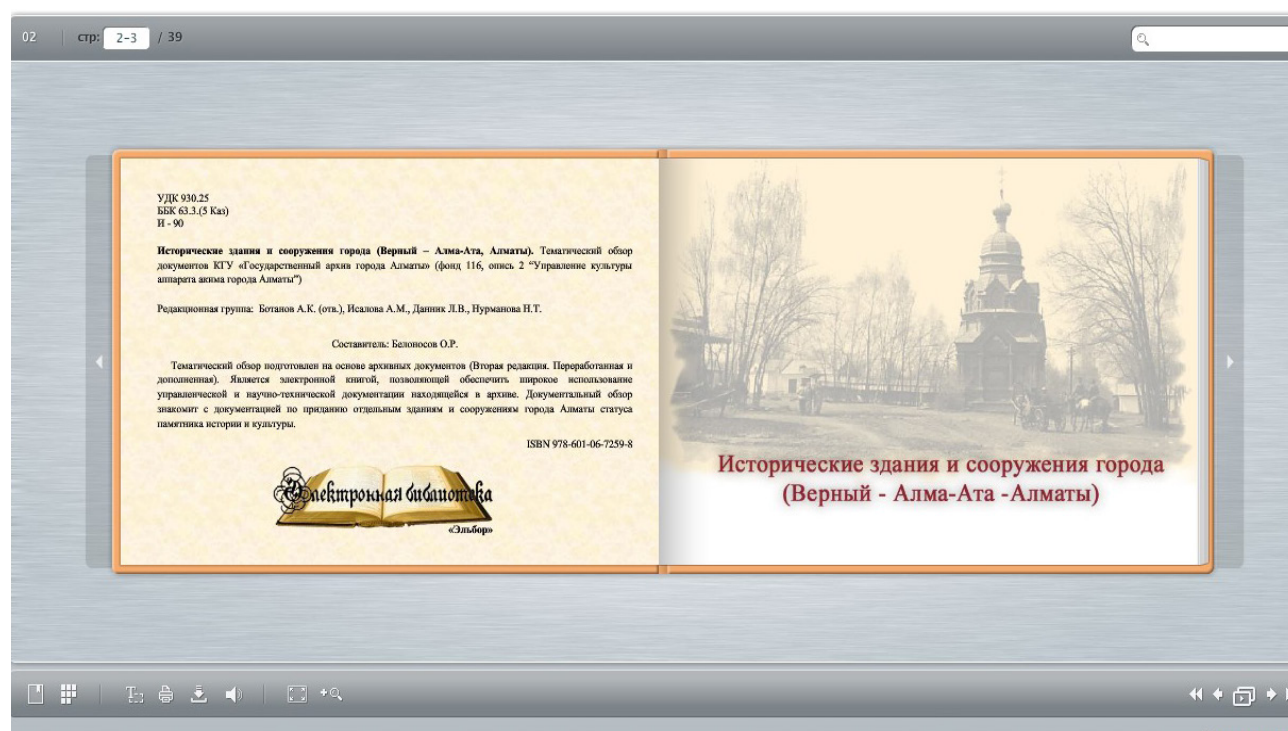

Fig. 4. Book Version of the Collection on the Topic “Historic Buildings and Structures of the City (Vernyi — Alma-Ata — Almaty)”
 Рис. 4. Книжный вариант сборника на тему «Исторические здания и сооружения города (Верный — Алма-Ата — Алматы)»

- The website of the State Archives of East Kazakhstan Region of Ust-Kamenogorsk (SA EKR)¹ contains 4 databases, 47 exhibitions (personal collections, thematic, photo and video materials), 19 collections of archival materials and hyperlinks, 3 collections of conference proceedings, 17 methodological manuals. See electronic publications of the SA EKR (diagram 5).

¹The website of the SA EKR: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/>. It contains a number of electronic documentary publications: databases of local lore and metric books (<http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1350>); online exhibitions that are themed and based on personal archival fonds created in the form of photographing a pre-prepared exhibition (<http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1376>). See also the collection of archival materials that have been created since 1998 and uploaded in PDF: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/NamedContent?type=Document>. Archival video materials dedicated to significant dates and personalities of the region are available at: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1603>. See also a photo gallery of cultural and public figures of the region: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/SiteGallery>.

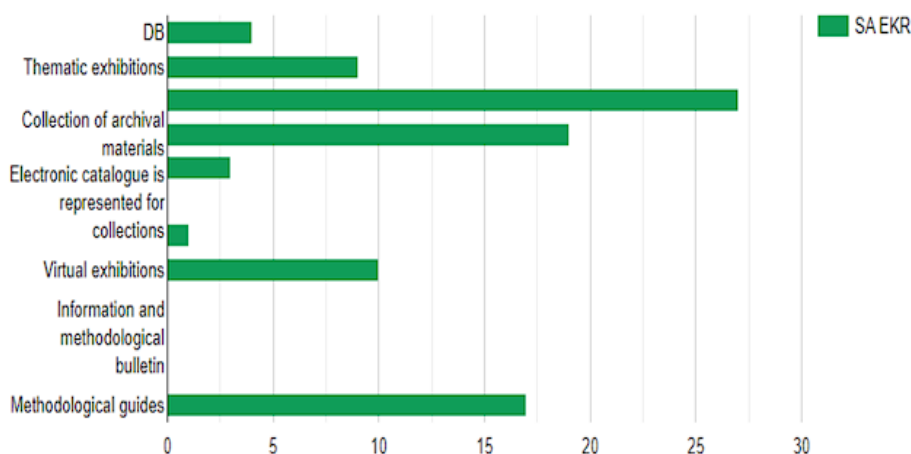

Diagram 5. Digital Editions of the SA EKR RK (as of 2024)
 Диаграмма 5. Цифровые издания ГАВКО РК (на 2024 г.)

It is also necessary to focus on the methodological support of documentary publications in the digital space. This contributes to the improvement of the archival services in the Republic of Kazakhstan at the present stage. Thus, the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK) developed the “Guidelines for the Creation of Electronic (Virtual) Exhibitions”¹ in 2023. This document provides the purpose, objectives and a classification of virtual exhibitions, ideas for the development of the exhibition concept, description of the preparation of the thematic and exposition plan of exhibitions, the algorithm for the creation and organization of electronic (virtual) exhibitions and for the development of a model of electronic (virtual) exhibitions, the main elements of a virtual exhibition, steps of technical preparation of the project, forms of the provision of virtual exhibitions. The guidelines note that “other archives or third-party organizations and institutions may be involved in the creation of electronic (virtual) exhibitions; this allows to provide insights into the announced topics more thoroughly by using the information potential of different entities”². To create a virtual exhibition, a range of digital tools are employed, such as Microsoft Office PowerPoint, Windows Movie Maker, website development programs, and Google products. The forms of providing a virtual exhibition include:

1. Presentation (PowerPoint, SlideShare);
2. Slide presentation (slide show) of covers and short annotations of books with a musical accompaniment (PowerPoint, PhotoPeach, PhotoSnack);
3. Video review with recommendations of an archivist and record of ‘loud readings’, video capture of users’ impressions;
4. Exhibition of documents presented as an interactive poster (PowerPoint with hyperlinks, ThingLink);
5. Exhibition of documents presented as a mind map, a thinking visualization technique used to create a map that has the main topic in the center and related keywords depicted as going in different directions (Word, PowerPoint, MindMeister, FreemindMap, Popplet);
6. Exhibition of a document in the form of a timeline (PowerPoint, Dipity, Xtimeline, Free Timeline, TimeRime, Timtoast, OurStory, Capzles);
7. Exhibition of a document as a 3D book (MS Publisher, Flip Book Maker, Flip PDF, ZooBurst, Calaméo, PhotoSnack, Myebook);
8. Exhibitions on a geographical map (Google Maps);

¹ “Guidelines for the Creation of Electronic (Virtual) Exhibitions” of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2023. [online] Available at: https://archive.president.kz/upload/fayly/metodicheskie-posobiya/Virtualnyye_vystavki_rus.pdf (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

² Ibid. P. 4.

- 9. Exhibition in the form of a virtual whiteboard (ThingLink, Google Slides);
- 10. Poster exhibition (MS Publisher, Glogster, ThingLink, Playcast).

The Emaze software should be noted among the online services that are widely used to create multimedia online presentations¹.

Each state archival institution in the Republic of Kazakhstan has a specialized annual plan for publishing documents electronically. It is common practice for archives in Kazakhstan to include various anniversaries and significant historical events in their annual plans. As part of implementing these plans, the archives develop a range of electronic products. Having analyzed electronic publications of the state archival institutions, we determined the types and number of published electronic documentary items. It should be noted that the types of electronic publications differ, especially when creating collections of documentary publications. For example, the Almaty SA uses an e-book technology and the AP RK creates publications in a conventional form and uploads them on the website.

Software product – the E-Doc Complex website

Due to the fact that electronic publishing of collections of archival materials is problematic and highly dependent on financial and technological resources in the current state of archival institutions in the Republic of Kazakhstan, we have developed a software product – the website entitled “E-Doc Complex”. This software product is based on the rules for publishing documents of the National Archival Fonds² and “Guidelines for the Preparation of Scientific Reference Apparatus for the Publication of Documents on Modern History” (approved by minutes of the Expert Panel No. 12, dated June 27, 2008)³. The developed and tested in July 2024, the E-Doc Complex website allows to create various types of electronic documentary publications of archival documents based on their intended purpose: research, popular science, educational and thematic virtual exhibitions (fig. 5).

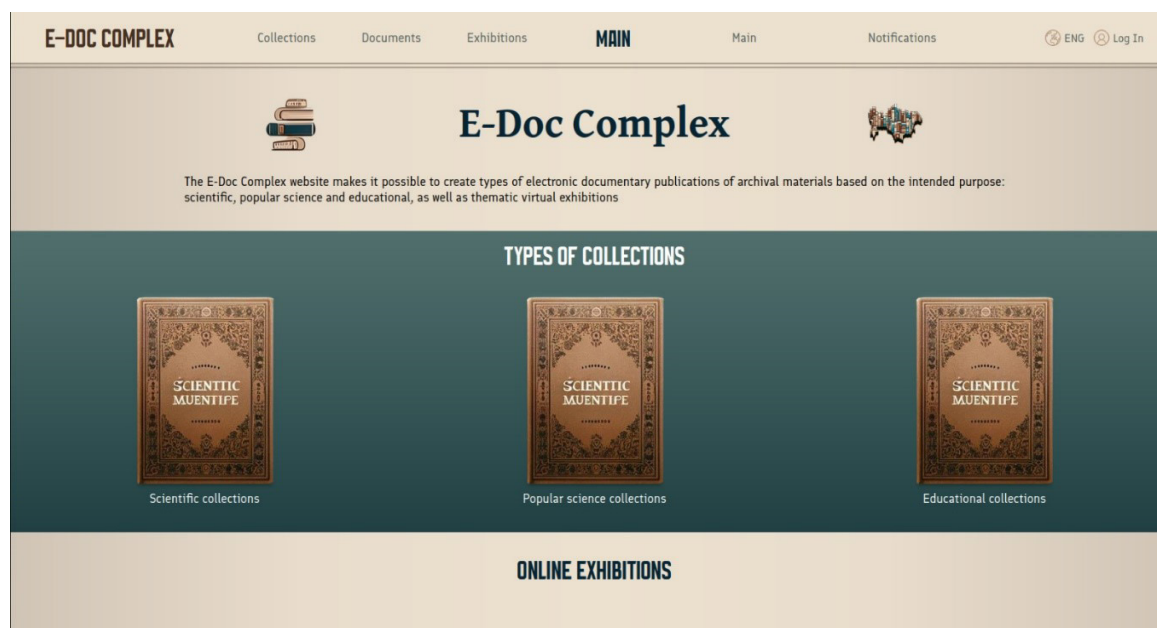

Fig. 5. Home Page of the E-Doc Complex Website
 Рис. 5. Главная страница сайта E-Doc Complex

¹ Ibid. P. 11.

² Order of the Minister of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan dated November 16, 2011, No. 349 “On Approval of the Rules for the Publication of Documents of the National Archival Fonds of the Republic of Kazakhstan”. *Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan* [online] Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1100007342> (accessed 25.12.2023). (In Russ.).

³ “Guidelines for the Preparation of Scientific Reference Apparatus for the Publication of Documents on Modern History” the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Reference and information fonds No. 1546 of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2008. (In Russ.).

The process of publishing collections of archival materials is a set of works to determine the type and form of publication and to specify the steps for organization of publication preparation, identification and selection of documents, transmission of texts, archeographic registration of documents and development of reference apparatus, formation of a layout of a documentary publication.

The purpose of the development of the software of the E-Doc Complex website is the publication of digitized archival papers and audiovisual documents taking into account the objectives of collections, as well as the tasks and nature of the published sources in accordance with the methods of archeographic and polygraphic preparation. Developers of collections of archival documents may choose a type of a particular collection: academic, popular science or educational according to the Rules. They also may fill in all fields and upload materials on a special page of the E-Doc Complex website (fig. 6).

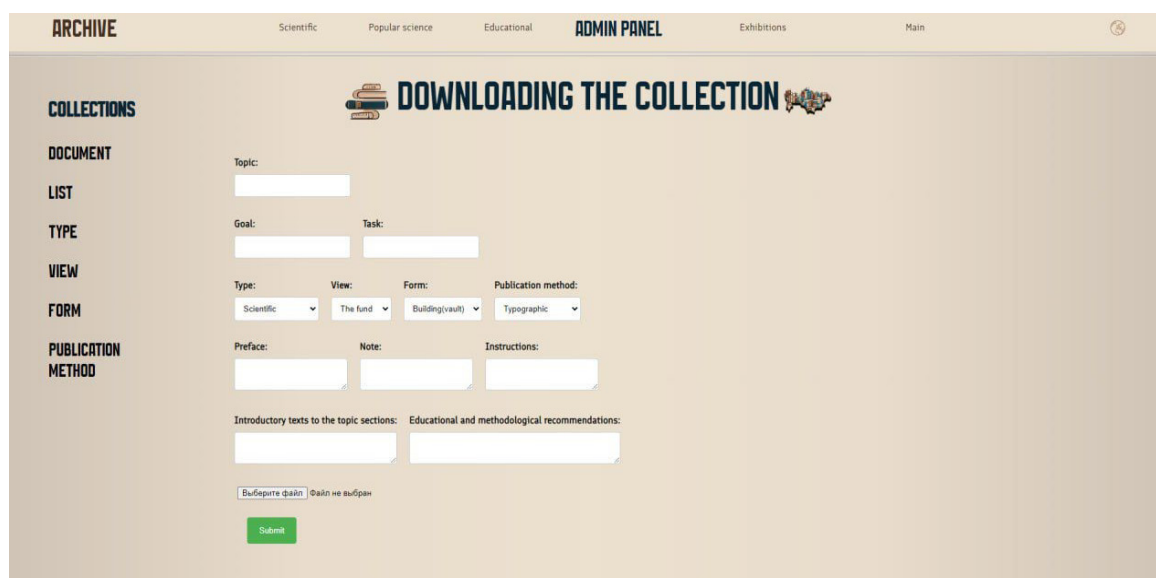

Fig. 6. Page for Uploading Collections of Archival Documents on the E-Doc Complex Website
Рис. 6. Страница загрузки сборников архивных материалов на сайте E-Doc Complex

This software product was created as a website based on a flexible backend developed using modern technologies and programming practices. The popular Python programming language was chosen as the basis for the backend. The following technologies and frameworks were used: FastAPI, PostgreSQL, JWT (JSON Web Tokens).

The backend of the website is built on the principle of Onion Architecture. It helps to organize the code in such a way that it is resistant to changes, easily tested and maintained. In this approach, the code is divided into layers. Each layer depends only on the inner layers and never on the outer ones. This ensures weak coupling of components and high flexibility of the system. See the Onion Architecture principle of E-Doc Complex (fig. 7).

The E-Doc Complex database is organized by a set of interrelated components that form the basis of archival data and includes the following types of electronic publications:

- Collections that combine documents into thematic and chronological groups, making navigation and search easier. Collections are additionally classified by types, categories and formats. This allows to describe their nature and structure in detail.
- Exhibitions that organize archival materials in the form of virtual exhibitions, providing users with a more visual and structured presentation of collections. See the database schema (fig. 8), functionality and features of E-Doc Complex (fig. 9).

The following main functions are provided for users of E-Doc Complex: registration and login (fig. 10).

When users visit the site for the first time, they go through the registration process, after which they can log in using a username and password. This allows to create a personal space on the website with

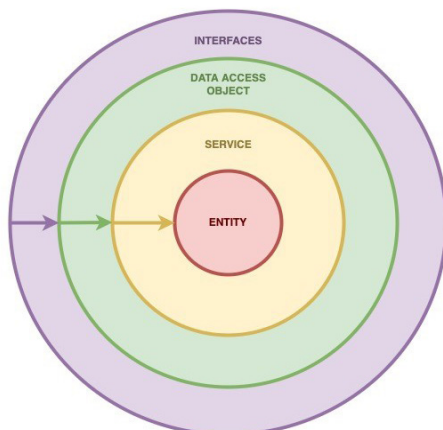

Fig. 7. The Onion Architecture Principle of E-Doc Complex
 Рис. 7. Принцип «луковой архитектуры» E-Doc Complex

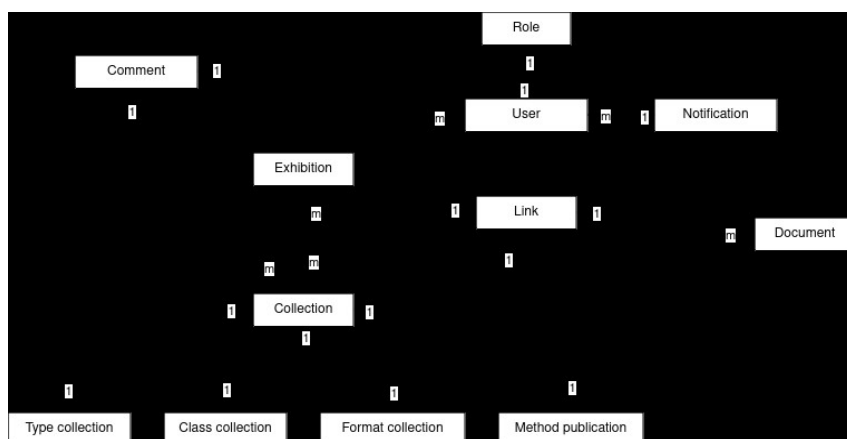

Fig. 8. The Database Schema of E-Doc Complex
 Рис. 8. Схема базы данных E-Doc Complex

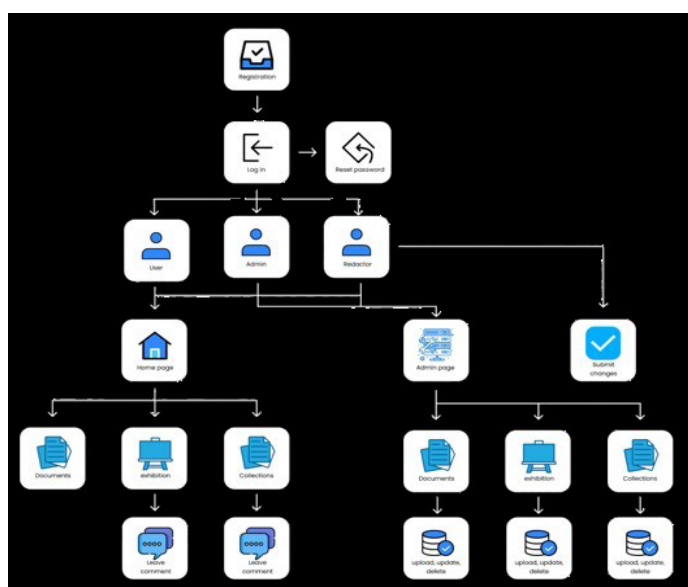

Fig. 9. Functionality and Features of E-Doc Complex
 Рис. 9. Функциональность и возможности E-Doc Complex

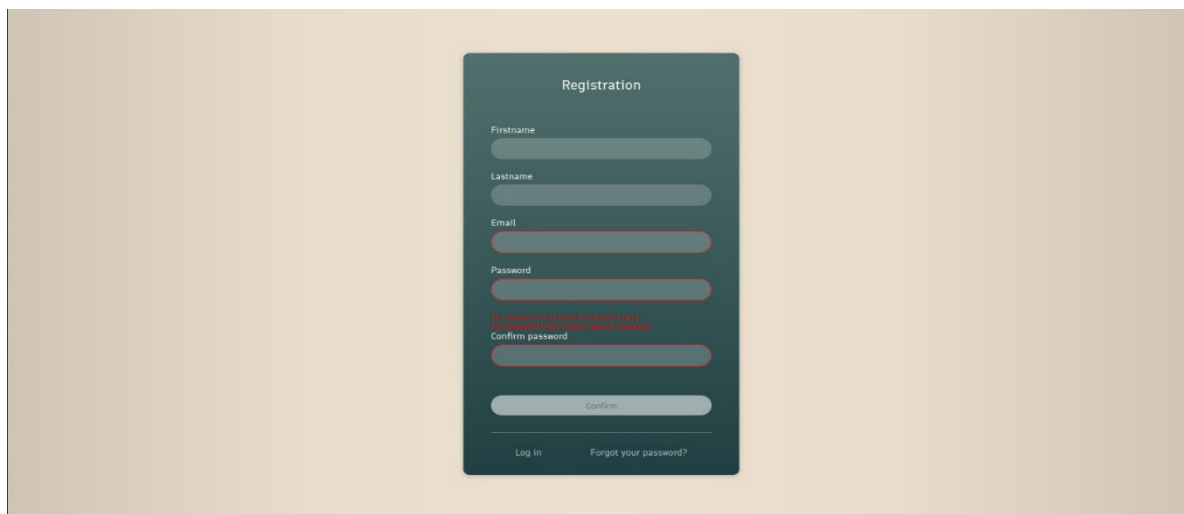

Fig. 10. Registration Page

Рис. 10. Страница регистрации

the opportunity to save the browsing history and comments as well as to select collections on the main page. After logging in, users are directed to the home page where they can choose a type of collection: academic, popular science or educational. This helps to navigate through a large number of materials and get started with the topics they are interested in; after selecting the type of interest, users see a list of all collections filtered by the selected category.

Viewing collections: users may retrieve any collection to study detailed information, view documents and post comments.

Virtual exhibitions: users may also visit virtual exhibitions from the main page and interact with materials in the same way as with collections; additional features are provided for administrators and editors.

Implementation and features: thanks to the use of FastAPI and asynchronous programming, the historical archival website is able to process a large number of requests simultaneously, ensuring a high speed of operation and responsiveness of the interface. The use of PostgreSQL guarantees reliable data storage and efficient management of complex queries, which is critical for organizing and searching information in an extensive database of historical documents.

The JWT-based authentication and authorization system provides a high level of security, allowing users to register and use their personal accounts on the website with confidence.

“Users”: It contains data about users’ accounts, including their roles in the system, which determine the level of access to the archive and functionality.

“Notifications”: It serves to inform the editors about the administrators’ actions such as updates, creation of collections, exhibitions and documents.

“Comments”: It allows users to leave feedback and notes on documents or exhibitions, facilitating interactive knowledge sharing and discussion.

Features of the implementation of E-Doc Complex:

- **Data normalization.** The developers designed the database taking into account the principles of normalization to avoid duplication of information and ensure its integrity.
- **Indexing and query optimization.** Optimized indices and carefully planned queries are used to improve search performance and data access.
- **Security.** Measures have been taken to ensure data security, including encryption of confidential information and protection against SQL injections.
- **Connections:**
  - One-to-one ratio (1:1). A one-to-one connection assumes that one entry in Table A corresponds to exactly one entry in Table B. These connections are less common and usually used to split one table into two in order to improve data organization and management.

— One-to-many connection (1:N). This type of connection assumes that one entry in Table A may be associated with many entries in Table B, but each entry in table B is associated with only one entry in Table A. The connections between these entities in the database visualize interactions and dependencies, allowing a comprehensive management of information within the archive. All entities are considered as part of a single system that provides users with convenient access to historical data.

Additional features for administrators and editors of E-Doc Complex include:

- **Admin panel.** Users with the administrator role have access to the admin panel where they may add, edit and delete data. This gives administrators the opportunity to update and manage the content of the website,
- **Working with the editor.** Administrators may send requests for approval of changes to editors. This creates a two-step verification process that guarantees the quality and accuracy of the information available for users to view,
- **Editor functions.** Editors not only approve changes proposed by administrators, but also have the authority to create and edit data in the archive. This provides an additional level of flexibility and control over the content of the website,
- **Access control.** Different access levels for ordinary users, administrators and editors ensure the security of information and allow an effective management of archival resources. This functional scheme guarantees not only a convenient access to information for all categories of users, but also a strict control over the quality and relevance of the data presented. The described functionality embodies the key principles of user convenience, security and cooperation which are fundamental for the successful functioning of modern educational web resources,
- **Performance optimization.** React and React Router jointly provide efficient resource management and performance optimization. This is critical to ensure fast loading and response of the website, even with a large amount of data and high server load. Moreover, the financial costs for supporting the E-Doc Complex website are minimal. Hosting and a domain name are needed.

Costs for virtual hosting services in Kazakhstan vary depending on the selected tariff plan and required storage capacity, ranging from KZT 28,000 to KZT 112,000 per year (fig. 11).

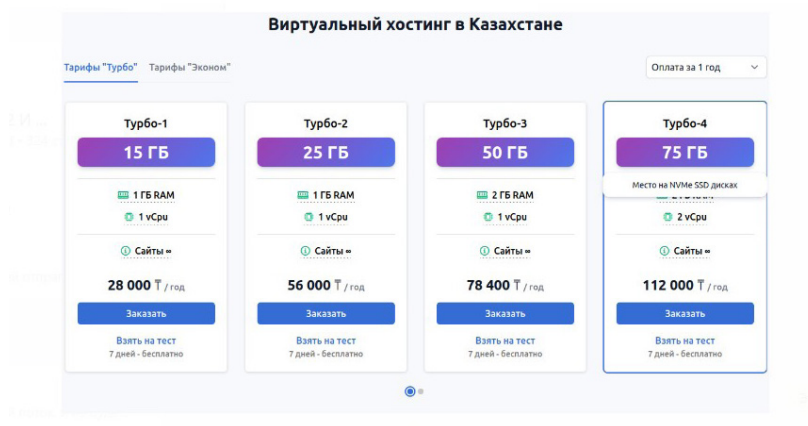

Fig. 11. Costs for Virtual Hosting in Kazakhstan
Рис. 11. Стоимость виртуального хостинга в Казахстане

Conclusion

Modern applied electronic archaeography has a variety of topics and models for distribution of the documentary heritage of archival institutions. The activities of archives in the digital space are diverse:

- preservation of cultural heritage;
- increasing the availability of archival materials;
- conducting high-quality archival heuristics;

- cooperation between institutions, researchers and communities to create digital collections;
- adaptation to constantly evolving technologies.

Online publications of archival materials in Kazakhstan are interactive in nature and based on a holistic, systematic approach.

However, our analysis of the electronic reference and search systems of the archival institutions and their documentary heritage in the form of web publications has shown different levels of their implementation. A comparative analysis has indicated that differences in methods for storage of documents may be due not only to various approaches of the archives, but also to their different documentary resources, technical capabilities, as well as characteristics of specific archival collections and user needs. Electronic document catalogs have been developed on all the websites of these archives, but the methods and formats of electronic documentary publication are not identical. The most active and versatile form is electronic archeography in the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Collections of archival materials are most often indicated on the websites of the archival institutions in the form of hyperlinks to publications in conventional forms. Collections of archival materials are presented as electronic books in the State Archives of Almaty (Almaty SA).

Today, modernizing the technological base of archival institutions determines the development of technologies and forms of work to create electronic documentary publications that meet modern requirements of information resources. Therefore, the archives in the Republic of Kazakhstan are developing methodological recommendations for digitalization of archival documents, creating virtual interactive exhibitions, etc. The technological level ensures a high-quality transformation of printed materials into electronic form. It is an important aspect in the methodological support of archivistics.

Our developed software product — the E-Doc Complex website — will contribute to the creation of two types of electronic publications of documentary heritage: collections of archival materials (academic, popular science and educational) and virtual thematic exhibitions. Integration with Elasticsearch makes it possible to build a powerful and fast search engine to find relevant archival documents. It supports complex queries and aggregations. This provides users with instant access to the necessary information, improves navigation and interactivity of the website. The development of appropriate indices and indexing strategies is critical to optimize the performance and relevance of search results. In addition to authentication and authorization, measures have been taken to protect the website against XSS and CSRF attacks, as well as from SQL injections through the use of ORM. Regular updates of dependencies and the use of proven libraries contribute to the overall security of the project. The E-Doc Complex website may be used by archival institutions to create collections of documents in digital format.

REFERENCES

- Avtokratov, V. N. (2001) *Theoretical issues of Russian archival science*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 402 p. (In Russ.).
- Afiani, V. Yu. (2019) Contemporary issues of archaeography: A historiographical aspect. *Domestic Archives*, no. 1, pp. 25–31. (In Russ.).
- Bazyr, R. N. (2020) Visible history of Tuva in photo documents at the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 47–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3>
- Grum-Grzhimailo, Yu. V. and Sabennikova, I. V. (2006) Some problems of publishing archival documents in electronic editions. *Herald of an Archivist*, no. 2–3, pp. 306–318. (In Russ.).
- Kozlov, V. P. (2001) Theoretical foundations of archaeography from the perspective of modernity. *Domestic Archives*, no. 1, pp. 10–33. (In Russ.).
- Kozlov, V. P. (2017) *Documentary memory in archival knowledge*. Moscow, Archives of the RAS ; Drevlekhranilishche. 332 p. (In Russ.).
- Maadyr, M. S. (2020) The rise and history of archaeography in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.2>
- Munge, B. V., Kuular, M. S. and Lamazhaa, Ch. K. (2020) The history of archival work in Tuva: A social and philosophical study. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.1>
- Olimpieva, E. V. (2018) Electronic publications of historical sources on the Runet. In: Mazur, L. N. (ed.). *Document. Archive. History. Modernity* : Proceedings of the 7th All-Russian science-to-practice conference with international

participation dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of History of the Ural Federal University (Yekaterinburg, November 16–18, 2018). Yekaterinburg : Ural University Publishing House. Pp. 264–267. (In Russ.).

Pozdeeva, I. V. (2002) A new concept of editorial archival science. *Domestic Archives*, no. 1, pp. 57–62. (In Russ.).

Ponassenko, A. V. and Studenikina, V. P. (2018) *Fundamentals of theoretical and applied archaeography*. Lugansk, Knita. 88 p. (In Russ.).

Sabennikova, I. V. (2022a) Personal archives and their transformation in digital era. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 251–257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

Sabennikova, I. V. (2022b) Cloud services for storing digital documents. Legal framework and existing risks. *History and Archives*, no. 2, pp. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2022-2-73-82>

Yumasheva, Ju. Yu. (2012) Electronic copies of the archives collections of the Russian Federation: Source studies problems. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 5, pp. 150–175. (In Russ.).

Yumasheva, Ju. Yu. (2017a) Scholarly publishing of historical documents in an electronic environment: Problems of source studies and archeography. *Historical Informatics*, no. 1, pp. 125–139. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0891.2017.1.21766>

Yumasheva, Ju. Yu. (2017b) Problems of electronic archeography. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 4, pp. 97–105. (In Russ.).

Acker, A. and Kreisberg, A. (2020) Social media data archives in an API-driven world. *Archival Science*, vol. 20, no. 2, pp. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10502-019-09325-9>

Carroll, L. et al. (2011) A comprehensive approach to born-digital archives / L. Carroll, E. Farr, P. Hornsby and B. Ranker. *Archivaria. The Journal of the Association of Canadian Archivists*, no. 72, pp. 61–92. [online] Available at: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13360/> (accessed 08.12.2023).

Kriesberg, A. (2017) The future of access to public records? Public–private partnerships in US state and territorial archives. *Archival Science*, vol. 17, no. 1, pp. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10502-016-9268-6>

Milligan, I. (2022) *The transformation of historical research in the digital age*. Cambridge, Cambridge University Press. iv, 80 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009026055>

Pitti, D. V. (2004) Designing sustainable projects and publications. In: Schreiber, S., Siemens, R., Unsworth, J. (eds.). *A companion to digital humanities* / ed. by. Malden, MA ; Oxford, Blackwell Publishing. xxvii, 611 p. Pp. 471–487. [online] Available at: https://companions.digitalhumanities.org/DH/?chapter=content/9781405103213_chapter_31.html (accessed 17.12.2023).

Submission date: 18.04.2024.

Acceptance date: 27.05.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автократов, В. Н. (2001) Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М. : РГГУ. 402 с.
- Афиани, В. Ю. (2019) Современные проблемы археографии: историографический аспект // Отечественные архивы. № 1. С. 25–31.
- Базыр, Р. Н. (2020) Зримая история Тувы в фотодокументах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3>
- Грум-Гржимайло, Ю. В., Сабенникова, И. В. (2006) Некоторые проблемы публикации архивных документов в электронных изданиях // Вестник архивиста. № 2–3. С. 306–318.
- Козлов, В. П. (2001) Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. № 1. С. 10–33.
- Козлов, В. П. (2017) Документальная память в архивоведческом знании. М. : Архив РАН ; Древлехранилище. 332 с.
- Маадыр, М. С. (2020) История становления археографии Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.2>
- Мунге, Б. В., Куулар, М. Ш., Ламажаа, Ч. К. (2020) История архивного дела Тувы: социально-философский анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.1>
- Олимпиева, Е. В. (2018) Электронные публикации исторических источников в Рунете // Документ. Архив. История. Современность : мат. VII Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета (Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г.) / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 264–267.
- Поздеева, И. В. (2002) Новая концепция эдиционного архивоведения // Отечественные архивы. № 1. С. 57–62.

Понасенко, А. В., Студеникина, В. П. (2018) Основы теоретической и прикладной археографии. Луганск : Книта. 88 с.

Сабенникова, И. В. (2022a) Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации // Вестник РУДН. Серия: История России. Т. 21, № 2. С. 251–257. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

Сабенникова, И. В. (2022b) Облачные сервисы хранения цифровых документов: законодательная база и существующие риски // История и архивы. № 2. С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2022-2-73-82>

Юмашева, Ю. Ю. (2012) Электронные копии документов Архивного фонда РФ: источниковедческие проблемы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 5. С. 150–175.

Юмашева, Ю. Ю. (2017a) Научное издание исторических документов в электронной среде: проблемы источниковедения и археографии // Историческая информатика. № 1. С. 125–139. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0891.2017.1.21766>

Юмашева, Ю. Ю. (2017b) Проблемы электронной археографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 4. С. 97–105.

Acker, A., Kreisberg, A. (2020) Social media data archives in an API-driven world // Archival Science. Vol. 20, no. 2. P. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10502-019-09325-9>

Carroll, L. et al. (2011) A comprehensive approach to born-digital archives / L. Carroll, E. Farr, P. Hornsby, B. Ranker [Электронный ресурс] // Archivaria. The Journal of the Association of Canadian Archivists. No. 72. P. 61–92. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13360/> (дата обращения: 08.12.2023).

Kriesberg, A. (2017) The future of access to public records? Public–private partnerships in US state and territorial archives // Archival Science. Vol. 17, no. 1. P. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10502-016-9268-6>

Milligan, I. (2022) The transformation of historical research in the digital age. Cambridge : Cambridge University Press. iv, 80 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009026055>

Pace, A. K. (2000) Digital preservation: Everything new is old again // Computers in Libraries. Vol. 20, No. 2. P. 55–58.

Pitti, D. V. (2004) Designing sustainable projects and publications // A companion to digital humanities / ed. by S. Schreibman, R. Siemens, J. Unsworth. Malden, MA ; Oxford : Blackwell Publishing. xxvii, 611 p. P. 471–487. URL: https://companions.digitalhumanities.org/DH/?chapter=content/9781405103213_chapter_31.html (дата обращения: 17.12.2023).

Дата поступления: 18.04.2024 г.

Дата принятия: 27.05.2024 г.

DOI: 10.25178/nit.2024.4.22

Статья

Символическая мощьность эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии

Игорь А. Данилов, Наталия Е. Захарова, Акулина Е. Захарова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация

В статье анализируется символическая мощьность эвенкийского языка в условиях неоднородной языковой ситуации, сложившейся в Республике Якутия (Россия). Авторы рассматривают устойчивость этнической идентичности эвенков как возможный ресурс для ревитализации эвенкийского языка. На основе данных полевых исследований, проведенных в 2022–2023 гг. в трех эвенкийских населенных пунктах Якутии (с. Иенгра, Тяня, Таймылыр) с различной степенью сохранности этнического языка, авторы выявляют особенности трансформации роли эвенкийского языка в иерархии этнообразующих факторов местного населения.

Установлено, что в селах с относительно высокой витальностью эвенкийского языка язык по-прежнему выступает одним из ключевых маркеров этнической принадлежности. Показано, что в сообществах, давно утративших язык, ослабляется консолидирующая функция эвенкийского языка, смещаясь культурно-традиционными и историко-территориальными аспектами идентичности. Вместе с тем анализ языковых установок демонстрирует наличие прочной основы для ревитализации, сохранения и межпоколенной передачи эвенкийского языка.

Результаты исследования свидетельствуют, что несмотря на неоднородность языковой ситуации, различную степень языкового сдвига, устойчивость этнической идентичности эвенков Якутии обеспечивает высокую символическую мощьность эвенкийского языка, что создает возможности для его возрождения. Для этого требуется реализация комплекса локально ориентированных институциональных и социокультурных мер, учитывающих специфику каждого эвенкийского поселения республики и направленных на всестороннюю поддержку эвенкийского языка.

Ключевые слова: эвенкийский язык; символическая мощьность; языковая компетенция; этноязыковая идентичность; языковые установки; этническая идентичность; эвенки; Якутия

Статья подготовлена по проекту «Организация и проведение мониторинга функционирования языков коренных народов Республики Саха (Якутия)», реализуемому в рамках государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы».

Для цитирования:

Данилов И. А., Захарова Н. Е., Захарова А. Е. Символическая мощьность эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22>

Данилов Игорь Альбертович — младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 310. Эл. адрес: igor_danilov_2000@mail.ru

Захарова Наталия Егоровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 311. Эл. адрес: zakharova_nataly@mail.ru

Захарова Акулина Егоровна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 406. Эл. адрес: linamestnikova@gmail.com

The symbolic power of the Evenk language in the context of the stability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia

Igor A. Danilov, Nataliia E. Zakharova, Akulina E. Zakharova

Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the symbolic power of the Evenki language within the context of the heterogeneous linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia), Russia. The authors examine the resilience of Evenki ethnic identity as a potential resource for the revitalization of the Evenki language. Based on field research conducted in 2022–2023 in three Evenki settlements in Yakutia (Iengra, Tyanya, and Taymylyr) with varying degrees of language preservation, the study identifies the transformations in the role of the Evenki language within the hierarchy of ethno-defining factors among the local population.

It was found that in villages where the Evenki language maintains relatively high vitality, the language remains a key marker of ethnic identity. The study demonstrates that in communities where the language has long been lost, the consolidating role of the Evenki language has shifted towards cultural-traditional and historical-territorial aspects of identity. At the same time, an analysis of language attitudes reveals a solid foundation for the revitalization, preservation, and intergenerational transmission of the Evenki language.

The results indicate that despite the heterogeneity of the linguistic situation and varying degrees of language shift, the resilience of the ethnic identity of the Evenki people in Yakutia ensures the high symbolic power of the Evenki language, creating opportunities for its revival. This would require the implementation of a set of locally oriented institutional and sociocultural measures that account for the specific characteristics of each Evenki settlement in the republic and aim to comprehensively support the Evenki language.

Keywords: Evenki language; symbolic power; language competence; ethnolinguistic identity; language attitudes; ethnic identity; Evenki people; Yakutia

Financing

The article was prepared according to the project “Organization and monitoring of the functioning of the languages of the indigenous peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)”, implemented within the framework of the state program of the Republic of Sakha (Yakutia) “Preservation and development of state and official languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2020–2024”.

For citation:

Danilov I. A., Zakharova N. E. and Zakharova A. E. The symbolic power of the Evenk language in the context of the stability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22>

DANILOV, Igor Albertovich, Junior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 310, 1, Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1974-3088

ZAKHAROVA, Nataliya Egorovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 311, 1, Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: zakharova_nataly@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5354-6862

ZAKHAROVA, Akulina Egorovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Ethnology, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: office 406, 1, Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: linamestnikova@gmail.com

Введение

Сохранение и развитие языков коренных народов России является актуальной и острой проблемой современности. В условиях глобализации многие малочисленные народы сталкиваются с угрозой утраты родного языка, что ведет к стиранию их этнокультурной идентичности. Особенно тревожная ситуация складывается среди эвенков, представляющих одну из крупнейших тунгусо-маньчжурских этнических групп Севера. Измерение языковой витальности в эвенкийских населенных пунктах, предпринятое Институтом языкознания РАН, выявило существенную дифференциацию по степени сохранности этнического языка — от признаков зарождающегося языкового сдвига до полной утраты эвенкийской речи (Казакевич и др., 2022: 37).

По данным последней Всероссийской переписи населения, проведенной в 2021 г., в Якутии проживает более половины всех эвенков России, причем основная их часть сосредоточена в северо-западных и южных районах республики, граничащих с Красноярским и Хабаровским краями, Амурской областью. Наиболее крупные группы эвенков расселены в г. Якутске (4892 чел.), Алданском (2130 чел.), Усть-Майском (2105 чел.), Нерюнгринском (1241 чел.), Олекминском (1194 чел.) районах на юге, Оленекском (3566 чел.), Жиганском (2624 чел.), Булунском (2097 чел.), Анабарском (1074 чел.), Мирнинском (577 чел.) районах на северо-западе республики.

Расселение якутов по территории Северо-Запада, происходившее со второй половины XVII в., сопровождалось языковой и культурной ассимиляцией тунгусского (эвенкийского) населения (Туголуков, 1985: 219). Как отмечает А. А. Сирина, «большинство населения северо-запада Якутии уже к середине XIX в. было якутоязычным» (Сирина, 2012: 98).

Согласно материалам переписи населения 1897 г., около половины всех тунгусов Якутии (40,9%) назвали родным языком якутский язык. Более того, большая часть (45,8%) алдано-майских тунгусов уже полностью ассимилировались с якутами и перешли на якутский язык (Игнатьева, 1994: 21). По данным А. Н. Мыреевой, в 1992 г. эвенкийским языком в Якутии свободно владело около 600 чел., проживавших в Алданском, Олекминском и Нерюнгринском районах, что составляло 16% эвенкийского населения указанных территорий. Остальные говорили на якутском и русском языках (Мыреева, 1993: 72). А к настоящему времени, по оценке А. Н. Варламова, число владеющих эвенкийским языком в Якутии не превышает 5% от общей численности эвенков в регионе, что является следствием длительных и интенсивных процессов языковой ассимиляции эвенков якутским языком, особенно усилившихся с 30-х годов XX в. (Варламов, 2022: 538).

Согласно исследованиям, небольшое количество эвенков старшего и пожилого возраста, которые иногда общаются на родном языке, сохраняется в некоторых селах Олекминского и Алданского районов, таких как Тяня, Токко, Хатыстыр и Кутана (Марфусалова, 2018: 26). В 2009 г. единственным населенным пунктом в Якутии, где активно бытовала эвенкийская речь, являлось село Иенгра в Нерюнгринском районе (Стручков, 2009: 22). А сегодня исследователи отмечают в данном селе начальную стадию языкового сдвига (Казакевич и др., 2022: 37). В остальных муниципальных районах Якутии эвенки, по сути, уже полностью перешли на якутский язык.

В условиях, когда эвенкийский язык ограниченно функционирует в Республике Саха (Якутия), важно понимать не только его практическую ценность, но и его символическое значение для эвенкийского народа. Исследование символической мощности языка, включающей этноязыковую идентичность и отношение людей к нему (языковые установки и ориентации), актуально для оценки его витальности (Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019: 11) и проведения социолингвистического прогнозирования (Биткеева, 2022: 42).

Исходя из этого, данная статья ставит своей целью проанализировать символическую мощность эвенкийского языка среди самих эвенков в контексте неоднородной языковой ситуации, сложившейся в Республике Саха (Якутия). При этом мы рассматриваем устойчивость этнической идентичности как возможный ресурс ревитализации языка. Известно, что языковой сдвиг не приводит к утрате этнической идентичности (Попков, Тюгашев, 2014: 143), поэтому обратная связь — высокая этническая идентичность как ресурс для ревитализации языка — также представляет интерес.

Вместе с тем, важно понять, как меняется роль эвенкийского языка в зависимости от интенсивности его утраты. Поэтому в фокусе внимания — населенные пункты с различной степенью витальности

эвенкийского языка: 1) с. Таймылыр Булунского района¹, где язык утрачен давно, 2) с. Тяня Олекминского района, где наблюдается активный процесс языкового сдвига, 3) с. Иенгра Нерюнгринского района, где межпоколенная передача эвенкийского языка пока еще сохраняется. Таким образом, выбор данных населенных пунктов для проведения компаративного анализа был обусловлен значительными различиями в степени сохранности эвенкийского языка среди местного населения, а также их географической удаленностью друг от друга.

Таймылыр является административным центром Тюметинского национального эвенкийского наслега, расположенного на Северо-Западе Якутии. По данным переписи 2010 г. доля эвенков в этнической структуре села составляла всего 48%². Ранее языковая ситуация в Таймылыре практически не подвергалась исследованию, поскольку эвенкийский язык был утрачен давно.

Село Тяня расположено в Южной Якутии. По переписи 2010 г. доля эвенков в Тяне составляла 80%. К началу XX в., как отмечает К. Н. Стручков, в селе Тяня эвенкийский язык сохранили лишь 44,7% населения, причем он активно применяется только в чисто эвенкийском окружении, а в смешанных семьях предпочтение отдается якутскому или русскому (Стручков, 2011: 43). Разговорный эвенкийский здесь сосредоточен преимущественно среди представителей старшего поколения, в то время как среди жителей младше 60 лет он используется только в семьях, занятых традиционными видами хозяйствования³.

В отличие от двух предыдущих населенных пунктов, Иенгра считается центром эвенкийской культуры в Якутии. По данным 2010 г., доля эвенков в ее населении составляла 74%. Иенгра неоднократно характеризовалась как единственное место, где хорошо сохраняется эвенкийский язык, которым в той или иной степени владеют практически все местные эвенки (Стручков, 2011: 41; Марфусалова, 2018: 26). Однако здесь русский язык постепенно вытесняет эвенкийский, особенно среди молодежи, а в школе он преподается лишь как отдельный предмет с небольшим количеством часов (Стручков, 2018: 96; Имеева-Кысылбаикова, Игнатенко, 2023: 238).

В ходе полевых работ, проведенных в 2022–2023 гг. сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, был реализован этносоциологический опрос населения названных сел. Опрос проводился на русском языке. В каждом селе было опрошено по 100 респондентов. Инструментарий данного исследования (анкета) включал 28 вопросов, структурированных по трем тематическим блокам. Первый блок был посвящен вопросам этноязыковой идентичности респондентов, включая выбор родного языка, уровень языковой компетенции, сферы использования языка, проблемы языковой преемственности и т. д. Второй блок состоял из вопросов, касающихся традиционной культуры — обрядов, ритуалов, праздников, национальной кухни и одежды. Третий блок содержал вопросы о социально-демографических характеристиках опрошиваемых. В рамках данной статьи будут проанализированы ответы эвенков, касающиеся символической ценности этнического языка.

Социально-демографические характеристики респондентов

Методология исследования предполагала использование непропорциональной стратификационной выборки при обследовании населенных пунктов Иенгра и Тяня. Для формирования выборки в селе Таймылыр был задействован метод «снежного кома», обусловленный отсутствием достоверных

¹ Всего население на 1 января 2024 г. по данным Росстата: с. Таймылыр — 783 чел., с. Тяня — 406 чел., с. Иенгра — 1027 чел.

² Здесь и далее приводятся данные по доле эвенков в исследуемых селах, полученные по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., поскольку сведения о национальном составе, собранные в ходе последней переписи 2021 г., пока не были официально обнародованы.

³ Захарова Н. Е. Экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование эвенкийского языка (на примере эвенкийских национальных сел Олекминского района Республики Саха (Якутия)) // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Феодосия Семеновича Донского, Якутск, 24 сентября 2019 года. Якутск: ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2019. С. 174.

статистических данных о численности и структуре местного населения. Необходимо отметить, что во многих сельских поселениях местные органы власти, как правило, не ведут детальный учет жителей с разбивкой по возрасту, полу и этнической принадлежности. Общедоступные официальные статистические данные также зачастую содержат лишь общие сведения о численности населения, не позволяя сформировать заранее структурированную (стратифицированную) выборку респондентов. Организация полевых исследований в отдаленных северных районах, связанная с необходимостью преодоления значительных географических расстояний, ограниченностью транспортной инфраструктуры и финансовых ресурсов, также затрудняет применение стратифицированной выборки.

Кроме того, данный метод сбора эмпирического материала в этом случае представляется более практичным, так как позволяет выстраивать взаимодействие исследователей с респондентами, опираясь на внутренние связи и контакты в рамках изучаемых этнолокальных сообществ.

Из 300 опрошенных респондентов 215 человек являются эвенками, то есть эвенки составляют значительную часть выборки. Рассмотрение этнического состава выборки в разрезе отдельных населенных пунктов позволяет выявить некоторые интересные особенности. В селах Иенгра и Тяня эвенки представляют подавляющее большинство среди респондентов, составляя 84% и 85% соответственно, что отражает их численное доминирование в этнической структуре данных населенных пунктов и указывает на относительно гомогенный этнический состав местного сообщества. В то же время, в селе Таймылыр эвенки составляют меньшую, хотя все еще значительную часть (46%) от общего числа опрошенных, что соответствует более полиэтническому характеру данного поселения.

Гендерный срез выборки выявляет преобладание женщин среди респондентов в Иенгре (58%) и Таймылыре (75%), в то время как в Тяне соотношение полов более сбалансировано (53% мужчин и 47% женщин). Это связано с особенностями привлечения информантов в ходе исследования, когда женщины проявляли большую готовность участвовать в опросе.

В селе Иенгра наблюдается достаточно сбалансированное распределение по возрастным группам — 21% составляет молодежь 17–30 лет, 42% — среднее поколение 31–50 лет, и 37% — люди старше 50 лет. Схожая ситуация складывается и в селе Тяня, где также представлены все возрастные когорты: 22% — 17–30 лет, 33% — 31–50 лет, 45% — старше 50 лет. Здесь несколько выше доля пожилых респондентов, но в целом сохраняется определенный баланс между поколениями. Иная картина наблюдается в селе Таймылыр. Здесь доминируют респонденты среднего возраста 31–50 лет, составляющие 59% выборки. Молодежь 17–30 лет представлена 19%, а пожилые старше 50 лет — 22%.

Анализ образовательного уровня опрошенных в целом демонстрирует достаточно высокие показатели. Наиболее распространенным является среднее специальное образование, которым обладают 39,33% респондентов. Значительную долю также составляют лица, имеющие высшее или незаконченное высшее образование — 23,67%. Среднее общее образование имеют 27,33% опрошенных, а доля респондентов с неполным средним образованием составляет 9,67%.

Что касается профессионального статуса, то большинство респондентов (63,67%) на момент исследования были заняты трудовой деятельностью. Вместе с тем, значительную долю (15,33%) составляют неработающие пенсионеры и инвалиды. Доля безработных и временно неработающих составляет 9,67%, а домохозяйек (включая ухаживающих за детьми) — 4%. Учащиеся и студенты представлены 7,33% выборки.

Трансформация роли эвенкийского языка в структуре этнической идентичности эвенков Якутии

Как показывают результаты исследования, родной язык является одним из центральных маркеров этнической идентичности эвенков Якутии, особенно проявляющийся в селе Иенгра, где он был отмечен 55,95% респондентов. Это указывает на сохранение ключевой роли языка в этническом самоопределении местного населения. Данная тенденция особенно характерна для средних и старших возрастных групп эвенков Иенгры, для которых владение родным языком по-прежнему остается важнейшим атрибутом их этнической принадлежности. Известно, что восприятие родного языка тесно коррелирует с этнической идентификацией, о чем свидетельствуют и психолингвистические исследования, проведенные на материале языков коренных народов Южной Сибири (Боргоякова, Покоякова, 2022: 61).

Вместе с тем, в селе Тяня картина несколько иная — здесь культура и традиции родного народа выходят на первый план, превалируя над языковым фактором (51,76% против 37,65% соответственно). Более того, среди молодежи Тяни культурная составляющая становится доминирующей (75%), в то время как язык отходит на второй план (15%). Это свидетельствует о некотором ослаблении консолидирующей роли эвенкийского языка в этнической самоидентификации представителей данного сообщества, что обусловлено происходящим языковым сдвигом.

Еще более выраженные трансформации наблюдаются в селе Таймылыр, где родной язык практически не играет роли в качестве маркера этнической принадлежности — его выбрали лишь 4,35% респондентов, что является отражением длительного отсутствия эвенкийского языка на этой территории. Здесь на первый план выходят культура и традиции (56,52%), а также историческая связь с родной землей (21,74%). Данная тенденция прослеживается во всех возрастных категориях эвенков Таймылыра, причем у старших поколений даже отсутствует упоминание о языке как факторе, определяющем их этническую идентичность. Вместе с тем, следует отметить, что среди эвенкийской молодежи Таймылыра 14,29% респондентов все же включают родной язык в структуру своей этнической самоидентификации. Это обстоятельство ярко свидетельствует о некоторых позитивных сдвигах в процессе возрождения эвенкийского языка в селе, который в постсоветский период стал объектом целенаправленных усилий по включению его в этнокультурную жизнь местного сообщества, что характерно и для других эвенкийских сел, давно утративших этнический язык (см.: Данилов, 2022). Данная тенденция, пусть и в небольших масштабах, дает надежду на возможность постепенной ревитализации эвенкийского языка в Таймылыре.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в эвенкийских сообществах Якутии наблюдаются различия в иерархии факторов, формирующих этнокультурную идентичность местных жителей. Если в Иенгре сохраняется ведущая роль родного языка, то в Тяне и особенно в Таймылыре происходит постепенное смещение акцента к культурно-традиционным и историко-территориальным аспектам. Как отмечают исследователи,

«традиция приобретает также возрастающую значимость в установлении идентичности отдельного человека и конкретного локального сообщества, его социокультурного отличия от других подобных сообществ. А это отличие коренится, прежде всего, в истории, в прошлом. Именно через традицию чаще всего осуществляется обращение к прошлому» (Мадюкова, Попков, 2010: 27).

Очевидно, что данные трансформации обусловлены различиями в степени языкового сдвига в этих селах, которые послужили основанием для настоящего компаративного анализа.

Результаты исследования идентичности, языка и культуры молодежи коренных народов Севера, предпринятого этносоциологами (Игнатъева, Васильева, Томаска и др., 2022: 158), также выявляют существенные различия в иерархии этнообразующих факторов у молодых эвенков нами исследуемых сельских поселений.

Так, согласно им, в Иенгре для молодежи ключевым маркером этничности был родной язык, занимавший в 2021 г. 1-е место. Хотя спустя год нами было зафиксировано иное — фактор «язык» у иенгринской молодежи переместился на второе место, уступив культуре и традициям.

В Тяне, напротив, на первый план для молодежи выходила культура, а родной язык был отодвинут на 4-ю позицию. Такое распределение приоритетов согласуется и с нашими результатами: родной язык, хотя и остается важным маркером, уступает в данном сообществе другим этнокультурным атрибутам.

Наиболее контрастная картина складывается в Таймылыре, где для молодежи доминирующим фактором единения со своим народом выступала привязанность к родной земле и природе. Однако, родной язык, несмотря на его функциональное отсутствие, занимал все же 2-е место в иерархии этнообразующих факторов. Как мы ранее отмечали, это происходит на фоне повышающейся, но все еще невысокой роли этноязыковой идентичности в сознании местной молодежи Таймылыра. В этом ключе интересно суждение Н. И. Ивановой, которая отмечает, что этническая идентичность способна генерировать этноязыковую идентичность молодежи (Иванова, 2022: 101).

Относительно родного языка получены следующие данные. В селе Иенгра эвенкийский язык признается в качестве родного абсолютным большинством местных эвенков — 80,95% опрошенных. Эта тенденция сохраняется во всех возрастных категориях: среди молодежи 17–30 лет его считают родным 68,42%, среди представителей среднего возраста 31–50 лет — 86,84%, а в старшей группе старше

50 лет — 81,48%. Данные показатели свидетельствуют о высокой жизнеспособности эвенкийского языка в Иенгре, где он продолжает выполнять ключевую роль в этноязыковой идентичности местного населения независимо от возраста.

Схожая этноязыковая ситуация наблюдается и в селе Тяня, где 81,18% эвенков признают эвенкийский своим родным языком. Причем среди молодежи этот показатель даже выше, чем в Иенгре — 85%. В средней и старшей возрастных группах доля признающих родной язык также остается высокой (79,31% и 80,56% соответственно).

В то же время, в селе Таймылыр ситуация кардинально отличается. Здесь лишь 6,52% опрошенных эвенков рассматривают свой этнический язык как родной. Даже среди молодежи и представителей старшего поколения этот показатель не превышает 14,29%.

В целом, необходимо отметить, что, как мы ранее писали (Захарова, Захарова, 2022: 47), вопрос о родном языке является сложным индикатором этнической идентичности, не всегда соответствующим реальной языковой ситуации и поведению. Языковой компонент этнической идентичности характеризуется сложной иерархией эмоционально-оценочного отношения к языку этнической группы, с которой человек себя идентифицирует. Представители коренных народов могут стремиться позиционировать свою идентичность, декларируя владение языком, при этом их реальное языковое поведение не всегда соответствует желаемому уровню, что подтверждается и результатами данного исследования.

Владение эвенкийским языком и уровень языковой компетенции эвенков Якутии

Наиболее высокие показатели владения эвенкийским языком, как и ожидалось, наблюдаются в с. Иенгра, где им владеют 80,95% всего местного эвенкийского населения. Однако, при более детальном анализе возрастной структуры, заметна тревожная тенденция к снижению доли владеющих языком с уменьшением возраста. Если среди представителей старшего поколения старше 50 лет показатель владения эвенкийским достигает 85,19%, то в молодежной группе 17–30 лет он составляет уже 73,68%. Таким образом, несмотря на сохранение прочных позиций родного языка в повседневной жизни эвенкийского сообщества Иенгры, здесь отчетливо проявляется тенденция к языковому сдвигу — с каждым последующим поколением количество владеющих эвенкийским, вероятно, будет снижаться.

Это предположение находит подтверждение и в анализе уровня языковой компетентности иенгринских эвенков. Так, почти половина (47,62%) респондентов заявили, что свободно владеют эвенкийским, еще 15,48% — на разговорном уровне. Тем не менее, среди молодежи 17–30 лет доля свободно владеющих снижается до 31,58%, при этом значительно больше (52,63%) переходит на пассивное знание отдельных слов и фраз. В старших же возрастных группах, напротив, доля свободно владеющих повышается до 59,26%.

В с. Тяня картина владения эвенкийским языком несколько отличается от ситуации в Иенгре. Здесь общий уровень владения родным языком ниже и составляет 64,71%. Среди молодежи в возрасте 17–30 лет доля владеющих эвенкийским языком достигает 75%. Этот достаточно высокий показатель для данного села обусловлен наличием преподавания эвенкийского языка в местной школьной системе образования. Однако в средней (31–50 лет) и старшей возрастных группах этот уровень снижается до 62,07% и 61,11% соответственно.

Вместе с тем, несмотря на сравнительно высокий общий уровень владения, у большинства эвенков Тяни языковая компетенция находится на достаточно низком уровне. Анализ качества владения эвенкийским языком здесь выявляет преобладание более пассивных форм. Так, 51,76% жителей села знают лишь отдельные слова и фразы, 21,18% — только на разговорном уровне, и только 20% заявляют о свободном владении родным языком. Эти данные позволяют предположить, что эвенкийский язык в Тяне ввиду низкой языковой компетенции большинства местных эвенков в перспективе может быть утрачен, даже из пассивного владения.

В с. Таймылыр состояние эвенкийского языка в целом изначально является достаточно сложным, стоит отметить, что часть населения села (4,35%) все же демонстрирует определенный уровень владения эвенкийским языком. Анализ возрастной структуры показывает, что наибольшая доля владеющих эвенкийским приходится на представителей старшего поколения старше 50 лет — 14,29%.

Также отрадно, что среди молодежи 17–30 лет 14,29% знают отдельные слова и фразы на родном языке. Это свидетельствует об определенной работе по возрождению и популяризации эвенкийского языка в Таймыльре, в том числе в рамках культурно-массовых мероприятий и обрядовых практик. Безусловно, говорить о повсеместном распространении и активном использовании эвенкийского языка в Таймыльре пока не приходится. Но даже наличие пусть и незначительной доли пассивных носителей этнического языка в этом селе свидетельствует о наличии определенного потенциала для его дальнейшей ревитализации и укрепления позиций в жизни эвенкийского сообщества.

Эвенки Иенгры считают, что основной причиной плохого владения или невладения эвенкийским языком является отсутствие его преподавания в школе (8,33%) и то, что в семье никто не говорил на родном языке (19,05%). Также четверть респондентов (25%) отметили, что в нем просто не было необходимости. Обращает на себя внимание высокая доля тех, кто не дал ответа на этот вопрос (45,24%), что свидетельствует о том, что эта часть эвенкийского населения Иенгры не расценивает свою языковую компетенцию как низкую.

Анализ по возрастным группам показывает, что среди молодежи 17–30 лет основными причинами являются отсутствие потребности в языке (42,11%) и то, что в семье на нем не говорили (15,79%). В старших возрастных категориях (31–50 лет и старше 50 лет) ведущими факторами выступают отсутствие преподавания эвенкийского в школе (7,89% и 7,41% соответственно) и отсутствие языка в семейном общении (18,42% и 22,22%).

Аналогичные тенденции прослеживаются и в другом селе — Тяне. Здесь среди эвенкийского населения основными причинами плохого владения эвенкийским являются отсутствие необходимости в использовании языка (24,71%), его невостребованность в семейном общении (28,24%), а также отсутствие преподавания в школе (15,29%). Анализ по возрастным группам в Тяне выявляет некоторые особенности. Среди молодежи 17–30 лет ведущими факторами становятся отсутствие языка в семье (45%) и практической необходимости в его использовании (30%). В средней возрастной группе 31–50 лет основная причина — отсутствие необходимости в языке (37,93%) и его невостребованность в семейном общении (41,38%). Среди старшего поколения (старше 50 лет) наиболее значимыми оказываются институциональные факторы — отсутствие преподавания в школе (27,78%) и, в меньшей степени, отсутствие семейной трансмиссии языка (8,33%).

Таким образом, данные по Иенгре и Тяне демонстрируют схожие тенденции в возрастной динамике причин плохого владения эвенкийским языком. Если для молодого поколения основной проблемой является снижение практической потребности и семейной востребованности родного языка, то для старших возрастных групп ключевое значение имеют институциональные факторы — отсутствие языкового образования в школе.

Ситуация в с. Таймыльр имеет свою специфику. По данным опроса, среди населения абсолютным лидером среди причин плохого владения или невладения родным языком является отсутствие его преподавания в местной школьной системе — 71,74%. Учитывая, что эвенкийский язык отсутствует в селе издавна, можно сделать вывод, что жители Таймыльра возлагают основные надежды на систему образования как на единственный институт, который может обеспечить ревитализацию и передачу эвенкийского языка новым поколениям. Недостаток языковой среды в семье и повседневном общении делает школу ключевым фактором в языковой социализации эвенков.

Анализ данных по возрастным группам подтверждает, что этот институциональный фактор особенно значим в средней возрастной категории 31–50 лет, где доля указавших на отсутствие преподавания эвенкийского в школе достигает 81,25% — самый высокий показатель среди всех групп. Для молодежи 17–30 лет, наряду с образовательным фактором, более характерно снижение практической необходимости в использовании этнического языка.

Несмотря на некоторые различия, в этих эвенкийских селах прослеживаются общие закономерности в причинах, влияющих на уровень владения родным языком. Во всех трех населенных пунктах ключевую роль играют институциональные факторы, связанные с отсутствием системной языковой поддержки в школьном образовании. Наряду с этим, во всех трех селах заметную роль играют факторы, связанные с ослаблением практической необходимости использования эвенкийского языка и его невостребованностью в семейном общении. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется среди молодежи 17–30 лет, где снижение языковых компетенций объясняется в первую очередь отсутствием потребности в этническом языке.

Перспективы ревитализации, сохранения и развития эвенкийского языка в Якутии

Несмотря на, казалось бы, пессимистичный настрой эвенкийской молодежи, связанный со снижением практической необходимости в использовании эвенкийского языка, анализ языковых установок эвенкийского населения в отношении предпочтительных языков для будущих поколений позволяет оценить перспективы языковой трансмиссии в эвенкийских сообществах Якутии. Данные о приоритетах респондентов в вопросах языкового развития подрастающих людей дают важную информацию о векторах сохранения и передачи этнических языков в этих локальных контекстах, демонстрируя наличие устойчивого запроса на передачу этнического языка следующим поколениям.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в селе Иенгра, где 75% респондентов указали эвенкийский в качестве приоритетного языка для своих детей и внуков. Высокая значимость родного языка сохраняется во всех возрастных группах местного населения, достигая 85,19% среди представителей старшего поколения. Такие показатели свидетельствуют о крепких позициях эвенкийского языка в социокультурной жизни сельского сообщества и настрое на его активную передачу подрастающим членам сообщества.

Аналогичная картина наблюдается и в с. Тяня, где 61,18% респондентов расположили эвенкийский язык на первое место в списке желаемых языков владения их детьми и внуками. Хотя среди молодежи 17–30 лет этот показатель несколько ниже (40%), в средней (65,52%) и старшей (69,44%) возрастных группах эвенкийский по-прежнему выступает в качестве основного приоритета, что демонстрирует наличие прочной языковой традиции и готовность старших поколений к ее активной трансляции.

Несмотря на то, что в целом по Таймылыру лишь 26,09% респондентов указали эвенкийский в качестве приоритетного языка для своих детей и внуков, при подробном рассмотрении мы видим, что эта доля увеличивается среди представителей среднего (28,13%) и старшего (28,57%) поколений. Особенно важно, что даже в молодежной среде (17–30 лет) 14,29% респондентов отмечают эвенкийский язык как первоочередной для своих детей. Это демонстрирует наличие определенного интереса и запроса на владение эвенкийским языком подрастающим поколением, который при правильной поддержке может стать основой для его возрождения.

Безусловно, данные по Таймылыру представляют собой определенный вызов, указывая на необходимость целенаправленной работы по актуализации эвенкийского языка в этом сельском сообществе. Однако мы можем рассматривать их и как возможность, опираясь на устойчивость этнической идентичности, которая пусть и при некотором отдалении от языка, выступает важным ресурсом для его ревитализации. Значимость эвенкийского языка среди старших возрастных групп, а также сохраняющийся интерес молодежи свидетельствуют о наличии социокультурной почвы, на которой можно выстраивать программы и инициативы по возрождению и развитию родного языка в селе Таймылыр.

Тем не менее, в целом анализ языковых установок населения трех эвенкийских сел позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы дальнейшей трансмиссии эвенкийского языка. Несмотря на некоторые различия в языковых предпочтениях между селами, общая картина демонстрирует прочную основу для сохранения и передачи родного языка подрастающим поколениям. Высокая ценность родного языка, особенно среди старших возрастных групп, создает мощный социокультурный фундамент для ревитализации, сохранения и развития эвенкийского языка. Опираясь на этот прочный базис, можно и нужно предпринимать целенаправленные усилия по актуализации эвенкийского языка, особенно в молодежной среде. Как показывают исследования, проведенные в Туве и Бурятии, пока миноритарные языки имеют достаточную субъективную жизнеспособность и обладают высоким уровнем символической мощности, необходимо повышать уровень языкового самосознания молодежи, усиливать социальную значимость родного языка (Дырхеева, Цыбенкова, 2020: 71).

Более того, нельзя недооценивать огромный, зачастую скрытый потенциал родного языка, особенно для молодежи, чья языковая компетенция пока недостаточна. Как мы заключали ранее, рост глубинной мотивации и интереса к родному языку на индивидуальном и групповом уровне может действительно придать «второе дыхание» языкам коренных малочисленных народов Севера (Данилов, Игнатьева, 2022: 37).

Безусловно, требуется большая работа по популяризации эвенкийского языка, вовлечению подрастающих поколений в практики его использования и создания условий для его устойчивого функционирования. Однако существующий запрос и интерес со стороны местного населения, особенно старших возрастных групп, являются мощным ресурсом, который необходимо максимально задействовать.

Заключение

Таким образом, исследование выявило, что эвенкийский язык обладает высокой символической мощью, сохраняя свою значимость в эвенкийских сообществах, даже несмотря на разный уровень его витальности. Анализ показал ряд важных тенденций, отражающих трансформацию этноязыковой идентичности эвенков и их отношения к этническому языку в условиях неоднородной языковой ситуации.

Так, в селах с относительно высокой витальностью эвенкийского языка, таких как Иенгра и Тяня, он по-прежнему выступает одним из ключевых маркеров этнической принадлежности. В селах с давно утраченными навыками владения родным языком, таких как Таймылыр, акцент смещается к культурным и историческим аспектам идентичности. Однако, среди молодежи наблюдается возрождающийся интерес к этническому языку.

Изучение языковых установок эвенков Якутии демонстрирует наличие прочного социокультурного фундамента для ревитализации, сохранения и передачи эвенкийского языка подрастающим поколениям. Повышающийся интерес к эвенкийскому языку, в том числе среди молодежи, может служить основой для его возрождения.

Полученные результаты подчеркивают необходимость принятия целенаправленных мер по поддержке и развитию эвенкийского языка, особенно в среде подрастающего поколения. Наличие позитивных этноязыковых установок, имеющихся в эвенкийских сообществах Якутии, несмотря на различный уровень витальности этнического языка, является важным ресурсом для успешной реализации программ по его ревитализации.

Для сохранения и возрождения эвенкийского языка в эвенкийских сообществах Якутии необходим комплексный подход, включающий как институциональные, так и социокультурные меры. Это требует консолидации усилий органов власти, образовательных учреждений, общественных организаций и самих (не)носителей языка по всей республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биткеева, А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 38–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>
- Биткеева, А. Н., Вингендер, М., Михальченко, В. Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 18, № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Боргоякова, Т. Г., Покоякова, К. А. (2022) Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>
- Варламов, А. Н. (2022) Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск : Наука. 704 с.
- Данилов, И. А. (2022) Эвенкийский язык в селе Сьюлдыкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия): обратный языковой сдвиг? // Социолингвистика. № 2 (10). С. 174–192. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-174-192>
- Данилов, И. А., Игнатъева, В. Б. (2022) Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 4 (38). С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-27-40>
- Дырхеева, Г. А., Цыбеннова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Захарова, Н. Е., Захарова, А. Е. (2022) Содержание концепта «родной язык» в языковой картине мира современных долган Хатанго-Анабарского региона (социопсихолингвистический аспект) // Филология: научные исследования. № 12. С. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.12.39556>

Иванова, Н. И. (2022) Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

Игнатъева, В. Б. (1994) Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). Якутск : ЯНЦ СО РАН. 144 с.

Игнатъева, В. Б., Васильева, О. В., Томска, А. Г., Маклашова, Е. Г., Степанова, Ю. Г., Данилов, И. А. (2022) Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии. Новосибирск : Наука. 272 с.

Имеева-Кысылбаикова, М. И., Игнатенко, Л. А. (2023) Языковая ситуация в эвенкийском с. Иенгра: изменения в условиях языкового сдвига // Казанская наука. № 11. С. 237–239.

Казакевич, О. А., Будянская, Е. М., Евстигнеева, А. П., Коряков, Ю. Б., Мордашова, Д. Д., Покровская, С. В., Поливанов, К. К., Ренковская, Е. А., Халилова, З. М., Шейфер, К. О. (2022) Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания. № 4. С. 7–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47>

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2010) Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. № 2. С. 25–39.

Марфусалова, В. П. (2018) Эвенкийский язык. Якутск : ИД СВФУ. 132 с.

Мыреева, А. Н. (1993) Языковая ситуация и перспективы развития языка эвенков Якутии // Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы : сб. науч. тр. / отв. ред. М. М. Хатылаев. Якутск : ЯНЦ СО РАН. 98 с. С. 71–74.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2014) Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 136–151.

Сирина, А. А. (2012) Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М. : Восточная литература. 604 с.

Стручков, К. Н. (2009) Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы. Новосибирск : Наука. 120 с.

Стручков, К. Н. (2011) Социолингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС(Я) // Вестник Читинского государственного университета. № 2 (69). С. 38–44.

Стручков, К. Н. (2018) Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях // Теоретическая и прикладная лингвистика. Т. 4, № 2. С. 91–98. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98

Туголуков, В. А. (1985) Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. : Наука. 284 с.

Дата поступления: 23.07.2024 г.

Дата принятия: 26.08.2024 г.

REFERENCES

Bitkeeva, A. N. (2022) Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Bitkeeva, A. N., Vingender, M. and Mikhal'chenko, V. Yu. (2019) Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Iazykoznanie*, vol. 18, no. 3, pp. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

Borgoiakova, T. G. and Pokoiakova, K. A. (2022) Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–64 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Varlamov, A. N. (2022) *Sonngi Dulin Buga: ethnogenesis and ethnic history of the Evenks*. Novosibirsk, Nauka. 704 p. (In Russ.).

Danilov, I. A. (2022) The Evenki language in the village of Syuldyukar in Mirny district of the Republic of Sakha (Yakutia): a reverse linguistic shift? *Sociolinguistics*, no. 2 (10), pp. 174–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-10-174-192>

Danilov, I. A., Ignat'eva, V. B. (2022) The youth of indigenous minorities in the north of the Republic of Sakha (Yakutia): ethnolinguistic identity and linguistic behavior. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 4 (38), pp. 27–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-27-40>

Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Zakharova, N. E. and Zakharova, A. E. (2022) The Content of the Concept of “Native Language” in the Linguistic Picture of the World of Modern Dolgans of the Khatango-Anabar Region (Sociopsycholinguistic Aspect). *Philology: scientific researches*, no. 12, pp. 46–55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.12.39556>

Ivanova, N. I. (2022) The essence and peculiarity of the linguistic identity of the Sakha youth in contemporary sociocultural context. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 89–105 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.7>

Ignat'eva, V. B. (1994) *The national composition of the population of Yakutia (ethno-statistical study)*. Yakutsk, IaNTS SO RAN. 144 p. (In Russ.).

Ignat'eva, V. B., Vasil'eva, O. V., Tomska, A. G., Maklashova, E. G., Stepanova, Iu. G. and Danilov, I. A. (2022) *Identity, language and culture of the youth of the indigenous peoples of the North: the results of a study in Yakutia*. Novosibirsk, Nauka. 272 p. (In Russ.).

Imeeva-Kysylbaikova, M. I. and Ignatenko, L. A. (2023) The language situation in the Evenk village of Iengra: changes in the conditions of the language shift. *Kazanskaia nauka*, no. 11, pp. 237–239. (In Russ.).

Kazakevich, O. A., Budianskaia, E. M., Evstigneeva, A. P., Koriakov, Iu. B., Mordashova, D. D., Pokrovskaiia, S. V., Polivanov, K. K., Renkovskaia, E. A., Khalilova, Z. M., Sheifer, K. O. (2022) Language vitality scales and their applicability to specific language situations. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 4, pp. 7–47. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47>

Madiukova, S. A. and Popkov, Yu. V. (2010) Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 25–39. (In Russ.).

Marfusalo, V. P. (2018) *The Evenk language*. Yakutsk, ID SVFU. 132 p. (In Russ.).

Myreeva, A. N. (1993) The linguistic situation and prospects for the development of the language of the Evenks of Yakutia. In: *The small peoples of the North of Yakutia: state, problems: collection of scientific works* / ed. by M. M. Khatylaev. Yakutsk, YANTS SB RAS. 98 p. Pp. 71–74. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2014) Ethnosocial processes in Siberia: modern realities and topical issues of ethnonational policy. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 136–151. (In Russ.).

Sirina, A. A. (2012) *Evenks and Evens in the modern world: self-awareness, environmental management, worldview*. Moscow, Vostochnaia literatura. 604 p. (In Russ.).

Struchkov, K. N. (2009) *The functioning of the Evenk language in the field of education of the Republic of Sakha (Yakutia): status and prospects*. Novosibirsk, Nauka. 120 p. (In Russ.).

Struchkov, K. N. (2011) Sociolinguistic factors of the linguistic worldview of the Evenks in the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (69), pp. 38–44. (In Russ.).

Struchkov, K. N. (2018) Modern communicative culture of the Evenks from Ingra village. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika*, vol. 4, no. 2, pp. 91–98. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98

Tugolukov, V. A. (1985) *Tunguses (Evenks and Evens) Central and Western Siberia*. Moscow, Nauka. 284 p. (In Russ.).

Submission date: 23.07.2024.

Acceptance date: 26.08.2024

DOI: 10.25178/nit.2024.4.23

Статья

Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959–2021 гг.)

Рим М. Валиахметов

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Александра К. Ломанова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация,

Салават И. Абылкаликов

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ демографических траекторий Республики Башкортостан и Республики Татарстан — двух регионов России, обладающих схожими историко-культурными особенностями и социально-экономическим развитием, но демонстрирующих отличительные друг от друга демографические тенденции. В то время, как в Татарстане наблюдается устойчивый рост населения, обусловленный в том числе и миграционными потоками, Башкортостан испытывает демографический кризис.

Анализ фокусируется на исследовании различий в рождаемости, смертности и миграции, как в городской, так и сельской местности, посредством данных переписей населения и статистики, представленной Росстатом и ЕМИСС с 1959 по 2021 г. Особый акцент делается на взаимосвязи исследуемых процессов с развитием человеческого потенциала.

Результаты проведенной работы иллюстрируют, что более динамичный экономический рост, развитая городская инфраструктура и более высокие инвестиции в человеческое развитие в Татарстане способствуют его миграционной привлекательности и, следовательно, тенденциям роста численности населения. Параллельно с этим, в Башкортостане можно наблюдать менее благоприятные социально-экономические условия и более низкий уровень развития человеческого потенциала — все это ведет к оттоку населения и демографическому спаду в регионе.

Кроме того, исследование рассматривает взаимовлияние демографических изменений и развития человеческого развития, обращая внимание на наличие необходимости разработки специфических, характерных для региона, мер демографической политики, которые были бы направлены на воспроизводство человеческого потенциала и обеспечение демографической устойчивости региона. Поднимаются вопросы социально-экономического развития и институциональных факторов, влияющих на демографическое и миграционное поведение и развитие человеческого потенциала в регионах.

Ключевые слова: демография; миграция; Башкортостан; Татарстан; динамика населения; демографический баланс; человеческий потенциал; перепись населения; рождаемость; смертность

Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель — академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Ломанова А. К., Абылкаликов С. И. Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 360–376. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Ломанова Александра Константиновна — стажер-исследователь зеркальной лаборатории «Региональные трансфертные (межпоколенческие) счета» Института демографии имени А. Г. Вишневого Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., д. 3. Эл. адрес: alomanova@hse.ru

Абылкаликов Салават Ирғалиевич — кандидат социологических наук, ведущий специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: sabykcalikov@yandex.ru

Comparative analysis of demographic dynamics in the context of human development in Bashkortostan and Tatarstan (1959–2021)

Rim M. Valiakhmetov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Aleksandra K. Lomanova

HSE University, Russian Federation,

Salavat I. Abylkalikov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of demographic processes in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan — two regions of Russia. These republics have similar historical and cultural features as well as socio-economic development levels, but they exhibit contrasting demographic trends. While Tatarstan demonstrates steady population growth, partly driven by migration flows, Bashkortostan experiences demographic stagnation.

The analysis focuses on differences in birth rates, mortality rates, and migration patterns in both urban and rural areas, using data from population censuses and statistics provided by official statistics of Russia from 1959 to 2021. Emphasis is placed on the interrelation between these demographic processes and human capital development.

The results of the study show that Tatarstan's more dynamic economic growth, advanced urban infrastructure, and higher investment in human development contribute to its migration attractiveness and, consequently, its population growth trends. In contrast, Bashkortostan exhibits less favorable socio-economic conditions and a lower level of human capital development. These factors lead to population outflows from the region and demographic stagnation.

The authors also examine the mutual influence of demographic changes and human capital development, highlighting the need to devise region-specific demographic policies aimed at sustaining human capital and ensuring demographic stability. The article addresses issues of socio-economic development and institutional factors influencing demographic and migration behavior as well as human capital development in the regions.

Keywords: *demography; migration; Bashkortostan; Tatarstan; population dynamics; demographic balance; human capital; population census; birth rate; mortality rate*

Financing

The article is written within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (head is Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

For citation:

Valiakhmetov R. M., Lomanova A. K. and Abylkalikov S. I. Comparative analysis of demographic dynamics in the context of human development in Bashkortostan and Tatarstan (1959–2021). *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 360–376. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociology, Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076, Ufa, Russian Federation. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-8875-5197

LOMANOVA, Alexandra Konstantinovna, Research Assistant, Mirror Laboratory “Regional Transfer (Intergenerational) Accounts”, Vishnevsky Institute of Demography, HSE University. Postal address: 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky Per., 109028, Moscow, Russian Federation. E-mail: alomanova@hse.ru

ORCID: 0009-0001-2764-221X

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Leading Expert, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076, Ufa, Russian Federation. E-mail: sabylkalikov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3405-3867

Введение

Демографические процессы играют ключевую роль в формировании социально-экономического ландшафта любого региона, оказывая существенное влияние на рынок труда, систему здравоохранения, социальную инфраструктуру и общий уровень его развития. Более того, наблюдаемые демографические тенденции тесно связаны с развитием человеческого потенциала. Они могут определять доступность квалифицированной рабочей силы, уровень образования и здоровья населения, а также общую конкурентоспособность региона. В связи с этим сравнительный анализ наличествующих демографических трендов в регионах со схожими историко-культурными характеристиками и уровнем социально-экономического развития позволяет не только выявить специфические факторы, которые опосредуют демографические различия, но и понять, каким образом эти различия влияют на формирование и развитие человеческого потенциала. Республика Башкортостан и Республика Татарстан — два субъекта Российской Федерации, расположенные в Волго-Уральском регионе, представляют собой ценный объект для проведения такого сравнительного анализа.

Оба региона характеризуются многонациональным составом населения, схожими историческими траекториями развития, а также сопоставимым уровнем индустриализации и структуры экономики. Последняя включает в себя нефтедобычу и нефтепереработку, машиностроение и сельское хозяйство, что в равной степени справедливо для исследуемых регионов. Однако, несмотря на эти сходства, обе республики демонстрируют различия в уровне и динамике развития человеческого потенциала. Татарстан, как правило, обладает более высокими показателями в области образования, здравоохранения и инновационного развития, что может быть связано с более диверсифицированной экономикой, активным привлечением инвестиций и целенаправленной политикой развития человеческого потенциала (Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; Габдрахманова, Лаукарт-Горбачева, 2022; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022).

Несмотря на общие черты, динамика численности населения в Башкортостане и Татарстане демонстрирует заметные расхождения, особенно в последние десятилетия. В то время как Татарстан привлекает значительное число мигрантов и показывает устойчивый рост населения, Башкортостан сталкивается с демографической стагнацией, а в некоторые периоды — и с сокращением численности населения (Абылкаликов, 2020).

Изучение демографической динамики рассматриваемых в работе регионов в связи с развитием человеческого потенциала становится актуальным в свете общероссийских и общемировых демографических тенденций. Россия, как и многие развитые страны, столкнулась с проблемой снижения рождаемости, старения населения и, в большинстве регионов, депопуляции населения. В этих условиях миграция становится ключевым фактором, который определяет не только динамику численности населения и его половозрастную структуру, но и качественный состав населения, влияя на распределение человеческого потенциала по регионам (Coleman, 2006; Зайончковская, Тюрюканова, Флоринская, 2010). Понимание региональных особенностей миграционных процессов и их влияния на демографическую ситуацию и человеческий потенциал критически важно для разработки эффективных стратегий регионального развития, которые способствуют не только росту численности населения в целом, но и повышению его качественных характеристик.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ динамики численности населения и развития человеческого потенциала в Республиках Башкортостан и Татарстан за период с 1959 по 2021 гг., выявить ключевые факторы, обуславливающие демографические различия между регионами и их влияние на формирование и развитие человеческого потенциала внутри регионов. Для достижения поставленной цели были сформулированы такие задачи, как: проанализировать динамику общей численности населения, а также численности городского и сельского населения в Башкортостане и Татарстане на основе данных переписей населения и текущего учета, а также оценить вклад естественного и миграционного движения в изменение численности населения в каждом регионе; сравнить показатели развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане и выявить взаимосвязь между демографическими процессами, миграцией и развитием человеческого потенциала в обоих регионах.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что различия в динамике численности населения Башкортостана и Татарстана обусловлены прежде всего разной интенсивностью и направленностью миграционных процессов, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на

развитие человеческого потенциала в регионах. Несмотря на то, что вклад естественного движения населения хотя и важен, но играет второстепенную роль в формировании наблюдаемых диспропорций. Подтверждение этой гипотезы позволит углубить понимание региональных демографических процессов в России и их влияния на наиболее полное раскрытие человеческого потенциала, и разработать более эффективные меры региональной демографической и социально-экономической политики.

Данные и методы

Настоящее исследование опирается на широкий спектр достоверных и официальных источников данных, позволяющих провести комплексный анализ демографических процессов в Башкортостане и Татарстане. Кроме того, исследование стремится, насколько это возможно с учетом доступных данных, оценить и сравнить развитие человеческого потенциала в этих регионах. В качестве основных источников демографической информации были использованы данные переписей населения СССР (1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Российской Федерации (2002, 2010, 2021 гг.)¹. Переписи предоставляют собой наиболее полную и детальную информацию о численности и структуре населения, позволяя проследить долгосрочные демографические тренды. Следует отметить потенциальные ограничения используемых данных переписи 2021 года, связанные с пандемией COVID-19 и другими факторами, которые могли повлиять на полноту и точность сбора данных (Андреев, Чурилова, 2023). Вместе с тем, в национальных регионах последняя перепись населения является наиболее полной (Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023). Также использовались данные о естественном населении регионов РСФСР Демоскопа², Федеральной службы государственной статистики (Росстат)³ и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁴ о рождаемости, смертности, миграции.

Для обработки и анализа собранных данных был использован комплекс демографических и статистических методов. Метод демографического баланса позволяет оценить вклад естественного и миграционного движения в изменение численности населения. Общий прирост населения равен сумме естественного прироста (разница между числом родившихся и умерших) и миграционного прироста (разница между числом прибывших и выбывших).

Следует отметить, что данные по миграции на региональном уровне зачастую труднодоступны и подвержены корректировкам на основе результатов последующих переписей населения. Поэтому для оценки вклада миграционного компонента в динамику численности населения более надежным является метод демографического баланса, который позволяет отразить изменения численности населения за счет его отдельных компонентов за межпереписной период, используя данные переписей населения. В данном исследовании миграционный прирост рассчитывался косвенно, как разность между общим приростом населения и естественным приростом. Определенные погрешности могут вносить административно-территориальные преобразования (АТП), которые методологически сложно отделить от собственно миграционного прироста (Абылкаликов, 2021; Рыбаковский, 2024).

Для характеристики демографических показателей использовался анализ временных рядов и другие методы дескриптивной статистики. Также был проведен сравнительный анализ демографических показателей Башкортостана и Татарстана, который позволяет выявить сходства и различия в демографических трендах и оценить влияние специфических региональных факторов.

Исследование охватывает период с 1959 по 2021 г., что позволяет проследить демографические процессы в Башкортостане и Татарстане на протяжении более чем шести десятилетий, охватывая различные этапы социально-экономического развития, которые включают в себя послевоенный период,

¹ Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств (2024) [Электронный ресурс] // Демоскоп. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 04.08.2024).

² Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 гг. (2024) [Электронный ресурс] // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php (дата обращения: 04.08.2024).

³ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (2024) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) (2024) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 04.08.2024).

период т. н. «развитого социализма», переходный период 1990-х гг. и современный этап развития страны.

Дополнительно важно отметить тот факт, что концепция развития человеческого потенциала как объекта измерения и анализа получила широкое распространение лишь в 1990-х гг., после публикации первого Доклада о развитии человеческого потенциала Программы развития ООН (ПРООН)¹ (Ul Naq, 1995). Поэтому достоверная оценка и, соответственно, сравнение уровня развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане за весь рассматриваемый в данной работе период (с 1959 по 2021 г.) затруднены. В советский период сбор данных, необходимых для комплексной оценки человеческого потенциала, не проводился в полной мере. Кроме того, централизованная плановая экономика СССР существенно ограничивала региональные различия в уровне жизни, доступе к образованию и здравоохранению, что несколько затрудняет ретроспективный анализ. В связи с этим, более детальный анализ развития человеческого потенциала возможен только для периода после 1990-х гг., когда стали доступны более полные и сопоставимые данные, включая региональные оценки Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) и пришедшего на смену его дальнейшей модификации — Индекса человеческого развития (ИЧР).

Заметим, что Индекс развития человеческого потенциала для регионов России был впервые рассчитан и опубликован в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1998 г.² Отдельный также выпуск российского Доклада за 2006/2007 г. был посвящен особенностям развития человеческого потенциала в федеральных округах и регионах России. В нем наряду с аналитическими материалами содержатся и данные об Индексе развития человеческого потенциала по всем субъектам России. Подчеркивается то, что Республика Башкортостан, Республика Татарстан, а также Самарская область и Пермский край входят в первую группу регионов с развитой экономикой и социальной сферой³ (Валиахметов, Туракаев, Абылкаликов, 2023).

Первые российские Доклады о развитии человеческого потенциала разрабатывались в рамках сотрудничества Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова с ПРООН⁴. Начиная с 2014 г. ИРЧП/ИЧР для регионов России стали рассчитывать в Аналитическом центре при Правительстве РФ с 2014 г.⁵ (Римашевская и др., 2013).

Результаты

Период между первой послевоенной переписью населения и переписью 1970 г. характеризуется высокими показателями рождаемости, обусловленными послевоенным восстановлением населения и эффектом отложенного деторождения. За 1959–1970 гг. в Башкортостане естественный прирост составил 612,1 тыс. человек, а в Татарстане — 411,3 тыс. человек (таблица 1). Высокая рождаемость являлась общесоюзной тенденцией, связанной как с компенсацией демографических потерь военного времени, так и с общим улучшением условий жизни и повышением уровня медицинского обслуживания (Вишневский, 2006).

Несмотря на значительный естественный прирост, в период 1959–1968 гг. оба региона сталкивались с миграционным оттоком населения. В Башкортостане миграционная убыль составила 135,6 тыс. человек, а в Татарстане — 130,4 тыс. человек. Данный отток, вероятно, может быть объяснен связью с миграцией населения в крупные промышленные центры СССР, предлагавшие более привлекательные экономические возможности и перспективы карьерного роста, а также в активно развивающиеся регионы нового освоения (Зайончковская, 2000).

¹ Human Development Report 1990. United Nations Development Programme. New York: UNPD, 1990.

² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1998 / под. общей ред. Ю. Е. Федорова. М.: Права человека, 1998.

³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. Программа развития ООН (ПРООН), 2007.

⁴ Программа развития ООН в Российской Федерации. Годовой отчет 1999 г. ПРООН, 1999.

⁵ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/4758.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

Таблица 1. Демографический баланс Башкортостана и Татарстана в 1959–2021 гг., тыс. чел.¹
Table 1. Demographic balance of Bashkortostan and Tatarstan in 1959–2021, thousand people

Башкортостан	Категория населения	1959–1968	1969–1978	1979–1988	1989–2002	2003–2010	2011–2021	1959–2021
Общий прирост	Все население	476,5	26,2	106,2	161,0	-30,2	19,1	758,8
	Город	540,9	342,6	338,9	97,2	-182,7	68,5	1205,4
	Село	-64,5	316,4	-232,7	63,8	155,1	-49,4	-444,0
Естественный прирост	Все население	612,1	336,4	375,4	-24,7	-48,4	-42,3	1208,5
	Город	206,3	194,6	247,4	-15,8	-11,1	14,9	636,3
	Село	408,8	141,8	128,0	-8,9	-37,3	-57,2	575,2
Миграционный прирост и АТП	Все население	-135,6	-310,2	-269,2	185,6	18,2	61,4	-449,8
	Город	334,6	148,0	91,5	113,0	-171,6	53,6	569,1
	Село	-473,2	-458,1	-360,7	72,7	192,4	7,8	-1019,2
Татарстан	Категория населения	1959–1968	1969–1978	1979–1988	1989–2002	2003–2010	2011–2021	1959–2021
Общий прирост	Все население	280,8	314,2	192,4	123,7	9,8	218,3	1139,2
	Город	418,2	555,7	486,9	110,1	55,5	220,4	1846,8
	Село	-137,4	-241,5	-294,6	13,6	-44,7	-2,1	-706,6
Естественный прирост	Все население	411,3	245,8	281,9	-58,9	-68,2	18,7	830,5
	Город	151,9	185,0	261,4	-11,8	-18,0	76,9	645,3
	Село	259,4	60,8	20,5	-47,1	-50,2	-58,2	185,2
Миграционный прирост и АТП	Все население	-130,4	68,4	-89,5	182,6	78,0	199,6	308,7
	Город	266,3	370,7	225,5	121,9	73,5	143,5	1201,5
	Село	-396,7	-302,3	-315,1	60,7	5,4	56,1	-891,9

В этот период уже прослеживаются различия в динамике городского и сельского населения. В Башкортостане наблюдался значительный рост городского населения — на 540,9 тыс. человек, что свидетельствует об активном развитии городов и индустриализации республики. Сельское население, напротив, сократилось на 64,5 тыс. человек, что указывает на интенсивную миграцию из сельской местности в города. В Татарстане же урбанизационные процессы протекали еще более интенсивно: рост городского населения составил 418,2 тыс. человек, а сокращение сельского — 137,4 тыс. человек.

В десятилетие 1970–1979 гг. наблюдается снижение темпов естественного прироста населения в обоих регионах, что отражает общесоюзную тенденцию к снижению рождаемости, связанную с социально-экономическими изменениями, среди которых выделяются повышение уровня образования женщин, расширение их участия в трудовой деятельности, а также распространение модели малодетной семьи. В Башкортостане естественный прирост составил 336,4 тыс. человек, а в Татарстане — 245,8 тыс. человек. Одновременно с этим начинает проявляться дивергенция миграционных потоков.

В Башкортостане сохранялась тенденция к миграционному оттоку, который даже усилился по сравнению с предыдущим периодом и составил 310,2 тыс. человек. Это может свидетельствовать о сохраняющихся проблемах с занятостью населения, недостаточном уровне развития социальной инфраструктуры, а также о недостаточно высоком уровне жизни в республике по сравнению с другими регионами. В Татарстане, напротив, начинается период миграционного прироста, составившего 68,4 тыс. человек. Это указывает на более благоприятную социально-экономическую ситуацию в республике и, как следствие, возрастающую привлекательность Татарстана для переселения и закрепления здесь прибывших людей (Abylkalikov, 2016).

Различия в динамике городского и сельского населения в этот период, как можно наблюдать, усиливаются. В Башкортостане городское население выросло на 342,6 тыс. человек, тогда как сельское сократилось на 316,4 тыс. человек. В Татарстане городское население увеличилось на 555,7 тыс. человек, а сельское сократилось на 241,5 тыс. человек. Более высокие темпы урбанизации в Татарстане могут быть объяснены как миграционным приростом, так и более активным переселением сельских жителей в города, что может быть связано с более развитой промышленностью и лучшей инфраструктурой городских центров региона.

¹ Составлено авторами по данным текущего учета и переписей населения.

В 1979–1989 гг. наблюдается дальнейшее усиление различий в демографической динамике Башкортостана и Татарстана. Естественный прирост в Башкортостане, составивший 375,4 тыс. человек, по-прежнему превышает аналогичный показатель в Татарстане — 281,9 тыс. человек. Это различие может быть обусловлено рядом факторов, включая культурные особенности репродуктивного поведения, а также различия в возрастной структуре населения двух республик. Более молодой возрастной состав населения Башкортостана мог способствовать более высокому числу рождений (диаграмма 1).

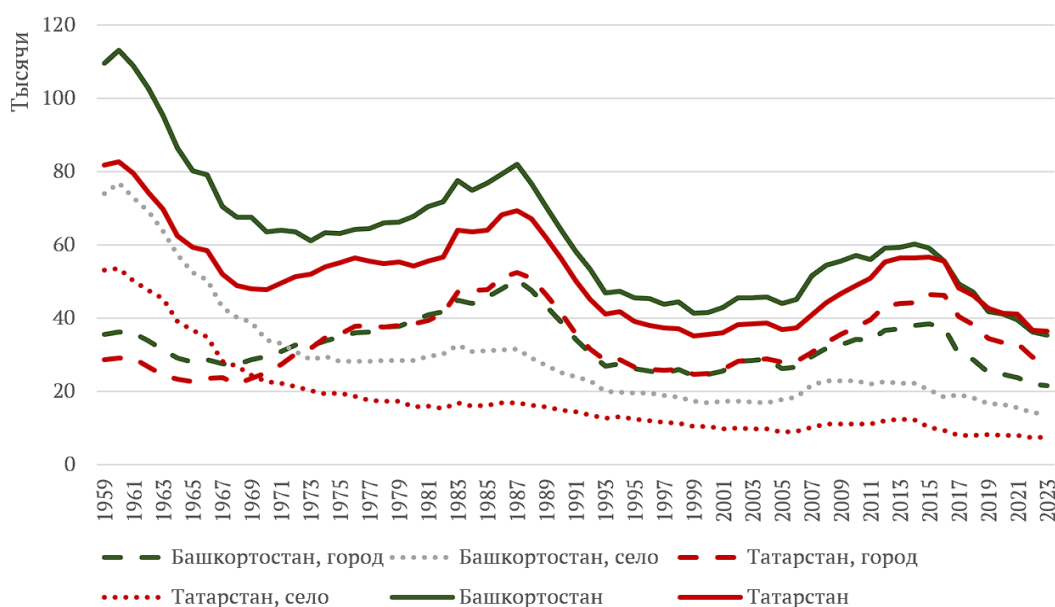

Диаграмма 1. Число родившихся в Башкортостане и Татарстане в 1959–2023 гг., тыс. чел.¹
 Figure 1. The number of people born in Bashkortostan and Tatarstan in 1959–2023, thousand people.

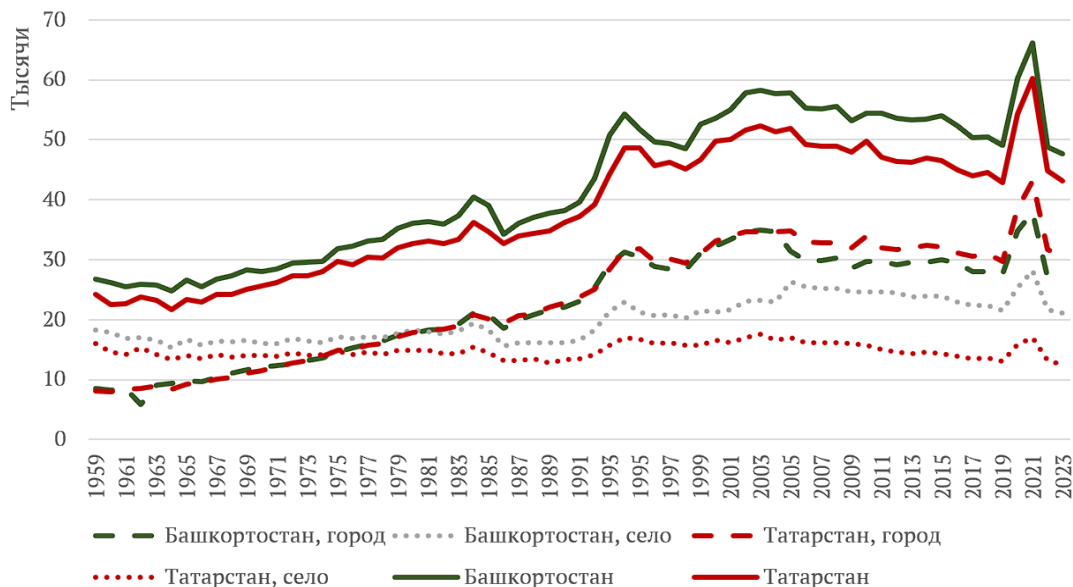

Диаграмма 2. Число умерших в Башкортостане и Татарстане в 1959–2023 гг., тыс. чел.
 Figure 2. The number of deaths in Bashkortostan and Tatarstan in 1959–2023, thousand people.

¹ Диаграммы 1 и 2 составлены авторами по данным текущего учета населения.

Однако, несмотря на более высокий естественный прирост, миграционные процессы играют все более важную роль в формировании общей демографической картины. В Татарстане миграционный прирост, хоть и отрицательный (-89,5 тыс. человек), значительно меньше миграционной убыли в Башкортостане (-269,2 тыс. человек). Городское население Татарстана выросло на 486,9 тыс. человек, значительно опережая рост городского населения Башкортостана (338,9 тыс. человек). Сокращение сельского населения в обоих регионах продолжалось, но в Башкортостане оно выражено сильнее (-232,7 тыс. человек против -294,6 тыс. человек в Татарстане). Это может быть связано не только с миграцией в города, но и с более активной политикой концентрации сельскохозяйственного производства, укрупнения сельских населенных пунктов и механизации сельского хозяйства в Татарстане.

Для межпереписного интервала 1989–2002 гг. становятся заметны демографический кризис и возрастающее значение миграции. Этот период охватывает сложные 1990-е гг., для которых были характерны глубокие политические и социально-экономические трансформации в России, негативно сказавшиеся на демографической ситуации во многих регионах, включая Башкортостан и Татарстан. В обоих регионах наблюдается переход от естественного прироста к естественной убыли населения: -24,7 тыс. человек в Башкортостане и -58,9 тыс. человек в Татарстане.

Снижение рождаемости и рост смертности, характерные для всей России в этот период, связаны прежде всего с экономической нестабильностью, резким снижением уровня жизни, ростом безработицы, ухудшением доступности и качества медицинского обслуживания, а также с ростом социальной напряженности в обществе. В этих условиях миграция становится важнейшим фактором, смягчающим демографический спад (Вишневецкий, Андреев, 2001).

В Башкортостане миграционный прирост составил 185,6 тыс. человек, а в Татарстане — 182,6 тыс. человек. Миграционные потоки в этот период во многом определяются экономическими факторами — поиском работы, более высокой заработной платы, лучших условий жизни. В обоих регионах продолжается рост городского и убыль сельского населения, что свидетельствует о продолжающейся урбанизации, хотя темпы этого процесса замедляются по сравнению с предыдущими периодами в связи с общим, как было упомянуто ранее, экономическим кризисом.

Период 2002–2010 гг. характеризуется углублением естественной убыли населения как в Башкортостане, так и в Татарстане. В Башкортостане она составила 48,4 тыс. человек, а в Татарстане — 68,2 тыс. человек. Это может быть связано как с отложенными последствиями социально-экономического кризиса 1990-х гг., так и с недостаточно эффективной демографической политикой в области стимулирования рождаемости и снижения смертности в тот период. Несмотря на реализацию ряда федеральных и региональных программ, направленных на поддержку семей с детьми, эти меры не смогли преодолеть негативные демографические тенденции.

Миграционные процессы в этот период продолжают различаться — Башкортостан сталкивается с низким миграционным приростом, составившим всего 18,2 тыс. человек, что усугубляет демографическую ситуацию в республике. В Татарстане, напротив, сохраняется положительный миграционный баланс (78 тыс. человек), что смягчает последствия естественной убыли. Такая дифференциация в миграционных потоках может быть объяснена различиями в темпах экономического развития, уровне доходов населения, а также в привлекательности регионов для инвестиций и создания новых рабочих мест.

При этом в Башкортостане наблюдался высокий общий прирост сельского населения (155,1 тыс. человек). Эта тенденция оказывается связана с административными преобразованиями, а именно с массовым переводом поселков городского типа в категорию сельских населенных пунктов в 2004 г., что затронуло около 3% от всего населения региона. Она заметно искажает оценку реальных миграционных потоков между городом и селом (Боголюбов, Закиров, 2021; Сафиуллин, 2022). В Татарстане же сохраняется тенденция к более интенсивному росту городского населения (55,5 тыс. человек) и убыли сельского (-44,7 тыс. человек) по сравнению с Башкортостаном (-182,7 тыс. человек и 155,1 тыс. человек соответственно, но с учетом административных изменений). Это подтверждает более высокую привлекательность городских центров Татарстана для населения.

В последний анализируемый период — в 2010–2021 гг. — наблюдалась некоторая стабилизация демографической ситуации в обоих регионах по сравнению с предыдущим этапом. Естественная убыль в Башкортостане снизилась до 42,3 тыс. человек, а в Татарстане — уменьшение было еще большим, до 18,7 тыс. человек. Это может быть связано с реализацией демографических программ, направленных

на поддержку семей и стимулирование рождаемости, в частности, с введением материнского капитала и других мер социальной поддержки, а также с общим улучшением социально-экономической ситуации в стране.

Однако ключевым фактором, определяющим динамику численности населения, остается миграция. Татарстан демонстрирует значительный миграционный прирост (199,6 тыс. человек), что свидетельствует о высокой привлекательности республики для мигрантов, как внутренних, так и внешних. Это явно вызвано более высоким уровнем экономического развития, наличием большего количества рабочих мест, более высокими заработными платами, а также развитой инфраструктурой и более высоким качеством жизни в целом. В Башкортостане миграционный прирост значительно меньше (всего 61,4 тыс. человек), что указывает на меньшую привлекательность Республики для мигрантов, по сравнению с соседями (Ахметова, 2022). Различия в динамике городского и сельского населения подтверждают эту тенденцию. Городское население Татарстана выросло на 220 тыс. человек, тогда как в Башкортостане — на 68,5 тыс. человек. Сельское население в обоих регионах продолжает сокращаться (но в Татарстане совсем незначительно, -2 тыс. чел), что свидетельствует о продолжающемся, хотя и замедлившемся, процессе урбанизации, а также высокой естественной убыли вследствие превышения числа смертей над числом рождений (диаграммы 1 и 2).

Таким образом, сравнительный анализ демографических изменений в Республике Башкортостан и Республике Татарстан за период с 1959 по 2021 г., основанный на данных переписей населения, выявляет достаточно интересные тенденции в динамике численности населения и степени урбанизации, а также значительные сдвиги в соотношении численности населения между двумя республиками. В Башкортостане общий прирост населения суммарно за 1959 по 2021 г. составил чуть менее 0,8 млн человек. За этот же период городское население увеличилось на 1,2 млн человек, в то время как сельское население сократилось на 0,5 млн человек. В Татарстане общий прирост населения был значительно выше — 1,2 млн человек. Рост городского населения в Татарстане составил почти 2 млн человек, хотя и сокращение сельского населения было большим — 0,7 млн человек.

В результате этого, если в 1959 г. население Башкортостана (3,3 млн человек) заметно превышало население Татарстана (2,9 млн человек), то к 2021 г. разница практически нивелировалась — население Башкортостана достигло 4,1 млн человек, а Татарстана — 4 млн человек (диаграмма 3). Во многом

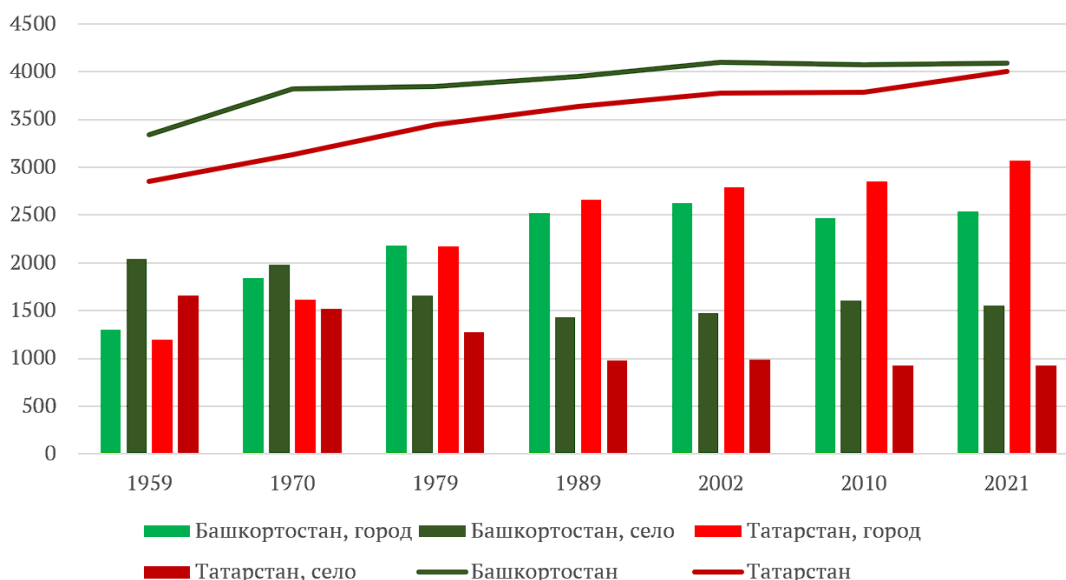

Диаграмма 3. Динамика численности населения Башкортостана и Татарстана по данным переписей населения, тыс. чел.¹
 Figure 3. Dynamics of the population of Bashkortostan and Tatarstan according to population census, thousand people.

¹ Составлено авторами по данным текущего учета населения.

сокращение разрыва и, затем, практически выравнивание численностей населения регионов произошло за счет более высокой миграционной привлекательности Татарстана по сравнению с Башкортостаном.

Анализ данных по ИРЧП/ИЧР за 1979–2019 гг. выявляет существенные различия в динамике развития человеческого потенциала между Татарстаном и Башкортостаном, тесно связанные с демографическими трендами (диаграмма 4). Эти различия, вероятно, играют важную роль во взаимном влиянии демографических процессов и уровня человеческого развития. Отметим, что эти оценки рассчитывались по отличающейся методологии и не совсем сопоставимы между собой. Тем не менее, они могут прояснить динамику развития человеческого потенциала с течением времени.

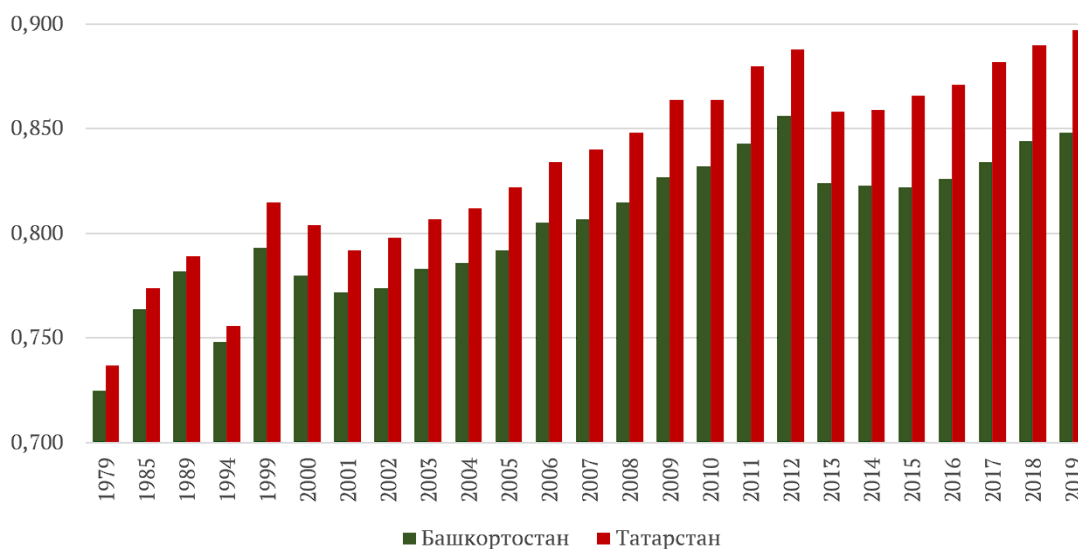

Диаграмма 4. Оценки ИРЧП/ИЧР для Башкортостана и Татарстана, 1979–2019 гг.¹

Figure 4. Estimates of the Human Development Index / Human Development Index for Bashkortostan and Tatarstan, 1979–2019.

¹ Диаграмма 4 и 5 составлены авторами по следующим докладам: Human Development Report 2001. United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/russianfederation2001en.pdf> (дата обращения: 04.08.2024); Human Development Report 2004. United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/russiafederation2004en.pdf> (дата обращения: 04.11.2024); Human Development Report 2005. United Nations Development Programme. New York: UNDP. [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/russianfederation2005en.pdf> (дата обращения: 04.09.2024); Human Development Report 2008. United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/nhdrussia2008eng.pdf> (дата обращения: 04.09.2024); Human Development Report 2009. United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/publications/848NHDR_2009_Russia_English.pdf (дата обращения: 04.09.2024); Human Development Report 2010 (2010). United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20220901040217/http://undp.ru/nhdr2010/Nationa_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf (дата обращения: 04.09.2024); Human Development Report 2011. United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20150716163522/http://www.undp.ru/documents/nhdr2011eng.pdf> (дата обращения: 04.09.2024); Human Development Report 2012 (2012). United Nations Development Programme. New York: UNDP [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20180127143221/http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf> (дата обращения: 04.11.2024); Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/4758.pdf> (дата обращения: 04.11.2024); Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/7198.pdf> (дата обращения: 04.09.2024); Индекс человеческого развития в России: региональные различия (2021) [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

В Татарстане наблюдается более высокий и стабильный рост ИРЧП/ИЧР на протяжении рассматриваемого периода (*диаграмма 5*), за исключением небольшого спада в 2013 г., объясняемого методологическими особенностями расчета индекса Аналитическим центром при Правительстве РФ. Эта позитивная динамика, вероятно, связана с более устойчивым социально-экономическим развитием республики и более эффективными инвестициями в человеческое развитие, что, в свою очередь, повышает миграционную привлекательность и способствует росту населения. Лидирующие позиции Татарстана в рейтинге регионов России по ИРЧП/ИЧР подтверждают высокий уровень развития человеческого потенциала и формируют положительную обратную связь, т. к. привлечение квалифицированных кадров способствует дальнейшему экономическому росту.

В Башкортостане, напротив, динамика ИРЧП/ИЧР характеризуется отставанием от Татарстана и более значительными колебаниями, что может свидетельствовать о меньшей стабильности социально-экономического развития и повышенной чувствительности к внутренним и внешним экономическим шокам. Это, вероятно, отрицательно влияет на миграционную привлекательность и усугубляет демографические проблемы, фиксируя Республику на куда более низких позициях в рейтинге по ИРЧП/ИЧР (*диаграмма 5*). Такое отставание в человеческом развитии может быть одной из причин низкого миграционного прироста и демографической стагнации, запуская отрицательную обратную связь, при которой отток населения ограничивает возможности для развития человеческого потенциала, снижая привлекательность региона.

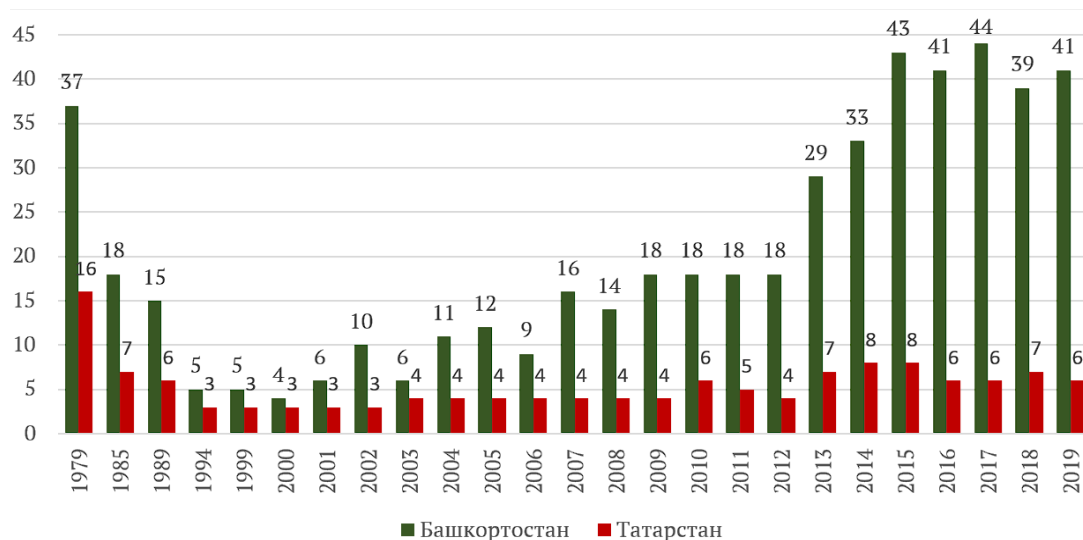

Диаграмма 5. Положение Башкортостана и Татарстана в рейтинге всех регионов России по ИРЧП/ИЧР, 1979–2019 гг.

Figure 5. The position of Bashkortostan and Tatarstan in the ranking of all regions of Russia according to the Human Development Index / Human Development Index, 1979–2019.

Стоит отметить, что Республика Башкортостан в начале 2000-х гг. была одним из немногочисленных лидеров по сбалансированному развитию основных показателей человеческого потенциала (Валиахметов, Бурханова, Хилажева, 2009). Эту закономерность в социально-экономическом развитии Республики обратили внимание также и известные исследователи в области регионального и человеческого развития (Саградов, 2003; Зубаревич, 2006). Однако в дальнейшем в Башкортостане происходила «разбалансировка» в развитии ключевых показателей человеческого развития и, соответственно, постепенная утрата лидерских позиций (Валиахметов, Баймурзина, Лавренюк, 2015).

Оценка компонентов ИЧР Аналитическим центром при Правительстве РФ за 2019 г. (последние доступные данные по ИЧР) подтверждает существенные различия между республиками¹. Более вы-

¹ Индекс человеческого развития в России: региональные различия (2021) [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf (дата обращения: 04.09.2024).

сокие значения индекса дохода (0,865), ожидаемой продолжительности жизни (0,864) и образования (0,967) в Татарстане по сравнению с Башкортостаном (0,785, 0,794 и 0,944 соответственно) свидетельствуют о более благоприятных условиях в Татарстане для развития человеческого потенциала, что влияет на миграционные потоки и экономический рост. В Башкортостане же более низкий уровень этих показателей может быть одной из важнейших причин негативных демографических тенденций.

Обсуждение

Результаты исследования выявили существенные различия в демографической динамике Башкортостана и Татарстана, несмотря на схожие историко-культурные характеристики и общий социально-экономический контекст. Как и предполагалось, миграция играет определяющую роль в формировании этих различий. Более того, как показал проведенный анализ, миграционные процессы оказывают существенное влияние на развитие человеческого потенциала в обоих регионах. Татарстан демонстрирует устойчивый миграционный прирост, привлекая население из других регионов России и стран ближнего зарубежья, в то время как Башкортостан сталкивается с миграционным оттоком, усугубляющим демографические проблемы (Валиахметов, 2015; Ахметова, 2022).

Более высокие темпы экономического роста и развитая городская инфраструктура Татарстана, особенно в столице региона — Казани, создают привлекательные условия для жизни и работы, притягивая квалифицированных специалистов и способствуя развитию человеческого потенциала. Это подтверждается исследованиями, показавшими корреляцию между уровнем развития инфраструктуры и миграционной привлекательностью регионов (Мухаметшин, 2021: Электр. ресурс; Гарафиев, 2022). Башкортостан, несмотря на развитую промышленность, отстает по некоторым социально-экономическим показателям, что может препятствовать развитию человеческого потенциала и снижать привлекательность региона для квалифицированных мигрантов (Туракаев, Баймурзина, 2022). Более высокая доля сельского населения в Башкортостане также может способствовать миграции в города, как внутри республики, так и за ее пределы, что может приводить к оттоку молодых и образованных кадров из сельской местности и негативно сказываться на человеческом развитии в этих районах (Абылкаликов, 2020).

Влияние демографических процессов на развитие человеческого потенциала прослеживается и в показателях рождаемости и смертности. Демографический кризис 1990-х гг., приведший к снижению рождаемости и росту смертности, негативно сказался на развитии человеческого потенциала в обоих регионах, однако в Татарстане последствия кризиса были частично смягчены благодаря положительному миграционному сальдо, привлекавшему молодое население. В Башкортостане же длительный период естественной убыли населения мог привести к старению населения и сокращению доли трудоспособного населения, что негативно сказывается на экономическом развитии и возможностях для развития человеческого потенциала.

Помимо экономических факторов, на миграционные решения воздействуют социальные, культурные и институциональные особенности регионов, которые также влияют на формирование и реализацию человеческого потенциала. Демографическая политика, направленная на поддержку семей и стимулирование рождаемости, также оказывает влияние, хотя ее эффективность в части развития человеческого потенциала может варьироваться в зависимости от региональной специфики и комплексности подхода (Vakulenko, Vasileva, Fadina, 2024).

Различия в динамике численности населения и уровне развития человеческого потенциала имеют долгосрочные социально-экономические последствия. Рост населения в Татарстане способствует развитию экономики и привлечению инвестиций. В то же время, необходимо учитывать потенциальные вызовы, связанные с быстрым ростом населения, такие как нагрузка на инфраструктуру и социальные службы, что может потребовать дополнительных инвестиций в развитие человеческого капитала для обеспечения высокого качества жизни и социальной стабильности (Сакаев, 2015; Миронова, Сафаргалина, 2016). В Башкортостане демографические проблемы могут привести к дефициту трудовых ресурсов и ускоренному старению населения, что может ограничить экономический рост и затруднить развитие человеческого потенциала в долгосрочной перспективе (Галин, Галина, Акмадиева, 2016).

К ограничениям исследования можно отнести то, что анализ миграционных процессов затруднен отсутствием детальной информации о характеристиках миграционных потоков, особенно если речь идет о послевоенном времени. В качестве возможного направления дальнейших исследований отметим необходимость более детального исследования влияния миграции на различные аспекты человеческого потенциала, такие как образование, здравоохранение и качество жизни. Необходимы дальнейшие исследования с использованием микроданных переписей, административных источников и выборочных обследований для более точной оценки масштабов и направлений миграции и ее влияния на человеческое развитие. Кроме того, важно учитывать пространственные факторы, влияющие на миграционные решения. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленное изучение факторов миграции с учетом региональной специфики и этнического состава, а также на анализ влияния демографических процессов на различные аспекты социально-экономического развития и, в частности, на человеческое развитие.

Заключение

В настоящем исследовании проведен сравнительный анализ демографической динамики Республики Башкортостан и Республики Татарстан за период с 1959 по 2021 г., уделяя особое внимание взаимосвязи демографических процессов и развития человеческого потенциала. Анализ данных переписей населения и текущей статистики позволил выявить существенные различия в демографических траекториях этих двух регионов, несмотря на наличие общих исторических, культурных и социально-экономических черт. Подтверждена гипотеза о том, что различия в интенсивности и направленности миграционных процессов играют определяющую роль в формировании наблюдаемых демографических диспропорций и оказывают существенное влияние на развитие человеческого потенциала в каждом регионе.

В Татарстане в последние десятилетия наблюдается устойчивый миграционный прирост, обусловленный более высокими темпами экономического роста, развитой инфраструктурой, более широкими возможностями для реализации человеческого потенциала, и более высоким общим уровнем жизни. Эти факторы создают благоприятные условия для жизни и работы, привлекая мигрантов как из других регионов России, так и из-за рубежа. Этот приток населения, потенциально обогащая республику квалифицированными кадрами, может способствовать дальнейшему экономическому росту и развитию человеческого потенциала. Однако, успешная интеграция мигрантов и предотвращение возможных социальных напряжений являются важными задачами для дальнейшего устойчивого развития региона.

В Башкортостане, напротив, миграционный прирост в последнее время значительно ниже, что свидетельствует о меньшей привлекательности региона для мигрантов и может приводить к оттоку квалифицированных кадров, особенно молодых специалистов. Это отставание, связанное с менее динамичным экономическим развитием, меньшими инвестициями в человеческий капитал, и более высокой долей сельского населения, усугубляет негативные демографические тенденции, связанные со снижением рождаемости и ростом смертности. Для Башкортостана первоочередной задачей является разработка и реализация мер, направленных на стимулирование экономического роста, создание новых рабочих мест, повышение качества жизни, а также на развитие человеческого потенциала через инвестиции в образование, здравоохранение и социальную инфраструктуру. Это позволит сделать регион более привлекательным для населения и предотвратить дальнейший отток квалифицированных кадров.

Оба региона пережили демографический кризис 1990-х гг., характеризующийся резким снижением рождаемости и ростом смертности. Этот кризис оказал долгосрочное негативное влияние на развитие человеческого потенциала в обоих регионах. Несмотря на некоторое восстановление рождаемости в последующие периоды, естественная убыль населения сохраняется как в Башкортостане, так и в Татарстане. Однако в Татарстане негативные последствия естественной убыли частично компенсируются миграционным приростом, тогда как в Башкортостане низкий уровень миграции усугубляет демографические проблемы.

Результаты исследования подчеркивают важность учета фактора человеческого потенциала при разработке и реализации региональной демографической политики. Необходимо не только стимулировать рост численности населения, но и инвестировать в развитие его качественных харак-

теристик, таких как образование, здоровье и квалификация. Для каждого региона необходим дифференцированный подход, учитывающий его специфику и особенности демографической ситуации. Дальнейшие исследования взаимосвязи между демографическими процессами и развитием человеческого потенциала позволят разработать более эффективные стратегии регионального развития и обеспечить устойчивый экономический рост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2020) Динамика численности населения Башкортостана и Татарстана: вклад миграции // Международный демографический форум: Материалы заседания, Воронеж, 22–24 октября 2020 / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифровая полиграфия. 982 с. С. 309–314.

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Андреев, Е. М., Чурилова, Е. В. (2023) Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. № 10(3). С. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Боголюбов, А. В., Закиров, И. В. (2021) Миграционное движение сельского населения Республики Башкортостан: актуальные тенденции // Географическая среда и живые системы. № 2. С. 30–45. DOI: <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2021-2-30-45>

Валиахметов, Р. М. (2015) Проблемы развития человеческого потенциала Республики Башкортостан // Социологические исследования. № 8. С. 50–55.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Лавренюк, Н. М. (ред.) (2015) Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Уфа : Восточная печать. 360 с.

Валиахметов, Р. М., Бурханова, Ф. Б., Хилажева, Г. Ф. (ред.) (2009) Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. Уфа : Восточная печать. 352 с.

Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С., Абылкаликов, С. И. (2023) Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 111–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>

Вишневский, А. Г. (ред.) (2006) Демографическая модернизация России, 1900–2000. М. : Новое издательство. 608 с.

Вишневский, А. Г., Андреев, Е. М. (2001) В ближайшие полвека население России может расти только за счет миграции // Мир России. Социология. Этнология. № 10(1). С. 179–186.

Габдрахманова, Г. Ф., Лаукарт-Горбачева, О. В. (2022) Человеческий потенциал Республики Татарстан в официальных документах и экспертных оценках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 70, С. 228–241. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/70/21>

Галин, Р. А., Галина, Л. Л., Акмадиева, Т. Р. (2016) Совершенствование демографической политики регионов в условиях новых социально-экономических вызовов // Вестник ВЭГУ. № 1. С. 28–39.

Гарафиев, И. З. (2022) Межрегиональные миграционные потоки как фактор развития человеческого капитала Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. № 4. С. 139–142.

Зайончковская, Ж. А. (2000) Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 1–15.

Зайончковская, Ж. А., Тюрюканова, Е. В., Флоринская, Ю. Ф. (2010) Миграция и демографический кризис в России. М. : Макс пресс. 112 с.

Зубаревич, Н. В. (2006) Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. М. : URSS: Изд-во ЛКИ. 251 с.

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Миროнова, А. А., Сафаргалина, Р. А. (2016) Демографическая нагрузка в городах республики Татарстан // Наука Красноярья. № 5(3–2). С. 86–94.

Мухаметшин, И. Р. (2021) Развитие Казани: синергия города и региона [Электронный ресурс] // Журнал Бюджет. № 3. С. 30–33. URL: <https://bujet.ru/article/419561.php> (дата обращения: 04.11.2024)

Римашевская, Н. М., Бочкарева, В. К., Мигранова, Л. А., Молчанова, Е. В., Токсанбаева, М. С. (2013) Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. № 3(61). С. 82–141.

Рыбаковский, О. Л. (2024) Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // Народонаселение. № 27(2). С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82>

Саградов, А. А. (2003) Человеческое развитие в России: региональные особенности // Человеческое и социальное развитие / под ред. В. П. Колесова, А. А. Тихомирова. М. : ТЕИС. 155 с. С. 61–77.

Сакаев, В. Т. (2015) Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии. № 2. С. 216–221.

Сафиуллин, М. Р. (2022) Городская система расселения республики Башкортостан: эволюция, проблемы и тренды // Геополитика и экогеодинамика регионов. № 8(2). С. 180–196.

Туракаев, М. С., Баймурзина, Г. Р. (2022) Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. № 26(6). С. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>

Abylkalikov, S. (2016) Migration activity and adaptation of Russian regional populations // Regional Research of Russia. № 6. P. 357–365. DOI: <https://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Coleman, D. (2006) Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // Population and Development Review. P. 401–446. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x>

Ul Haq, M. (1995) Reflections on human development. New York : Oxford University Press. XIX, 252 p.

Vakulenko E. S., Vasileva U. A., Fadina E. M. (2024) Review of regional maternity capital programmes in Russia 2011-2023. Population and Economics, vol. 8, no. 2, pp. 114–132. <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e115173>

Дата поступления: 12.09.2024 г.

Дата принятия: 20.10.2024 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2020) Dynamics of Population in Bashkortostan and Tatarstan: The Role of Migration. *International Demographic Forum: Proceedings of the Meeting, Voronezh, October 22–24, 2020* / Ed. by N. V. Yakovenko. Voronezh, Tsirovaya Poligrafiya, 982 p. Pp. 309–314. (In Russ.).

Abylkalikov, S. I. (2021) Specific Features of Demographic Development in Tuva: The Contribution of Migration to Demographic Balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Migration in Tuva Based on Data from the 2020 All-Russian Census. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Andreev, E. M. and Churilova, E. V. (2023) Results of the 2021 All-Russian Census in the Context of Current Population Statistics and Previous Censuses. *Demographic Review*, vol. 10, no. 3, pp. 4–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>

Akhmetova, G. F. (2022) Migration Processes in National Republics with Different Levels of Human Development (on the Example of Bashkortostan, Tatarstan, and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Bogolyubov, A. V. and Zakirov, I. V. (2021) Migration Trends in the Rural Population of the Republic of Bashkortostan: Current Tendencies. *Geographical Environment and Living Systems*, no. 2, pp. 30–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2712-7621-2021-2-30-45>

Valiakhmetov, R. M. (2015). Issues of Human Development in the Republic of Bashkortostan. *Sociological Studies*, no. 8, pp. 50–55. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baymurzina, G. R. and Lavrenyuk, N. M. (Eds.) (2015) *Labor, Employment, and Human Development. Human Development Report of the Republic of Bashkortostan*. Ufa, Vostochnaya Pechat. 360 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Burkhanova, F. B. and Khilazheva, G. F. (Eds.) (2009). *Republic of Bashkortostan. Human Development Report for 2008*. Ufa, Vostochnaya Pechat. 352 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Zariпов, A. Ya. and Turakaev, M. S. (2022) Challenges in Human Development in the Republics of the Russian Federation (Based on Expert Surveys in Dagestan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Valiakhmetov, R. M., Turakaev, M. S. and Abylkalikov, S. I. (2023) The Ethnic Factor in Human Development in Kalmykia and Tuva: A Comparative Analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 111–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia, 1900–2000*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo. 608 p. (In Russ.).

Vishnevsky, A. G. and Andreev, E. M. (2001) In the Next Half Century, Russia's Population Can Grow Only Through Migration. *Mir Rossii. Sociology. Ethnology*, no. 10 (1), pp. 179–186. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F. and Laukart-Gorbacheva, O. V. (2022) Human Development in the Republic of Tatarstan in Official Documents and Expert Assessments. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*, no. 70, pp. 228–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/70/21>

Galina, R. A., Galina, L. L. and Akmadieva, T. R. (2016). Improving Regional Demographic Policy Amid New Socio-economic Challenges. *Vestnik VEGU*, no. 1, pp. 28–39. (In Russ.).

Garafiev, I. Z. (2022) Interregional Migration Flows as a Factor in the Development of Human Capital in the Republic of Tatarstan. *Bulletin of Economics, Law, and Sociology*, no. 4, pp. 139–142. (In Russ.).

Zaionchkovskaya, Zh. A. (2000) Migration of the USSR and Russian Population in the 20th Century: Evolution Through Cataclysms. *Studies on Russian Economic Development*, no. 4, pp. 1–15. (In Russ.).

Zaionchkovskaya, Zh. A., Tyuryukanova, E. V. and Florinskaya, Yu. F. (2010) *Migration and Demographic Crisis in Russia*. Moscow, Max Press. 112 p. (In Russ.).

Zubarevich, N. V. (2006) *Social Development of Russian Regions: Problems and Trends of the Transition Period*. Moscow, URSS, LKI Publishing House. 251 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Research Field of Human Potential Studies in Tuva: Literature Review and Expert Opinions (2020–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Mironova, A. A. and Safargalina, R. A. (2016) Demographic Load in the Cities of the Republic of Tatarstan. *Science of Krasnoyarsk*, no. 5(3–2), pp. 86–94. (In Russ.).

Mukhametshin, I. R. (2021) Development of Kazan: Synergy Between the City and the Region. *Budget Journal*, no. 3, pp. 30–33 [online] Available at: <https://bujet.ru/article/419561.php> (accessed: 04.11.2024).

Rimashevskaya, N. M., Bochkareva, V. K., Migranova, L. A., Molchanova, E. V. and Toksanbaeva, M. S. (2013). Human Potential of Russian Regions. *Population*, no. 3(61), pp. 82–141. (In Russ.).

Rybakovsky, O. L. (2024) Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections. *Population*, no. 27(2), pp. 71–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-71-82>

Sagradov, A. A. (2003) Human Development in Russia: Regional Features. In: *Human and Social Development* / Ed. by V. P. Kolesov, A. A. Tikhomirov. Moscow, TEIS. 155 p. Pp. 61–77. (In Russ.).

Sakaev, V. T. (2015) Socioeconomic Development of the Republic of Tatarstan: Challenges of Demography and Migration. *Bulletin of Economics, Law, and Sociology*, no. 2, pp. 216–221. (In Russ.).

Safiullin, M. R. (2022) Urban Settlement System of the Republic of Bashkortostan: Evolution, Problems, and Trends. *Geopolitics and Eco-Geodynamics of Regions*, no. 8(2), pp. 180–196. (In Russ.).

Turakaev, M. S. and Baymurzina, G. R. (2022) Shift Work from the Perspective of Temporary Labor Migrants from Bashkortostan. *Problems of Territory Development*, no. 26(6), pp. 115–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>

Abylkalikov, S. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations. *Regional Research of Russia*, no. 6, pp. 357–365. DOI: <https://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Coleman, D. (2006) Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition. *Population and Development Review*, pp. 401–446. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00131.x>

Ul Haq, M. (1995) *Reflections on Human Development*. New York, Oxford University Press. XIX, 252 p.

Vakulenko, E. S., Vasileva, U. A. and Fadina, E. M. (2024) Review of Regional Maternity Capital Programmes in Russia 2011–2023. *Population and Economics*, vol. 8, no. 2, pp. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e115173>

Submission date: 12.09.2024.

Acceptance date: 20.10.2024.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор Б. Н. Гайдин.

№ 4, 2024

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/64>

Для иллюстрации обложки использована фотография А. Дамдин (Россия).

Подписано к публикации 28.11.2024 г.

Объем - 47,0 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia